

Кр. Т. 10 (2)
Б 649

ОСОБЫЙ ОСТРОВ

Александр БИРЮКОВ

КОЛЫМСКИЕ
ИСТОРИИ

19 12(8)
8649

Выпуск восьмой

АЛЕКСАНДР БИРЮКОВ

КОЛЫМСКИЕ ИСТОРИИ

4028861

Магаданская
областная библиотека
им. А.С.Пушкина

Абонемент

Магадан 2003

Автор вступительной статьи
кандидат исторических наук **А. И. ШИРОКОВ**

Художник **В. Н. МЯГКОВ**

*Издание осуществлено за счет благотворительного фонда
«Омолон» (Магадан). Издание книги безгонорарное.*

Б 64 Бирюков А. М.
Колымские истории / А. М. Бирюков; Вступ. ст. к. и. н. Широкова А.
И.; Худож. Мягков В. Н. - Магадан: ОАО «МАОБТИ», 2003. - 636 с.: ил.
(Особый остров; Вып. 8)

В документальных очерках и повестях, составляющих книгу, представлена наполненная неслыханным горем история дальстроевской Колымы. Ее героями стали заключенные, люди разных поколений, разных национальностей, представители разных социальных классов. Книга написана на основании архивных разысканий последних 15-ти лет.

ISBN - 5 - 12725

ББК 63.3(2)6

© Бирюков А. М., 2003
© Широков А. И., вступ. статья, 2003
© Мягков В. Н., оформление, 2003
© ОАО «МАОБТИ», 2003

ДО ВСТРЕЧИ В СВОБОДНОЙ СТРАНЕ...

Обращение к историческому прошлому нашей страны – всегда весьма сложное занятие. Особенно это замечание верно, с нашей точки зрения, для изучения советской истории, полной не только героизма и высочайшего мужества, но и небывалых драм и трагедий. И дело не только в том, что еще многие и многие документальные материалы остаются секретными и потому недоступными для исследователей. Трудность в другом – слишком недавняя это история, слишком явственно она живет в нашем сегодняшнем общественном и индивидуальном сознании, сформированном под гром барабанов строительства развитого социализма.

Услышать живой голос истории, живой голос Человека из совсем, кажется, недавнего прошлого удастся далеко не каждому. Здесь важно не поддаваться соблазну написать «исключительно так, как это было», дословно воспроизводя тексты исключительно официальных документов. С другой стороны, существует опасность создания собственного пьедестала, предназначенного только для того, чтобы с его высоты поучать других (в чем опять-таки явственно слышен барабанный бой «социалистического строительства»). Необходимо, думается, слышать современников, примерять свои мысли и достижения к их положениям и выводам. Именно тогда исторические исследования становятся феноменом, объединяющим, примиряющим людей, а не рвущим на части живую ткань общественного сознания.

И, наконец, для изучения даже недавней истории необходимо быть активным субъектом познания, стремящимся найти в прошлом ответы на мучительные вопросы современности, сколь бы сильно это прошлое ни давило на разум и чувства. В этом проявляется и личное мужество исследователя, ибо получаемые им ответы истории могут привести к коррекции, а иногда и к разрушению субъективно привычной картины мира, воспринятой и усвоенной на протяжении всей предыдущей жизни. Поэтому работа историка всегда сложна, ибо он как человек, как личность несет двойную тяжесть – груз прошлого и одновременно настоящего.

История Северо-Востока нашей страны XX столетия неразрывно связана с деятельностью «Дальстроя», определившей основные направления и особенности развития этой российской окраины. Образ «Дальстроя» в исторической литературе сейчас существенно меняется. За последнее десятилетие опубликовано много научных работ и источников, ставящих под сомнение апологетическое и героизированное представление о нем, безраздельно господствовавшее в историографии в течение длительного времени. Ибо успехи деятельности «Дальстроя» всегда сопровождалась шлейфом темной славы лагерных Колымы и Чукотки, ко-

торы в массовом сознании стали синонимом страданий и лишений тысяч и тысяч наших соотечественников и граждан других государств. Эта драматическая страница истории края долго являлась, да и является по инерции во многом сейчас одной из наиболее охраняемых¹.

Однако через идеологические рогатки люди лагерной Колымы прорывались к современникам и потомкам. В 1946 г. в Лондоне увидело свет издание «Темная сторона луны», состоящее из воспоминаний бывших колымских заключенных, а в 1949 г. в Вашингтоне была издана книга мемуаров Сильвестра Мора (Казимира Заморски) «Колыма – золото и принудительный труд в СССР» и т.д. Во время «реабилитанса» 60-х годов, в эпоху «Одного дня Ивана Денисовича», уже советский читатель получил возможность познакомиться, например, с повестью И. Гаращенко «Прописан на Колыме».

Позже были «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова, «Крутой маршрут» Е. С. Гинзбург и многие другие книги. Основанные на личных воспоминаниях, свидетельствах товарищей по несчастью, эти публикации не были научными работами. Такими они остались и сейчас, уже будучи подвергнутыми уточняющей критике. Но и сегодня не может не поражать сила духа и личное мужество их авторов, не сломавшихся и не испугавшихся в чрезвычайно сложных и грозящих новой опасностью условиях рассказать о своей судьбе. Они были людьми своего времени, любящими и ненавидящими, защищающими и обвиняющими, заблуждающимися и верящими... Они были и благодаря своим произведениям остались людьми во времени, «историческими людьми».

С этим связана уникальность предлагаемой читателю книги историко-публицистических очерков А. М. Бирюкова, которая в общем может быть представлена как галерея портретов «исторических людей». Не исторических личностей, чьи идеи и поступки решали судьбы сотен тысяч или миллионов, хотя с упоминаниями о некоторых из них можно встретиться на страницах «Колымских историй». Речь здесь идет о других, чьи судьбы так и остались бы неизвестными растворенными в амальгаме «строительства социализма» крупинками, если бы не многолетняя и многотрудная исследовательская работа А. М. Бирюкова.

Они очень разные, герои «Колымских историй». Это и выходцы из рабоче-крестьянской среды, и рожденные в профессорских семьях. Столь же разнятся герои Александра Бирюкова по уровню полученного образования – от начального до университетского. Различно их положение – кто-то прибыл на Колыму работать самостоятельно, кто-то в многочисленной череде колымских лагерных этапов. Различны и их доколымские судьбы: здесь находятся рядом и тяжелый крестьянский труд, и работа, например, в органах советской разведки и Профинтерна в Западной Европе. Нельзя не отметить особо и то, что среди этой галереи исторических портретов есть и судьба отца А. М. Бирюкова, уехавшего на Северо-Восток из Москвы, пережившего здесь тяготы ареста, следствия образца 1938 года и, наконец, освобождение, которое многим тогда казалось чудом.

Есть на страницах этой книги и другие герои. Несмотря на очевидную абсурдность выдвигаемых обвинений, они принуждали невинных людей давать призна-

¹ Об инерции мы упомянули не случайно: чиновник ведомственного архива, не найдя законных причин отказать исследователю в допуске к необходимым документам, заявил: «Публикацией этих сведений Вы опозорите НАШЕ ГОСУДАРСТВО!» (выделено нами. – А. Ш.). И документы не выдал. А произошло это не в 80-е годы прошлого века, а совсем недавно. Не можем не вспомнить здесь один из афоризмов Дж. Оруэлла: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее». В связи с этим возникает вопрос: кто же контролирует наше будущее?

тельные показания, не гнушаясь при этом использовать любые средства вплоть до «мер физического воздействия». Именно они «подчищали» полученные «признания», внося исправления в протоколы допросов, меняя совесть на погоны и звания, а человечность и справедливость на «служение исторической закономерности».

Они, повторимся, очень разные, герои «Колымских историй». Но есть несколько обстоятельств, которые все-таки делают их похожими. Все они жили в очень трудное время и, пусть в разной степени, испытали на себе трагедию переломной эпохи, тяжелым катком прокатившейся по ним. И второе. В их жизни была Колыма. У каждого – своя. Но именно Колыма 30 – 50-х годов объединила их судьбы в один драматический сюжет, кого-то оставив навсегда в мерзлой северной земле, а кому-то позволившая жить и нести этот страшный груз дальше.

Поэтому книга А. М. Бирюкова – не легкое чтение. Читатель, взявший ее в руки, должен приготовить себя к серьезному труду разума и души, чтобы вместе с автором расчищать картину описываемых событий от позднейших наслоений, внимательно и скрупулезно отделяя зерна от плевел.

В отношении «Дальстроя» писатель настойчиво и в течение многих лет употребляет термин, который уже вошел и в публицистический и в научный оборот – «Особый остров». Колыма действительно была «островом», связанным с далеким «материком» лишь морскими транспортными артериями, перекачивавшими сюда продовольствие, оборудование, необходимые материалы и, конечно же, «рабочую силу», разносившимися кровеносными сосудами автодорог по рудникам и приискам. В обратном направлении, как темная венозная кровь, текло золото, а позже и другие ценные виды минерального сырья.

Но этот остров был и особым – «не только символом обособленности, но именно особенности – «того, чего не было нигде», как отметил А. М. Бирюков¹. Ибо действительно трудно назвать организацию, полностью заменившую государственную власть (ставшую здесь, собственно, государством) на такой огромной территории: в начале 50-х годов «Дальстрой» контролировал территорию около трех миллионов квадратных километров. Нигде и никогда не существовало организации, имевшей такой бюджет, как «Дальстрой»; в 1948 г. его бюджет уступал только бюджетам Российской Федерации и Украины.

Это действительно было «отдельное государство» со своим руководителем – директором (позже – начальником), который подчинялся только высшему руководству страны, а на Колыме имел поистине диктаторскую, ничем не ограниченную власть. Магаданский прокурор-криминалист Б. А. Пискарев писал: «Собственная армия, собственные океанские пароходы, разветвленная система технического и продовольственного снабжения, следственный аппарат, разведка и контрразведка, военные трибуналы, политорганы, пресловутые «тройки» и даже собственные прокуроры – все это было в Дальстрое»². Можно говорить о том, что подобные организации существовали в 30 – 50-х годах на Севере СССР (Коми АССР, Норильский район), в Сибири (Енисейстрой). Но здесь же надо признать, что всем им было далеко до «маштабов» и «размаха» «Дальстроя».

Чем же было обусловлено его создание? Для решения архиважной для советского руководства проблемы форсированного создания мощной индустрии необ-

¹ См.: Бирюков А. Колымское триединство. Ч. 1 Последний Рюрикович. – Магадан: МАОБТИ, 2001. С. 180.

² Пискарев Б. Архив совести //Социалистическая индустрия. 1989. 7 октября.

ходимы были колоссальные средства на приобретение за рубежом технологий и оборудования.

10 августа 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопросы увеличения добычи золота и платины в СССР и рекомендовало заместителю наркома тяжелой промышленности и начальнику «Главзолота» А. П. Серебровскому представить конкретные предложения по решению этой проблемы¹. Именно поэтому Верхне-колымский район, где экспедиции С. В. Обручева, Ю. А. Билибина, В. А. Цареградского обнаружили значительные запасы золота, стал объектом пристального внимания советского руководства. Уже спустя десять дней (20 августа) Политбюро ЦК заслушало сообщение Наркомтяжпрома СССР Г. К. Орджоникидзе о добыче золота на Колыме. В результате была назначена комиссия в составе Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева и Я. Э. Рудзутака, получившая задание «разрешить вопрос от имени Политбюро»². 10 октября Политбюро вновь занималось проблемами увеличения золотодобычи на Северо-Востоке³.

И, наконец, 11 ноября 1931 г. оно принимает постановление «О Колыме», сохранившееся в одной из его «особых папок» как постановление Центрального Комитета партии, подписанное секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным. В целях форсирования золотодобычи в верховьях Колымы названный документ предписывал образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б), контроль за деятельностью которого был возложен на заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоду⁴.

Определяя приоритетные направления деятельности новой организации, постановление указывало прежде всего на то, что колымский трест обязан форсировать работы по постройке дороги от бухты Нагаева до прииска, одновременно ведя изыскания по трассе Якутск - Колыма⁵. Однако планировавшееся интенсивное дорожное строительство должно было способствовать решению важнейшей задачи треста, которая формулировалась следующим образом: «всемерно форсируя разведку по Колымским приискам использовать все возможности, способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, одновременно подготавливая базу для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов»⁶. Программа золотодобычи на Колыме, определенная советским руководством на последующее ближайшее время, была весьма напряженной: к концу 1931 г. - 2 тонны, в 1932 г. - 10 тонн, в 1933 г. - 25 тонн⁷.

За решением Политбюро, в соответствии с устоявшейся к тому времени системой партийно-государственного руководства, последовало принятие Советом Труда и Оборона 13 ноября 1931 г. постановления № 516 «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы «Дальстрой», в котором говорилось: «1. Организовать в непосредственном ведении Совета Труда и Оборона Государственный трест, именуемый

сокращенно «Дальстрой». 2. На «Дальстрой» возлагается: а. Разработка недр с добычей и обработкой всех полезных ископаемых края и б. Колонизация района разработок и организация всевозможных предприятий и работ в интересах успешного выполнения первой задачи»¹.

Позже, 4 марта 1938 года, СНК СССР постановил: «Передать в ведение Наркомвнудела СССР государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы («Дальстрой»), преобразовав этот трест в Главное Управление Строительства Дальнего Севера («Дальстрой»)»². Справедливо, на наш взгляд, оценивает это событие магаданский историк А. С. Навасардов, когда пишет: «Начиная с 1938 года, своеобразная туника лицемерия сброшена, Дальстрой введен в состав НКВД. Этот акт хорошо вписался в картину тех лет»³.

Лицемерие это заключалось в том, что в 1931 – 1937 годах трестом (т. е. в общем-то гражданской организацией) «Дальстрой» руководил профессиональный чекист Э. П. Берзин, а основными его рабочими стали заключенные Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря (лагерей) ОГПУ – НКВД – МВД СССР. Севвостлаг ведет свою историю с 1 апреля 1932 г., когда заместитель председателя ОГПУ СССР Г. Г. Ягода подписал приказ № 287/с о его организации⁴.

В сущности, это не было новинкой. Документы, опубликованные новосибирским ученым доктором исторических наук С. А. Красильниковым, свидетельствуют о том, что 13 апреля 1929 г. наркоматы юстиции и внутренних дел и ОГПУ обратились в СНК РСФСР с предложением: «Всех лиц, осужденных на срок от 3-х лет и выше, использовать для колонизации наших северных окраин и разработки имеющихся там природных богатств»⁵.

Создание системы концлагерей (позже их начали именовать исправительно-трудовыми), о которых пишется в упомянутом документе, и насыщение их «рабочей силой» постепенно стало реальным фактором жизни страны. Так, на 1 января 1930 г. во всех ИТЛ СССР содержалось 179000 человек, на 1 января 1935 г. – 725483, на 1 января 1937 г. – 820881 (среднесписочная же численность заключенных за этот год составила 994000 чел.). В 1938 году среднесписочная годовая численность подневольных работников в СССР уже уверенно перевалила один миллион, составив 1313000 человек, в 1939 г. – 1340000, а в 1941 г. – 1560000 человек⁶. Именно 1937 – 1938 годы, таким образом, стали временем наиболее быстрого насыщения «Архипелага ГУЛАГ» новыми этапами. В это число, конечно же, не вошли, десятки тысяч тех, кому была уготована судьба быть расстрелянными органами НКВД по месту осуждения. Думается, что наше общество еще долгое время будет открывать для себя страшные тайны, подобные печально знаменитому Колпашевскому яру (Томская область), где в 1975 году Обь, подмыв речной берег, обнажила огромное захоронение расстрелянных «врагов народа».

Количество заключенных в подразделениях УСВИТЛа также постоянно возрастало: 1932 г. – 9928 чел., 1935 – 44601, 1936 – 62703, 1938 – 93978, 1940 г. – 176685

¹ ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 1. Д. 47. Л. 129.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 22. Л. 246.

³ Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928-1940 гг.) // Краеведческие записки. Магадан, 1991. Вып. 17. С. 25.

⁴ См.: ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁵ Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). 1929 – 1930 гг. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 144.

⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1а.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 847. Л. 3.

² Там же. Д. 843. Л. 1.

³ Докладчиком по этому вопросу был И. В. Сталин. После обсуждения была образована комиссия Политбюро во главе с В. М. Молотовым (Г. К. Орджоникидзе, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин), в чьи задачи вошло составление конкретного постановления Политбюро. Там же. Д. 853. Л. 5.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 57.

⁵ Там же. Л. 58.

⁶ Там же. Л. 59.

⁷ Там же. Л. 57.

чел.¹ В годы войны численность заключенных снизилась в результате значительного сокращения их доставки с «материка», освобождения заключенных, а зачастую и высокой смертности подневольных работников в суровых условиях экономии всех видов продовольствия и ресурсов. Так, в 1944 г. численность «вольнонаемных» дальстроевцев впервые превысила численность заключенных. На четвертый квартал 1944 г. общее число работающих на предприятиях ГУ СДС НКВД составило 177200 человек, из числа которых за колючей проволокой находилось 80 тыс. человек². Однако в послевоенный период ситуация вновь «выровнялась». Таким образом, уже в начале своего существования «Дальстрой» стал, пусть и опосредованно, важным звеном советской карательной системы, советской карательной политики.

За 24 года своей деятельности «Дальстрой» охватил геологическим изучением территорию в 1,9 млн. кв. км; в целом на геологоразведочные работы за указанный период было израсходовано более 5,2 миллиарда рублей³. В результате проведения указанных работ выявлены крупные промышленные месторождения золота, олова и вольфрама, установлены рудопроявления свинца, цинка, ртути, молибдена и других редких металлов, а также выяснены геологические закономерности размещения этих металлов. В 1932–1956 гг. предприятиями «Дальстроя» было добыто 1187,1 т химически чистого золота⁴, 65,3 тыс. т олова в концентрате⁵, 2,85 тыс. тонн трехоксида вольфрама в концентрате⁶, 397,5 тонн кобальта в концентрате (в 1947-1955 гг.)⁷.

Не будет преувеличением сказать, что освоение месторождений минерального сырья и строительство на Северо-Востоке осуществлялось преимущественно руками заключенных. А. Г. Козлов приводит данные о том, что с 1932 по 1956 год в лагеря «Дальстроя» поступило 876043 заключенных. Из них 546972 человека выбыли по окончании срока лишения свободы, 127792 умерли, бежали 7877 человек, а остальные были переведены в другие лагеря страны⁸.

Таков в целом общий контекст исторической драмы, как вихрь закружившей героев книги А. М. Бирюкова, связавшей их лагерной и дальстроевской Колымой. Однако особое место в рамках этой эпохи занял 1938 год, время «ежовщины» или «большого террора», время, когда маховик репрессий, постепенно раскручивавшийся в первой половине 30-х, набрал максимальные обороты.

Жестокий 1938 год на Колыме фактически начался в декабре 1937-го, с приходом нового руководства «Дальстроя». 3 декабря 1937 г. Э. П. Берзин подписал приказ: «Сего числа убываю в командировку и отпуск. На время моего отсутствия временно исполняющим должность директора гостреста Дальстрой возлагаю на моего заместителя старшего майора государственной безопасности т. Павлова»⁹. Вместе с К. А. Павловым в Магадан прибыли: новый начальник Управления Северо-Восточного Исправительно-Трудового Лагеря НКВД полковник С. Н. Гаранин,

¹ ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 6. Л. 55.

² ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 34. Л. 250-251.

³ Там же. Д. 425. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 3, 10.

⁵ Там же. Л. 3. См. также: Ф. Р-23 сс. Д. 503. Л. 23-24.

⁶ Там же. См. также: Ф. Р-23 сс. Д. 503. Л. 25.

⁷ Там же.

⁸ См.: Козлов А. Г. Дальстрой как "комбинат особого типа" и его роль в освоении Северо-Востока России //

II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 28.

⁹ ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 26. Л. 137.

прокурор «Дальстроя» Л. П. Метелев, начальник политчасти треста Ю. М. Гаупштейн, заместитель руководителя треста комбриг А. А. Ходырев. Несколько позже приступил к исполнению своих обязанностей и начальник УНКВД по «Дальстрою» В. М. Сперанский.

А. А. Эдельберг, бывший колымский заключенный, вспоминал позже, что положение заключенных на Колыме стало резко меняться буквально спустя несколько дней после того, как «Дальстрой» в декабре 1937 г. возглавил старший майор госбезопасности К. А. Павлов. С 18 декабря 1937 г. были отменены все лагерные льготы, введен двенадцатичасовой рабочий день, восстановлены ночные работы и т. д. Результатом всех нововведений стало то, что, как отмечал А. А. Эдельберг, «... за зиму 1937-1938 гг. наш Штурмовой из почти обычного поселка превратился в настоящий концентрационный лагерь»¹.

Свидетельство А. А. Эдельберга подтверждается архивными документами. В конце 1938 - начале 1939 года заместителем начальника Северного горно-промышленного управления по лагерю И. П. Шебановым было отправлено письмо в адрес Хабаровского крайкома ВКП (б), в котором автор высказывал серьезную озабоченность выполнением «Дальстроем» плана золотодобычи 1939 года, если сохранятся методы руководства, применявшиеся администрацией в 1938 году. По его описанию, с приездом на Колыму нового руководства во главе с Павловым, под лозунгом «все на горные работы, все на выполнение плана основного производства» на прииски стали в максимально возможных количествах перебрасываться заключенные и вольнонаемные работники «Дальстроя». Одновременно почти все лошади были сняты с подсобных производств, с обслуживания лагерей, с транспортных перевозок и переброшены на вскрышу торфов². Неподготовленность лагерных подразделений к приему такого значительного количества людей, по мнению Шебанова, привела к катастрофическим последствиям - распространению болезней среди заключенных и резкому повышению уровня смертности в лагерях. В качестве причин этого автор письма называл общее истощение рабочих и массовые случаи обмороживания: «в иные дни на прииске умирало по 10-15 человек - прииски «Мальдяк» и «Нижний Ат-Урях»³.

Прежнее руководство «Дальстроя» было объявлено вредительским. Более того, первого директора треста Э. П. Берзина, арестованного 19 декабря 1937 г. на ст. Александров в 100 км от Москвы, обвинили в создании на Колыме «антисоветской, террористической, троцкистской, повстанческой, шпионской организации». В Магадане и в центральных районах страны прошли аресты почти всех бывших руководителей различных управлений «Дальстроя». В разное время подавляющее большинство их были расстреляны или умерли на следствии. Следователями центрального аппарата НКВД у Э. П. Берзина было выбито признание о его якобы участии в «заговоре», участниками которого «были» Г. И. Бокий, Я. Э. Рудзутак, Г. Г. Ягода, также уничтоженные в это время⁴. Заметим, что арестованный позже всесильный «железный нарком» Н. И. Ежов на следствии «признался» в целенаправленном срыве поставок необходимых материалов и оборудования на Колыму и в руководстве вредительством на предприятиях «Дальстроя»⁵.

¹ Цит. по: Сандлер А., Этлис М. Современники ГУЛАГа. - Магадан: Кн. изд-во, 1991. - С. 183.

² ГАМО. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 35. Л. 31.

³ Там же. Л. 33.

⁴ См.: Смолина Т. 13 томов из прошлого. Дело из архивов Омского УКГБ // Магаданский комсомолец. - 1990. - 17 июня.

⁵ См.: Показания Ежова // Воля. Журнал узников тоталитарных систем. - 1994. - № 2-3. - С. 93-94.

К событиям 1937 – 1939 годов на Колыме и обращается в большинстве «историй» А. М. Бирюков, демонстрируя свой особенный публицистический стиль, в котором сочетается юридический опыт и вкус к взвешенным, основанным на подлинных документальных материалах историческим исследованиям.

Кропотливо, шаг за шагом разворачивает писатель полотно деятельности печально знаменитой «московской бригады», зафиксированное в протоколах допросов, строках справок, отчетов, относящихся к различным сюжетам дела № 17777 (известного также как «берзинское»). Именно оно и связало в один узел, как и прежняя совместная работа, судьбы Густава Оттовича Лапина (приказом директора «Дальстроя» № 1 назначенного «заведующим автотранспортом»), Антона Густавовича Перна - Франца Максавича Фишера (тем же приказом назначенного заместителем заведующего строительным отделом по промышленному и жилищному строительству), Абрама Исааковича Геренштейна (несколько десятилетий своей жизни отдавшего развитию транспорта Колымы, начиная с 1932 года) и многих других.

Среди них был и отец Александра Михайловича – Михаил Антонович Бирюков, до ареста в мае 1938 г. работавший начальником судоремонтного завода № 2 и до ноября 1939 г. находившийся под следствием во внутренней тюрьме УНКВД по «Дальстрою». Можно, вероятно, говорить, что ему, как и А. И. Геренштейну, повезло. В ситуации своеобразной бериевской «оттепели» он, отказавшись от данных ранее показаний, был освобожден за недоказанностью обвинения.

При знакомстве с книгой нельзя не обратить внимания на слова А. М. Бирюкова, когда он пишет о том поколении, к которому принадлежал и его отец: «...многотысячного отряда людей, которые с юности, обрекая себя на лишения, строили новый мир, прекрасный и яростный, какого еще не было на земле. В борьбе, которая развернулась вокруг этого строительства, каждый из них едва ли не с равной вероятностью мог оказаться палачом или жертвой. И каждому из них это могло казаться неизбежным во имя собравшей их вместе великой цели».

Другая группа очерков, как публикуемых на страницах «Колымских историй», так и оставшихся за их пределами, но уже представленных автором в других изданиях, посвящена людям творческих профессий – журналистам, литераторам, ученым, чьих судеб также коснулось ледяное дыхание лагерной Колымы. Это Мария Юльевна Вернер (Грета Диамант), родившаяся в хорватском городке Вуковаре и посвятившая свою жизнь антифашистской журналистской работе в европейских странах; Александр Аркадьевич Дикгоф-Деренталь, драматург, автор либретто многих оперетт; его жена Любовь Ефимовна Деренталь (Эмма Ефимовна Сторз), родившаяся в Париже переводчица с французского и испанского, Д. П. Святополк-Мирский, известный литературный критик, Борис Александрович Грязных, журналист, редактор ряда уральских газет. Особо заметим здесь, что именно изучение судеб репрессированных представителей творческой интеллигенции является, пожалуй, самым важным и плодотворным направлением исторических исследований А. М. Бирюкова.

Думается, с нашей точки зрения, будет справедливой мысль, что среди испытаний, перенесенных представителями различных слоев российского (советского) общества, трагедия интеллигенции заслуживает особого места. Спорившая с царским режимом, обличавшая его, находясь в полной уверенности о возможности построения нового, справедливого мира, и, заметим, подвергавшаяся за это

преследованиям, российская творческая интеллигенция восприняла крушение царизма именно как начало новой эпохи.

Однако сколь велико было ее разочарование, когда она стала наблюдать крушение всех своих надежд. А. М. Горький уже в 1919 г. писал Г. Е. Зиновьеву в Петроград: «На мой взгляд, аресты ученых не могут быть оправданы никакими соображениями политики...»¹. Тем не менее репрессии против интеллигенции продолжались. XII Всероссийская партийная конференция, заслушав доклад Г. Е. Зиновьева «Об антисоветских партиях и течениях», приняла резолюцию, в которой прямо предусматривалось осуществление мер, «диктуемых революционной целесообразностью», т. е. применение «репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной интеллигенции», поскольку для них «подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием»².

«Философский пароход» 1922 года, на котором покинули Родину высланные властями наиболее известные представители российской интеллигенции, стал только одним из сюжетов драмы, пережитой отечественной наукой и культурой в XX столетии. Затем был целый ряд показательных процессов, которые, по нашему мнению, должны были указать интеллигенции ее место «в рядах строителей светлого будущего». Ее творчество отныне не могло быть просто творчеством, оно должно было *служить* (курсив наш. – А. Ш.) государству и политическому режиму, обеспечивать реализацию их идеологических функций. Стремившиеся выйти за очерченный круг красных флажков были обречены.

Советской пропагандой был создан образ СССР, который многими в мире оценивался как образец действительно справедливого общественного и государственного устройства. Некоторые, как, например, Лион Фейхтвангер («Москва. 1937») продолжали верить в это и убеждать других после поездок по нашей стране. Другие (Андре Жид, «Возвращение из СССР») приходили к глубокому разочарованию в том образе Советского Союза, который отставали на Западе до встречи с советской действительностью. Тем не менее из многих стран журналисты, писатели, ученые ехали в СССР, чтобы связать свою жизнь со строительством социализма. Большое их количество затем столкнулось с другими сторонами «созидания нового мира», оказавшись в разбросанных по всей стране лагерях.

Такова судьба одной из героинь «Колымских историй» Марии Юльевны Вернер (Греты Диамант), приехавшей в Москву летом 1935 года по вызову Профинтерна, арестованной в феврале 1937-го и в сентябре уже оказавшейся в Магадане. Затем в январе 1938 года – повторное осуждение и новый срок. Или несколько иной, но в целом похожий жизненный путь Д. П. Святополк-Мирского, вернувшегося из эмиграции на Родину, чтобы после нескольких лет плодотворной работы оказаться в качестве заключенного на Колыме и умереть здесь в июне 1939 года³.

Как образец мужества и несгибаемой стойкости представляется нам судьба Бориса Александровича Грязных, одного из самых ярких героев А. М. Бирюкова. Осужденный впервые в 1938 году за «контрреволюционную троцкистскую дея-

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 239.

² См.: Всероссийская партийная конференция. 4–7 августа 1922 г. Ярославль: Изд-во Ярославского губ. комитета РКП(б), 1922. С. 20–23.

³ О судьбе Д. П. Святополк-Мирского см. другую работу А. М. Бирюкова: Бирюков А. М. Колымское триединство. Ч. 1. Последний Рюрикович. Магадан: ОАО «МАОБТИ», 2001.

тельность», он пережил на Колыме еще три приговора, последний из которых датирован 19 апреля 1956 года. После освобождения по решению Комиссии Верховного Совета СССР и возвращения на родной Урал – новый арест и принудительное лечение в Казанской психиатрической больнице МВД СССР. Лишь в феврале 1960 года он вышел на свободу.

Теперь широко известно, например, содержание документов «Партии большевиков-ленинцев» во главе с М. Рютиным, пытавшейся бороться со Сталиным и погибшей в годы репрессий, или противостояние режиму многих тысяч троцкистов, разбросанных по самым суровым островам «архипелага ГУЛАГ». Но мужество Грязных, сопротивлявшегося в условиях, когда, казалось бы, сама мысль о сопротивлении была невозможной, не может оставить равнодушным любого читателя очерка «Безумный марш под знаменем Ленина».

Может быть, и в этой судьбе проявилось некое чудо, позволившее Б. А. Грязных выжить, ибо он считал себя и действительно был принципиальным противником «сталинского социализма», критиковавшим его с позиций «истинного ленинизма». Приводимые А. М. Бирюковым документы протокола допроса Грязных на заседании Военного трибунала 1951 года говорят (словами самого Бориса Александровича) о том, что уже с 1933 года он стал противником «неправильной политики партии».

Отбывая свой первый срок на Колыме, Б. А. Грязных в октябре 1941 года направил в Москву письмо с предостережением об опасности проводимого властями политического курса, адресатом письма был Центральный комитет партии. Не дождавись ответа, бывший журналист пишет «Заметки к письму ЦК», в которых констатирует: «СССР – страна государственного капитализма, по образцу правления относящаяся к категории фашистских стран».

Эти «Заметки...» стали настоящим катехизисом «политкаторжан-ленинцев» (в некоторых своих чертах схожим даже со знаменитым «Катехизисом революционера» С. Г. Нечаева) и одновременно беспощадной критикой «сталинщины» (термин Б. А. Грязных). После этого остается действительно только удивляться тому, что их автор остался в живых, в течение 22 лет сознательно борясь с режимом.

Здесь мы не можем не отметить еще одну черту творчества А. М. Бирюкова. Его исторические расследования в силу человечности автора, на что внимательный читатель, безусловно, обратит внимание, серьезно отличаются от некоторых работ, претендующих на научность и академичность. Писатель не идет исключительно за текстом документа, слепо доверяя его содержанию. Скорее, напротив, документ становится для него отправной точкой в раздумьях о сложности и противоречиях человеческой судьбы в условиях тоталитарного государства. Александр Михайлович общается со своими героями как с живыми собеседниками, не боясь выдвигать свои версии событий и обосновывать свое понимание того драматичного времени. Именно эта черта А. М. Бирюкова как исследователя ярко видна в рассказе о судьбе Б. А. Грязных, как, впрочем, и в других «Колымских историях».

Есть в предлагаемой сегодня книге А. М. Бирюкова и еще целый ряд колымчан 30–40-х годов. Сложные перипетии их биографий, где лагерная Колыма стала границей, разделив их на периоды «до Колымы» и «на Колыме», писатель анализирует в очерках «Заговор в бухте Амбарчик», «Остался один Ворошилов...», «Побег двадцати каторжников».

Эти люди не могли в массе своей похвастать университетским дипломом, какими бы то ни было успехами в творчестве или известностью в своей доколымской жизни. В основном по своему происхождению это – крестьяне. Среди них много украинцев, осужденных за сотрудничество с ОУН (организация украинских националистов). Подавляющее большинство осуждено за уголовные преступления по статьям УК РСФСР и УК Украинской ССР. Их много: в конце только очерка «Остался один Ворошилов...» Александр Михайлович приводит поименный список 49 человек, расстрелянных 28 декабря 1937-го и 15 января 1938 года за участие в восстании на командировке «Зеленый мыс» (23 ноября – 15 декабря 1937 года). Но всех их объединила не только печальная участь навсегда остаться на Колыме. Они стали участниками сопротивления ей, или подняв бунт, или бежав из своих лагерных подразделений.

Автор «Колымских историй» далек от огульной героизации своих персонажей. А. М. Бирюков пытается разобраться в тех далеких событиях, нарисовать *реальные портреты реальных людей* (курсив наш. – А. Ш.), выяснить те мотивы, которые толкнули их на совершенные ими деяния. Важно отметить, что вследствие этого писатель не проводит умозрительного (и во многом провокационного) разделения заключенных на «черную» и «белую» кость, отдавая свои симпатии так называемым «политическим» (осужденным по различным пунктам ст. 58 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик) и пренебрегая так называемыми «уголовниками», «бытовиками». Действительно, подавляющее большинство заключенных на Колыме и Чукотке 30 – 40-х годов относилось к этой второй из указанных нами категории.

Однако, как нам представляется, здесь необходимо учитывать и еще одно важное обстоятельство. Преступность вообще и уголовная в частности – явление социальное. Уровень ее зависит от степени устойчивости и стабильности всего комплекса общественных отношений, где действие права, закона направлено на их гармонизацию, на достижение компромиссов между различными социальными группами, с одной стороны, и общества и государства – с другой. Именно социальная среда порождает преступность, если не считать достаточно редких случаев патологий, в том числе и психиатрического характера.

Человеку, хотя бы отрывочно знакомому с российской уголовной статистикой – дореволюционной и послереволюционной, – становится очевидным то, что сразу после революции в нашей стране начался рост уголовной преступности. Он имел свои спады (например, в относительно спокойные 20-е) и свои резкие подъемы (в начале 30-х, во второй половине 40-х годов), но фактом остается то, что дореволюционная Россия не знала такого «разгула» деятельности уголовников.

Мы можем констатировать, что у советского государства и законодателя отсутствовало стремление к гармонизации общественных отношений в первые послереволюционные годы в ситуации гражданского противостояния, когда мерилом всего стал «классовый подход». Иначе как мы должны оценить действия государственной власти, уже первой же своей Конституцией (1918 года) лишившей около 5,5 миллиона человек большей части гражданских прав исключительно на

основании классового подхода? Это очевидно также, если знакомиться с первой попыткой кодификации уголовного законодательства – «Руководящими началами по уголовному праву РСФСР» 1919 года. Природу советского уголовного законодательства 1917 – 1921 годов можно отчасти считать оправданной, несмотря на то что оно нарушало все постулаты уголовного преследования, – государство защищалось и стремилось выжить в суровых условиях гражданской войны.

Уголовная преступность во время НЭП явно снизилась: экономические реформы несколько стабилизировали общественные отношения. Тем не менее уже на рубеже 20 – 30-х годов она вновь стала расти. Причины очевидны: индустриализация СССР в качестве своей составной части имела коллективизацию сельского хозяйства, призванную обеспечить решение проблемы накопления средств за счет деревни. Миллионы людей (кулаков и подкулачников) в результате действий властей были выброшены из стабильной жизни, лишены средств к существованию. Колоссальный рост экспорта хлеба за границу привел в 1932 году российскую, и не только, деревню к такому голоду, какого дореволюционная Россия не знала. Нехватка самого необходимого и отсутствие законных путей его приобретения толкало огромное количество крестьян (да и рабочих, впрочем, – в городах действовала карточная система распределения продуктов) к хищениям, усиливала социальное противостояние.

Не случайно именно в этой обстановке ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 года принимают постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В этом документе за хищение (воровство) грузов на железнодорожном и водном транспорте, а также за хищение колхозного и кооперативного имущества предусматривалась высшая мера наказания – расстрел, который при наличии смягчающих обстоятельств мог быть заменен лишением свободы на срок не менее десяти лет с конфискацией имущества. Для охраны колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны «кулацких»¹ элементов применялась санкция в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с заключением в концентрационный лагерь. Особо отметим, что амнистия для осужденных по этому постановлению была невозможной².

Таким образом, само государство своей по сути провокационной политикой сначала делало неизбежным рост правонарушений со стороны населения, а затем, осудив «преступников», использовало их труд для «освоения» далеких окраин. Представляется, что аналогичная ситуация возникла и в 1947 году, когда наиболее зернопроизводящие районы постиг голод и государство вновь «позаботилось» о сохранности своего имущества³.

¹ Важно отметить, что юридического толкования понятий «кулак» и «подкулачник» в то время не существовало. Отношение граждан к этим категориям проводилось местными властями на основании «революционного правосознания».

² См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. М.: Госюриздат, 1953. С. 335 – 336.

³ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. М.: Госюриздат, 1953. – С. 430 – 431.

Провозглашавшийся «исправительно-трудовой» характер уголовной репрессии, исходивший из утопического революционно-романтического представления об исправительном характере труда, с нашей точки зрения, не был эффективным. Напротив, он порождает недоверие, а часто и ненависть у многих заключенных, лишенных по вине государства семьи, работы, нормальной жизни. Может быть, именно поэтому определенная часть заключенных уже в лагерях становилась уголовниками в классическом понимании этого термина – убийцами, насильниками и пр.

Не случайно, как пишет А. М. Бирюков, опираясь на слова магаданского прокурора В. С. Ильяшенко, в сложных производственно-политических и морально-психологических условиях командных перегибов и произвола администрации важнейшей причиной упоминавшегося восстания на командировке «Зеленый мыс» стал слух о том, что в СССР произошел контрреволюционный переворот, началась война с Германией и Японией, войска которой движутся на Колыму. Поэтому администрация лагкомандировки готовит массовый расстрел заключенных. Здесь и проявилось глубокое недоверие заключенных к администрации, что нашло свое отражение в приводимом писателем тексте их листовки. Говорить о реальности исправления трудом, по нашему мнению, в этой ситуации не приходится.

Поэтому можно, думается, считать значительную часть советских уголовников также жертвами всемогущего социалистического «Левиафана» - государства, а их судьбы - похожими в целом на судьбы так называемых «политических».

Мирон Маркович Этлис, испытавший тяготы жизни в лагере, однажды вспомнил случай, произошедший в августе 1953 года, уже после смерти Сталина, в Челябинской пересыльной тюрьме. На этап вызвали старосту камеры. Им, кажется, был представитель еще дореволюционного поколения российских революционеров Эфрон. Собрав нехитрые пожитки, этот пожилой человек двинулся к двери. Но, остановившись у порога, повернулся к обитателям камеры и, сняв линялую кепочку, помахал ею на прощание, сказав: «До встречи в свободной стране!». В ответ около 150 человек, находившихся в огромной пересыльной камере, грохнули хохотом...

Действительно, долгие годы до смерти Сталина, да и после нее, понятие «свобода», во всех его смыслах, трактовалось режимом исходя из политической конъюнктуры, но всегда на основе неизменных идеологических установок. Ярким примером здесь может служить расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске в 1962 году, когда рабочие выступили против повышения цен на продукты питания. А ведь произошло это событие в эпоху, символом которой стал XX съезд партии и последовавшая политическая реабилитация. Поэтому, думается, у наших соотечественников свобода (в самом общем ее толковании) могла либо определяться границами, обозначенными властями, либо вызывать хохот, как это случилось в камере Челябинской пересылки.

Книга «Колымские истории» Александра Михайловича Бирюкова обязательно найдет своего читателя. Читателя вдумчивого и внимательного. Читателя, нерав-

нодушного к нашей собственной истории. Ибо именно она является одним из исследуемых писателем феноменов, составляющих, на наш взгляд, также своеобразное триединство: «история - историческое время - исторический человек». Именно к большой истории обращается автор «Колымских историй», пытаясь в ее недрах найти противоядие попыткам оправдать насилие на том основании, что «время было такое». Это глубоко нравственное стремление Александра Михайловича обращено даже не к прошлому, а к нашему настоящему и будущему.

Хочется надеяться, что наше будущее будет много лучшим, чем наше настоящее и наше «непредсказуемое» прошлое. Что путь, выбранный нашей страной, сколь бы тяжелым он ни был, приведет нас к достойной и полноценной жизни. Поэтому, представляя вниманию читателей «Колымские истории» А. М. Бирюкова, скажем, обращаясь к нам - пожилым и молодым: «До встречи в свободной стране!»

А. И. ШИРОКОВ,
доцент, кандидат исторических наук

*И вообще, для чего мы живем?
Определенно мы живем не для того,
чтобы разбогатеть, нашей целью не
является философское просвещение
или надежда на вечное спасение, нет
и еще раз нет... Мы живем ради дока-
зательства, сэр. Именно так. Мы
готовы отдать все на свете, чтобы
иметь на руках факты, документи-
рованные факты. Лавры, которые мы
хотели бы стяжать, - это лавры
Всеведующего.*

Е. Л. Доктороу

1028861

**Магаданская
областная библиотека
им. А.С.Пушкина**

Колымская трасса – Магадана душа?

Что за чудик придумал эти странные слова? Сразу и не вспомнишь. А главное, что он хотел сказать? Ну как трасса – это такое прихотливое (ведь ухаживать за ней надо круглый год!), тысячеверстное сооружение, впитавшее в себя мучительный труд ее строителей, отвагу и усталость шоферов, тысячи трагических случайностей и миллионы ежесекундных побед, может ассоциироваться с чем-то эфемерным?

При чем здесь, скажите, душа Магадана?

А какой вообще бывает душа? Ну хотя бы по словарю: доброй, светлой, нежной, чистой, грязной, мелкой (тогда – душонка), подлой, корыстной – едва ли не всякой.

И душа Магадана, шестидесятилетнего старца, присевшего в горестном раздумье на берегу пустой, как разбитое корыто, Нагаевской бухты (как не вспомнить почти 830 тыс. т грузов, доставленных сюда за одну навигацию 25 лет назад), вместила в себя немало из перечисленного. И, наверное, думает он, озирая пустынный горизонт: «Чем же я теперь эту чертову старуху Трассу кормить буду, если скоро и самому ни прокормиться, ни обогреться?..»

Но ведь постарается, конечно (а тут, может, и новорожденная Зона золотой рыбкой обернется), потому что его старуха – это уже давно живой отросток его собственной, не менее противоречивой души, раскидистый куст, на котором некогда зрели-наливались горько-сладкие плоды: прииски и заводы, поселки и кладбища... Куда от них теперь деться?

А вот отца родного у трассы нет. Нет такого человека, про которого можно было бы определенно сказать: вот он, автор проекта!.. он ее изыскал и прихотливой ленточкой проложил сквозь колымские дали... Нету такого. Но есть два имени, которыми, как главными вехами, отмечены в середине тридцатых ее старт и финиш – бухта Нагаева и Среднекан. Первый – пред-

седатель Ольского районного Совета Петров (еще в августе 1928 года он опубликовал в "Тихоокеанской звезде" пророческую статью "Бухта Нагаева должна быть порт-базой"). И начальник Первой колымской экспедиции геолог Билибин, получивший в том же году данные о наличии промышленных запасов золота.

Два первых имени – две вешки. Но вспомним, что к Среднекану отряд Билибина двигался тропой, проложенной караванами ольского купца Калинин, – стало быть, и его следует отнести к числу изыскателей. А сверх того, к верховьям Колымы вела Билибина знаменитая карта неукротимого исследователя, счастливец и неудачник Розенфельда – как же его не упомянуть?.. И потом, когда экспедиция Билибина закончилась и ее отряды возвращались разными маршрутами, отыскивая самый короткий путь к побережью, геологу Цареградскому удалось найти лучший. Вот и еще одно имя.

Год спустя участник уже Второй колымской экспедиции геодезист Казанли определил точные координаты билибинской "вешки" и тем самым сразу "сократил" протяженность будущей трассы на 200 км. Вот вам и шестое имя.

А ведь была еще экспедиция управления "Крайдортранс" во главе с инженером Богдановым, обосновавшаяся на берегу Нагаевской бухты в 1930 году. Седьмое имя.

Весной 1932 года отряд Василия Кузнецова, который тоже называют первым, вел изыскания трассы по направлению к Палатке. Восьмое имя.

Когда осенью 1933-го, уже в середине августа, проторчав в Нагаево около двух самых ценных летних месяцев (как тут не вспомнить знаменитое "ольское сидение" участников Первой колымской экспедиции!) в ожидании специалистов, оборудования и более всего лошадей, отряд Николая Кутузова (вот вам и девятое имя!) двинулся к своей исходной точке – к Оротукану, чтобы отсюда вести трассу на Среднекан; дорожные работы на отдельных участках уже шли вовсю, а до Палатки был обеспечен автомобильный проезд.

С именами первостроителей историкам повезло больше – тут, вроде бы, больше ясности. В 1933 году Управление дорожного строительства возглавил В.Д.Мордухай-Болговский, соратник Берзина еще по Вишере. Как "потомственный аристократ" оказался на одной из ударных строек, подведомственных ОГПУ,

догадаться, видимо, несложно. В 1935 году на должность начальника УДС был назначен И.В.Запорожец, бывший зам. начальника УНКВД по Ленинградский области, осужденный вслед за убийством Кирова.

В указанную историческую ясность вносят некоторое замутнение воспоминания В.П.Артемьева (Вл.Андреева), военнотружущего, якобы находившегося на Колыме в середине тридцатых годов, впоследствии "власовца" и эмигранта. Эти воспоминания, хранящиеся в Гуверовском институте (США), опубликовал и прокомментировал известный историк Н.Я.Эйдельман, сообщив при этом, что Андреев – большой знаток в своем деле и в чем-то, может быть, единственный свидетель (журнал "Наука и жизнь", 1990, №11).

"Показания" В.Андреева содержат большое число неточностей (по количеству добывавшегося в то время золота, в части потребностей тогдашнего Дальстроя в рабочей силе и т.д.). Но самое занятное, что описывая встречу со своим героем (а очерк назван его фамилией – "Медведь") в пос. Урутукан (?), что в 350 км от Магадана (видимо, Оротукан), в котором якобы находилось управление дорожного строительства, автор уверяет нас, что этот Медведь, бывший начальник Ленинградского УНКВД, и является начальником УДС, в то время как названный им Ф.Д. Медведь был начальником Южного горнопромышленного управления, центр которого действительно находился в Оротукане, а УДС располагалось в пос. Мяжит (285 км).

К осени 1937 года трасса дойдет уже до Сусумана, будет построен красавец мост через Колыму (в его сооружении примут участие самые сильные и умелые зеки из находившихся в ведении УДС), а Медведь, Запорожец, Горин-Лундин, Мосевич, Губин, те самые ленинградские чекисты, оказавшиеся на Колыме (пятеро из девяти, названных Берзиным на допросе весной 1938 года) – судьба каждого из них так или иначе будет связана с Колымской трассой – отправятся в свой последний путь на Лубянку.

А строительство самой трассы временно как бы приостановится, во всяком случае – умерит свой стремительный марш с тем, чтобы в следующие годы выстрелить стремительным отрывком влево, на Теньку. Его строительством с 1938 года станет руководить еще один ленинградский чекист Ф.Т.Фомин.

Подводя итоги, отметим, что строительство Колымской трассы началось от пос. Нагаево в 1932 году (имя самого первого руководителя этой стройки я умышленно пока не называю – не хочется пробалтывать его в простом перечислении) и закончилось через 20 лет в пос. Усть-Нера. Протяженность трассы составила 1042 км. Выходит, не так уж быстро она строилась – в среднем 52 км в год.

Но это – если говорить только об основной трассе. А задачи транспортного строительства на Колыме были гораздо шире.

В конце 1934 года авторитетная правительственная комиссия на месте подводила итоги первых трех лет хозяйственной деятельности Дальстроя. В части дорожного строительства положение характеризовалось следующим образом*:

“Строительство шоссированной дороги третьего технического класса, от бухты Нагаево на Охотском море до пересечения реки Колымы, ведется Дальстроем по следующей схеме и плану: магистраль от бухты Нагаево до устья Оротукана – 497 км. Ветви магистрали: 1) до устья реки Среднекан – 100 км.; 2) до устья реки Запятой – 30 км.; 3) до устья реки Утиной – 47 км.; 4) до устья реки Нерига – 85 км. и 5) на речку Талую – 65 км. Общее протяжение дороги, намеченной к строительству в 1935 году – 824 км. Состояние строительства дороги на 1.Х.34 г.: дан проезд по магистрали на протяжении 430 км. от Нагаево; сдача в эксплуатацию первого участка дороги – 196 км. намечена на 1935 год, после окончания строительства первого участка дороги будет включен в работу в 1935 г. новый участок протяжением в 200 км. на северо-запад от устья Оротукана, соединяющий золотоносные системы Таскана и Дебина с Колымой и с центральным золотопромышленным районом Оротукана, Среднекана и Утиной. Сдача дороги в эксплуатацию:

на 1936 г. намечено в количестве – 376 км.,

на 1937 г. – 200 км.

Всего к 1 января 1938 года намечено сдать 774 км. законченной дороги”.

Воплощение этих планов в жизнь требовало грандиозных затрат. И существенно ошибается тот, кто полагает, что “бешеное содержание” золота в колымских россыпях и якобы бесплатный труд тысяч заключенных гарантировали Дальстрою эко-

* Орфография, синтаксис и стилистика документов и цитат, приведенных в книге, сохранены без изменения. - *Примеч. автора.*

номическое процветание. Доктор географических наук А.Н.Пиласов убедительно доказал хроническую убыточность этого хозяйственного монстра. И в прорве затрат, на которые вынужден был идти Дальстрой, значительная часть приходилась на создание инфраструктуры.

Этот факт отметила и правительственная комиссия в 1934 году:

“Структура капиталовложений Дальстроя необычна. Это объясняется тем, что строительство Дальстроя протекает в условиях начала освоения совершенно необжитой и обширной области, перспективы которой не ограничиваются площадью Верхне-Колымского района (...) Две трети затрат идут на создание условий, обеспечивающих развитие промышленного района в целом, и лишь одна треть затрат направляется непосредственно в горную промышленность”.

Конкретно в планах 1935-37 годов эти затраты выглядели следующим образом:

а) на геолого-разведочные и топографические работы – 50 млн. 618 тыс. руб.,

б) на промышленное строительство Горного управления – 61 млн. 660 тыс. руб.,

в) на транспортное строительство (включая расходы на речной и морской транспорт) – 172 млн. 456 тыс. руб.

Гигантские деньги, учитывая масштаб цен тех лет.

Удастся ли когда-нибудь посчитать, сколько стоил стране хотя бы один километр приходящего ныне в упадок Колымского шоссе? Неужели эти деньги были выброшены напрасно?

А первые автотранспортные средства были доставлены в бухту Нагаева по заявке Колымского управления “Цветмет-золота” (когда еще ни одного км трассы не существовало) в декабре 1931 года, спустя месяц после того, как было принято решение об организации Дальстроя. Разные источники называют разное количество привезенных тогда тракторов и автомашин, их разные марки. Доктор географических наук Э.Э.Титов составил сводку этих суждений:

“Историк Н.А.Жихарев (кстати, в прошлом секретарь Магаданского обкома КПСС по пропаганде. – А.Б.) ясно говорит: “Это была надежная советская техника”. Автотранспортник А.К.Коренченко назвал только марку автомашин (неточно: Коренченко сообщает и число тракторов и машин - по десять тех

и других. – А.Б.) - АМО-Ф15. О.Гуссаковская (известная магаданская писательница. - А.Б.) в очерке об Абраме Исааковиче Геренштейне написала следующее: “Со дня на день должны были прийти машины - десять “Фордов” японской сборки и десять тракторов “Катерпиллер”. С них начинается транспортное освоение Колымы” (очерк был опубликован в 1968 году, А.И.Геренштейн возглавлял в то время Транспортное управление объединения “Северовостокзолото”, и едва ли эти сведения могли быть придуманы писательницей. – А.Б.). А бывший водитель Дальстроя ветеран Севера Андрей Николаевич Кальницкий вспоминает: “Зимой 1931 года на лед бухты Нагаева с пароходов “Волховстрой” и “Сахалин” сгрузили двадцать автомашин марки АМО-3 и несколько гусеничных тракторов “Коммунар”. Вот с них нам и довелось начинать”. Журналист Лев Александров (Л.А.Шахнарович, один из руководителей Колымского радиокомитета. – А.Б.) тридцать лет назад писал: “Только в декабре прибыл долгожданный груз. На рейде Нагаевской бухты бросил якорь “Волховстрой”. С борта этого парохода автомобилисты сняли четыре 60-сильных гусеничных трактора, шесть 30-сильных “Катерпиллеров” и десять полуторок”.

Преодолеть этот разноречивый суждений невозможно. Я рискну высказать предположение, что техника в тот год была доставлена именно разная – как отечественная, так и импортная. Это косвенно подтверждает А.К.Коренченко в книге “Автотранспорт Северо-Востока”: “Уже в 1933 году Магаданская автобаза насчитывала 91 автомобиль марок АМО-Ф15 и Форд-6”.

Массированное и разрушительное “наступление” американской техники на Колымскую трассу началось лишь лет через 15 – к осени 1945 года на дорогах Колымы, как пишет ее ветеран И. И. Лукин в книге “Первостроители”, уже работало около 150 автомобилей “Даймонд” (трехосный тягач с двумя ведущими осями и трейлером с 24 колесами). Стонала и плакала под 70-тонными чудовищами колымская дорога, разрушались инженерные сооружения... Но это отдельный сюжет, его стоит как-нибудь представить особо.

В 1948 году, в связи с организацией Управления МГБ на Дальнем Севере, все хозяйство Дальстроя было строго проинвентаризировано в специальном документе. Его составители не обошли вниманием и положение с транспортом:

“На Колыме основным видом транспорта является автомобильный (...)

Протяженность шоссейных дорог Колымско-Индибирского района – 3000 километров.

Автопарк Дальстроя состоит из – 154 легковых автомашин, 47 автобусов и 3300 грузовых.

Транспортировка грузов и перевозка пассажиров осуществляется во все горно-промышленные управления и прииски, расположенные по трассе шоссейной дороги Магадан – Индигирка, автомобилями (...)

10. Район управления дорожного строительства, центр – поселок Адыгалах, находящийся на территории Западного горно-промышленного управления (ЗГПУ) в 160 км. от поселка Сусуман – райцентра ЗГПУ.

Управление дорожного строительства строит шоссейную дорогу от поселка Адыгалах до поселка Хандыга – Якутская АССР, протяженностью 800 км. Вся эта дорога проходит по территории Якутии. Первоначальное назначение дороги – переброска оборудования для разработки бурых углей, залегающих в большом количестве в районе поселка Хандыга и на их базе будет построен крупный комбинат жидкого топлива.

На строительстве шоссе, которое уже заканчивается, работает 4.844 человека, из них: вольнонаемного состава 1.955, в том числе бывших заключенных 1.668 или 85 процентов, спецпоселенцев – 59 и заключенных Свитлага – 2.830 человек”.

В последующие годы предполагалось провести изыскания для продолжения Колымской трассы до самого Якутска, имея в перспективе и строительство параллельно трассе железной дороги, но известные события начала пятидесятых подкосили, а потом и разрушили те “производственные отношения”, благодаря которым только и мог существовать Дальстрой.

Отмечу в связи с его кончиной, что это было, видимо, крупнейшее производственное предприятие за всю историю СССР. Тот же эмгэбешный документ констатирует, что бюджет Дальстроя был третьим в стране, уступая в 1948 году только бюджетам двух крупнейших республик – России и Украины.

Первым “заведующим транспортом” Дальстроя (с оставлением тов. Геренштейна А.И. в должности его помощника) Э.П. Берзин назначил Густава Лапина.

Об этом извещал параграф третий его приказа №1. Приказ Эдуард Петрович составлял в крохотной дымной избушке, которую изыскатели Колымской трассы предполагали использовать как баню. Их уединенную стоянку (на территории нынешнего

Автотэка) директор Дальстроя выбрал для своего первого штаба – надо полагать, вполне сознательно дистанцировавшись и от старательской безалаберщины, и от настойчивого внимания местного руководства, оставленных на берегу бухты. Берзин устроит настоящую дальстроевскую “баню” тем и другим недели через две, а пока шел только пятый день его пребывания “в Колыме”, 9 февраля 1932 г.

(Датировку этого приказа, содержащуюся в известном очерке Ольги Гуссаковской –1 февраля, следует считать ошибочной, т.к. в тот день пароход “Сахалин” еще только приближался к бухте Нагаева. Равно как и дату 8 февраля, неоднократно упоминаемую магаданскими историками А.Г.Козловым и А.С.Навасардовым).

Весь предшествующий жизненный путь Г.О. Лапина (а в 1932 г. ему было уже 38 лет) мало располагал к такому назначению – автотранспортником он вроде не был. Как пишет историк А.Козлов в очерке “Одиссея Густава Лапина”, рано вынужденный вступить на трудовой путь наш герой в восемь лет стал пастушонком, в одиннадцать – подручным на мельнице, в пятнадцать – токарем. В двадцать лет – шла первая мировая война – он был призван в армию, получил ранение и был освобожден как инвалид. Снова работал токарем, в 1918-1923 годах служил в Красной Армии (одна из должностей – инструктор по строительству кинотеатра), в 1918 г. вступил в партию, был на хозяйственной работе (может быть, хоть она имела отношение к автотранспорту?). В 1926-1930 годах учился в планово-экономическом институте, после окончания которого служил в Промбанке. Затем пребывал в инженерно-технических должностях в Оргметалле и на заводе им. Дзержинского.

Пожалуй, в гораздо большей степени назначение Г.О. Лапина объяснялось его принадлежностью к “группе руководящего состава”, которую Берзин сформировал, опираясь на свой вишерский опыт, еще в Москве, до выезда во Владивосток. О том, что оба брата Лапиных (но больше, видимо, старший брат – Эрнест, которого Берзин уже знал по совместной работе) входили в эту группу, вспоминал в очерке “Мое пребывание на Колыме” журналист Осип Огнев – новое дело Берзин предпочитал начинать с людьми, в которых был уверен.

К тому же, Э. и Г. Лапины были латышами. Я не хочу обвинять первого директора Дальстроя в последовательном нацио-

нализме – в его окружении на заметных должностях находились люди разных национальностей, но... Р.Апин, Р.Балынь, К.Калнынь, Я.Пуллериц, братья Лапины, Я.Озолин – и это, кажется, еще не все латыши, вошедшие в состав “берзинской команды”. Едва ли столь широкое участие в ней представителей не самой “титульной” в России национальности было случайным.

(Отмечу попутно, заглядывая в теперь уже недалекое будущее: в 1937 г. ежовский наркомат начнет усиленно разрабатывать “латышскую линию”, и реальная – дружеская и деловая – связь Э.П.Берзина и его земляка Я.Э.Рудзутака, занимавшего ответственные посты в партийном и государственном руководстве, могла стать одним из импульсов для всей этой чудовищной мистификации о повстанческой организации на Колыме, в продолжение этой “линии” будут репрессированы и латыши из ближайшего окружения первого директора Дальстроя).

Лет 35 назад я, наверное, немало узнал бы о человеке, над “одиссеей” которого сейчас ломаю голову, у своего отца. Но могли ли я предположить, что когда-нибудь история Колымы начнет приоткрываться, что она предстанет перед нами описаниями подвигов героев и мучеников, описаниями страшных злодеяний и таких же страданий? Только через тридцать с лишним лет после нашей последней встречи я возьму в руки архивно-следственное дело отца (его уже давно не будет в живых) и первый раз прочитаю это имя: Лапин Густав Оттович...

31 мая 1938 г. мой отец, арестованный начальник завода №2 (того, что был в Марчекане), назвал известных ему участников антисоветской повстанческой организации: Берзин Э.П. – директор Дальстроя, Аршакуни С. – нач. Московского представительства Дальстроя, Эпштейн Л.М. – пом. директора по планово-финансовой части, Булыгин Б.А. – пом. директора по полит. части, Апин Р.А. – председатель Партийной комиссии, Мовсесян Б.И. – нач. КРУДС, Лапин Э.О. – нач. Мортрана, Душинов Н.И. – гл. инженер Мортрана, Куковеров В.В. – гл. механик Мортрана... Десятым был назван Лапин Г.О., зам. начальника завода №2, троцкист. Всего в списке 21 фамилия.

Пройдет страшный год, и 21 июня 1939 г. следователь след. части УНКВД по СДС сержант госбезопасности Иванов вынесет постановление, в котором укажет, что из материалов след. дела №17777 в отношении Лапина Г.О. видно, что его обвине-

ние было составлено на основании трех (зачеркнуто, написано “двух”) показаний – Гассельгрена, Николаева (зачеркнуто) и Бирюкова, без указания какой-либо конкретной к.-р. деятельности Лапина, причем обвиняемые Гассельгрэн и Бирюков за недоказанность их участия в а/с организации подлежат освобождению (занято: постановление составлено в июне, а отца освободят только в октябре – долго собирались!..), других материалов, изобличающих Лапина в участии в а/с организации и конкретной к.-р. деятельности, следствием не добыто, а потому «(...) след. дело №17777 по обвинению гр. Лапина Г.О. прекратить (...)».

Подробно о судьбе отца, одного из «фигурантов» дела Мортрана, я расскажу в очерке “Неизбежность страшного мира”, который представлен в этой книге, а тут нужно сказать, что гигантский свод дел под общим № 17777 предполагал наличие филиалов преступной организации в каждом подразделении Дальстроя и едва ли не на каждом его предприятии.

Опубликованы и воспоминания Н.Э. Гассельгрена (“Краеведческие записки”, 1992, вып. 18), инженера-строителя, ступившего на колымскую землю еще в августе 1934 г.

Он строил дорогу через Утинский перевал вместе с главным инженером УДС К.И. Станкевичем, закладывал пос. Ягодный, возглавлял участок строительства завода № 2 в Магадане, руководил строительством бензобазы.

24 августа 1938 г., после того, как строительство бензобазы было завершено, Гассельгрена арестовали.

Вот как он описывает то, что происходило дальше:

“Побои, издевательства, надругательства, многочасовые стойки на ногах, содержание в нише, где можно было держаться в одном положении и не сдвинуться никуда, если только не терялось сознание, имитации расстрела. Через это прошел не только я, но и мои товарищи по несчастью, с которыми довелось встретиться в “доме Васькова” (...) Все мы, конечно, отрицали предъявленные обвинения, но что было толку? Следователи заранее были уверены в нашей виновности и любыми способами старались добиться признаний”.

Из протокола допроса Гассельгрена Н.Э.:

“Вопрос. Назовите известных Вам участников а/с организации.

Ответ. В морском транспорте Дальстроя проводили подрывную работу следующие лица:

Лапин Густав Оттович, быв. зам. начальника завода №2 “ДС”, троцкист, работая на заводе, умышленно выгонял честных людей и их места укомплектовывал к/р элементом, этим самым срывал окончание строительства завода.

Во время строительства п/х “Марчекан” вредительски задерживал доставку необходимых материалов и частей”.

Даты в протоколе допроса нет, но очевидно, что он составлен не ранее чем в конце августа. Протокол допроса отца, в котором он называет Г.О. Лапина членом а/с организации, датирован, напомним, концом мая.

Но ни те ни другие показания нельзя считать основанием для уголовного преследования, начатого против бывшего заведующего транспортом ДС, так как телеграмма о его аресте была подписана начальником УНКВД по СДС Сперанским еще 25 марта 1938 г.

Возможно, что самые первые показания на Густава Лапина дал еще 25 декабря Л.М. Эпштейн (он был арестован 6 декабря, через два дня после того, как Берзин вполне благополучно – так казалось! – отбыл из Магадана).

Но едва ли есть смысл подробно останавливаться на этих “приоритетах”, потому что все громадное дело №17777 было, видимо, заранее спланировано, все роли более или менее точно расписаны и многие аресты предreshены.

В деле Мортрана ведущая роль была обеспечена его начальнику, старшему брату Густава Эдуарду Оттовичу, названному в том самом приказе №1 начальником транспортного сектора Дальстроя. Он был арестован в Москве 5 января 1938 г.

Один из ближайших помощников Берзина получит полный букет самых страшных обвинений – участие в а/с организации, шпионаж, терроризм, вредительство... По каждому из них следствие уже в начале года будет располагать – обратите внимание на его сокрушительную оперативность и согласованность действий в Москве и Магадане – свидетельскими показаниями.

Так, бывший начальник УСВИТЛа капитан госбезопасности И.Г. Филиппов уже 22 декабря 1937 г. расскажет, в частности, что за упакованным в особые ящики золотом “к Калыну (нач. Особого сектора Дальстроя. – А.Б.) и Берзину приезжал

Лапин Эрнест (так в протоколе, составленном нач. УНКВД по ДС ст. лейтенантом ГБ Сперанским и руководителем “московской бригады” Кононовичем. – А.Б.) Оттович, увозил его к себе и передавал участникам организации капитанам Кильчеку (видимо, Вильчеку. – А.Б.) и Федорову (...) во Владивостоке золото передавалось участнику организации Бржезовскому, а он, в свою очередь, передавал его для отправки в Японию”.

Из показаний Л.М.Эпштейна:

“Берзин не скрывал от меня, что он был связан с Гестапо и что с Гестапо был связан Рудзутак (...) Здесь на Колыме мы были связаны с Японской разведкой через Начальника Владивостокского Отделения Дальстроя – Бржезовского. Мне лично известна отправка золота через Лапина Эрнеста Оттовича и при помощи Калинина (видимо, Калныня. – А.Б.) на японские рыбалки”.

Допрос вели Сперанский и член “московской бригады” лейтенант ГБ Винницкий.

8 мая 1938 г. (Э.О.Лапин к тому времени уже будет расстрелян, Филиппову предстояло еще два года находиться под следствием – он умрет в тюрьме 8 мая 1940 г., Эпштейн покончит жизнь самоубийством в тюремной камере 3 сентября 1941 г.) капитан П.И.Федоров, не выдержав запугиваний, на которые не скупился следователь Баранов («все равно сделаю с тебя “мешок костей”. И ты получишь 7 грамм») на круглосуточных допросах – днем допрашивал сам, а на ночь передавал дежурным – написал под диктовку следователя, что так оно все и было: и шпионом он был, и золото японцам возил в тех самых ящиках...

После того, как результат был достигнут, обвиняемому разрешили присесть (впервые за пять или шесть суток) и дали поесть. А потом снова поставили “в стойку”. На допросе присутствовал Кононович.

И все-таки судьба окажется благосклонной к капитану-“шпиону”. Бериевское (уже!) “правосудие” отпустит ему в мае 1940 г. пять лет лишения свободы, он выйдет из лагеря вскоре после окончания войны, в середине 50-х получит реабилитацию и еще много лет проработает в Магадане.

А вот судьба его следователя окажется более прихотливой. А.И.Баранова не коснется та во многом показная чистка, которой подвергнутся органы НКВД после отставки Ежова. Напро-

тив, он, видимо, пойдет на повышение и к середине 1941 г. будет служить в должности нач. КРО Белостокского горотдела НКВД. По данным архивно-следственного дела, в начале войны он оказался в плену, был завербован в качестве агента немецкой разведки и заброшен на советскую территорию со шпионским заданием.

30 октября, то есть вскоре после самых панических дней обороны столицы, он был арестован в Подмоскowie и 2 мая 1942 г. осужден Особым совещанием НКВД СССР за измену родине к ВМН. Приговор был приведен в исполнение 18 мая 1942 г. Сведений о реабилитации Баранова у меня нет, хотя и не исключено, что она в наше время могла состояться – шпионом он мог оказаться таким же липовым, как и его подследственный капитан.

Но вернемся к судьбе Э.О.Лапина. Через десять дней после ареста, 15 января 1938 г., он показал на допросе, что в 1936 г. был завербован Берзиным в а/с националистическую (все та же “латышская линия”!) организацию и по его заданию проводил на своем участке вредительство. Дело Э.О.Лапина рассматривалось Военной коллегией Верховного суда СССР 10 марта 1938 г.

“В протоколе судебного заседания указано, что на вопрос председательствующего признает ли подсудимый себя виновным, Лапин ответил, что “виновным себя признает во всем, кроме террора”. Когда были оглашены показания Филиппова и Будзко (П.П.Будзко – быв. нач. строительства порта. – А.Б.) об участии в к.-р. организации Лапина, последний заявил: “Эти показания он считает неточными, Берзин его не вербовал в а/с организацию”. В последнем слове Лапин заявил: “Признает себя виновным и просит рассмотреть его дело” (из “Обзорной справки по архивно-следственному делу №... на Лапина Эрнеста Оттовича”).

Как и его старший брат, Густав Лапин в начале 1938 г. находился в Москве (по версии следствия, опасаясь разоблачения, Берзин заранее отправил некоторых членов своей организации в центральные районы страны). На телеграмме о его аресте, направленной из Магадана, появилась резолюция зам. наркома внутренних дел Фриновского: “Согласен. Установить и справку на арест”. Но “устанавливали” долго – видимо, дел было невпроворот, и только через два месяца, 23 мая, тот же Фринов-

ский подписал ордер на арест Г.О.Лапина. Потом еще полтора месяца проволочек, и лишь 4 июля в магаданское УНКВД поступило известие:

“В дополнение к №... направляется особым контролем в отдельной камере вагон-зака, изолированно от других арестованных, особо опасный преступник Лапин Густав Оттович. Прибытие подтвердите”.

Документального подтверждения прибытия в деле нет – есть лишь, видимо, обмолвка в одном из следственных документов о том, что Лапин прибыл в Магадан... 5 июля. Но вагон-заки по воздуху не летают, а в то время и самолетом из Москвы до Магадана можно было добраться суток за трое-четверо, да и не возили тогда зэка в самолетах. Реально на дорогу должно было уйти месяц-полтора, а потому и оказаться в Магадане Лапин мог лишь в середине августа.

25 марта 1939 г. (следите за датами, читатель, они нам многое объяснят), через год после того, как была направлена телеграмма об аресте Лапина, о/у 6 отд. УНКВД по СДС Петров вынес постановление о продлении срока следствия по делу Лапина до 1 мая. В постановлении оперуполномоченный сообщил, что Лапин обвиняется в проведении вредительской деятельности на заводе №2, в качестве обвиняемого допрашивался неоднократно (как следует из другого документа, обвинение Лапину было предъявлено 14 ноября 1938 г.), но протокол допроса был оформлен только единожды – 28 декабря (допрашивал все тот же Петров), виновным себя не признал.

А.Козлов в указанном очерке (пользуясь, видимо, фактами, изложенными в заявлении Г.О.Лапина) сообщает о мучениях и издевательствах, которым был подвергнут обвиняемый. Отдадим дань его мужеству, тем более значимому, что оно явилось, в определенной степени, залогом его освобождения. Уже названный мною следователь Иванов, подписывая 21 июня 1939 года постановление о прекращении дела Лапина, не забудет указать: “Обвиняемый Лапин в предъявленном ему обвинении виновным себя ни в чем не признал...”

Все это так. Но, восстанавливая хронологию уголовного преследования Г.О.Лапина, я отнюдь не случайно называл все

эти даты: когда арестовали, когда отправили, когда доставили, когда допрашивали...

Дело тут вот в чем. В начале июня 1938 г. сотрудники УНКВД по СДС могли с полным правом праздновать свою трудовую победу: последние фрагменты дела-красавца № 17777 отправились в Москву “на Ваше распоряжение...” Лихая горячка с исполнением оперативного приказа №00447 спадала. То есть еще арестовывали, били, гнали лживые протоколы, Тройка выносила расстрельные постановления, хотя все больше пускала по “второй категории” – лишение свободы на срок от восьми до десяти... Репрессивный процесс шел по инерции, набранной в первые, самые горячие месяцы года, а к его середине уже стало понятно, что дело в основном сделано. Да и нельзя в таком темпе работать бесконечно.

И тут – здравствуйте, особо опасный Лапин из Москвы! Да у нас своих таких же не меньше двухсот приговоров дожидаются. Теперь еще с этим возись? Да пусть он стоит, падла, хоть месяц!..

Непреложная и горькая истина, почерпнутая в многолетнем изучении архивных материалов: пыточный конвейер НКВД мог сломать любого.

Вспомним, как быстро, через несколько дней после ареста, сдались в декабре 37-го, январе 38-го Берзин, Эпштейн, Калнынь, Филиппов, Лапин... Ведь это только так говорится – дней, а на самом деле – суток непрекращающихся мучений. И обладай каждый из них хоть стальным мужеством – оно как щит, выставленный навстречу надвигающемуся танку: раздавит его не знающая жалости машина, если получит приказ. Но ведь и машина не может работать вечно.

Через месяц, 20 июля 1939 г., новый начальник УНКВД по СДС майор ГБ Окунев подписал постановление о прекращении дела Лапина Г.О.

Казалось бы, все – кончились страдания, законность восстановлена, ее нарушители (хотя бы некоторые из них, в том числе и бывший нач. УНКВД Сперанский) привлечены к ответственности, бывшим подследственным можно отдохнуть, подлечиться, но в начале 1940 г. Лапин вновь становится обвиняемым.

Потому что та принеся облегчение в судьбы нескольких десятков тысяч страдальцев бериевская "оттепель" была лишь лукавством политического руководства: Ежов и иже с ним перестарались – мы их поправили, а враги, конечно, были, есть и, к сожалению, будут, а потому...

Берзина, Апина, Э.Лапина, Евгеньева и еще всех тех, кого уже успели расстрелять, никто и не думал тогда реабилитировать, дело №17777 продолжало существовать, надо было его завершить, как-то свести концы с концами. В том числе и его фрагмент – дело Мортрана.

Пройдет 15 лет (всего лишь!), и та же Военная коллегия (но в другом составе, конечно) Верховного суда СССР 21 мая 1955 г. рассмотрит протест Генерального прокурора на постановление Особого совещания НКВД СССР от 8 декабря 1941 г., которым за принадлежность к антисоветской организации были осуждены:

Душинов Николай Иванович – к восьми годам лишения свободы,

Куковеров Василий Всеволодович,

Степанов Сергей Евгеньевич (главный диспетчер и парторг завода №2),

Попов Александр Александрович (главный бухгалтер Мортрана),

Лапин Густав Оттович – каждый к пяти годам лишения свободы.

Определение Военной коллегии весьма подробно обозначает все перипетии в судьбах осужденных, а потому мне придется привести из него пространную цитату:

"Основанием к аресту Лапина послужили показания, полученные от Куковерова (здесь следует, видимо, сказать, что Куковеров, Душинов и Э.Лапин еще в 1923 г. были осуждены по делу Главмортехупра, а Попов был осужден за хозяйственное преступление в 1925 г. – эти данные использовались следствием тридцатых годов как отягчающие обстоятельства, возможно, что они оказались роковыми при решении судеб этих обвиняемых - выпускать или не выпускать? – в 1939 г.; Г.О.Лапина, в глазах того же следствия, компрометировала судьба его старшего брата. – А.Б.)

После продолжительного содержания под стражей Душинов, Куковеров, Степанов и Попов вновь виновными себя признали и показали, что в антисоветскую право-троцкистскую организацию, существовавшую на Колыме, они были завербованы Лапиным Эдуардом Оттовичем и, состоя в этой организации, занимались вредительской деятельностью.

Однако на последующих допросах от этих показаний отказались и заявили, что они были даны ими в результате применения к ним физического воздействия со стороны следователей.

В процессе дальнейшего следствия Степанов, Куковеров и Попов по несколько раз признавали свою вину, изобличали друг друга, а также Душинова и Лапина Г.О. на очных ставках, а потом отказались от признательных показаний.

Лапин Г.О. в предъявленном обвинении себя не признавал и показания, которые делались в отношении его Степановым, Куковеровым и Поповым, отрицал.

К делу были приобщены выписки из показаний арестованных по другим делам Калнынь и Озолина (бывший секретарь парткома Мортрана и член Парткомиссии Дальстроя. – А.Б.), из которых усматривается, что они указывали на принадлежность Душинова к антисоветской организации. Однако, как установлено проверкой по делу, Калнынь от всех своих показаний в отношении Душинова отказался, а Озолин, будучи арестованным, покончил жизнь самоубийством и в своей предсмертной записке заявил, что он не виновен и не знает за что его арестовали. При просмотре дела Калнынь установлено, что в этом деле имеются копии протоколов арестованных Эпштейна и Саулеп (бывший прокурор Дальстроя. – А.Б.), в которых имеется запись о принадлежности Душинова к антисоветской организации, однако оба в последующем от своих показаний отказались (...).

При дополнительной проверке были передпрошены Куковеров, Степанов, и последние от признательных показаний, которые они давали на предварительном следствии, отказались и заявили, что в результате применения к ним мер физического воздействия со стороны бывших работников УНКВД по Дальстрою они вынуждены были оговорить себя, а также Душинова, Лапина и Попова. Об этом же неоднократно заявлял в своих жалобах Душинов.

Допрошенный при проверке по делу бывший зам. начальника следственной части УНКВД по Строительству на Дальнем Севере Абрамович, участвовавший в проведении предварительного следствия по настоящему делу, подтвердил, что к Душинову, Попову, Лапину и др. арестованным применялись меры физического воздействия.

В деле имеется акт экспертной комиссии, однако вывод, сделанный в нем о преступном государственном характере деятельности бывшего руководства Управления Мортрана в лице Душинова, Лапина, Попова и Куковерова, является общим и неубедительным. Участвовавший в проведении экспертизы Бодринский, будучи допрошенным при проверке дела, показал, что в акте комиссии были допущены формулировки и выводы, в которых комиссия была некомпетентной”.

Постановление Особого совещания НКВД СССР от 8 декабря 1941 г. в отношении Душинова, Куковерова, Степанова, Попова и Лапина было отменено, и дело о них за отсутствием состава преступления прекращено.

К моменту реабилитации Г.О. Лапина, вероятно, уже не было в живых, иначе бы нашли и допросили в ходе проверки, ведь его московский адрес в деле был: Малая Дмитровка, 26... Совсем недалеко от Каляевской, откуда весной 1935 г. отправились на Колыму и мои родители...

Знал бы кто-нибудь тогда, что из этого выйдет!..

Агент номер 217

В очерке “Колымская трасса – Магадана душа?”, посвященном сооружению этой важнейшей магистрали, я умышленно не назвал имя одного из ее первостроителей, полагая, что со временем получу возможность рассказать о нем подробно. Позднее такая возможность появилась.

Они были арестованы с интервалом в три дня – чекист-орденоносец, всесильный директор государственного треста “Дальстрой” Э.П.Берзин 19 декабря 1937 года в ста километрах от Москвы, куда он направлялся в разрешенный наркомом Ежовым отпуск, а его подчиненный строитель А.Г.Перн 16 декабря в ста с лишним километрах от Магадана, в поселке Балаганное на берегу Охотского моря, покинуть который ему запретил новый начальник Дальстроя К.А.Павлов.

Сам интервал существенного значения не имел. Другие пассажиры прибывшего в Нагаево 4 февраля 1932 года парохода “Сахалин” – вариант американского “Майского цветка” – первые дальстроевские пилигримы и ближайшие помощники Берзина были арестованы и недель раньше, и месяцем позднее... Но совершенно очевидно, что многие из них были обречены еще до ареста – дело № 17777 об антисоветской повстанческой шпионской, террористической и вредительской организации, якобы существовавшей в то время на Колыме, развивалось по заранее написанному сценарию.

Строитель Перн работал на самых ответственных участках. Впрочем, неответственных в то время, когда Дальстрой начинал разворот своих гигантских работ, просто не было.

Его фамилия значится в легендарном приказе № 1, который Берзин отдал на пятый день после прибытия “Сахалина” в бухту Нагаева, 9 февраля. Этим приказом Перн был назначен заместителем начальника строительного отдела по промышленному и жилищному строительству.

Он участвовал в строительстве Нагаевского порта и первых километров Колымской трассы, руководил строительством крупнейшего тогда в Магадане судоремонтного завода № 2 (в его же подчинении был и лагерь, в котором находились заключенные строители этого завода), заведовал строительным участком Приморского управления сельского и промыслового хозяйства (ПУСиПХ) в Балаганном.

Взыскательный директор Дальстроя был доволен тем, как работает и на Колыме его давний, еще по Вишере, где чекист-хозяйственник руководил строительством химического комбината, знакомый. В приказе № 249 по гостресту "Дальстрой" от 27 июня 1934 года (характерно, что местом издания приказа названа бухта Нагаева – о Магадане еще речи не было) параграф первый гласил:

"Зав. Строй Конторой Перн А.Г. за составление продуманных проектов и умелое руководство строительством, премировать охотничьим ружьем системы "Зауэр". Это была одна из высших дальстроевских наград тех времен.

Замечу попутно, что еще в декабре 1931 года в Московском

Выписка из Приказа № 249 18
По государственному тресту "Дальстрой"
г. Нагаево 27 июня 1934 г.
§1.
Зав. Строй Конторой Перн А.Г. за составление
хорошо продуманных проектов и умелое руководство
строительством, премировать охотничьим ружьем
системы "Зауэр"
Н.Н. Директор Треста ДС. Берзин
Зав. Секретариата: Заливанне
Верино, Хабаровск
Копия выдана [подпись] [подпись] [подпись]
[подпись] [подпись]

представительстве Дальстроя (вишерцы двигались на Колыму через столицу) Перн получил револьвер системы "Наган" с комплектом патронов, винчестер и 250 патронов к нему. Зачем мирному строителю столько оружия? Ну да ведь на Колыму ехали, в край непуганых зверей. Справка о выдаче этого оружия Перну была подписана Берзиным.

Оба документа – копия приказа и справка о выдаче оружия – окажутся в следственном деле, возбужденном против Перна.

Там же, с пометкой "изъято при обыске", окажется и копия характеристики Перна:

«Гострест Дальстрой
Московское п-во
10 февраля 1935 г.

В ЦК ВКП(б)

Тов. Перн Антон Густавович с 1930 по 1932 г. работал пом. прораба на строительстве Вишерского цел.-бум. комбината (на Северном Урале) и с 1932 г. по настоящее время работает Начальником строительных работ разных участков на Колыме (Крайний Северо-восток СССР). За все время работы т. Перн А.Г. проявил себя, как опытный, инициативный и очень вдумчивый и настойчивый руководитель, обеспечивший успешное и своевременное окончание всех порученных ему работ. Руководство его всегда отличалось оперативностью, постоянным пребыванием непосредственно на стройках, умением находить правильные решения в специфических условиях Севера. Особо должна быть отмечена постоянная забота тов. Перн А.Г. о подготовке кадров квалифицированных рабочих, в результате которой т. Перн А.Г. обеспечивал всегда с окончанием строительства отдельных объектов создание бригад непосредственно на производстве обученных рабочих.

За работу на Вишере и Колыме тов. Перн А.Г. неоднократно премирован.

Директор Гостреста "ДС"
Член бюро ДВ Крайкома ВКП(б)
Берзин».

Копия никем не заверена, нет никаких сведений о том, что такой документ действительно был направлен в "инстанцию", в протоколах допросов Перна он не упоминается. Но следствие, видимо, сочло, что и в таком виде этот текст свидетельствует об отношении директора Дальстроя к строителю Перну.

А вот один из подчиненных Перна столяр Афанасий Козлов (1882 г.р., малограмотный, беспартийный, осужден в 1932 году как социально опасный элемент, освобожден в 1934 году), допрошенный за три дня до ареста Перна, охарактеризовал его работу совершенно иным образом. Оказывается, что еще в 1933

году Перн вредительски строил на о. Талон “коровятник”, который вскоре развалился. В том же году в Балаганном Перн построил неутепленный свинарник – “вследствие этого было много заболеваний от холода свиней”. В том же Балаганном в 1936 году Перн соорудил палатку для заключенных-стахановцев, которая рухнула в ночное время, а в 1937 году вредительски построил двухэтажную баню...

Ф. П. Берзин 3-55-96
 Берзин К. К.
 № 027-00 К. К. В. № 46-70
 Иссл.-св. в. Моск. 3388
 К. 5-38-48
 Улица Воротынского
 Террит. Анхолевид.
 4-55-38
 Д. 1-48-45

Берзин 3-55-96
 Ф. П.
 Берзин Ул. К.
 № 027-00 5-38-50
 К. К. В. № 46-70
 Моск. 3 Кв. 2

Уральский Институт
 Уральский Институт
 № 4-55-27-2011

Валентин (Кри. Вилькин)
 1-83-46
 НКВД 3617
 (Козло)

Страницы из записной книжки А. Г. Перна

Допрошенная 10 декабря (до ареста Перна оставалось шесть дней) его домработница Мария Павлова (1911 г.р., образование «нисшее», беспартийная, из крестьян-кулаков, осуждена в 1935 году по ст. 82 УК РСФСР за побег с места высылки, освобождена в мае 1937 года) показала, что регулярно получала от Перна и проживавших вместе с ним работников ПУСиПХа Паремужева и Таха задание готовить пищу для арестованных бывших работников того же учреждения, находившихся в тот момент в следственном изоляторе поселка Балаганное, и приносила от них записки.

Догадывался ли Перн о грозящем ему аресте – а профессиональный опыт, о котором речь впереди, мог предупредить его об опасности – мы уже не знаем. Но буквально накануне, 15 декабря, он, собрав вещи, попытался вырваться из Балаганного, но был остановлен погранотрядом.

Допрошенная повторно 20 декабря Павлова показала, что, вернувшись после неудачной попытки уехать из Балаганного, “в очень взволнованном виде (...) Перн принялся в комнате пересматривать свои вещи. Достал из чемодана папку, в которой находились бумаги начал пересматривать и уничтожать сам сжигал в печке”. Вероятно, в тот же день Перн написал такую вот записку:

«Служебная.

Сверх. секретно.

Директору Дальстроя Павлову.

Мне выезд из пос. Балаганное в Магадан для въезда в отпуск на “материк” погран отряд не разрешил. Причина неизвестна. Прошу сверить мое личное дело. Если нужно телеграфную справку запросите 4-ое отделение Штаб Р.К.К.А. Москва Сиге или Урицкого. По линии НКВД ОСО 6-ое отделение Ильк. Жду Вашего распоряжения».

Скромный прораб, пусть даже и обладавший достоинствами, отмеченными в характеристике Берзина, – и эта апелляция к людям из казалось бы совсем иных сфер: Д.А.Стигга – начальник Отдела стран Западной Европы, С.П.Урицкий – зам. начальника всего Разведуправления РККА. Кто же вы, Антон Перн?

Обстоятельства проясняются в ходе допроса, который ведет уже в Магадане 15 января 1938 года штатный работник

наркомата внутренних дел, руководитель прибывшей на усиление УНКВД по ДС “московской бригады” капитан госбезопасности М.П.Кононович. Оказывается, что Перн – никакой не Перн и не Антон, он Фишер Франц Максевич, он действительно немец, родившийся в Берлине в 1895 году, член Германской коммунистической партии с 1919 по 1929 год, а с 1920 года и сотрудник Разведуправления РККА, под разными именами работал в Германии, Швейцарии и Австрии, был на связи с известными ныне работниками Разведупра (называются фамилии), а в 1929 году, спасаясь от ареста, бежал в СССР...

В числе названных им разведчиков известнее других ныне В.Г.Кривицкий, он же Вальтер, в середине тридцатых годов руководивший советской военной разведкой в Западной Европе. В конце 1937 года, после гибели резидента-невозвращенца Рейсса (Порецкого), в свое время рекомендованного в партию и на работу в разведке самим Кривицким, Вальтер заявил о своем разрыве с Москвой и решении остаться за границей. В начале декабря 1937 года, то есть в те дни, когда над Перном нависла угроза ареста, Вальтер Кривицкий выступил в троцкистском “Бюллетене оппозиции” с “Письмом в рабочую печать”, в котором обличал кровавую тиранию Сталина.

Через два года, в 1939 году, сборник статей В.Кривицкого “На сталинской секретной службе” был издан в Англии и в том же году (под названием “Я был агентом Сталина”) был переиздан в США. В 1991 году книга Вальтера Кривицкого была издана в Москве.

В этой книге В.Кривицкий вспоминает и практически не известную по другим источникам тайную операцию по выпуску фальшивых американских долларов. Испытывая в годы первой пятилетки большую потребность в валюте, Сталин, по словам Кривицкого, пытался таким преступным образом решить свои финансовые проблемы: “... земной шар оказался опутан густой сетью фальшивых 100-долларовых банкнот федеральной резервной службы Соединенных Штатов. Они начали проникать, а затем хлынули потоком в казначейство США через Шанхай и Сан-Франциско, Хьюстон и Нью-Йорк, Монреаль и Гавану, через Варшаву, Женеву, Бухарест, Берлин, Вену, Софию, Белград”.

Первым, на кого вышла берлинская полиция, расследовавшая дело о фальшивых долларах, оказался Франц Фишер. По ее

мнению, Фишеру в этом преступлении отводилась роль укрывателя краденого. Бывший сотрудник советской торговой миссии в Берлине был объявлен в розыск. Плакаты с его портретом были расклеены на всех железнодорожных станциях и пристанях Германии.

“Фишера я знал с 1920 года, – рассказывает В.Кривицкий, – работал с ним в 1923 году, помогал в организации военного отдела Германской компартии. Я знал, что он в течение многих лет состоял в советской военной разведке (...)

Был я вдобавок связан с Фишером лично, хорошо знал и его мать и глубоко уважал ее как ветерана революции и видную деятельницу коммунистического движения в Германии. Именно в ее доме в дни мировой войны родился “Союз Спартака” во главе с Карлом Либкнехтом. Франц вырос в социальной атмосфере революционного воодушевления. Хотя я позднее потерял с ним прямой контакт, я был уверен, что он оставался непреклонным идеалистом. Подделка денег из корыстных соображений была для него немыслима (...) Короче говоря, я не сомневался, что, если замешан Фишер, замешана Москва”.

Советской военной разведке удалось тогда организовать нелегальный выезд Фишера.

“Я увидел Фишера в Вене перед самым его отъездом, – продолжает В.Кривицкий. – Шести футов росту, стройный, крепкого телосложения, всегда прекрасно одетый, Фишер раньше был известен своей прекрасной внешностью. Теперь он завел фальшивые усы, был одет небрежно. Более того, он преобразился, по существу являя всем своим опустившимся видом поистине жалкую фигуру.

– Я конченный человек, – сказал он мне.

Он знал, что, если окажется в Советской России, уже никогда не сможет оттуда выехать. Он знал также, что Сталин никогда не позволит ему сохранить жизнь, если он останется за границей. Судьба его глубоко меня огорчала. По существу, он работал, не уклоняясь от своего долга, действуя по приказам Советского правительства (...)

Францу Фишеру, сразу по прибытии его в Советский Союз, было присвоено новое имя. Немецкий ветеран-коммунист, он все же не был принят в советскую компартию, что означало серьезную политическую неудачу. Некоторое время спустя его послали прорабом в строительную организацию ОГПУ на Ко-

лыму, в Северо-Восточной Сибири, где он оказался много ближе к Северному полюсу и Аляске, чем к ближайшей русской железнодорожной станции. Кое-кто из нас отправлял одно время Францу посылки с теплой одеждой, но он ни разу не откликнулся на наши записки (...)

С Францем Фишером я случайно столкнулся в Москве в 1935 году и едва смог узнать его. После четырехлетнего пребывания в отдаленных краях Сибири ему был разрешен краткий визит в столицу для совета с врачами, приобретения лекарств и других необходимых предметов. Он превратился в туземца полярных краев, женился на высланной туда женщине, которая родила ему ребенка. Весь его облик претерпел глубочайшие роковые превращения.

— Почему вы не искали меня? — спросил я его, пытаюсь завязать нити наших прежних взаимоотношений. Он пробормотал что-то невнятное. Память ему, казалось, изменила, присущий ему прежде огонек погас, в его вялой, неопрятной фигуре невозможно было узнать полного жизненной силы бунтаря недавнего прошлого. Больше я его не встречал. Год спустя я узнал о смерти его престарелой матери — героической немецкой революционерки”.

В архивно-следственном деле Перна есть листок (л.д. 61), написанный торопливой, неуверенной рукой. Он датирован 8 января 1938 года, то есть запись сделана за неделю до того допроса, который вел Кононович. Это “собственноручные” показания Фишера.

В них он сообщает, что является... агентом германской разведки, что, будучи членом Германской компартии, одновременно был и провокатором германской тайной полиции и по ее заданию вел разрушительную работу в рядах немецких коммунистов, что, приехав в СССР, сохранил связи с германской разведкой и по ее заданию продолжал шпионскую деятельность.

Эти показания (нетрудно представить, какой ценой они были добыты) будут обстоятельно развиты в ходе допроса 15 января. Его “разоблачающая” часть выглядит следующим образом:

“Вопрос: По данным следствия, Вы, будучи недопущены в декабре м-це 1937 г. к выезду с Колымы, по возвращении к себе домой, тут-же сожгли ряд документов.

Какие документы были Вами сожжены?

Ответ: Я действительно сожг по возвращении к себе домой,

когда узнал в Балаганном о том, что мне не разрешают выехать на “материк”, различные ненужные мне бумаги (...)

Вопрос: Вы сожгли собранные Вами за время Вашего пребывания здесь различные данные о Колыме?

Ответ: Да, я действительно сожг ряд своих заметок с данными об экономическом состоянии Колымы (...)

Вопрос: Какие именно сведения были Вами собраны и уничтожены после того, когда Вам объявили об отказе в выезде на “материк”?

Ответ: У меня были записаны данные о золотодобыче, о приисках, и их состоянии, о дорожном строительстве, об автотранспорте, о количестве заключенных в лагере, о состоянии лагеря, о положении заключенных, о заводах и базисных складах Колымы и т. п.

(Ах, думаю я сейчас с завистью, существуй такие записи на самом деле и сохранись они до наших дней — цены бы им у нас, изучающих прошлое Колымы, не было. И кто знает, может быть, об этом думал, наблюдая размах созидательных работ, этот странный вольнонаемный прораб. Тем более что существовала директива руководства Дальстроя о сборе краеведческих материалов — отчего бы и не заняться таким сбором любознательному человеку, если материалы сами шли в руки? Но капитан ГБ оценивал этот интерес совершенно иначе. — А.Б.)

Вопрос: Все эти данные могут интересовать только разведчиков иностранного государства.

Ответ: Да, я с Вами согласен, что такого рода сведения интересуют и собираются иностранными разведчиками, но я лично ни с какой иностранной разведкой связей не имею. Наоборот, я многие годы вел разведывательную работу в пользу СССР.

Вопрос: Вы показали, что в Германской Армии служили вахмистром. Так ли это?

Ответ: Я правдиво показал, что был вахмистром Германской армии.

Вопрос: По нашим данным Вы являетесь офицером германской армии, а не вахмистром. Признаете-ли Вы это?

(Вы посмотрите, как Кононович ювелирно работает: один вопрос — и расколол шпиона, сейчас он ему во всем начнет признаваться. Не верится даже, что так может быть. И не было так, конечно. А были три недели круглосуточной “стойки”, в которой пребывал арестованный, пока даже не обвиняемый, — много

чего было в эти три недели, прежде чем появились названные выше “собственноручные признания”, а потом неделя ушла на их “литературное” изложение. – А.Б.).

Ответ: Да, я действительно являюсь офицером германской армии. В офицеры был произведен по окончании офицерской Бранденбургской школы. Последний мой чин обер-лейтенант Германской армии. Мои показания о том, что я был вахмистром не верны.

Вопрос: Ваши показания о том, что Вы собирали сведения “просто для памяти и из любопытства” ложны. Вы арестованы как германский разведчик и как участник существовавшей на Колыме антисоветской организации. Признаете ли Вы себя виновным в разведывательной деятельности в пользу Германии?”

– Да, я признаю, – сейчас якобы скажет Фишер-Перн, – что являюсь германским разведчиком... – и тем подпишет себе смертный приговор. Но прервем пока цитату. Потому что что бы ни сказал в этот момент – в версии Кононовича – арестованный, он все равно был уже обречен.

Он был обречен гораздо раньше – видимо, с момента провала в операции с фальшивыми долларами. Об этом справедливо пишет В.Кривицкий. И косвенным подтверждением обреченности Фишера после его приезда в Советский Союз стало то, что он не был принят в ВКП(б): имя сменили, а партийность – нет.

Примерно так же было в те годы и со знаменитым (вот только чем он был более знаменит: как член компартии Великобритании – князь и бывший офицер-деникинец или как блестящий литературовед – и автор восторженной книги о Ленине) Д.П. Святополк-Мирским: членом ВКП(б) он тоже не стал – и вскоре оказался на Колыме, хотя существовало в тогдашних партийных делах правило приема в ВКП(б) иностранных коммунистов после получения ими советского гражданства. Если, конечно, не было на этих лиц каких-либо компрометирующих материалов.

Московский чекист Кононович об этом правиле наверняка знал и потому на допросе 15 января не преминул спросить: “Почему же по прибытии в СССР Вы не оформили свой переход в ВКП(б)?”

“Ответ: Я пытался было это сделать, но встретил ряд затруднений. Проживая вдали от центра, я не смог преодолеть эти

затруднения и оформить свой переход в коммунистическую партию Советского Союза”.

Эти “затруднения” Фишер, видимо, пытался преодолеть в свой последний приезд в Москву в 1935 году – может быть, с этой целью и была составлена приведенная выше характеристика. О хлопотах по партийным делам свидетельствует изъятое при аресте Фишера письмо некоего Альфреда. По показаниям Фишера, автором письма мог быть Альфред Тылтын, у которого он находился на связи в последний период своей работы за рубежом. В.Кривицкий называет советского агента Альфреда – под фамилией Тильден – одного из активнейших участников все той же операции с фальшивыми долларами, сумевшего, избежав разоблачения, благополучно вернуться в СССР.

“Альфред позднее был переведен в Минск, – пишет Кривицкий в книге “Я был агентом Сталина”, – поблизости от польской границы. Там он был назначен начальником всех моторизованных сил Белорусского военного округа”.

Вот как выглядит письмо Альфреда Антону Перну, изъятое у него при аресте (перевод с немецкого осуществлен по поручению дальстроевских чекистов):

«Борисов, 15 мая 1935 г.

Дорогой Антон

Твое письмо получено. Жаль, что ты не приехал, в Минске не так уж значительно меньше есть что посмотреть, чем в Москве.

Из всей кампании я не знаю в настоящее время ни одного чорта, которого ты мог бы еще использовать для связи (можно еще перевести в качестве курьера. – прим. переводчика). Может быть – разве Алекса? Или Александра (в свое время находился в Вене), теперь является шефом восточного Отдела. Алекс – его помощник. Адрес: тов. Борович Столешников пер. 8 кв. 11.

Тов. Урицкому я послал телеграмму. Прошу его принять личное участие в выполнении твоих партийных дел. Надеюсь, он кое-что сделает.

С 19 мая по 6 июня меня не будет в Борисове. Однако – напиши еще о твоём отъезде, а также, как шло выполнение твоего задания.

После выполнения тобою партийных поручений – будет решен вопрос о твоём военном положении. Ты можешь быть использован в качестве командира резерва по автомобильному делу или на другой технической работе. Это – уже мелочь.

Что У. (по-видимому, Урицкий. – прим. переводчика) состоит сейчас в кампании (можно перевести также в Управлении. – прим. переводчика) является только условие (буквально перевести – “фортель”) для работы.

С наилучшим приветом Альфред».

О выполнении какого задания идет речь, можно только догадываться. Не исключено, что это был сбор тех самых сведений, который Кононович оценил как шпионаж. Ясно лишь, что отправляясь на Колыму, Фишер какое-то задание получил – и отнюдь не шпионского свойства, иначе опытный конспиратор Альфред не стал бы писать о нём в обычном письме. Несомненно и то, что Фишер дорожил этим письмом и также не считал содержащиеся в нём сведения секретными, иначе не стал бы хранить.

Следствие по делу Фишера в эти обстоятельства вникать не стало (по крайней мере, в протоколах допросов это не отражено), хотя факт изъятия писем – их было три – в протоколе обыска отражен.

Два других письма написаны в январе и июне 1935 года из Берлина сестрой Фишера Кларой его первой жене. В деле имеется написанный рукой Фишера текст (его трудно назвать показаниями), поясняющий семейное положение Фишера. Его первой женой была советская гражданка Анна Наумовна Рейхенштейн, Франц познакомился с ней в 1923 году в Вене, где она работала бухгалтером в торгпредстве. В 1926 году ее отозвали в Москву, Фишер встречался здесь с ней и ее родственниками – они знали его как Фишера и ничего не знали о его настоящей работе. Вернувшись в СССР через два года и получив другую фамилию, Фишер уже не мог показаться в этой семье и, по его словам, случайно встретил бывшую жену в Москве на Страстной площади лишь в 1935 году. Тогда она и передала ему письма от Клары Фишер.

На Колыме Франц снова пытался создать семью, его женой стала Мария Сергеевна Соколова, у них родился ребёнок, но брак (незарегистрированный) длился недолго – через два года, как пишет Фишер, Мария ушла к более молодому человеку по

фамилии Гамзаев. Его настоящую фамилию – Фишер – она не знает.

Некоторые обстоятельства дают мне основания полагать, что упомянутый Гамзаев работал в Колымском речном управлении Дальстроя и был арестован в июле 1938 года.

Но вернемся к письмам. Они написаны, несомненно, твердым и опытным человеком, переживавшим в ту пору большую беду. И хотя, как пишет Клара Фишер, ничего значительного сообщить из Германии в Россию невозможно, она ухитряется дать знать и о своем недавнем аресте, и двухмесячном пребывании в концентрационном лагере, и, видимо, состоявшемся совсем недавно аресте матери, и о том, что связь с братом потеряна... В письмах немало иносказаний, намеков, понятных лишь близким людям, а потому в УНКВД по ДС, вероятно, только пожалы плечами – стоило ли на такой перевод время тратить? Для нас же сегодня в этих письмах – крупицы трагической правды тех лет.

А измученный, затравленный Франц Фишер сказал тогда:

“Да, я признаю, что являясь германским разведчиком, занимался на протяжении ряда лет разведывательной деятельностью в пользу Германии.

Сведения о Колыме я собирал как разведчик Германии.

Поскольку следственным органам об этом известно я решил рассказать всю правду.

Я офицер разведывательной службы Германской армии, фашист, националист, по своим убеждениям, считал себя обязанным делать все возможное, чтобы ослабить мощь Советского государства, являющегося непримиримым врагом Германии.

На разведывательной службе имею кличку – номер “217”.

Далее следует рассказ о том, как выпускник офицерского училища Фишер еще в начале 1918 года был вызван к самому начальнику разведывательной службы Германского генерального штаба Николаи:

“Он сказал, что германский генеральный штаб отобран из окончивших военные школы лучших патриотов родины, доказавших свою преданность родине на фронте с тем, чтобы зачислить нас на разведывательную службу.

Вы должны гордиться, сказал Николаи, что на вашу долю выпала честь быть в числе лучших людей, которым оказывается высокое доверие.

Далее Николаи сказал, что германский генеральный штаб, учитывая возможное закрепление Советского строя в России, решил внедрить группу офицеров в коммунистическую партию Германии с тем, чтобы через эту организацию, в которой необходимо зарекомендовать себя с лучшей стороны, проникнуть в советскую разведку и в Советскую Россию для глубокой разведывательной и диверсионной работы.

В этом-же 1919 г. я вступил в II-м районе Берлина в коммунистическую партию Германии, скрыв, конечно, свое офицерское звание и вскоре стал командиром союза красных фронтовиков Западного района Берлина”.

Находясь в этой должности, Фишер, по его словам, срывал готовившиеся коммунистами забастовки, выдавал полиции склады нелегальной литературы, внедрял в ряды рабочих и солдат “компактные группы полицейских и верных правительству унтер-офицеров” – “сделал все от меня зависящее, чтобы превратить возглавлявшуюся мной организацию фронтовиков в небоеспособную единицу”.

В том же 1919 году Фишер, по его словам, через руководителя Союза красных фронтовиков Эриха Будиха устанавливает связь с советской военной разведкой и начинает активно работать в ее рядах, поставляя, со своей стороны, специально подготовленную дезинформацию и подбираясь к ее секретам. Так продолжалось десять лет, однако все это было лишь предлудией к настоящей работе германского разведчика, которая ждала его в Советском Союзе и особенно в его северных районах.

Фишер показал: “В конце 1929 г. получил приказание германской разведки срочно выехать, используя свои связи по линии Разведупра (ТЫЛТЫНЬ), для разведывательно-диверсионной работы в Советский Союз (...) мне было поручено осесть где-нибудь на окраине Советского Союза, изучить хорошо быт, нравы и русский язык, а затем приступить к созданию диверсионной сети (...)

При содействии ТЫЛТЫНЯ я прибыл в Москву и явился в Разведупр к БЕРЗИНУ Павлу (Берзин Ян Карлович, он же Павел Иванович, настоящее имя – Петерис Кюзис, профессиональный революционер, в советской военной разведке с 1921 года, в 1924 году становится начальником Разведуправления Штаба РККА, в 1937 году – армейский комиссар второго ранга,

начальник Главного разведывательного управления, арестован как шпион и заговорщик, расстрелян 29 июля 1938 года. Та же участь постигла и его преемника Урицкого. – А.Б.). Он, спустя короткое время, познакомил меня через приехавшего в Москву ТЫЛТЫНЯ, с БЕРЗИНЫМ Эдуардом Петровичем.

Совпало так, что Берзин Э.П. по своей инициативе предложил мне поехать с ним на строительство Комбината в Вишеру и мне не нужно было специально искать ходы для устройства на работу в глухое, отдаленное место.

В конце 1931 г. я выехал с Берзиным и группой вишерцев на Колыму”.

Понятно, почему Кононович в своем допросе так рвется к колымским эпизодам дела Фишера, самым следствием, разумеется, и придуманным – ведь главная цель “московской бригады”, которую он возглавляет, – сфабриковать насквозь лживое (но кто там будет проверять?) дело об антисоветской повстанческой, шпионской, вредительской и т.п. организации. Однако в этом своем рвении Кононович допускает явные небрежности – вот и знакомство Фишера с Берзиным и поездку на строительство Вишерского комбината едва ли не как случайность изобразил. Приходится подчищать. И 30 января составляется новый протокол допроса, который ведет все тот же Кононович:

“Вопрос: Не германской-ли разведкой была организована и проведена комбинация, в результате которой состоялось Ваше знакомство с БЕРЗИНЫМ Э.П. и прием Вас последним на работу в Управление Вишерского строительства?”

Ответ: Да, это произошло действительно так. С БЕРЗИНЫМ меня познакомил по приезду в Советский Союз германский разведчик ТЫЛТЫНЬ, советский гражданин, с которым я по германской разведывательной работе был связан еще в бытность свою в Германии.

Незадолго до знакомства с БЕРЗИНЫМ Э.П. ТЫЛТЫНЬ мне сказал, что он имеет специальное поручение германской разведки познакомить меня с БЕРЗИНЫМ Э.П., который также является германским разведчиком (...)

Связывая меня с БЕРЗИНЫМ Э.П. через ТЫЛТЫНЯ, как с разведчиком, германская разведка поручила мне быть связистом БЕРЗИНА с разведкой, устроиться через него на работу и

при его прямом участии приступить к подбору разведывательно-диверсионных кадров”.

Далее, по словам Фишера, он, советуясь в каждом отдельном случае с Берзиным, завербовал для шпионско-разведывательной работы пятерых врагов Советской власти:

Мордухай-Болтовского, инженера Вишерского строительства,

Зейц, зав. лабораторией того же строительства,

Холопецкого, главного механика,

Александрова, коменданта Вишерского лагеря,

Деспиллера, зав. лесозаготовками.

“Деспиллер, – показал Фишер, – уже здесь на Колыме мне рассказал о своей связи с японской разведкой, указав, что как японская, так и немецкая разведка в одинаковой мере заинтересованы в подрывной работе на Колыме”.

И такого ценного агента – дворянина, помещика, подполковника царской армии, державшего на Колыме (для того он его сюда, видимо, и вез) ниточки связей с Японией, – Сергея Александровича Деспиллера опытный Берзин сдал своим, домашним чекистам из дальстроевского УНКВД! Сдал задолго до приезда всей этой палаческой команды – еще в августе, сразу после начала операции по выполнению приказа № 00447. 8 сентября 1937 года Тройка УНКВД по ДС постановила Деспиллера С.А. расстрелять. Выписка из протокола № 4 заседаний этой Тройки имеется в архивно-следственном деле Перна.

И тут или германская разведка и ее резидент в Москве советник посольства Твардовский существенно переоценили Берзина, которому было словно наплевать на все эти связи (а ведь был ему обещан, по словам Фишера, крупный государственный пост – после устранения сталинского правительства, разумеется, и солидные денежки уже шли на личный счет в одном из германских банков), или оказался он таким сверххитрым, что начал круто обрубать опасные связи, когда и немецкая разведка о провале помыслить не могла. Впрочем, ему на месте было виднее.

Надеюсь, читатель простит мне это ерничество. Я весьма далек от того, чтобы хоть в чем-то подозревать первого директора Дальстроя, но подчас только юмор может спасти наше повествование, прорывающееся через завалы чекистских нелепостей, от полного краха.

Ну а потом в допросе Фишера пошли вождельные дальстроевские эпизоды.

“На Колыме, – рассказывал обвиняемый, – мною были завербованы для диверсионной работы следующие:

1. Юнеман – немец, экскаваторщик Северного горно-промышленного района, заключенный, завербован мною в 1935 году;

2. Дорфман – еврей, слесарь авторемонтного завода в Магадане, быв. заключенный, завербован в 1936 году;

3. Вагнерер – немец, механик по автомашинам Управления Автотранспорта, быв. заключенный, завербован в 1936 году;

4. Зисман – немец, быв. заключенный, токарь Автобазы в Атке, завербован в 1935 году;

5. Беккер – немец, буровой мастер в Южном горнопромышленном управлении, завербован в 1934-35 г.;

6. Вендель – немец, дорожный мастер на 56 километре, вольнонаемный, завербован в 1935 году;

7. Шульц – немец, работает в Управлении Мортрана судовым механиком, вольнонаемный, завербован в 1935 году.

Перечисленные немцы, завербованные мною для диверсионно-вредительской работы, являются фашистами по своим убеждениям и интересы Германии для них превыше всего.

Все мы представляли собой нечто вроде фашистской группы на Колыме”.

Ну немцы – ладно. Хотя с чего бы это советским немцам, родившимся и выросшим в Поволжье и на Украине, превращаться в оголтелых фашистов – что им чужеземный фюрер, своих, что ли, забот не хватало?.. Чекистский произвол тут очевиден, но хоть объясним – определенную “линию” проводили. А вот как в число фашистов еврей попал – это уже явный курьез, фамилия подвела.

Впрочем, дальстроевские “мичуринцы в погонах” не раз проявляли такую вот практическую дерзость – был у них в числе обвиняемых и эсер-монархист, группировали они для выполнения террористического акта казачьего вахмистра и еврей-троцкиста... Что и говорить, находчивые были люди – дальстроевские чекисты. И вот ведь что поразительно – совсем не в больших чинах, сержанты в основном. Крепкое поколение подрастало.

Однако злодей Фишер в своих диверсионных планах ставку делал не только на немцев.

“Кроме указанных лиц, – показал он все на том же допросе 15 января 1938 года, – мною в 1934 году были завербованы для диверсионной работы подрывник Цуцора, работающий на складах взрыв веществ в районе Нагаево-Магадан, инженер подрывник Эрастов, работающий в Управлении дорожного строительства “Дальстроя” и инженер-строитель бывший подполковник царской армии Будзко.

Каждый из нас должен был организовать небольшую самостоятельную диверсионную группу.

На подрывников Цуцору и Эрастова возлагалась задача подготовить взрыв бензобаков (любимый объект магаданских диверсантов, в делах 1938 года упоминается несколько десятков раз, однако так и остался невзорванным. – А.Б.), расположенных в районе Нагаево-Магадан. Без бензина моментально прекратилось бы автомобильное движение – основной вид транспорта Колымы.

На Будзко возлагалась задача подготовить и взорвать когда будет специальное на то указание, электростанцию в Магадане.

На Цуцору и Будзко – подготовить и взорвать порт Нагаево...”.

Планы, конечно, были ужасные. Но ведь и доблестные чекисты не дремали. А потому кроме обрушившегося “коровятника” да неустойчивой палатки диверсанту Фишеру в реальную заслугу поставить нечего.

Тем не менее в обвинительном заключении, которое начальник УНКВД по ДС Сперанский и прокурор Метелев утвердили 3 июня 1938 года, все тот же Кононович не жалел самых ярких красок, рисуя зловредную деятельность Перна-Фишера. По Кононовичу выходило, что в двадцатые годы наш герой сумел перевербовать резидентов советской военной разведки и заставить их работать на фашистскую Германию (интересно, сам ли Кононович до этого додумался или из Москвы подсказали?). “С 1932 г. до ареста был совместно с Берзиным Э.П. – быв. директором Дальстроя – одним из активных организаторов ряда диверсионных, фашистских групп Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической организации, созданной по заданию германской и японской разведок и “право-троцкистского блока”.

“Вследствие изложенного, – полагал Кононович, – Перн Антон Густавович (он же Фишер Франц Максевич) подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР...”.

Но в Москве к фигуре Фишера отнеслись без всякого интереса. Мало того, что сам он не оказался в числе фигурантов в деле Берзина (а потому вся блестящая конструкция – история о том, как Фишер был “связистом” у директора Дальстроя, – оказалась ненужной выдумкой), но и само дело Фишера до Военной коллегии не добралось – провалялось в наркоматских сейфах лето и осень и в начале зимы отправилось в Магадан (и вместе с ним еще 126 таких же дел-красавцев) с издевательским обоснованием: не рассмотрено за отсутствием в Москве арестованных (ну так известили бы, что они нужны, – разве долго было прислать?)...

Теперь надлежало “после доследования” направить каждое из них “в соответствующие судебные инстанции по месту нахождения арестованных”. Наступила бериевская “оттепель”, и было ясно, что многотрудное и сулившее немалые почести дело № 17777 реализовать в полной мере не удастся. Надлежало рассортировать арестованных: кого-то выпустить, кого-то отправить в трибунал за новой десяткой, кому-то...

Кому-то была уготована другая участь. В числе обвиняемых по делу № 17777 оказалось несколько человек, умерших в Магаданской больнице. В их числе был и Фишер.

Наверное, одним из первых. Потому что та издевательская сопроводилка, с которой отправлялись из Москвы дела, была датирована 5 декабря, т. е. томам нужно было добраться до Магадана, дальстроевским чекистам – хоть несколько дней, чтобы осознать драматическую для них ситуацию. И уже 3 января 1939 года заключенный внутренней тюрьмы УНКВД по ДС Фишер оказывается в Магаданской больнице. Лечение продолжалось 10 дней. 13 января он умер. Диагноз: рак желудка и перитонит.

В деле имеется лишь копия акта о смерти. Она датирована только 13 марта. Нет в деле ни прижизненных фотографий (хотя многих обвиняемых, проходивших по делу № 17777, фотографировали), нет дактилокарт – ни арестованного, ни умершего. Оттого сам факт смерти выглядит как-то зыбко.

Акта захоронения в деле также нет. Но это объяснимо: Фишер только подследственный. До того, чтобы стать осужденным (и получить, может быть, шанс – спастись где-нибудь в лагере), он не дожил.

Видимо, не дожил. Считать факт его смерти установленным до конца я бы не решился.

В октябре 1997 года в Омске – по месту хранения – архивно-следственное дело Фишера-Перна было рассмотрено сотрудниками областной прокуратуры. Доказательств вины умершего так и не нашлось – А. Г. Перн был реабилитирован.

Абрам – герой Севера

Страница газеты с очерком о А.И.Геренштейне

У меня очерк назывался скромнее – “Дорога как судьба”, потому что еще сорока годами ранее, 9 февраля 1932 года, эта фамилия – Геренштейн – прозвучала в приказе № 1, который отдал, прибыв в бухту Нагаева, директор Дальстроя Эдуард Петрович Берзин:

“§4. Заведующим автотранспортом назначаю т. Лапина Г. О. с оставлением т. Геренштейна А. И. в должности его помощника”.

Именно под таким заголовком 30 лет назад лондонская газета “Голос еврея” напечатала очерк, посвященный Абраму Исааковичу Геренштейну. Этим голосом заговорил тогда я, в то время – собкор Агентства Печати Новости. А вот заголовок, наверное, придумали мои коллеги в Москве (я бы на такую дерзость не решился).

А.И.Геренштейн. Фото начала 30-х годов

...В сентябре 1971 года 64-летнего Абрама Геренштейна, начальника транспортно-дорожного управления объединения “Северовостокзолото”, проводжали на пенсию. Он кавалер высшей награды страны – ордена Ленина, орденов Октябрьской Революции и Знак Почета, награжден многими медалями. Он награжден и почетным знаком “Ветеран труда Магаданской

области”, который вручается лучшим из лучших северян, проработавшим здесь не менее двадцати лет. Он имеет право на два таких знака, потому что проработал два раза по двадцать. Но дважды эта награда не вручается. И обком профсоюза специально для этого случая учредил Памятную ленту “Ветерану труда Магаданской области”.

Памятный подарок от коллектива Аткинской автобазы. Фото В.Шумкова

Говорили приветственные речи.

— Двадцать три года мы проработали с вами, – говорил здоровенный шофер, ас колымских дорог. – Помню проводы многих начальников, но так не провожали никого. Потому что не было человека отзывчивее и добрее вас. Эх, мало вы у нас проработали, Абрам!..

Объятия ветеранов. Фото В.Шумкова

Голос у шофера осекся, он шагнул к юбиляру, ткнулся лицом в его ярко-красную ленту, надетую через плечо. И так они стояли перед рукоплещущим залом, два старых человека, прошедших через такие испытания, о которых и вспомнить-то страшно, стояли и плакали на глазах у всех – начальник управления и шофер, еврей и русский, которых свела вместе трудная любовь к этой жестокой земле.

Геренштейн впервые ступил на нее в ноябре 1931 года вместе с товарищами, демобилизованными солдатами – механиками автомобильной школы. Техника – автомобили и тракторы – пришла следующим пароходом. Выгружались прямо на лед километрах в двадцати от берега. На месте нынешнего столичного Магадана стояли три-четыре барака и десятка два землянок. Золотые россыпи, которые прославят Колыму через несколько лет, еще не были открыты. Но уже мыли золотишко старатели, и представителям “Союззолота”, ведавшим старательской добычей, казалось, что большего здесь и взять невозможно. Появление автомобилей и тракторов на земле, которая еще не знала колеса, не имела ни одного метра дорог, казалось им не то ошибкой снабженцев, не то нелепой шуткой.

На Колымской трассе. Фото В.Шумкова

...В пятницу Абрама Геренштейна проводили на пенсию, а в понедельник, сделав традиционный круг по Комсомольской

площади, мы отправились с ним в его последнюю командировку по трассе, тысячекилометровой дороге, пересекающей южные районы Магаданской области и уходящей в Якутию.

– Вы неверно считаете началом трассы Комсомольскую площадь, – сказал Геренштейн, когда мы объезжали телевышку. – Она начиналась ниже, от самого моря, а здесь была непроходимая тайга. Сейчас это покажется смешным, но сорок лет назад я заблудился в этом распадке и часа два бродил примерно там, где сейчас находится универмаг “Восход”.

... В декабре 1931 года от бухты Нагаева на четырех полутонных грузовиках ушла в тайгу первая экспедиция. В ее составе было десять человек – четыре водителя, четыре помощника, повар и А. Геренштейн, руководитель. По бездорожью, в пургу и мороз удалось пройти за неделю тридцать километров. Идти дальше не было сил. Вернулись.

В январе вторая попытка. Теперь вместе с машинами шли два трактора. Удалось пройти 72 километра. Вернулись.

Третья попытка – в феврале. Ушли на десять километров дальше. Провалился под лед трактор. Неделю вытаскивали его из ловушки. Нужно было ремонтировать технику. Вернулись.

С каждой неудачей представители “Союззолота”, обосновавшиеся в теплых бараках на берегу бухты, все более скептически относились к планам энтузиастов. А те и сами уже были готовы поддаться унынию.

... – Давайте повернем налево, – сказал А. Геренштейн, когда мы доехали до 82-го километра, – я хочу показать вам пионерский лагерь.

Лагерь был построен в 1967 году. Год работы в новых экономических условиях дал Магаданской, Палаткинской и Аткинской автобазам солидную прибыль, и Геренштейн предложил истратить ее на строительство пионерского лагеря. Спор возник из-за места, магаданцы хотели, чтобы лагерь был около города, палаткинцы тянули к себе – на 87-й километр, аткинцы – еще дальше. Геренштейн в это время лежал с переломом ноги. Но когда стало ясно, что спор грозит затянуться, он воспользовался минутной оплошностью жены Елены Антоновны и отправился сам выбирать место для лагеря. Он нашел его здесь, на памятном 82-м километре, где закончилась неудачей третья экспедиция и где едва не погиб, провалившись вместе с трактором, его друг весельчак Семен Реснянский.

Лагерь рассчитан на 350 детей. Они живут здесь в семи просторных, широко открытых недолгому колымскому солнцу коттеджах. Здесь есть столовая, клуб, амбулатория, спортивные площадки, теплицы, в которых созревает последний в этом году урожай.

Начало сентября. Ребята разъехались по домам, пошли в школу. А здесь пустынно и тихо. И оттого грустно. Геренштейн вместе с комендантом в последний раз обходит территорию лагеря, он говорит о том, что нужно будет отремонтировать зимой, а весной обязательно построить бассейн. Но все это будет сделано уже без него. Стоит золотая колымская осень. Последние теплые дни.

– Я очень люблю детей, – сказал Геренштейн, когда мы опять сели в машину. – Наверное, мне нужно было работать педагогом или в каком-то другом учреждении, чтобы быть поближе к детям. Но что теперь говорить об этом?

... 4 февраля 1932 года в Нагаевскую бухту с превеликим трудом пробился пароход “Сахалин”. На нем прибыли Эдуард Берзин и все руководство Дальстроя. Новая организация, которую Сталин через семь лет назовет комбинатом особого назначения, взяла всю власть на Колыме в свои руки. У нее был иной размах, и она видела иные перспективы. Поэтому строительство дороги было сразу же поставлено в повестку дня, а вот сейчас, немедленно нужно было проложить зимник на Сплав, находившийся в двухстах километрах, доставить туда грузы для строительства и продовольствие.

Геренштейн ведет своих товарищей в четвертую экспедицию. Они проходят 118 километров, двое суток штурмуют Карамкенский перевал, увязая по горло в снегу. И снова возвращаются.

Пятая экспедиция оснащается еще более основательно. Теперь с машинами идут четыре трактора, кузница, мастерские, пятьдесят рабочих, чтобы расчищать снег. Машины везут 25 тонн груза. Чтобы подняться на перевал, прорыли 15-километровую траншею, поднялись. На спуске колонну застал такой мороз, что снег стал сыпучим, как песок. Полозья саней проваливались и разбивались о грунт. 132-й километр. Пришлось остановиться на ремонт.

В одну из ночей приехал Берзин. Вдвоем с каюром, на собаках, бесстрашный начальник Дальстроя поднялся до верхо-

вьев Олы и здесь обнаружил экспедицию. В палатках все спали. Дежурный, натрудившись за день, тоже дремал. Берзин присел, подложил в печку дров. Весело защелкал огонь, стало теплее. Когда проснулся дежурный, Берзин запретил будить остальных – утром наговоримся.

А утром повторил задачу, поставленную при выходе экспедиции: во что бы то ни стало дойти до Сплава, доставить груз, а для этого – преодолеть Элекчанский перевал.

Одолели и его. Только подивились развешанным на кустах обрывкам ткани и шкур. Позже узнали, что таким образом местные жители благодарили своих богов за то, что разрешили подняться так высоко. На этот раз экспедиция благополучно пришла к месту назначения. Так начиналась Колымская трасса.

В ту зиму Геренштейн еще пять раз водил своих трактористов и шоферов по этому маршруту. Было доставлено 360 тонн грузов. В год, когда он прощался с Колымой, грузооборот автотранспортных предприятий области составлял около 15 миллионов тонн.

Двумя годами раньше у Абрама Геренштейна гостил в Магадане внук. Дед возил его на охоту и рыбалку, знакомил с друзьями, рассказывал о своей молодости. Вернувшись в Москву, мальчик написал на уроке литературы сочинение. Он назвал его “Вокруг меня много интересных людей”. Главным героем сочинения был дед Абрам.

На Колыму Геренштейн приехал с женой и трехлетней дочерью Герой (Гертрудой). Младшая дочь родилась уже здесь. В первые годы семье часто приходилось переезжать из поселка в поселок, так требовала работа. Однажды на Яблоновом перевале (а ехали они в кузове грузовика) их застала свирепая пурга. Двое суток машина не могла сдвинуться с места. Мать с дочерью, да еще кот Гришка, провели эти двое суток в спальном мешке.

Давно уже стали взрослыми дочери. Гертруда живет в Николаеве. Недавно она сама стала бабушкой. Тамара живет в Москве. Работает экономистом. У старших Геренштейнов построена кооперативная двухкомнатная квартира в теплом украинском городе Черкассы.

– Я еще держусь, – говорил Абрам Геренштейн, – уговариваю сам себя. И очень боюсь за Елену Антоновну. Хватит ли у нее сил в тот день, когда мы будем прощаться с Магаданом?

Трудно, мучительно трудно оторваться от места, к которому прикипело сердце за сорок лет жизни. Но трудно в их годы и жить в краю, где, как поется в местной частушке, двенадцать месяцев зима, остальное – лето. Здоровье уже не то. И хочется быть поближе к детям, внукам, правнучке – не летать же на эти встречи через всю страну.

– В молодости все было так легко, – вспоминает Геренштейн. – Сидишь на тракторе, мороз – 50, кабины нет, а тебе и без тулупа, в одной кожаной курточке жарко. Спишь в снегу, волосы примерзнут к воротнику – и без простуды. В такую глушь заберешься, что никакой самолет не найдет, неделями голодали – не унывали, всегда знали, что выберемся, что помнят о нас и ждут.

Абрам Геренштейн сделал на Севере отличную карьеру. Начав с должности начальника колонны, он со временем стал хозяином всех дорог и всего автомобильного транспорта на территории, большей, чем Западная Европа. После ликвидации совнархозов он – начальник транспортного управления объединения “Северовостокзолото”.

Но и став крупным руководителем, Геренштейн по-прежнему большую часть времени проводил на трассах – теперь их стало немало. Каждый год он был первопроходцем, прокладывал новые маршруты по бездорожью. И опять, надрываясь, ревели тракторы и бульдозеры, проваливались в наледи автомобили, и опять измотанные до бесчувствия люди дремали вповалку у таежных костров. Геренштейн снова и снова возвращался к молодости.

– Свое сердце я, конечно, оставил здесь, – говорил он. – Магаданская область стала моей родиной, научила и воспитала меня. Здесь меня оценили и мне доверяли. Не имея высшего образования, я руководил предприятиями, на которых работали тысячи людей. Я старался оправдать доверие. Работа захватывала и влекла меня за собой. И, честно говоря, я не успел оглянуться, как пролетели эти сорок лет.

Мы простились с ветераном на Атке, в поселке, получившем свое название от автотранспортной колонны (АТК), которую привел сюда когда-то все тот же Геренштейн. Он вернулся в Магадан, чтобы готовиться к отъезду на “материк”, а нас тянула за собой трасса. Тянуло посмотреть новую комфортабельную гостиницу для шоферов в поселке Мякит, знаменитый на

весь Дальний Восток курорт “Талая”, где шофер может подлечить свой традиционный радикулит, посмотреть Спорнинский авторемонтный завод, который продлевает жизнь колымским машинам, Берелехскую автобазу, где трудятся быстроходные чехословацкие “Татры”. Перед нами были сотни километров дорог, проложенных Абрамом Геренштейном и такими же энтузиастами, как он.

... В долгом давнем интервью Абрам Исаакович не рассказывал, наверное, и тысячной доли того, что ему пришлось пережить. О скольких событиях – не только героических, но и трагических – он знал! С кем из тех, о ком мы буквально по крупицам собираем наше сегодняшнее знание, он только не был знаком! Например, Д. П. Святополк-Мирского, бывшего князя, бывшего эмигранта, автора замечательной “Истории русской литературы”, он мог видеть в 1937 году на Атке, куда тот был доставлен в качестве заключенного...

Да что там князь, если о себе самом, о собственной трагедии, которую Геренштейну пришлось пережить в те годы, Абрам Исаакович в 1971 году не сказал ни слова. Такое было время: откровенничать с кем попало было не принято. Да и я, хоть и знал, что Геренштейн не миновал в свое время “дом Васькова”, не осмелился спросить об этом “эпизоде” его биографии. И свою книгу о Святополк-Мирском я издам только через тридцать лет.

Такое было время. От него остались руины брошенных поселков: Мякит с развалинами той самой гостиницы для шоферов, Спорное с разрушенным заводом, Стрелка с пустым ангаром автобазы... Перечислять можно долго. А главное – сама трасса, бывшая “дорога жизни”, побитая, с редким движением, словно ведет теперь в никуда...

Моему герою, которому в 2002 году исполнилось бы 95 лет, даже в самом страшном сне не привиделось бы такое.

Недолгие отношения с А.И. Геренштейном завершились эпизодом едва ли не комическим. Тогда, в начале 1972 года, получив от редакции экземпляр газеты с очерком “Абрам – герой Севера”, я переснял эту страницу (ксероксов еще не было) и послал ее в Черкассы – без перевода, полагая, что в университетском городе найдется кому ее перевести, и каково же было мое изумление и даже ужас, когда через несколько дней я получил от А.И. возмущенное письмо:

“... Во время нашей поездки по трассе я вам рассказал о трудностях в работе по освоению Севера в первые годы моей работы. Как же оказалась такая ложь, мерзость, рисующие меня каким-то отпетым и чуждым нашему обществу уголовником?.. Прошу выслать мне текст направленной вами статьи, а также запись нашей беседы на магнитной ленте и сообщить, как можно опровергнуть эту мерзость?”.

“Да что же это такое? – думал я, направляясь к тогдашнему приятелю Валерию Тишкову, преподавателю Магаданского пединститута (сейчас он академик РАН, директор Института этнографии) – английским он владел в совершенстве. – Неужто мои коллеги в Москве наколбасили? Но не могли они это сделать, опытные ведь люди...”.

В тексте, который перевел Тишков, никаких “мерзостей и лжи” не обнаружилось. Что же тогда взволновало и рассердило уважаемого ветерана? Разгадка оказалась в следующем письме: А.И. вложил в конверт листок из “Международной панорамы” АПН, в который я опрометчиво завернул ту фотокопию. А на этом листке – описание мытарств какого-то заключенного в израильской тюрьме: “Там я впервые встретился с человеческими существами, которых общество отбросило от себя так далеко, что они превратились в подлинных зверей. Там я видел, как передаются из рук в руки опасные наркотики... Конечно, я научился воровать автомобили, взламывать магазины... Правда же, я чувствую, что во многом преуспел”.

“Ал. Мих.! – написал на том же листке Абрам Исаакович. – Вот это я принял за перевод очерка. Получилось как анекдот”.

Посмеялись. В письме А.И. объяснил, что ключевым в этом злополучном тексте были для него слова “заключенный” и “автомобиль” – прочитав их, он и подумал, что речь идет о нем. Выходит, что память о тюрьме и через 35 лет была жива.

А вскоре Абрама Исааковича Геренштейна не стало: Видимо, и впрямь настоящим северяном, через все прошедшим и все испытанным за несколько десятилетий пребывания в экстриме, трудно, а то и невозможно вернуться к райской жизни “материка”. Лучше и не пробовать.

Заговор в бухте Амбарчик

Несколько лет назад, в июне 1994-го, журналист Игорь Молчанов в статье “О загадочных пассажирах экспедиции Наркомвода 1932 года”, опубликованной в газете “Крайний Север” (бывшая “Советская Чукотка”), обоснованно сетовал на завесу секретности, до сих пор скрывающую цели и обстоятельства проведения этого крупного арктического мероприятия. И я, заинтересовавшись однажды судьбой одного из ответственных работников этой экспедиции – И.С.Ткачука, ничего не сумел найти о нем самом и экспедиции ДС в печатных источниках. Однако существуют кроме них – к счастью ли, к несчастью? – иные свидетельства, хранящиеся совсем в других фондах. Они, на мой взгляд, проливают новый свет на характер экспедиции, выявляют дополнительные обстоятельства ее проведения.

Странность этой экспедиции – уже в ее названии, а точнее в том, что она имела как бы два названия. Одно официальное, и оно приводится во всех работах по истории освоения Арктики – “Северо-Восточная экспедиция Наркомвода”. Второе – закрытое, ведомственное – “Северо-восточная Полярная (иногда только – Полярная) экспедиция Дальстроя”. Сравнение дат, названий пароходов, путей следования убеждает, что речь идет об одной и той же экспедиции, но у нее – странным образом (и это опять-таки отражено в документах) – оказываются два руководителя. Той, исторической, командовал, как известно, Н.И.Евгенов, а второй, дальстроевской, – Ю.С.Шифрин. И тут, видимо, правильнее говорить не о двух отдельных экспедициях, а об экспедиции (Дальстроя) в составе другой экспедиции (Наркомвода). Можно предположить, что их связывала достаточно сложная система взаимоотношений.

Иван Степанович Ткачук, вишерский заключенный еще по приговору 1927 года, был откомандирован в Дальстрой распоряжением ОГПУ и, оказавшись в конце лета 1932 года во Владивостоке (путешествовал он по маршруту Вишера – Москва – Владивосток вполне свободно, без конвоя), был буквально в последний момент, с ведома Э.П.Берзина, посажен на пароход “Сучан” в качестве заместителя начальника экспедиции. Он пройдет ее всю, оказавшись на ее заключительном этапе в должности начальника ее дальстроевской части, и летом 1934

года, то есть почти через два года после начала эпопеи, с последней баржей и последней группой заключенных придет (одно только это слово дает представление о том, как именно последний отряд экспедиции добирался до конечного пункта) в Среднекан. Эти сведения я почерпнул из протокола допроса обвиняемого Ткачука И.С., арестованного в июне 1938 года за участие в антисоветской, повстанческой, вредительской и т.д. организации, якобы возглавлявшейся Э.П.Берзиным. Осенью 1938 года подследственный Ткачук умер в магаданской больнице.

Но не ради же этих 18 з/к з/к, доставленных в 1934 году в центр только что родившейся золотодобывающей промышленности Дальстроя, была организована его Полярная экспедиция... Гораздо более щедрым источником информации оказалось еще одно архивно-следственное дело. Вот цитата из соответствующего документа:

“В условиях большой оторванности от материка (...) во исполнение Постановлений Партии и Правительства, в целях осуществления задач по освоению Калымского Края (так в документе. – А.Б.) – была заброшена морем на товарных пароходах в б/х Амбарчик партия заключенных в числе 180 человек”.

Теперь поупражняемся в арифметике. В указанной статье Игорь Молчанов приводит цифры из отчета Северо-Восточной экспедиции Наркомвода: “Всего в составе экспедиции, кроме личного состава, штаба и т.д. находилось 867 человек. Пассажиры отправлялись в распоряжение КИРУРТа (КРУДС – Колымское речное управление Дальстроя еще предстояло создать. – А.Б.) и 182 работника Дальстроя, которыми в экспедиции руководил уполномоченный ДС Ю.С.Шифрин”.

Далее И.Молчанов сообщит, что во второй половине августа 1932 года начальник экспедиции Н.И.Евгенов радировал в Наркомвод, Дальстрой и во Владивосток о необходимости – в связи с трудностями заброски в Нижне-Колымск, Средне-Колымск и Среднекан – часть из них, в количестве 250 человек, отправить обратно во Владивосток. Еще ранее “несколько десятков семейств” были отправлены в тот же путь на пароходе “Лозовский”.

(Тут возникают вопросы: почему так рано и так далеко от конечного пункта возникли сомнения в возможности заброски, почему об этой заброске беспокоится Евгенов, для которого

экспедиция закончится в Амбарчике, а не Шифрин, которому заброску и предстояло совершать, но ответов на эти вопросы пока нет).

Теперь собственно арифметика. Возьмем 867 как базовую цифру - столько было всего пассажиров экспедиции. Вычтем 182 (дальстроевцы) и 250 (тех, кто мог быть возвращен по ходатайству Евгенова). Получим 435 человек. Теперь наши заведомо известные з/к з/к, оказавшиеся в Амбарчике, - еще минус 180. Остается 255 человек.

“Необычность “пассажиров”, - я опять цитирую статью И. Молчанова, - на мой взгляд, подтверждается и тем, что среди них было 130 женщин и 80 детей. К тому же во время рейса две женщины стали матерями. Не очень-то верится, чтобы матери добровольно и сознательно везли своих детей в совершенно необустроенную глухомань”.

Далее автор высказывает предположение о том, что указанные женщины могли быть первыми из числа тех колонистов (точнее, на мой взгляд, - кандидатками в колонисты, т.к. последними можно было стать, только пробыв в Севвостлаге определенное время), которым, по мысли директора Дальстроя, предстояло осваивать этот северный край. К тому же, есть свидетельства ветеранов, помнящих женский лагерь в районе Средне-Колымска еще в первой половине тридцатых годов.

И тогда - 180 плюс 130 плюс 82 - общая цифра “свитловского контингента” будет 392 человека, а оставшиеся 43 человека (435 минус 392) - это, вероятно, те семьи, что возвратились во Владивосток на пароходе “Лозовский”.

(Существует, однако, и еще одна цифра этого этапа. В брошюре “Заполярная точка ГУЛАГа”, изданной в 1993 году Нижнеколымским музеем истории и культуры народностей Севера и московским историко-литературным обществом “Возвращение”, ее составитель Г.В. Самойлова приводит свидетельство участника этой экспедиции и бывшего колымского сидельца Б.Ф. Дьякова: “На кораблях прибыли и первые партии заключенных, около 15 тысяч человек” - цифра тем более фантастическая, что, по имеющимся у нас сегодня сведениям, весь контингент Севвостлага в 1932 году составлял менее 10 тыс. человек).

Так, отталкиваясь от разных источников, мы с коллегой установили общую цифру этапа, и все, казалось бы, сходится,

вот только 82 ребенка в его составе не дают мне покоя. Трудно представить даже в те времена “здравомыслящего” начальника, способного отправить на самый Крайний Север, по сути - в неведомое, целый детский дом. Но и столько бесшабашных “вольных” родителей, способных взять с собой детей в такое путешествие, по всей стране, наверное, не набралось бы. Но ведь дети-то были!.. Никаких упоминаний о них в документах тех лет мне пока не встретилось.

Дело, о котором я собираюсь рассказать, возникло в феврале 1933 года. “В условиях большой оторванности от материка, - я продолжаю цитирование все того же документа - обвинительного заключения по следделу № 116, - исчисляемой тысячами километров морского пути и вообще [отсутствия] населенных пунктов и мест, где вооруженная сила в виде Погранпоста, равного по численности в то время 16-ти человекам, расположенного от района, в котором произошел заговор на 180 км, а следующая за ней в количестве 10-ти человек в Средне-Колымске - на расстоянии 700 километров и далее до Среднекана, в любом направлении до 1000 километров - отсутствие вообще где-бы то ни было, при наличии путей сообщения: летом - пешим порядком по тундре или по реке на лодке, а зимой - на собаках и оленях (...)

Главное назначение этой партии заключенных состояло в систематической разгрузке тех грузов, кои были доставлены пароходами в бухту (имеется в виду Амбарчик. - А.Б.), для подъема их впоследствии вверх по реке Колыме к местам назначения, а также строительстве жилья для рабочих и помещений для коммунальных услуг, складских помещений и окарауливания и охранения таковых.

Естественно, что бытовая обстановка, тем более в тех суровых природных условиях, в которые попала эта партия заключенных, - не могла отличаться во всех отношениях положительными сторонами (пусть читатель обратит внимание на более чем шадящее иносказание - ведь речь идет об условиях невыносимо тяжелых. - А.Б.), в особенности в первые месяцы пребывания, когда приходилось жить не в бараках, а в палатках, не иметь бани, нормальной пищи, при отсутствии культурной работы и связи с внешним миром.

На этом фоне общего состояния, - сообщает далее документ, - некоторые из заключенных, учтя удобную почву для создания

организации повстанческого порядка – организовали из своей среды ядро в целях освобождения себя и других, путем разоружения охраны, истребления администрации и продвижения на Якутск с захватом по пути населенных пунктов, предварительно тщательно разработав план своих действий”.

Вечером 9 февраля 1933 года вр. (временный?) уполномоченный ИСЧ (информационно-следственная часть) СВЛ ОГПУ (УНКВД еще не существовало, чекистское обслуживание на Колыме осуществлялось работниками Северо-Восточного лагеря) получил сообщение от з/к Слесаренко, что группа из шести заключенных готовит нападение на администрацию (дело происходило все на том же Амбарчике): “Когда администрация “Дальстроя” уполномоченный и нач. к-ды охраны соберутся в столовую (столовая на кухне больницы) ужинать в это время будем делать нападение с ножами и топорами, начнем убивать, захватим оружие, после чего нападём на команду охраны так же обезоруживаем и одно временно захватываем шхуну “Темп” уничтожаем радио лишаем связи... Начальн. экспедиции “Дальстроя” Шифрина оставим живым для того, чтобы он нам выдал командировочные удостоверение а потом его убьем. Приезжающие нарты за грузом в бухту Амбарчик задерживаем сколько нам потребуется для того, чтобы скрыться забрав с собой продовольствие и спирт”.

Не позже чем на следующий день пять членов группы были арестованы и помещены в карцер (один из заговорщиков в это время находился в больнице из-за цинги). Вр. уполномоченный начал следствие, о первых результатах которого через неделю составил рапорт на имя зам. начальника Северо-Восточных лагерей ОГПУ (Нагаево-2 – так был обозначен адрес).

Нам теперь трудно установить, каким образом двигался этот рапорт из бухты Амбарчик в Нагаево, какого числа он оказался у адресата – дата регистрации отсутствует, есть лишь резолюция “В дело”. Вполне возможно, что рапорт оставался на руках у уполномоченного в Амбарчике, а в Нагаево ушла подробная радиограмма. Так или иначе, но, видимо, уже в начале марта УСВИТЛ располагал необходимой информацией о случившемся. Она вызвала тем более скорую ответную реакцию, что положение дел на лагкомандировке в бухте Амбарчик, как будет сказано позднее в обвинительном заключении, “... усугублялось теми обстоятельствами, что Уполномоченный по линии орга-

нов ОГПУ, не поладив с Администрацией, бросив свой пост – уехал. Охрана морально не поддержанная им, вследствие этого, потеряла свое лицо и разложилась”.

Не позднее 21 марта помощник Начальника УСВИТЛа А.С.Энгельгардт (по тем временам очень быстро – учтите расстояние в две тысячи километров и тогдашние средства передвижения – самолетов у Дальстроя еще не было) оказался на месте происшествия. 24 марта помечен первый составленный им по этому делу протокол.

В июне 1991 года (№ 113 от 15.06) “Магаданская правда” поместила весьма восторженный очерк инструктора партийного архива обкома КПСС Н.Телковой “Выбор”. “Так кто же они, – так начинает свой панегирик автор, – те, кто пришел в партию большевиков в годы становления Советского государства? Вопрос: какой титул отца? Ответ: потомственный почетный дворянин. Вопрос: как себя чувствуете в пролетарской семье? Ответ: чувствую хорошо, если семья пролетарская”. Это ответы Энгельгардта Александра Серафимовича, члена ВКП(б) с 15 октября 1918 г., комиссии по чистке парторганизации Дальстроя.

В четырнадцать лет под влиянием старшего брата, члена РСДРП, осознав “лживость всего окружающего”, уйдет из дома сын казачьего полковника, навсегда связав свою судьбу с партией большевиков и революцией. Пройдет путь от рядового бойца до начальника разведки партизанского отряда, будет работать в ОГПУ, в редакциях периодических изданий.

Александр Серафимович был одним из первых коммунистов, прибывших на Колыму. О нем доброжелательно говорит Э.П.Берзин на заседании комиссии по чистке: “... как чекист был на нескольких фронтах, тяжело ранен, дрался, а почему не ушел к белым. Конечно, им руководили убеждения. У нас было аховое положение в Амбарчике. Теперь, можно сказать, назревало такое положение, что грузы уйдут. Надо было ехать кому-то наводить порядок. Поехали Энгельгардт и Образцов”.

Я не уверен в том, что архивный работник в данном случае правильно прочитала, может быть, не очень отчетливую стенограмму. Какие грузы и куда они могли уйти? И зачем для их спасения нужно посылать высокого лагерного начальника, если

это дело хозяйственное? Может быть, не грузы, а зэка (или люди) уйдут? Тогда, конечно, командировка Энгельгардта может оказаться полезной. И беспартийному рабочему Огурцову (возможно, что вохровец) работа найдется.

К приезду Энгельгардта заговорщики продолжали находиться в карцере. Упомянутый выше И.С.Ткачук, зам. Шифрина по снабжению, дал им следующие характеристики:

“Шмалько Павел.

Работает удовлетворительно. С первых чисел октября я стал его замечать в компании с з/к Ивановым, Кульчицким, Деревянко и Косяченко. Несмотря на то что работали на разных работах, при уходе с работы старались друг с другом видется. Не помню какого числа но помню что после 20/х бригадир Скачков писал мне заявление что указанные выше з/к ведут часто между собою уединенный разговор стараются чтобы при разговоре их никто не замечал, был случай когда Скачков застал их во время работы уединенно спрятавшимися и шопотом вели разговор, увидя Скачкова они растерялись, по мнению Скачкова разговор был подозрительный. Заявление Скачкова я передал Нач. И.С.Ч. тов. Мельникову. В общежитии ведет себя отвратительно с низшим тех. персоналом совсем не считался.

2. Кульчицкий. Далеко не глупый, скрытным характером, в момент выхода из больницы з/к Перебейнос Луки (последний лежал в больнице) Кульчицкий старался обязательно подойти к Перебейносу хотя на минуту, был случай когда я делал замечание Кульчицкому, почему он ушел с работы (в то время он резал дрова для палатки). Особенную дружбу вел с Деревянко, как говорят не разольеш водою.

3. Перебейнос Лука. Тип настоящего бандита. При первой моей встречи, при проверке обмундирования у всех заключенных, в присутствии многих закл. в том числе и бригадира Скачкова обругал меня не цензурными словами. Будучи в больнице больным, во время амбулаторного лечения и приходящие больные вели разговор об администрации, Перебейнос лежа на постели больным кричал через стенку палатки их давно нужно перерезать, такую администрацию давно нужно было бы перебить а Вы дремлите. Подробности этого разговора передал мне механик экспедиции з/к Бергер, который в это время был на приеме.

4. Косяченко. Вел себя совсем скрытно. При посещении мною общежития я неоднократно его заставлял в обществе со Шмалько П. и з/к Деревянко. Был случай когда я вошел в казарму ночью и с первого взгляда от дверей в противоположном углу увидел горящую свечу на нарах, с целью противопожарных отношений я направился прямо к огню горевшей свечи и застал указанную тройку Шмалько, Косяченко и Деревянко, которые заметили меня раньше чем я успел подойти, сразу Шмалько П. потушил свет и мне не удалось ничего заметить. Кроме того что когда я вызвал старосту з/к Приходько, последний зажег свет т.е. пришел с фонарем вплотную к тому месту где горела свеча то я увидел Шмалько Степана лежащим раздетым спал, Шмалько Павел рядом Косяченко не успели раздеться, стараясь от меня спрятать под одеяло, и приказал им снять сапоги в которых оба лежали на постели, на мои замечания з/к Деревянко почему он не спит не снявши сапог последний ответил что он только что ходил на двор. Косяченко никогда не выдавал себя с отрицательной стороны поведением к техперсоналу, но особые отношения его к указанным лицам чувствовались.

5. Деревянко. Дружба Деревянко с Кульчицким была неразлучная при каждом удобном случае, в каждую свободную минуту времени проводил с Кульчицким. Был такой случай в 10-ых числах октября 1932 г. у административной палатки Кульчицкий колот дрова, в это время я вышел взять дрова для печки, дрова находились в маленьком коридоре пристроенным к палатке, Кульчицкий находился за стенкой коридора. Слышу голос Кульчицкого, как Лука себя чувствует, последовал ответ пока плохо, Кульчицкий добавил вот это скверно, в это время я поинтересовался с кем разговаривает Кульчицкий, приоткрыл дверь, в это время рядом с Кульчицким стоял Деревянко, который сразу ушел увидев меня. Я спросил Деревянко ты откуда идешь последний ответил из больницы. Тогда мне было ясно что разговор шел про Перебейноса.

6. Шмалько С. наблюдая со стороны было ясно заметно что он находится под влиянием Павла Шмалько. В октябре месяце 1932 года, во время скрытого бунта и открытого неповиновения по исполнению административного распоряжения большинством заключенных Шмалько С. в это время не был замечен. В январе 1933 г. обругал десятника з/к Юшина, а когда я ему на это сделал замечание, он со мной огрызнулся. Особенных замечаний за ним не было”.

Отдельной запиской 22 марта И.С.Ткачук сообщил Энгельгардту об объекте предполагавшегося покушения: “На Ваш запрос от 21/111 с/г сообщаю, что столующиеся при адм. кухне Экспедиции ДС в б. Амбарчик т.т. Шифрин, Мельников, Карпман, Кулешов, Памельцев и я. Ужинали постоянно в столовой от 10 до 11 час. вечера. За ужином проводили время от 40 мин до 1-го часа. Не всегда приходили на ужин: Мельников, Карпман и я”.

Столь активное участие в следствии Ткачука объясняется, возможно, тем, что к приезду Энгельгардта начальник экспедиции Шифрин был в командировке (он часто отлучался из Амбарчика) и Ткачук замещал первое лицо экспедиции.

Отмечу в записках Ткачука два обстоятельства общего свойства. Зимовка заключенных в Амбарчике складывалась тяжело. И дело было, видимо, не только в производственных трудностях, но и в недостаточном или, по крайней мере, несбалансированном питании, следствием чего явилась цинга, которая начала косить заключенных уже вскоре после высадки на арктическом берегу. Как следует из записок Ткачука, в декабре 32-го - феврале 33-го лечились от цинги и двое членов будущей преступной группы - Перебейнос и Деревянко. А Лука Перебейнос, по отзывам свидетелей, до этих испытаний отличался громадной физической силой и, видимо, крепким здоровьем.

И тут стоит задаться вопросом: отчего столь по-головотяпски снаряжалась эта экспедиция, если ее участники (а были это, вероятно, вполне здоровые люди, коль незадолго до ее осуществления ОГПУ издало специальный приказ, предусматривавший отправку в Севвостлаг лишь физически крепких, сильных людей) спустя уже несколько месяцев после ее начала стали превращаться в доходяг-цинготников? Осознавало ли руководство (экспедиции и самого Дальстроя) свою вину – не только в том, что цинга стала косить заключенных, но и в том, что, почувствовав угрозу для своей жизни, заключенные замыслили восстание и побег? И как в этой ситуации чувствовал себя И. С. Ткачук – ведь он по должности отвечал в экспедиции за снабжение? Впрочем, справедливости ради напомним, что назначен в экспедицию Ткачук был лишь в последний момент, а потому и реализовать свои немалые организаторские способности он (впоследствии Ткачук станет одним из организаторов КРУДСа, отличится в качестве одного из

руководителей ЮГПУ, а затем и в должности начальника КУСиПХа) просто не имел возможности.

Вторым характерным обстоятельством существования экспедиции в ту пору является, как мне кажется, ее крайне беспокойный характер. В своих “характеристиках” Ткачук упоминает скрытый бунт и открытое неповиновение, случившиеся еще в октябре 1932 года, т.е. в самом начале зимовки. В цитированном мною рапорте Мельникова упоминаются еще две группы заключенных, которые могли бы примкнуть к перебейносцам, если бы те попытались захватить на зимовке власть. Вспомним строки обвинительного заключения о разложении самой этой власти.

И тут не покажется ли несколько двусмысленной, что ли, сама записка-ответ Ткачука на запрос Энгельгардта о лицах, уживавших на кухне в больничном бараке? С одной стороны, да, – засиживалась головка администрации ежедневно чуть ли не до 23-х часов за ужином (а чем могут заниматься шесть дальстроевцев в столь позднее время на краю света, догадаться нетрудно), но, с другой стороны, сам Ткачук, а также Мельников (не тот ли это Мельников, что через пять лет, в 1938 году, возглавит РО по Северному горно-промышленному управлению и украсит своей подписью многочисленные акты расстрелов на спецкомандировке “Серпантинная”?) и Карпман (нач. отряда охраны) присутствовали на этих ужинах не всегда, т.е. вы нас, т. Энгельгардт, с “ними” на одну доску не ставьте... Склока в тех тесных условиях существования была частой гостьей.

Арестованные по подозрению в заговоре задолго до приезда Энгельгардта догадались, что арест этот неспроста. Об этом позднее, уже в июне, показал свидетель Сазонов: “Когда Перебейносу Луке с его компанией пришлось сесть в карцер, где находился и я, то они между собой говорили: “Кто проговорился”, при чем каждый заявлял: “Я ничего не говорил”. После этого говорили вообще о стукачах и Перебейнос Лука выразился: “Если-б тут человек шестьдесят перебить (выходит, подозревал в стукачестве каждого третьего? – А.Б.) может мы бы и уцелели”. Шабанов стал рассказывать, что инженер Хлопецкий предлагал в админ. палатке “создать дело и для примера расстрелять человека четыре”. Тогда все сидящие стали обсуждать этот вопрос и высказывались, что может быть их потому и посадили.

В дальнейшем разговоре Перебейнос Лука заявил: “Нам одна яма осталась, я выбью дверь пусть стреляют, все равно”. Это он повторял и позже, добавляя: “Тут сидеть все равно зацыгуешь, надо как нибудь вырываться”.

Уже 11 февраля начальник охраны Карпман донес уполномоченному ИСЧ о том, что сего числа в 11 часов “сидящий в карцере з/к Перебейнос Лука сломал нары отломанным поленом разбил дверь карцера”.

Следующий рапорт: “Доношу, что сидящий в карцере Перебейнос Лука 13/11 в 5 часов утра завел громкое пение с сидящими: Шмалько Павлом, Косяченковым и Кульчицким. На предупреждение деж. по лагерю тов. Цифилина Перебейнос Лука стал ругаться матом и говорить “все равно нас всех расстреляют”.

19 февраля находившиеся в карцере заключенные Перебейнос, Кульчицкий, Шмалько Павел и Косяченко заявили дежурному по лагерю: “Хлеба нам не носите, пусть морят голодом”, и отказались себе для карцера резать дрова.

20 февраля Кульчицкий и Косяченко объявили, что они будут голодать девять суток.

1 марта еще один рапорт: “Доношу, что 28/11-33 г. в 13 час. дня Перебейнос Лука, Косяченко и Шмалько стали резать в карцере пол. На предупреждение дежурного тов. Цифилина Перебейнос обругал его нецензурными словами...”

Ни эти, ни другие демонстративные акты охраны не испугали, да и бояться ей больше было некого, кроме как Луки Перебейноса в лагере, а за стенами карцера охрана решила, видимо, держаться до последнего, пока он карцер не разломает. Но не успел, хотя возможность такая была, – это специально отмечено в обвинительном заключении.

Прибывший в Амбарчик Энгельгардт следствие повел весьма энергично – уже 26 марта, т.е. на третий день после того, как он взялся за допросы, дал покаянные показания Кульчицкий (возможно, в том заслуга и Мельникова, допрашивавшего Кульчицкого еще в начале марта, хотя если судить по протоколу, говорили они о событиях, к заговору никакого отношения не имеющих – но кто знает, о чем они говорили на самом деле). Теперь у Энгельгардта доказательств заговора было вполне достаточно, и в тот же день, 26 марта, он предъявил обвинение пятерым обвиняемым:

Перебейносу Луке Васильевичу, 1905 г.р., уроженцу Борвенковского района УССР, украинцу, по социальному происхождению – из крестьян-бедняков, портному по специальности, осужденному нарсудом Изюмского округа УССР по ст. 145 ч. 2 УК УССР (умышленное нанесение тяжких телесных повреждений), – на 6 лет лишения свободы;

Деревянко Павлу Петровичу, 1906 г.р., уроженцу Прилукского района УССР, украинцу, по социальному происхождению – из крестьян-кулаков, сапожнику по специальности, осужденному Прилукским окрсудом по ст. 70 ч. 3 УК УССР (состав преступления, неведомый УК РСФСР: хулиганство, сопряженное с убийством, изнасилованием, тяжкими телесными повреждениями или поджогом), – на 10 лет лишения свободы;

Косяченко Роману Андреевичу, 1910 г.р., уроженцу Петрокиевского (м.б., Петриевского? – А.Б.) района УССР, украинцу, по социальному происхождению – крестьянину-середняку, малограмотному, чернорабочему, осужденному Днепропетровским окрсудом 2.06.28 г. по ст. 70 ч. 3 УК УССР, – на 3 года лишения свободы;

Шмалько Павлу Федосеевичу, 1910 г.р., уроженцу Пятихатского района УССР, украинцу, по социальному происхождению – крестьянину-бедняку, малограмотному, чернорабочему, осужденному Криворожским окружным судом по ст. 70 ч. 3 УК УССР, – на 5 лет лишения свободы;

Шмалько Степану Лаврентьевичу, 1909 г.р., уроженцу Пятихатского района УССР, украинцу, по социальному происхождению – крестьянину-бедняку, малограмотному, чернорабочему, осужденному по ст. 70 ч. 3 УК УССР, – на 8 лет лишения свободы.

Кульчицкому в тот период обвинение предъявлено не было (хотя в качестве обвиняемого он и был допрошен) – как бы в благодарность за “чистосердечное признание”. Однако в дальнейшем обвинительное заключение назовет и его в числе участников совершения преступления. А потому приведу и его анкетные данные: 1906 г.р., уроженец Ермолинецкого района УССР, украинец, по социальному происхождению – из крестьян-бедняков, малограмотный, по специальности сапожник, осужден по ст. 17-170 (покушение на кражу) УК УССР – на 7 лет лишения свободы.

Каждый из пятерых был обвинен в том, что “состоял в группе, готовящей нападение на охрану с целью освобождения

з/к, захвата командировки б. Амбарчик и убийства администрации” – т.е., по мнению Энгельгардта, совершил преступление, предусмотренное ст. 58 УК РСФСР. Пункт статьи пока что не уточнялся.

Допрошенные в тот же день П.Шмалько, П.Деревянко, Р.Косяченко и Л.Перебейнос заявили, что в побег не готовились, ни о какой группе ничего не знают и антисоветской агитацией не занимались.

Степан Шмалько в тот день то ли вообще не допрашивался (что сомнительно, так как Энгельгардт допрашивал всех остальных его поделщиков – а на этого что, времени не хватило?), то ли все-таки был допрошен и ответил так же, как и вышеназванные четверо, но в дальнейшем следствие сочло, что этот протокол лишний – в деле присутствует протокол его допроса уже от 28 марта. На этом допросе Степан Шмалько – так же, как и Кульчицкий двумя днями раньше – дал признавательные показания. Приведу их полностью, так как они весьма отчетливо иллюстрируют фабулу обвинения. Эти показания окажутся нам не лишними в рассуждении того, как сложились в дальнейшем судьбы каждого из обвиняемых.

Степан Шмалько показал: “В январе с/г я был выпущен из карцера. Когда я пришел в барак там на верхних нарах сидели Лука Перебейнос, Кульчицкий, Косяченко и Шмалько Павел. Лука был мне известен, как человек отчаянный, про которого говорили, что ему кого убить ничего не стоит. Он сам говорил, что на свободе убил несколько человек.

Шмалько Павел меня позвал и когда я лег рядом с ними на нарах, Лука Перебейнос спросил: “Пойдешь с нами?”. Я ответил: “Куда?”. Он сказал: “Не спрашивай”. Я повторил: “Да ты скажи куда?”. Лука ответил: “Обезоружить охрану”. Я заявил: “Я больше никуда не пойду”.

Тогда все четверо стали меня уговаривать “Так ты тут от цыгги погибнешь, а нам нужен пятый человек, хоть стоять для блезиру будешь, чтобы пугать”. Но я все не соглашался. Тут Лука мне пригрозил: “Если ты о нас кому скажешь, я тебя задушу. Здесь нас судить никто не имеет право, а повезут по Колыме, найду время и убью”. Поэтому я все время молчал так как очень боялся.

После этого разговора они почти каждый день совещались при мне и ходили к Деревянко. Кроме меня они предлагали

присоединится к ним Протасову, а за два дня до их ареста Слесаренко. Протасов отказался и ему так-же пригрозили убить если скажет, а Слесаренко согласился.

Когда обсуждали как действовать, то решили так: Лука по его словам выследил, как администрация ходит ужинать. Выбрав день, когда все начальство соберется сразу, он вбежит в барак и сразу-же выйдет. Тогда остальные должны схватить лежащие под нарами топоры и идти в больницу. Один оставался-бы у дверей, а остальные вбежав во главе с Лукой в столовую должны были рубить ужинающих. Первый, кто вбежит в столовую должен был рубить того, кто из ужинавших сидел дальше от входа. Остальные ближних. Убив всех кроме Шифрина и Мельникова (Бергера* не знали убивать или оставить) забрать наганы и пойти обезоруживать охрану. Раньше были планы захватить сперва дежурного стрелка и воспользоваться для нападения на администрацию его наганом, но потом решили так, как сказано выше.

После разоружения охраны трое с винтовками должны были перегнать вольных рабочих (Были, выходит, в Амбарчике и жили на командировке вместе с заключенными и такие. Не той же экспедицией они были сюда и доставлены? Тогда, возможно, в вышеприведенные расчеты следует внести коррективы. – А.Б.) в барак для заключенных (в свободную его половину) и остаться сторожить, а двое тогда пойти на шхуну «Темп» и арестовав команду испортить радио. Они думали, что сразу к ним присоединятся Мищенко и Пархоменко, но говорили-ли они этим двум о своих планах и обо всем задуманном я не знаю.

Дальше предполагалось поступить так. Оставленные в живых Шифрин и Мельников сообщают первый по хозяйственной, а второй по ИСО – линиям, что в Амбарчике все благополучно. Это у них требуют под угрозой смерти. Жителям, которые будут приезжать за грузом будут все давать и поить их. Они ничего не заметят, а если заметят так не скажут. Оружие все собрать в одно место и в бухте Трояна в избушке ставить пост, что-б сообщал кто едет. Если будут приезжать пограничники по одиночке – то их убивать. На случай если поедет весь отряд с пулеметом, то Лука предлагал «зарядить кругом по сопкам аммоналом и их на пути взорвать». По его словам, он

* В «характеристиках» Ткачука Бергер значителен как заключенный-механик. В числе ужинавшей элиты он не назван. – А.Б.

работал в каменоломнях и знал подрывное дело.

Сперва думали пойти по Колыме отрядом, кто захочет по направлению к Якутску, чтобы там разбившись по одиночке пробираться домой. Потом решили, что туда идти далеко и по предложению Кульчицкого уговорились уехать в Америку.

Говорили, что под винтовками команда шхуны "Темп" их до Аляски довезет, а может они захватят какое большое судно. В Америке думали "будем жить хорошо. Правда, сперва посадят в ДОПР (Дом предварительного заключения, советские уголовники, видимо, полагали, что такие учреждения должны быть и в Америке. - А.Б.), но как увидят, что от большевиков бежали нам хвала будет".

Перед отъездом думали пригнать для тех з/к з/к, что с нами не поедут оленей из тундры на кормежку. Если к ним присоединится много народа из з/к и часть вольных, то Кульчицкий предлагал поехать вместе с Косяченко и группой, что присоединится, сделать налет на Нижне-Колымск. Перед этим думали заставить Мельникова написать записку в погранчасть, что конвой весь болен - "вышлите человек десять". Этим высланным устроить засаду и их побить. Тогда пограничников останется мало и бояться их будет нечего. Тогда можно будет до весны "жить и гулять".

Когда нас арестовали, то Перебейнос, Шмалько Павел, Кульчицкий и Косяченко говорили в карцере: "Ни в чем не сознаются. Тут все равно с нами ничего поделаться не могут. Повезут куда, конвой будет 3-4 человека, с ними справится легко".

26 марта Лука Перебейнос говорил: "Как только пурга будет, я вылезу из карцера и нападу на охрану а вы поддержите". До этого он спрашивал Косяченко как расположены двери в помещении охраны. По его словам он все время глядел из карцера, кого на допрос ведут, что-бы знать кто на него показывает. Выйдя из карцера он с теми хотел разделаться.

Сегодня мне больше говорить трудно".

Отмечу необычность последней фразы протокола. Мы к ней еще вернемся.

Итак, заканчивался март 1933 года. Что было дальше? Как двигалось дело? И куда ему, казалось бы, двигаться, кроме как к логическому завершению - следовало провести очные ставки между обвиняемыми и свидетелями, между обвиняемыми, признавшими свою вину (а таких была двое - Кульчицкий и

С.Шмалько), и теми, кто ее не признал (их было четверо), выполнить, как говорили юристы на протяжении нескольких десятилетий, 206-ю, т.е. ознакомить обвиняемых с материалами дела, зафиксировать их ходатайства, принять или отклонить их, составить обвинительное заключение и...

Далее, в хронологическом порядке, дело Перебейноса и других обвиняемых пополнилось спустя три месяца протоколами допросов двух свидетелей (один из них был допрошен повторно). Причем в протоколах не указано место проведения допросов - был ли это Магадан (но, право, не столь уж важны были эти показания, чтобы из-за них этапировать свидетелей за две тысячи километров) или все тот же Амбарчик (но тогда получается, что Энгельгардт эти три месяца только тем и занимался, что курсировал между Амбарчиком и Магаданом, но и ему из-за тех же показаний не стоило снова отправляться в далекий путь). И кроме этих двух, никаких других новых протоколов в деле нет.

И появляется обвинительное заключение. Оно будет подписано Э.П.Берзиным, директором Дальстроя, в качестве Начальника Управления СВИТЛ ОГПУ (странно? но почему бы и нет, если данное лицо существовало в тот момент на северной земле

"УТВЕРЖДАЮ"

Начальник Управления СВИТЛ ОГПУ 51 / Берзин /

ОБВИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следделу № 116 по обвинению
з/к з/к:
1: ПЕРЕБЕЙНОС Лука Васильевича,
2: КОСЯЧЕНКО Роман Андреевича,
3: ШМАЛЬКО Павла Федосеевича, и др.
до ст. 58-8 УК.

В условиях большой оторванности от материка, длившейся тысячами километров морского пути и вблизи населенных пунктов и мест, где вооруженная сила в виде Погранпостов, равною по численности в то время 15-ти человек, расположенного от района, в котором произошла взрывор на 130 км., а следовал за ней в количестве 10-ти человек Средне-Колымске на расстоянии 700 километров и далее до Среднекань, в любом направлении до 1000 километров - отсутствием вообще кого-бы то ни было, при наличии путей сообщения: летом - пешими порядком по тундре и по реке на лодке, а зимой - на собаках и оленях - во исполнение Постановления Партии и Правительства, в целях осуществления задач по освоению Колымского края - была заброшена морем на товарных пароходах в б/х Амбарчик партия заключенных в числе 130 человек.

сразу в нескольких ипостасях: и бог, и царь, и воинский начальник, и еще бог весть кто...), почти через год – 13 февраля 1934 года.

И что же, спросит читатель, так весь год дело и пролежало без движения: арестованные где-то сидели – в Амбарчике (но там едва ли – уж слишком карцер ненадежным был) или их в Магадан перевезли (но опасное это дело – помните, что Перебейнос собирался по дороге устроить, а это ведь не только мы – это в первую очередь “администрация” прочитала), Энгельгардт туда-сюда ездил (других забот у него не было), а Берзин Э.П. все никак не находил время автограф свой поставить?..

Все было, конечно, не так и совсем не так, как предполагает нормальный ход уголовного процесса, не так, как мы себе это представляем по УПК. В очерке “Остался один Ворошилов...”, опубликованном ранее, я не удержался, представляя аналогичные обстоятельства, от сарказма: право, хулиганской насмешкой над судопроизводством или неистовым стремлением к соблюдению законности там, где она не могла присутствовать, следовало считать тот факт, что по делу о лицах, расстрелянных в декабре 1937 – январе 1938 годов, обвинительное заключение было составлено лишь через два месяца, в марте 38-го. Но не было в действиях трудолюбивых работников УНКВД по ДС тех лет ничего из того, что я им ставил в вину – была лишь устоявшаяся уже к тому времени практика.

О ней поначалу ходили лишь легенды. И, конечно, только какими-то слухами (интересно, от кого и когда они до нее дошли?) могла пользоваться в семидесятые годы магаданская поэтесса Виктория Гольдовская, сочиняя (но ведь, оказывается, не сочинила – истинную правду написала!) своего “Старого радиста”. Это стихотворение опубликовано в вышедшей недавно книге «Дело о литературном салоне»:

Широкий кленовый лист
Не скроет того, кто плачет.
Пенсионер-радист
Сажает левкои на даче.
Сорок лет позади.
Дождинки, как точки, в раме.
Куда от тебя уйти,
Проклятая память?
... В памяти тридцать второй
И отголоски драмы.

В памяти жив Дальстрой
И эти радиограммы.
Входил, вещая Беду,
Спокойный и тихий Ворон:
– Четвертые сутки жду...
Пора утвердить приговоры.
По шее катится пот
И ключ становится влажным:
– Еще двадцать пять – в расход.
За что? Все равно... не важно.
И замолчит генерал...
Рука к ключу примерзала,
А он утвержденья ждал:
– Ведь все позволяет Сталин.

У нас и по сей день нет строгой документальной ясности в том, на основании каких нормативных актов и в каком порядке осуществлялось в те далекие времена на территории Дальстроя правосудие, – по причине все той же неискоренимой “секретности”.

(“Теперь уже все равно!
Зачем же прошлое близко?
Когда-то, очень давно,
Молчать он давал подписку.
Встречает радист весну,
Шагает в гремящем мае,
И ветром его седину,
Как ужасом, поднимает”

– это финал стихотворения В.Ю.Гольдовской).

Но по отдельным частным отношениям и справкам, содержащимся в том или ином деле (а дело Луки Перебейноса и его товарищей первоначально имело № 60, т.е. было одним из самых первых, возбужденных здесь), можно вчерне представить и общую картину того, как это правосудие осуществлялось.

Следственной работой в первые годы существования Дальстроя (до апреля 1935 года) занимался 3-й отдел Севвостлага ОГПУ (с 1934 года – НКВД). В интересующий нас период его возглавлял некто Киль. Курировал работу отдела Э.П.Берзин. Однако собственных решений по мерам социальной защиты (тогдашний синоним мер наказания, высшая мера – ВМСЗ) указанные лица принимать не могли – они могли лишь направлять предложения (в телеграфной, разумеется, форме) руководству ОГПУ (Ягоде) о том, какими эти меры должны быть:

ПРИЛОЖЕНИЕ к обвинительному заключению по делу №... 60

ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Полагаю необходимым по делу №... применить следующие меры социальной защиты:

1/ПЕРЕБЕЙНОС Луку Васильевича	- РАССТРЕЛЯТЬ
2/ДЕРЕВЯНКО Павла Петровича	- РАССТРЕЛЯТЬ
3/КОСЯЧЕНКО Романа Андреевича	- РАССТРЕЛЯТЬ
4/ШМАЛЬКО Павла Федоровича	- РАССТРЕЛЯТЬ
5/КУЛЬЧИЦКОМУ Владимиру Моско-
вичу	Увеличить срок заключения до
ДЕСЯТИ лет.
6/ШМАЛЬКО Степана Лаврентьевича	- меры социальной защиты не
подвергать по причине его не-
брежности и не сознательности
и из-за крайне ограниченной раз-
витости.

Начальник Управления
Севвостлаг ОГПУ

"20"...../.....1933 г.

БЕРЗИН/

Начальник 3-го Отдела
УСВИТЛ ОГПУ

КИЛЬ/

“Входил, вещая Беду...”, Ворон-Генерал, несомненно, Берзин, хотя генеральских званий тогда в стране и не существовало.

По делу № 60 Берзин и Киль “полагали необходимым... применить следующие меры социальной защиты”: Перебейноса, Деревянко, Косяченко и Шмалько П. расстрелять, Кульчицкому увеличить срок заключения до десяти лет. И еще 9 марта 1933 года – ровно через месяц после первого сигнала о свершившемся заговоре (Энгельгардт еще, может быть, из Магадана выехать не успел, чтобы провести в Амбарчике расследование) – телеграммой № 391, направленной из Москвы в Севвостлаг (Ягода – Берзину), было разрешено “... расстрелять главарей организаторов восстания”. И тогда как бы и не имеющий отношения к обстоятельствам заговора допрос Кульчицкого, произ-

веденный вр. уполномоченным ИСЧ Мельниковым в Амбарчике 4 марта 1933 года, – присматривание к будущему обвиняемому (на предмет – пойдет ли на сотрудничество) перед тем, как запросить у Москвы санкцию. Возможно, что-то тогда “по линии ИСЧ” было сообщено из Амбарчика в Магадан, и, может быть, уже 5 марта запрос-предложение о санкциях был телеграфирован в Москву. И через четыре дня (“– Четвертые сутки жду...” – все тот же Ворон), 9 марта, предложения были утверждены – в расширенном даже варианте: расстрелять разрешалось пятерых главарей, в том числе и Кульчицкого.

С такими вот козырями в кармане ехал Энгельгардт в Амбарчик. И не составило ему большого труда “расколоть” Кульчицкого – вот она, санкция ОГПУ, не сознаешься – и тебя расстреляем... И Кульчицкий дал признательные показания. Подобный шантаж мог быть применен и к С.Шмалько, и, возможно, именно обещанием сохранить жизнь и обусловлены его признательные показания от 28 марта.

Что происходило дальше? Автор оформленного впоследствии обвинительного заключения – того самого, что утвердил Берзин – оперуполномоченный 3-го отдела УСВИТЛ ОГПУ Владзевич – завершил этот документ на весьма горькой (для следствия) ноте: “Акт о приведении приговора в исполнение 4-х з/к з/к (имеются в виду Перебейнос, Деревянко, Косяченко и П.Шмалько. – А.Б.) к делу не приложен, вследствие того, что быв. Помощник Начальника Управления тов. Энгельгард такового со следственным материалом представленным для соответствующего оформления не передан (так в документе. – А.Б.) и убыл в гор. Москву” – из чего, преодолевая косноязычие данного пассажи, все-таки можно заключить, что к моменту составления обвинительного заключения и тем более его утверждения нач. УСВИТЛа (13 февраля 1934 года) вышеуказанные лица были уже расстреляны. Вот тут и названный Берзиным Огурцов мог пригодиться. Когда именно?

(Как курьез назову дату – 15 июня 1934 года, приведенную в Заключении о реабилитации этой группы осужденных, составленном в Магаданской областной прокуратуре в июле 1989 года. Здесь за дату расстрела, случившегося до 13 февраля 1934 года (это следует из текста обвинительного заключения) принята дата оформления (для включения в уголовное дело)

справки, сообщающей о существовании телеграммы № 391 от 9 марта 1933 года, разрешавшей Севвостлагу расстрелять «главарей организаторов восстания». Не менее обоснованно нынешний правоохранительный орган указал и место расстрела – гор. Магадан. Есть в прокурорском Заключении 1989 года и еще один курьез – всем курьезам курьез, но о нем позже).

Итак, точной даты расстрела в документах нет. Но давайте порассуждаем. 9 марта Берзин получил разрешение Ягоды на расстрел пятерых арестованных. В двадцатых числах его помощник по УСВИТЛу прибыл в Амбарчик. 26 марта предья-

СПРАВКА.

Согласно телеграммы № 391 от 9/III-33 г. было предложено СЕВВОСТАГУ и ОГПУ расстрелять главарей организаторов восстания - ПЕРЕБЕЙНОС Луку Васильевича, КОСЯЧЕНКО Романа Андреевича, ШМАЛЬКО Павла Фёдоровича, ДЕРЕВЯНКО Павла Петровича и КУЛЬЧИЦКОГО Владимира Иосифовича.

Приговор в отношении первых четырех приведен в исполнение.

КУЛЬЧИЦКИЙ был оставлен для дальнейшей разработки.

Телеграммой № 204 от 5/VI-с.г. ВМСЗ КУЛЬЧИЦКОМУ заменено на 10-ю годами лагеря.

вил обвинения пятерым обвиняемым и допросил их. 28-го допросил шестого – С.Шмалько. Дело было практически закончено.

Что должен был предпринять дальше Энгельгардт? Снарядиться в долгий обратный путь – готовиться к этапированию четырех или пяти опасных уголовников, к тому же прекрасно осознающих, что их ждет впереди, и, естественно, постаравшихся бы освободиться (вспомните приведенные ранее показания)? Это сколько же конвоя нужно было собрать Энгельгардту, чтобы быть уверенным в благополучном завершении путешест-

вия? Человек шесть, не меньше. Причем людей абсолютно надежных, не из самоохраны, конечно, состоящей из расконвоированных заключенных. Вспомним теперь о наличных силах, о вооруженных отрядах, находящихся от лагеря в Амбарчике в радиусе от 180 до 700 км, – мог ли кто-нибудь дать Энгельгардту столько людей? Или он со своими бойцами из Магадана за две тысячи км поедет? А главное, зачем везти обвиняемых в Магадан – чтобы, продержав их год-полтора в «доме Васькова», потихоньку, без всякой огласки расстрелять?

Я думаю, что все эти предположения неверны. Имея на руках разрешение Ягоды и устное распоряжение Начальника УСВИТЛ, Энгельгардту следовало расстрелять обвиняемых-осужденных (осужденными они стали раньше, чем обвиняемыми – таков один из парадоксов уголовного процесса того времени) немедленно и на месте. Именно тогда сама акция возьмает действие – она покажет силу охраны и тем самым успокоит лагерь, укротит других любителей «тянуть волынку» (синоним лагерных волнений).

Вероятно, именно для того, чтобы не только провести следствие, но и привести в исполнение ВМСЗ, в Амбарчик был командирован не рядовой оперуполномоченный, а один из руководителей УСВИТЛ: по традиции, прослеживаемой и в 1937-38 годах, расстрельные мероприятия проводились на Колыме под руководством ответственных работников УНКВД.

Днем расстрела четверых осужденных могло стать 27 марта 1933 года – помните, тот день, когда Энгельгардт вроде отдыхал, допросов в тот день не производил.

(И тогда понятно, почему 28 марта, на следующий день, «разговорился» Степан Шмалько – от страха после пережитого. И вполне реальным смыслом наполняется последняя фраза протокола: «Сегодня мне больше говорить трудно» – ведь в числе расстрелянных был и земляк, односельчанин и, может быть, родственник Павел Шмалько).

Обвинительное заключение 1934 года инкриминировало всем шестерым обвиняемым: участие в совершении преступления, предусмотренного п. 8 ст. 58 УК РСФСР, т.е. совершение террористического акта, направленного против представителей Сов. власти. Неосновательность и тенденциозность квалификации в данном случае очевидны, так как нет никаких оснований

говорить о совершении теракта, а можно лишь – о приготовлениях к нему (а посему действия, при самом ретивом замысле обвинителя, следовало квалифицировать с применением ст. 19, т.е. 19-58-8 УК РСФСР). Однако из материалов дела отнюдь не следует, что замысел осужденных имел контрреволюционную основу (и приводимые в обвинительном заключении высказывания некоторых обвиняемых против, как тогда говорили, мероприятий партии и правительства отнюдь не соответствуют квалификации их деяний по ст. 58-8, они, возможно, могли бы составить иной состав преступления – предусмотренного ст. 58-10, но к данному делу непосредственного отношения не имеют), а потому действия обвиняемых должны были квалифицироваться по ст. 59-3, т.е. как организация вооруженной банды и участие в ней, что по действовавшему в то время законодательству не препятствовало применению суровых мер наказания вплоть до расстрела (однако “особо отягчающие обстоятельства” в данном случае едва ли усматриваются).

Магаданская областная прокуратура, решая в наши дни вопрос о реабилитации лиц, осужденных в 1933 году в бухте Амбарчик, не стала входить в рассмотрение этих достаточно сложных вопросов, а ограничилась формальной ссылкой на то, что данное дело подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 и начала пятидесятых годов», т.е. представила осужденных жертвами необоснованных политических репрессий, хотя репрессии в данном случае были применены против лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние. При этом остается невыясненным, почему же оно все-таки «подпадает».

А обещанный выше «казус» состоит в том, что этим своим Заключением областная прокуратура реабилитировала не только четверых расстрелянных (Перебейноса, Деревянко, Косяченко и Шмалько П.) и осужденного на десять лет лишения свободы Кульчицкого, но и Шмалько С., который по данному делу осужден вообще не был (из Предложений по мерам социальной защиты к следделу № 60, составленным Начальником УСВИТЛ Берзиным и Начальником 3-го отдела УСВИТЛ Килем:

“Шмалько Степана Лаврентьевича – мере социальной защите не подвергать по причине его неграмотности и не сознательности и из-за крайне ограниченной развитости”).

Ставя под сомнение обоснованность произведенной по данному делу реабилитации, я отнюдь не сбрасываю со счетов то, что в основе ситуации, возникшей в л/п «Амбарчик» и приведшей в конечном счете к появлению банды Луки Перебейноса, лежит безхозяйственная, а может быть, и бесчеловечная затея Дальстроя со всей этой экспедицией, поставившей несколько сот заключенных на грань жизни и смерти. Они, руководители Дальстроя, и должны были бы – по справедливости! – ответить за драматический ход зимовки. Но – не отвернемся и от этой стороны правды – банда Перебейноса, удайся ей налет на ужинавших начальников, натворила бы бед немало, и сколько было бы на ее счету жертв впоследствии, кто скажет...

В свое время правоохранительные органы применили к расследуемому деянию сугубо политизированный подход – именно им объясняется квалификация уголовного преступления по «политической» статье. Квалифицируй они тогда действия группы Перебейноса как бандитизм (и примени хоть ко всем шестерым ВМСЗ), сегодняшняя прокуратура даже не заглянула бы в это дело. Ну а раз ст. 58-8, то – и в этом та же самая, только, может быть, с обратным знаком, политизированность – простите, граждане, вы ни в чем не были виноваты. Это – к вопросу о том, какими средствами мы строим ныне правовое государство.

Заключенный Слесаренко Андрей Петрович (1896 г.р., уроженец Смоленской губернии, осужден народным судом Забайкальского р-на 17.01.30 г. по ст. 136 УК РСФСР – умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, на 8 лет лишения свободы) – тот самый, с сообщения которого 9 февраля 1933 года началось расследование дела, был освобожден из лагеря досрочно – 20.01.35 г.

Заключенный Шмалько Степан Лаврентьевич (его срок лишения свободы заканчивался в 1936 году) был освобожден также досрочно – 29.05.34 г.

Видимо, досрочное освобождение в том и другом случаях было произведено благодаря системе зачетов рабочих дней, широко применявшейся в то время в Севвостлаге, однако

возможно, что своим досрочным освобождением оба заключенных отчасти обязаны были и той роли, которую они сыграли в разоблачении банды Луки Перебейноса.

Данными о судьбе еще одного фигуранта этого дела Кульчицкого В.В., также давшего, как помнит читатель, признательные показания, архив УВД Магаданской области не располагает.

Остался один Ворошилов...

Это дело, вероятно, одно из самых “темных” и до сих пор “немых” в истории лагерной Колымы. О нем, что вполне объяснимо, не было в свое время официальных сообщений, хотя термины “восстание” и “повстанцы”, употребленные при его расследовании, очень скоро, уже спустя несколько недель, переключают в главное и самое страшное дело-монстр № 17777 – об антисоветской повстанческой организации, якобы возглавлявшейся первым директором Дальстроя Э.П.Берзиным и его ближайшими помощниками. Оно буквально взорвет Колыму в 1938 году, и оставшийся неизвестным инцидент, происшедший на далекой колымской командировке “Зеленый мыс”, станет началом многотысячных расправ.

Этот случай не запечатлелся и в лагерных легендах – вероятно, по причине отдаленности места действия от центральных районов Колымы и по причине того, что уже к середине января 1938 года большинство не только участников, но и тех, кого можно было бы считать только свидетелями, были расстреляны. Однако в памяти местных жителей самого отдаленного района Якутии сохранились смутные – за давностью лет – видения тех событий. Их описала в короткой заметке “Судьбы “врагов народа” в книге “Сопrotивление в ГУЛАГе” научный сотрудник Нижне-Колымского краеведческого музея Зоя Роббек.

Командировка “Зеленый мыс”, по своему назначению – рыбпромхоз, рыбпром КУСиПХа (Колымского управления сельского и промыслового хозяйства), была организована за полгода до описываемых событий, в июне 1937 года, в низовье Колымы. Именно тогда сюда был доставлен этап заключенных в количестве около шести десятков человек. Плюс вольнонаемный начальник командировки (Пупышев, старожилы запомнили его как Пуфисова), вольнонаемный старший стрелок (Нейман, еще два стрелка были из заключенных), бондарь (комсомолец Дугин) и его жена, механик, каюр и один или два колониста (то есть те же осужденные, но получившие определенные льготы проживания в местах лишения свободы) – вот и все население командировки, человек около семи-десяти.

Среди заключенных преобладал уголовный элемент: убийцы, хулиганы, драчуны, воры, расхитители государственного и

общественного имущества (их Постановление ЦИК от 7.08.32 года также именовало "врагами народа), бежавшие с мест высылки кулаки... Были в числе заключенных командировки и рецидивисты, у иных вторая судимость была получена уже на Колыме – "дальстроевские старожилы", попавшие в Севвостлаг в 1932-34 годах. Среди тех 49-ти, что будут осуждены как организаторы и участники вооруженного восстания, ранее судимых по ст. 58 УК РСФСР (и аналогичной статье УК УССР) будет 22 человека. Но именно "политические" – трое из пяти членов "Штаба обороны заключенных Колымы" – станут главными зачинщиками и руководителями восстания: Верменич, Лоншаков и Яковлев. Отмечу попутно немаловажное обстоятельство – все трое, как бы ни был мал лагерь, принадлежали к лагерной "аристократии": Лоншаков – зав. промыслом, Верменич – кладовщик, Яковлев – фельдшер, лекпом по-лагерному.

Большинство проживавших на командировке "Зеленый мыс" (в том числе и вольнонаемных) были не первый месяц связаны с ОЛПом КУСиПХ – ранее находились на его командировках в Сеймчане, Мылге, Эльгене. В числе немногих новичков был начальник командировки М.Ф.Пупышев.

За полтора года до описываемых событий, в апреле 1936 года, начальником КУСиПХ и одновременно начальником отдельного лагерного пункта КУСиПХ был назначен 54-летний Иван Степанович Ткачук. К тому моменту за его плечами было уже около девяти лет лишения свободы и ссылки, определенных ему Особым совещанием коллегии ОГПУ в 1927 и 1930 годах. Еще в 1929 году, на начальной стадии строительства Вишхимза, заключенный Ткачук был замечен одним из помощников директора (им, как известно, был Берзин) Л.М.Эпштейном.

"Эпштейн в то время по своей работе стоял значительно выше меня, – сообщил в августе 1938 года И. С. Ткачук, арестованный как активный участник антисоветской организации, возглавлявшейся Берзиным, и один из организаторов вооруженного восстания на командировке "Зеленый мыс". – Но всякие прорывные работы по настоянию Эпштейна всегда поручались мне, и Эпштейн часто со мной заговаривал, как у меня идут работы и как мои дела вообще, всегда чувствовалось его теплое ко мне отношение".

В первый "дальстроевский десант", отправившийся с Вишеры в ноябре 1931 года и достигший бухты Нагаева только в

феврале 1932-го, Ткачук не попал – "Берзин ответил, что теперь взять не может, и, если понадобится, то возьмет весной 1932 года". Приглашение – естественно, через ОГПУ, раз речь шла об осужденном, хотя и имевшем возможность свободно путешествовать из Вишеры в Москву и из Москвы во Владивосток, – последовало летом 1932 года, и в конце августа во Владивостоке Ткачук, с ведома Берзина, становится заместителем начальника Северо-Восточной полярной экспедиции Дальстроя.

Эта грандиозная эпопея, длившаяся около двух лет и вошедшая в историю освоения Северного морского пути как Особая Северо-Восточная полярная экспедиция Наркомвода, имела целью доставку большого количества грузов (около шести с половиной тысяч тонн, т.е. почти столько же, сколько было доставлено на Колыму морским транспортом за девять предыдущих лет), а также проводку нескольких речных пароходов и барж, ставших основой деятельности организованного в 1933 году Колымского речного управления Дальстроя (КРУДС). В данном мероприятии Гострест "Дальстрой" играл, видимо, не только роль грузополучателя, но и соисполнителя, о чем свидетельствуют и собственное дальстроевское название экспедиции, и должность Ткачука в ней.

Особые проблемы, хотя и до того их было немало, у экспедиции возникли уже после того, как караван достиг порта Амбарчик: предстояло устроить зимовку большого количества людей (есть основания предполагать, что с экспедицией следовал и немалый этап заключенных для лагерей в Лабуе и Среднекане), а по весне обеспечить разгрузку каравана и сплав речных судов и барж в верховья Колымы. В этой части экспедиции Ткачук сыграл особенно заметную роль. Только 1 августа 1934 года, после того, как была снята с мели последняя баржа, с последней группой заключенных (18 человек) он пришел – именно пришел, а не приплыл – в Усть-Среднекан. И далее: "Вышел из Усть-Среднекана пешком 11 августа 1934 года, прибыл в Магадан 26 или 28 августа (точно не помню)" – из тех же показаний на следствии 1938 года. От Среднекана до Магадана – 500 км. Автобусы тогда не ходили, впрочем, и дорог тогда не было.

Один из параграфов приказа по Гостресту "ДС" в марте 1936 года как бы подвел итог деятельности И.С.Ткачука до его назначения на должность начальника КУСиПХа:

“В связи с исполненным в текущем году трехлетием деятельности Колымского Управления речного транспорта “ДС”, в деле организации которого наиболее активное участие принимал зам. нач-ка Северо-восточной полярной экспедиции – И.С. Ткачук, последующая работа которого в должностях нач. Утинского ГРП (горно-промышленного района. – А.Б.) и зам. начальника ЮГПУ (Южного горно-промышленного управления с центром в пос. Оротукан. – А.Б.) несет большие достижения и отмечена соответствующими приказами по ДС и распоряжениями по Горно-промышленному управлению, объявить И.С. Ткачуку, за его безупречную и полезную деятельность в ДС, благодарность с занесением в личное дело и премировать ружьем”.

По генеральной линии следствия именно это, подаренное Берзиным Ткачуку ружье “выстрелит” на командировке “Зеленый мыс” в ночь с 22 на 23 ноября 1937 года. А на следующий день в Эльген, центр тогдашнего КУСиПХа, уйдет с восставшей командировки радиограмма-молния:

“Ткачуку Фоминых Пупышев болен на основании Ваших личных распоряжений одиннадцатого апреля (здесь и далее подчеркнута в документе: эту фразу коварное следствие 38-го года перетолкует в обвиняющем Ткачука смысле. – А.Б.) Пупышев управления промыслом отстранен. Управление промыслом передано Лоншакову подробности вышлем почтой. Ждем Ваших распоряжений одновременно сообщите список освобожденных амнистированных.”

Верменич Лоншаков Яковлев Нейман”.

Ответа КУСиПХа не последовало.

К моменту назначения Ткачука на должность начальника КУСиПХа сельское хозяйство Дальстроя делало первые шаги. Правда, уже были организованы совхозы (если ими можно было считать предприятия, почти сто процентов специалистов и рабочей силы которых составляли заключенные) “Дукча” и “Сеймчан”. Однако дела в этих хозяйствах еще только-только разворачивались – с огромным количеством неудач, вызванных, прежде всего, отсутствием опыта ведения сельского хозяйства в условиях Севера. Да и сил на развитие сельского хозяйства было брошено пока немного. В знаменитом “Эльгене”, многотысячном лагере, описанном в произведениях многих бывших колымских заключенных (О. Адамова-Слиозберг, Г.

Барник-Рихтер, Г.Воронская, Е. Гинзбург), в начале 1936 года было только 200 человек. За два с лишним года, в течение которых И.С.Ткачук был начальником КУСиПХа, вышеназванные хозяйства значительно расширились, к ним присоединилось и несколько новых – совхозы “Сусуманский”, “Тальский”, “Мылгинский”.

Эти хозяйственные успехи сыграли, видимо, не последнюю роль в том, что по ходатайству руководства Дальстроя постановлением Президиума ЦИК от 17 января 1937 года прежние судимости с Ткачука были сняты. Об этом в марте 1937 года Ткачука известил начальник Особого сектора Дальстроя Калнынь.

На допросе в августе 1938 года арестованный Ткачук, уже принявший на себя всю чудовищную и столь же фантастическую вину за участие в преступной организации, якобы возглавлявшейся Берзиным, отнесет свое назначение на должность начальника КУСиПХа на счет дружеских и столь же преступных связей с тем же Эпштейном, который стал на Колыме помощником директора Дальстроя по планово-финансовой части: “... меня вызвал в Магадан Эпштейн если не ошибаюсь, то это было 26 марта (1936 года. – А.Б.) ... Эпштейн, увидев меня, сразу направился ко мне с веселым лицом, очень тепло меня

встретил и с первого вопроса – хорошо, что ты приехал, ужинаем сегодня у меня, ровно в 9 час. – договорились и каждый пошел в свою сторону. Ровно в 9 час вечера я был на квартире у Эпштейна (...) тут Эпштейн повторил свои слова, вот хорошо, что ты приехал и очень кстати. Так вот слушай. Ситуация резко изменилась. Дирекция организовала инициативную группу, в которую входят Берзин, Эпштейн, Филиппов (начальник Севвостлага. – А.Б.), Кабисский (начальник ВОХР. – А.Б.), Раскин (помощник директора по материально-техническому снабжению. – А.Б.) и Калнин (так в документе. – А.Б.). Зная твое антисоветское настроение, я ставлю тебе вопрос прямо: ты должен работать в нашей организации. Какие задачи ставит перед собой наша организация? Первое, это отторжение Колымы от Советского Союза, в этом деле нам поможет Япония (...) Задачи членов организации следующие...”

Ткачуку, назначаемому в КУСиПХ, поручалось вести в полном объеме вредительскую и повстанческую работу, в том числе и в рыбном хозяйстве, которое еще только предполагалось организовать в низовьях Колымы: “На первое время, будет или не будет рыба, это не особенно важно, нам сначала нужно провести повстанческую и вредительскую работу, а к тому времени, когда нам нужна рыба (т.е. после отторжения Колымы от СССР. – А.Б.), будет и готовая рыбалка и будет рыба. На эту работу у меня, говорит Эпштейн, есть человек – Пупышев, правда, не особенно сильный, ему нужно помочь, но зато верный человек (между прочим, его тоже Советская власть покалечила, отобрала ресторан во Владивостоке)”.

Далее на том же допросе И.С.Ткачук скажет: “Впечатление на меня Пупышев произвел не особенно сильное. С моей точки зрения, все-же он псих. Но раз у Эпштейна он свой человек – следовательно, нет оснований не верить”.

Пупышев Михаил Федорович, 1890 г. рождения, перебрался на Дальний Восток около 1920 года. Его братья Николай и Василий, в компании с несколькими акционерами, действительно содержали во Владивостоке знаменитую гостиницу “Золотой Рог” и ресторан при ней. В течение десяти лет он занимался торгово-предпринимательской деятельностью, будучи служащим государственных и частных организаций. На территории Дальстроя Пупышев появился в 1931 году – работал по договору с Дальрыбпродуктом на рыбных промыслах Охот-

ского побережья. В мае 1936 года выехал в составе экспедиции по исследованию рыбных запасов Колымы. С 22 июня 1937 года – на командировке “Зеленый мыс”, прибыл одновременно с этапом заключенных.

Лоншакова – как прораба и вообще надежного работника – Пупышеву рекомендовал Ткачук, Верменича (на должность ответственного исполнителя) – заместитель Ткачука по лагерю Фоминых. Так показал Пупышев на допросе 21 декабря 1937 года, через неделю после того, как восставшие сдали оружие.

Допрошенный в эти же дни Верменич, в частности, сообщил, что, направляя его на командировку “Зеленый мыс” 11 апреля 1937 года, Ткачук и Фоминых дали ему в числе прочих и задание присматривать за Пупышевым “т.к. он, как это говорили Ткачук и Фоминых, не совсем психически нормальный. Одновременно мне было дано указание, что в случае допущения Пупышевым каких-либо эксцессов, последнего убрать в больницу, согласовав этот вопрос с начальником погранотряда, предварительно взяв заключение врача”.

Видимо, именно это обстоятельство стоит за ссылкой в радиограмме на то, что Пупышев отстранен от управления промыслом “на основании Ваших распоряжений одиннадцатого апреля (...)”. Что касается погранотряда и его начальника, то в показаниях одного из обвиняемых будет упомянуто, что уже осенью 1937 года погранотряда на территории района не станет, это связывалось с якобы уже состоявшимся захватом Дальнего Востока японцами...

Поручение, данное Верменичу, может не показаться особенно странным, если помнить, что направлялся он на командировку в качестве вольнонаемного и на работу, не лишенную ответственности. Сверх того, сама личность этого человека, о чем я скажу ниже, вероятно, внушала немалое уважение. Верменича на командировке почтительно звали “дедом”, хотя было ему всего 43 года.

Восстание началось в ночь с 22 на 23 ноября. Пупышева на командировке не было – вечером он уехал, предположительно в Кресты. По лагерю дежурил стрелок Васильев. Второй стрелок, Левин, вместе со старшим стрелком Нейманом также находились в помещении ВОХР.

Двумя днями раньше, 20 ноября, Нейман в квартире бондаря Дугина, в присутствии хозяина и его жены, ударил себя но-

жом, сильно поранив бедро. 22 ноября у него была высокая температура. Около часа ночи больного пришел проведать лекпом Яковлев.

Примерно в то же время Н. Лоншаков разбудил, видимо, подобранных заранее 15-20 заключенных и направил их к складу – брать оружие. У склада их уже ждал М. Верменич. Тут же был и постоянный сторож заключенный М. Ивашко, вооруженный трехлинейкой. Раздаче оружия он не препятствовал.

Следует пояснить, что еще осенью, в связи с тем что командировке было поручено активно заниматься пушным промыслом, сюда было доставлено несколько десятков ружей и большое количество патронов к ним. До 20 ноября оружие и патроны находились в помещении ВОХР, но после неожиданного, так до конца и не объясненного поступка старшего стрелка, Пупышев, потеряв к Нейману доверие, с ведома начальника Нижне-Колымского райотдела НКВД Семиречинского, своего близкого приятеля, распорядился убрать оружие из ВОХР (подальше от Неймана) и передать его под расписку на склад Верменичу.

Как это ни покажется на первый взгляд странным, оружие на той командировке – в лагере! – не было предметом недоступным. Оружие было у вольнонаемных работников, оно было – его можно было купить в ближайшей фактории в Пантелеихе с разрешения Пупышева – и у некоторых заключенных: Ларионова, братьев Байкаловых, колониста Ковалева.

Объяснением здесь служит то обстоятельство, что командировка находилась в тайге. Ее окрестности были насыщены оружием – оно было у охотников, проживавших на близких и дальних заимках, у работников оленесовхоза, контора которого помещалась в поселке Кресты всего в нескольких километрах. Лагерники, находясь практически в тех же условиях, что и местное население (о режиме и охране на командировке можно было говорить только с большой натяжкой), полагали, что и им оружие также необходимо, и Пупышев желаящим его иметь не сильно препятствовал, разве что отбирал на праздники (7 ноября) – а то перепьются, и дело до беды дойдет...

Весьма либеральные порядки даже для либеральных “берзинских” времен, но что поделаешь – тайга, до Якутска – около двух с половиной тысяч км, до Магадана – больше полутора тысяч. Да и был ли у Пупышева достаточный опыт работы с заключенными? Подходил ли он вообще для этой работы?

Лагерников, получивших оружие (остальных, поставив у дверей часовых, из барака пока не выпустили), Лоншаков позвал на собрание в столовую. Здесь он сказал: “Братцы! Вы взяли оружие в руки, чтобы спасти свою жизнь. Пупышев и его компания решили нас расстрелять. Первым, по поручению Пупышева, Нейман должен был убить меня. Он сам сказал об этом. Потом должны были убить Верменича. А вас взяли бы на этап и расстреляли в тайге. Ваше спасение – в ваших руках. Теперь надо разоружить охрану”.

Дежурный стрелок Васильев, услышав среди ночи гул голосов и увидав мелькавшие за окном какие-то тени, выскочил из помещения охраны, но тотчас и вернулся с криком: “В ружье!”, захлопнул за собой дверь – он увидел лагерников с оружием в руках.

Силы были изначально неравны. “Ваня! – кричал за дверью Лоншаков. – Сдавайте оружие. Не надо крови”. “Коля! – отвечал ему Фабиан (на командировке его звали Иваном) Нейман. – Ты меня знаешь. Будет, как договорились”. И мешал изготовившимся к стрельбе Васильеву и Левину. Лекпом Яковлев на всякий случай пересел с койки на пол – вдруг снаружи кто-то выстрелит в окно.

Стрелков уговаривали сдать оружие больше двух часов. Заключенный Лукин, которого следующим утром назначат командиром роты восставших, потом скажет на допросе, что обстановка в те минуты была такова, что раздайся со стороны ВОХР хоть один выстрел, восставшие, бросив оружие, разбежались бы... Но не исключено, что могло случиться и обратное – в ответ на один выстрел прозвучали бы десятки с противоположной стороны.

После безуспешных переговоров восставшие облили помещение ВОХР керосином и подожгли его. Дым быстро заполнил комнату, и первым из нее, разбив стекло, выбрался лекпом. Впрочем, он вскоре вернулся и помог вылезти раненому Нейману. Стрелки Васильев и Левин им не мешали. Спасаясь от дыма, они залегли (с винтовками в руках) в коридоре перед дверью. Но вскоре дым заполнил и коридор, и стрелки вынуждены были открыть дверь и сдаться.

Арестованных стрелков, кроме Неймана (он станет членом “Комитета обороны заключенных Колымы”, руководившим всем ходом восстания на протяжении трех недель), а также воль-

нонаемных Дугина и Чубукова, з/к з/к Лизгачева, зав. УРБ командировки, и Бексина, специалиста по пушнине, ведавшего к тому же на командировке и продовольственным ларьком (из-за их, вероятно, принадлежности к лагерной “придурне”), и колониста Ковалева по приказу Лоншакова отправили в ИЗО. Бексина, Лизгачева, Чубукова и Ковалева выпустят вскоре же, Васильев и Левин будут содержаться под стражей до 15 декабря.

Уже под утро около десяти лагерников под командой Лоншакова отправились в Кресты. Им было известно, что на квартире начальника оленесовхоза Столповского хранятся винчестеры, которые тот получил на днях для пастухов и специалистов совхоза и еще не успел раздать. Намеревались их изъять. В материалах следствия эта вылазка будет названа попыткой разоружения местного населения.

Однако попытка не была использована. В квартире Столповского лагерники (их вошло в дом четыре или пять, остальные заняли посты на улице) узнали о госте-геологе. Столповский показал его ранним визитерам – геолог спал на полу. И тут лагерники повели себя не то необыкновенно трусливо, не то предельно осторожно: они ушли, может быть, и не взглянув на ту самую кровать, под которой лежали винчестеры. Сами же лагерники были вооружены, напомним, охотничьим оружием, не идущим ни в какое сравнение с этим, боевым. Но ушли.

Позднее, в конце декабря, допрашивая Столповского и об этом эпизоде, и о том, как он бесстрашно ездил для переговоров с восставшими, лейтенант госбезопасности Рудометов поинтересуется, за что же заключенные так уважали начальника совхоза, “называя его порядочным человеком”.

“– По-моему, потому, – записан в протоколе ответ Столповского, – что, когда заключенные работали у меня в совхозе на установке мачт на радиостанции, то я их кормил и хорошо с ними общался”.

В тот же день, уже к вечеру, другая группа лагерников (четыре или пять человек) под руководством Яковлева предприняла еще одну попытку “разоружения местного населения” на заимке Каретова. Встреча с местным населением прошла в дружеской обстановке, ее участники хорошо знали друг друга. Пили спирт, что, впрочем, делали и раньше. Яковлев рассказал, что на командировке заключенные взяли власть в свои руки. Плотник Казаков отдал гостям два ружья. Он же сообщил, что вот-

вот должен подойти из тайги обоз, дождались обоз, у местного жителя чукчи Антарару взяли мелкокалиберную винтовку. Лекпом осмотрел больную жену местного жителя Березкина, сказал, что за лекарством надо съездить на командировку. Перед тем, как поехать (транспортом служили собачьи упряжки), Березкин отдал – за бутылку спирта – карабин, который до этого “прятал от НКВД”.

Вот эти четыре ствола и составили весь результат разоружения. А оружия у местного населения, повторю, было много.

Через несколько дней лагерники распространили по ближайшим населенным пунктам воззвание, составленное штабом (предположительно – Яковлевым и Верменичем), оно было переписано в количестве двадцати-тридцати экземпляров. Вот его текст:

“Дорогие граждане Колымы

Нас заключенных привезли сюда из далеких уголков Советского Союза как и Ваших дедов и прадедов. Здесь на далеком Севере кучка людей, получивших доверие, как благонадежных людей от Советского Союза, перед которым они сумели своими лживыми подлостями доказать свою преданность нашему Советскому Союзу, выдавая себя защитниками рабочего и крестьянского класса. Эта кучка людей оказалась в лице Пупышева, Ланцова, Козьмина и Семиреченского, которые решили пролить нашу кровь беззащитных людей. Мы такие-же, как и Вы. Мы Вас не трогаем. Но просим Вас! Помогите нам чем можете и мы Вас никогда забудем, иначе они после нас погубят и Вас.

Долой подлую антисоветскую свору.

Комитет обороны заключенных Колымы”.

Результата воззвание не имело – какой-либо осязаемой поддержки от местного населения лагерники не получили. Разве что тот же М.А. Казаков, посланный, по его словам, на десятый день восстания на командировку с целью узнать планы восставших и количество имеющегося у них оружия, отказался от своей секретной миссии – вернее, выдал ее за стаканом спирта, приехав на командировку, да так здесь и остался до конца восстания. Но он, как следует из материалов дела, еще 23 ноября порывался уйти с лагерниками (зadolго до начала событий

он был хорошо знаком с Яковлевым), но они его почему-то в тот день с собой не взяли.

17!

Зовущие

Дорогие граждане Колымы

Нам завлечены сюда из далеких уголков Советского Союза как и вы наши деды и прадеды. Здесь на далеком Севере Юрка людей, подаривших Советскому Союзу, перед которыми они счили с вами и живыми товарищами доказали свою преданность Коммунистическому Союзу, выдавая себя защитниками рабочих и крестьянских классов. Эта Юрка людей оказали в лице Гурьевых, Ланцова, Козмина и Семипалатинских, которые решили прийти Наму прова без защитных людей. Мы такие же, как и вы. Мы вас не трогали. Но просим вас, помогите Нам тем же, что вы. Мы вас никогда не забудем, и хотим, чтобы вы по себе нас помните и вас.

Долой тиранию Антисоветскую
Свободу.

Смелые борцы за свободу Колымы.

Строго говоря, восставшая командировка в какой-либо помощи извне и не сильно нуждалась. Для того, чтобы стало ясным примерное соотношение сил по линии командировка —

близлежащие поселки, приведу некоторые факты. С незапамятных времен (чуть ли не с XVI века) считалось, что на Колыме стоят три “города”, три Колымска: Верхний, Средний и Нижний.

“Самый большой из “колымсков” — Средний, — писал в книге “Золото во льдах” побывавший здесь в 1933-35 годах Кирилл Коптев. — В нем около сотни домов (...).

В Нижнем — двадцать домов, а в Верхнем, в Крепости, — только шесть.

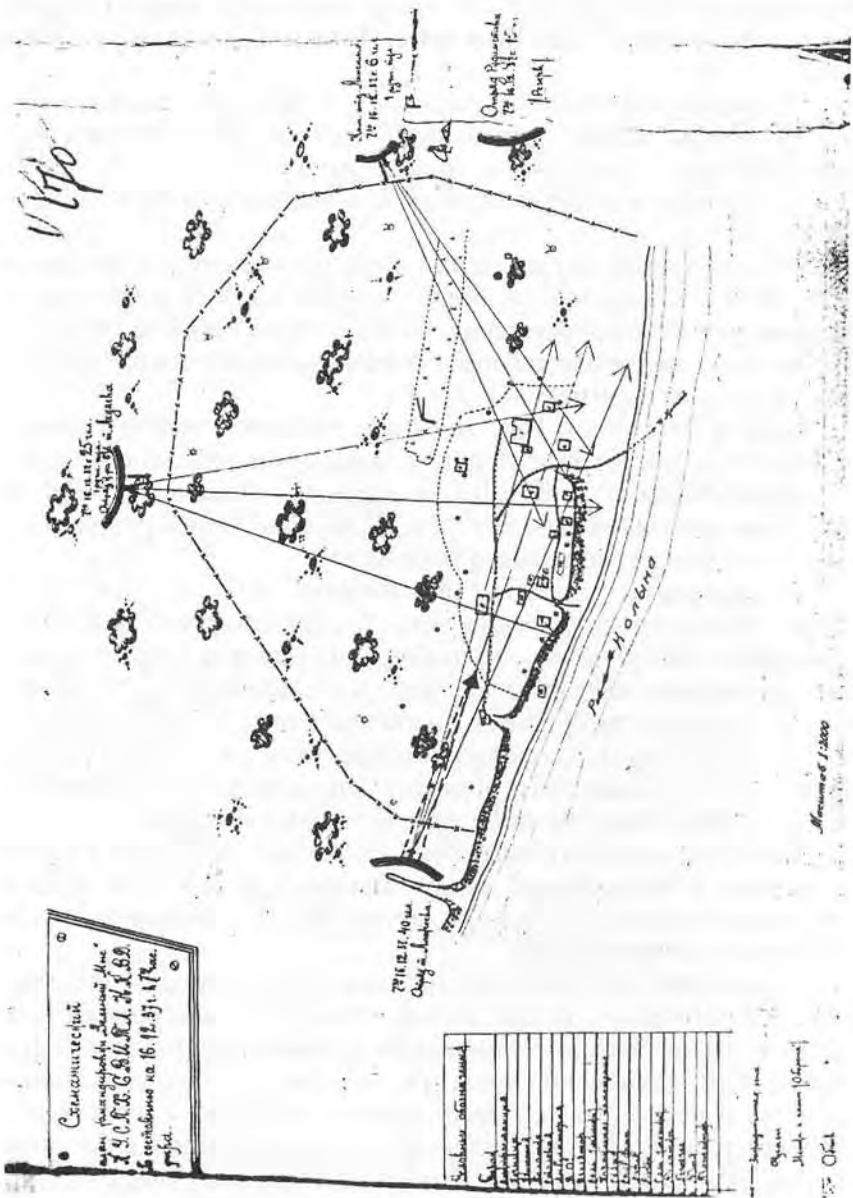
Ни тут, ни там нет ни одной, хотя бы маленькой, мастерской. Зато в Среднем есть баня — первая на всей реке. Она в первый раз появилась в контрольных цифрах РИКа за 1933 год. В бане воду греют в железных бочках из-под керосина, мыться могут сразу четыре человека (...).

Спустя пять лет, к 1937 году, кое-что в описанной картине изменилось: расстроился Средне-Колымск и особенно — стоявшая через Колыму от него Лабуя, здесь обосновался КРУДС. А вот Нижне-Колымска, в котором Дальстрой заинтересован не был, развитие региона коснулось мало.

Рассматривая “условные обозначения” к “Схематическому плану командировки “Зеленый мыс”, составленному на 16.12.37 г., — видимо, как приложение к победному рапорту о подавлении восстания (на плане представлены изготовившиеся к 7.30 часам утра отряды вохровцев), читаешь: барак, электростанция, кузница, конюшня, столовая, амбулатория, склад, сруб дома, баня... Были, сверх того, пекарня, столярная мастерская, какие-то помещения, где работали портной, сапожник...

Ясно, что столь сильно развитый “полис” не шел ни в какое сравнение с ближайшим Нижне-Колымском. А в поле зрения составителя плана не попали главные объекты рыбпрома — для засолки и копчения рыбы.

Перечисляя все построенное на командировке, я подумывал, не ошиблись ли писавшие протоколы оперативники, действительно ли этап заключенных пришел сюда только за пять месяцев до трагических событий — уж очень много успели построить и оборудовать, а ведь сверх того и рыбы добыли несколько десятков тонн. Тем более что в вымученных показаниях И.С.Ткачука, которые я цитировал выше, факт организации командировки (но во главе с М.Ф.Пупышевым, “верным чело-

веком” Эпштейна) указан не слишком определенно – его можно отнести и к лету 1936 года. Но тот же Пупышев точно показывает: прибыл с этапом 22 июня 1937 года.

Видимо – и это самое реальное объяснение ситуации – знал свое дело зам. начальника КУСиПХ по лагерю Фоминых: так сформировал этап, таких умелых мужиков послал в тайгу, что они в считанные месяцы горы своротить сумели.

В руках Пупышева оказалась мощная для тех мест производственная сила – вот эти лагерники, которые и командировку обустроили, и на стороне могли прирабатывать (обещал Пупышев Столповскому дать рабочих и на лесозаготовки), были транспортные средства: лошади, собачьи упряжки и, главное, катер (или даже несколько катеров?) – командировка немало зарабатывала, перевозя грузы местных организаций (из-за высоких тарифов начальник собачьего питомника Алексеев решил с Пупышевым больше дела не иметь).

Такой вот центр прогресса возник во второй половине 1937 года в колымской глубинке.

Но вернемся к хронике событий. В тот же день, 23 ноября, еще одна группа лагерников, во главе с Лукиным, сходилась в Кресты. Она, видимо, и отправила радиogramму в КУСиПХ, после чего, выполняя приказ Лоншакова, з/к Юхнев перерезал антенну и тем вывел рацию из строя.

И тут возникает второй (если первым считать историю с ранением Неймана) вопрос, даже группа вопросов. Из материалов дела видно, что к моменту восстания на командировке весь Нижне-Колымский район не имел связи: ее не было ни в Амбарчике, ни в Крестах, ни в Нижне-Колымске, район был словно отрезан от “материка”. Связи не было около трех месяцев, с августа. Каким же образом лагерники тогда отправили свою радиogramму? И если связь хоть какая-то была, зачем нужно уничтожить ее? Ведь – и это есть в той же радиogramме: “ждем” – это и станет главной целью взбунтовавшейся командировки на протяжении следующих трех недель: ждали, когда придет свое, КУСиПХовское, начальство, придет и разберется в сложившейся ситуации. Но ждали начальство – и рвали с ним связь? Нелогично. Или это только эксцесс исполнителя? Но Юхнев твердо покажет на следствии, что получил от Лоншакова именно такое задание, повторенное на месте Лукиным. Так ли это было или предвзятому следствию хотелось, чтобы это так выглядело?

Третья группа вопросов связана с Пупышевым. Поздно вечером 22 ноября он куда-то уехал. Собирался в необычной спешке, что само по себе показалось лагерникам подозрительным. Куда уехал – осталось неизвестным (хотя Лукин часом или двумя позже специально сходил в Кресты – узнать, не там ли он, и группа Лоншакова, отправившаяся в Кресты под утро, имела задание найти Пупышева, но не нашли).

Исчезновение Пупышева было тем более тревожащим, что ждали какую-то нарту и восемь человек при ней, неведомо откуда взявшихся комсомольцев. Может быть, потому так встревожились, когда уже утром пришли две нарты – свои, посланные ранее Пупышевым в Пантелеиху; каюрам приказали отойти от упряжек, нарты обыскали.

На все время восстания Пупышев словно исчез из окрестностей командировки, хотя, казалось бы, кому как не ему искать с восставшими, хоть и под прикрытием райотдела НКВД, контакты, пытаться как-то исправить ситуацию. И прибывшие энкавэдешники, занявшись следствием, Пупышева тоже словно найти не могут: нет в деле о восстании его показаний, нет очных ставок с обвиняемыми. Словно он для следствия и вовсе не нужный человек.

(Его показания окажутся в деле Неймана и Казакова, которое возникнет и будет рассматриваться гораздо позднее, хотя был он на командировке после того, как восставшие сдали оружие, и допрашивал его именно в эти дни зам. начальника УНКВД по ДС М.М.Веселков).

Что произошло дальше? Новоявленный “Комитет обороны заключенных Колымы”, куда вошли Лоншаков, Верменич, Лукин, Яковлев и Нейман (в деле он чаще именуется штабом), в первый же день, 23 ноября, собрал лагерников в бараке – теперь уже всех: и получивших оружие ночью и утром, и оставшихся пока в стороне, и объяснил ситуацию. По словам членов штаба (а главными ораторами на этом и других – они проводились часто – собраниях были Лоншаков и Яковлев, Верменич обычно выступал в конце собрания и говорил мало), обстановка была такова: в стране идет война, немцы заняли Украину, японцы высадились на Дальнем Востоке и продвинулись уже до Бийска (это, выходит, до Алтая?), о Сталине ничего неизвестно, правительство бежало, остался один Воро-

шилов... Впрочем, по другой версии Ворошилова тоже уже не было.

Эти страшные обстоятельства не стали новостью для лагерников. Тревожные слухи (следствие назовет их провокационными и обвинит в их распространении руководителей восстания) гуляли по окрестностям уже давно. Их приносили из Крестов, из Нижне-Колымска. Несомненно, что-то рождалось и тут, на командировке, – находящиеся в неволе люди весьма склонны к сотворению мифов. А тут и само начальство пищу уму подбрасывает: еще в августе, на разгрузке баржи, Пупышев рассказывал – и это запомнили многие – что в Москве заваруха, четырех наркомов кокнули. “Ну, их хорошо, – якобы сказал при этом начальник командировки, – пусть они хоть все друг друга перестреляют. Глядишь, и я в начальство выйду!..”

Дошло до того, что на торжественном собрании в честь двадцатой годовщины Октября (а лагерная командировка и в таких ритуальных действиях от всей страны не отставала) после короткого и бессвязного доклада Пупышева (начальник был пьян) разговор пошел в форме вопросов и ответов: что происходит в стране?.. где Сталин?.. где японцы?.. что делать?.. Ведь, повторю, с августа район не имел связи с внешним миром, ничего достоверного о происходящем в стране никто не знал.

Как ни крути, а выходило, что Советская власть распространялась только до Зырянки, выше по реке, к югу, ее, наверное, не было. В Магадане расстреляли всех заключенных (“Да не может быть! – возражали оптимисты. – Самоохрана из заключенных состоит – не будут они в своих стрелять”. – “Может, – не оставляли надежды реалисты. – Им пообещали, что спасутся, но потом и их расстреляли”). Начальство на четырех пароходах – во, сколько набралось! – пыталось бежать, но японцы эти пароходы утопили.

В ближайших окрестностях зверства уже начались: этап заключенных, отправленный в октябре из Лабуи в Омолон, на стан экспедиции, по дороге расстреляли. Пупышев привез на командировку пулемет и вместе с Манцевым (из собачьего питомника) уже выбрал место, где его поставить: срубили какой-то пень, чтобы не мешал. Нейман имел приказ убить Лоншакова, но не мог это сделать и, чтобы избавиться от поручения, самопоранился. Дугин (он напишет такое заявление после нескольких дней, проведенных в ИЗО) должен был убить Верменича.

А остальных Пупышев планировал на этап (Столповский говорил. Столповскому верите?) – там бы всех и побили.

Связь между началом войны и уничтожением заключенных представлялась несомненной. Она возникла и крепла вместе с всеобщим психозом (т.е. подготовкой к войне). Это только фильм “Если завтра война” появится в 1939-м, а разговоры о ней начались гораздо раньше. И здесь, на Дальнем Востоке, словно ждали (но власти утверждали, что ждут этого именно заключенные) войну уже давно. А заключенные рассуждали практически: кого уничтожат в первую очередь, если война действительно начнется и Советской власти придется нелегко? Их, социально опасных...

Что нужно было делать в создавшейся обстановке? Ждать. Ждать, что приедет начальство и прояснит ситуацию (позже, когда дни шли за днями, а от начальства не было ни слуху ни духу, и этот факт ложился в общую картину: видите, и Эльген не отвечает, значит, нет там уже никого...). Но пока – и это было решено в первый же день – строжайшая дисциплина. На командировке формируется рота самоохраны. Устанавливается постоянная караульная служба: никто не может ни войти, ни выйти с территории незамеченным (во времена Пупышева “самоотлучки” были в порядке вещей). Командировка впервые обносится – нет, не проволокой, ее, кажется, просто не было – веревками, на веревках, подвешенных по кустам к стволам деревьев, укрепляются связки пустых консервных банок – звуковая сигнализация. По проекту Верменича, з/к з/к Неруш и Юхнев изготавливают гранаты и фугасы, которые поставят вдоль ограждения – можно будет взорвать в случае приближения неприятеля. Фугас начинен щебенкой – убьет едва ли, но напугать грохотом может. Появляется у лагерников и свой “пулемет” (пупышевский не нашли, словно он его проглотил): деревянная трещотка – опять-таки не убьет, но шуму наделает...

Можно представить, как нелегко штабу было поддерживать дисциплину, ведь контингент, напомним, был очень разношерстным, к тому же и выматывало, вероятно, затянувшееся ожидание – одних оно толкало к лихорадочной активности, которую следовало подавлять, чтобы она не привела к насилию, других доводило до отчаяния, которое усугублялось страхом перед возможным наказанием.

Штаб со своей задачей справился. Все эти три недели на

командировке и в ее окрестностях было спокойно, обошлось без эксцессов.

Но один несчастный случай все-таки произошел: покончил с собой заключенный Корнеев. Его с оружием послали на разведку. После того как к установленному времени он не вернулся, стали искать. Нашли уже мертвым, в лесу. Рядом валялось ружье.

Штаб скрыл тогда этот факт от лагерников. На собрании объявили, что Корнеев исчез в неизвестном направлении – видимо, побежал сдаваться. На следствии эту ложь объяснили тем, что опасались тогда, в дни восстания, что самоубийство Корнеева деморализующе подействует на остальных лагерников. А известие о бегстве? Разве оно деморализовало в меньшей степени?

Говорили – тогда и позднее, уже на следствии, – что Корнеев мог быть убит по приказу Лукина как неблагонадежный: он якобы не хотел брать оружие, не хотел ходить на посты... Следствие лишь обозначило эту версию в показаниях обвиняемых, но решающих доказательств того, что было совершено убийство, не нашло. В обвинительное заключение этот факт не попал.

По мере того как тянулось ожидание, лагерники стали думать о возможных вариантах действий. Их было немного (если они были вообще). Если, скажем, так: к ним никто из начальства не придет, или все-таки придут, но с явной угрозой уничтожения всех восставших?... О серьезном вооруженном отпоре, сражении с отрядами НКВД речи не шло: сражение было бы заведомо проигранным. Значит, уходить – то ли от угрозы уничтожения, то ли тогда, когда ожидание станет уже совсем бессмысленным. Но куда уходить? Наступил декабрь, была уже настоящая, с крепкими морозами зима. До Магадана – полторы тысячи километров, до Якутска – почти две с половиной. До Аляски – появилась и такая мысль – тоже полторы или даже больше... А что? Где наша не пропадала! Напасть на факторию, благо она рядом, взять пушнину – чем мы хуже? ведь те, которые пытались бежать на пароходах, прихватили все колымское золото! – взять продовольствие и двигаться на восток...

Каждый из этих планов был безумен. Поэтому, может быть, лучше, если никто не приедет, и тогда так и сидеть здесь до весны, а весной подняться вверх по Колыме, посмотреть, есть

ли там какая-нибудь власть – наша или японская, или вообще нет никакой?

Почему-то думалось – и Верменич говорил об этом в первый же день – что если в стране такая крутая заваруха, то и они уже не могут считаться заключенными – у кого же мы заключенные, если власти нету? Об этом и в радиোগрамме, направленной в Эльген, запрашивали: сообщите списки освобожденных, амнистированных...

План дальнейших действий так и не был принят. Однако подготовили всем лагерникам лыжи, пошили белые маскировочные халаты, раздали каждому в специальных сумках НЗ – продукты питания на два дня.

К 15 декабря Дальстрой сумел собрать вокруг восставшей командировки превосходящие силы. Военной частью ведал начальник ВОХР Кабисский (не пройдет и месяца, как и он станет “одним из руководителей антисоветской повстанческой организации, возглавлявшейся Берзиным”), следствием по делу, которое начнется на следующий день, будет руководить зам. начальника УНКВД по ДС Веселков. По протоколам допросов видно, что он еще не научился к тому времени правильно писать слова “восстание” и “расстрел”, однако на всех 49 актах о расстрелах его подпись будет стоять первой.

Но предстояло еще принудить лагерников сдать оружие. На переговоры в лагерь были посланы лейтенант госбезопасности Рудометов и (его звание не указано) оперуполномоченный Титаренко – по всей вероятности, сотрудники НКВД по КРУДСу. Они назвали себя представителями органов власти, прибывшими для расследования случившегося. Видимо, лагерники почувствовали разочарование – они ждали гостей рангом повыше и, главное, тех людей, которых они знали и которым верили – Ткачука, Фоминых... Но выбирать им, конечно, не приходилось.

Не исключено, что предлагая лагерникам сдать оружие, “представители власти” из опергруппы УНКВД по ДС обещали им и беспристрастность, и справедливость, и милость к раскаявшимся. Иначе как объяснить, что восставшая командировка сдалась без единого выстрела?

Следствие велось на месте, его результаты – в виде формулировок обвинения для рассмотрения Тройкой УНКВД по ДС – передавались в Магадан по телеграфу. Оттого уже через де-

В Н П И С К А

Из протокола заседания Тройки УНКВД по “Дальстрой”

от 23-го декабря 1938 года.

С Л У Ш А Л И :

П О С Т А Н О В И Л И :

87. Дело № 168, 3 Стд. УГВ УНКВД по “ДС”, по обвинению: **ВЕРМЕНИЧ** Митрофана Степановича, 1804 г.р., ур. г. Москвы, гр. СССР, заключенный. Осужден в 1934 г. по ст. 59-10 и 3 г. ИТЛ. Срок отбыл ранее судим.

ВЕРМЕНИЧ Митрофана Степановича – **РА С С Т Р Е Л Я Т Ь .**

Обвиняется: совместно с **ДОНШАНОВЫМ** и **ЯКОШЕВЫМ** организовал вооруженное восстание на

В Н П И С К А

Из протокола заседания Тройки УНКВД по “Дальстрой”

от 25-го декабря 1937 года.

С Л У Ш А Л И :

П О С Т А Н О В И Л И :

86. Дело № 166, 3 Стд. УГВ УНКВД по “ДС”, по обвинению: **ДОНШАНОВА** Николая Лаврентьевича, 1902 г.р., ур. г. Заключенный, гр. СССР, осужден по ст. 54-8.

ДОНШАНОВА Николай Лаврентьевича – **РА С С Т Р Е Л Я Т Ь .**

Обвиняется: являлся организатором и руководителем полного восстания на ко-

В Н П И С К А

Из протокола заседания Тройки УНКВД по “Дальстрой”

от 25-го декабря 1937 года.

С Л У Ш А Л И :

П О С Т А Н О В И Л И :

86. Дело № 167, 3 Стд. УГВ УНКВД по “ДС”, по обвинению: **ЯКОВЛЕВА** Александра Васильевича, 1898 г.р., ур. д. Черноскутово, Чератузинского р-на, Уральской обл., гр. СССР, заключенный. Осужден в 1938 г. по ст. 58-10-11 и 10 г. ИТЛ.

ЯКОВЛЕВА Александра Васильевича – **РА С С Т Р Е Л Я Т Ь .**

Обвиняется: совместно с **ДОНШАНОВЫМ** и **ВЕРМЕНИЧЕМ** организовал вооруженное восстание на командировке “Кресты” (КРУДС), разоружив стрелков ВОХР и ограбив склад оружия вооруженных заключенных, изготовил гранаты из консервных банок, устроил барри-

В Н П И С К А

из протокола заседания Тройки УНКВД по “ДС”

от 5 января 1938 г.

С Л У Ш А Л И :

П О С Т А Н О В И Л И :

8. Дело № 384 – 3 Стд. УГВ УНКВД по “ДС”, по обвинению: **ЛУКИНА** Ивана Андреевича, 1907 г.р., ур. г. Армавира, гр. СССР, заключенный. Осужден по взыску от 7. УИ-82 г. и 10 г. ИТЛ.

ЛУКИНА Ивана Андреевича, – **РА С С Т Р Е Л Я Т Ь .**

сять дней, 25 декабря, Тройка вынесла три первых постановления – в отношении Верменича, Яковлева и Лоншакова, признанных организаторами восстания, – расстрелять. Постановление было исполнено на месте 28 декабря.

Еще через десять дней, 5 января, Тройка вынесла постановления в отношении 46 других участников восстания. Мера наказания была той же. Расстрел произведен 15 января.

Обвинительное заключение по делу – рассматривать ли это как хулиганскую насмешку над судопроизводством или, напротив, как неистовое стремление к соблюдению законности там, где она не могла и присутствовать, – было утверждено в том же УНКВД по ДС лишь через два месяца, 15 марта 1938 года.

Семьи расстрелянных очень нескоро узнали о печальной судьбе лагерников командировки “Зеленый мыс”. Если узнали о ней вообще. Даже в середине пятидесятых годов, в ответ на письма (их было около десяти) о местонахождении некоторых из обвинявшихся по делу, 1-й спец. отдел Магаданского УВД, в соответствии с действовавшим тогда указанием, сообщал о смерти заключенных, последовавшей 13 января 1939, 40, 41, 42, 43 годов (т. е. год смерти умышленно назывался неправильно) от... Тут имелся некоторый ассортимент диагнозов: воспаление легких, менингит, порок сердца, инфаркт миокарда. Обращавшимся за ответом предлагалось получить в местных органах ЗАГС свидетельства о смерти с этими фальсифицированными данными.

Старший стрелок командировки “Зеленый мыс”, ставший членом штаба восставших Нейман и незадачливый разведчик Казаков были арестованы опергруппой УНКВД в день сдачи оружия, 15 декабря 1937 года. По неизвестным мне соображениям (только ли потому, что оба были вольнонаемными? Но ведь и Верменич был вольнонаемным работником) они не были включены в общую группу обвиняемых и таким образом избежали расстрельного постановления Тройки. Их вывезли с командировки в феврале, в марте-апреле с применением распространенных тогда пыток их дело было расследовано в Магадане. В начале мая – как эпизод все того же многотомного дела № 17777 – оно было направлено в Москву.

И не миновать бы им Особого совещания или Военной коллегии Верховного суда и соответствующих мер наказания, но на рубеже полугодия, еще не объявленное никакими офици-

альными документами, в деятельности наркомата внутренних дел обозначилось новое веяние.

Оно не сразу дойдет до местного УНКВД, руководители которого в течение нескольких месяцев будут ломать головы над причиной проволоочки, пока не получат в конце 1938 года более чем увесистую спецпочту из наркомата (127 следственных дел) с таким вот сопроводительным письмом:

“Направляются следственные дела, рассмотренные комиссией НКВД (“Что за комиссия, создатель!” – сетовали, возможно, местные чекисты в адрес органа, нарушавшего нормальный репрессивный процесс. – А. Б.) 15 июня 1938 года, но не заслушанные судом, за отсутствием в Москве арестованных...”

Возвращенные дела подлежали после доследования (это, с точки зрения тех же чекистов, свидетельствовало о самом худшем, что можно было предположить, – развале всей ежовской системы) направлению в соответствующий судебный орган по месту нахождения арестованных.

Система и впрямь скоро рухнет – в Москве и на местах воцарится короткая бериевская “оттепель”. Но дело Неймана и Казакова не будет прекращено, как некоторые другие из того же массива № 17777. Оно благополучно, с точки зрения его инициаторов (хотя главные из них – начальник УНКВД Сперанский и вся “московская бригада”, прибывшая в Магадан в конце 1937 года, уже окажутся сами под следствием), отправится в суд и будет рассмотрено, с третьей попытки, 14 января 1940 года Постоянной сессией Хабаровского краевого суда (в тех же документах инстанция именуется как Отделение Дальневосточного краевого суда по Севостлагу НКВД и Дальстрою).

Нейман и Казаков будут признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных: у Неймана – ст. ст. 58-2 (участие в вооруженном восстании), 58-8 (совершение террористических актов) и 58-11 (принадлежность к антисоветской организации), у Казакова – покушение на участие в вооруженном восстании и участие в антисоветской организации, и осуждены соответственно на десять и пять лет лишения свободы. С зачетом срока предварительного заключения начиная с 15 декабря 1937 года, что подтверждало факт их ареста именно в этот день (в следственных документах впоследствии назывались другие даты).

В июле 1940 года судебная коллегия по уголовным делам

Верховного суда РСФСР сочла, что “просьба осужденных по мотивам изложенным в кассац. жалобе не заслуживает внимания (очень подходящее выражение для юридического документа. – А.Б.) и удовлетворению не подлежит”.

Ткачук будет арестован 16 июня 1938 года. В справке на арест он назван активным участником антисоветской организации, возглавляемой Берзиным, и одним из организаторов вооруженного восстания на командировке “Зеленый мыс”. Последнее обвинение, видимо, обосновывалось фактами назначения Пупышева на должность начальника командировки и отправки туда охотничьего оружия – якобы со специальной целью вооружения будущих повстанцев. Впрочем, не случилось ничего на этой командировке в ноябре-декабре 1937 года, существуя она так же тихо и спокойно, как десяток других командировок, подведомственных КУСиПХу, Ткачук неизбежно стал бы – раньше или позже – обвиняемым в 1938 году, потому что то самое дело-монстр № 17777 предусматривало свои “филиалы” во всех подразделениях Дальстроя.

Будучи начальником КУСиПХ, Ткачук в те истребительные месяцы был обречен стать и обвиняемым – как бы по совместительству с основной должностью. А то, что он стал им так поздно, лишь в середине июля, можно объяснить большим объемом работы у тогдашнего УНКВД – раньше просто не доходили руки. И, вероятно, традиционной в нашей стране недооценкой роли сельского хозяйства.

56-летний Ткачук оказался для 3-го отдела УНКВД очень крепким орешком. Нужные следствию показания он начнет давать только через полтора месяца после ареста – стоит ли сомневаться в том, что “кололи” этот орешек всеми силами и всеми средствами. Продержаться под такими ударами так долго мог человек поистине невероятного мужества. Однако и он 31 августа взялся за перо.

Кончились ли на том мучения обвиняемого (а ясно, что без мучительных пыток таких показаний следствие от него не получило бы) или допросы продолжались, сказать невозможно. Известно лишь, что через десять дней Ткачук был доставлен в магаданскую больницу, где и скончался 20 сентября. Диагноз: энтероколит, кардиосклероз. Утверждать, что заведующий отделением Агранович, подписывая эту справку, не покривил душой, я не могу.

Начальник УНКВД Сперанский еще успеет (он будет арестован в апреле) 25 февраля 1939 года утвердить постановление о прекращении следдела по обвинению Ткачука Ивана Степановича – ввиду смерти. Сделать это раньше, видимо, и ему было недосуг.

Почти через двадцать лет, в апреле 1957 года, правоохранительные органы вернутся к делу Ткачука, и зам. начальника УКГБ по Магаданской области Орленко утвердит постановление о прекращении следдела № 757 за отсутствием в действиях обвиняемого Ткачука И.С. состава преступления.

Начальник командировки М.Ф.Пупышев был привлечен к уголовной ответственности по п. 2 ст. 58 УК РСФСР в ноябре 1937 года. Так сказано в справке 1939 года, имеющейся в деле Неймана и Казакова. Но, видимо, произошло это все-таки позднее – едва ли магаданские чекисты в той ситуации сумели так быстро сориентироваться. Известно, что он был допрошен 21 декабря 1937 года – я уже упоминал об этом.

К обязанностям начальника командировки Пупышев уже не вернулся. Не исключено, что та же опергруппа вывезла его в Магадан. Еще одна справка 1939 года сообщает, что дело по обвинению Пупышева было прекращено “за смертью обвиняемого 1 октября 1938 года”. Пережил он Ткачука всего на десять дней. Увидеть архивно-следственное дело Пупышева не удалось – мне сказали, что оно не сохранилось. Возможно, что по той же причине правоохранительные органы к нему больше не возвращались, т.е. обвинение в совершении контрреволюционного преступления с Пупышева М.Ф. до сих пор не снято.

(А вдруг? – подумал я, написав эти строчки. – Вдруг я был знаком с его сыном?)

Да и не только я, конечно. Виталий Пупышев, знаменитый Пуп, как его звали коллеги, много лет проработал на Магаданской студии телевидения, снял десятки лучших по тем временам фильмов, сотни сюжетов. Магаданцы видели их на экранах своих телевизоров, на экранах кинотеатров – в выпусках киножурнала “Дальний Восток”. Многим запомнилась и его энергичная фигура с неизменной кинокамерой на плече и навсегда как бы полусогнутыми в коленях ногами – видимо, последствием какой-то перенесенной в детстве болезни. Но и с

такими ногами он, говорят, был отличным лыжником.

Беру в отделе кадров ГТРВК "Магадан" личное дело Пупышева Виталия Михайловича (Михайловича!). Автобиография: ... родился 15 декабря 1923 года во Владивостоке (М.Ф. Пупышев в это время жил во Владивостоке!) ... на Колыму приехал в 1931 г. как член семьи договорника (и тут сходится). И далее: "Отец Пупышев Михаил Федорович из крестьянской семьи. Отец по специальности рыбак, долгое время работал на Камчатке (так в памяти В.М. могла трансформироваться работа отца в камчатском Дальрыбпродукте, имевшем свои отделения в Приморье и на севере Охотского побережья. — А. Б.). В 1930 г. переехал работать на Колыму в пос. Балаганное начальником рыбной базы. Отец умер в 1938 г. в городе Магадане".

Видимо, и впрямь Виталий Михайлович был сыном того самого М.Ф. Пупышева. Пишу "был", потому что вот уже лет десять как известного магаданского кинооператора не стало. Незадолго до смерти он уехал на "материк", и мне теперь было бы важным установить, где живут его вдова Нина Михайловна и дочери Виктория и Ольга, — может быть, в семейном архиве сохранились какие-то сведения о М.Ф. Пупышеве, его документы и фотографии? А может быть, кто-то из старых ольчан еще помнит этого человека?

К делу по обвинению участников восстания на командировке "Зеленый мыс" Верменича, Лоншакова, Яковлева и других правоохранительные органы возвращались трижды. Первый раз это произошло более сорока лет назад.

Дело рассматривала в начале 1959 года прокуратура Якутской АССР (видимо, потому, что события происходили на территории, возвращенной после 1954 года под юрисдикцию этой республики) по жалобам вдов осужденных Дмитриева и Новожилова. Итогом рассмотрения явилось почти текстуальное воспроизведение обвинительной формулы 1937-38 годов. При этом работники прокуратуры напрочь абстрагировались от обстановки, в которой происходили события на командировке. Их, как и членов опергруппы УНКВД, интересовал только один вопрос: взяли ли восставшие оружие? А раз взяли — значит, виноваты.

Но если подобную "ограниченность", проявленную в 1937 году, понять и объяснить можно (признай тогдашние чекисты, что события на командировке вызваны: а) ее полной заброшен-

ностью и отсутствием на протяжении длительного срока какого-либо контроля за ее деятельностью, б) заброшенностью целого региона, за жизнь которого отвечал и Дальстрой, раз здесь находились и его предприятия, повлекшей за собой естественное, а не злонамеренное распространение тревожных слухов о положении в стране вообще и на Дальнем Востоке в частности, в) назначением на должность начальника командировки человека, явно для этой работы не подходящего, — и тогда пришлось бы отвечать в первую очередь руководству Дальстроя и тем же органам НКВД за допущенные безобразия), но на прокурорских работников Якутии в 1959 году этот ведомственный диктат влиять не мог — довели, видимо, еще не изжитые традиции: оправдать лагерника, взявшего в руки оружие, ни при каких обстоятельствах не казалось возможным. А посему — "В следствии того, что обвинение по делу обвиняемых (так в документе. — А.Б.) в участии в повстанчестве доказано материалами дела, что подтверждено свидетельскими показаниями, показаниями осужденных, на основании изложенного ПОЛАГАЛ-БЫ:

жалобу (...) и жалобу (...) оставить без удовлетворения за отсутствием основания принесения надзорного протеста по делу последних (т.е. Дмитриева М.М. и Новожилова С.Ф. — А.Б.).

Осуждение остальных 47 человек по настоящему делу считать правильным, оснований для отмены решений Тройки УНКВД по Дальстрою от 25 декабря 1937 года и 5 января 1938 года не имеется, так как последние осуждены правильно".

Глубже и менее предвзято "прочитал" это дело в июне 1990 года старший советник юстиции, начальник отдела Магаданской областной прокуратуры В.С. Ильяшенко. В подготовленном им заключении, в частности, говорится:

"В указанное время в Дальстрое была сложная производственно-политическая и морально-психологическая обстановка. Имели место многочисленные факты, когда использовавшиеся в качестве основной рабочей силы заключенные, оказывались жертвами административно-командных перегибов и произвола со стороны администрации. В лагерных подразделениях царили грубость, насилие, необоснованные аресты заключенных...

Среди заключенных лагерной командировки "Зеленый мыс",

удаленной от Магадана на 1600 км и не имевшей постоянной связи с центральными подразделениями Дальстроя, в середине ноября 1937 года стали распространяться слухи о контрреволюционном перевороте в СССР, а также о том, что на “материке” идет война, что немцы захватили Украину, а японцы заняли весь Дальний Восток и продвигаются на Колыму и Чукотку, и что администрацией лагкомандировки в связи с этим готовится массовый расстрел осужденных, для уничтожения заключенных начальник командировки Пупышев привез пулемет и другое оружие.

Питательной средой для этих слухов являлось неправильное поведение начальника лагпункта Пупышева, который в нетрезвом состоянии подогревал сплетни о расстреле этапа заключенных на р. Омолон, а также поступление в лагкомандировку оружия для организации охоты на пушных зверей”.

И далее: “Анализ материалов уголовного дела свидетельствует о том, что вывод обвинительного заключения о том, что заключенные подняли вооруженное восстание против Советской власти не соответствует действительности и не подтверждается материалами дела.

Факты контрреволюционной пропаганды и агитации заключенных со стороны Верменича, Лоншакова, Лукина и других не подтверждены доказательствами”.

Оценив таким образом обстоятельства дела, начальник отдела областной прокуратуры нашел, что в действиях осужденных содержался состав другого преступления – организации и участия в массовых беспорядках, статья 59-2 УК РСФСР, предусматривающая, при особо отягчающих обстоятельствах, высшую меру наказания. А посему: “На основании изложенного **ПОЛАГАЛ БЫ:**

Оснований к пересмотру уголовного дела № 44667 в отношении Верменича, Яковлева, Лоншакова и других – всего 49 человек на предмет их реабилитации не имеется”.

Массовые беспорядки и – (еще одна цитата из заключения, написанного В.С.Ильяшенко): “Обращает на себя внимание и тот факт, что заключенные строго соблюдали порядок и дисциплину на командировке, не допустили побегов, грабежей и других преступлений. Находившиеся у заключенных оружие и боеприпасы были полностью сданы властям. За время восстания не было сделано ни одного выстрела”.

Посылка и вывод здесь явно не согласуются.

В третий раз правоохранительные органы вернулись к рассмотрению этого дела в декабре 1992 года (по жалобе сына осужденного М.И.Ивашко). На основании нового заключения, подготовленного областной прокуратурой (о собственном изучении обстоятельств дела тут говорить не приходится, поскольку судебное решение было принято на другой день после поступления дела из прокуратуры), президиум Магаданского областного суда, со ссылкой на ст. 4 Закона от 18.10.91 “О реабилитации жертв политических репрессий”, согласно которой не подлежат реабилитации лица, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению их в совершении насильственных действий, признал всех осужденных по этому делу не подлежащими реабилитации.

Кажется, дело вновь закрыто, так как данное определение по закону может быть опротестовано прокурором (а зачем ему протестовать, если данное решение суда основано на подписанном им заключении?) или обжаловано заинтересованными лицами – членами семей и родственниками осужденных (а как новая отдельная жалоба может изменить отношение к делу – во всей его совокупности, если такое отношение уже отчетливо сложилось?), и нет путей для нового его рассмотрения на областном уровне.

Но правильно ли, до конца ли последовательно оценена ныне вся эта совокупность? Еще и ранее действовавший УК РСФСР имел в своем составе такую вот статью:

“Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены ими в состоянии необходимой обороны против посягательств на Советскую власть либо на личность и права обороняющегося или другого лица...”

Понятие “необходимой обороны” почти текстуально воспроизведено и в кодексе, вступившем в действие с 1 января 1961 года (в обоих кодексах это ст. 13).

Не увидеть состояния необходимой обороны в действиях лагерников командировки “Зеленый мыс” – значит не увидеть (или не захотеть их найти) причин инцидента, потому что вне этой обороны действия лагерников выглядят совершенно нелепыми или такими же безумными. Для того чтобы лагерники

овладели оружием, взяли власть на командировке и призвали сюда начальство, которое могло бы решить их вопросы, они должны были быть уверены в том, что их жизни грозит совершенно реальная опасность. В условиях того информационного вакуума, в котором пребывал весь административный район, никем не опровергаемых слухов о неблагополучии в стране, грубого, безнравственного, истерического, а то и просто провокационного поведения начальника командировки лагерники вполне могли представить, что им грозит опасность быть уничтоженными.

Ни в одном из документов архивного следственного дела, ни в одном протоколе допроса нет указаний на какие-либо другие причины начала восстания: невыносимые условия труда или голод, или что-то еще... Не было (и быть не могло), в силу географических и климатических условий, заранее обдуманного намерения совершить групповой побег – куда бежать? неужто, в самом деле, на Аляску?..

События всех трех недель, начавшиеся с обезоруживания стрелков в ночь на 23 ноября и закончившиеся сдачей оружия 15 декабря, отличаются, прежде всего, стремлением избежать насилия, избежать беспорядков, вспомним эпизод разоружения – здесь восставшие употребили и максимум хитрости (приход в помещение ВОХР лекпома Яковлева), и максимум терпения (я имею в виду длительность переговоров-уговоров), и корректность к сдавшимся стрелкам и лагерной службе. Вспомним действия отрядов, ушедших 23 ноября в Кресты и Каретово, – разве так вела бы себя вооруженная банда, вырвавшись на волю? А добыча могла быть немалой – совсем рядом с командировкой находилась пушная фактория. О ней помнили, но овладеть ее богатствами не пытались.

Запомним и то, что вся деятельность лагерников в течение трех недель сводилась именно к обороне. Комитетом обороны заключенных назывался и их руководящий орган.

Можно ли угледеть в событиях тех трех недель “насильственные действия”? Несомненно. Но так же несомненно и то, что эти насильственные действия были в пределах той необходимой, по их мнению, обороны, которую лагерники выстроили для того, чтобы спасти свои жизни. Они добровольно сдали эту оборону, положившись на волю властей в декабре 1937

года. Неужели и мы через шестьдесят лет не поймем их действий и не оправдаем их?

Весьма показательной в этом смысле (и противоречивой по существу) представляется мне позиция Верховного суда РСФСР, рассмотревшего по протесту прокурора РСФСР в апреле 1991 года все то же дело Неймана и Казакова и не нашедшего в их действиях состава преступления. Но если Нейман не был одной из пружин тех событий, а Казаков, оказывается, к ним вообще не имел никакого отношения, то не будет ли более последовательным и принципиальным прекращение дела за отсутствием самого события преступления? Подобное решение позволило бы избежать тех несомненных натяжек, которые имеются в названном выше постановлении. Однако заслуживает внимания и сама попытка Верховного суда полностью реабилитировать двух участников тех событий.

Среди лагерников командировки “Зеленый мыс” для меня явственно выделяются несколько чрезвычайно сильных личностей, и прежде всего – Верменич. Он не был официально назван руководителем восстания – эту роль следствие 1937 года, со слов самих лагерников, отдало Н.Л. Лоншакову. Верменич во время всех этих событий как бы оставался в тени, на втором плане, уступая инициативу и размахистость действий энергичному и авторитетному Лоншакову. Но его роль во всех этих событиях, на мой взгляд, решающая.

Верменич Митрофан Стефанович, русский, сын крестьянина-середняка, родился в 1894 году в селе Бугурлиновка Бобровского уезда Центрально-Черноземной области. По своей первой профессии – сапожник-кустарь, занимался ею на протяжении восьми лет, до 1917 года. В дальнейшем вся его жизнь будет связана с Красной Армией: командир взвода, командир батареи, начальник разведки, начальник оперативной части. Он окончит восточное отделение Военной академии (анкета отмечает знание английского языка). В 1930-32 годах служит в органах ОГПУ, затем возвращается на секретную работу в РККА. Член партии с 1917 года.

Он был арестован 30 декабря 1933 года и осужден в феврале 1934-го Особым совещанием Коллегии ОГПУ по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) УК РСФСР на значительный по тем временам срок – 3 года лишения свободы. В декабре 1936 года освобожден здесь, в Севвостлаге.

Мог ли человек с таким жизненным опытом, прошедший такую жизненную школу, ввергнуть себя и своих товарищей в ничем не оправданную, беспричинную, смертельно опасную авантюру?

А роль его в событиях на командировке, повторю, была велика. Воспротивился он раздаче оружия, переданного ему в подотчет (охранявший склад штатный сторож Ивашко, крестьянин с Киещины, осужденный за “контрреволюционную церковную пропаганду”, был, видимо, весьма предан Верменичу – после начала восстания он стал его телохранителем), и она бы просто не состоялась. А без нее не произошло бы и разоружение стрелков, не состоялся бы захват власти.

Характерно, что отрицая на допросе то, что именно он отдал приказ Лоншакову идти в Кресты за винчестерами Столповского, Верменич не постеснялся сказать: “Если бы я отдал такой приказ, оружие было бы изъято”.

Именно Верменич изготовил чертежи фугасов – простых, но, вероятно, надежных устройств, и гранат, на которые лагерники возлагали надежды как на средства защиты.

Именно Верменич подробно обсуждал с заключенным Смирновым, бывшим штурманом дальнего плавания, прокладку маршрута на Аляску и его навигационное обеспечение и, видимо, отказался (иначе последовали бы конкретные действия) от этой затеи ввиду ее полной безнадежности.

А ведь Верменич был уже свободным человеком. Пусть не до конца – не по своей же воле, освободившись из лагеря, он прибыл на эту крошечную командировку на краю света. Дали бы разрешение – вернулся бы наверняка в Москву, где его ждали жена и восьмилетний сын (Верменич, кстати, весьма переживал, что из-за отсутствия связи не может посылать деньги семье). Но не дали.

Однако и не заключенным он был все-таки. И должность у него была достаточно завидная. Была даже и материальная обеспеченность – несколько тысяч рублей на текущем счете.

И вот просто так, из-за ничего, без всяких причин стать руководителем восстания? Из ненависти к Советской власти, скажем, которой он отдал всю свою сознательную жизнь и которая его, кустаря-сапожника, сделала командиром весьма высокой категории? С угрозой потерять все – и самую жизнь? Не могло быть такого. Если Верменич взялся за это дело, то только потому, что не взяться за него было невозможно. Равно как и заста-

вить его принять участие в восстании на командировке никто не мог – он сделал это добровольно, предварительно, видимо, просчитав варианты...

Тем органам 1937-38 годов было, разумеется, не до психологических нюансов. Им, столь явно оказавшимся не на высоте – в обстоятельствах, предшествующих событию, – нужно было переложить свою вину на плечи лагерников. И они это сделали. Но как нынешние правоохранительные органы могут следовать той же логике?

Я надеюсь, что Верховный суд России (а только он может здесь сказать последнее слово) еще вернется к рассмотрению этого дела. А пока, в надежде на иное, чем ранее принятое решение, приведу полный список всех расстрелянных на лагерной командировке “Зеленый мыс” 28 декабря 1937 года и 15 января 1938 года – в том порядке, в каком они обозначены в обвинительном заключении. Обстоятельства гибели большинства из них до сих пор неизвестны их родственникам.

Расстреляны 28 декабря 1937 года:

1. *Верменич Митрофан Стефанович;*
2. *Яковлев Александр Васильевич, 1893 г.р., уроженец дер. Черноскутово Каменского р-на Пермской (?) обл.;*
3. *Лоншаков Николай Лаврентьевич, 1902 г.р., уроженец г. Сретенска Читинской обл.*

Расстреляны 15 января 1938 года:

1. *Лукин Иван Андреевич, 1907 г.р., уроженец с. Голицино Армавирского (?) р-на Северо-Кавказского края;*
2. *Байкалов Алексей Васильевич, 1899 г.р., уроженец с. Малак Аскарского р-на Зап.-Сиб. края;*
3. *Апеньшев Александр Филиппович, 1912 г.р., уроженец с. Мариинское Усть-Канского аймака Ойратской автономной обл. Зап.-Сиб. края;*
4. *Касперович Михаил Павлович, 1906 г.р., уроженец хут. Костевщина Копыльского р-на БССР;*
5. *Зубрилов Иван Дмитриевич, 1914 г.р., уроженец дер. Шатрово Шатровского р-на Челябинской обл.;*
6. *Ивашко Максим Иосифович, 1891 г.р., уроженец с. Ромны Пригородной полосы г. Киева;*
7. *Лисин Иван Петрович, 1898 г.р., уроженец с. Арсланово Больше-Кибитского р-на Тат. АССР;*

8. *Алейников Павел Антонович*, 1901 г.р., уроженец дер. Поченок-Клин (?) Тогучанского р-на Зап.-Сиб. края;
9. *Красиков Леонтий Тимофеевич*, 1892 г.р., уроженец дер. Травуково Давыдовского р-на Воронежской обл.;
10. *Светлаков Николай Иудович*, 1911 г.р., уроженец с. Починок Жизненского (?) р-на Горьковской обл.;
11. *Осеев Гаврил* (так в документах. – А.Б.) *Никитович*, 1917 г.р., уроженец дер. Утичье Мокроусовского р-на Челябинской обл.;
12. *Худяков Александр Филиппович*, 1907 г.р., уроженец с. Тополев мыс Тарбегатайского р-на Казахской (?) обл.;
13. *Букварев Александр Николаевич*, 1902 г.р., уроженец дер. Жигарево (Погорелово?) Чухломского р-на Ивановской промышл. обл.;
14. *Мекшун Федор Игнатьевич*, 1906 г.р., уроженец с. Шестовицы Черниговской обл.;
15. *Сириков Григорий Алексеевич*, 1913 г.р., уроженец с. Злынка Мыловашенского р-на Одесской обл.;
16. *Антонов Петр Мартемьянович*, 1888 г.р., уроженец Богородицкого уезда Московской губ.;
17. *Предэ (Прэдэ) Анс Иванович*, 1898 г.р., уроженец Латвии;
18. *Красняков Гавриил Александрович*, 1904 г.р., уроженец дер. Мацково Монастырщинского р-на Западной обл.;
19. *Карнаухов Савелий Иванович*, 1900 г.р., с. Ишим Ишимского р-на Вост.-Сиб. края;
20. *Зайцев Михаил Васильевич*, 1895 г.р., уроженец Каракульского р-на Челябинской обл.;
21. *Панов Иван Тимофеевич*, 1899 г.р., уроженец с. Коровяково Глушковского р-на Курской обл.;
22. *Матюхин Максим Никитович*, 1905 г.р., уроженец с. Людское Урицкого р-на Курской обл.;
23. *Пронин Сергей Иванович*, 1912 г.р., уроженец с. Стрелецкое Пронского р-на Московской обл.;
24. *Тимофеев Степан Иванович*, 1902 г.р., уроженец с. Сехта Чулымского р-на Зап.-Сиб. края;
25. *Новожилев Степан Федорович*, 1886 г.р., уроженец дер. Каничева-Сельга Петровского р-на Карельской АССР;
26. *Неруш Николай Наумович*, 1906 г.р., уроженец дер. Кремянка Лубенского р-на Харьковской обл.;

27. *Ломакин Михаил Кондратьевич*, 1915 г.р., уроженец с. Керженские горки Моршанского р-на Воронежской обл.;
28. *Мозговой Владимир Григорьевич*, 1915 г.р., уроженец с. Ямное Б.-Писаревского р-на Харьковской обл.;
29. *Забара Харитон Васильевич*, 1894 г.р., уроженец с. Речки Белопольского р-на Харьковской обл.;
30. *Приймаков Василий Михайлович*, 1908 г.р., уроженец г. Акмолинска;
31. *Ларионов Иван Терентьевич*, 1898 г.р., уроженец дер. Талица Залесовского р-на Зап.-Сиб. края;
32. *Краузе Эвальд Карлович*, 1908 г.р., уроженец кол. Надабаевка Новгород-Волынского р-на Киевской обл.;
33. *Костюченко Иван Иванович*, 1907 г.р., уроженец с. Иванцы Иваницкого р-на Черниговской обл.;
34. *Ковалев Георгий Наумович*, 1898 г.р., уроженец дер. Верестьино (?) Сучанского р-на ДВК;
35. *Константинов Андрей Васильевич*, 1905 г.р., уроженец с. Петропавловка Красноярского р-на Сталинградского края;
36. *Чугуевец Иван Максимович*, 1910 г.р., уроженец хут. Цветов Зинковского р-на Харьковской обл.;
37. *Плотцев Александр Ильич*, 1911 г.р., уроженец с. Липа Сергеевского р-на Волжского края;
38. *Кирычек Алексей Иванович*, 1899 г.р., уроженец ст. Гривенецкая Красноармейского р-на Азово-Черноморского края;
39. *Богачев Петр Сергеевич*, 1905 г.р., уроженец с. Кременки Ульяновского р-на Куйбышевской обл.;
40. *Дмитриев Максим Минеевич*, 1905 г.р., уроженец с. Полоухо Бабиевского (?) р-на Алтайского края;
41. *Шипикин Семен Андриянович*, 1915 г.р., уроженец с. Кидря В.-Устюгского р-на Северного края;
42. *Кондратьев Владимир Иванович*, 1911 г.р., уроженец дер. Щучка-Гора Ругозерского р-на Кар. АССР;
43. *Южнев Глеб Алексеевич*, 1904 г.р., уроженец г. Перми;
44. *Байкалов Егор Иванович*, 1897 г.р., уроженец Аскарского р-на Зап.-Сиб. края;
45. *Большаков Иван Петрович*, 1905 г.р., уроженец дер. Лопатино Скопинского р-на Московской обл.;
46. *Вальчик Станислав Романович*, он же Савельев Николай Романович, 1901 г.р., уроженец г. Пшевороска Краковского воеводства, Польша.

Наше несокрушимое прошлое

История, описанная двумя перьями – в Москве и Магадане

Автор: Магаданский читатель, возможно, помнит это имя – о судьбе Марии Вернер писали столь далекие друг от друга издания, как московский журнал “Эхо планеты” и газеты “Колымский курьер” и “Магаданская правда”. Поэтому сегодня, не тратя слов на особое представление, я сразу уступаю место рассказчику Марии Юльевне Вернер, оставляя за собой право дополнить этот рассказ строками из писем и документов.

М.Вернер: “Все это” – простые слова, часто употребляемые в разговорной речи, в моем контексте охватывают целый мир прожитого и пережитого. Я часто как бы ставлю на прослушивание запись моей памяти, и мне всегда чудится музыка – симфония с мощными, мажорными аккордами, задушевыми лирическими пассажами, яростными маршами и – увы! – слишком затянутым трагическим интермеццо... И все это было в моей жизни!

Об этой своей, в общей сложности – великолепной жизни, мне еще предстоит рассказать подробно. Но сегодня передо мной стоит более узкая задача – рассмотреть период 1937-47 годов, иными словами, прожитые в Магадане годы: пять лет как з/к и еще пять как в/н (вольнонаемная).

Сразу возникает вопрос: каким образом я, родившись в маленьком хорватском городе Вуковаре, на берегу великой реки Дунай, и прожив немалую часть своей жизни в разных столицах Европы – Вене, Белграде, Берлине и Париже – “очутилась” на столь отдаленной планете, где, как поется в песне, “двенадцать месяцев зима, а всё остальное лето”?

Извилистым был этот путь.

Автор: “Происхождение. Отец – доктор Юлий Диамант, по национальности венгр, по образованию философ – действительно выполнял некоторые функции раввина” – из письма, март 1992 г. Из анкетного листа, заполненного после освобождения из Севвостлага в сентябре 1942 г.: “Мать Суламит Диамант, отец помер”.

Из того же анкетного листа:

“Вуковар 1903 – 1921

Вена 1921 – 1923

Белград 1924 – 1928

Берлин 1929 – 1932

Париж 1933 – 1935

Из Москвы 5 сентября 1937 г. как з/к”.

М.Вернер: Осознав в юности, что наш мир – не лучший из всех существующих, я стала борцом за его переустройство. Преследуемая за революционную деятельность, я не раз в поисках убежища перекочевывала из страны в страну лишь с маленьким чемоданчиком в руке...

После окончания гимназии в родном городе я стала студенткой философского факультета Венского университета. Высокая культура этого города явилась мощным катализатором моего духовного формирования. И в моей личной жизни произошел великий миг – в один чудесный весенний день в сельской гостинице, затерявшейся в венском лесу, я стала женщиной – женой югослава Теодора Балка.

Автор: Из автобиографии: “В 1923 году вышла замуж за Федора Драгутина. Муж мой по основной специальности врач, но с 1929 г. работал только партийным работником и журналистом-писателем, литературный псевдоним Теодор Балк. Все его произведения подчинены непосредственной борьбе против Гитлера, часть из них переведена и на русский язык. На испанском фронте, где мой муж боролся в качестве капитана Интербригады и был награжден орденом, он ранен, и с тех пор я без известий о нем” – 18 сентября 1942 г.

М.Вернер: С 1924 по 1928 год мы с мужем жили в Белграде, увлеченные борьбой подпольной коммунистической партии. Затем потянуло в “свободную” Европу – уехали в Берлин.

Это было время мирового экономического кризиса. В Германии свирепствовала безработица. Коммунистическая партия были могучим революционным авангардом. Мы с мужем были членами Коммунистической партии, сотрудничали в “левой” печати, принимали активное участие в деятельности Союза пролетарско-революционных писателей. Я стала администратором издававшегося Союзом ежесеместрника “Лингскурве”. В стенах Союза я встретила с такими прекрасными людьми и выдающимися писателями как Анна Зегерс, Иоганес Р. Бехер, Эгон Эрвин Киш. Знакомство с ними впоследствии выросло в большую дружбу. Память сердца сохранила радость

великолепных революционных митингов, когда весь зал пел вместе с Бушем его “Левый марш”.

Коммунистическая партия Германии совершила историческую ошибку – как верноподданный член Коминтерна, в котором Сталин насаждал теорию о том, что социал-демократия находится на левом крыле национал-социализма, – она не сколотила единый фронт борьбы против все более наглевших фашистских молодчиков. И в январе 1933 года Гитлер пришел к власти. Начались гонения, горели в кострах книги, подвергались разгрому редакции. Мужа арестовали, но его спас югославский паспорт. Вернуться на Родину мы не могли из-за участия в нашушею в Берлине выставке о белом терроре в Югославии. Нужно было срочно выехать – но куда?

Мужу удалось на лыжах перебраться в Чехословакию. Я по литературной работе имела связь с одним французским издательством и скоропостижно отправилась в Париж – с тем самым маленьким чемоданчиком. В Париже меня на первых порах приютил легендарный моряк Шарль Тийон, который в свое время водрузил красное знамя на эсминце, посланном французским правительством для подавления восстания на Черном море.

Париж есть Париж – праздник, который всегда с тобой. А мне помогла придти в себя новая интересная работа. Теперь я работала в системе Профинтерна, в интернациональном комитете железнодорожников, издавала бюллетень на немецком и английском языках. Но неопытные в конспиративных делах французские товарищи однажды подвели – провалилось нелегальное бюро. Встал вопрос о моей высылке из страны. Куда теперь?

Автор: В воспоминаниях Марии Вернер парижский период ее жизни, равно как и все другие, изложен весьма кратко. Дополнительные сведения обнаружались в источнике, очень далеком от Франции, – протоколе допроса от 28 марта 1938 года, который происходил в УНКВД по ДС. Дело в том, что уже будучи заключенной Севвостлага Мария Вернер в начале января 1938 года была снова арестована. Дальше она сама расскажет об этом, а пока я только приведу фрагмент допроса, в котором речь идет о Франции (стиль и орфографию документа оставляю на совести оперуполномоченного 4 отдела УГБ сержанта государственной безопасности Бурова):

“Вопрос: На заданный вопрос – арестовывались ли Вы, вы ответили, что я арестовывалась во Франции. Скажите, за что Вас арестовывали?”

Ответ: В 1935 году в апреле месяце работая в г. Париже при интернациональном комитете железнодорожников мне было поручено поехать к одному железнодорожнику на бельгийско-французской границе подготовить выступление революционных железнодорожников на предстоящем съезде реформистского профсоюза железнодорожников и когда я приехала в это местечко меня задержала полиция проверив документы и предложила мне немедленно выехать в Париж, так как у меня не было документа на жительство, с приездом в Париж на вокзале я была обратно (так в тексте. – А.Б.) задержана, где меня допросили и отпустили. Через некоторое время меня из Франции выслали за пределы, я выехала по распоряжению Европейского секретариата профинтерна в Швейцарию г. Цурих, где должна была ждать указания о дальнейшей моей работе. В Цурих мне прислали командировку выехать в СССР работать в Профинтерне”.

М.Вернер: Трудно передать охватившее меня волнение, когда поезд на пограничной станции Негорелое прокатил под аркой с громадным транспарантом: “Привет трудящимся Запада!”. На вокзале девушка в гимнастерке сказала мне: “Вас вызывает начальник”. Меня привели в маленький кабинет. И глядя то на меня, то в мой паспорт, начальник улыбнулся и сказал: “Здравствуйте, товарищ!”

Впервые это емкое слово было обращено ко мне! На русском языке! На душе стало легко – наконец-то я прибыла в надежную гавань!

Так по вызову Профинтерна летом 1935 года я приехала в Москву. После ослепительного Парижа Москва казалась мрачной, дома и магазины запущенными, люди угрюмыми. “Им некогда улыбаться! – сказала я себе. – Они строят новое, лучшее общество для людей”.

Меня поместили в общежитие Профинтерна, поодаль в гостинице “Люкс” (гостиница “Центральная” на бывшей ул. Горького. – А.Б.) жили со своими семьями члены Коминтерна, среди них и некоторые мои друзья. Атмосфера интернационализма пришлась мне по душе.

Работа в Профинтерне нравилась. Часто приходилось иметь дело с иностранными делегациями. Не обходилось и без курьезов. Об одном из них расскажу.

Надо было встретить делегацию из Англии – 12-летнюю девочку, ее мамашу и очень недружелюбно расположенного к нам профсоюзного деятеля. Чтобы продемонстрировать максимум внимания к гостям, мы прибыли в салон-вагоне для их встречи в Минск. Но поезд был предельно укомплектован, и наш салон нельзя было прицепить к составу. С трудом мы нашли в разных вагонах по одному свободному месту – торжественная встреча сорвалась. В Москве дело обернулось еще хуже. Восьмого марта в Большом театре на торжественном собрании нам отвели места в центральной ложе. Гости только уселись, как в ложу ворвалась дежурная и безо всяких объяснений потащила английское дитя на сцену, где усадила его рядом с самим Сталиным! Профсоюзный деятель пришел в ярость. Попытка пробиться на сцену ему, конечно, не удалась, и, рас-swирепев, он ушел с торжественного собрания.

Наступил 1936 год. Испания стала ареной великого сражения Свободы против фашизма. 1700 югославов вступили в интернациональные бригады, в их числе был и мой муж Теодор Балк. Мне стало совсем одиноко – и в коминтерновском, и в профинтерновском общежитиях все реже звучали шутки и смех. Однажды я услышала загадочные слова: “Его забрали”. Речь шла об уважаемом коминтерновском работнике. Это казалось чудовищным, но я не ставила под сомнение действия органов – они разберутся в нелепом недоразумении.

Вскоре “недоразумение” произошло и со мной. 19 февраля приехали за мной на дачу Коминтерна – я как раз сидела над конспектами по истории ВКП(б). Обыскали, а потом я услышала голос непрошеного гостя: “Одевайтесь!”. Мелькнули заснеженные подмосковные поля, потом я увидела – перед долгой разлукой – полюбившиеся улицы Москвы, щелкнул замок на массивной входной двери на Лубянке, и я поняла – арестована.

Не своими, а шагами конвоира я передвигалась по бесконечным коридорам этого мрачного здания. Наконец оказалась в камере, в которой уже находились четыре женщины. Они были отзывчивыми существами – помогли мне придти в себя. Одна была сестрой ответработника НКВД – бывшего, вероятно. Другая, юное существо, – племянницей замечательного

польского писателя Бруно Ясенского, третья женщина – литератор, а про особу, которая произвела на меня самое большое впечатление, мне намекнули, что она жена самого Ежова, восставшая против злодеяний мужа. Так ли это было на самом деле, не берусь судить.

Спустя несколько дней я очутилась в Бутырской тюрьме. В камере, на общих нарах, ютилось уже около двух дюжины женщин. Моей соседкой оказалась знакомая по Берлину актриса Карола Неэр, непревзойденная Дженни из “Трехгрошовой оперы” Бертольда Брехта. Карола была все время в возбужденном состоянии, одна мысль на давала ей покоя: “Я ведь только привезла какое-то письмо – разве за это сажают?”.

А за что посадили меня? Следователь так объяснил мое грехопадение: живя в Югославии, я, видите ли, когда-то кому-то высказывала суждения троцкистского характера. Абсурдность утверждения вселила уверенность, что недоразумению скоро придет конец.

Шли дни, и за мной действительно пришли – но отправили меня не на волю, а в Лефортовскую тюрьму, одиночную камеру, в которой круглосуточно горел свет и был слышан шум моторов. У этой “инсценировки” была сверхзадача – расширить нервную систему арестанта. Но на меня она оказала успокаивающее действие – освещенная камера казалась мне обжитой, а шум мотора казался связующим звеном с внешним миром! Вдобавок у меня была своя кровать и единоличная параша...

И в этой твердыне бесправия нашлись люди, которые в обращении с заключенными оставались людьми. Такими были мой следователь и тюремный врач. По их назначению я получала жаропонижающее против высокой температуры, ломтики сырого лука против авитаминоза и... развлекательный роман против бессонницы.

Я недолго пробыла в Лефортово. Черный «ворон» привез меня обратно в Бутырку. Каролу я там уже не застала. Тюремная жизнь в общей камере пошла своим тягостным чередом.

“Вернер, с вещами!”. Ну вот и все! Все, прояснилось. Улыбаясь, я простилась с камерой и бойко зашагала со своим жалким скарбом вслед за конвоиром. Привел он меня в маленькую комнату. Сидящий за столом сказал: “Распишитесь!”. И я рас-

писалась – за определение Особого совещания НКВД СССР, оно гласило: как социально-опасному элементу (СОЭ) пять лет исправительно-трудового лагеря. Я вдруг перестала воображать, в сомнамбулическом состоянии я пришла в комнату, в которой шумели какие-то женщины. Когда они увидели меня, смех прекратился, и одна из них сказала: “Валя, спой!”. И та запела:

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани до Волги...

Эта песня вывела меня из оцепенения – я разрыдалась.

Моей новой обителью стал вагон на запасных путях товарной станции Казанской железной дороги. Во всем составе грузом были заключенные. Наш вагон был единственным женским. Поезд тронулся, и в вагоне стало легче дышать. За окошком мелькали кадры великолепного зеленого буйства природы... На станциях, как правило, наш поезд не останавливался у самого перрона. Но пение из вагонов доносилось до людей – ээка распевали песни старых каторжан, а то и советскую – “Я другой такой страны не знаю, где так вольно...”

Единственная длительная остановка была в Иркутске. Нас под конвоем, в сопровождении собак, повели в баню. Для нас, пассажиров товарного вагона, это было крайне необходимо. Санобработка свидетельствовала, что предстоит дальняя дорога. И действительно, Владивосток был конечной железнодорожной станцией, а затем последовала переправа через Охотское море в бухту Нагаева.

На транзитке во Владивостоке у меня произошла встреча, которая по своей фантастичности напоминает кадры сюрреалистического фильма: в просвете между рядами колючей проволоки мелькнуло лицо, знакомое мне по далекому прошлому – лицо из моей белградской жизни. Да, это был он, Николай Котур!

Вот что тогда произошло. Зашел ко мне долговязый Сима Милюш из подпольного руководства компартии и сказал: “Передай эту записку Николаю. Он в тюремной больнице. Свидания разрешаются. Дело важное”. Я с поручением справилась, и вскоре запестрели заголовки в белградских газетах: “Дерз-

кий побег из тюрьмы". Партия переправила Николая за границу, а мы с ним встретились уже на грандиозном митинге в Берлине. И вот новая встреча – за колючей проволокой, в стране, которая была для нас в свое время маяком.

Автор: Котур Николай Душинович, 1899 г. рождения, уроженец г. Карловцы, Югославия, по национальности серб, гражданин СССР, образование высшее, архитектор, бывший член компартии Югославии с 1923 по 1928 год, проживал в г. Мытищи (? – неразборчиво) Московской области, был осужден Особым совещанием НКВД СССР 2 июня 1937 года за контрреволюционную троцкистскую деятельность на 5 лет лишения свободы.

В Севвостлаг прибыл в середине августа и был направлен на прииск "Партизан". Согласно спец. указанию – как тогда выражались, по статейности – "...подлежит использованию исключительно на общих физических работах".

Менее чем через полгода, в начале февраля 1938 года, – напомним читателю, что первые месяцы 1938 года были на Колыме поистине расстрельными, – заключенный Котур снова был арестован. Основанием для ареста послужил акт, составленный 31 января зав. РУРом (рота усиленного режима, вид карцера) Ушиным и лаг. старостой Ивановым "...на лиц отказавшихся выйти на работу как систематическая группировка...". В списке девять фамилий, преобладает КРТД и 58-10 (антисоветская агитация), но есть и ст. ст. 59-3 (бандитизм), 167 (разбой) и ст. 35 (удаление за пределы определенной местности, статья общей части Уголовного кодекса) УК РСФСР. В РУР з/к Котур был водворен в начале января за покупку краденых продуктов (они были обнаружены во время обыска).

Арестованные Карев и Лазарев подтвердили существование в РУРе устойчивой группы саботажников, которые "... на протяжении 2-3 месяцев работали не больше как по 5-6 часов, остальное время пролеживали в РУРе и занимались к.-р. агитацией в пользу фашизма (...) В результате чего из РУРа ежедневно не выходит на работу 30-50 челов. заключенных, явно настроенных против соввласти..." (Лазарев). В качестве к.-р. агитации приведен такой пример: "Разговор, т.е. слова з/к Батырова, не работал и работать вообще не буду, пускай делают что хотят со мной, ведь работать на такие лагеря значит ускорить конец своей жизни, ведь на этом питании только можно

просуществовать без работы..." (Карев). В акте и показаниях названа и фамилия заключенного Котура.

На допросе 4 февраля Котур виновным себя в отказах от работы не признал, его показания подтверждаются и находящимся в деле "Табелем отказов": в августе отказов нет, в сентябре – 1 день н/норм (не выполнена норма? – А.Б.), в октябре отказов нет, в ноябре – нет, в декабре – нет...". "В отношении не выполнения норм на производстве, – записано в протоколе допроса, – работая в сентябре месяце 1937 г. такие случаи у меня были которые так-же у меня были не в смысле того что я не желал работать, а просто не мог физически этого выполнить, поскольку не работал (раньше? – А.Б.) на физических работах".

В январе во время пребывания в РУРе у заключенного Котура зафиксировано 20 отказов от работы. В протоколе его допроса этот факт – решающий по тем временам! – даже не упоминается. Были ли они в действительности и по какой причине, неизвестно.

Постановлением Тройки УНКВД по ДС от 17 февраля 1938 года Котур Н.Д. приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 24 февраля. Акт подписали зам. начальника УНКВД

В Ч П И С К А

из протокола заседания Тройки УНКВД по "Дальстрою"

от 17 февраля 1938 года.

С Л У Ш А Л И:

ПОСТАНОВИЛИ:

14. Дело № 1580 РО НКВД по ГУ
КОТУР Николай Душинович, 1899 г.р., ур. Славяни, г. Карловцы, с 1937г. осужден за КРТД на 5 л. ИТЛ.
Обвиняется: находился на подстанции Партизан ОДП ОГПУ являлся активным членом к.р. группы саботажников, систематически не работал, открыто признавал заключенных к организованному к.р. саботажу.

КОТУР Николай Душинович, лица – РАССТРЕЛЯТЬ.

Секретарь (И. Г. ...)

капитан госбезопасности Кононович и начальник Управления милиции капитан милиции Кедров.

В мае 1956 года старшая дочь Котура Ли Котур (младшая родилась уже после его ареста, он не успел даже узнать ее имени) обратилась с заявлением в Главную Военную прокуратуру, в котором просила рассмотреть заново его московское дело 1937 года, о последующих событиях в судьбе отца Л.Н. Котур ничего не знала.

В октябре 1956 года Военный трибунал ДВО отменил постановление Тройки УНКВД по ДС от 17 февраля 1938 года. В определении трибунала, в частности, сказано: "... поскольку отказ заключенного от работы не содержит состава преступления, а Котур никакой другой преступной деятельности не проводил..."

Тогда же начальнику Управления милиции г. Москвы была послана справка о прекращении дела Н.Д. Котура, с которой должна была ознакомиться заявительница. Но милиции не удалось обнаружить Л.Н. Котур ни в Москве, ни в Московской области. Может быть, каким-то чудом до нее или ее младшей сестры хоть теперь дойдут эти сведения о трагической гибели отца?

М.Вернер: *Сколько времени мы пробыли в транзитке, я не помню, но на всю жизнь запомнила пребывание в трюме парохода "Кулу". Спасаясь от зловония, я, свернувшись калачиком, лежала часами под лестничной дверью, и со ступенек на меня лились дождь и грязь. Наконец, после многих мучительных дней мы причалили в бухте Нагаева (5 сентября 1937 г. – А.Б.).*

Говорили, что наш этап был первым большим женским этапом на Колыму. Как пионеров, нас приветливо встретила начальница ОЛПА "Женкомандировка" (начальником женкомандировки "Новый Магадан" была тогда Зайцева. – А.Б.), а работник культурно-воспитательного отдела (КВО) тут же старательно регистрировал "таланты" для художественной самодеятельности.

Моя литературная статья – СОЭ – означала ордер на поселение в барак бытовичек. Пестрым было мое новое общество. Здесь была представлена богатая гамма "свободных" профессий: одна сидела за подлог документов, другая – за проституцию, третья отбывала наказание за бандитизм. Не-

жные тона этой пестрой картине придавали фигуры двух "мамок". Никаким тройкам и ОСО не было подвластно влечение одного пола к другому. Так наши соседки, находясь в заключении, подарили планете двух новых жильцов. Два раза в день они ходили кормить своих детенышей и, вернувшись "домой", с гордым видом уплетали полученные от своих "мужиков" гостиницы.

Барак был светлым, чистым, с хорошей печкой. Но, боже мой, какой стоял здесь мат! Его этажность поднималась, как только поблизости оказывался какой-либо мужчина – это было своеобразным проявлением кокетства. В бытность в Париже я переводила книгу "Торговля белыми" писателя Альбера Лондра. В ней шла речь об экспорте белых женщин в страны Латинской Америки. Текст пестрел изобретательными выражениями и оборотами французского блатного языка "арго". В моей новой обители мне было дано познакомиться с русской блатной речью по "первоисточникам", услышать ее из самых компетентных уст.

Порою в бараке разыгрывались кошмарные сцены. Если у старосты Тамары кошка крала сало, Тамара разжигала огонь в печке и с диким криком "Я тебя, курва, проучу!" гонялась за бедным животным по всему бараку с кочергой в руках (если указанная Тамара – лаг. староста Т.Л.Казакова, мы вскоре встретимся еще раз и познакомимся поближе. – А.Б.).

В бараке нас было четыре СОЭ. Две молодые девушки на вопрос: "А за что вас наградили таким титулом?", в один голос отвечали: "Мы из Харбина". Третья СОЭ была французженка Эми Сторэ, жена бельгийца, автора либретто многих оперетт. Она сохранила свои прежние манеры и ко всем обращалась со словами "Мон пти!" (моя милашка).

Автор: Сторэ Эмма Ефимовна (так по учетам спецфондов ИЦ УВД), 1899 г. рождения, место рождения Париж, Франция, русская, из служащих, общее образование – "нисшее", политического образования нет, беспартийная, специальность – переводчица с французского и испанского, общий стаж работы по найму (видимо, на момент ареста) – 10 лет, последнее место работы до ареста – "Внешторгиздат", г. Москва, замужняя, муж Диков-Деренталь Александр Николаевич находился (на момент освобождения Сторэ из лагеря, записано с ее слов) в заключе-

нии. Осуждена Особым совещанием НКВД СССР 20 мая 1937 года как СОЭ, срок 5 лет. Прибыла на Колыму пароходом “Джурма” 27 июня 1937 года. Освободилась 12 мая 1943 года.

Как следует из архивных документов, судимость у Сторэ вскоре была снята, право уехать на “материк” появилось у нее также относительно скоро, но Эмма Ефимовна прожила на Колыме еще 12 лет. Первые полгода она проработала домработницей по направлению Сануправления Дальстроя, затем три года няней в том же Сануправлении (точное место работы не указано). В январе 1947 года “выехала совсем”, как записано в учетной карточке работника Дальстроя, здесь приведен и “материковский” адрес: Московская область, ст. Баковка Западной жел. дороги, Городок писателей, д. 27. Эта запись в карточке перечеркнута – через полгода Сторэ вернулась в Магадан (можно только догадываться, что она нашла на родимом пепелище) и была принята на работу зав. библиотекой в ЦНИЛ (будущий ВНИИ-1).

В апреле 1951 года она перешла на работу в систему горкома профсоюза – зав. библиотекой Промкомбината. В постановлении президиума горкома о приеме Сторэ на работу указано: образование высшее, по специальности библиотекарь. Достоверность этих сведений мне неизвестна.

Зав. библиотекой Промкомбината (Сторэ была принята с месячным испытательным сроком) был положен оклад 800 рублей. У Сторэ с коэффициентом и надбавками зарплата составляла сначала 1440, затем 1520, затем 1600 рублей. Привожу эти цифры, чтобы хоть как-то представить жизнь в Магадане русской парижанки. Уровень был, по всей вероятности, и для того времени довольно скромный, но и не совсем бедственный.

В 1955 году Э.Е.Сторэ уволилась (вероятно, в связи с приближением пенсионного возраста). Ее дальнейшая судьба мне неизвестна, и я буду признателен тем магаданцам, кто помнит эту женщину, кто знает о ее жизни и судьбе ее семьи, за соощенные сведения.

Либреттист Дикгоф (а не Диков, как он записан в учетной карточке работника Дальстроя, заполнявшейся со слов Э.Е.Сторэ) – Деренталь А. дважды упомянут в самом полном издании, посвященном истории этого жанра на советской сцене – книге М.Янковского “Советский театр оперетты. Очерк истории”, изданной в 1962 году.

В первом случае речь идет о его либретто оперетты “Эх, миледи!” (композиторы Н.Брансбург и М.Красев), поставленной в 1930 году на сцене Ленинградского театра музыкальной комедии режиссером М.Лившицем. Во втором – об оперетте “Чарито” (композитор Ф.Эккерт, авторы либретто А.Дикгоф-Деренталь и Г.Ярон), поставленной в 1935 году в Московском государственном театре оперетты. Чуть позднее она была поставлена и в Свердловске.

Две характерные особенности обоих либретто: каждое из них напрямую соотносилось с современностью (а именно в это время, под настойчивые призывы прессы и властей отказаться от вконец скомпрометировавшей себя “венщины” и прочей “классики”, шли поиски средств существования этого жанра в советских условиях – совсем недавно, в 1927 году, Ленинградский театр музыкальной комедии, режиссер А.Феона, поставил “Женихов” И.О.Дунаевского, от которых советской музыкальной комедии, как выяснилось впоследствии, и следовало вести свое летосчисление). Во-вторых, действие в обоих либретто происходило, как тогда говорили, на Западе, и это дает основание предполагать (хотя и не слишком твердо), что зарубежную жизнь автор либретто знал не понаслышке.

Есть и третья характерная особенность, но она присуща не только этим двум постановкам: все они были признаны неудачными и в репертуарах театров не задержались. Главными виновниками неудач в книге М.Янковского названы авторы либретто.

Удивительно, но Г.М.Ярон, не только блистательный, любимый миллионами зрителей актер, но и автор весьма содержательной, обстоятельной и тонкой книги (“О любимом жанре”), оперетту “Чарито”, соавтором либретто которой он был, вообще не вспоминает. И это несмотря на то, что композитором в данном случае явился почитаемый Яроном главный дирижер Московского театра оперетты (“Во главе оркестра стоял прекрасный дирижер, талантливый композитор и инструментовщик, профессор Московской консерватории Ф.Ф.Эккерт” – Г.Ярон), что ставил спектакль один из крупнейших театральных режиссеров того времени – не только оперетты, но и оперы и драмы – Н.Смолич (“Я уже писал о Смоличе как о первоклассном режиссере...” – Г.Ярон), что главную роль в спектакле с успехом (это и М.Янковский отмечает) исполнила Татьяна Бах – несравнен-

ная звезда советской оперетты в течение долгих лет (цитат из Ярона в ее честь приводить не буду – их было бы слишком много), но автор книги “О любимом жанре” не хочет рассказать о совместной работе столь крупных мастеров в оперетте “Чарито” и своем в ней участии, словно ее и не было вовсе. Почему?..

Спецфонды ИЦ Магаданского УВД не без труда обнаружили следующие данные на эту фамилию (ничего, кроме фамилии, имени и отчества, в запросе я указать не мог):

“Деренталь-Дикгоф Александр Аркадьевич, 1885 г. рождения, уроженец г. Томска, беспартийный, русский, журналист. Заключенный Севвостлага. Арестован 20 октября 1938 года (все тот же страшный год. – А.Б.). Осужден 2 марта 1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР за КРД (здесь в те давние времена работник архива допустил ошибку – В/к Верховного суда квалифицировала преступления по статьям УК РСФСР. – А.Б.) к ВМН. Приговор приведен в исполнение 2 марта 1939 года”.

О том ли Дерентале-Дикгофе идет речь в справке? Не совпадает отчество с указанным Э.Е.Сторэ (но неизвестно, правильно ли оно было записано в ее учетной карточке, да и в карточке архива УВД может быть ошибка). Мог ли быть “бельгийцем” (М.Ю.Вернер) уроженец Томска? Год рождения позволял этому человеку пожить какое-то время в Европе, возможно, что там и произошла его встреча со Сторэ, и они вернулись в СССР уже вместе – но это пока только предположения.

Архивная справка, к тому же, и на редкость неполна: не указано, кем, когда, по какой статье, на какой срок А.Деренталь-Дикгоф был осужден перед тем, как оказаться в Севвостлаге, не указано, когда он сюда был привезен.

А вам не кажется, читатель, что о Дерентале вы уже когда-то слышали? Как будто в одном очень известном романе о чекистах есть персонаж с такой фамилией, а его жена... Если вы сейчас возьмете в руки этот роман и начнете скрупулезно сравнивать то, что в нем написано об А.А.Дерентале и его красавице жене, с тем, что я выудил пока из архивных фондов, что-то совпадет, что-то нет... Но это будет уже другой сюжет, и я вернусь к нему позднее, когда удастся узнать что-то новое и более определенное.

М.Вернер: *Мой трехбуквенный шифр не дал мне права на*

работу по специальности. Журналист должен был “переквалифицироваться”. За время пребывания в Магадане я приобрела ряд новых специальностей. На первых порах стала работать чертежницей-копировщицей в солидном “Колымпроекте”. В просторной комнате, под руководством вольнонаемного, трудилась группа ээка. Это были талантливые ребята. Рядом со мной со своей чертежной доской располагался конструктор Павел Бауэр. Мы с ним очень подружились, если не сказать большего. Он был “стахановец” и порою вместо букета роз преподносил мне в кулечке чисто обрезанные с увеличенной пайки корки хлеба, которые я очень любила.

Автор: Бауэр Павел Адольфович, 1910 г. рождения, уроженец с. Маркшталь, Республика немцев Поволжья, русский (так в учетной карточке работника Дальстроя – вероятно, ошибка, подумал я, но потом нашел такую же запись еще в трех его учетных карточках, а в одной содержалось и объяснение: мать Павла, наверное, была русской, ее звали Марией Ивановной), из семьи служащих, беспартийный, образование незаконченное высшее, специальность – конструктор-механик, стаж работы – 8 лет, последнее место работы перед арестом – Завод имени Сталина, г. Москва, семейное положение – женат, осужден 14 июня 1937 года Московским городским судом по ст. 58-10 УК РСФСР на шесть лет лишения свободы и 2 года поражения в правах, прибыл пароходом “Кулу” 2 сентября 1937 года, на Колыме родственников нет.

И.И.Лукин, ветеран Севера с почти 60-летним стажем, заслуженный строитель РСФСР, Почетный гражданин города Магадана, в тот период работал ст. инженером изыскательского отдела “солидного” “Колымпроекта”.

Это учреждение, по его словам, помещалось в трех двухэтажных зданиях по нынешнему Школьному переулку, в одно из них впоследствии вселилось общежитие педагогического училища. Напротив, через дорогу, размещалось, также в нескольких двухэтажных зданиях (на месте одного из них сейчас детские ясли), Геологическое управление, которое возглавлял В.А. Цареградский. Таким образом, этот тихий городской район можно считать колыбелью магаданской науки.

– Какое знакомое лицо! – оживился И. И. Лукин, глядя на фотографию М.Ю.Вернер пятидесятилетней давности. – Ну

конечно, я помню ее — она работала, будучи заключенной, кажется, на инженерной должности, в технологическом отделе.

О П.А.Бауэре, поскольку он гораздо дольше работал в этой организации и был фигурой более заметной, у И. И. Лукина сохранилось больше воспоминаний. По словам ветерана, П.А.Бауэр также работал в технологическом отделе, был квалифицированным специалистом, одним из ведущих работников отдела. Производил впечатление человека очень корректного, но

замкнутого, заметно переживающего обрушившиеся на него невзгоды, но не позволявшего себе никаких высказываний на этот счет. В числе запомнившихся работ П.А. Бауэра, выполненных в “Колымпроекте”, И.И. Лукин называет удачное решение подвесной канатной дороги, соединившей место добычи с обогатительной фабрикой на руднике имени Матросова. В дальнейшем это решение было применено и на некоторых других предприятиях Дальстроя.

М.Вернер: В “Колымпроекте” работало несколько заключенных женщин. На работу нас сопровождал конвой. Мы это приветствовали, потому что были случаи, когда изголодавшиеся уголовники заезжали в город и похищенных на улицах женщин увозили в тайгу, “пускали под трамвай” и бросали на произвол судьбы.

Собственное “я” каждого и его окружение суть сообщающиеся сосуды. Это обстоятельство смягчало противоречия, вырабатывало, до некоторой степени, ассимиляцию. Шли дни

лагерной жизни, которую можно было считать даже более или менее благополучной, пока...

Как-то ночью в жен. ОЛП нагрянули энкаведешники, чтобы арестовать уже осужденных. Арестовали несколько женщин из швейной мастерской, а меня, иностранку, впридачу. И я очутилась теперь уже в магаданской тюрьме — какое разнообразие мест заключения даровала мне судьба!

Здесь ютились уже местные “враги народа”. Было холодно и голодно. Четырехсотграммовую пайку мне не удавалось растянуть до вечернего кипятка. Чтобы не видеть вокруг себя живущих хлеб, я ложилась, закрывала глаза и глотала слюны (не забуду, как однажды одна из местных сунула мне ломоть от своей пайки — это был очень благородный поступок). В тюрьме я стала очевидцем глумления над арестованными. Одна из местных возвращалась с допроса в очень тяжелом состоянии... Когда мы выходили из камеры на прогулку, светились из-за прижатой к стене коридорной двери опухшие ноги прижатого ею человека...

Однажды я спросила надзирателя: “Когда же следователь вызовет меня на допрос?”, он, не задумываясь, ответил: “А тебе десять лет уже припаяли”.

К счастью, он ошибся. Из тюрьмы я попала в новый лагерь, но без увеличения срока.

Автор: Здесь мне придется еще раз и на этот раз надолго взять слово для того, чтобы рассказать на основании архивных документов об этом деле и трагической судьбе арестованных вместе с Марией Вернер заключенных лагерного пункта “Новый Магадан”.

В один день (или одну ночь) 10 января 1938 года по ордеру, подписанным начальником УНКВД старшим лейтенантом гос. безопасности Сперанским, были арестованы заключенные Кириллова, Русскол, Александра, Маркичева и Вернер. Насколько они были близки между собой, каковы были их взаимоотношения, как хорошо знала каждую из четверых Мария Вернер, а они — ее, по материалам дела судить невозможно. Допрошенная через сорок с лишним лет, 16 октября 1980 года, сотрудником КГБ, участвовавшим в дополнительном расследовании по этому делу, М.Ю.Вернер на вопрос: “Знаете ли Вы...” — далее был перечислен ряд фамилий, в том числе Мар-

кичевой, Кирилловой и Александровой, ответила: “Никого из перечисленных лиц я никогда не знала, знакома с ними не была и мне ничего не известно о их судьбе”.

Я думаю, что в нашем повествовании судьбы этих людей будут не лишними, они – частицы нашей общей трагической истории, потому кратко расскажу о каждой из поделщиц.

Кириллова Серафима Герасимовна, 1898 г. рождения, уроженка Ленинграда, из рабочих (по другой анкете – из семьи ремесленника), образование начальное, бывший член ВКП(б) с 1917 до 1936 г., в Красной гвардии с 1917 по 1918 г., санитарка, профессия – портниха, перед арестом служащая – секретарь дирекции м/м совхоза № 360 Малиновского района Омской области, замужняя (муж Кириллов Семен Иванович, бывший член ВКП(б) с 1920 по 1936 г., до ареста работал зам. директора того же совхоза № 360 по общественному питанию, осужден за КРТД, заключенный Севвостлага, будет освобожден из заключения 24 сентября 1946 года), сыну Евгению в 1938 году было 13 лет, он жил в Ленинграде.

Кириллова С.Г. была осуждена Особым совещанием НКВД СССР 27 октября 1936 года за к.-р. троцкистскую деятельность на пять лет. Как следует из обзорной справки по архивному уголовному делу, эта деятельность выражалась в том, что обвиняемая была не согласна с политической кампанией, проводившейся против Троцкого и Зиновьева, заслуженных, по ее словам, революционеров, имевших право отстаивать свои позиции в политической борьбе. Кириллова осуждала также репрессии, обрушившиеся на партийную организацию Ленинграда после убийства Кирова, считая их несправедливыми, “... в период 1935-36 г.г. в совхозе проводила троцкистскую агитацию”.

В меморандуме, составленном экономическим отделом Омского УНКВД 2 октября 1936 года и включенном в личное дело заключенной, в п.13 на вопрос “Какие особенности надо учитывать при агентурном обслуживании?” следовал ответ: “Связать с троцкистским и а/с элементом, изолировав от осужденных по другим статьям”. В Севвостлаге Кириллова находилась с 11 января 1937 года.

Из характеристики, данной после ареста:

«3. Отношение к труду удовлетворительное

4. Поведение занималась контрреволюционной агитацией. Дискредитировала лаг. администрацию что плохо кор-

мят, почему не дают стахановское питание, ни за что работать».

Рускол Клавдия (Клара) Ароновна, 1895 г. рождения, уроженка с.Березниковское Одесской обл., еврейка, из крестьян-бедняков, бывший член ВКП(б) с 1920 по 1935 г., образование высшее, до ареста – агроном-виноградарь Винкомбината, г. Херсон, замужняя (муж Файтилевич Марк Соломонович, заключенный, находился в Севвостлаге), осуждена Особым совещанием НКВД СССР 26 октября 1936 года за к.-р. троцкистскую деятельность, срок 5 лет. В Севвостлаг прибыла 28 января 1937 года.

Из характеристики, данной после ареста:

«2. Кем работает в качестве портнихи.

3. Отношение к труду плохое

4. Поведение плохое занималась контрреволюционной агитацией и распространением разных не подобных (так в документе. – А.Б.) слухов за что и была взята в НКВД».

Александрова Мария Александровна, 1892 г. рождения, уроженка с.Шкаровка Киевской губернии, русская, из крестьян-бедняков, бывший член ВКП(б) с 1918 по 1936 г., образование начальное, профессия табачница (стаж 17 лет), перед арестом – директор швейно-трикотажной фабрики Ленсовета (1935-1936 г.г.), замужняя (муж Александров Сергей Васильевич находился в заключении), сын Владимир, 13 лет, жил в Ленинграде.

Осуждена Особым совещанием НКВД СССР 22 сентября 1936 года за к.-р. троцкистскую деятельность, срок 5 лет. Обвинялась в том, что была участницей к.-р. троцкистской организации, принимала активное участие в подпольной деятельности организации, высказывала к.-р. клевету.

На следствии в 1936 году признала себя виновной в том, что поддерживала знакомство с бывшими оппозиционерами, что в ее присутствии в 1927 г. у нее на квартире, по разрешению ее мужа, было организовано партийное собрание оппозиционеров, на котором выступил Радек (Радек Карл Бернгардович – видный деятель РСДРП, а также Соц.-дем. партии Польши и компартии Германии, с 1915 по 1924 г. член ЦК РКП(б), с 1932 года до ареста в 1936 г. зав. бюро международной информации ЦК ВКП(б)). Осужден 30 января 1937 года по делу так называемого “параллельного антисоветского троцкистского центра”. Погиб в заключении. Реабилитирован в 1988 году), что она поддерживала связь со своим мужем, когда он

находился в ссылке – переписывалась, ездила к нему.

В Севвостлаге со 2 ноября 1936 года. Из характеристики, данной после ареста:

«2. Работает в качестве мастера цеха

3. Отношение к труду плохое

4. Поведение плохое. Занимается срывом работы своими контрреволюционными вылазками, вызываясь действовала на массу, разлагала цех под разными предложениями, действовала,

старалась удержать на стенах цеха оклейку газет с контрреволюционерами троцкистами дабы продолжить свое дело. Повседневно старалась улучшить положение троцкисток за что и изолирована».

Относительно подробная характеристика (к факту с обоями мы еще вернемся), а также должность, не говоря уже об авторитете руководителя, сохранившемся, вероятно, в какой-то степени от прежней, “вольной” жизни, – все это позволяет предположить, что в группе арестованных Александровой принадлежала ведущая роль.

По счастливому случаю, в деле имеется ее фотография, сделанная, по всей вероятности, еще в Ленинграде во время предварительного следствия; в магаданском УНКВД и в райотделах на местах в тот период к делам такого рода фотографии не прикладывались – видимо, полагали, что это лишние хлопоты.

Две фотографии были изъяты у Александровой и во время обыска, предшествовавшего ее аресту в январе 1938 года. Но, вероятно, это были другие фотографии – едва ли ей в руки могли попасть тюремные. Было изъято также: разная личная переписка на восьми полулистах, облигации госзаймов на сумму сто двадцать рублей (их судьба в дальнейшем никак не оговорена) и, что кажется мне еще более удивительным, – проездной билет № 477 на имя члена Ленсовета, случайная, заурядная бумажка, сберегавшаяся в колымском лагере как реликвия, как память о прошлом, о родном и любимом городе, в котором прошли долгие годы жизни, из них двадцать – послереволюционных, сформировавших из нее партийного работника, хозяйственного руководителя (выдвиженка, вероятно, по практике тех лет), городе, в котором она нашла свое счастье и свою беду. Сообщу в связи с этим, что в ходе дополнительного расследования в 1980 году магаданские чекисты пытались найти мужа и сына Марии Александровны, но тщетно: ни архив Магаданского УВД – о з/к Александрове Сергее Васильевиче, ни адресный стол Ленинграда и Ленинградской области – о сыне, сведениями не располагали.

Маркичева Мария Леонтьевна, 1891 г. рождения, уроженка Казани, из рабочих, бывший член ВКП(б) с 1927 по 1935 год, образование неполное среднее, профессия – кожевница (стаж 32 года), вдова, сын Иван, 14 лет (из материалов дополнительного расследования выясняется, что у Марии Леонтьевны было трое сыновей, старший, Борис, 1905 г. рождения, член партии с 1928 по 1935 год, был осужден вместе с матерью в 1937 году на 3 года лишения свободы, умер в 1978 году, средний сын Николай умер в 1970-м, Иван погиб на фронте в 1941 г.). Исключена из партии за принадлежность к троцкизму. Из меморандума: “... состояла членом к.-р. троцкистской организации, вела к.-р. троцкистскую пропаганду среди рабочих фабрики в 1927-29 г., неоднократно устраивала в своей бригаде забастовки, распространяла к.-р. листовки, у себя на квартире неоднократно проводила нелегальные сборища троцкистов”. Осуждена Особым совещанием НКВД СССР 16 июля 1937 года за КРТД, срок – 5 лет л/с.

В Севвостлаге с 24 ноября 1937 года. Из характеристики, данной после ареста:

«2. Работает в качестве не работает

3. Отношение к труду -

4. Поведение плохое ведет себя вызывающе занимается разложением массы лагерниц, агитацией, распространяет неподобные слухи, за что взята в НКВД».

В такой вот компании была арестована М.Ю.Вернер. Характеристика на нее не отличалась от вышеприведенных:

«2. Работает в качестве не работала

3. Отношение к труду -

4. Поведение плохое настроена контрреволюционно ненавидит советскую власть отправлена в НКВД».

Авторами всех пяти характеристик названы одни и те же лица – за начальника жен. командировки “Новый Магадан” Зайцеву Полещук, ст. воспитатель Мильхов, зав. УРБ Денисов и лаг. староста Казакова. Полещук, Денисов и Казакова будут участвовать в качестве понятых при арестах и обысках заключенных. Мильхов будет допрошен по делу з/к Александровой. А главными свидетелями обвинения против всех пятерых арестованных станут Денисов и Казакова.

Чтобы не возвращаться больше к цитировавшимся выше характеристикам, скажу, что слова “не работала”, присутствующие в некоторых из них, никак нельзя принимать на веру. Что дает основание думать так?

Прежде всего, предшествующий жизненный путь арестованных. У каждой, за исключением Вернер, солидный рабочий стаж, все они трудяги в самом хорошем смысле – это не блатнячки-уголовницы, привыкшие к легкой жизни на “воле” и ставшие не утруждать себя в лагерях.

Во-вторых, слова “не работает”, т. е. отказы от работы, не подтверждены в деле никакими актами, никакими доказательствами.

В-третьих, на Колыме – и в этот период особенно – с отказами от работы боролись самым свирепым образом: они квалифицировались как к.-р. саботаж, с расстрельной санкцией, если дело доходило до Тройки. И будь эти отказы на самом деле, магаданскому следствию ни к чему было бы городить весь этот огород домыслов и вранья, который читатели увидят в показаниях Денисова и Казаковой, – одних отказов бы хватило, чтобы расправиться.

В-четвертых, пошивочная мастерская, в которой работали четверо из арестованных, и “Колымпроект”, место работы Вер-

нер, были далеко не худшими местами на тогдашней Колыме – нерадивым, недобросовестным или только попавшим в немилость к администрации грозили лагеря глубинки – лесоповал, изнурительные сельхоз. работы, поэтому за место на “швейке”, к примеру, следовало держаться. Лагерницы были об этом прекрасно осведомлены. До отказов ли тут?

Денисов Василий Иванович, 1893 г. рождения, уроженец Саратовской области, русский, из крестьян, беспартийный, осужденный 7 декабря 1932 года по пост. от 7.08.32 г. – за “колоски”, как стали говорить впоследствии, имея в виду, что одна из статей постановления карала и за преступления против колхозной собственности. В преамбуле постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности” было заявлено, что “...общественная собственность (...) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и лица, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа...”. Соответствующими были и санкции, предусмотренные статьями данного постановления, – минимальная мера наказания в лагере. Однако в дальнейшем, на фоне еще более жесткого законодательства и общего усиления репрессивной политики, лица, осужденные за “колоски”, как бы выпали из обоймы “врагов народа”: к так называемой “пятидесят восьмой”, т. е. политическим, их уже больше не относили.

Он будет досрочно освобожден 7 апреля 1938 года после отбытия в заключении менее трех с половиной лет – видимо, за немалые заслуги перед администрацией, как один из самых влиятельных лагерных “придурков”, зав. учетно-распределительным бюро, в руках которого были все нити использования рабочей силы лагеря, человек, несомненно приближенный к администрации, а потому, вероятно, охотно согласившийся быть се рупором.

Допрошенный 15 января 1938 года, т. е. через 5 дней после ареста группы з/к женкомандировки “Новый Магадан”, Денисов показал: “Работая с 1936 года зав. УРБ жен. командировки, достаточно пришлось изучить вышеперечисленных заключенных, их контрреволюционную деятельность”.

И далее: “Заключенная Александрова Мария Александровна, работает ст. мастерицей пошив. мастерской, систематически занимается среди рабочих пошив. мастерской к.-р. троцкистской деятельностью, говоря, что их привезли в лагерь для физического уничтожения, ибо мы, как троцкисты и те лагерники, которые осуждены за КРТД, являются для сталинской власти опасными и для того (вероятно, и потому. – А. Б.), что они опасны нужно их так уничтожить, чтобы не знали за границей, агитируя среди заключенных, что в лагерях людей мортят голодом, кормят плохо, нормы дают большие, не по силе, ни одна лагерница не может эту норму выполнить”.

Далее Денисов приводит и конкретный пример “троцкистской деятельности” з/к Александровой: “В декабре мес. было распоряжение, что наклеянные на стене газеты с помещенными (речь идет, видимо, о фотографиях. – А.Б.) врагами народа снять. Когда пришли в пошив. мастерскую снять со стен наклеянные газеты с врагами народа, то в это время Александрова стала агитировать заключенных (...) чтобы не давали срывать эти газеты со стенок, мотивируя, что будет холодно в бараке, с целью оставить портреты врагов народа. Александрова неоднократно восхваляла Германо-японский фашизм, что будет война с Японией и их освободят из лагерей”.

Последнее утверждение, встречающееся во многих делах, возбужденных в тот период УНКВД по Дальстрою, – из как бы обязательного, стандартного набора обвинений, – гораздо в большей степени выдавало реальные опасения администрации и охраны, чем сокровенные надежды заключенных.

Об арестованной Рускол Денисов показал: “... Систематически проводила среди заключенных к.-р. агитацию, направленную на срыв выполнения производственного плана, мотивируя, что кормят плохо и мало, зачеты не дают (...) из лагерей не освобождают, нужно сохранять здоровье. Своими к.-р. действиями совместно с з/к з/к Александровой и Кирилловой – старались разложить лагерную массу (...) Призывала заключенных к групповому отказу от работ – говоря: “Добиваться своих политических прав. Организованным путем мы сможем добиться каких-либо результатов”.

Об арестованной Кирилловой: “Заключенная Кириллова С.Г. работает в пошив. мастерской, совместно с Александровой и Рускол, все трое контрреволюционно троцкистско-буха-

ринско настроены. Систематически они агитировали среди заключенных против выхода на работу: как не работай, зачетов не получишь, кормят плохо, все равно здесь в лагерях подохнуть (...) Кириллова высказывала террористические намерения по адресу вождя народов и членов правительства (...) – агитировала о том, что сколько сидят в лагерях заключенных ни за что, если бы организовались все в одно, тогда можно было бы отсюда освободиться от этой тяжелой эксплуатации”.

Об арестованной Вернер (эту часть показаний я воспроизведу без купюр): “Заключенная Вернер М.Ю. систематически распространяла к.-р. троцкистско-клеветнические анекдоты по адресу вождя народов товарища Сталина. Проводила к.-р. агитацию среди заключенных за массовый невыход на работу – этим самым мы сможем добиться своих политических прав, одиночной борьбой мы ничего не добьемся. Сейчас нужно понимать, что международные отношения накануне войны с Японией и Германией и в 1938 году должна быть перемена жизни, тогда мы отомстим этим эксплуататорам, которые сейчас издеваются над нами, голодных заставляют выполнять непосильные планы, а если что скажешь посадят в карцер. Агитируя среди заключенных, что половину населения рабочих и крестьян НКВД пересадило в лагеря не за что. Если-б не дураки все заключенные, организовались бы в одну организацию на борьбу с Сов. властью, тогда-б мы могли освободиться от этой каторги, выражалась нецензурными словами по адресу вождя народов товарища Сталина. Восхваляя врагов народа Троцкого, Каменева, Зиновьева и др., что самых лучших людей советская власть расстреляла, так-же выражалась нецензурными словами по адресу членов правительства товарища Молотова и Калинина, восхваляя Японо-Германский фашизм”.

Об арестованной Маркичевой свидетель Денисов также показал, что она систематически проводила контрреволюционную агитацию, выражавшуюся в недовольстве положением в лагере заключенных, осужденных за к.-р. преступления: кормят плохо, нормы большие, создали такие условия, что отсюда не возвращаются. “Агитировала среди заключенных, что при царизме жилось лучше всем. Сейчас колхозники с голоду умирают, а рабочие работают день и ночь и ничего не имеют (...) Нам нужно дожидаться только войны, иначе мы отсюда не освободимся”.

Показания Денисова существенно уточняют воспоминания Марии Вернер: на следствии, как мы видим, речь шла не о “порче механизмов” – было бы что-то похожее, следствие, не сомневаюсь, мимо такого факта не прошло бы, “раскрутило” бы его в к.-р. вредительство, вполне достойный по тем временам состав. Речь шла о к.-р. группе, в которую, кстати, на равных с другими основаниях, а опять-таки вопреки воспоминаниям М.Вернер, отнюдь не заодно с ними, была включена и з/к Вернер, группе, ставившей целью организовать заключенных на выступление против администрации, норм и режима. В этом суть обвинения, остальное – политические цветочки. Именно в этом духе выдержан протокол допроса второго свидетеля, Казаковой.

Но сначала представим этого участника следствия. Казакова Тамара Леонтьевна, 1909 г. рождения, уроженка г. Кирова, социальное происхождение – батрачка, занятие после революции – беспризорная, состав семьи – девица, родственников нет, образование – малограмотная, беспартийная, постоянное место жительства – Магадан, женкомандировка, уборщица и, по всей вероятности, лаг. староста по совместительству. Фамилия лаг. старосты Казаковой стоит на всех пяти характеристиках арестованных. Но ни на одной нет ее подписи. Подписала ее лагстароста Казакова только на арестованную Тоцкую (о ней речь будет впереди). Эта подпись, на мой взгляд, идентична подписи Казаковой под протоколом допроса ее в качестве свидетельницы.

Видимо, читатель уже споткнулся об один из ответов на вопросы анкеты, предшествующей допросу Казаковой, о слово “девица” – странно для такого контекста, словно совсем из другого ряда. Нелогичное по употреблению – вопрос-то ведь был о семейном положении, здесь совсем другие характеристики употребляются: замужняя, незамужняя, ну, может быть, еще вдова... Да и потом какая, простите, девица – из беспризорных-то? Явно не то слово употребил здесь оперуполномоченный.

А может быть, то? И употреблено оно со смыслом? Есть сведения – документально, правда, не подтвержденные – о том, что лагерная администрация Колымы поощряла целомудрие среди заключенных и даже оплачивала его ежемесячно определенной суммой.

Первый раз я прочитал об этом у лагерного поэта Анатолия Александрова в стихотворении “Не плачь”, посвященном Станиславу Имбросайте, чудесной, кроткой девушке, медсестре больницы на 23-м км:

По прихоти врага народа
Иль по оплошности властей
Погасла светлая свобода
Над цветом юности твоей.
.....
За что б ты срок ни получила,
Отрадно видеть красоту,
С которой ты не разлучила
Свою девичью чистоту.

К последней строке был дан комментарий: “Узницам, хранившим девственность, выдавали ежемесячно по 34 рубля. Этих денег хватало, чтобы купить на лагерном “рынке” один килограмм хлеба, – одна из сталинских “милостей”.

Еще один колымский сиделец Александр Морозов в рукописи “Золото и смерть рядом” подтвердил это обстоятельство: “Между прочим, лагерное начальство поощряло девственность среди молоденьких девушек. Непорочным ежемесячно выплачивали по девяносто рублей, конечно, после предварительного медицинского освидетельствования”.

Сумма, как видите, называется уже другая, что не прибавляет этой информации доверия, но мысль, в общем, ясна: администрация сделала эту плату – пусть и не слишком эффективным – средством поддержания порядка, хоть каким-то препятствием для разгула страстей и унижительной купли-продажи. Оба мои корреспондента описывают лагерные порядки конца сороковых годов, но можно предположить – нашим представлениям о сравнительно более гуманном лагерном режиме времен Берзина это не противоречит – что подобное поощрение существовало и десятью годами раньше и как-то сохранилось и в “гаранинский” период. И тогда им не следовало пренебрегать, а для того – подчеркивать свое целомудрие, как это и сделала на допросе свидетельница Казакова. Даже в том случае, если реальные обстоятельства тому противодействовали (но лаг. староста, я думаю, могла, в силу своего положения, обойтись без необходимого для всех остальных претенденток освидетельствования).

Решительным образом свидетельницу Казакову характеризуют сведения о ее судимостях: в 1933 г. нарсудом г. Кирова по ст. 162 УК РСФСР (кража) осуждена на 10 лет лишения свободы (кодекс по этой статье предусматривает меньшую меру наказания, но в протоколе записано именно так. – А.Б.), в 1934 г. выездной сессией обл. суда по ст. 59-3 (бандитизм) УК РСФСР – на 2 года лишения свободы (это уже лагерная судимость). Возможно, что в протоколе допроса санкции по судимостям Казаковой перепутаны.

Заключенную Казакову Т.Л., не отбывшую и половины назначенного по двум судимостям срока, досрочно освободят 29 июля 1938 года – умела администрация Севвостлага ценить своих помощников.

Но перейдем к протоколу допроса.

«–Да, – ответила свидетельница Казакова на вопрос оперуполномоченного сержанта госбезопасности Бурова, – Маркичеву, Кириллову и Вернер я знаю по женкомандировке, которые работали в пошивочной мастерской.

Вопрос: Скажите, что Вам известно о контрреволюционной деятельности Маркичевой, Кирилловой и Вернер?

Ответ: О контрреволюционной деятельности выше указанных заключенных мне известно следующее: Маркичева, Кириллова и Вернер всегда вокруг себя собирали заключенных женщин осужденных по бытовым статьям и обрабатывали их в троцкистском духе, а так же вели систематически контрреволюционную пропаганду (...)

Вернер Мария Юльевна – она себя считает немкой, русских называет не культурными. Ведет систематически контрреволюционную агитацию, распространяет контрреволюционные слухи, что Германия предъявит СССР требование – отдать ей Украину, тогда она не будет воевать, а если не отдадут Украину Германии будет воевать и разобьет СССР. Кроме этого Вернер говорит, что в Германии жить рабочим и крестьянам лучше, там действительно есть чем гордиться, а тут в СССР голодные голые, а газеты восхваляют, чуть-ли в СССР не рай, но об этом рае за границей знают. По адресу Сталина распространяла самые гнусные вымышленные провокационные слухи. Вообще эта группа проводит активную контрреволюционную агитацию, но я в политических вопросах слабо разбираюсь и не могу

припомнить их высказывания, которые они ведут среди заключенных».

Топорная и чудовищная ложь, сработанная оперуполномоченным и верной помощницей лаг. администрации, вероятно, не нуждается в комментариях.

Третий и последний свидетель в этом деле – воспитатель Мильхов (он тоже был в числе тех, кто подписал характеристики на арестованных) Петр Максимович, 1905 г. рождения, место рождения обозначено неразборчиво, из крестьян, образование “нисшее”, осужден народным судом по ст. ст. 19-136 УК РСФСР (ст. 136 карала за совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, предшествующая ей ст. 19 означает, что в данном случае имело место лишь приготовление или покушение на убийство, этим и объясняется характер санкции).

Его допрашивал пом. оперуполномоченного Карчевский – пожалуй, самый малограмотный из всех знакомых мне по многим изученным архивным уголовным делам сотрудник УНКВД (к данному делу приложили руку четверо сотрудников – подобное было в духе времени). Степень неграмотности его такова, что буквально воспроизвести протокол нет возможности, поэтому представлю лишь его конспективное изложение, сохраняя, насколько удастся, стиль оригинала. Допрос посвящен заключенной Александровой и эпизоду со срыванием со стен барака старых газет:

“Мне как воспитателю данной командировки приходилось ежедневно сталкиваться с заключенной Александровой. Числа точно не помню, но приблизительно в середине декабря 1937 года, я зашел в пошивочную мастерскую посрывать газеты, которые были наклеены с врагами народа на стены барака. Когда мною было сорвано, в присутствии рабочих мастер заключенная Александрова стала проводить в пошивочной мастерской агитацию с целью сорвать работу, мотивируя, что при таких условиях работать невозможно – палатки худые, люди простужаются, печи не топят, кормят очень плохо, а нормы, которые дают, не по силам человеку, если не выполнишь, в карцер посадят (...)

Александрова призывала заключенных лагерниц к групповому отказу от работы, групповой борьбе: сможем только вместе вести борьбу с Соввластью (...)

Александрова систематически среди заключенных проводила клеветнические слухи по адресу вождя народов товарища Сталина”.

Чем еще располагало следствие по этому делу? 17 января, через неделю после ареста, Карчевский допросил Александрову, Маркичеву, Кириллову и Вернер. Арестованную Рускол допрашивал о/уполномоченный Горский, в этом протоколе даты допроса нет.

Протоколы, составленные Карчевским, производят очень странное впечатление. И ладно бы уж только совершенно безграмотные (к этому вроде бы привыкаешь, посидев подольше над каждым) – странной выглядит совершенно нелепая фигура этого самого помощника оперуполномоченного, проводившего допросы.

Вот, к примеру, протокол допроса обвиняемой Вернер:

“Вопрос: Расскажите о своей к.-р. троцкистской деятельности на женкомандировке?

Ответ: К.-р. троцкистскую деятельность среди заключенных на женкомандировке я не проводила.

Вопрос: Расскажите о своих связях с троцкистами по материку про которых вы следственным органам не сказали?

Ответ: Никого из троцкистов на материке я не знала и не знаю, так как я в троцкистской организации не участвовала.

Вопрос: Расскажите, кто вас завербовал в Париже для проведения к.-р. троцкистской деятельности в СССР?

Ответ: Никто меня в Париже не вербовал, ибо к.-р. троцкистской деятельностью не занималась.

Вопрос: Виноватой себя признаете в к.-р. троцкистской деятельности на женкомандировке или нет?

Ответ: Виноватой себя не признаю, ибо к.-р. троцкистскую деятельность на женкомандировке я не проводила”.

Вот ответы обвиняемой Кирилловой (вопросы Карчевского я опускаю, так как читатель без труда может их представить):

“Ответ: К.-р. троцкистскую деятельность среди заключенных женкомандировки я не проводила.

(...)

Ответ: К.-р. троцкистскую агитацию среди заключенных женкомандировки не проводила.

(...)

Ответ: Не знаю, кто проводил к.-р. троцкистскую деятель-

ность на женкомандировке.

(...)

Ответ: Виновной себя в к.-р. агитации заключенных на женкомандировке не признаю”.

Таким же вот образом выглядят и протоколы допросов обвиняемых Александровой и Маркичевой: вопрос – ответ, проводили? – не проводила; признаете? – не признаю... И все на “вы”, все корректно (даром что коряво и неграмотно) – ну прямо не кабинет следователя, а теннисная лужайка, над которой летает от партнера к партнеру несложный, потехи ради посланный мячик.

А за окном – январь 1938 года, взвинчивающийся темп репрессий, в соседних кабинетах – ор следователей и вопли истязуемых, замершие на “стойках” (по несколько суток) арестованные – они в коридорах “дома Васькова” вдоль стен стояли, “дозревали” до подписания протокола, который станет приговором им самим и тем, на кого они, отчаявшись, покажут. Такова была жуткая, расстрельная реальность тех месяцев на Колыме и в Магадане, а тут, видите ли, такой аристократический теннис: признаете? – не признаю...

Ну, допустим, наш Карчевский – из-за своей неопытности и необразованности – только на то и способен был, что заранее начальником приготовленные немудрящие вопросы задавать и такие же ответы записывать, стараясь других, в шпаргалке не содержащихся слов не употреблять, но арестованную Рускол, как я уже упомянул, допрашивал сотрудник вполне опытный, далеко не новичок в следственной работе М.Горский – приходилось встречать его фамилию в других документах. Но и этот допрос выглядит как суцая формальность, все те же “признаете – не признаю», разве что грамотнее исполненные. Таков и его финал:

“Вопрос: Следствие требует от Вас правдивых показаний, т.к. Вы уличаетесь показаниями свидетелей в том, что Вы на жен. командировке занимались контрреволюционной деятельностью. Будете-ли и теперь отрицать все это?

Ответ: Контрреволюционной деятельностью на командировке я не занималась и категорически отрицаю это”.

Ни одна из пяти арестованных вины своей не признала, ни себя не оговорила, ни подруг (правда, Александрова показала на арестованную Тоцкую, работавшую в той же пошивочной

мастерской, что она “систематически высказывает антисоветские реплики”. Тоцкая – дворянка, “хвалилась своей образованностью, качество заказов выполняла предательски”; Александра могла к ней неприязненные чувства испытывать из классовых побуждений – следовательно ее тут, может быть, особенно и подталкивать не пришлось). А свирепое следствие, которому, как явствует из многих и многих дел, ничего не стоило сломать едва ли не любого арестованного, тут в какой-то нерешительности пребывает, палец о палец не ударит, чтобы нужного результата добиться.

Или перед нами тот редкий – может быть, единственный в эти страшные месяцы – случай, когда группа арестованных, четко соорганизовавшись, решила дать отпор клевете, каждая из допрашиваемых держалась стойко, и следствию, хоть ты расшибись, было не преодолеть их сопротивление? Если бы! Если бы дело обстояло действительно так, то М.Ю.Вернер обязательно запомнила бы своих подельниц, соратниц по борьбе, и не преминула бы, наверное, рассказать об этом эпизоде, а она ни о допросах не помнит, ни тех, кто был арестован вместе с ней.

Или – предположим нечто еще более невероятное – стеснялось то следствие с женщинами грубым быть, проявляло галантную снисходительность – оттого этот теннис и затеяло?

Нет, ничего оно в то время не стеснялось, в том числе и с арестованными женщинами на допросах не церемонилось. Примеры известны – не хочу о них говорить наспех. А кажущаяся объективность приведенных протоколов, их едва ли не благодущие, не от нерешительности – от безразличия.

Человек, попавший в захваты той страшной машины в расстрельные месяцы 1938 года, был обречен. Что бы он ни говорил. Какие бы доводы ни приводил. Оттого следствию – в лице неграмотного Карчевского, или поднаторевшего Горского, или вполне уверенного в своих силах Бурова, или начинавшего это дело Цепляева (ему поручалось провести обыски и аресты всей этой пятерки) – было едва ли безразлично, что они, арестованные, говорят на допросах. Есть услужливо подписанные показания лагерных “придурков” – остальное, т.е. показания самих арестованных, не имеет особого значения. Дело остается лишь за малым – найти время, чтобы оформить все эти бумаги (а где его взять, если на руках у каждого опера десятки дел?), поставить его на очередь, а там уж Тройка не промахнется.

К тому времени, началу 1938 года, механизм Тройки был уже вполне отлажен. Вопреки неоднократно высказывавшемуся предположению, массовые репрессии на Колыме начались не с середины декабря (после отъезда Берзина), а гораздо раньше. Крупнейшей и кровавой акцией УНКВД по Дальстрою в 1937 году было уничтожение многотысячного этапа троцкистов, доставленного сюда годом ранее. В их числе были и люди, посвятившие себя действительной, реальной борьбе со сталинским режимом, которую они вели по десять и более лет. Для них Колыма оказалась местом гибели. Отголоски этой расправы слышатся в деле группы Александровой.

А Тройка УНКВД была сформирована и начала свою беспрепятственную работу в сентябре 1937 года – уже на завершающем, вероятно, этапе этой бойни. Подменив собой относительно демократичные судебные органы, существовавшие в Магадане, она, в силу особого порядка подготовки и рассмотрения предназначенных для нее дел, продемонстрировала не только высокую “эффективность”, но и неутомимую прожорливость. Немудрящая простота и безотказность процесса репрессий словно толкали на его расширение – раз механизм создан, он должен работать. Да и недостатка в инструкциях и требованиях не сбавлять темп из центра, надо полагать, в этот период не было.

Что могло быть реальным в той ситуации, которая изложена в делах обвиняемых Александровой, Кирилловой, Русскол, Вернер и Маркичевой? Недовольство заключенных своим положением – и оно было вполне естественным, хотя бы потому, что каждая из них считала свое осуждение несправедливым и видела сотни примеров такой же несправедливости. Их претензии к администрации по поводу тяжелой работы и быта – и здесь, вероятно, комментарии излишни. Опасения администрации, что недовольство повлияет на производительность труда или даже приведет к неповиновению – а какой охранник не боится за порядок на доверенном ему объекте?

Может быть, было и еще одно обстоятельство, драматизировавшее ситуацию: слух о том, что изменится – в худшую сторону – оплата труда. В распространении этого слуха обвинили заключенную Тоцкую, арестованную еще 14 декабря. По показаниям свидетелей, Тоцкая, вернувшись 12 декабря из цеха в барак, говорила заключенным, что скоро отменят все поощре-

ния, которые имеют лучшие производственные, и будет установлена мизерная зарплата – 41 рубль. Заключение, по словам свидетелей, вызвали возмущение в адрес администрации.

С Тоцкой следствию все было ясно: дворянка, дочь генерала, жена управляющего в имении члена царской семьи (муж был репрессирован еще в 1927 году), сестра офицера царской армии, расстрелянного за КРД в 1930 году, она была осуждена в марте 1936 года Особым совещанием НКВД СССР – свое

“согласие” на обвинительном заключении по делу № 3178 (центр) поставил и зам. начальника 11-го отделения Особого отдела ГУГБ капитан гос. безопасности Кононович, через полгода он станет заместителем начальника УНКВД по ДС, – за контрреволюционную агитацию на 5 лет лишения свободы.

Те же Полещук, Денисов, Казакова и ст. воспитатель Мильхов (ранее осужденный за хищение по тому же постановлению от 7 августа 1932 года) подписали ей характеристику: “... в цехе занималась бузотерством, создавала склоки, имела контрреволюционные проявления, терроризировала в цехе почему получилось резкое снижение процен. выработки, устраивала умышленные срывы работы за что и была снята с работы”.

Постановление Тройки УНКВД по ДС по делу Тоцкой было принято 25 декабря 1937 года: “... проводила к.-р. пораженческую агитацию, распространяла провокационные слухи с целью вызова недовольства. Проводила к.-р. саботаж. Умышленно портила качество выпускаемой продукции... РАССТРЕЛЯТЬ”.

Постановление было исполнено 2 января 1938 года. Президиум Магаданского областного суда отменит его в апреле 1981

года – за отсутствием состава преступления. Постановление Особого совещания по делу Тоцкой тогда еще не было пересмотрено.

А ужесточение норм выработки, повлекшее за собой значительное ухудшение положения заключенных в колымских лагерях и еще больший разгул репрессий, последовало, по воспоминаниям одних колымчан, в конце декабря 1937 года, по воспоминаниям других – в начале января 1938-го. Этот разрыв объясняется, вероятно, тем, что вводились новые нормы (и расценки) на разных предприятиях в разные сроки, но в пределах одного периода.

Вот на таком трагическом фоне началось и закончилось дело мастера пошивочной мастерской Александровой и ее подельщиц. Александрова была расстреляна 27 марта 1938 года, Кириллова – 5 апреля, Маркичева – 14 апреля, Русскол – 8 мая 1938 года. Спустя сорок с лишним лет каждая из них будет реабилитирована. Но что слово, пусть даже в официальном документе, значит перед фактом трагедии? Кого и как оно утешит?

Дело Вернер рассматривалось последним. Заседание Тройки УНКВД датировано 26 мая 1938 года: “... отбывая меру социальной защиты в Севвостлаге НКВД не прекратила к.-р. деятельность, а наоборот группировала вокруг себя заключенных женщин и обрабатывала их в троцкистском духе, призывала к организованной борьбе с Советской властью, к к.-р. саботажу, систематически вела к.-р. пораженческую агитацию в пользу Германии, восхваляла фашистский строй, клеветала на Советскую трудовую исправительную политику и распространяла клеветнические слухи о лагерях. Постановили...”.

Обращает на себя внимание растянутость сроков вынесения постановлений и их исполнение: с декабря 1937 года, если считать первой в этой группе Тоцкую, как это делает проводивший дополнительное расследование магаданский чекист майор Устинов, по май 1938 года. И это в атмосфере той спешки, когда “давай! давай! чего тянуть!..”. А чего, действительно, еще тянуть? В основу обвинения александровской пятерки легли показания свидетеля Денисова, полученные 15 января, – в них про каждую было сказано достаточно.

В большом количестве дел того времени, прошедших сейчас через мои руки, именно это “давай! давай!” и действовало. На подготовку каждого из них (с десятью-двенадцатью

арестованными) тратилась неделя, постановления выносились незамедлительно – на другой день после составления обвинительного заключения, с исполнением тоже не тянули – как только, видимо, подбирались достаточная группа, так и всех, разом... Ведь – страшная явь тех дней – расстрельные командировки и внутренняя тюрьма магаданского УНКВД были переполнены арестованными, мест не хватало – чего уж тут тянуть?..

А может, неспроста тянули? – думаю я сейчас, перекладывая в который раз эти тоненькие папочки в тиши отведенного мне помещения, подстраивая их под хронологию тех событий, чтобы еще раз попытаться найти их смысл. – Что если у этого, с позволения сказать, следствия, кроме очевидного – расправиться с теми негодными, которые могут быть еще и потенциальными смутьянами, запугать таким образом “лагерную массу”, чтобы легче было держать ее в повиновении, кроме всего этого был и еще один смысл, в протоколах, естественно, не отразившийся: обрести среди этих арестованных (и тем самым уже обреченных на смерть людей) будущих сотрудников? И тогда само время следствия, кажущееся бесконечным, и постепенное выбывание подельниц – страшнейшее средство давления и получения результата.

Хотя, наверное, и не на всякое сотрудничество следствие готово было идти. Н.В.Тоцкая для него явно не годилась – с такой-то родословной. Следствию ведь тоже блюсти свою репутацию полагалось, а посему и тянуть с арестованной не стоило. Тоцкую расстреляли первой.

Едва ли годились для сотрудничества Александрова и Кириллова – уж больно “шлейф” у каждой нехорош, замараны обе, по меркам того времени, выше головы. Одна с самим Радеком дружбу водила, в своей квартире его принимала. Вторая тоже фрукт порядочный – в меморандуме на нее черным по белому написано: “п. 12. Можно ли вербовать осужденного для какой-либо работы? Нет. Работая в с/х о имевшихся безобразиях и преступлениях старалась умалчивать”. Она и тут, если ей в лагере ответственную работу поручить, двурушничать будет. И то, что обе с 1917-18-го в партии состояли, им в актив пойти никак не могло: для колымского з/к этот факт биографии был, вероятно, скорее компрометирующим, уличающим, чем возвы-

шающим. Александрову расстреляли 27 марта, Кириллову – 5 апреля... Кто следующий?

Сержант гос. безопасности Буров – работник, повторю, опытный (и относительно грамотный) – допрашивает арестованную Вернер 28 марта.

Кстати, только в ее деле сохранились два протокола допроса в качестве обвиняемой, всех остальных, если верить этой документации (а полностью полагаться на нее, конечно, невозможно), допрашивали только по одному разу. О к.-р. деятельности на жен. командировке в тот день речь не шла – выяснялись и фиксировались обстоятельства прежней жизни арестованной. Часть допроса, касающуюся задержания Вернер во Франции и ее высылки в Швейцарию, я уже приводил. А начинается протокол так:

“Вопрос: Скажите, когда Вы приехали в СССР и откуда?”

Ответ: В СССР я приехала в 1935 году в сентябре м-це из Франции по вызову Профинтерна.

Вопрос: Скажите Вы приняли подданство СССР?

Ответ: Подданства СССР я не приняла (о/у Буров не видит разницы между подданством и гражданством, что и находит отражение в составляемом им протоколе. В СССР, как государстве республиканского типа, подданства не было – следовало говорить о гражданстве. – А.Б.).

Вопрос: Скажите, а подавали Вы заявление о подданстве СССР?

Ответ: (...) Я работала в Профинтерне с 1935 по 1936 год откуда была сокращена я подала заявление в Коминтерн с просьбой разрешить мне принять подданство СССР, в случае если меня партия оставит в СССР. Германская секция компартии (вероятно, описка Бурова – следовало написать “секция Коминтерна”. – А.Б.) мне ответила, что подданства СССР принимать не следует, так как предполагается послать Вас за границу.

Вторично я подала заявление в 1936 году в отдел кадров Коминтерна о разрешении принять подданство, мне ответили, что вопрос о вас решен, вы едете работать за границу и о подданстве говорить не следует. И я больше не ставила вопрос о подданстве. И в 1937 году в феврале м-це была арестована”.

Откуда этот интерес к обстоятельствам, не имеющим отношения к делу? Если арестованную, грубо говоря, подводили к “вышке”, то следствию какая разница: ставила или не ставила

Вернер вопрос о советском гражданстве? А вот если уж было решено обойтись более мягкой мерой, тогда заявления арестованной о предоставлении ей советского гражданства (а она, оказывается, дважды ставила этот вопрос – Буров считал нужным это зафиксировать) приобретали вес, так как дополнительно свидетельствовали о ее лояльности.

Вероятно, ту же цель преследовала и вторая часть протокола, где речь идет о неприятностях с полицией. Особо героического в поведении обвиняемой установить не удалось, да и сам арест оказался лишь задержанием из-за отсутствия документов. Но все-таки задерживали, и даже дважды, и в “Цурих” выслали (опять-таки высылка – мера наказания!) – какой-никакой, а плюс для обвиняемой.

Странно, не правда ли? В расстрельные месяцы страшного 38-го года следствие словно бы старается быть объективным и фиксирует обстоятельства, положительно характеризующие заведомо обреченного человека.

А еще необычнее выглядит вот что. Заметил ли читатель, что в пространной констатирующей части постановления Тройки в отношении Вернер – “обвиняется...”, повторяющей слово в слово обвинительное заключение, составленное тем же Буровым и утвержденное поистине кровавым членом “московской бригады” начальником 4 отдела УГБ УНКВД по ДС ст. лейтенантом гос.безопасности Богеном, ОТСУТСТВУЕТ одно из обвинений, содержащееся в показаниях таких надежных свидетелей, как Денисов и Казакова? И не какое-нибудь второстепенное, а важнейшее – с него свидетель № 1 и начинает избличение арестованной Вернер: “... систематически распространяла к.-р. троцкистско-клеветнические анекдоты по адресу вождя народов товарища Сталина”. В показаниях Казаковой это обвинение выглядит так: “По адресу Сталина распространяла самые гнусные вымышленные провокационные слухи”.

Одного этого обвинения – единственного! – могло хватить в то время, чтобы Тройка постановила: расстрелять. А здесь следствие “забыло”, что такое ценное обвинение содержится в показаниях свидетелей. Буров и Боген своими спинами словно прикрыли обвиняемую, дали возможность зловещей Тройке написать в протоколе: “Постановили: Вернер Марию Юльевну, она же (...), она же (...), лишить свободы сроком на 10 лет, считая срок с 26 мая 1938 г., с погашением неотбытого срока”.

Чем объяснить, что то далекое “следствие” явно выделило Вернер из группы арестованных? Что безжалостная Тройка проявила к ней снисходительность?

Происхождением – иностранка, мол? Этот аргумент исключается. Вспомним судьбу Н.Котура, который, кстати, и гражданство советское получил, и революционные заслуги имел, возможно, большие – на капиталистическом Западе в настоящей тюрьме сидел, а не полицейской кутузке, бежал из этой тюрьмы, чтобы продолжать революционную деятельность. Происхождение не повлияло на его колымскую судьбу – поставили к стенке в общем ряду “саботажников”.

Что могло повлиять реально? Прежняя “судимость”. Пишу это слово в кавычках, потому что решение такого внесудебного органа, как Особое совещание, строго говоря, судимостью не является. У М.Вернер, единственной в этой группе, она обозначалась как СОЭ. Да, в массе тех, кто был повторно репрессирован здесь, на Колыме, в 1937-38 годах, преобладали “враги народа” – те, кто ранее был осужден по ст. 58 УК РСФСР или таким вот “литерным” статьям, как КРД, КРТД, КРА, ПШ... Но присутствовали в той же массе и приговаривались к расстрелу и заключенные, ранее осужденные за бытовые преступления и те, кто имел литературную статью СОЭ или СВЭ – теперь уже за контрреволюционный саботаж, за “пораженческую” агитацию, за вредительство, даже если оно выражалось в сломанной лопате.

“Признак прежней судимости” существенно влиял на судьбу заключенного – у “врага народа” было больше шансов подвергнуться новому следствию и получить от Тройки ВМН, но и менее порочащая статья не могла защитить от расправы, хотя расправа эта могла быть и не самой жестокой.

Но в деле М.Вернер расправа вообще не наступила. Постановление Тройки о новой мере наказания ей не было объявлено – и здесь воспоминания Марии Юльевны находятся в соответствии с материалами дела. Последним документом в нем значится справка о том, что решение Тройки не вошло в законную силу.

Дата составления этого документа отсутствует, но можно предположить, что составлен он гораздо позднее, чем было закончено дело, – об этом свидетельствует смена аббревиатуры УНКВД на УВД.

Отчего же принятое постановление Тройки с нешуточным, но и гораздо более мягким наказанием, чем остальным осужденным, было положено “под сукно”? Рубеж 17 ноября 1938 года –

С П Р А В К А

Решение Тройки НКВД по СДС от 26 мая 1938 г.
осужденному Вернеру Марии Юльевне
не вошло в законную силу, так как на было объявлено
до 17.11.1938 г.

СПЕЦИАЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ НКВД
по СДС – лейтенант – Базаров

Александров

словно день отпущения грехов: то, что было ранее, – не считается, начинаем новую жизнь – понятен: днем ранее было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), остановившее “ежовщину”. Но раньше-то почему не объявили?

Перевернув последний лист дела, в тот же вечер я написал М.Вернер – а вот уже года два мы состояли с Марией Юльевой в дружеской переписке, минувшим летом я навещал бывшую колымскую узницу в ее московской квартире. Я попросил Марию Юльевну объяснить некоторые моменты ее биографии и, главное, рассказать подробнее, что же с ней случилось тогда, в январе–мае 1938 года. Кратко изложив то, что я знал об этом деле, я просил искренне ответить на вопросы – “Ваша судьба принадлежит истории, а умолчаний в ней и так достаточно”.

На поставленные вопросы Мария Юльевна ответила быстро и сжато. О повторном аресте она написала: “Да, меня в 1938 году из женского ОЛП Магадана арестовали и бросили в магаданскую тюрьму. Что я могу сказать по этому поводу?.. Трудно не написать сатиры о “юриспруденции” того времени. Томила я в тюрьме несколько месяцев, на мой вопрос тюремщику, когда же меня следователь вызовет на допрос, он чуть не усмехнувшись, сказал: “А тебе еще 10 лет уже припаяли”. Sic! Мне – из деликатности?! – о решении “тройки” не сообщили... Удовлетворяют мои ответы?”

Я не берусь судить, действительно ли М.Ю.Вернер не сохранила в памяти других деталей того страшного дела, в частности, действительно ли она не помнит, что по крайней мере два протокола допросов она подписала, – в конце концов, с тех пор прошло уже более пятидесяти (!) лет и возраст Марии Юльевны дает право забыть какие-то обстоятельства, или – все-таки – не захотела еще раз вспоминать о пережитых мучениях?

Да не судья я, прежде всего, никому в этом деле и ни в каком другом. Нет ни у меня, ни у кого-то еще такого права – отделять “чистых” от “нечистых” (по какому, кстати, принципу?) и призывать громы общественного негодования на седые головы тех, кто может быть признан в чем-то виноватым. Нет, не судья.

Но столь же непреложно для меня и то, что обращение к горькой истории Колымы требует объективности и доскональности в исследовании обстоятельств каждого дела, иначе мы никогда так и не поймем, что и как именно происходило в то страшное время.

Ответ М.Ю.Вернер не разрешил моих вопросов, но чуть позже, чем я обратился к ней за помощью, появилась, казалось, надежда разобраться в той ситуации на месте. В деле расстрелянной М.А.Александровой оказался документ, из которого явствовало, что дело М. Вернер было прекращено не 17 ноября 1938 года, а гораздо позднее, уже в 1939 году, на основании приказа НКВД СССР, изданного в указанный день – 17 ноября. Приводился и номер приказа. Казалось, найди этот приказ – и загадочные обстоятельства начнут проясняться. Но... сначала один очень осведомленный человек, взглянув на номер приказа, сказал, что судя по набору цифр, он безусловно принадлежит к разряду совершенно секретных. А затем начальник отдела спецфондов ИЦ УВД А.И. Рогожин сообщил, что в его подразделении приказы НКВД СССР наличествуют только начиная с 1940 года.

И тут впору было начинать новое следствие, чтобы выяснить, как (и почему) в деле Александровой уже в 1956 году появилась ссылка на несуществующий ныне в архиве УВД приказ? Каким образом оригинал этого документа (в деле Александровой представлена копия) проводивший дополнительное расследование в 1980 году майор Устинов обнаружил в деле Вернер (л.д. 19), когда в самом деле Вернер только 18

листов и последний лист – та самая справка, подписанная старшим лейтенантом Базаровым, в которой нет этих слов: “приказ НКВД СССР”?

Перелистывая тоненькие листочки архивных следственных дел, в которых ветхие, посеревшие от времени листы соседствуют с бланками и страницами, заполненными через несколько десятков лет, я задумывался над тем, с какой же целью проводилось это дополнительное расследование? Зачем рассылались десятки запросов в разные концы страны, тщательно подшивались большей частью безрезультатные ответы?

В общем-то, цель была, и была она, несомненно, гуманна: составить мнение и на его основании написать справку о существовании всех этих дел, возбужденных УНКВД по ДС. По мотивам, изложенным в справке, областная прокуратура подготовит протест в президиум областного суда, тот заслушает его и вынесет определение о том, что в действиях арестованных отсутствовал состав преступления, а потому начатое в 1938 году и как бы длящееся до сих пор уголовное преследование в отношении имярек (давно уже расстрелянного) надлежит наконец прекратить...

Такая вот цепочка гуманных действий, возвращающих в итоге репрессированному человеку единственно возможное – честное имя, раз ничего более (и прежде всего – жизнь) вернуть уже нельзя.

Чтобы не быть голословным, майор Устинов каждое из тех архивных дел снабдил обзорной справкой по архивно-уголовному делу на Сперанского В.М., бывшего начальника УНКВД по ДС (за исключением дел на Вернер и Русскол, так как эти дела в предмет его рассмотрения не входили: одна арестованная была реабилитирована раньше, а постановление по делу Вернер в законную силу, как мы знаем, не вступило).

“Сперанский В.М. был арестован следственной частью НКВД СССР 29 апреля 1939 года в городе Магадане и для ведения следствия этапирован в город Москву.

Основанием к аресту Сперанского В.М. послужили материалы, изобличающие его в извращении методов ведения следствия и других нарушениях законности (...)

О своей преступной деятельности в УНКВД по ДС Сперанский В.М. на допросе 15 июля 1939 года показал: “(...) Моя

преступная деятельность на Колыме заключалась в том, что вместе с участниками бригады ГУГБ НКВД СССР – Кононовичем, Богеном, Винницким и Бронштейном культивировались методы ведения следствия, выразившиеся в “стойках” (заставляли арестованных стоять по нескольку суток), избиениях арестованных, производили необоснованные аресты по фальсифицированным справкам (...).”

Долог, пространен перечень преступлений, учиненных в тот страшный год на Колыме Сперанским и его помощниками. Они, эти преступления, в общей форме рисуют и объясняют и всю жуткую ситуацию в целом, и ситуацию, в которой оказывался каждый из арестованных.

Видимо, поэтому справки по одному и тому же делу Сперанского составлялись в Магадане не раз и их копии подшиты во множество дел лиц, подлежащих реабилитации. И майор Устинов, проводя свое дополнительное расследование, не был в этом пункте “первооткрывателем” – воспользовался ранее составленной справкой, о чем, будучи человеком педантичным, и сообщил в своей копии: оригинал находится в архивно-следственном деле таком-то.

Справка по делу Сперанского легла в обоснование его собственного заключения в отношении расправы, учиненной УНКВД по ДС над Тоцкой, Александровой, Маркичевой и Кирилловой, главным выводом которого является то, что указанные лица “(...) были осуждены неосновательно, только по признаками их первых судимостей.

Материалов, явившихся основанием для их ареста, в уголовном деле не имеется”.

Ну а тогда многочисленные запросы, составленные тем же майором Устиновым, поиски свидетелей, проходивших по этим делам, поиски родственников осужденных – они зачем?

Поиск родственников велся с целью сообщить о постановлении суда (которое должно было последовать после выполнения ряда процедур), отменившем решение Тройки УНКВД и реабилитирующей некогда осужденную. Тем из родственников, кто ранее был обманут официальными извещениями Магаданского УВД (но не оно, конечно, придумало этот бесчеловечный порядок), теперь надлежало узнать, что имярек (так в нашем деле было с Тоцкой и Русскол) не умерли собственной смертью, отбывая наказание в Севвостлаге, а были расстреля-

ны... место их захоронения неизвестно.

А свидетелей – их было несколько в деле Тоцкой плюс уже названные Денисов, Казакова и Мильхов – как мне кажется, не очень-то и искали – по паре запросов: в адресный стол Магадана (не остался ли такой-то, освободившись из лагеря, здесь на постоянное жительство?) и в адресный стол по прежнему, до первого ареста, месту жительства (через сорок с лишним лет). Все запросы вернулись с одинаковой отметкой – не значится. Но, с другой стороны, не объявлять же на каждого свидетеля всесоюзный розыск...

Зато повезло с подельницей – М.Ю. Вернер проживала в Москве, как и до ареста в 1937 году. Однако подготавливая перечень вопросов для своего московского коллеги, который должен был допросить М.Ю.Вернер как свидетельницу по магаданскому делу 1938 года, майор Устинов в своем “отдельном требовании” (так называется, в соответствии с УПК, это поручение одного следственного органа другому) на многое не рассчитывал: выяснить, знает ли М.Ю.Вернер таких-то и таких-то, что она думает о показаниях Денисова В.И. от 15 января 1938 года и Казаковой Т.Л. от 26 марта 1938 года (копии этих показаний были приложены к отдельному требованию).

Выше я уже приводил ответ М.Ю.Вернер, занесенный в протокол: “Я внимательно ознакомилась с предъявленными мне показаниями свидетелей Денисова и Казаковой. Эти показания не соответствуют действительности. Указанных лиц я не знаю и их показания категорически отрицаю”. Там же Мария Юльевна сочла нужным добавить собственноручно: “(...) 2. Показания Казаковой гнусный вымысел. 3. Указанные фамилии заключенных я не помню и ничего не могу сказать про них и их судьбе”.

Как видно из воспоминаний М.Ю.Вернер, кошку в бараке жен. командировки она запомнила, раскаленную кочергу в руках Т.Казаковой – тоже, саму Казакову – нет... Равно как и других обитательниц жен. командировки – Тоцкую, Александрову, Кириллову, Маркичеву...

Вероятно, легче, чем свидетелей Денисова и Казакову, майору Устинову в 1980 году было бы найти ту тройку-четверку сотрудников УНКВД, что вели это дело – наверняка в каких-то архивах хранятся их личные дела, из которых можно было бы почерпнуть сведения об их перемещениях по службе и по стра-

не. Да и знать о том, как было слеplено, фальсифицировано все это дело, они должны были лучше, чем заключенные, которых они подталкивали или заставляли лжесвидетельствовать, – если, конечно, те магаданские оперработники были еще в живых, так как и годы уже прошли немалые, и уцелеть в той страшной мясорубке шансов у них было немногим, вероятно, больше, чем у тех арестованных, которых они посылали на расстрел.

Искал ли этих бывших сотрудников УНКВД майор Устинов, я не знаю. Но думаю, что едва ли. Думаю так потому, что когда в ходе дополнительного расследования майор запросил в Центральном архиве КГБ СССР следственное дело на Богена (Кацеленбогена), бывшего начальника 4 отдела УНКВД по ДС, расстрелянного за те же преступления, что и Сперанский, 7 июля 1941 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР (а в деле Богена, подписавшего в 1938 году пять обвинительных заключений на арестованных, о которых я здесь рассказываю, могли быть какие-то конкретные детали, весьма полезные дополнительному расследованию), он получил лаконичный и твердый ответ:

“(...) архивное уголовное дело №... Кацеленбогена Михаила Эммануиловича из Центрального оперативного архива КГБ СССР не высылается”.

Не в ту сторону двигаетесь, товарищ майор?

Стоило ли после того, как родное ведомство прислало отказ, стучаться к “соседям”: “А не покажете ли вы мне личные дела...?” – едва ли такая просьба вызвала бы у них желание помочь. Да и сам майор Устинов мог действовать лишь в пределах имевшейся на этот случай инструкции – там, надо полагать, пределы “дополнительного расследования” были определены четко.

И все-таки я сейчас бы дорого дал, чтобы встретиться с этим человеком. Он знал гораздо больше меня и, может быть, согласился бы ответить на занимающие меня вопросы. Но майора Устинова уже нет, умер.

А “секретное сотрудничество”, неизменный и незаменимый компонент отнюдь не только колымской лагерной, но и всей жизни нашего общества в течение многих десятилетий, приносившее гибель одним и спасение (ценой согласия на него) дру-

гим, его бесконечный след из предательств, мучений и самоубийств, будучи и по сей день, даже если осуществлялось оно полвека и более тому назад, прочно спрятанным в совершенно секретные фонды, вдруг засветится:

то еле-еле обнаруживая себя в тщательно спланированном деле о “Колымской каторге” (группе литераторов во главе с Еленой Владимировой, пытавшихся собрать материал для книги под таким названием, разгромлена УНКВД в 1944 году);

то в откровенных донесениях, которые следствие даже не пыталось как-то “легендировать” и использовало в качестве доказательств;

то как негромкое, строго контролируемое эхо в реабилитационном документе: несправедливо осужденный, являясь негласным сотрудником, в провокационных целях создал к.-р. организацию, деятельность которой изначально контролировалась УНКВД и им же была в подходящий момент пресечена.

Иногда о его наличии можно строить только предположения вроде вышеприведенных, стараясь не оскорбить неоправданным подозрением, но и не скрывая вопросов, которые закономерно возникали из знакомства с материалами старых уголовных дел.

Опытный архивный работник, которому я вкратце поведал о финале дела Вернер, сказал, что оно отнюдь не единственное – в массе дел реабилитированных такие, с не вступившими в силу определениями Тройки, попадались не раз. Выходит, из “дома Васькова” была не одна (в расстрельную камеру) и не две (в лагерь с новым сроком), не три (на кладбище - умер во время следствия), не четыре (оправдан, хотя и очень редко, за отсутствием состава или недоказанностью), а по крайней мере пять дорог.

Я написал эти слова – “по крайней мере”, потому что дорог было, может быть, и больше. Были случаи, я предполагаю, настолько фантастические, что впору говорить не о скорбном земном пути – о промысле господнем, не иначе. Но об этом в другой раз, если только удастся что-то узнать достоверно.

М.Вернер: *В моем маршруте Лубянка – Бутырка-Лефортово – Бутырка – транзитка – ОЛП “Женкомандировка” – магаданская тюрьма появилась новая остановка – ОЛП “Промкомбината”. Здесь основной частью заключенных были жены*

арестованных “ответработников” (я, к примеру, встретила здесь Ирену Кун, жену известного венгерского революционера).

Автор: Ирина (Ирина Самуиловна, по учетам спецфондов ИЦ УВД) Тал родилась в Надьенде (Австро-Венгрия) в 1890 году в семье мелкого служащего, закончила “высшую девичью” школу, училась в консерватории по классу фортепиано. В 1913 году вышла замуж за Бела Куна, секретаря Рабочей страховой кассы, уже известного в тогдашнем тихом Колошваре смутьяна и “социалиста”.

Бела Кун, 1886 г. р., член с.-д. партии Венгрии с 1902 г., прапорщик австрийской армии в первой мировой войне, оказавшись в русском плену, примкнул в 1916 году к большевикам. В марте 1918 года он один из создателей венгерской группы РКП(б), с мая 1918 года председатель Федерации иностранных групп РКП(б). В ноябре 1918 года был нелегально переправлен на родину, стал одним из создателей Венгерской коммунистической партии и ее председателем. В 1919 году, после провозглашения Венгерской советской республики, стал ее наркомом по иностранным и военным делам. После поражения венгерской революции вернулся в Советскую Россию. Принимал участие в гражданской войне, с ноября 1920 года – председатель Крымского облревкома, оставил после себя в Крыму кровавый след массовых расстрелов не пожелавших эмигрировать белогвардейцев. Член Исполкома Коминтерна с 1921 года, член ВЦИК. За заслуги в гражданской войне награжден орденом Красного Знамени (1927 г.). Погиб в результате необоснованных репрессий в 1938 году (по другим данным – в 1939 г.).

Ирина Кун была осуждена Особым совещанием НКВД СССР 14 мая 1938 года за к.-р. деятельность на 8 лет лишения свободы. Часть наказания отбыла в Севвостлаге, откуда была этапирована во Владивосток 13 сентября 1941 года. После освобождения жила в Москве, в 1959 году вернулась в Венгрию. Здесь в 1965 году закончила книгу воспоминаний о Бела Куне (издана на русском языке в 1963 году издательством “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”), доведя повествование лишь до 1928 года. Умерла в конце семидесятых годов.

Судьбу Ирины Кун во многом разделил ее зять, муж дочери Агнеш, Антал Гидаш (по учетам спецфондов ИЦ УВД – Гидаш Анатолий Федорович), 1899 г. рождения. Активный участник венгерской революции, он вместе с семьей Кун приехал в СССР, занимался литературной работой, был секретарем Международного объединения революционных писателей. В 1938 году был незаконно осужден на 10 лет лишения свободы, до середины 1941 года отбывал наказание на Колыме. Вернувшись на родину, продолжал заниматься литературной работой, стал одним из самых известных писателей Венгрии. Гнет колымской неволи отразил в цикле стихов “В безысходной горести (Тяжкие времена)”.

Агнесса (Агнеш) Кун, 1914 г. рождения, по учетам спецфондов ИЦ УВД не проходит.

М.Вернер: *Магаданский промкомбинат, благодаря дешевой рабочей силе заключенных, развернул за короткое время интенсивную деятельность. Во взлете магаданской местной промышленности была и моя “заслуга” – в швейной мастерской я сматывала нитки с больших катушек на шпульки. Профессия “шпульницы” дополнила мое образование.*

Автор: Признаюсь, меня несколько покорила одна из употребленных здесь М.Вернер фраз, хотя доля истины в ней содержится.

Магаданский промкомбинат именно в это время и действительно в короткие сроки добился значительных успехов. Но причина была не только в дешевой рабочей силе, хотя и в ней тоже, но уже и не столь дешевой (в прямом и переносном смысле – содержание заключенного в условиях острейшего дефицита на все самое необходимое стало обходиться дороже, больше стали дорожить и самими заключенными, так как количество новых этапов резко сократилось).

Главными причинами успехов стали, во-первых, острейшая необходимость для громадного региона, лишавшегося по условиям военного времени снабжения из числа самого необходимого, найти возможность производить то, в чем было отказано, на месте. Одним из таких мест и стал Магаданский промкомбинат, ОЛП которого целенаправленно сосредоточил имевшихся в колымских лагерях замечательных специалистов

в разных отраслях производства. И в этом – в наличии таких специалистов – другая, хотя и горькая, часть успеха.

Эта рабочая сила, подорожавшая и от самого факта востребования ее профессиональных возможностей, и оттого, что таким образом можно было миновать убийственные для многих “общие работы”, трудилась с энтузиазмом. Его результатом стало налаживание на Магаданском промкомбинате совершенно новых производств.

Историк А.Г.Козлов пишет по этому поводу в книге “Магадан. Конспект прошлого”: “Используя ранее выбрасываемые отходы, Магаданский промкомбинат освоил выпуск десятков различных видов продукции. Из хлопчатобумажного утиля, изношенной одежды и обуви изготавливалась рабочая одежда и обувь. Из старых крыльев и капотов штамповали вполне подходящие по качеству лотки, а из консервных банок путем регенерации брали дефицитное олово. Из этих же банок штамповали пуговицы, пломбы, изготавливали кружки и ложки. А всевозможное тряпье и ветошь стали сырьем для производства ваты, теплогреек и одеял”.

Значительно расширили выпуск продукции в те годы и другие предприятия Дальстроя – АРЗ, завод № 2. Появился ряд новых производств – в частности, стекольный завод, выпустивший свою первую продукцию в феврале 1942 года, макаронная фабрика (1944 г.).

М.Вернер: *Как-то в цехе ко мне подошел дежурный механик, тоже заключенный, со свертком в руках: “Это вам посылает Павел Бауэр”. В бумаге была завернута пайка хлеба. В тех условиях воистину рыцарский жест.*

Однажды в лагерь с инспекцией появилось высокопоставленное лицо. Во дворе я решительно преградила ему дорогу. “Гражданин начальник, так и так! Вся сознательную жизнь я боролась против фашистов. У меня есть опыт в этом деле. Я владею иностранными языками и немецкой стенографией. В действующей армии я могла бы быть полезной!”

Надо сказать, что в своем желании участвовать в великом сражении я не была исключением. Заявления об отправке на фронт поступали от многих заключенных. Разными были мотивы этих патриотических поступков: мною руководила

ставшая уже моей сутью ненависть к фашизму, другими – любовь к родной земле.

Автор: Точное число лиц, сменивших в годы войны робу заключенного Севвостлага на гимнастерку бойца Красной Армии, равно как и то, сколько из них было добровольцев (и призывались ли они вообще?), а сколько было призвано из числа освобожденных после отбытия срока наказания, нам сегодня неизвестно.

По данным магаданского историка Д.С.Райзмана, только через Ольский райвоенкомат (а призыв осуществляли и другие территориальные органы наркомата обороны) за годы войны из числа заключенных Севвостлага были направлены в приписные воинские части: 87-й запасной стрелковый полк (ст. Шимановская), 158-й запасной стрелковый полк (ст. Мучная) и 3-й запасной стрелковый полк (г. Свободный) – 451 человек. Из них погибли 15. Большинство (13) погибло в строго очерченный период – в октябре 1944 г., что позволяет предположить или участие в одной операции, или несчастный случай.

Имеются сведения о награжденных из числа бывших заключенных Севвостлага. А один из них – В.И.Еросько, ранее осужденный за кражу и к своим 22-м годам уже успевший отбыть четырехлетний срок наказания, наводчик артиллерийского орудия, за проявленный героизм был удостоен звания Героя Советского Союза. В мирные годы он стал Почетным гражданином городов Полоцк и Новополоцк. Живет в Витебской области.

М.Вернер: *И опять шли дни, недели, месяцы... Но наступил и мой долгожданный день. В погожее утро сентября 1942 года я вышла на свободу.*

Сладкое слово “свобода”! Какие только оды не спеты в твою честь! Сколько человеческих жизней отдано за тебя!

Я шагнула за лагерные ворота и вступила в вольный мир. Ты, читатель, ждешь потока высокопарных слов, которые выразили бы нахлынувшие на меня чувства. Но душа моя не ликовала – приобретенной мною свободе недоставало реалий цивилизованного бытия: не было паспорта, во всем Советском Союзе не было ни одного родного человека, не было даже кровя над головой... Куда двинуться?

Автор: М.Ю.Вернер была освобождена из лагеря 7 сентября 1942 года – без поражения в правах, поскольку в постановлении Особого совещания по ее делу оно не было предусмотрено. Судимость была снята постановлением того же Особого совещания от 18 декабря 1946 года.

С гражданством и, следовательно, с паспортом дело обстояло сложнее. О своем гражданском статусе – “подданстве” – М.Ю.Вернер сообщила в анкетном листе в сентябре 1942 года:

“Раньше югославское, теперь без подданства, т. к. югославское посольство в Праге еще в 36 году отказало как коммунисту в продлении паспорта”.

Поскольку и к моменту ареста советского гражданства у М.Ю.Вернер не было, после освобождения из лагеря она получила не паспорт гражданина СССР, а вид на жительство для иностранца (А № 189908).

Отсутствие “серпастого, молоткастого” не помешало М.Ю.Вернер, благодаря незаурядным свойствам ее натуры, успешно вписаться в тогдашнюю магаданскую жизнь.

М.Вернер: *Но светило солнце, где-то лаяла собака, из открытого окна лилась песня. Жизнь продолжалась, и я, не унывая, зашагала по шоссе. Из какого-то окна мне помахала рукой женщина. Да это же “бандитка” Паша из моего барака! “Заходи!” Приглашение, выражаясь высоким стилем, было с благодарностью принято.*

К вечеру пришел с работы муж и запахло вкусными щами. Стемнело, а мне некуда было пойти. Ничего!.. Паша постелила на кухне на полу – для первой моей ночи на свободе. Я уже засыпала, когда раздался легкий стук в дверь. Вошел молодой человек, только что обретший свободу приятель хозяина дома. И для него место нашлось.

Утро, как известно, вечера мудренее. Я отправилась на поиски работы. “Требуется табельщик” – гласило объявление. Я зашла в отдел кадров Управления капитального строительства, рассказала о себе. “Нам не нужен табельщик с высшим образованием”. Но я стала уговаривать – было за что бороться, в рабочем общежитии нашлась для меня “комната”. Это была каморка, в которой размещалась раскладушка,

вешалка, откидная доска вместо стола и табуретка – отлично! Огорчало лишь одно: вход в мою, с позволения сказать, комнату был со двора и по ночам часто раздавался стук в дверь незваных гостей.

Стройки были разбросаны по городу, и я стала помогать прорабу в административных делах. Вскоре среди рабочих прошел слух, что у прораба хозяйничает женщина, его заместитель...

Автор: Старший прораб прорабства № 2 Магаданской строительной конторы Пащенко характеризовал трудовую деятельность М.Вернер в тот период весьма высоко:

“К порученной работе относится исключительно добросовестно, имеет опыт, работу усвоила, имеет умелый подход к рабочим.

Лично дисциплинирована и требует дисциплинированности от других.

В общественных мероприятиях активно принимает участие, пользуется авторитетом.

Занимаемой должности соответствует. Подлежит выдвижению на должность старшего табельщика или секретаря, имея ввиду отсутствие возможности использовать по прямой ее специальности”.

М.Вернер: Спустя некоторое время меня “повысили” – поселили в ведомственном доме, в комнате с кроватью, шкафом, двумя стульями и хорошей печкой. Соседи относились покровительственно к одинокой женщине, и, когда я возвращалась с работы, мне часто улыбалась уже растопленная печь.

Как-то утром из коридора донесся уже знакомый голос. Не померещилось ли это мне? Я открыла дверь, и на пороге возник мой огромный “Мишка” – это был Павел Бауэр. Его только что освободили с обязательной явкой в отдел кадров “Дальстроя”. Павел был отличным конструктором. Очевидно, решили мы, его вызвали для участия в разработке нужной для войны технической новинки. Мы оказались наивными фантазерами: Павла отправили в какой-то лагерь на трассе.

У него ведь была немецкая фамилия! А то, что еще в империалистическую войну его отец был награжден медалью за

проявленную в боях против немцев храбрость, было забыто. И мы с “Мишей” распростились навсегда.

Автор: Тут я, признаюсь, едва не направил воспоминания Марии Юльевны на ложный путь. В первом варианте текста у М.Ю. было сказано, что Павла Бауэра после освобождения призывали в трудовую армию. “Какая трудовая армия? – удивился я. – Вроде не было на Колыме такой”. “Значит, – согласилась со мной М. Ю., – это был просто другой лагерь”. И распорядилась внести поправку в текст.

А трудовая армия, представленная по крайней мере одним батальоном, на Колыме существовала. Батальон дислоцировался на Теньке. В нем в роли трудовармейца (живучим и емким оказалось это слово – через “каналармейца” на строительстве Беломорканала оно восходит к рядовым “трудовых армий”, изобретенных еще Л.Троцким после окончания гражданской войны, о последнем, я думаю, в 30-40 годы не вспоминали) Павел Бауэр, освобожденный из лагеря 15 января 1943 года и принятый было через неделю на работу в ЦНИЛ, оказался в марте 1943 года на Теньке и находился там еще около трех лет.

После окончательного освобождения П.А.Бауэр работал инженером-конструктором в Тенькинском горно-промышленном управлении, в июне 1948 года вернулся в Магадан, работал в “Дальстройпроекте” – старшим инженером проекта, главным инженером проекта, руководителем бригады. Спустя пять лет, уже в 1953 году, перешел в “Янстрой”, подразделение Дальстроя в Якутии, где проработал еще 13 лет. На пенсию Павла Адольфовича провожали из “Дальстройпроекта” в мае 1969 года.

Тридцать два года в общей сложности проработал этот талантливый, добросовестный человек на нашей земле. Таким, как П.А.Бауэр, а их были тысячи, все мы, живущие здесь сегодня, многим обязаны.

Последующие годы П.А.Бауэр прожил в Москве, где скончался в конце семидесятых годов. Двое его детей – сын Михаил (1948 г.р.) и дочь Мария – по праву считают себя северянами.

М.Вернер: Потянулись дни, про каждый из которых не скажешь иначе как “прошел – и ладно”. Я не переставала

тосковать о своем муже. Однажды вечером – на улице бушевала пурга – ко мне явилась библиотекарь парткабинета при городском Доме культуры. “Могу вас обрадовать, – сказала она и положила на стол последний номер “Интернациональной литературы”, – читайте!”. И я прочитала то, чего так ждала все эти годы – известие о муже. “Писатели-эмигранты в Мексике” – гласил заголовок. Среди многих знакомых имен я нашла и самое дорогое – Теодор Балк. Мой муж был жив!

Но почему же он за все эти годы меня не разыскал? Только спустя пятнадцать лет, при нашей первой встрече, я узнала причину. Встреча произошла в стенах редакции пражской газеты, одним из редакторов которой был он, а я уже работала ее московским корреспондентом. Он, оказывается, много раз обращался в Коминтерн, лично к Димитрову, но какого-либо ответа не получил. Очевидно, слишком много было в стране “пропавших без вести” иностранных коммунистов.

В городе в то время остро стоял вопрос надежных кадров для продовольственных магазинов и столовых. В горобщицпите мне предложили работу бухгалтера в небольшой столовой АГО (административно-гражданский отдел). Я согласилась. Конечно, это не была какая-то высоко идейная работа, но она приносила людям пользу: я строго следила за тем, чтобы все полученные по фактурам продукты шли в котел, а не налево. Это, естественно, сразу сказалось на качестве пищи. Когда шло прикрепление желающих столоваться у нас, с самого утра возникала большая очередь. Такое радовало. Но заведующей столовой мой строгий контроль не пришелся по вкусу – и не без основания. Когда я ее уличила в левом расходовании полученного из совхоза “Дукча” молока, ей пришлось проститься со своей выгодной должностью.

Вскоре и я простилась с горобщицпитом. Предпочла давать уроки английского языка. Он был в то время очень нужен. Через Магадан шли поставки по ленд-лизу, иногда поступали и благотворительные посылки, на улицах города можно было встретить американских моряков.

Перед “англичанкой” гостеприимно распахивались двери домов высокопоставленных лиц. “Только постарайтесь не приходите в часы, когда муж дома”, – сказала супруга начальника УСВИТЛ Дробкина. А когда я из-за покупки гаоляна на рынке опоздала на урок к детям одного из помощников начальника

Дальстроя, хозяйка сочувственно покачала головой: “Ай-ай-ай! А я только что выбросила полную миску этого добра в мусорное ведро – моя собака его не ест!”

Приходилось использовать знание языка и для не совсем обычных целей. Когда, к примеру, в театре имени М. Горького ставили пьесу К. Симонова “Русский вопрос”, актер, исполнявший роль американского журналиста, непременно захотел освоить русскую речь с английским акцентом. Для другой пьесы нужно было продемонстрировать немецкую манеру произношения.

Шел 1947 год. В один долгожданный день мне позвонил бывший ученик, работник транспортного отдела Дальстроя: “Укладывайте чемодан! Есть билет на самолет!”. Ура! На материк! Теперь, наконец, можно будет засучить рукава и взяться за построение достойной жизни. Можете мне поверить: в аэропорт я не опоздала, Магадану рукой не помахала, Колыме до свидания не сказала...

Автор: За те несколько месяцев, что ушли на подготовку комментария, я словно (насколько такое возможно для человека моего поколения, не испытавшего это на себе) пережил с Марией Юльевой все перипетии ее колымской судьбы, падал вместе с нею в бездну отчаяния и карабкался вслед за нею – ну и характерец! ну и хватка! – по отвесным склонам надежды...

Теперь все уже позади. Начало мая. Холодное ясное утро. На 13-м километре еще настоящая зима, ветер посвистывает под крыльями присевшего на хвост желто-зеленого ЛИ-2, стоящего сбоку от взлетной полосы. Он выбросил из своего темного нутра алюминиевую лесенку. Сейчас Вы, Марья Юльевна, подниметесь по ней с легким чемоданчиком (но это, конечно, не тот, что был с Вами в Берлине и Париже). Страшно подумать, уже послезавтра Вы будете в Москве.

Но в самолет еще не зовут, ждут какое-то высокое начальство. Это ему срочно понадобилось в столицу, и оно снисходительно разрешило занять свободные места людям, за которых хорошо попросили. У нас еще есть несколько минут. Давайте присядем, по русскому обычаю, и выпьем из походных стопок на Колыме иначе не провожают – по глотку разбавленного спирта на дорожку.

Ирония судьбы: стоило исколесить, в буквальном смысле,

пол-Европы, чтобы впервые подняться в холодную высь на краю света, над проклятой Колымой? А жечь свою душу любовью к людям, ко всему страждущему человечеству, чтобы валяться у параши в камере Бутырской тюрьмы? Стоило выстоять, вывернуться там, чтобы пересечь весь материк и оказаться перед дверью в “дом Васькова”? Стоило предаваться сверкающим надеждам на счастье всего человечества, чтобы, пройдя через лишения и унижения, в 45 лет начинать жизнь сначала? Для кого? Кто Вас, кстати, ждет по адресу, который Вы написали в анкете отъезжающего: Москва, Дубининская, 65 ?..

Давайте еще по глотку, Мария Юльевна!

С трассы, начальственно рыкнув (“Летчики, по местам!”), сворачивают приземистый “ЗиС-105” и борзая “эмка” с порученцами. Легкая паника среди отлетающих – хватит ли на всех мест? не слишком ли много летит сегодня начальства? Как все-таки легко наглеет колымский народец – только дай ему чуть-чуть поблажки...

Прозит, Мария Юльевна! В душе у меня начинает тихо греметь подходящий к нашему случаю марш: “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор. Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца ...” Вас-то уж наверняка в самолет посадят. Все выше, Мария Юльевна, все выше!..

Хорошо, что Мария Юльевна не слышит марш, звучащий у меня в груди. Ведь я еще не знаю, что та же самая динамичная мелодия Юлия Хайта совсем недавно была весьма популярна в ненавистной моей героине фашистской Германии, только звучали под эту мелодию совсем другие слова:

*Идите в бой, вы, рыцари машин,
Сражайтесь против колонии рабов,
Разве вы не слышите призыва совести,
Не слышите бури, которая кричит вам этот призыв в уши!
Так вверх, навстречу солнцу,
С нами идет новое время,
Когда все в отчаянии – со сжатыми кулаками
Мы готовы ко всему.
И выше, и выше, и выше
Мы поднимаемся вопреки ненависти и запрету.
И каждый член СА смело кричит: «Хайль Гитлер!»*

Как в пределах одной мелодии (и разве только в ней?) сошлись две противоположности, два дела, одно из которых Мария Юльевна ненавидит, а другому служила и будет еще служить? Мы начнем задавать эти вопросы, в числе самых важных, только через сорок лет.

До встречи, Мария Юльевна! Мы увидимся с Вами в следующий раз через сорок четыре года. Я приду к Вам, в Вашу уютную квартирку на Ленинградском шоссе, с букетом роз, и мы будем попивать, радуясь беседе, венгерский коньяк (исключительно как дань интернационализму) из пузатой бутылки – за встречу!

А пока я касаюсь губами Вашей маленькой, в последний раз застывшей на колымском холоде руки. Простите нас всех, Мария Юльевна. Нас всех – вчерашних, сегодняшних и завтрашних колымчан и меня, в частности – пока еще московского второклассника, который уже помнит, что он “урка магаданский” (шутка взрослых), но еще не знает, что когда-нибудь он вновь обретет всю эту землю. Счастливого Вам пути!

М. Вернер: *В Москве было нелегко, и после стольких лет тяжелых мытарств потянуло на родину. Я подала заявление в ОВИР для получения выездной визы. “Приходите через две недели!” – сказали мне. Я приходила и через два месяца, и через год, но выездной визы так и не получила. Снова я стала жертвой сталинского беззакония. Я обратилась за помощью к югославскому послу. Он любезно принял меня, но, пожав плечами, сказал: “Я бессилён. Я ничего не могу сделать”.*

Почему посол не смог защитить гражданина своей страны? Дело было вот в чем. Возждю народов пришили не по вкусу действия югославского руководства – политика на Балканах и отличающиеся от апробированного стереотипа методы построения социализма в этой стране. И пошли обвинения – вплоть до срыва отношений в партийных и государственных делах.

Итак, живя в Москве, я не имела узаконенного гражданского статуса. Это обстоятельство на каждом шагу создавало препятствия. Я фактически была вне закона, что в то время означало опасную игру с огнем. И я предприняла решительный шаг – стала гражданкой Советского Союза.

Это был правильный шаг. Теперь не было недостатка в работе по специальности. Передо мной раскрылись широкие возможности – я ими пользовалась всласть. В течение многих лет сотрудничала в советских и иностранных органах массовой информации, была московским корреспондентом чехословацкой газеты “Прагер Фолькцейтунг”, с журналистским блоком побывала в разных странах мира.

В латинском языке есть поговорка: “Уби бене, уби патриа”, где хорошо – там и родина. В моей жизни всегда господствовала иная формула: где мне хорошо работалось – там я чувствовала себя дома!..

Теперь мне уже много лет, но мой рабочий стол не пустует. Проснувшись утром, я, улыбаясь, говорю: “Здравствуй, жизнь!”

Автор: Перевернута последняя страница воспоминаний.

Подчеркну их уникальность – насколько я знаю, впервые в российской печати иностранка (бывшая, конечно) описывает свой “крестный путь”. Посетую на то, что наполненная событиями судьба представлена в стиле дайджеста – видимо, профессиональной журналистке, много лет откликавшейся на окружающие явления “скупой газетной строкой”, он наиболее близок. Надеюсь, что Мария Юльевна не посетует на меня за то, что вторгаясь в ее рассказ, я пытался дополнить его теми деталями и портретами людей, которые казались мне здесь уместными.

Еще больше я прошу Марию Юльевну не отвергать мои настоячивые, хотя и не очень удачные (но в этом не моя вина) попытки препарировать те далекие трагические эпизоды, надеюсь, что и читатель поймет, что отнюдь не праздное любопытство, не жажда сенсации или чьего-то уничижения толкали меня на эти разыскания.

Как, вероятно, и большинство моих сограждан, в эти нелегкие, но в чем-то и необходимые годы, я думаю о том, что наше прошлое – и с каждым днем все больше – как никогда раньше, принадлежит нам. С его скорбью и радостью, героями и негодьями, жертвами и насильниками. И мы ничему не имеем права сказать: “Сгинь! Рассыпсья в прах! Чтобы глаза мои тебя не видали!..”, даже если оно – из ассортимента кошмаров, мучающих по ночам.

Мы не можем поставить крест на всем пережитом (разве не пытались много лет не вспоминать его?), потому что без знания прошлого никогда не поймем рецепт того несокрушимого замеса, который держит в целостности бастион, уже неоднократно вроде бы разрушенный суровыми постановлениями, шумными демонстрациями и яростными речами. Несокрушимый потому, что бастион этот – не в зданиях, поменявших хозяев, не в вывесках и эмблемах. Он в душах людей, независимо от того, направляют ли они свои разноректорные шаги на почти капиталистическую биржу, или в храм, или на полулегальный съезд коммунистов, или только в нерешительности топчутся перед витриной магазина в рассуждении, на что жить дальше.

Наше несокрушимое прошлое – в личном, удобоносимом, но оттого не менее колющем и режущем варианте – живет в душе каждого, и потому, мне кажется, только очень большой человек может, встав поутру, сказать, что начинает новую жизнь. И только очень любящий его ребенок (или народ?) может доверить свою судьбу такому человеку, таким людям.

А раз это прошлое реально существует в сознании каждого, совершенно необходимым представляется сегодня его объективный анализ. Оттого и кажется мне это занятие – собирание знаний, пусть по крупницам, в жутких закромах нашей общей истории – важнейшим. И что делать, если крупницы попадают-ся горчайшие?

Сегодня на этом поставлю точку. Спасибо и всего доброго Вам, Мария Юльевна. Спасибо и всего доброго тебе, мой терпеливый читатель.

Я благодарю за содействие, без которого не появился бы этот комментарий, уже традиционных моих помощников – сотрудников Управления ФСБ и архива УВД Магаданской области, а также заведующих архивами объединения “Северовостокзолото” и Магаданского облсовпрофа Н.Н.Лисиченкову и Н.Б.Козлову, начальника отдела кадров института “Дальстройпроект” Н.И.Русакова, историков А.Г. Козлова и Д.С.Райзмана и других лиц, помогавших мне.

Неизбежность страшного мира

“Я никогда не был участником анти-советской организации на Колыме...”

*Не хватает листов казенных
в корках старых – изъяты, заменен –
с именами людей казенных,
даже с отзвуком этих имен.
В те изъятия, словно в провалы,
обрывается зябко душа
и кричит средь потемок кровавых,
бесполезно хоть отзвук ища.*

В. Лахно, “Архивная опись”

Уже не первый месяц, как на службу (простит ли “штатная” моя работа такое небрежение?), иду по утрам в кабинет, окна которого забраны в прочную металлическую решетку. Опекающий меня сотрудник достает из сейфа заранее приготовленную, тронутую временем папку с документами – архивное дело.

Меня интересуют судьбы репрессированных литераторов. Многие годы этот интерес был как бы любительским, “для себя”, он не только не находил общественного спроса – начальные периоды в жизни даже очень известных писателей упорно замалчивались в любых изданиях, он, этот интерес, и пищи почти никакой не получал – сведения о репрессиях, судьбах узников были за семью печатями.

Но общий вал гласности, ходатайства (неоднократные) местного издательства, поддержавшего этот интерес, плюс упрямое обилие порогов на протяжении многих месяцев и реализм основных “держателей” этих архивов (“Да какие тут могут быть тайны? – слышал я из уст ответственных работников. – Мы сами, прежде всего, заинтересованы в том, чтобы установить истину”) сделали то, что казалось невозможным еще год назад: архивы нашего печальной памяти УНКВД при ДС стали открываться...

Самым нелегким было (и есть) начало знакомства с новым возникшим, как из небытия, делом. Когда это случилось в первый раз и на стол легла тоненькая папочка личного дела заключенного Мирского Д.П., начатого в июне 1937 года в Москве и

законченного через два года, в июне 1939-го, в Инвалидном ОЛПе на 23-м км основной трассы, я не набрался мужества сразу открыть ее, эту папочку, – попросил разрешения прийти на следующий день.

Потому что, уважаемый читатель, увидеть такое своими глазами, даже спустя пятьдесят лет, страшно. Это так же страшно, как если бы вы стояли на перекрестке и знали, что вот сейчас, на этом месте, выскочившая из-за угла машина задавит вот этого человека. Это уже потом, когда станешь вникать в жуткость предъявленных обвинений, когда разглядишь мужество или уступчивость оборонявшегося, геройство и подлость подельщиков и свидетелей, когда почувствуешь явные ходы принуждения и хитро расставленные капканы, когда, словно сотрудник того же ГАИ, прибыв на место происшествия, ты будешь определять, кто, куда и с какой скоростью двигался, измерять рулеткой расстояние и фиксировать сохранившиеся следы, – тогда эмоций как бы уже и не останется, они отступят в глубь души, не мешая работе. А первый взгляд на такое дело – это всегда страшно. И тут неважно – первое ли у тебя такое дело или десятое: каждый раз страшно увидеть, как машина убивает человека. Убереги вас господь, читатель, от такого зрелища.

Но, может быть, это только я такой слабонервный свидетель – впечатлительный литератор, расплачивающийся за полученное знание кошмарами по ночам? Невзначай заговаривал на эту тему с профессионалами – сотрудниками областной прокуратуры и КГБ, с теми, кто в последние два года участвовал в рассмотрении нескольких тысяч уголовных дел минувших лет (только осужденных по постановлениям Троек было реабилитировано больше шести тысяч человек). И мои собеседники, работники, чей стаж насчитывает по несколько десятилетий, и те, кто пришел в эти органы сравнительно недавно, не сговариваясь отвечали: “Тяжко. Жуткая работа”.

С моим опекуном В.Н.Пишковым о предстоящем дне мы обычно договариваемся накануне – какое дело буду смотреть, в какое время приду: утром, вероятно, на свежую голову работается лучше...

– Тут у меня для вас, не знаю уж, радость или что, – сказал мне В.Н. однажды, – но сами ведь просили. Дело вашего отца пришло из Омска.

Бирюков М.А. Фото из архивно-следственного дела. Май 1938 г.

Дело моего отца.

“Дело моего отца, – уговариваю я себя по дороге в этот кабинет. – Ну да, дело моего отца. Конечно, это тяжело. Но ведь оно – одно из многих тысяч. Значит, и я никакой не единственный, немало сейчас таких счастливицев... А потом, отец ведь выскочит, понимаете? Назло, казалось бы, времени он, арестованный в мае 1938 года, будет выпущен осенью 39-го и даже придет в Москву, куда мама еще весной увезет меня и Герку, воспользовавшись помощью семьи Хорунжих. Он выскочит – чего я психую? Он попадет в тот узкий зазор, который существовал, который вдруг обнаружился между зверствам двух сталинских наркомов: Ежова уже посадили, а Берия еще не... Отец выскочит, уж я-то это точно знаю, и еще проживет тридцать лет, мотаясь по стране, пока рак не вцепится в него смертельными клешнями в Керчи, где он, извечный моряк-речник, будет служить на паромной переправе Крым–Кавказ. И не один он, кстати, спасется, когда волна репрессий вдруг пойдет в откат, – тот же Абрам Исаакович Геренштейн тогда уцелел, дядю Васю Кохановского – у него, я уже знаю, был тот же набор статей, что и у отца, – выпустят тоже в октябре 39-го. Что же я психую?..

А симпатичный номер у этого дела, – это уже перед столом, на котором лежит синяя папка с печатной “шапкой”: Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР. Дело №17777. Единица – это, конечно, отец, а четыре семерки – столько, вероятно, и нужно было человеку для счастья, для того, чтобы выскочить из этой мясорубки, меньше, наверное, не хватило бы. Счастливое дело моего отца”.

В тот день я еще не знал, что этим номером была помечена судьба участников “контрреволюционной повстанческой организации” Э.П.Берзина. Военная коллегия Верховного суда СССР и Тройка УНКВД при Дальстрое, рассмотревшие эпизоды этого дела, на смертные приговоры не скупилась. Совсем не счастливым оно было, а может быть, самым жутким из всех, родившихся на Колыме. Хотя кто возьмется определять эту степень жуткости? Ведь в каждом случае речь шла о живом человеке, попавшем в мясорубку.

В кажущейся безудержной, необъяснимой, едва ли не иррациональной репрессивной свистопляске второй половины тридцатых годов действовали, по всей вероятности, вполне определенные Правила. В первую очередь они определяли Порядок возникновения (возбуждения) того или иного Дела. Истоки дел могли быть трех сортов.

В первом случае Дело возникало на самом что ни на есть Высочайшем Верху. Оттуда поступала команда творческому коллективу НКВД создать очередной сценарий, касающийся одного (или двух-трех) самых видных руководителей. Когда оно, это московское дело, было хотя бы вчерне намечено, спускалась команда местным творческим бригадам, которые исходя из общего замысла, а иногда – и при участии кого-то из московских сценаристов создавали региональную (или отраслевую) группу соучастников высочайшего Врага: так и дело №17777, “разоблачившее” Берзина и его ближайших сотрудников, существовало не само по себе, а в непосредственной связи с “троцкистско-бухаринским” заговором. Естественно, что и оно, это региональное дело №17777, не могло замыкаться на самое себя, на десять или двадцать действующих лиц, требовалось развить его, создав еще более дробные ячейки и подразделения. Одной из таких клеточек и была, условно говоря, клеточка Мортрана, в которую угодил отец.

Созданная самыми крупными и громкими делами атмосфера подозрительности порождала второй исток репрессий, возникавший по волеизъявлению масс, из массового доноительства – на соседа, товарища, родственника, но лучше бы все-таки на хоть какого-нибудь начальника, потому что они, как известно, все поголовно вредители или шпионы.

И, наконец, третьим источником репрессивной вакханалии было, на мой взгляд, желание творческих кадров НКВД работать качественно. Не бескорыстное, разумеется, желание, потому что за качество всегда больше платят, а работать качественно в те отнюдь не застойные времена было особенно почетно. Что, скажем, за доблесть посадить человека за драку?.. Но если в этой самой заурядной драке пострадала физиономия члена сельсовета, то это уже вовсе не бытовое преступление, а террористический акт против представителя Советской власти. Таким же образом пьяный выкрик может быть квалифицирован как контрреволюционная пропаганда, хозяйственное упущение – как вредительство, неумение или невозможность выполнить производственное задание в срок – как саботаж... Неисчислимы резервы качественной работы органов НКВД таила знаменитая ст. 58 УК РСФСР. А ведь кроме нее был набор “литерных” статей, никаким кодексом не предусмотренных: СОЭ (социально опасный элемент), ПШ (потенциальный шпионаж), КРД (контрреволюционная деятельность), КРТД (то же, но с оттенком троцкизма – самая злоецащая по последствиям статья) и т.д. Именно этими статьями, а не статьями УК, оперировали Особое совещание и Тройки на местах, включая и дальстроевскую. Вот уж где раздолье для “качественной” работы!

Указанные выше истоки могли, вероятно, существовать в отдельном, чистом виде, но могли и сливать свои злоецащие течения. В деле моего отца так, в общем-то, и получилось.

Источник мне удалось обнаружить не сразу, искушенный составитель запрятал его под самый финал, словно бы он к судьбе обвиняемого и не имел никакого отношения, – уже после постановления о прекращении дела и ордера №387 о немедленном освобождении из-под стражи (впоследствии и такие документы составлялись в немалом количестве!) – так сказать, беллетристика, интересное чтение. Это протокол допроса обвиняемого Калныня К.Г. (л.д. 97–110).

Допрос произведен в Магадане 16 января 1938 года (подчеркнем эту дату, она нам пригодится). Допрашивали представитель центра пом. нач. 1 отд. 4 отдела УГБ (Управления государственной безопасности) НКВД СССР ст. лейтенант гос. безопасности Боген (член “московской бригады”, присланной в Магадан, ставший здесь начальником 4 отдела УНКВД) и опер. уполномоченный местного УГБ Смертин.

Итак – Калнынь (Эзерэстис) Карл Григорьевич, 1890 г. рождения, уроженец Латвии “(...) быв. член ВКП(б) с 1917 по 1921 г., выбыл ввиду несогласия с решениями X съезда ВКП(б). К моменту ареста работал начальником Особого сектора Дальстроя. Проживает: г. Магадан, ул. Дзержинского.

(...) Нелегальная антисоветская вредительская организация, участником которой я являюсь, до последнего времени существовала на Колыме в системе Треста “Дальстрой” и возглавлялась Берзиным Эдуардом Петровичем – директором “Дальстроя”.

Вот теперь обратимся к датам. Э.П.Берзин отбыл из Магадана в санкционированный наркомом Ежовым отпуск 4 декабря 1937 года. Аресты среди руководителей Дальстроя начались едва ли не на другой день. Так, Эпштейн, помощник директора по планово-экономической части, будет арестован 6 декабря, Калнынь – 8 декабря. А всего в этот начальный период было арестовано 54 человека.

Эпштейн начнет давать “признательные показания” через двадцать дней, Калнынь – больше чем через месяц. При этом можно не сомневаться, что это были не первые допросы, а лишь те, на которых обвиняемые стали говорить по подсказке следователей то, что от них требовалось. Берзин был арестован, как известно, по пути в Москву, на станции Александров, 19 декабря. Нужные следствию показания он начнет давать 25 марта 1938 года. Можно предположить, что в числе средств воздействия к этой жертве высокого ранга – ордер на арест Берзина подписал нарком Ежов – были и показания, данные ответственными работниками Дальстроя в Магадане. Те же показания Калныня, как сейчас убедится читатель, направлены прежде всего против Берзина, а к делу М.А.Бирюкова имеют весьма косвенное отношение. Поэтому в деле отца присутствует лишь сделанная на ротаторе копия. Такие же копии присутствуют в делах многих других обвиняемых.

Сама логика дела о “повстанческой антисоветской организации на Колыме”, втянувшего в свою орбиту сотни людей, чьи судьбы еще подчас и не исследованы, такова, что его стратегический план и главный удар – арест берзинского руководства Дальстроя, могли быть задуманы только в Москве, а потому кажется неверным предположение журналистки Т.П.Смолиной, что участь Берзина была решена “в недрах магаданского УНКВД”, где было состряпано “дело о заговоре”. Да разве провинциальные гэбисты позволили бы себе такие фантазии, как те, что они вложили в уста К.Г.Калныня, – продолжая цитировать протокол его допроса 16 января 1938 года:

“Организация наша являлась филиалом подпольной организации троцкистско-бухаринского блока в СССР и вела свою работу на основании ее а/советской платформы Троцкого и правых (Процесс “право-троцкистского блока” еще только начнется в Москве в марте, а в январе в Магадане уже расследуются его злодеяния – разве в этом не видна режиссерская рука центра? – А.Б.).

Вопрос. Откуда Вам это известно?

Ответ. Я был лично связан с Берзиным и лично участвовал в осуществлении связи Берзина с руководством троцкистско-бухаринской организации на Дальнем Востоке и непосредственно с центром правых в лице Н.И.Бухарина.

Вопрос. Что Вы подразумеваете под понятием – руководство троцкистско-бухаринской организации на Дальнем Востоке?

Ответ. Я имею ввиду непрерывную связь нашей организации с троцкистами Лаврентьевым, Крутовым и Дерибасом, которая осуществлялась Берзиным (Лаврентьев, он же Картвелишвили Л.И., секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б), арестован и расстрелян в 1938 году, Крутов Г.М., председатель Дальневосточного крайисполкома, арестован в июне 1938 года и вскоре расстрелян, Дерибас Т.Д., нач. УНКВД по Дальневосточному краю, арестован и расстрелян в 1939 году. – А.Б.). Берзин кроме того был связан в Москве с Яном Рудзутаком (арестован в мае 1937 года. – А.Б.), Бокием (Бокий Г.И., нач. отдела ГУГБ НКВД СССР, расстрелян 15 ноября 1937 г. – А.Б.) и как я уже упомянул с Н.И. Бухариным. Из Хабаровска и Москвы мы получали все директивные установки в нашей антисоветской работе, которую проводили на основе известных положений Троцкого и центра правых.

Я знаю, что Берзин с Бухариным поддерживали переписку. В 1935 году Берзин, будучи в Москве, виделся с Бухариным лично и договорился с ним об антисоветской работе. После этого свидания Берзин от Бухарина получил телеграмму, в которой Бухарин напоминал Берзину о необходимости сдерживать данное ему в Москве слово об антисоветской работе на Колыме. Берзин посылал Бухарину неоднократно информацию об этой работе.

Лаврентьев, Крутов и Дерибас лично посетили Колыму (в августе 1936 года. – А.Б.) и лично познакомились со всей нашей антисоветской работой.

Вопрос. Какие задачи были поставлены перед Вашей организацией на Колыме?

Ответ. Перед нами была поставлена задача – всю нашу работу вести таким образом, чтобы обеспечить отторжение ряда районов ДВК, в том числе и Охотско-Колымского района, в момент возникновения войны между Японией и СССР, тем самым сделав реальным обещание Л.Троцкого и правых, данное Японии и Германии по вопросу о помощи нам в захвате власти в СССР.

Вопрос. Когда и каким образом Вы вступили в антисоветскую организацию?

Ответ. В антисоветскую вредительскую организацию на Колыме вступил к осени 1934 года. Втянут в организацию я был Берзиным Э.П., которого я хорошо и давно знал лично. Мне не надо было слышать каких-либо прямых предложений от Берзина. Оба мы одинаково враждебно относимся к руководству ВКП(б) и еще со времен X съезда ВКП(б). Я помню, как еще в пути из Москвы в Магадан Берзин сказал мне: “Начнем на Колыме с ликвидации Советской власти” (...)

Основной костяк организации состоял к этому времени из таких людей, как Эпштейн, Филиппов и другие, которые прибыли с Берзиным на Колыму из Вишерских лагерей (...). С 1935 года работа антисоветской организации начала активизироваться. Мы захватили под свое влияние партийную организацию Дальстроя, Управление НКВД и основные командные посты на приисках. Мы почти открыто вели вредительскую и диверсионную работу (...) Мне, как одному из руководящих участников организации, известен почти весь руководящий состав организации, который я узнавал от Берзина, других лиц

и сам лично связывался с ними по вредительской линии, а именно (...)”

Далее Калнынь называет, хотя точнее, видимо, сказать “повторяет” за ретивыми гэбистами (потому что кто может сомневаться в том, что не несчастному обвиняемому принадлежит инициатива в этих обличениях) 32 фамилии своих “сообщников”. В их числе ближайшие помощники Берзина, руководители отдельных подразделений Дальстроя и другие руководители высшего для Магадана уровня: уже упомянутый Л. М. Эпштейн, помощник директора Дальстроя по административной части и начальник УСВИТЛ И.Г. Филиппов, начальник Военизированной охраны Дальстроя Д.Ф. Кабисский, помощники директора по политчасти Е.А. Булыгин и В.В. Репин, ответственный редактор газеты “Советская Колыма” Р.А. Апин, начальник Управления связи Дальстроя А.И. Орлянкин, главный бухгалтер Дальстроя П.Е. Евгеньев, начальник авиаотряда В.М. Старевич, зав. отделом народного образования А.Ф. Лаврентьева, начальники горно-промышленных управлений Е.Г. Левантин, Е. М. Раппопорт, Ф. Д. Медведь...

К делу отца будут иметь отношение работники Мортрана. Есть и они в этом списке (этим, вероятно, и объясняется присутствие здесь протокола допроса Калныня): “8. Лапин Эрнст Оттович, б/п, быв. начальник Мортрана “Дальстроя”, был осужден к ВМН с заменой 10 годами за к/р деятельность (...) 19. Душинов Николай Иванович, член ВКП(б), кадровый (подчеркнуто в тексте. – А.Б.) троцкист, ранее судим к ВМН с заменой 10 годами (в обоих случаях названы прежние, доколымские судимости. – А.Б.), помощник начальника управления Мортрана (...)”

Вслед за списком известных Калныню вредителей следует описание способов совершавшихся ими преступлений во всех отраслях деятельности Дальстроя. Приведу лишь ту часть текста, что подчеркнута чьим-то красным карандашом как имеющая отношение к делу Мортрана:

“Вредительство имело место и при погрузке и разгрузке пароходов. Здесь уже Лапин, Душинов и Владивостокское отделение (руководитель Владивостокского отделения Дальстроя А.Л.Бжелезовский также назван выше в числе участников контрреволюционной организации. – А.Б.) обеспечивали такой порядок, что редкий агрегат, машины тяжеловесы поступа-

ют на склад без поломок и без повреждений. В 1937 году поступили локомобили, завезенные для приисков. Из них ни один не был получен в порядке и прежде чем отправить на место назначения, локомобили пришлось ремонтировать, изготавливать для них поломанные детали” (л.д. 104).

Отдельным документом, усугубляющим вину Мортрана, приведена выписка из того же протокола:

“Вопрос. В чем заключалась антисоветская деятельность организации?”

Ответ. (...) красинской (названа, вероятно, по имени ледокола “Красин”, работавшего в Охотском море на проводке судов. – А.Б.) экспедицией обычно ожидают грузы наиболее нужные к весне, к организации летних работ – полевой инструмент, летнее снаряжение, продовольствие, – вместо этого всего, как например, это было в 1937 году, мы завезли сани, которые только в будущую зиму понадобятся, лапти, которых на складах целые богатства, и т.п.” (л.д. 113).

Боюсь, что у доверившегося и следующего вместе со мной по этапам и обстоятельствам дела читателя пока не стынет кровь в жилах от разоблаченных тем далеким следствием злодейств, что читатель уже разочарованно подумывает: “Что за чепуха? Это ли вредительство? И что за халтурщики эти следователи – какие-то лапти, сани... Не могли что-нибудь посерьезнее найти?”. Впечатление достаточно обоснованное, но не спешите, читатель, те люди со шпалами и ромбами в петлицах пусть и не корифеи, но дело свое знали. На первом этапе, к которому и относится допрос Калныня, им важно было только очертить контур будущего дела в соответствии с общим замыслом. Пока только контур. Пока только зацепить. А далее последует “разработка”, и, как пелось в старинной тюремной песне, “... статья найдется – был бы человек”. Калнынь в числе многих назвал Лапина и Душинова, руководителей Мортрана, те назовут своих сослуживцев, выстроится цепочка, дело приобретет стройность и обоснованность (конкретные исполнители расскажут о своем “вредительстве” куда профессиональнее и достовернее, чем сторонний особист, хотя и в их показаниях нелепостей будет немало, но уж такова, видимо, специфика жанра), все еще только начинается.

Впрочем, есть у дела начало и более раннее. И тут пора вспомнить о названном выше источнике №2, так сказать, “народной инициативе”, о доносите-

Поводом для доноса на отца послужило опубликованное в газете “Советская Колыма” 4 октября 1937 года письмо читателя “Маска сорвана”. Некто Школьник (так указано в полученной из редакции копии оригинала письма) сообщал:

“Решением Комсомольской Организации Управления комендатуры исключена из рядов ВЛКСМ двурушница Колтун, которая прикрываясь комсомольским билетом на протяжении периода 1936-1937 г. являлась помощницей в проводимой к.-р. работе, в вредительстве на заводе АРЕМЗе – своему мужу Гомбергу (ранее осужденному как враг народа).

Колтун была принята в комсомол на заводе АРЕМЗ, где она работала в качестве экономиста-плановика. Рекомендовали ее для вступления в ряды ВЛКСМ: член ВКП(б) – ныне парторг завода – тов. Отдельнов и бывший комсорг АРЕМЗа, член ВЛКСМ тов. Гутник.

Дело получилось так: враги народа, пробравшись на руководящую работу на заводе АРЕМЗа, они приняли все необходимые меры к тому, чтобы вывести этот завод из строя, муж Колтун был тогда директором АРЕМЗа, а она ведала плановым отделом.

Колтун наладила добрососедские отношения с отдельными руководящими работниками, и те желая уважить чин жене большого начальника, стали ее привлекать к общественной работе и через некоторый период времени открыли ей дверь в наши ряды.

Непроверив действительное лицо этой с позволения сказать “комсомолки”, этим самым допустили ротозейство, угодничество и подхалимаж.

Колтун имея законченное высшее образование, на общем собрании пыталась отвести глаза, прикидывалась политически неграмотной, не разбирающейся в вопросах, как враг продолжала отмалчиваться незнанием того, что у них на квартире была банда врагов народа во главе с ее мужем, творила свое гнусное дело предателей, шпионов диверсантов. Она на поставленные ей вопросы отвечала: “Нет”, “Да”. Любопытно следующее: когда ей задали вопрос – У вас собиралась эта банда врагов народа, Колтун отделалась незнанием, заявив, что во время этих сборищ она уходила в другую комнату, Как она ни пыталась прикинуться “наивной девочкой”, все же она была разоблачена.

На заседании комитета и общем собрании комсомольцев Управления комендатуры выяснилось следующее:

Когда ее муж – Гомберг, был разоблачен и посажен за рэвотку нашими славными органами НКВД, она продолжала поддерживать связь с ним, добивалась свидания, при свидании выражала ему свое сочувствие, плакала, носила передачи, и она считала, что обвинение ее мужа как врага народа – неверно и питала надежду на его ближайшее освобождение и продолжение совместной жизни.

Она на собрании в беседах с отдельными товарищами, говорила: “Глупо понимать (так в оригинале. – А.Б.), ведь он мне сказал, что со мной переписываться не будет, дабы не подвергать меня опасности”.

Как она ни маскировалась, все-таки маска ее была сорвана.

Комсомольцы Управления комендатуры дали ее поведению правильную оценку: «За неискренность, двурушничество и пособничество в проводимой к-р работе – своему мужу, которая велась у них на квартире бандой “врагов народа” и неразоблачение их, тем самым стала на путь обмана комсомола, в результате чего явилось исключение из рядов ВЛКСМ.

Конфликтно-приемочная комиссия, куда обратилась Колтун, утвердила решение комсомольской организации Управления Комендатуры.

Подпись. 2/Х - 37г.”

Через день, учитывая, вероятно, актуальность и важность описанного события, газета опубликовала это письмо, и в тот же день, 4 октября, в УНКВД при Дальстрое был направлен “читательский отклик”:

“Прочитав статью в “Советской Колыме” от 4/Х-37 г. “Маска сорвана”, у меня сразу мысль возникла, почему Колтун приходила к нам на 3-д №2 и рассматривала оборудование.

Приблизительно в середине сентября мес. с.г. в выходной день около 20 ч. Начальник завода №2 Бирюков вышел из своей квартиры совместно с Колтун и пошел в 3-д. В 20 ч. я заступил на дежурство по заводу, зайдя в мех. цех где увидел – Колтун рассматривает паспорта и трафареты на станках, Бирюков находился от Колтун в 5-7 метрах, когда я начальнику заявил, что это жена врага народа Гомберга, т.к. я ее знаю с 1935 года, когда работал в АРЕМЗе, т. Бирюков мне ответил, что она с мужем порвала все и сейчас комсомолка, хорошая общественница.

Летом, не помню, в каком месяце я видел один раз Колтун возле квартиры т. Бирюкова, когда он работал не начальником завода, а зав. производством, — это было кажется в августе мес.

Нет ли какой связи Колтун с т. Бирюковым?

Бывший мастер сварочных работ завода №2 Филиппенко.

В виду окончания договора на днях выезжаю на “материк”.
Подпись” (л.д.87).

Вслед за копией заметки “Маска сорвана” и этим доносом в деле подшит рапорт пом. уполномоченного Особого сектора при заводе №2. Был ли он составлен в результате расследования доноса или родился самостоятельно, сейчас судить невозможно, так как даты на рапорте нет. Вот его текст:

«Начальнику Особого сектора г/т ДС

.....
Копия: Начальнику УМТ

Настоящим сообщаю, что разоблаченная и исключенная из рядов ВЛКСМ быв. комсомолка Колтун Евгения Семеновна, выехавшая на материк с п/х “Ежов”, незадолго до своего отъезда была на заводе №2. Сообщил мне об этом зав. ОНТЗ тов. Рудый. Проверкой пропусков установлено, что пропуск ей не выдавался. Чтобы выяснить, кто провел ее на завод без пропуска, я доложила об этом начальнику завода, на что последний мне ответил, что Колтун на завод приходила с ним, будучи у него в гостях, в выходной день. Тов. Бирюков провел Колтун на завод по ее личной просьбе.

Тов. Бирюков сообщил, что он показал Колтун некоторые цеха (дер. обд., мех. цех) и затем прошел с ней на пирс, где Колтун просила объяснить ей как здесь ремонтируются суда, какие суда будут ремонтироваться и проч.

Сообщаю Вам об этом для сведения и проверки целей посещения завода Колтун, тем более, что она является женой врага народа Гомберга, и прошу соответствующих выводов в отношении начальника завода тов. Бирюкова, который забывая о бдительности допустил к ознакомлению с заводом лицо никакого отношения к заводу не имеющее, тем более перед ее отъездом на “материк”.

Пом. уполном. Особого сектора при заводе №2
.....” (л.д. 88).

Я на время, достаточное для знакомства с рапортом, утаил его адресатов и автора, впрочем, первого адресата внимательный читатель может назвать без моей подсказки: начальником Особого сектора Дальстроя осенью 1937 года был тот самый Калнынь, один из “главных руководителей анти-советской повстанческой организации”. А вторым адресатом — начальником УМТ, Управления Мортрана, был названный на допросе Калныня “кадровый троцкист” Душинов. Можно представить, что эти матерые враги, получив рапорт честного особиста о подозрительных действиях начальника завода №2, постарались спрятать его подальше, но вот ведь неувязка — тем честным особистом оказывается ничего не подозревающая ... жена Душинова. Как подобное представить? А если так: получив сигнал от добровольца-доносчика Филиппенко, вышеназванные враги, желая не допустить разоблачения своего сообщника, лишь формально провели необходимое расследование, поручив его своему же человеку. И, конечно, спрятали таким образом концы в воду.

Копия представленного в деле рапорта заверена подписью уполномоченного Особого сектора Дальстроя Озолиной. И это тоже, вероятно, не случайно.

Пройдет несколько месяцев, и даст свои страшные, измученные показания К.Г.Калнынь. Поселятся в “доме Васькова” и пройдут все положенные здесь “процедуры” Н.И.Душинов и М.А. Бирюков. Я.Р.Озолина (мужа Озолиной? — я этого пока не знаю — секретаря парткома Мортрана и члена парткомиссии Дальстроя) забьет насмерть на допросе, как сообщает Т.П.Смолина, не справившийся с нервами представитель московской творческой группы Боген. Кругом враги.

18 октября 1938 года (мама этот день хорошо запомнила, потому что следующий она встретит уже в родильном доме и появлюсь на свет я) женам арестованных разрешили принести в тюрьму для мужей теплые вещи. Приближалась зима. Уже выпал снег, дул холодный, пронзительный ветер. Ждать, пока примут передачу, пришлось долго. Мама помнит, что в те часы она сильно замерзла.

Многое, очень многое случится потом в ее жизни за пять-десять лет, нет даже смысла перечислять. Но память сохранит и по сегодняшний день, что тогда, у ворот “дома Васькова”, ее, дрожащую в холодном драповом пальто, укроет полой своей

теплой шубы жена такого же, как мой отец, «врага народа» Душинова, та самая особистка при заводе №2. Такое вот сохранившееся в памяти в течение пятидесяти лет проявление «вражеской солидарности».

— Как это началось? Откуда вдруг появилось столько врагов? — спрашивала в спектакле «Деталь монумента», шедшем на сцене магаданского театра, арестованная Ксения Рогачева. — Кто они? Оборотни. Расплодились и разлетелись по нашей прекрасной стране...

Сегодняшний просвещенный читатель едва ли поверил цитированным выше показаниям Калныня о связях Берзина с Бухариным, о его контактах с отпетыми врагами, пробравшимися на посты руководителей краевых органов, о самом факте существования на Колыме вредительской или повстанческой антисоветской организации. Все это, увиденное нашими сегодняшними глазами, — фантазмагория, бред!.. Не было этого и не может быть никогда!

Однако ведь было. Зодчий коммунизма не обладал чудодетственным даром, свою (и не только свою) сверкающую мечту он не мог реализовать взмахом волшебной палочки — а лишь кровавой и соленой работой всего народа, всего государства. И, может быть, только сейчас, наблюдая, как рушатся своды построенного в те годы здания, как раскалываются сохранившиеся немалый запас прочности стены, мы начинаем догадываться о технологических секретах той без преувеличения великой стройки. В их ряду — и чудовищный замес, выполненный тогдашним НКВД — не чушь, не фантастика, это другая, не имеющая отношения к обыденной и взаправдашной жизни реальность. Реальность, порожденная тем мощным политическим мифотворчеством, каким явилось практическое воплощение сверкающей, но — увы! — весьма утопической идеи.

Неизбежность страшного мира, через который надо пройти, чтобы прийти к миру иному, представлялась очевидной не только теоретикам-руководителям и практикам-исполнителям (при этом едва ли кто-нибудь из них сомневался, что жернова репрессий перемалывают в основном невиновных). Она осознала как необходимость самими жертвами системы. Вспомним размышления героя романа А.Кестлера «Слепящая мгла» Н.Рубашова, которому автор сообщил немало подлинных черт

Н.И.Бухарина: во имя интересов партии, как верный ее боец, он должен сам растоптать свое честное имя... «Ну какой там Бухарин! — возразит мне читатель. — Кто теперь скажет, что он думал на самом деле, находясь в тюрьме? И что мог понять в тех наших делах писатель-иностранец?»

Но вот доподлинное свидетельство, пронесенное через 16 лет лагерей, из которых почти десять лет — колымские. В 1954 году заключенная Владимирова, почувствовав возможность перемен и поверив в нее, пишет письмо в ЦК КПСС (характерно, что и после всего пережитого она обращается именно в эту инстанцию — высшую для нее). Излагая свою нелегкую судьбу, то, что она видела, находясь под следствием и в лагерях, Елена Львовна, в частности, напишет: «Наконец, всеобщим (...) был способ провокационной дезориентации. Мне очень трудно его излагать, т.к. со стороны и для здорового человека кажется немыслимым, чтобы этот способ действовал. Но прошу учесть, что попав в тюрьму и увидев то, о чем я пишу, человек часто находился как бы в бреду, настолько терял чувство реальности, что этот способ нередко свое действие оказывал. Он заключался в том, что подследственного (особенно коммунистов и иностранцев) убеждали, что «так надо» в интересах большой партийной политики, дипломатии и т. п.»

Так надо — во имя построения... во имя воплощения и торжества... во имя счастья будущих... — полное единомыслие, разоблачим врагов, умножим усилия, станем стеной...

Нельзя убрать одного из Самой Главной тройки, восьмерки или десятки. Потому что тогда тот, кто его уберет, станет убийцей. Нельзя убрать вместе с тем означенным врагом десять или, скажем, сто его ближайших пособников — тогда тот, кого раньше называли бы убийцей, великий ротозей, не достойный доверенной ему должности, потому что проглядел около себя осиное гнездо. Но когда врагов тысячи, миллионы, когда вражеская деятельность как опасная болезнь поразила все без исключения клетки общества, тогда — слава единственному прозорливому, кто распознал смертельную опасность, слава беззавестным недремлющим органам НКВД, ее пресекшим, да здравствует великий советский народ — строитель...

Бедное наше бедное, замороженное общественное сознание!... Как долго оно дремало, спеленутое сладкими посулами, как покорно следовало в коляске каждой новой идеологии-

ческой конструкции, как беззащитно мечется сегодня под градом митинговых разоблачений, как наивно обольщается родившимися вдруг и только что якобы реальными возможностями...

Лет десять назад один из моих литературных персонажей пророчествовал: “Когда-нибудь все мы, люди социализма, станем героями и мучениками, а прохвосты и воры – суровыми и неизбежными гробовщиками этого прекрасного, идеального по принципам своим строя, который пытался силой своего оружия, обращенного вовне, и жестокостью, применяемой против нас, сохранить свою наивную преданность высоким идеалам равенства”.

Может быть, это время уже не за горами. Но пересматривая уже сейчас прожитые страной десятилетия, по-новому вглядываясь в фигуры ее руководителей и рядовых строителей, мы не вправе судить их по законам сегодняшнего дня, потому что они то жили, боролись и страдали совсем по другим законам. Всегда ли мы помним об этом? Хватает ли нам чувства историзма и, наконец, самого элементарного знания о том, как все это было пятьдесят лет назад?

Но вернемся к делу. Я уже писал о третьем возможном источнике политического обвинения: квалификация проступка, упущения, допущенной бесхозяйственности как антисоветского деяния. Еще до того, как дело №17777 вернулось в Магадан, историк А.Г.Козлов и библиограф И.В.Колонтеева разыскали публикации в “Советской Колыме”, появившиеся после ареста отца. 25 июня, через месяц, в заметке “Дело за руководителями” деловито констатировалось: “Первое полугодие завод работал неудовлетворительно. Прежний руководитель предприятия враг народа Бирюков глушил критику, зажимал инициативу, делал все, чтобы сорвать выполнение программы”.

Едва ли на этом этапе следствие (так эта организация любила себя называть – в среднем роде, нечто безличное и надмирное: Следствие располагает... Следствие предлагает... Следствие предупреждает...) поделилось с прессой хоть какой-то конкретной информацией, отсюда и неопределенное “делал все”, но, раз арестован, какие могут быть сомнения – “враг народа”.

Еще через месяц, 27 июля, в большой подписной статье “Навести порядок на заводе №2” штатный сотрудник редакции

Вл. Паремский постарается представить вредительскую деятельность бывшего начальника не только в полном объеме, но и с достаточной долей объективности, в ее связи с предшествующими событиями. В преамбуле он подчеркнет общественную и хозяйственную значимость раскрываемой темы:

“Завод №2, бесспорно, крупнейшее промышленное предприятие Дальстроя. Нет нужды говорить о том, что эта производственно-техническая база индустриализации Колымы имеет для хозяйства Дальстроя большое значение.

Завод №2 выполняет самые разнообразные заказы для управлений строительства. Вот почему не случайно, что вредители, орудовавшие на ответственных постах Дальстроя, для того, чтобы парализовать хозяйственную жизнь Колымы во всех ее звеньях, имели своего ставленника на заводе №2 в лице разоблаченного ныне врага народа Бирюкова”.

Интересно, между прочим, получается: вроде бы автор статьи разоблачает врага и тем самым возвеличивает следствие, а на самом деле выдает его сокровенный секрет – коль скоро враги народа пробрались к высоким ступеням руководства, то начальник завода №2 обречен в глазах того же следствия, потому что занимать эту должность и быть честным руководителем он не мог, так как враги позаботились о том, чтобы иметь здесь своего ставленника. Не мог он не быть врагом – и все!

Объективность журналиста я вижу в следующих за преамбулой абзацах, в описаниях того, как строился завод №2:

“Завод начали строить в 1934 году. Все работы, как правило, производились без смет, без соблюдения установленных технических правил, в результате чего здания цехов имеют ряд дефектов, как, например, сквозные трещины стен, осадка фундамента (...) некоторые производственные помещения завода были не изолированы от поверхностных вод и, как следствие этого, в цехах сыро, что, безусловно, отражается на качестве работы (...) Большое количество выявленных недоделок и переделок является следствием отступлений от проекта, которые были сделаны вредителями под разными предлогами”.

Вот, пожалуй, и объяснение вышеназванной объективности – еще до прихода на завод врага народа Бирюкова здесь орудовали вредители: Б.И. Мовсесов (Мовсесян), руководивший строительством, Э.О. Лапин, это строительство опекавший, и другие, чьи деяния уже настолько хорошо известны чи-

тателям “Советской Колымы”, что не стоило их и перечислять поименно.

Ну а принявший эстафету вредительства первый начальник завода №2 (предприятие получило хозяйственную самостоятельность лишь с января 1938 года, а до этого действовало как одно из подразделений Мортрана), естественно, эти преступные деяния преумножил:

“Прежний руководитель завода – враг народа Бирюков всяческими мерами и способами поощрял производственную неразбериху, тем самым стараясь вконец развалить работу завода. Плохую работу цехов он объяснял отсутствием квалифицированных кадров и отдельными неполадками. Между тем “мозговой” центр всякого современного промышленного предприятия – технический отдел – отсутствовал. Его умышленно не создавали.

(...) одним из вредительских действий врага народа Бирюкова была постановка оборудования в такие эксплуатационные условия, при которых станки и механизмы, лишенные присмотра и планово-предупредительных ремонтов, оказались обреченными на износ (...)

Столь же безобразна картина была и в части контроля расхода и учета материальных ценностей.

Еще в худшем состоянии находилось хранение технических материалов: сортовое железо, трубы и др. валялись по всей территории завода на открытом воздухе. Все это говорит о том, что совершенно не уделялось серьезного внимания складскому хозяйству”.

Читатель уже, вероятно, обратил внимание на спокойно-деловой стиль статьи Паремского – никакого разоблачительно-го пафоса, никакого ужаса перед тем очевидным для автора фактом, что честный коллектив возглавлял явный враг народа, и оттого само это понятие “враг народа” звучит совершенно обыденно, оно словно в одном ряду производственных понятий тех лет: выдвигенец, бракодел, стахановец, прогульщик, в одной, как сказал бы физик, системе единиц. А посему словно и ничего не случилось особенного на заводе №2 и стоит перед коллективом прежняя трудная, но решаемая задача – “в кратчайший срок наладить разваленное вредителями производство, упорядочить хозяйство в цехах (...)” Ну а выявят славные Орга-

ны новых вредителей (а органы, как известно, не дремлют), принять и это к сведению и по-прежнему выполнять обязанность каждого предприятия – “выпускать качественную и дешевую продукцию”.

Появлению чекистов в квартире №3 Дома дирекции в Марчекане предшествовала справка (на арест), утвержденная начальником Управления НКВД по Дальстрою старшим лейтенантом государственной безопасности Сперанским (вскоре – вероятно, за заслуги, проявленные в раскрытии дела №17777, главного дела того года на Колыме, – он получит звание капитана и уже к осени 1939 года сложит свою голову в застенках родного ведомства). Процессуальными нормами составление этого документа не было предусмотрено, однако, по всей вероятности, справка рассматривалась как основание для выдачи ордера на арест и потому аккумулировала имевшиеся против данного лица на тот момент обвинения:

“Работал (уже в прошлом времени, хотя отец еще и не ведает о предстоящем аресте. – А.Б.) начальником завода №2 Управления Мортрана – является (это уже как бы установлено. – А.Б.) активным участником антисоветской организации, существовавшей на Колыме, и по заданию этой организации проводил вредительскую повстанческую работу в Мортране.

Имел связи с ныне разоблаченными врагами народа Гомбергом и Колтун (тут очевидная неточность: Колтун успела уехать из Магадана – или ее уже на материке арестовали? – А.Б.)”.

В “шапке” документа наискосок резолюция Сперанского: “Согласовать с прокурором т. Метелевым”. В конце документа – “Согласен” и подпись, предположительно, Метелева. С законностью все, вроде, в порядке.

В тот же день, 23 мая 1938 года, сотруднику УГБ УНКВД по ДС Козичеву был выдан ордер №600 на производство обыска и ареста Бирюкова Михаила Антоновича. Упомянутый выше В.М.Кохановский будет арестован через день, 25 мая, по ордеру №602 (и его архивно-следственное дело под тем же номером 17777 вернется спустя какое-то время в Магадан). За два дня в Магадане арестованы два человека – видимо, добирали последних, основная волна уже прошла...

“Органам Советской власти и гражданам надлежит оказы-

вать законное (опять-таки. – А.Б.) содействие предъявителю ордера при исполнении возложенных на него поручений” – традиционный текст в ордере, гарантия того, что тов. Козичев со своим делом справится. Вот только арестует он почему-то, если верить протоколу, подписанному всеми участниками этого действия, включая и отца, Бирюкова Михаила Степановича(?) и парт. билет № 3069765 изымет на имя все того же Михаила Степановича – то ли так сильно волновался следователь, проводя эту операцию, что не контролировал руку с пером, то ли все равно было, кого записать – какая, действительно, разница...

Через день, 25 мая, оперуполномоченный 6 отдела УГБ УНКВД Кричевский составит постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения. В нем отец уже будет назван бывшим членом ВКП(б).

“Рассмотрев следственный материал по делу № ... (так в документе. – А.Б.) и приняв во внимание, что гр. (следуют анкетные данные отца) (...) достаточно изобличается в том, что является активным участником антисоветской организации на Колыме, занимался повстанческой и вредительской деятельностью, а потому на основании ст. 128 УПК – постановил:

гр. Бирюкова Михаила Антоновича привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-8, 58-2, 58-7 и 58-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей во внутренней тюрьме УНКВД по “ДС” – в гор. Магадане”.

Беру с полки старый, университетских еще времен УК РСФСР, доставшийся мне по наследству от сводного (по отцу) старшего брата Юрия – в прошлом военный летчик, он закончил позднее и военно-юридическую академию.

Статья 58 (глава первая – “Преступления государственные”, раздел первый - “Контрреволюционные преступления”), п. 2: “Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от СССР или отдельной союзной республики какую-либо ее часть (...) влекут за собой – (...)”

Статья 58, п. 7: “Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контр-

революционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений или предприятий или противодействия их нормальной деятельности (...) влекут за собой – (...)”

Статья 58, п. 8: “Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов (...) влекут за собой – (...)”

Статья 58, п. 11: “Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации (...) влекут за собой – (...)”

С этим набором “расстрельных”, ибо хотя бы одной из них бывало достаточно для вынесения смертного приговора, статей отец просуществует во внутренней тюрьме УНКВД более полутора лет. Ведал ли он, инженер, а отнюдь не юрист, в полной мере о содержании этих статей и их санкциях? Со временем, вероятно, да, разобрался, но едва ли уже в тот день, когда поставил свою подпись под строкой: “Настоящее постановление мне объявлено 26 мая 1938 г.”

Первый протокол допроса отца, имеющийся в деле, датирован 31 мая. Но был ли он действительно первым? Конечно, ничего удивительного нет в том, что арестованного целую неделю после ареста никто не допрашивал - так бывало. Но не допросить подследственного перед тем, как предъявить ему обвинение? Не допросить его же, но уже обвиняемого, после того, как предъявлено обвинение? Это противно всякой нормальной логике. Допросы, по всей вероятности, были. Но арестованный или молчал, или давал совсем не те показания, которые требовал от него допрашивающий. Поэтому показания или не протоколировались, или протоколы не были включены в дело. Или сначала были включены, а потом изъяты. К этому предположению я еще вернусь.

Мне так и не пришлось никогда расспросить отца ни о чем, связанном с его арестом и пребыванием в тюрьме. В начале пятидесятых, когда отец вернулся из своих северных странствий, я был слишком мал, а отец, не выдержав райских условий коммунальной квартиры, снова отправился в какие-то дали, уже оттуда, письмом, снабдил меня адресами и рекомендациями к немногим оставшимся к тому времени на Колыме знако-

мым (шел уже шестидесятый год, я собирался после окончания университета поехать в Магадан). Вернувшись на несколько лет в Москву, я снова не застал его, потому что он работал уже в Керчи, мы виделись последний раз в 67-м - отец приехал в Москву на обследование, которое, как потом стало известно, оказалось неутешительным – операцию делать было уже поздно. Но я-то узнал об этом не сразу, а тогда даже не успел к отцу на вокзал - увлекся-уработался, таская тяжеленные связки книг на 12-й этаж: приятельница, юная кинокритикесса, получила квартиру в новом кооперативном доме, а лифт еще не работал. Знал бы я тогда, что это была моя последняя возможность побыть рядом с отцом... Хотя бы только побыть...

Мама рассказывала с его слов, что в “доме Васькова” применялся и знаменитый теперь “конвейер” – это когда несколько следователей, сменяя один другого, ведут допрос по несколько суток, были “стойки” или “выстойки”, когда допрашиваемого также сутками заставляли выстаивать в кабинете следователя или в коридоре, была пытка жаждой – подолгу не давали пить после соленой рыбы. О других пытках, о побоях, об истязаниях отец не рассказывал...

28 октября 1939 года начальник Управления НКВД по Дальстрою майор государственной безопасности Окунев направил начальнику внутренней тюрьмы ордер № 387: “С получением сего немедленно освободите из-под ареста гражданина Бирюкова Михаила Антоновича”. И будет в том документе многозначительная – опять-таки типовая, типографским образом изготовленная – фраза: “При освобождении отберите подписку” (ее полагалось срочно препроводить в 1 спец. отдел УНКВД). Не та ли это подписка о неразглашении, о которой подчас упоминают бывшие узники – обязательство молчать обо всем, что они пережили, видели и слышали, находясь в неволе? Можно предположить, что под угрозой нового наказания она замкнула многие уста на много лет. Понятен и другой, моральный фактор, обусловивший это молчание: кому захочется вспоминать, как над ним издевались, как его унижали, как втоптывали в грязь?..

Наверное, самой тяжелой, самой страшной за все время пребывания отца в тюрьме была эта первая неделя – с 23 по 30 мая. Но и на том допросе, протокол которого имеется в деле, 31 мая (его вели член “московской бригады” и.о. начальника 6-го

отд. УГБ УНКВД по ДС лейтенант госбезопасности Бронштейн и оперуполномоченный того же отдела Кричевский), в самом его начале отец заявил: “Я никогда не был участником антисоветской организации на Колыме...”

Следователи, дав обвиняемому подписаться в протоколе под этой прекрасной, но и наверняка зряшной, по их мнению, фразой, могли только улыбнуться: “Все-то вы еще ерепенитесь, малоуважаемый троцкист. А мы уже про вас столько знаем, что, право, смешными да и только выглядят ваши записательства”.

Чем же, как следует из материалов дела, располагало на тот момент осведомленное Следствие?

Еще 5 мая дал признательные показания обвиняемый Попов Александр Александрович (в дело подшит не подлинник, а ротапринтная копия с машинописного текста – и эти показания тиражировались, вероятно, для того, чтобы быть помещенными в дела к нескольким обвиняемым).

Л.д. 51. “Попов А.А., 1898 г.р., уроженец г. Горького, сын пароходо-владельца, офицер царской армии, судим в 1925 году по ст. 111 УК к 1 году ИТР, срок отбыл, работал главным бухгалтером Мортрана.

(...) В антисоветскую организацию на Колыме я был вовлечен еще в конце 1935 года Лапиным Э.О. – бывшим начальником Управления Мортрана.”

Л.д. 52. “Вопрос. Кого Вы знаете из участников организации?”

Ответ. Мне известны следующие участники организации, работающие в Мортране:

1. Душинов Н.И. – заместитель начальника Мортрана,
2. Куковеров В.В. – главный механик Мортрана,
3. Степанов С.Е. – начальник погруз.-разгрузочного отдела Мортрана,
4. Корниенко Г. – капитан порта,
5. Вильчек, Рябоконт, Федоров – капитаны пароходов Дальстроа,
6. Рыбинский – бывший начальник Судовой верфи Мортрана,
7. Бирюков – начальник завода № 2,
8. Глазенап – начальник электроцеха завода № 2.

Возглавлял эту организацию в Мортране – бывший начальник Управления Мортрана Лапин Э.О. “

Л.д. 55а. “Вопрос. Кто был участником этой повстанческой организации?”

Ответ. Лапин и Душинов завербовали, как руководители (правильнее, вероятно, как руководителей. – А.Б.) повстанческих отрядов меня – Попова А.А., по отделу ПРС и складов Мортрана – Степанова, Черемисина и Константинова, по отделу капитального строительства Сметанина и Табачного, по транспортному отделу Пхакадзе, по заводу № 2 в Марчекане – Куковерова и Бирюкова. Мною для повстанческой деятельности были привлечены следующие лица из числа счетных работников, озлобленных против Советской власти (...).”

Далее следует список из десяти фамилий, в числе названных – семь вольнонаемных (один из них бывший заключенный) и трое з/к, а также описание двух и вовсе фантастических историй: как повстанческий отряд Мортрана должен был обеспечить эвакуацию преступного руководства Дальстроя в Японию на пароходах, которыми командовали капитаны-заговорщики, в случае, если восстание провалится; как начальник Мортрана Лапин через тех же негодяев-капитанов отправлял добытое на Колыме и неоприходованное золото в ту же Японию (л.д. 55 – 56).

Еще более разоблачительные, уличающие отца показания дал Н.И.Душинов (л.д. 31-51). В дело подшит ротапринтный экземпляр с машинописной копии протокола допроса – по тем же, вероятно, соображениям, что были высказаны выше: показания Душинова уличали в преступлениях многих. Дата допроса в копии отсутствует.

Итак, Душинов Николай Иванович, “1893 г.р., уроженец быв. Вологодской губернии, из крестьян. В 1923 году был осужден Военным трибуналом по ст. 110 и 111 по делу Главмортехупра к ВМН с заменой 10-тью годами, в 1925 году досрочно освобожден. Бывший член ВКП(б) с 1931 г. С 1935 г. работал в Дальстрое НКВД - заместителем Н-ка Управления Мортрана”.

До 1935 года Н.И.Душинов работал (не имея необходимого для этой должности образования) директором Рыбинского авиационного института. Имел здесь выговор по партийной линии за “отсутствие борьбы с носителями антисоветских теорий в институте” и опасался, как показал на следствии в Магадане, еще более неблагоприятного для себя хода событий – этим и объясняется, якобы, его решение поехать на Колыму.

Предложение работать в Дальстрое получил летом 1935 года в Москве от Э.О.Лапина, с которым вместе был осужден ранее, в 1923 году. Окончательные переговоры о работе и, в частности, о должности Душинов вел тогда же с Э.П.Берзиным. В июне 1935 года вместе с Лапиным и Берзиным Душинов выехал на Колыму. Вместе с ними в качестве будущего главного механика Мортрана ехал и В.В.Куковеров, подельщик Лапина и Душинова по делу 1923 года, также осужденный к расстрелу с заменой наказания на десять лет лишения свободы.

“Таким образом Лапин, я и Куковеров ехали на Колыму спянной группой, связанной между собой прошлыми преступлениями перед Советской властью” (л.д. 33).

Далее Душинов показал, что еще на пароходе “Хабаровск” был завербован инспектором штаба Калмыковым для работы в пользу японской разведки. И с 1935 года по 1937 год передал ему ряд секретных материалов по Мортрану, Нагаевскому порту и заводу № 2 (спецназначения) – л.д. 34. Вел разведывательную работу и после ареста Калмыкова – л.д. 35.

“В антисоветскую организацию я был завербован осенью 1935 года Лапиным вскоре после нашего приезда на Колыму (...) В тупой звериной ненависти против Партии и Советской власти я уничтожил огромные ценности в хозяйстве Дальстроя, которые проходили через меня” – л.д. 37.

“Вопрос. К Вашей вредительской деятельности мы еще вернемся. Вы занимались и повстанческой работой.”

Ответ. Антисоветская организация на Колыме с весны 1937 года стала создавать в Мортране базу для вооруженного восстания. По указанию б. Директора Дальстроя Берзина Лапин и я стали сосредотачивать на лагпунктах Мортрана (на базскладах, Березов... – *неразборчиво* – и Марчекане) заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, в том числе бывших белых, повстанцев, шпионов, диверсантов, троцкистов. К осени 1937 года в Мортране было нами сконцентрировано более тысячи человек отборной контрреволюции. В наших планах было начать восстание захватив основной центр р. Колымы – Нагаевский порт и г. Магадан. Вооруженное выступление было приурочено к моменту ожидаемого нами нападения Японии на Советский Союз (...).

В августе 1937 года Лапин вызвал меня к себе в кабинет и когда мы остались одни мне заявил: “В стране усилились реп-

рессии против троцкистов. На Колыме имеется много недовольных не только среди заключенных, но и вольнонаемных, особенно тех, кто приехал на Колыму, опасаясь репрессий. Это недовольство нужно использовать, для активных действий. Нужно действовать – заявил Лапин – или мы погибнем”. Вслед за этим Лапин поставил передо мной вопрос о необходимости организации вооруженных отрядов” – л.д. 38.

“Вопрос. Кто был Вами завербован для повстанческой работы на Колыме?”

Ответ. Лапин и я вербовали для повстанческой работы только командиров отрядов из числа лиц, связанных с нами анти-советской вредительской работой в Мортране. Так нами были привлечены в качестве руководителей повстанческих отрядов:

1) начальник завода № 2 Мортрана троцкист Бирюков Михаил Антонович, в 1936 году за развал работы в Колымском речном управлении был исключен из партии. В 1937 году при помощи Берзина был восстановлен в партии и направлен в Мортран. Был близок к Берзину, являлся участником антисоветской вредительской организации на Колыме.

(Не на эти ли слова – предположим, процитированные следователем, – отец и ответил на допросе 31 мая: “Я никогда не был...”? – А.Б.)

2) Черемисин Савелий Иванович, нач. погрузочно-разгрузочной части в Мортране, сын крупного мельника, участвовал в повстанческой организации в Сибири, что скрывает(...)

3) Попов Александр Александрович, главный бухгалтер Мортрана, бывший офицер царской армии (...)

4) З/к Терентьев – отв. исполнитель по разгрузке пароходов. Осужден по 58 статье на 10 лет, бывший капитан дальнего плавания.

5) З/к Билевич, бывш. капитан парохода “Марчекан” Дальстроя. Осужден по 58 статье на 10 лет. Теперь снят на общие работы и направлен в глуб. пункты лагеря.

Терентьев и Билевич в прошлом проходили по делу “Промпартия”(...)

6) З/к Виноградов заведовал паровой группой погрузочно-разгрузочного отдела Мортрана. Осужден за шпионаж на 10 лет. До революции служил в жандармерии г.Хабаровска и каторжной тюрьме на Сахалине.

Указанные начальники повстанческих отрядов сами уже

формировали эти отряды, группируя завербованных заключенных в соответствующие бригады (...)

В начале ноября 1937 года я спрашивал у руководителей отрядов о результатах их работы, причем оказалось, что Бирюковым завербован 18 чел., у Черемисина 22, на командировке базсклады у Попова, Терентьева и Виноградова – 36 чел. Билевич никто не завербован. Всего таким образом на территории Мортрана было к этому времени завербовано 76 человек” – л.д. 39-40.

Далее следователь спрашивает у Душинова, была ли повстанческая организация единственной и самостоятельной?

Душинов: “Нет, повстанческая организация в Мортране была ответвлением общей повстанческой организации, которая охватывала ряд районов Колымы, в том числе и прииска. Со слов Лапина мне известно, что руководил подготовкой вооруженного восстания на Колыме – Берзин. Он, в частности, дал директиву о формировании отрядов в Мортране”.

С “повстанческой работой” следователю теперь все ясно (как ясно было с самого начала, когда где-то был написан “сценарий” всего дела): ее главный вдохновитель – директор Дальстроя, в Мортране работу направляют Лапин и Душинов через подчиненных им “руководителей” отрядов, в числе которых и мой отец.

“Вернемся, – говорит следователь, его фамилия в этом протоколе не указана, – к Вашим показаниям о вредительской работе”.

И обвиняемый послушно докладывает: “Объектом моей вредительской работы был морской транспорт. Мортран был сгустком огромных ценностей, находящихся на территории Дальстроя. В нем сконцентрировано многогранное сложное хозяйство, обеспечивающее успех золотодобычи и развития Колымы, на этом участке антисоветская организация ... (одно слово неразборчиво. – А.Б.) и я как активный участник ее много “наработали” – л.д. 41.

Далее Душинов называет многие, по всей вероятности – реальные факты безхозяйственности, нерасторопности, квалифицируемые им как вредительство: в приеме и отправке грузов, судоремонте, называет в качестве соучастников во “вредительской” работе, кроме Лапина, десятки человек.

“(…) Наиболее вредительски были построены бензохрани-

лица в порту Нагаева (12 бензобаков). Они расположены под горой и все время находятся под угрозой обвала на них скатывающихся с горы камней и скал (...).

Другие бензобаки антисоветской организацией выстроены в диверсионных целях в самом городе Магадане на горе. Эти баки чрезвычайно опасны в пожарном отношении для города вследствие близости к ним базисных складов (...)

По заданию Берзина и Лапина во вредительском строительстве бензобаков принимали участие следующие участники вредительской организации:

Бирюков – начальник завода № 2 Мортрана,

Сметанин – главный инженер Мортрана, завербован во вредительскую организацию Лапиным,

Куковеров – главный механик Мортрана,

закл. Носуля – зав. котельным цехом завода № 2,

Лапин Густав – работал на заводе № 2, брат нач. Управления Мортрана Лапина,

Будзко – начальник строительства порта Нагаево,

Рыбинский – быв. начальник завода № 2 (начальник судовой верфи, вошедшей позднее в состав завода. – А.Б.).

Большую вредительскую и диверсионную работу антисоветская организация проводила на заводе № 2 Мортрана. Здесь орудовала с 1933 года (имеются в виду, вероятно, мастерские Мортрана, появившиеся раньше, чем начал строиться завод. – А.Б.) крепко сколоченная диверсионная группа. Организатором этой группы был начальник Мортрана Лапин, н-к судовой верфи Рыбинский, а с 1935 года и я – Душинов.

Мы подобрали в эту группу закоренелых врагов Советской власти, осужденных за контрреволюционные преступления:

1. Зав. конструкторским отделом завода – Алимова,

2. Зав. котельным цехом – Носуля,

3. мастера котельного цеха – Иванченко,

4. зав. деревообделочным цехом – Курский (...)

Вредительские работы на этом заводе возглавлял начальник завода № 2 Бирюков Михаил Антонович, связанный по организации с Лапиным и Берзиным. В результате руководства Бирюкова завод № 2 работал беспланоно, цеха завода незагружены.

В 1937 году Бирюков по заданию руководства организации составил явно вредительски завышенную смету на ремонт (на

300 тысяч рублей) пароходов “Дальстрой” и “Джурма” – л.д. 46-48.

Через полтора года, 27 октября 1939-го, следователь следственной части УНКВД сержант Федоров, рассмотрев следственное дело №17777 по обвинению гр-на Бирюкова, найдет, что “обвиняемый (...) был арестован 23 мая 1938 года как участник право-троцкистской организации на Колыме, на основании имевшихся показаний обвиняемых Куковерова В.В., Носуля А.А., Попова А.А. и Душинова Н.И. (...)”

Показания Попова и Душинова я уже цитировал, а вот с двумя остальными выходит неувязка. Носуля А.А., допрошенный 31 мая 1938 года (к делу приложена машинописная копия протокола на тонкой “папиросной” бумаге, отнюдь не первый экземпляр), в пространных, на 13-ти страницах, показаниях отца не упоминает вовсе, а если бы и упоминал, показания, данные 31 мая, не могут быть основанием для ареста, произведенного 23-его. Может быть, были и другие показания этого обвиняемого-свидетеля? Но в деле только эти.

Протокол допроса Куковерова, имеющийся в деле, датирован 8 июня (к тому моменту дело №17777 уже отправилось в Москву). На вопрос “Кого Вы знаете из участников антисоветской организации на Колыме?” Куковеров называет 18 фамилий, в их числе под номером 13 значится “Бюриков” – л.д. 75. Возможно, В.В.Куковеров был важен для следствия тем, что “связывал” мортрановскую вредительскую организацию с Калнынем (больше ни в чьих показаниях, имеющихся в деле отца, эта фамилия не встречается). По рассказу Куковерова, его познакомили с Калнынем в июне 1936 года во время охоты. При этом Калнынь якобы сказал: “Я не только начальник Особого сектора Дальстроя, но и секретный разведчик Латвийской и Германской разведки”. “Вслед за этим, – рассказывал Куковеров, – Калнынь подошел ко мне ближе и, похлопав по плечу, сказал: “Раз это тебе уже известно, то ты должен работать на меня. Не пытайся никому говорить, иначе поплатишься жизнью, не только ты, но и твоя семья”. Я дал согласие работать с ним на разведку.

Тут-же в кубрике катера Калнынь заявил что возлагает на меня сбор шпионских сведений по механическому оборудованию Мортрана “Дальстроя”. В дальнейшем я узнал, что Калнынь является агентом и японской разведки” (л.д. 72-73).

В протоколе допроса 31 мая анкетные данные отца отражены весьма скупо: 1902 г. рождения, уроженец села Александровка Миллеровского района Донской области, быв. член ВКП(б), ранее исключался из рядов партии, образование высшее, закончил в 1935 году Военно-транспортную академию РККА, работал начальником завода № 2 морского транспорта “Дальстрой”. Лаконизм этой части допроса объясним: анкетные данные уже имеются в деле – и в справке на арест, и в анкете арестованного, составленной ранее.

Признаюсь, вздрогнул, прочитав в той же анкете: “4. Постоянное местожительство – г. Москва, Каляевская ул., д. 29, кв. 26”, адрес любимой коммунальной квартиры, в которой прошло мое детство.

Следующие пункты анкеты, как мне кажется, кое-что уточняют в облике отца.

“6. Профессия и профсоюзная принадлежность. Инженер-механик по судоремонту, член Союза моряков с 1919 г.

7. Имущественное положение в момент ареста (перечислить подробно недвижимое и движимое имущество, постройки сложные и простые...). Не имущий.

8. То же до 1929 года. Не имущий.

9. То же до 1917 года. Не имущий.

10. Социальное положение в момент ареста. Служащий.

11. Служба в царской армии и чин. Не служил.

12. Служба в белой армии и чин. Не служил.

13. Служба в Красной армии

а) срок службы

б) воинская категория

Служил, с 1919 г. по 1921 г., рядовой, с 1925 г. по 1926 командир бронемашин. С 1932 года до 1933 г. Военно-транспортная Академия. Адъютант”.

По свидетельству мамы, отец ушел добровольцем в Красную Армию. Дело происходило на Украине, на станции Красный Лиман, недалеко от Харькова. Отцу еще не было семнадцати лет. А служба в 1925-26 г.г. – это, вероятно, переподготовка. После гражданской войны отец вернулся в Красный Лиман, работал кочегаром и помощником машиниста на паровозе. Затем – рабфак Института инженеров водного хозяйства. Затем учеба на водном факультете в МИИТе (институте инженеров транспорта). Еще года два назад я пытался отыскать в архиве СВЗ, принявшем фонды Дальстроя, личное дело отца, но его,

по словам работника архива, там не оказалось – только учетная карточка с полустершейся надписью карандашом: дело затребовано каким-то органом НКВД. Наверное, во время того самого следствия. Но где оно теперь?

Ни ущербное – по тем временам – социальное происхождение (дед Антон Михайлович, потомственный неимущий, работал – ему было тогда 57 лет – осмотрщиком вагонов на станции Красный Лиман), ни службу в жандармерии, ни прежнюю судимость (см. протоколы допросов Попова, Душинова, Куковорова) отцу поставить в упрек было нельзя. А вот с партийностью предстояло на том допросе 31 мая, по мнению следователя, разобраться. И вторым вопросом после “Вы обвиняетесь в том, что являетесь активным участником...” – ответ отца я уже приводил, последовало:

“– За что Вас исключали из партии?”

Ответ. Вступив в ряды ВКП(б) в 1919 г. Донецкой партиорганизацией в жел. дор. ст. Красный Лиман в 1922 году я был исключен из партии на 6 мес. условно за антипартийное поведение выразившееся в спекуляции солью”.

Неприятный, конечно, факт. Но ведь когда это было – 16 лет назад, и что за обстановка тогда была в стране – голод, разруха, толпы мешочников, каждый снабжался как мог... И ведь исключали не навсегда, а условно, на шесть месяцев. Ну да это ладно, не так страшно. А вот дальше-то что отец говорит! Не понимает он разве, чем это ему грозит? За язык его, что ли, тянут – откровенничает в этом доме?

Тянут, конечно, вернее, тянули – тянули, как могли, целую неделю. А теперь подбирают более или менее правдоподобную форму, чтобы вынужденные показания выдать за откровенные признания:

– У меня были также шатания и колебания в вопросах политики партии, – сообщает отец.

– Вы скрыли от партии свои троцкистские взгляды? – с готовностью подхватывает следователь. И пошло!

“**Ответ.** Мне придется говорить правду, в разговорах с коммунистам я подвергал резкой критике политику партии и Советского правительства (вот уж нашел чем хвастать в 1938 году! – А.Б.), я уже тогда проявлял антипартийные взгляды, однако партийная организация их проглядела и я был исключен из партии лишь за спекуляцию солью.

Вопрос. Почему Вы поехали на Колыму?

Ответ. После убийства Кирова в 1935 году (? – А.Б.), когда усилились репрессии в отношении троцкистов я опасаясь за свою судьбу решил уехать на Колыму, чтобы там “отсидеться до лучших дней”. В этом же году я заключил договор с начальником Московского представительства “Дальстроя” – Аршакуни и выехал на Колыму, на работу в речное управление “Дальстроя”.

С годом убийства Кирова в протоколе явная ошибка. Но в любом случае факт убийства и последовавшие за ним репрессии к намерению моих родителей уехать на Север отношения не имели. Следователь лишь подвел их, эти намерения, под широко распространенную (тем же НКВД) формулировку – “враги народа решили отсидеться”, а на самом деле все обстояло иначе.

Мама и отец, до того как расписаться, жили в одном доме – том самом № 29 по ул. Каляевской, в разных квартирах. Отец учился в адъюнктуре Военно-транспортной академии, мама работала в какой-то конторе пом. бухгалтера и училась в вечернем чертежно-конструкторском техникуме. Отец был неосвобожденным секретарем жактовской партячейки – упоминаю об этом потому, что не находись отец на этой общественной должности, они могли с мамой еще очень долго не познакомиться. А председателем ЖАКТ был В.А.Никогосов, в протоколе допроса нам скоро встретится эта фамилия.

На этой жактовской почве и произошло знакомство моих будущих родителей. Случилось это при следующих обстоятельствах. В 1934 году дед и бабушка, а с ними и мама, съезжались с семьей старшей дочери, жившей к тому времени отдельно. Дед, П.С.Емельянов, оставлял последнюю комнату своей просторной дореволюционной квартиры, за прошедшие семнадцать лет неоднократно уплотнявшуюся, – словно окончательно порывал со своим прошлым удачливого и богатого торговца, владельца магазина готовой одежды на Лубянской площади: теперь он лишь рабочий-красильщик на фабрике химической чистки и крашения одежды имени В.И.Чапаева.

Квартира №32, куда моим родственникам предстояло вселиться, была не на лучшем счету в ЖАКТе – если не разбойничье гнездо (такого в центре Москвы в тридцатые годы никто бы не потерпел), то уж притон с очень шумными пьяницами-

С. Сергеев

МОСКВА,
на Большой Лубянкъ
домъ Кн Голицына

Мои дед и бабушка - Петр Сергеевич Емельянов и Любовь Ивановна, урожденная Баталова. Около 1895 г.

хозяевами и такими же посетителями наверняка, а потому и пред. ЖАКТа, и секретарь ячейки, узнав, что беспокойные жильцы покинут дом, обмена препятствий не чинили.

Но с обменом вышла неприятность. Братья-разбойники, ответственные квартиросъемщики кв. №32, получив оговоренную доплату, освобождать квартиру – то ли лень было насиженное гнездо покинуть, то ли за пьянкой недосуг – не спешили и доплату вернуть не могли, потому что моментально ее пропили. Вот тут мои родственники и обратились за помощью в ЖАКТ, и тут, вероятно, мама с отцом и познакомились.

Не знаю подробностей того, как развивался их роман, но, вероятно, в духе того времени – то есть быстро. Обмен был благополучно завершён, Емельянова Л.П. и Бирюков М.А. решили связать свои судьбы. Мне и по сей день кажется странным то, что они так решили – слишком уж разных корней и воззрений были жених и невеста, разных, достаточно уже определившихся, судеб.

Мама – из богатой прежде семьи, дочь “лишенца” по первой советской конституции, одного из уважаемых прихожан церкви София Премудрость Божия на Пушкинской улице (в этом здании потом устроили трикотажную фабрику спортобщества “Динамо”), мама верующая, конечно, и сама уже познавшая ущемление в правах ввиду непочетного своего социального происхождения... И рядом с ней – сын рабочего, бывший кочегар, участник гражданской войны, член ВКП(б) и профсоюза с 1919 года (и последнее членство значило в те годы очень много), а ныне – всесильный партийный секретарь и блистательный адъютант Академии (отец именно так всю жизнь и произносил это слово, так оно оказалось записанным и в “Анкету арестованного” доверившимся ему в вопросах орфографии следователем). Этот самый адъютант еще несколько лет назад маршировал в рядах демонстрации под лозунгом “Долой стыд!” в одних трусах и босиком – через всю Москву, от Тимирязевской академии... – атеист, разумеется. И как верующий, человек из другой эпохи – мой дед мог на такой брак своей младшей дочери согласиться? А бабушка?

Но, с другой стороны, что поделаешь, если любовь?

К тому же, семья Емельяновых еще раньше пополнилась

Один из немногих коллективных (да и то неполный) снимок емельяновской фамилии. В первом ряду (слева направо): Валентина Петровна (моя старшая тетка), Василий Моисеевич Кохановский и его жена Надежда Петровна; в верхнем ряду: Олег (сын В.П.) присел на колено к деду П. С. Емельянову, на спинку его стула облокотилась третья (по старшинству) дочь Наталия Петровна (моя будущая крестная мать). Снимок сделан в начале 30-х на даче под Москвой

двумя пришлыми партийцами. Только старшая дочь Валентина, закончившая гимназию еще до революции, вышла замуж за человека, не стоявшего, что называется, в первых рядах строителей нового мира – за беспартийного портного, он и проживет дольше своих трех партийных шуринов, так и оставаясь ни на что не претендующим скромным мастером, мой дядя Петя.

А вот вторая дочь, Надежда, выйдет за члена партии с 1918 года Василия Моисеевича Кохановского. Дядя Вася... У меня больше не будет, наверное, возможности рассказать о нем в этом очерке, поэтому придется сделать здесь, может быть, несколько пространное отступление.

В.М.Кохановского, инспектора политотдела Дальстроя, арестуют через день после отца – 25 мая 1938 года. Так же, как отец, он будет проходить по делу №17777 и получит те же че-

тыре пункта ст. 58 УК РСФСР – 2, 7, 8 и 11. И так же, как отец, он будет освобожден – только месяцем позднее, в ноябре 1939-го.

Ехать на Колыму сагитировал его отец. Впрочем, можно предположить, что особенно уговаривать дядю Васю не пришлось. Он только что пережил очередной и отчасти справедливый удар судьбы: будучи зам. начальника одной из шахт Метростроя, был исключен из партии за упущения по службе (но и восстановлен вскоре после жалобы в ЦКК).

Не имея ни должного образования, ни опыта работы (в одном из документов, приобщенных к делу, его образование будет представлено следующим образом: нисшее, коммунистическое высшее – академия марксизма), В.М.Кохановский отрекомендовался в Московском представительстве Дальстроя электриком, что дало ему возможность стать на Колыме, правда

на недолгое время, начальником электростанции. Не меньшей авантюрой было его пребывание там же, в Колымском речном управлении, в должности начальника пристани “Столбовая” – взяв на себя обязанности прораба строительства дамбы, он соорудил ее таким образом, что она была снесена первым же паводком.

Этот и другие факты бесхозяйственности и некомпетентности в справке на арест квалифицировались как проявление подпольной вредительской деятельности. А началась эта справка, состав-

Кохановский В.М. Фото из архивно-следственного дела

ленная такими асами магаданского Управления государственной безопасности, как Смертин и Боген, следующим мощным аккордом:

“Кохановский В.М. является скрытым троцкистом. Был близко связан с участниками антисоветской, повстанческо-вредительской организации на Колыме – Эпштейном и Булыгиным и со своим родственником активным троцкистом Бирюковым, которого знает как троцкиста, но не только не разоблачает, а прикрывает его антисоветско-вредительскую деятельность” – л.д. 1.

После КРУДСа, в котором они работали вместе, пути отца и дяди Васи разойдутся, и как уж тут В.М.Кохановский “покрывал” деятельность М.А.Бирюкова – даже всемогущему в то время Следствию доказать было трудно, отец в деле Кохановского упоминается редко, а В.М.Кохановский в деле отца вообще отсутствует.

И третья невеста Емельянова – Наталия Петровна, вышла замуж за партийца – самого большого, вероятно, книгочея в нашей семье, сотрудника Наркомвнешторга. Его не коснутся репрессии, офицером-артиллеристом он пройдет всю войну и закончит ее капитаном. От дяди Сережи, умершего в конце сороковых, мне останется целый чемодан бесценной политической литературы тридцатых годов, но вот беда – соседи по коммунальной квартире допекут маму упреками по поводу имущества, захламляющего общий коридор, и мама отнесет почти все эти книги на помойку, когда я уеду в Магадан, только несколько штук уцелеет, – и тридцать лет спустя думаю о той потере как о несчастье.

Может быть, и нет ничего удивительного, что и маминим избранником оказался еще один представитель нового мира, мой будущий отец. А то, почему они тогда поехали, почему буквально через день после того, как расписались в ЗАГСе, отправились в путь, объясняется совсем не конспиративными соображениями, а причинам самого обыденного свойства – молодоженам негде было жить.

Перед тем, как жениться на маме, отец оставил свою первую семью. У той семьи было две комнаты на трех человек – редкая по тем временам роскошь – в кв. № 26 дома № 29. Но жить рядом в одной квартире с прежней семьей новой, веро-

Мама и отец. На обороте фотографии маминей рукой написано: "Зырянка 6/VI-36 г. Первые дни весны на Колыме"

ятно, казалось невозможным, а привести молодого мужа в свою квартиру (ту самую, отвоеванную у братьев-разбойников) мама не могла – там и без того было тесно. Да и не согласился бы никогда отец делить кров с совершенно чуждыми ему по духу тестем и тещей. Оставалось уехать куда-нибудь. Отцу 1935-м году было 33 года, маме – 24.

И – ах! – что за удивительная, сказочная прямо-таки была эта поездка – специальным поездом "Москва – Владивосток", отошедшим от перрона Ярославского вокзала вечером 25 марта (дата осталась у мамы в памяти). Целый поезд одних дальстроевцев – и таких же новобранцев, как мои отец и дядя Вася (и пристроившийся к ним начальник ЖАКТа В.Никогосов – еще одна жертва отцовской агитации), и уже успевших отработать на Колыме первый срок договорников, возвращающихся к себе, в "тайгу", после долгого "материковского" отпуска...

Сказочная неделя под стук колес, целая неделя беззаботной праздности, легкая грусть по оставленному дому (это у мамы, наверное, было), неделя знакомств и быстро завязывающихся дружб (с Борисом Борисовичем Гомбергом и его женой Женей познакомились уже на пароходе, за картами), неделя праздничных ежедневных застолий в вагоне-ресторане (во Владивос-

токе выяснилось, что у многих щедро выданные подъемные уже подошли к концу, но тут же оказалось, что без всяких трудностей можно получить аванс под не менее щедрый будущий колымский заработок), неделя радостных предвкушений будущей жизни на сказочной, это знали все, Колыме.

Они, эти счастливые советские конквистадоры, сбросившие на время пути бремя прошлых забот и неудач и с каждым километром, с каждой прожитой в этом несущемся (мягком!) вагоне минутой приближающиеся к новому жизненному рубежу, не знали о том, что им предстоит испытать совсем скоро, через несколько лет.

Из протокола допроса обвиняемого Бирюкова М.А. 31 мая 1938 года:

"Вопрос. Работая в Колымском речном управлении Вы продолжали свою троцкистскую деятельность?"

Ответ. Продолжал, будучи настроенным враждебно по отношению к политике партии и правительства я способствовал развалу производственной деятельности Колымского речного управления.

Мои антисоветские действия стали настолько явными, что в начале 1937 года за антипартийный поступок и дискредитацию звания члена партии я вторично из партии был ис-

На обороте фотографии рукой отца: "Это "Мы" в натуральную величину в день открытия навигации на Колыме. Михаил. 30 мая 1936 г."

ключен и снят с работы в речном управлении. После этого я решил поскорее уехать с Колымы”.

Через полтора года, в октябре 1939-го, в долгом восьмичасовом допросе, уже лишенном, вероятно, прежнего “прессинга”, отец подробно и объективно расскажет о своей работе в КРУДСе до 1 июня 1937 года. Сначала – начальником механо-судового отдела в Зырянке. 20 декабря 1935 года он с этой должности был снят Начальником КРУДСа Сычевым – “за разоблачение его преступно-бесхозяйственной деятельности и антипартийного поведения, после поданного мною заявления на имя политчасти КРУДСа и в копии – нач. политчасти Дальстроя Репину”.

Дело было так. Отец был послан в Столбовую для проверки хода судоремонта. Вслед пошла радиограмма Сычева: принять затон и пристань от Кохановского. Бирюков это указание не выполнил и самовольно вернулся в Зырянку. Получил выговор от партийной организации, но продолжал отказываться от какой-либо руководящей работы в этом управлении. Был направлен в затон “Столбовая” инженером по судоремонту...

Новым начальником КРУДСа Б.И.Мовсесяном в мае 1936 года был восстановлен в прежней должности, но через месяц, после публичной критики нового начальника, под предлогом ликвидации отдела механосудовой службы был освобожден от должности и послан в затон Лабуя, где работал инженером по судоремонту.

В Лабуе проработал почти год, до мая 1937 года, и выехал в Магадан (“с семьей” – написано в протоколе, хотя нас с братом еще не было на свете) на партпроверку, не намереваясь больше возвращаться в КРУДС.

В ходе проверки и выяснилось, что отец еще в январе 1937 года, по настоянию Мовсесяна, был исключен из партии - за дискредитацию политчасти и руководства КРУДС (того же В.Никогосова, начальника политчасти этой организации, отец назвал в кругу делегатов конференции водников, собравшейся в Зырянке, “старшим дворником Мовсесяна” – с намеком на его московскую должность). Парткомиссия Дальстроя решение парторганизации КРУДСа об исключении отца из партии отменила, ограничившись тем, что поставила на вид “непартийное отношение к товарищу-коммунисту”.

Тогда же, в мае 1937 года, отец, завершив эти партийные дела, хотел вернуться на “материк” – колымская жизнь явно не складывалась. Но начальник Политуправления Дальстроя Булыгин и председатель парткомиссии Афонин не разрешили ему отъезд до обмена партдокументов, а 15 июля Булыгин выдал ему направление в Мортран – “для использования по специальности”, зав. производством завода № 2. Через месяц, 15 августа, начальник Мортрана Лапин предложил отцу принять завод у Куковерова, исполнявшего должность начальника завода по совместительству с основной работой в Мортране. Отец, как он показывает на допросе в октябре 1939 года, решительно отказывается от административной должности. Но партгруппа завода и партком Мортрана настаивали, и он принял завод – сначала временно. В октябре 1937 года (в сентябре родился мой старший брат Герман) снова просил об отпуске – положенный срок он уже давно отработал. Предложили подождать весны, что было, вероятно, резонно, так как начинался самый ответственный период работы – зимний судоремонт, а весной, в мае, отца арестовали.

В том, как складывалась жизнь отца на Колыме и в Магадане, узнаю родные, фамильные, можно сказать, черты: нетерпимость и ершистость (с обоими начальниками КРУДСа не сумел сработаться), проявление высокомерия (над Никогосовым несомненно потешался), нелюбовь к руководящим должностям, но чтобы вредительство?... Да и исходный пункт обвинения: активный троцкист искал на Колыме укрытия – не находит в поведении отца никакого подтверждения, скорее он сам лез, что называется, на рожон.

Следователь, однако, придерживался на этот счет другой точки зрения.

Из протокола допроса 31 мая 1938 года:

“Вопрос. Почему же Вы не уехали с Колымы?”

Ответ. Когда после моего увольнения из КРУДС приехал в Магадан, я встретил нач. политчасти “Дальстроя” - Булыгина, который мне заявил, что ему известна моя работа в КРУДС, но тем не менее он восстановит меня в партии. При мне Булыгин здесь же предложил быв. председателю парткомиссии Апину ускорить разбор моего дела и во чтобы то ни стало добиться оставления меня в рядах партии. В результате я был оставлен в партии, после чего меня Булыгин направил на работу в Морской транспорт “Дальстроя”.

Вопрос. Теперь Вы не отрицаете, что являетесь участником антисоветской организации на Колыме?”

И что отец? Возмущился? Кинулся на следователя Кричевского с кулаками или хотя бы крепко выразился – говорил, мол, я тебе, барану, что никакого отношения к такой организации не имею? Через полтора года в постановлении о прекращении уголовного дела сержант госбезопасности Федоров запишет: “Обвиняемый Бирюков на допросе его 31 мая 1938 года виновным в причастности к право-троцкистской организации себя признал, но впоследствии от своих показаний отказался, мотивируя тем, что данные им показания являются ложными и вынужденными в силу применения к нему мер физического воздействия со стороны следствия”. Так-то вот. Можно представить, что это были за меры воздействия. Где уж тут с кулаками на следователя...

Тогда, 31 мая, на вопрос об участии в антисоветской организации отец ответил:

“Отрицать это теперь невозможно. Я уже стал на путь признания и ничего от следствия скрывать не буду. От колебаний и шатаний в вопросах политики партии я скатился к контрреволюционному троцкизму. Борьба с партией и Советской властью привела меня к тому, что я стал активным участником антисоветской организации на Колыме.

Вопрос. Кем Вы были привлечены в антисоветскую организацию на Колыме?

Ответ. В антисоветскую организацию, как видно из моих показаний выше, я был завербован летом 1937 года – Булыгиным, который связал меня по работе организации с участниками организации быв. начальником Управления Мортрана – Лапиным и его заместителем – Душиновым. Лапин и Душинов мне дали указание не чинить никаких препятствий развернутому вредительству во всех областях работы завода и предприятий Мортрана.

Приняв завод № 2 от бывшего начальника завода Куковорова, в прошлом осужденного по одному делу с Лапиным и Душиновым, я действительно обнаружил развернутое вредительство на заводе. Планировка всех цехов завода сделана без учета технических процессов и перспектив дальнейшего роста завода. Строительство фундамента зданий цехов и особенно фундаментов подстаночного оборудования было явно вреди-

тельским. По указаниям организации Лапин и Душинов построили механический цех завода № 2 на негодной площадке, а так же поставили фундаменты для станков без свайных оснований, в результате чего в большинстве цехов появились проседания и трещины, что выводило и сейчас выводит из строя ряд станков (...)

Вопрос. Какую вредительскую работу проводили Вы лично?”

Отец показывает:

«ст. инженер Найденов из вредительских соображений завысил стоимость судоремонта в четыре раза, а он, нач. завода, его поощрял;

привлеченному им нач. электроцеха Глазенапу дал возможность вредительски смонтировать электропечь;

по его указанию нач. планово-производственного отдела Гладких задержал составление смет – и завод до сих пор работает без плановых цен;

по его указаниям нач. отдела труда, нормирования и заработной платы Ильинский составлял нормы с разбазариванием государственных средств – “в результате многие заключенные невыработавшие нормы и занимавшиеся саботажем на производстве числились работавшими по-стахановски, получали недопустимо высокое вознаграждение и усиленное питание”;

по заданию организации создал положение, при котором завод работает без планов, большинство цехов не загружено;

по заданию организации небрежно хранил дефицитные материалы: железо, трубы и химикаты;

завербовал в организацию Степанова С.А., главного диспетчера и парторга завода, близкого друга Душинова; Шапошникова С.И., бывшего главного инженера; Гладких А.Е., нач. планово-производственного отдела завода.

Вопрос. В чем выражалась Ваша повстанческая работа на Колыме?

Ответ. По заданию Лапина и Душинова я сосредоточил на подведомственном мне лагерном пункте Марчекан большое количество опасной контрреволюции из числа троцкистов, бывших белых, повстанцев, террористов и т.д., комплектуя из них отдельные бригады с тем, чтобы в случае вооруженного выступления использовать их, как готовые подразделения. Весь этот контрреволюционный элемент я по указанию организа-

ции поставил в лучшие бытовые условия и дал им возможность бесконвойного хождения.

Формируя повстанческие кадры Лапин, Душинов и я вели обработку их в повстанческом духе, призывая по первому зову Дирекции взять оружие в руки и выступить против врага. Большинство заключенных контрреволюционеров понимало, что речь идет о выступлении против Советской власти. Дальнейшая повстанческая работа в связи с приездом нового руководства “Дальстрой” организацией была прекращена, поэтому моя работа по формированию повстанческих отрядов организационного оформления получить еще не успела”.

А дальше – как водится в конце допроса:

“Протокол записан верно с моих слов, мною прочитан.

/подпись/

Допросил: и.о. начальника 6-го отд. УГБ УНКВД по “ДС” лейтенант госбезопасности Бронштейн

/подпись/

опер. уполномоченного (? - А.Б.) 6-го отд. УГБ УНКВД по “ДС” Кричевский

/подпись/»

– Ну и ладошки! – воскликнуло, вероятно, в этот момент Высокое Следствие (в лице указанных исполнителей) и, может, что-нибудь удовлетворенно-радостное себе под нос замурлыкало, тут же приготавливая на подпись обвиняемому следующую бумагу:

“31 мая 1938 года,
г. Магадан
ДВК

Сего числа мне объявлено, что следствие по моему делу закончено.

Ранее данные показания о моей контрреволюционной деятельности полностью подтверждаю в чем и расписываюсь”.

И подпись обвиняемого.

“Объявил... “ – упомянутый Кричевский.

Как говорится, куй железо, пока горячо. Сознался, подтвердил и расписался – лучше, кажется, не бывает. Осталось только обвинительное заключение составить. Что и было сделано, по всей вероятности, к 5 июня.

Почему – по всей вероятности? Потому что дата на этом важнейшем документе следствия отсутствует. Он был утвержден начальником УНКВД по “ДС” Сперанским и прокурором по Дальстрою Метелевым “...” июня 1938 года (5 июня указано как дата окончания дела на обложке). Более того, документ этот представлен в деле не первым экземпляром – без подписей Сперанского, Метелева, а также Бронштейна и Кричевского.

А где первый? Тут, в этой папке, обвинительное заключение называет только одного обвиняемого (хотя дело групповое, ст. 58-11 УК РСФСР об этом свидетельствует) – а первого экземпляра нет. Странно. “Не хватает листов казенных в строгих папках...” А те, что есть, – не те.

Странностей в оформлении этого дела немало. Выше я уже говорил об одной вопиющей нелепости – отсутствии протоколов допросов обвиняемого после ареста и после предъявления ему обвинения. А ведь такие допросы, по всей вероятности, были, равно как и еще какие-то следственные действия, протоколы которых первоначально в деле присутствовали, а потом, вероятно, были изъяты. Подтверждением тому является кое-где обнаруживаемая первая, позднее нарушенная нумерация листов. Цитированное заявление обвиняемого – “Сего числа мне объявлено, что следствие по моему делу закончено...” помещалось первоначально на л.д. 195, а позднее оказалось лишь на л.д. 89. Куда же исчезли 106 листов? Что они содержали?

Кроме упомянутых протоколов допросов обвиняемого в деле должны были быть, сообразно логике, протоколы очных ставок Бирюкова с Лапиным, Душиновым, Куковеровым, допросы тех лиц, на которых Бирюков показал как на соучастников по вредительской работе на заводе № 2.

В деле странным образом присутствует подтверждение того факта, что и такие допросы производились: в обвинительном заключении упоминаются показания начальника цеха завода Глазенапа, а в деле они отсутствуют.

Впрочем, что это я все о странностях, как будто какие-то непредсказуемые чудачки работали в той магаданской организации: сами не ведали вроде, что творили... Всё они, конечно, ведали. И говорить тут впору не о странности, а о той же неиз-

бежности. Сопротивлялись обвиняемые, несомненно, отчаянно – как не сопротивляться, когда тебя под расстрельную статью ведут?... Это сопротивление не могло не отразиться в протоколах, а потому эти протоколы, когда бабки подбивали, из дела изъяли – общая картина и так ясна, правда? и нечего в частности вдаваться.

И вот еще какое соображение. Подводил эти “бабки” не и.о. оперуполномоченного Кричевский, составлявший обвинительное заключение, и не и.о. нач. отдела Бронштейн, с которым оно было согласовано, – кто-то повыше. Иначе в обвинительном заключении Кричевский точно указал бы местонахождение каждого документа в деле, а коль скоро он и сам не знал, что в окончательном варианте останется, пришлось ему вместо цифры ставить отточие – л.д. ...

Где теперь эти изъятые листы? Можно предположить, что они были уничтожены еще тогда, пятьдесят лет назад. Однако уже имея некоторое представление о методах действия той страшной машины, о несокрушимой уверенности ее персонала в собственной непогрешимости и абсолютной целесообразности своей деятельности, а потому и неизбежности этого Высокого Следствия, допускаю, что НИЧЕГО НЕ УНИЧТОЖАЛОСЬ, вся продукция – даже самая страшная, сохранялась многие десятилетия – может быть, пригодится когда-нибудь.

А потому есть у меня надежда, что можно еще что-то отыскать из тех изъятых протоколов, что-то еще, может быть, лежит в делах соучастников, что-то в иных архивах, хранящих не менее трагические истории о судьбах персонала, обслуживавшего эту машину. Ведь сгинут скоро и Сперанский, и Бронштейн, и Кричевский, года не пройдет, как их не станет.

Много необъясненного пока, неисследованного имеется в самой судьбе многотомного дела № 17777. Трудились над ним, складывали его с осени 1937-го до весны, лета даже 1938 года, пошло оно, по частям, в Москву – а дальше что? Дальше наступила долгая, на много месяцев, пауза. Где, почему вдруг стала давать сбой хорошо отрегулированная машина, выдававшая такую, казалось бы, качественную и столь необходимую стране в тот момент продукцию?

Вы только послушайте, как звучала вступительная часть обвинительного заключения, которым было снабжено дело отца, да и не только его дело, конечно, – думаю, что этим вступлени-

ем были снабжены обвинительные акты и по другим делам, и писал его не малограмотный Кричевский, а радатель государственной безопасности более высокого полета. Почитайте-ка эту ликующую песнь.

Итак, Магадан, начало июня 1938 года.

“Управлением УНКВД по “Дальстрою” вскрыта и ликвидирована существовавшая на Колыме антисоветская, шпионская, повстанческая организация, созданная по заданию участников “право-троцкистского блока” – Ягоды, Рудзутака и иностранных разведок, возглавлявшаяся быв. директором “Дальстроя” японским шпионом – Берзиным, быв. начальником Управления Северо-восточных лагерей – Филипповым, быв. пом. директора по финансово-экономической части – Эпштейном, и имевшая организационные связи с антисоветской, шпионской организацией ДВК в лице Дерибаса, Лаврентьева, Крутова и др.

Организация состояла из троцкистов, правых, шпионов и находящихся в лагерях заключенных за контрреволюционную, троцкистскую, шпионскую, террористическую, повстанческую и вредительскую деятельность, а так же за бандитизм и воровство.

Организация имела среди заключенных широко разветвленную сеть во всех подразделениях Северо-Восточных лагерей, и особенно широко организацией было охвачено самое крупное Северное Горно-промышленное Управление, решающее план золотодобычи “Дальстроя”.

Готовя вооруженное бандитско-повстанческое выступление организация создала широкую сеть повстанческих групп в подразделениях военизированной охраны Управления лагерей, причем в этих антисоветских целях охрана формировалась большей своей частью заключенными, и во главе охраны был поставлен один из руководящих участников организации, бывший казачий офицер, ставленник Гая, террорист Кабисский.

Основная задача Колымской антисоветской организации – свержение Советской власти на Колыме и Дальневосточном крае при помощи Японии, восстановление капиталистических отношений и переход под протекторат Японии.

Методы борьбы организации: шпионаж в пользу иностранных государств, подготовка к совершению террористических актов против руководителей коммунистической партии и Со-

ветской власти и так же против партийно-комсомольского и профсоюзного актива, широкое вредительство во всей системе “Дальстроа”, особенно по линии золотодобычи, организация и совершение диверсионных актов, подготовка и осуществление бандитско-повстанческих выступлений”.

Сопоставив изложенное с показаниями того же Калныня, читатель легко убедится в идентичности всех этих разоблачений – следствие хранит верность первоначальной легенде, т. е. что хотели – то и получили. Разве что вот протекторат Японии придумали, надо было, видимо, на будущее государственную форму обозначить.

“В отношении проходящего по делу участника этой организации Бирюкова Михаила Антоновича, – читаем дальше в обвинительном заключении, – установлено, что он (...) – следует перечисление того, что знакомо по протоколу допроса, и как итог: – вследствие изложенного Бирюков М.А. подлежит суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР, с применением к нему закона от 1 декабря 1934 года”.

Напомню, что именно тогда, в день убийства Кирова, был введен в действие принятый ЦИК чрезвычайный порядок расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о контрреволюционной террористической деятельности.

На листе 92-м помещена справка: “Арестованный Бирюков М.И. (? – А. Б.) содержится в г. Магадане – ДВК в тюрьме УНКВД по “Дальстрою”.

Положительно не везет отцу – то его арестовывают как Бирюкова М.С., то оставляют на долгие месяцы в тюрьме под чужими инициалами – ну прямо какой-то поручик Кижее. Впрочем, в этой небрежной описке можно углядеть и подлинный, страшный смысл происходящего: следствию в конечном счете наплевать, кто там сидит – Бирюков или Бюриков (так в одном из протоколов), М.А., М.С. или М.И., за то или за другое мифическое злодеяние. Главное, чтобы сидел, а придет распоряжение...

А вот распоряжение как раз и заставило себя ждать. Из Москвы, видимо, ни слуху ни духу. Мама продолжает надоедать просьбами следователю Козичеву, тот ее иногда принимает, говорит, вероятно, какие-то глубокомысленные слова – мол, ждите, следствие идет. Проходит год – никаких известий. Разве что Козичев говорит теперь, что отцу десять лет как мини-

мум обеспечены, и советует маме не мешкая уезжать, благо есть попутчики (Евгений Андреевич Хорунжий, бывший з/к, доставленный еще с одним из первых этапов, собирался в отпуск с женой Шурочкой).

Непонятна роль в этом деле следователя Козичева. В деле его фамилия встречается лишь дважды – на ордере и протоколе обыска. Нет протокола ни одного проведенного им допроса (но значит ли это, что их не было?). Но мама получает сведения об отце именно от него, и он же проявляет хоть какое-то участие (я имею в виду совет уехать), хотя что ему, казалось бы, судьба какого-то обвиняемого и его семьи...

Эта фамилия встретится мне на страницах книги Е.Гинзбург “Крутой маршрут”. Лагерная судьба столкнула Евгению Семеновну с начальником лагпункта на Мылге, носившим ту же фамилию. И этот Козичев, пишет Е.Гинзбург, совершал непредсказуемые поступки: мог быть свирепым без меры, а мог и пожалеть заключенного, – не одно ли это лицо?

А месяцы шли, в течение которых ничего не случилось. Впрочем, было одно не слишком крупное событие, отразившееся в материалах дела: у отца пропали теплые вещи. По этому поводу он написал заявление начальнику 6-го отдела УНКВД:

“При моем переселении с деревянного корпуса 19 марта с/г во время обыска в коридоре остались мои личные вещи – как-то (...)

Все было вложено в наволку, и все вещи имеют пришивной знак №112 (Нагаевская прачечная). Об оставлении вещей мною было (заявлено. – А.Б.) в тот же день дежурному по коридору, затем по тюрьме. Вначале мне отвечали, что белье мое находится в дежурке, затем якобы их передали завхозу, и в конце концов Шухотинский (правильно Шуфатинский Е.И. – А.Б.) заявил, что он не знает, где вещи, и искать их не будет. Убедительно прошу Вас воздействовать на нач. внутр. тюрьмы НКВД Шухотинского, обязать его дать распоряжение в возвращении мне оставленных второпях вещей.

7 апреля”.

Такие вот мелкие, интимные подробности, изложенные подобающим случаю казенным языком. Впрочем, есть в этом заявлении и некоторые познавательные детали. Видно, что тюрьма в тот момент имела не один (каменный) корпус, а по

крайней мере два, в том числе один деревянный. На заявлении наискосок написаны две фамилии: “Петров” и “Курочкину”. Не тот ли это сержант госбезопасности Петров, к которому попало дело отца, вернувшись из Москвы?

Переселение отца из одного корпуса в другой, произведенное 19 марта, могло быть не случайным, т. к. именно в эти дни дело его сдвинулось, наконец, с мертвой точки – 11 марта оперуполномоченный 6 отд. УГБ НКВД А. Петров принял постановление о продлении срока ведения следствия. 20 марта оно было утверждено начальником УНКВД Сперанским. Следствие получило задачу “(...) документировать всю вредительскую деятельность путем создания экспертной комиссии и исследования архивных документов за 1937-38 г.г., на что потребуется не менее двух месяцев (...)” Дело было намечено закончить к 15 мая 1939 г. – л.д. 77.

Следов деятельности экспертной комиссии в деле отца нет, нет и оснований утверждать, что она вообще была создана. А допросы обвиняемого велись. Протокол одного из них – с прежним обвинительным уклоном – помечен 25 мая. И снова провал во времени – теперь на пять месяцев.

Вот тут в судьбе отца произошел второй решительный сдвиг (первый случился в Москве летом 1938 года, когда свеженькое, только что испеченное дело не было сходу рассмотрено – с заведомо известным решением – Военной коллегией Верховного суда, а будучи как следует помаринованным вернулось в Магадан). 27 октября на допросе, который длился (зафиксировано в протоколе) с 14.30 до 22.10, отцу было позволено (еще важнее, что сообщенные им факты были занесены в протокол) рассказать, как действительно складывалась его жизнь на Колыме и в Магадане – безо всяких фантазий о вымышленной организации и якобы осуществленных ею злодеяниях. Данные отцом в тот день показания я уже пересказывал.

Однако и допрос этот, и его протокол выполнены были, вероятно, только для формальности. Решение освободить отца тогда, по всей вероятности, уже было принято, и тем же числом, 27-м октября, помечено постановление следователя сержанта госбезопасности Федорова о прекращении дела. В тот же день оно было утверждено начальником УНКВД по строительству на Дальнем Севере Окуневым.

Если для отца, отказавшегося от ранее данных показаний (вернее было бы сказать, что ему позволили от них отказаться),

которые были получены “(...) в силу применения к нему мер физического воздействия со стороны следствия” (так в постановлении о прекращении дела, л.д. 93-94), если для отца этот ужас в тот день заканчивался (“... из под стражи немедленно освободить” – в том же постановлении. Это в одиннадцатом часу ночи, что ли?), то судьба его коллег по Мортрану в тот момент оставалась без изменений. О том, как она складывалась дальше, рассказано в очерке “Колымская трасса – Магадана душа?”

Отец был освобожден за отсутствием состава преступления, дело производством прекращено (окончательно он будет реабилитирован только через ... 57 лет – 10.12.96 г.). Тогда же он был восстановлен в партии. Приехав ненадолго в Москву осенью 1939-го, он вскоре вернулся на Колыму, работал зам. начальника УАТа (Управления автомобильного транспорта Дальстроя), находившегося в пос. Мякит, в 1940-43 – начальник транспортной конторы Янского ГПУ (пос. Усть-Нера).

Тогда же, в 39-м, мама и отец развелись, и следующие десять лет отец провел далеко от Москвы, которую, как мне казалось, он никогда особенно не любил, – сначала на Колыме, потом в Якутии, потом в Монголии (строил железную дорогу

На обороте фотографии рукой отца: “Управление Керченской паромной переправы. 41-я годовщина Октябрьской революции, г. Керчь. 7 ноября 1958 г.”. Он в фуражке и кожаном пальто

Наушки – Улан-Батор). В начале пятидесятых мои родители решили еще раз наладить совместную жизнь, отец стал работать в Техническом управлении Министерства речного флота, но терпения (и особого мужества) преодолевать тяготы коммунального быта хватило ему ненадолго, да и роль маленького чиновника в громадном аппарате его, привыкшего к свободной жизни вдаль от высокого начальства, вероятно, не устраивала. Отец снова уехал, на этот раз в Керчь (почему-то он, выросший на маловодной Украине, всегда мечтал о море, по сей день не знаю, каким образом он еще в 1919 году стал членом профсоюза моряков). Там, в Крыму, к нему и подкралась смертельная болезнь.

Когда врачи перестали скрывать правду, отец попросил послать телеграммы двум женщинам – своей младшей сестре Марии, доброй, заботливой тете Марусе, проработавшей всю жизнь фельдшером-акушеркой в Красном Лимане в железнодорожной больнице, и моей маме. Они и провожали его в последний путь.

На станцию Красный Лиман скорый поезд пришел с опозданием. Грузчики багажного отделения где-то задержались. Гроб с телом не успели выгрузить, а дежурный уже дал сигнал к отправлению. Состав тихонько дрогнул и пополз сначала еле заметно. Тетя Маруся, пожилая, грузная женщина в черном траурном платке, кинулась на середину перрона и закричала:

– Люди! Вы меня знаете? Остановите поезд, люди!

Тетю Марусю знали в этом поселке, наверное, все. Состав заскрипел тормозами. Мой скиталец-отец нашел-таки свое последнее успокоение в поселке, где прошли его детство и юность.

Он был из того многотысячного отряда людей, которые с юности, обрекая себя на лишения, строили новый мир, прекрасный и яростный, какого еще не было на земле. В борьбе, которая развернулась вокруг этого строительства, каждый из них едва ли не с равной вероятностью мог оказаться палачом или жертвой. И каждому из них это могло казаться неизбежным во имя собравшей их вместе великой цели. Они, рядовые этого отряда, ничего не добились в этой жизни для себя – ни имущества, ни славы, ни власти. Но умирая, отец мог думать, что они победили, что самое трудное для народа и страны уже позади, дело за немногим. Был конец шестидесятых. До коммунизма оставалось только две пятилетки.

Старый колымский след

В финале очерка “Свой среди своих” (“Новый мир”, 1996 г., № 8) Виталий Шенталинский, простившись со своим героем, сообщает и о том, как сложились в дальнейшем судьбы участников савинковской драмы. О супругах Деренталь, ближайших друзьях-сподвижниках Б.В.Савинкова, вместе с ним перешедших в августе 1924 года границу Советской России, он пишет:

“Александр Аркадьевичу Деренталю тоже не нашлось места в родной стране, как он ни старался приспособиться к новой жизни. После выхода из тюрьмы служил в Обществе культурных связей с границей, писал пьесы для клубной сцены, переводил тексты оперетт. Но в 1937 году был арестован, отправлен на Колыму и там через два года расстрелян (...)

Любови Ефимовне Деренталь суждена была долгая жизнь. Но эта жизнь была безнадежно исковеркана выпавшими на ее долю утратами”.

Не очень все это внятно и точно (ну как же, скажем, не нашлось А.А. места в родной стране? нашлось – и в прямом и переносном смысле: прожил он здесь еще почти 15 лет и не на таких уж жалких ролях, и последнее свое успокоение он нашел все-таки в родной земле, не в том, правда, месте, которое указывает В.Шенталинский...), и я думаю, что подробные исследования судеб этих людей еще последуют, а пока хотел бы поделиться теми не очень многими сведениями о них, которые стали мне известны во времена, когда фигура Савинкова еще не вызывала столь обильных публикаций, а о его близких, кроме немногих упоминаний в специальной исторической литературе да в нашумевшем романе Василия Ардаматского, ничего нельзя было найти.

Мой путь к этим людям начался совершенно случайно. Я готовил к печати воспоминания проживавшей тогда в Москве (началась наша работа осенью 1989 года) журналистки Марии Юльевны Вернер. Человек со сложной родословной (она родилась в словенском Вуковаре, в венгро-хорватской семье, ее девичья фамилия Диамант, имя – Грета) и еще более сложной судьбой (учеба на философском факультете в Венском университете, вступление в компартию, революционная работа в Белграде и Берлине, эмиграция во Францию, бегство в Швейцарию, приезд в СССР в качестве сотрудницы Профинтерна), она была

арестована в феврале 1937 года, осуждена как СОЭ (социально опасный элемент) Особым совещанием НКВД СССР на пять лет лишения свободы и оказалась в Магадане. Здесь, в декабре того же года, она была арестована повторно, прошла через не легкие испытания в “доме Васькова”, внутренней тюрьме УНКВД по Дальстрою, снова оказалась в лагере... В Москву М.Ю.Вернер вернулась только весной 1947 года.

В воспоминаниях профессиональной журналистки (она много лет сотрудничала в немецкоязычной европейской прессе) были названы десятки людей, с которыми ее сталкивала судьба на свободе и в лагере. Пользуясь расположением сотрудников архивных подразделений местных управлений КГБ (тогда еще!) и МВД, я попытался с помощью документов прокомментировать некоторые довольно таинственные обстоятельства в судьбе моей героини (а всякого рода “заморочек” в деятельности той репрессивной системы сохранилось и по сей день немало), рассказать более подробно о людях, встреченных ею в неволе.

Это были люди разных национальностей, в том числе и серб, знакомый Вернер еще по белградскому подполью, разного социального положения – кадровые партийцы и дворянка, дочь генерал-губернатора, заключенные, ее подельницы по второму, магаданскому делу и лагерные осведомители, штатные свидетели – такой вот получался срез колымского общества конца тридцатых годов.

Среди упомянутых М.Ю.Вернер людей была и Эмми Сторэ, француженка, жена бельгийца, автора либретто многих оперетт. Она якобы тоже была осуждена как СОЭ – по словам Вернер, их в бараке ЖенОЛПа Маглага было только четверо с такой “литерной” статьей. Может, потому и запомнилась. А еще, может, потому, что к своим товаркам обращалась с диковинными словами “мон пти” – моя милашка.

Фигура этой Сторэ показалась мне довольно экзотической, да еще муж бельгиец... Среди колымских заключенных – а национальности тут были представлены очень и очень многие – бельгийцы мне еще не встречались. Но, пожалуй, главным для меня в тот момент была профессия мужа Сторэ – либреттист: конечно, не драматург, не поэт, фигура, так сказать, не первого плана, но ведь литератор... Именно судьбы литераторов, оказавшихся в колымской неволе, интересовали меня тогда более

всего как председателя местной писательской Комиссии (довольно мифической, впрочем) по творчеству репрессированных литераторов.

Этот интерес отразился, в частности, и в совместной, с сотрудниками Магаданской областной библиотеки имени А.С. Пушкина, работе над главой “Творчество репрессированных литераторов” в рекомендательном указателе “Магадан”, изданном в 1990 году, к 50-летию нашего города. В той главе, а больше – в последующих отдельных публикациях были представлены несколько десятков литераторов – от весьма известных, таких, скажем, как поэт Владимир Нарбут или литературовед Д.П. Святополк-Мирский, до полузабытых ныне – назову в качестве примера имя одного из родоначальников белорусской советской поэзии Алеся Звонака, и вовсе забытых, как прозаик Валентин Прокопов или киносценарист Аркадий Добровольский. Эти судьбы являли и высокие образцы мужества – куда более трагические и героические, чем судьбы таких известных колымских сидельцев как Е.С. Гинзбург и В.Т. Шаламов, – стоит вспомнить в этом ряду совершенно неизвестного ныне уральского журналиста Бориса Александровича Грязных, но являли подчас – и куда чаще – примеры абсолютной подавленности и полной подчиненности ходу событий – до постоянного, длившегося десятилетиями секретного сотрудничества с менявшими свои вывески Органами; являли и примеры упомянутых выше “заморочек”, как, скажем, “троечное”, то есть проходившее по Третьему архиву Севвостлага, дело О.Э. Мандельштама, которое там оказаться никак не могло, коль скоро оно должно было храниться по месту смерти поэта, но все-таки там оказалось, и примеры еще более таинственные, никаким объяснениям пока не поддающиеся... Лет десять назад эта работа, начавшаяся с исследования лагерной судьбы магаданского поэта Валентина Португалова, увела меня от писательского стола к стеллажам с папками архивных дел и наградила счастьем таких находок, рядом с которыми прошлые писательские радости оказались не слаще детских пряников, впрочем и неисчислимые горести подлинных, невыдуманных людей сжимали сердце куда сильнее, чем любой литературный вымысел.

Ну так, значит, Сторэ Эмми, француженка, осуждена как СОЭ... Узнать бы что-нибудь о ней, а там, может быть, прояснится что-нибудь и с мужем-либреттистом. При этом я исхо-

дил из того, что иногда (хотя и не так часто) у заключенного Севвостлага тут же, на Колыме, оказывался и кто-то из близких (муж, сын), были мне известны и совершенно жуткие примеры, когда в расстрельных списках местного УНКВД рядом стояли фамилии мужа и жены, отца и сына, братьев... Вот и в магаданском деле Вернер у одной из ее поделщиц муж тоже оказался заключенным Севвостлага (да что там у поделщицы – муж самой Вернер, так будет записано в протоколе ее допроса, осужденный за КРТД – контрреволюционную троцкистскую деятельность – был в тот момент заключенным Севвостлага, правда, потом эти данные не найдут подтверждения). Но попробовать стоило.

Итак, Сторэ. Работники архивов не любят, когда к ним обращаются “не по форме”: кроме имени и фамилии требуется еще сообщить отчество, год и место рождения. Так им легче искать. Но тут фамилия была необычная, поэтому согласились без особых увещаний.

И нашли, хотя особой надежды у меня не было – ведь с той встречи Вернер с удивившей ее француженкой прошло более пятидесяти лет, могла Мария Юльевна и фамилию перепутать. Выяснилось, что была в Севвостлаге заключенная Сторэ Эмма Ефимовна (отчество тут, вроде, и ни к чему, но предположим, что усвитловские делопроизводители следовали своим традициям). 2-123528 (далее я объясню, что эти цифры означают). Осуждена 20.05.37 Особым совещанием НКВД СССР как СОЭ. Срок 5 лет. Освобождена 12.05.43.

123528 – это номер личного дела заключенного. По нему можно с достаточно большой долей точности определить время, когда он был присвоен, то есть время доставки этого заключенного на Колыму. А вот цифра впереди – индекс, означающий, что заключенный был освобожден. Такое дело подлежало, по прошествии определенного времени, уничтожению. Оно и было уничтожено – об этом свидетельствовала последняя запись в полученной мною справке.

Признаюсь, что я рассчитывал на большее. Но если бы – упаси, конечно, бог! – против этой француженки в то самое страшное для Колымы время было возбуждено новое уголовное преследование (было же такое возбуждено против Вернер, а всего в 1937-38 годах на рассмотрение Тройки УНКВД по Дальстрою было представлено более десяти тысяч дел) или –

еще более упаси, конечно! – заключенная по той или иной причине умерла, не дождавшись освобождения, я располагал бы куда большими сведениями о ней. Потому что должно было бы сохраниться или архивно-следственное дело (и такие, как правило, находятся), или личное дело заключенного (во втором случае и они почти все сохранились). А в каждом из этих дел была бы анкета арестованного, и в этой анкете был бы указан муж-либреттист (если он был, конечно, – вы еще не забыли, с чего начался мой поиск?), но...

Э.Е.Сторэ повезло – хотел было я написать, но подумал, что это слово будет тут неуместным. Не совсем точным, потому что одним везением ее освобождение не объяснишь. Система (обозначу этим словом совершенно определенную совокупность) явно не ставила перед собой задачу убить этого человека – оттого и статья одна из самых “мягких” (мягче только СВЭ – социально-вредный элемент), а могли бы француженке и ПШ, потенциальный шпионаж то есть, предъявить со всеми вытекающими последствиями, а потому и наказание по тем временам по литерной статье – почти минимальное, и условия содержания не самые жестокие – хоть и Колыма, но ЖенОЛП Маглага, а это все-таки не “Эльген”, не “Вакханка”, и труд не убийственный. И новое дело, как той же Вернер, в 1938 году не придумали – а что мешало? ничего, кажется.

Э.Е.Сторэ пробыла в заключении шесть лет вместо отмеренных Особым совещанием пяти. Пересидка не покажется очень большой, если вспомнить, что уже в первые дни после начала войны Генпрокурор и Нарком внутренних дел отдали совместный приказ, разрешавший начальникам лагерных систем задерживать освобождение заключенных, осужденных за к.-р. преступления – по соображениям их социальной опасности – до особого распоряжения. Считалось, что до конца войны, на самом деле к некоторым освобождение пришло лишь в 1947-м (а там – 48-49-й, и все по-новой!). Но СОЭ, строго говоря, и не каэровская статья, не чисто каэровская по крайней мере – этим, вероятно, и руководствовались, когда выпускали раньше времени. И Вернер, имевшая те же пять лет как СОЭ, освободилась тоже в 1943 году.

А дальше? Как могла сложиться жизнь освободившейся Э.Е.Сторэ дальше? Можно предположить, что “первый парокход” – я ставлю в кавычки эти слова потому, что они составля-

ли устойчивый образ в сознании тогдашнего колымчанина: “первым пароходом” означало сразу же, по счастливой случайности или суровой необходимости выбираться отсюда на “материк”, – первый пароход навигации 1943 года, а приходил он в Нагаево в конце апреля–начале мая, по всей вероятности, Сторэ не ждал. В те годы въезд и выезд на территорию Дальстроя строго контролировался погранотрядом и УРО УСВИТЛА, и можно смело предположить (хотя бы по аналогии с судьбой М.Ю. Вернер), что разрешение на выезд Э.Е.Сторэ в мае 1943 года не получила. Куда же она пошла и где искать следы ее пребывания в Магадане?

В архиве объединения “Северовостокзолото”, некогда принявшем значительный массив документов Дальстроя, отыскалась ее личная карточка, заполненная 25 мая 1943 года, то есть через две недели после освобождения моей героини.

Итак, снова: Сторэ Эмма Ефимовна, 1899 г.р., место рождения – Франция, Париж (замечательно – все подтверждается), национальность – русская (вот те на!), социальное происхождение – из служащих, беспартийная, принадлежность к ВЛКСМ – нет, невоеннообязанная, образование – «нисшее», специальность – переводчица по французскому и испанскому языкам (это с нисшим образованием?), стаж работы по специальности – 10 лет, семейное положение – замужняя (ага, уже что-то!), кто из родственников проживает, работает на территории Дальстроя – никто (боже мой, а где же я буду искать либреттиста?) ...

Но анонимный писарь, заполнявший карточку, крохотную надежду мне все-таки оставил – в строке, помещенной под самый обрез листа, запечатлел: «Диков-Деренталь Александр Аркадиевич муж в заключении где не знает».

Ну вот, хоть фамилия и имя-отчество либреттиста названы. А то, что Эмма Ефимовна не знает, где он находится, то есть находился в 1943 году, то это отчасти и хорошо, потому что может оказаться, что он был в Севвостлаге. Однако почему не знает? Переписка-то ведь между родственниками, что бы об этом иные публицисты ни выдумывали, в Севвостлаге – тем более между мужем и женой – не возбранялась. Да и бельгиец он какой-то странный – Диков (правда, Деренталь еще, но и имя-отчество русские). Да и она сама не француженка...

Читатель вправе сегодня сколько угодно смеяться надо мной, но фамилия Диков-Деренталь мне ни о чем не напомнила, а

потому так я и обозначил ее в своем запросе – все в тот же архив – как прочитал в карточке Э.Е.Сторэ.

– Дикгоф, – поправил меня этот скрупулезный источник, – Дикгоф-Деренталь Александр Аркадьевич, 1885 г.р., уроженец г. Томска (вот вам и бельгиец!), был осужден 20.05.37 (то есть в тот же день, что и Сторэ) Особым совещанием НКВД СССР как СОЭ на те же 5 лет лишения свободы и действительно находился в Севвостлаге до 14.10.38, затем убыл...

Вот это уже было что-то. И ладно – пусть не бельгиец, но либреттистом-то он все-таки был? Оказалось, что да. Либреттист Дикгоф-Деренталь А. дважды упомянут в самом полном издании, посвященном истории этого веселого жанра на отечественной сцене – книге М.О.Янковского “Советский театр оперетты” (1962 г.). В первом случае речь идет о его либретто оперетты “Эй, миледи!”, поставленной в 1930 году Ленинградским театром музыкальной комедии, во втором – об оперетте “Чарито” (авторы либретто Дикгоф-Деренталь и Ярон), поставленной в 1935 году в Москве. Позднее она была поставлена и в Свердловске.

Осторожный Ярон, тот самый, народный артист СССР и всенародный любимец, описывая постановку “Чарито”, называет, кажется, всех ее участников, но только не своего соавтора. Книга Г.М.Ярона “О любимом жанре” вышла в 1963 году.

Итак, полагал я тогда, нашелся еще один литератор с трагической судьбой, отбывавший наказание в Севвостлаге, автор либретто по крайней мере двух (в воспоминаниях М.Ю.Вернер – многих!) оперетт – видимо, достаточно удачных, раз шли они на сценах лучших театров страны, возможно, работавший и в других видах литературы (тут я полагал еще основательно поискать), но главная часть задачи, казалось мне, решена. Один мой хороший товарищ, магаданский историк, с которым я как-то поделился сведениями об этой находке, очень серьезно сказал мне:

– Поздравляю. А ты знаешь, кого ты зацепил?

– Знаю, – уверенно сказал я, – либреттиста. Может быть, еще что-нибудь писал...

– И только? – посмеялся надо мной товарищ. – А у тебя роман Ардаматского “Возмездие” есть? Возьми в библиотеке – не пожалеешь.

С фотовкладки романа на меня смотрел усталый человек лет 50-ти с затаенной тоской в глазах. Что-то было необычное

в его облике. Я сравнивал этот снимок с другими, помещенными на тех же страницах... Ах, вот что – распахнутый ворот зимнего пальто. И вся фигура – строго анфас. Видимо, правая часть тюремного двуптиха. Может, и этот снимок – тюремный, из дела заключенного. Но где оно? Видимо, в Москве, раз Дикгоф-Деренталь убил (то есть был этапирован из Севвостлага) в октябре 1938 года – вместе с ним отправилось и дело. Таков был порядок.

Дикгоф-Деренталь А.А. Фото из личного дела заключенного. 1937 г.

Но дело (и это еще одна, но какая счастливая для меня “заморочка”) оказалось в Магадане. И архивная машина, не без внутреннего сопротивления (а мне двуединый в этой своей функции аппарат УФСБ и УВД, хоть и состоит он из реальных, знакомых и вполне, а подчас и очень даже симпатичных людей, многие годы представляется машиной вроде нашей колымской золотодобывающей драги, и, дожидаясь ответа на очередной свой запрос, я, кажется, видел выплывающие один за другим из поблескивающего внизу котлована тяжелые, со страшными зубьями черпаки, в которых бултыхается мутная рыжая вода, под которой чуть проглядывает такая же рыжая порода – пески, как говорят горняки, слышу истошный вой черепковой цепи, лягг трущегося металла – может быть, потому, что именно так –

тяжело, натруженно, с чудовищно малой отдачей, но и неотвратимо все-таки – идет процесс изучения, освоения нашей страшной колымской истории), выдала его на поверхность из своих затаенных глубин. И снова взглянуло на меня, теперь уже с оригинала фотографии, то же самое усталое, скорбное лицо...

Александр Деренталь был арестован 26 декабря 1936 года и помещен в неназванную тюрьму о/н (видимо, особого назначения – Лефортово) – там у него 13 января были сняты отпечатки пальцев. В Бутырскую тюрьму он был переведен только через месяц. Помещен в 87-ю камеру. В деле имеется единственная расписка о вызове арестованного Деренталья на допрос – 19 апреля к пом. о/у сержанту Альтману. Других сведений о допросах в деле нет. Через месяц, 20 мая 1937 года, Особое совещание рассмотрело дело о Дикгоф-Дерентале Александре Аркадьевиче 1885 г.р., быв. чл. ПСР (партии социалистов-революционеров – факт, несомненно, отягчающий). На обороте выписки из протокола Особого совещания расписка осужденного в том, что настоящее постановление ему было объявлено 25 мая.

Долго ждать этапа Деренталю не пришлось – уже 30 июня он был во Владивостокском отделении Севвостлага (а обычно эшелон добирался от Москвы до Владивостока за месяц). Здесь на него была заполнена учетно-статистическая карточка. Приведу некоторые из сообщаемых в ней сведений.

Место рождения указано необыкновенно подробно: «г.Томск Зап.-Сиб. области, Магистратская улица, д. 37.

Образование высшее, Сорбонна.

Гражданство СССР, национальность – русский.

Специальность – драматург-журналист.

Стаж – 30 лет.

Какие языки знаете, кроме родного – французский, немецкий, испанский.

Социальное происхождение – из служащих.

Служба в армии – прочерк.

Семейное положение – женат, ж. Эме Ефимовна Сторэ в заключении.

Постоянное и последнее место жительства – Москва, I Мещанская ул. д. 43 кв. 11.

Работа до заключения - свободн. проф.».

В числе примет названо: рост выше среднего, телосложение худощавое, цвет волос – светлые, цвет глаз – карие, нос

прямой. Особые приметы: на правой лопатке большая родинка, на правой руке указательный палец не действует, изогнут (замечу, что по другим источникам палец у Дерентала был ампутирован после производственной травмы на заводе во Франции).

В Приморской транзитке Деренталь пробыл недели три, и уже 27 июля ступил на магаданскую землю (его доставила знаменитая “Джурма”, 4-й рейс) – обычно пароход Дальстроя совершал этот рейс за шесть-семь дней. В коротенькой форме УРО (уч.-распред. отдел УСВИТЛа) № 13, заполнявшейся по прибытии в Магадан и содержащей лишь главные сведения о заключенном, в графе “специальность” у Дерентала значится “драматург”. 31 июля он был доставлен на прииск “Партизан”.

Этот прииск, оставивший заметный след в колымской лагерной истории, был основан в середине тридцатых годов и входил в состав Северного горно-промышленного управления (СГПУ), дававшего в конце тридцатых около 80 процентов всей золотодобычи Дальстроя. Прииск располагался в долине реки Малый Ат-Юрях, более чем в пятистах километрах от Магадана.

Варлам Шаламов, бывший зэка этого прииска, писал о нем в рассказе “Как это началось”: “Прииск небольшой – всего две-три тысячи заключенных в 1937 г. Соседи “Партизана” – прииск “Штурмовой” и имени (до 1938 г. – А.Б.) Берзина (будущий Верхний Ат-Урях) были городами с населением двенадцать-четырнадцать тысяч человек заключенных. Разумеется, смертные вихри 1938 года существенно эти цифры изменили. Но все это было после. А сейчас – зачем “Партизану” охрана? В 1937 году на прииске “Партизан” был единственный бессменный дежурный боец, вооруженный наганом, легко наводивший порядок в смиренном царстве “троцкистов”. Блатари? Дежурный смотрел сквозь пальцы на милые проделки блатарей, на их грабительские экспедиции и гастроли – и дипломатически отсутствовал в особенно острых случаях. Все было тихо”.

Один из легендарных колымских заключенных Б.Ф.Дьяков – чего стоят только два его побега из лагеря! – автор сколь грандиозной (более пятисот страниц машинописного текста), столь и графоманской поэмы “Колыма”, оказавшийся на прииске “Партизан” в 1939 году, рассказывал уже о семнадцати тысячах находившихся здесь зэка. В своей поэме Борис Дьяков так описал знакомство с этим прииском:

Весь день в пути.
По горным склонам
Спускался полог темноты.
Уж позади остались зоны
Палатки, Атки и Хеты.
Мяжит и Стрелка с Оротуканом,
Скалистый, Ягодный, Таскан,
И наконец за перевалом
Огромный лагерь - “Партизан”.
Везде колючие ограды
Вокруг бараков, в три ряда.
Куда ни глянь - людское стадо
И фермы рабского труда...
Здесь власть на высшей фазе зверства.
Звериный век, звериный край.
Смиряться с диким изуверством,
Ложись, мой друг, и умирай
Иль принимай, под вздох печальный,
Кайло, лопату, острый лом.
А так же “зис” персональный
С одним чугунным колесом.*
И под штыками молчаливо
Отдайся тяжкому труду,
Для “блага родины счастливой”
Долби морозную руду...

В полном согласии с известной колымской легендой – я слышал ее еще в начале шестидесятых годов – Борис Дьяков описывает встречу с Осипом Мандельштамом. Под кличкой “Спиноза” он находится у автора поэмы в “мертвом доме” – штрафном изоляторе на том же прииске “Партизан”.

Был он худ, слегка сутулый,
Лоб высокий, умный взгляд.
Блик болезненный на скулах -
Доходной, как говорят.
Он шатался от побоев,
Полу-бос, полу-одет.
С дряблой кожей, тонким слоем
Начехленной на скелет...
Сколько ж сил нечеловечьих
Нужно в каторге иметь,

* Имеется в виду рабочая тачка. - А. Б.

Чтоб погибнуть от увечий,
А морально уцелеть?
Не убил топор Ежова,
Ни тюрьма, ни Колыма
Силу мысли, силу слова,
Силу логики ума.

Если сведения о пребывании О.Э.Мандельштама, повторно, относятся к разряду легендарных, то достоверно известно, что в 1937 году на прииске “Партизан” находился теперь уже забытый поэт Лев Бариль – по свидетельству С.И.Липкина, о его стихах с похвалой отзывался не кто иной как Мандельштам, еще на свободе, конечно. Л.П.Бариль был расстрелян в числе других троцкистов, находившихся на этом прииске.

Возьму смелость утверждать, что представленное выше шаламовское описание прииска “Партизан” в 1937 году не в полной мере соответствует тому, что здесь происходило в тот период. Действительность была куда суровее и драматичнее, а потому и в охране прииска был отнюдь не единственный “бес-сменный дежурный боец с наганом”, как пишет В.Т.Шаламов.

Другой бывший колымский заключенный М.Е.Выгон, оказавшийся на том же прииске в том же 1937 году, вспоминает о “Партизане”: “Прииск – небольшой, как бы состоящий из двух половинок. Первая – пять-шесть маленьких деревянных строений для вольных жителей. В одном – контора прииска. Тогда начальником здесь был Е.М.Рябов. Вольных рабочих насчитывалось человек десять и примерно столько же вохры...”*

Годом раньше, летом 1936-го, на Колыму был доставлен большой этап троцкистов. В составе этапа было немало подлинных и преданных сторонников одного из вождей революции, уже подтвердивших свою верность его идеям годами, проведенными в ссылках и политизоляторах. Этап на Колыму они расценивали как последний акт своей в общем-то безнадежной борьбы.

И тем более отчаянным было их сопротивление. Оно началось организованной и мощной “волынкой” еще во Владивостокском отделении Севвостлага, где троцкисты отказались подниматься на борт дальстроянского парохода “Кулу”. Оно продолжалось и на Колыме, куда они все-таки были доставлены.

* Цит. по книге: И.А.Паникаров. История поселков Центральной Колымы. Магадан, 1995, с. 141.

Оказавшись на разных лагпунктах, заключенные-троцкисты не растеряли организационных связей и выдвинули перед администрацией Дальстроя единые требования.

Первое: предоставление им статуса политических заключенных и соответствующего режима пребывания в лагере.

Второе: предоставление работы – посильной и по специальности, с соответствующей оплатой.

Третье: воссоединение семей – в составе этапа было немало семейных пар, некоторые заключенные везли с собой детей.

Средствами борьбы были отказы от работы, голодовки, обращения в центральные органы власти.

Опешившие было от такой напасти (а чего стоила одна только голодовка, которую объявили 200 заключенных того этапа, едва ступив на магаданскую землю), дальстроевое УНКВД начало планомерную работу по выявлению зачинщиков троцкистских акций и сбору компроматериалов на них. Процесс шел весьма успешно, тем более что сами заключенные-троцкисты или, по крайней мере, многие из них были, казалось, только тем и озабочены, чтобы этих материалов было как можно больше. Но другая часть заключенных-троцкистов была настроена менее решительно.

“Я не присоединился к голодовке потому, – вспоминал впоследствии М.Д.Байтальский, – что понимал: нас спровадили на Колыму не для того, чтобы создать нам условия нормального существования. Я понимал, что НКВД заинтересовано в организации экстремистских выступлений, всяких путчей. Я уже задолго усвоил истину политической борьбы: “Не делай того, что выгодно врагу”, т.е. в данном случае – Сталину–Ежову. Добровольно лезть в пасть чудовищу у меня не было никакого желания”.*

С весны 1937 года репрессивная машина Дальстроя стала перемалывать бунтарей-троцкистов – группу за группой. В августе, то есть в том месяце, когда на прииск был доставлен Деренталь, УНКВД по ДС предприняло решительные усилия, чтобы раздавить очаг сопротивления и здесь. К тому времени в “наблюдательном производстве” (именно так это дело-производство и называлось – “наблюдательное”), которое вело отделение НКВД по СГПУ, накопилось уже немало агентурных

* Минувшее: Исторический альманах, № 2, М.: Прогресс-Феникс, 1990, с. 347-348.

донесений, свидетельствующих о намерениях “твердых ленинцев” продолжать борьбу со сталинским режимом и в условиях лагерной Колымы.

О части этой борьбы – а первые троцкисты появились на прииске “Партизан” еще в июле 1936 года – расскажет допрошенный в процессе следствия пом. начальника подлагпункта В.В.Мериков, в прошлом – секретарь райкома партии, осужденный в 1933 году по постановлению от 7 августа 1932 года (хищение государственного и общественного имущества) на 10 лет лишения свободы и досрочно освобожденный уже в 1936 году. Привожу эти показания без какой-либо стилистической правки.

“С момента прибытия меня на п/лп “Партизан” т.е. с декабря 1936 года я принял лагпункт с числом голодающих в 22 человека т.е. Ермилов, Штеренберг, Штерензон, Семенов, Стауэр, Глозштейн, Балшич, Горинштейн и др. которые на 3-ий день сняли голодовку и после поправочного режима на мое предложение выйти на работу, на что получили ответ что работать не пойдем т.к. мы еще не оправились после голодовки. На созданную медицинскую врачебную комиссию по определению их состояния здоровья явится на комиссию все категорически отказались заявив эта комиссия нам не авторитетна. После этого они были как отказчики и нарушители лаг. дисциплины в числе 16 человек были водворены в РУР (рота усиленного режима, вид карцера. – А.Б.) на 10 суток где снова объявили голодовку. Оставшиеся Стауэр, Семенов, Бальшич, Подоляцкий, Радзивилов, Горинштейн объявили в знак солидарности и протеста против водворения их товарищей в РУР объявили в бараке голодовку. После ряда дней голодовки было приступлено к искусственному кормлению. Накормив з/к з/к быв. в РУРе с небольшим устроенным ими дебошем хотели приступить к кормлению з/к з/к находившихся в бараке. Придя в барак голодающих на предложение собраться с вещами на что ответили:

“Мы никуда не пойдем вы нас отсюда живыми не возьмете”.

После этих слов указанная группа голодающих вооружившись чем попало с криком “УРА” бросилась на пришедшую лаг. администрацию их кормить. Этой группе помогали их единомышленники не объявившие голодовку. Вследствие чего пришлось вызвать стрелков ВОХР и переводить по отдельности в РУР.

Вся эта указанная мной группа с самого начала вела борьбу с лагерным режимом призывала бытовиков к отказам от работ как-то з/к Ярмусевич и др. ходили с целью агитации в бригаду Никифорова и Кудинова. И агитировали осужденных по бытовым статьям отказаться от работы. Кроме этого ими была организована голодовка в марте м-це 1937 года в количестве 22 чел. куда входил и з/к Жантiev как организатор голодовки, а так же была голодовка в феврале месяце. Поводом к голодовке были исключительно выставлены незаконные требования.

Во время кормления при их голодовке последние наносили всякие оскорбления присутствующим и даже руководителям партии и правительства, а также кричали Подоляцкий и др:

“На Колыме сталинское золото залито миллионом человеческих жертв и кровью комунаров”.

“Жил русский народ 1000 лет и не знал что весело живет а пришел один человек посадил миллионы в лагерь и доказал что “весело живется”.

“Издавайтесь гады, придет время и пройдем по вашим трунам”.

Помимо вышеуказанных администрация прииска и РО НКВД применяли и более изощренные методы обуздания неспокойного контингента. В их арсенале было и создание на прииске из заключенных производственной артели имени газеты “Верный путь”.*

Можно предположить, что членам артели гарантировались какие-то льготы – в духе “колонизации”, т.е. перевода заключенных на положение колонистов, распространенной в первый, “берзинский” период существования Дальстроя.

Председателем артели в 1937 году был заключенный, активный участник гражданской войны (есть его персоналия в энциклопедии “Гражданская война и военная интервенция в СССР”, М., 1987 г.) Е.А.Эшба, член РСДРП с 1914 года, бывший член ВЦИК и ЦИК. Он был исключен из партии еще в 1927 году за принадлежность к троцкистской оппозиции, но, после признания им своих ошибок восстановлен в 1928-м. На

*Газета “Верный путь” выходила более четырех лет - с января 1933 года по май 1937 года. Сохранились лишь отдельные номера. По данным ГАМО, с 28.10.35 газетой по совместительству руководил редактор «Советской Колымы» Р. А. Апин, 7.12.35 его сменил А. Ф. Лаврентьев. См.: А. Козлов. Первая газета Севвостлага. Магаданская правда. 4.02.03.

Колыму Е.А. Эшбу привело постановление Особого совещания НКВД СССР, принятое в июне 1936 года, – КРТД, 5 лет л/с. На организационном собрании в артель записалось около пятидесяти человек. Несдавшиеся троцкисты говорили об артели, что “это лишний кнут, созданный для угнетения”.

В деле троцкистов, возникшем на приiske “Партизан” в августе 1936 года, Эшба выступал как свидетель. Он будет этапирован в декабре того же года в Москву – по распоряжению зам. наркома внутренних дел. Упомянутая энциклопедия и “Большой энциклопедический словарь” (М., 1991) сообщают о его смерти в 1939 году, но ни то, ни другое издание не называют причины смерти. БЭС сообщает о его посмертной реабилитации. Второй из названных мною свидетелей, В.В. Мериков, будет расстрелян уже через полгода, в марте 1938-го, по постановлению Тройки УНКВД по ДС – его обвиняли в принадлежности к контрреволюционной повстанческой организации, которую якобы возглавлял первый директор Дальстроя Э.П. Берзин.

По “августовскому делу” – а оно на приiske “Партизан” было не первым и не последним – проходило 14 обвиняемых в возрасте от 25 до 45-ти лет. Одиннадцать из них – бывшие члены партии, в том числе и с весьма солидным стажем: с 1908, 1914, 1917... один бывший кандидат в члены ВКП(б), один бывший комсомолец и один беспартийный.

По национальному признаку – довольно представительный интернационал: пять евреев, четверо русских, белорус, латыш, осетин, поляк и даже черногорец (Балшич-Бычков Стефан Милонович, 1894 г.р., уроженец Лозницы, Югославия, из рабочих, образование высшее, педагог, беспартийный, в прошлом анархист, в Красной армии с 1917 года, пом. командира интернациональной дивизии, в лагере – сторож огорода).

Из 14-ти обвиняемых только у одного было “нисшее” образование, у пятерых – среднее и средне-техническое, у восьмерых – высшее, у троих – высшее экономическое.

(В числе последних Горенштейн – эта фамилия, записанная с ошибкой, уже упоминалась в протоколе допроса – Горенштейн Наум Исаевич, 1902 г.р., уроженец Бердичева, из мещан, в 1919-20 г.г. секретарь уездного комитета РКСМ, в 1921-23 г.г. пропагандист, бывш. член ВКП(б) с 1928 г., плановик-экономист, в 1934-35 г.г. зав. редакцией журнала “Большевик Укра-

ины”, профессор, на приiske работал на кирпичном заводе.

В копии учетно-статистической карточки, имеющейся в деле, есть сведения и о семье арестованного профессора, оставшейся в Киеве: жена Эльна Абрамовна Прилуцкая 34-х лет и сын Фридрих 4-х лет. Фридрих Горенштейн, тридцать лет назад дебютировавший в журнале “Юность” повестью “Дом с башенкой”, весьма известный писатель, жил в Германии).

Двенадцать из четырнадцати обвиняемых прибыли на Колыму с одинаковыми “путевками”, выданными каждому из них Особым совещанием в 1936 году – за КРТД, 5 лет заключения в ИТЛ (Подляцкому Л.И. десятилетний срок был назначен в 1934 году Военным трибуналом войск НКВД ВСК за антисоветскую агитацию, а уже упомянутый Балшич-Бычков С.М. был осужден в 1934 году Тройкой коллегии ОГПУ УССР за шпионскую деятельность).

У шестерых “судимость” (условно говоря, так как с нынешней точки зрения рассмотрение дела внесудебным органом не может считаться таковой) 1935 и 1936 годов не была первой. По их количеству первенствовал Жантиев У.И., которого и следствие поставило первым в списке обвиняемых по делу.

Жантиев Узурби Иналдыкович, 1900 г.р., уроженец Северного Кавказа, осетин, образование высшее, член ВКП(б) с 1918 по 1928 год, председатель областного суда в Северной Осетии. В 1928 году Особым совещанием при коллегии ОГПУ за участие в к-р деятельности осужден на 3 года ссылки в Казахстан. В 1930 году тем же органом осужден за к-р деятельность на 3 года заключения в политизоляторе. В 1934 году еще раз осужден тем же органом на высылке в Среднюю Азию на три года. И, наконец, постановление Особого совещания НКВД СССР 1936 года: за КРТД 5 лет заключения в ИТЛ. На приiske “Партизан” был направлен на общие работы, то есть в забой.

На каждого из обвиняемых была составлена справка об антисоветской к-р подрывной деятельности за время нахождения в Севвостлаге, которая констатировала участие в к-р группе, занимавшейся организацией массовых отказов от работы и групповых голодовок. 6 сентября 1937 года дело было рассмотрено Тройкой УНКВД по ДС. Тройка постановила всех обвиняемых по этому делу расстрелять. 1, 6 и 8 октября эти постановления были приведены в исполнение. Под актами о расстрелах первой стоит подпись начальника 4-го, секретно-полити-

ческого, отдела УНКВД по ДС Мосевича. У нас еще будет повод вспомнить об этом человеке.

То, что у Шаламова в рассказе “Как это началось” представлено через “вдруг” – вдруг увезли куда-то бригаду отказчиков от работы, состоявшую из троцкистов и до того пребывавшую в завидной праздности вполне официально и на гарантированной пайке в 600 граммов хлеба плюс приварок, – было на самом деле финалом упорной, хотя и заведомо обреченной борьбы. Борьбы, которую В. Шаламов, последовательно строя свою модель лагерной Колымы, не принимает в расчет, словно не видит. “Аресты тридцатых годов, – напишет он в рассказе “Последний бой майора Пугачева”, – были арестами людей случайных (...) У профессоров, партработников, военных, инженеров, крестьян, рабочих, наполнивших тюрьмы того времени до предела, не было за душой ничего положительного, кроме, может быть, личной порядочности, наивности, что ли, – словом, таких качеств, которые скорее облегчали, чем затрудняли карающую работу тогдашнего “правосудия”. Отсутствие единой объединяющей идеи ослабляло моральную стойкость арестантов чрезвычайно. Они не были ни врагами власти, ни государственными преступниками, и, умирая, они так и не поняли, почему им надо умирать”.

Перипетии следственного дела № 98 четырнадцати заключенных прииска “Партизан” убеждают в полной несправедливости этих слов: эти заключенные знали, кто их враг и почему они умрут, и стойкость в борьбе они проявили немалую...

В. Т. Шаламов к этой борьбе не примкнул, хотя должен был – или мог, по крайней мере, – считать, что был единомышленником обвиняемых. Был им в 1929 году – его арестовала засада, организованная в подпольной типографии оппозиционеров. И тогда, на коротком следствии 29-го года, и оказавшись в лагере на Вишере, он не только не отрицал – отстаивал свою принадлежность к троцкистам. Да и вторая судимость Шаламова была, как известно, связана именно с этой его принадлежностью. Но в колымском лагере Шаламова уже, видимо, ничего не связывало с этими людьми. Может быть, именно у него и не было за душой “ничего положительного”?

Но вернемся к Деренталю. Статус СОЭ, то есть осужденного по легкой литерной статье, плюс, видимо, травма руки и возраст - заключенному было уже за пятьдесят, а выглядел он и

того старше – обеспечили ему в лагере не самую тяжелую должность табельщика.

“К выполнению порученной работы относится аккуратно” – производственная характеристика в августе-сентябре 1937 года. В графе “отзывы и заключения” “административный отзыв” начальника лагподразделения Матвеева: “Поведение в быту хорошее. Общителен и чисто плотен. Адм. взысканий не имеет”.

“Отношение к труду хорошее отказов и не выходов не имеет работает без оговорок” – характеризует табельщика Деренталю начальник участка № 1 прииска “Партизан” в четвертом квартале 1937 года.

Еще в начале сентября пом. нач. УРО УСВИТЛа Тарский направил нач. 4-го отделения УНКВД Мосевичу под грифом “секретно” письмо следующего содержания:

“При этом препровождается на Ваше распоряжение заявление з/к Дикгоф-Деренталь Александра Аркадьевича, л.д. 122138, осужд. О.С. НКВД СССР как СОЭ сроком на 5 лет (быв. эс-эр) ходатайствующего о выдаче ему разрешения на совместное проживание с з/к Строте Эммой Ефимовной л.д. 123528 осужденной О.С. НКВД СССР как СОЭ сроком на 5 лет”.

“Строте” здесь не более чем описка – речь идет о Сторэ, что подтверждается и известным из другого источника номером личного дела этой заключенной.

Из-за близости номеров личных дел Деренталю и Сторэ можно предположить, что они следовали из Москвы одним этапом, в одно время оказались на Владивостокской пересылке. Видимо, за сведениями о местонахождении своей жены Деренталь обратился в УРО УСВИТЛа сразу же, как только оказался на прииске, и к концу августа уже знал точно, где она находится. На “Партизане” Деренталь был не единственным, кто обращался с такой просьбой – напомним, что о воссоединении семей заявляли требования и некоторые троцкисты, а в ситуации с троцкистами Мосевич был докой.

На ходатайство Деренталю о совместном проживании в лагере с женой Мосевич тогда, в сентябре 1937 года, никак не откликнулся. Оно было оставлено, видимо, без удовлетворения – иначе встреча Вернер и Сторэ в Магадане просто не состоялась бы.

Первые месяцы расстрельного для Колымы 1938 года не

внесли в судьбу Деренталья каких-либо изменений. Он по-прежнему находится на прииске “Партизан”, на том же участке № 1, в той же должности табельщика. В “Карте зачета рабочих дней” за первый квартал 1938 года сохранилась пространная запись начальника участка: “Отношение к труду хорошее. Добросовестно относится к порученному делу. Аккуратно выполняет все распоряжения производств. администрации, табель содержит в аккуратном виде”.

Но не менее пространная запись в графе “отзывы и заключения” тщательно соскоблена. И поверх уничтоженного текста записано: “Не ударник. К КВР не допущен”. Не ударник, то есть в число лучших производственников не входил – понятно. К культурно-воспитательной работе, то есть ко всяким придурочно-блатным должностям, не допущен – тоже понятно: был приказ ГУЛАГа, запрещающий использовать на этих должностях заключенных-казров (хотя СОЭ, повторю, и не совсем казровская статья, ну да ведь и время наступило особенно жесткое). Но отзыв-то уничтожили почему?

И в “Карте зачета рабочих дней” за следующий, второй, квартал та же картина – ранее сделанная запись в графе “отзывы и заключения” соскоблена и на ее месте все то же: “К КВР не допущен”.

Объяснение нашлось в скромненькой, крохотной бумажонке – учетной форме УРО УСВИТЛа № 2: оказывается, 22 июня 1938 года заключенный Деренталь был переведен с прииска “Партизан” на спецкомандировку “Серпантинная”, то есть попал в смертельные захваты дальстроя УНКВД: на “Серпантинку” помещались или подследственные, или уже осужденные, здесь же производились расстрелы многих из них.

Деренталь принадлежал к числу подследственных, и администрация прииска “Партизан”, когда ей стало известно, куда именно этапирован ее аккуратный табельщик (а известно это стало, видимо, не сразу, потому что за второй квартал он протабелирован на прииске полностью, за все 91 день), посчитала, что будет выглядеть весьма нелепо с положительными характеристиками подследственного, а потому и постаралась, задним числом, избавиться от них – оттого и скоблили “Карты зачетов”.

14 октября 1938 года, почти через четыре месяца, – можно представить, что за это время пережил подследственный, – Деренталь был этапирован пароходом “Н.Ежов” (а ведь все еще

ходил, хотя судьба наркома была уже предрешена, через месяц его место займет Берия, а пароход получит имя “Феликс Дзержинский”) в распоряжение ГУЛАГ НКВД СССР. Еще один документ (форма УРО № 8) объяснит причину этапирования: “Проходит по след. делу № 00233 УНКВД ДС. Обвиняемый вместе с делом направлен в НКВД СССР 14.10.38”.

(Номер следственного дела – очень важная “заморочка” деятельности репрессивных органов тех лет. Разобраться в нумерации следственных дел УНКВД по ДС в 1937-38 годах крайне сложно. Существовало как бы несколько таких нумераций, и непонятно, чем каждая из них была вызвана. Отчего, скажем, первый номер в следственной практике перестроенного осенью 1937 года УНКВД принадлежит очень скромному делу одной из заключенных ЖенОЛПа Маглага, а главное колымское дело, дело-монстр, в которое были вовлечены десятки руководителей управлений и предприятий Дальстроя, вольнонаемные и заключенные многих приисков, получило громоздкий номер 17777 и под таким видом существовало, то есть непрерывно росло, до весны 1938 года, хотя отдельные его фрагменты возникли еще осенью 1937 года? Существовали номера с дробью, трех- и четырехзначные, возникавшие в одно и то же время. При этом я не говорю о номерах, присваивавшихся позже, при очередной перерегистрации – о самых первых, родных, что ли...)

А вот такой номер дела, как у Деренталья, – с двумя нулями впереди, мне кажется, встретился впервые. А нет ли тут аналогии с приказами? Известно, что секретные приказы Наркомата внутренних дел, местного Управления, да и самого директора Дальстроя Берзина, который был по совместительству и Уполномоченным НКВД СССР, индексировались таким же образом – двумя нулями. Не означает ли номер следственного дела Деренталья то, что оно было особо – потому что даже самое обычное следственное дело документ секретный – особо секретным? И тогда какие же особые секреты мог сообщить находившийся на Колыме бывший эсер?

Обращает на себя внимание и цифровое значение номера. Если у Деренталья дело № 00233, то, значит, было еще 232 особо секретных дела, которые вело УНКВД по ДС – в отношении кого? что это за дела? И сколько этих дел было всего, если дело Деренталья было не последним? Ответов на эти вопросы у меня пока нет).

Та же справка, составленная по форме № 8, сообщает: “Осужден. Результатов по делу нет”. Под этой записью дата – 9 февраля 1944 года.

И, наконец, последняя запись, теперь уже без даты: “Судим 2.03.39 Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН. Приговор исполнен 2.03.39”.

В учетной карточке ИЦ УВД Магаданской области указана и квалификация деяний Деренталья Военной коллегией в 1939 году – контрреволюционная деятельность (КРД), что весьма сомнительно, так как эта судебная инстанция пользовалась не литерными обозначениями, а статьями УК. Очевидно лишь, что после февраля 1944 года у местного УНКВД (или уже УВД?) была еще какая-то информация о судьбе Деренталья, в его личное дело заключенного не попавшая.

А теперь мне осталось только досказать колымскую судьбу жены, то есть уже вдовы А.А.Деренталья Э.Е.Сторэ. Но сначала все-таки о таком немаловажном обстоятельстве: была ли она той самой Любовью Ефимовной Деренталь (как в романе В.Ардаматского, в дневниках Б.Савинкова, в очерке В.Шенталинского), в девичестве Броуд (а может, все-таки Брауде?), или Сторэ и Деренталь – это разные лица? У меня нет данных для стопроцентной идентификации, но я думаю, что да, Сторэ и Деренталь – это одна и та же женщина. Почему я так думаю? Прежде всего потому, что, наверно, женщина, названная в указанной литературе как Любовь Ефимовна Деренталь, вообще никогда не существовала. Потому что “Деренталь” – не более чем литературный псевдоним А.А.Дикгофа, и, заключая брак, Александр Аркадьевич должен был, вероятно, передать супруге свою настоящую фамилию (или она могла сохранить девичью?), при этом многие, даже близкие люди, могли не знать, что супруга Деренталья носит другую фамилию, или, даже зная, употреблять, говоря о ней, фамилию-псевдоним ее мужа – в обиходе такое возможно.

По поводу имени, вернее – отличия этих двух имен, мои соображения не носят столь вероятностный характер, но... могло ведь быть и так, что родители нарекли девочку одним именем – скажем, Эммой, а ей со временем оно перестало нравиться, и она решила именоваться Любовью, хотя по документам продолжала оставаться все той же Эммой (может, ее отец, проигравшийся в Монте-Карло одесский маклер, как человек

не чуждый литературе – писал ведь он из Парижа корреспонденции в “Русское Слово” – назвал свою дочь в честь героини знаменитого романа Флобера? а русское имя Любовь в еврейской семье – откуда?). Или новое имя связано с выступлением девушки в испанском ансамбле, может, и она выступала под псевдонимом Любовь (хотя была Эммой) Сторэ (хотя еще носила фамилию Брауде)?

Л. Е. Деренталь

Есть и другое – пожалуй, еще более фантастическое предположение: новые имя и фамилию возлюбленной Савинкова придумали люди Лубянки, выпуская ее на волю в 1925 году, чтобы сохранить ее инкогнито, ведь ее никто не знал в Москве, она никогда не была в ней раньше. Сохранить – для чего? Тут уж я просто не решаюсь пускаться в догадки. Но ведь сохранили, в конце концов.

Допустим, что Л.Е.Деренталь таким вот образом законспирировали, тогда супруга все тем же Деренталем почему оставили? Может быть, не сочли такую конспирацию возможной – журналист, писатель, да еще и активный эсер, был в России в 1924 году личностью все еще известной. А может быть, не было у тогдашней Лубянки на Деренталья каких-то видов – в конце концов, во многих кровавых авантюрах Савинкова он принимал посильное участие, об этом на Лубянке, надо думать, не забыли, так что отпустили как есть, в родной одежке – гуляй пока, потом разберемся... Потом разобрались.

Боюсь, что все эти мои предположения – хотя бы по причине их многочисленности – читатель начнет толковать отнюдь не в пользу тождества двух фигурирующих в этой истории лиц – Сторэ и Деренталь. Повторю, что я и сам не уверен на сто процентов в их идентичности.

Но... совпадает год рождения. В. Ардаматский пишет в романе, что в 1917 году Деренталь собрался ехать в Москву с молодой семнадцатилетней женой – Э.Е.Сторэ, по документам 1899 года рождения, то есть в 17-м ей было восемнадцать лет. Совпадает место рождения – Париж. Совпадает, более или менее, национальность: все выходцы из России, как и ее отец, русские – во всяком случае, не француженка. Совпадает отчество. Совпадает знание иностранных языков. В документах Сторэ Деренталь назван ее мужем, в документах Деренталья Сторэ – его женой (в документах обоих – один и тот же домашний адрес в Москве), и никаких упоминаний о том, что супруги Деренталь расходились.

Но представим, что развелись, а потом, выходит, А.А.Деренталь нашел себе – в Москве, естественно, коль скоро за границу его после 1924 года не выпускали, новую жену – того же года рождения, тоже родившуюся в Париже, тоже дочь выходцев из России, с тем же отчеством – на такую махровую выдумку автор даже самого авантюрного романа, я думаю, не пойдет. Потому что столь многочисленных совпадений просто не может быть.

Наконец, В.Ардаматский (и В.Шенталинский, с его слов) пишут, что Л.Е.Деренталь прожила долгую, исковерканную многочисленными утратами жизнь... К ее колымскому – и немалому – отрезку я и перехожу.

Мы расстались с Эммой Ефимовной в тот момент, когда она, освободившись из ЖенОЛПа Маглага, заполнила карточку в отделе кадров Дальстроя. Это было 25 мая 1943 года. На другой день она была направлена Сануправлением ДС домработницей к гр. Стаховой, проживавшей по адресу: Магадан, ул. Коммуны, д. 22, кв. 7. Здесь она проработала до января следующего года, а затем значилась в том же Сануправлении – вероятно, в яслях или в детском саду – няней. Здесь Эмма Ефимовна проработала полных три года – до 8 января 1947 года, и была уволена по п. “в” КЗоТа. Увольнение выглядит не очень логичным: п. “в” предусматривал его “в случае обнаружившейся непригодности работника к работе” – подобное вполне возможно, но ведь не через три же года? А до этого, выходит, работник был пригоден?

Дело, может быть, было в другом. Именно в это время Э.Е. могла узнать о возможности покинуть Колыму и отказалась

продлить (а он заключался на три года) договор с Дальстроем. В отместку администрация (предполагать здесь участие каких-то более грозных сил, наверное, нет оснований) решила таким вот образом покончить с несговорчивым работником – а мы тебе вот такую статью запишем, с волчьим билетом от нас уйдешь.

Случай, может быть, вполне заурядный, свидетельствующий скорее о том, что работником дорожили и вовсе не старались от него избавиться. В такой ситуации Э.Е. могла бы оспорить решение администрации – через местный комитет, через суд, но на это ушло бы немало времени.

“– Да бог с вами, – подумала, может быть, Э.Е., – оставайтесь вы тут все!..”

Она ехала домой. Или к кому-то из знакомых? По тогдашнему правилу, сообщила в отдел кадров адрес: Московская область, ст. Баковка Западной ж. д., Городок писателей, дом № 27. Квартира на 1-й Мещанской была, вероятно, давно потеряна.

Датой отъезда названо 25 января. Как она выбиралась из Магадана, если навигация уже закончилась? Остался только самолет – удовольствие дорогое, да и не для бывшего заключенного. Но сумела ведь Мария Вернер в 1947 году, только чуть позже, в начале мая, достать билет на самолет. Для этого она воспользовалась знакомствами, которые принесло ей репетиторство – она давала частные уроки английского языка в семьях весьма высокопоставленных дальстроевских руководителей. Может быть, и французский или испанский, которыми владела Эмма Ефимовна, кому-то понадобились?

Но запись об отъезде, начинавшаяся словами “выехала совсем”, в учетной карточке перечеркнута – через полгода Эмма Ефимовна вернулась в Магадан. Почему это случилось? Не нашлось места в послевоенной Москве? Или Лубянка была недовольна ее возвращением? Ошеломило известие о гибели мужа? Отказали в прописке – послали на 101-й км? Потянули назад какие-то связи, которые, может быть, возникли в Магадане?

Не знаю, но так или иначе Эмма Ефимовна вернулась и в июле была оформлена на несравненно более высокую должность – заведующей библиотекой в Центральной научно-исследовательской лаборатории (лаборатория занималась техническими проблемами добычи золота, через несколько лет она будет преобразована во ВНИИ-1). Следуют еще три дого-

ворных года, затем, вероятно, большой, более шести месяцев, отпуск (может быть, Э.Е. еще раз съездила на “материк”?) и новое место работы – теперь уже на Промкомбинате Дальстроя.

На должность зав. библиотекой Промкомбината Эмма Ефимовна была оформлена постановлением президиума Магаданского горкома профсоюза, в чьем ведении эта библиотека находилась, от 6 апреля 1951 года. В этом “слушали-постановили” указано, что тов. Сторэ имеет высшее образование и специальность библиотекаря, что не совсем соответствовало действительности, однако свидетельствовало о явном желании зачислить Э.Е. на указанную должность, а может быть, и о сострадании к ее судьбе.

(Отмечу между прочим, что волна повторных приговоров 1948-49 годов, прокатившаяся и по бывшим колымским кадрам, Сторэ не коснулась – видимо, для МГБ она продолжала оставаться СОЭ и не более того).

Зав. библиотекой Промкомбината был положен оклад 800 руб., вместе с северными надбавками зарплата у Сторэ составляла сначала 1440 руб., потом 1520, затем 1600 руб. Привожу эти цифры для того, чтобы читатель старшего поколения мог соотнести их с тогдашними ценами и представить уровень жизни красавицы-парижанки в тогдашнем Магадане. Не шикая, конечно, но жить на эти деньги было можно.

Через четыре года, 3 июня 1955 года, Эмма Ефимовна уволилась. На этом ее колымский след обрывается. Известно, что, работая над романом “Возмездие”, В. Ардаматский встречался с Л.Е. Деренталь, – видимо, если мои предыдущие предположения верны, Э.Е. Сторэ наконец вернулась в Москву навсегда.

Моя короткая повесть уже была написана, когда сомнения в тождестве Деренталь и Сторэ рассеялись окончательно – после письма бывшей колымской заключенной замечательной, доброй и деятельной несмотря на преклонный возраст Зои Дмитриевны Марченко. 9 сентября 1997 года она писала мне из Москвы о людях, некогда встреченных ею в колымских лагерях:

“Уважаемый и милый Александр Михайлович! Сегодня утром мне принесли Ваше письмо... А ночью, как всегда доволь-

но бессонной, по стариковской привычке мне вспоминались далекие годы... И вот опять напоминание. Кое-что помню, пишу, как запомнила.

1. Эмма (эмэ – по франц. “любовь”) Ефимовна Сторэ. Познакомила меня с ней Зора Борисовна Гандлевская (анархистка, еще стоявшая с черным флагом у гроба Кропоткина), мой большой друг до ее смерти уже в Москве. В гуще лагерной жизни мы, конечно, имели людей, созвучных по-мноному. Так, Зора Б-на, хотя была почти вдвое меня старше, подружилась со мной еще на пересылке во Владивостоке, на Черной Речке, где она, по свойственному ей вечному стремлению помочь, быть полезной, уже спасала нас. В частности, меня (вместе с очаровательной женщиной, врачом из Прибалтики – Бертой, далее не помню) выходила от очень сильного жедудочного заболевания, главное, от апатии, которая меня (после годичной тюрьмы, пересылки с Украины, допросов и пр.) одолевала.

Позже Зора Борисовна познакомила меня с Женей Гинзбург, о которой Вы, конечно, знаете. Так вот Эмэ... Черноглазая, очень милая, даже в лагерной одежде, про которую даже тогда мне, уже порядком уставшей от женского РАЗЛИЧНОГО общества, хотелось сказать: ШАРМ, что-то неуловимо-изящное, притягательное, и еще осталось ощущение ТАКТА, манеры держаться... Очень близко я с ней не сходилась, у меня уже был круг друзей. Кроме того, у меня были страшные четыре буквы КРТД (Вам это понятно, конечно!) – и я была осторожна в общении даже в бараке (...)

Позже, уже в Москве, мне Зора Б-на сказала, что Эмма – ЭМЭ – как ее звал любящий человек, была женой Савинкова. Кажется, после Магадана она жила где-то на Азовском море, возможно, в Жданове. Больше, конечно, знала Зора Б-на, но ее уже нет. Эмэ была дочерью русских политэмигрантов в Париже. Жена адъютанта С-ва (т.е. А.А. Деренталья. – А.Б.). Ушла к нему.

Поэтому я и засела сразу за письмо Вам, что уже нас, хранящих в голове фильм былого, мало, годы, вернее месяцы остались, и я спешу, спешу, спешу рассказать что нужно о добрых людях, встреченных в пути”.

“За нами придут корабли...” *

Так писал один из колымских заключенных, — ушедший “во льды”, в побег юноша умер от обморожений на койке лагерной больницы:

За нами придут корабли
И встанут, гремя у причала...

В этих строках — надежда на восстановление справедливости, надежда на память, которая жила в душе многих.

В наше время незримые корабли памяти обступили берега Особого острова Архипелага ГУЛАГ — острова под названием Колыма. В их трюмах — тени тех, кому так и не пришлось дожидаться освобождения, тех, кто умер на лагерных нарах, замерз “во льдах”, погиб от пули охранника, тех, кто был расстрелян здесь по скоропалительному постановлению зловещей Тройки или приговору Военного трибунала... Тяжкая память 25-летней истории властвования на Крайнем Северо-Востоке Государственного треста “Дальстрой” и его правопреемников. Тяжкая память необоснованных репрессий 30-х, 40-х, 50-х годов, волны которых неизменно докатывались и до Колымы.

Сегодня с точностью до тонны, до килограмма известны (и уже обнародованы) результаты хозяйственной деятельности Дальстроя: сколько добыто золота, олова, вольфрама, угля... Но архивы сохранили и не менее точные цифры — или показатели? — деятельности здесь репрессивных органов ОГПУ-НКВД-МВД.

Сто тонн золотишка за год
Дает криминальная трасса.
А в год там пускают в расход
Сто тонн человеческого мяса, —

малоизвестная строфа из знаменитой лагерной песни “Я помню тот Ванинский порт...”.

Может быть, реальные пропорции этих двух показателей существования Гостреста и не были столь тождественны — сто на сто, но несомненно, что истребительный аспект деятель-

* Вступительная статья к мартирологу “Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области”. Магаданское книжное издательство, 1999.

ности Дальстроя был не менее важен для государственного режима, чем его производственные достижения. Колыма многие годы была необходима для того, чтобы упрятать подальше и побольше ненужных, а то и просто враждебных этому строю людей, задержать их здесь подольше, а то и навсегда “приморить”... Миф о Колыме как месте, откуда не возвращаются, входил в комплекс государственной идеологии, как бы сопровождая своим грозным звучанием не менее мифический государственный энтузиазм, оптимизм, интернационализм и что там было еще..., потому что если ты не согласишься добровольно в вышеперечисленные слагаемые, то и будет тебе Колыма.

Колыма была необходима стране по таким вот идейным основаниям, и можно предполагать, что случись невозможное и исчезли все ее природные богатства, многотысячный Севвостлаг продолжал бы столь же оправданно существовать на этой северной земле — изобретательные умельцы переключили бы его на производство лучшей в мире ваты из густых охотских туманов, бесконечной лестницы в небо из особо прочной лиственницы или еще на какую-нибудь не менее грандиозную задачу. Потому что Колыма была нужна сама по себе — вне зависимости от того, что и сколько она производила.

Видимо, осознание истребительной роли Колымы пришло не сразу. И в числе первых ее заключенных было немало тех, кто верил — по крайней мере, в тот момент, когда поднимался на “борт парохода угрюмый”, что там — в тайге, на прииске — ему будет легче, лучше, чем в домзаке или политизоляторе. Широко разрекламированная школа “перековки”, якобы осуществлявшейся на самых крупных предшествующих невольничьих стройках — Беломорканале, Вишхимзе, казалось, должна была продолжить свои чудесные занятия и на колымской земле.

Почти так оно и было на первых порах, — и историки объясняют этот период не в последнюю очередь либерализмом или даже гуманизмом первого директора Дальстроя Э. П. Берзина, но... первые расстрельные залпы прозвучат уже в самые первые годы освоения Колымы.

Репрессии против заключенных сопровождают всю историю Севвостлага, поражая подчас несоответствием меры наказания и тяжести преступления. Так, еще в берзинские времена высшая мера социальной защиты могла быть назначена за незначительное хищение или упущение по службе, позднее —

за невыход на работу. Подобные расправы могли быть и отдельными случаями, без которых репрессивная система, в силу своего злодейского характера, просто не могла обойтись, но были в истории Колымы периоды, когда расстрельная практика приобретала характер заранее спланированных, массовых кампаний.

*Первый директор Дальстроя
Э. П. Берзин (1893 – 1938)*

Осужденные постановлениями Особого совещания НКВД СССР за КРТД (контрреволюционную троцкистскую деятельность) – по самой страшной “литерной” статье тех лет – едва ли обольщались перспективой выжить в колымских или воркутинских лагерях. Тем яростнее было их сопротивление лагерному режиму, тем отчаяннее борьба за свои права политических заключенных, тем настойчивее требования сносных условий существования и посильной работы. Средствами борьбы заключенные-троцкисты избрали невыходы на работу и голодовки.

Свои способы борьбы с дерзким контингентом (а более стойких и организованных борцов с лагерным режимом Колыма не знала ни до ни после 1936-37 годов) были у лагядми-

нистрации и отделений НКВД: РУР (рота усиленного режима) и ШИЗО (штрафной изолятор) – за невыход на работу; искусственное кормление – против державших голодовку. “А когда не хватало предложенных мер...”

С начала 1937 года против наиболее активных групп троцкистов стали возбуждать уголовные дела. В тот захват репрессивной машины попадали и люди, хорошо знавшие Л.Б.Троцкого (в частности, Н.М.Сермукс, его постоянный, еще со времен гражданской войны помощник, нелегально последовавший за опальным вождем и в ссылку в Алма-Ату; профессор Б.М.Эльцин*, один из редакторов собрания сочинений Троцкого), его идейные сторонники, заплатившие за приверженность троцкизму несколькими сроками наказания, – таких были десятки и сотни.

Поражает невиданная жестокость, фантастическое несоответствие содеянного иными из них той мере наказания, которую назначала расстрельная Тройка. Так, Т.И.Мягкова, находившаяся в ШИЗО райотдела по СГПУ (Северному горно-промышленному управлению), была обвинена лишь за попытку перекинуться несколькими словами со своим знакомым В.М.Поляковым, проходившим по этапу куда-то на прииск, и дерзкие выкрики в адрес конвоя, который эту попытку пресек... – и за это расстрелять?..

Но на руках у чекистов был “меморандум”, из которого явствовало, что Мягкова Т.И. является убежденной и последовательной сторонницей... первый раз была осуждена... второй раз была осуждена... третий раз была осуждена... Небезразличным для так называемого следствия было и то, что Поляков, с которым она пыталась общаться – через колючую

* О нем писал легендарный Виктор Серж (В.Л.Кибальнич) в “Мемуарах революционера”, вспоминая оренбургскую ссылку 1933-36 гг.: “Большевик с 1903 года, член оппозиционного руководящего центра Борис Михайлович Эльцин был невысоким человеком, с могучей головой, увенчанной копной черных непокорных прядей. Бородка и усы черные, смуглое, прорезанное глубокими морщинами лицо, вдумчивая, с легким сарказмом речь. Он прибыл из Суздальской тюрьмы, откуда вел переговоры со Сталиным. А первую ссылку отбывал в Феодосии, вместе с одним из сыновей, скончавшимся от туберкулеза. Тамашний климат сочли слишком мягким для столь несговорчивого человека. Он не расставался с полным собранием Гегеля. Помню его обед: несколько картофелин, полседелки, после – чай, как у старого студента, каковым он оставался всегда, и, наконец, улыбка с блеском в глазах: “Нынче ночью перечел страницу из Гегеля – чудесный стимулятор для мозгов!”

проволаку, – имел не менее впечатляющий послужной список. Незначительное нарушение правил внутреннего распорядка тюремного учреждения было лишь поводом для расправы над человеком, давно уже взятым репрессивной машиной на прицел.

Главным действующим лицом от УНКВД по ДС в отношениях с троцкистами, находившимися в Севвостлаге, был А.А. Мосевич. Он неизменно появлялся при разборах всех лагерных “волынок” (так на тогдашнем вохровско-блатном жаргоне именовались недовольства заключенных), ему – по крайней мере, в копиях – адресовали заключенные свои требования, от него, доведенные до отчаяния, они ждали помощи...

Мосевич был доставлен на Колыму вместе с другими ответственными сотрудниками Ленинградского УНКВД, осужденными уже в январе 1935 года в связи с убийством С.М.Кирова. Видимо, не без ведома наркомата, а то и по прямому распоряжению из Москвы, они заняли здесь должности, необычно высокие даже для Колымы, где иные осужденные попадали подчас в привилегированное положение: бывший начальник Ленинградского УНКВД Ф.Д.Медведь стал начальником ЮГПУ (Южного горно-промышленного управления), одного из двух, существовавших тогда в Дальстрое, И.В.Запорожец, его заместитель в Ленинграде, возглавил УДС (Управление дорожного строительства, одно из важнейших в то время), бывший начальник СПО (секретно-политического отдела) Ленинградского УНКВД А.С.Горин-Лундин стал исполнять в Магадане обязанности начальника сначала отдела, а потом и Управления НКВД. Мосевич, помощник Горина-Лундина по СПО в Ленинградском управлении, на первых порах получил некрупную лагерную должность (начальника культурно-воспитательной части) в Оротуканском промрайоне. Но уже в августе 1935 года (срок наказания по “кировскому делу” – 2 года лишения свободы – истекал у него в январе 1937 года) по распоряжению директора Дальстроя Берзина Мосевич был назначен начальником СПО в магаданском отделе НКВД и помощником начальника этого отдела, сменив в должности начальника СПО сержанта А.В. Мохова, о котором у нас еще будет случай вспомнить.

Через три месяца, к 7 ноября, Мосевич, в числе других сотрудников отдела, удостоится от Берзина первой награды – серебряных часов. За страх ли, за совесть трудился на новом для

себя месте ленинградский чекист, но именно его подпись стоит первой как организатора этой акции на многих выписках из актов расстрелов. В ноябре 1936 года он был награжден одной из самых высоких дальстроевских наград – золотыми часами.

Отмечая особо крупный успех в борьбе с троцкистами, уполномоченный НКВД СССР по ДС (он же директор Дальстроя) Э.П.Берзин сообщал в своем приказе от 19 марта 1937 года:

“Секретно-политическим отделом УНКВД по ДС вскрыт и агентурно разработан к-р троцкистский центр на Колыме во главе с политической тройкой. Следствие по данному делу было проведено в сжатые сроки и с достаточной полнотой разоблачило активную к-р вредительскую и диверсионную работу троцкистов на Колыме.

При наличии опытного врага, при активном сопротивлении его на следствии с применением методов клеветы, провокации и других подлых приемов свойственным троцкистам в их к-р борьбе – работники, непосредственно ведущие следствие проявили максимум выдержки и чекистской уверенности в работе, не давая врагу скрыть соучастников и следов своей к-р работы”*

В заключительной части приказа Э. П. Берзин указал, “что для чекиста основное начало работы – это бдительность, последовательная настойчивость, умение обеспечить до конца правильную классовую линию, не останавливаясь перед какими-то было трудностями”.

И не останавливались.

Спустя пятьдесят с лишним лет Виктор Сербский, бывший колымский узник – шестилетним он находился в 1937 году на подлагпункте прииска им. Берзина (да-да! имени здравствовавшего тогда первого директора Дальстроя) вместе с осужденными за КРТД матерью Е.Т.Захарьян и отцом С.Н.Сербским, в 1990 году В.С.Сербский писал:

Передо мною ДЕЛО. Номер с дробью.
Плод мастеров заплочного труда.
Как подступиться к тощему надгробью
Убитых в Магадане без суда?
УСВИТЛ. Дальстрой. Я эти казематы

* Все грамматические огрехи документов – на совести тогдашних дальстроевских делопроизводителей. – А.Б.

Прошел мальцом – отмерено судьбой.
Там на костях косматые приматы
Устраивали танцы со стрельбой.
Что под обложкой?
Сердце болью жжалось,
В глазах картины страшные вдали...
Те, кто пытал, не знали слова “жалость”.
А вдруг они под пытками сдались?
Вот протокол. Отец твердит упрямо,
Что разделяет взгляды Ильича.
А мама? Мама...
Что же скажет мама?
А мама отказалась отвечать.
Врачи, снимите мне кардиограмму.
Зажму в горсти свою седую прядь...
Отца под первым номером, а маму
Под номером десятым – расстрелять.

Постановление о расстреле Е.Т.Захарьян и С.Н.Сербского
Тройка УНКВД по ДС приняла на втором своем заседании 7
сентября 1937 года. А первое заседание этого органа состоя-
лось двумя днями раньше.

Повсеместное создание Троек УНКВД (столь же чрезвычай-
ные органы внесудебной расправы – хотя они и назывались
“судебными” – действовали в бытность ГПУ-ОГПУ и были лик-
видированы после восстановления в правах в 1934 году Нарко-
мата внутренних дел) напрямую связывается с тем, что впослед-
ствии стали называть “ежовщиной”, а выражаясь чекистским
языком, было реализацией приказа Наркомвнудела № 00447 от
30 июля 1937 года. Согласно приказу подлежали репрессиям:

“1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания
и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную
деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей и трудпоселков, а
также кулаки, скрывавшиеся от раскулачивания, которые ведут
антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоя-
щие в повстанческих и бандитских формированиях, отбывшие
наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест
заключения и возобновившие свою антисоветскую практиче-
скую деятельность.

4. Члены антисоветских партий (...), бывшие белые, жандар-

мы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправ-
щики, реэмигранты...

5. Изобличенные (...) агентурными материалами наиболее
враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас ка-
зачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашист-
ских, террористических и шпионско-диверсионных контр-
революционных формирований...

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших
кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов,
церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах,
лагерях, трудовых поселках...”

Пункты 7 и 8 предусматривали репрессии против уголов-
ников, как находящихся на свободе, так и уже заключенных в
лагерь, ведущих преступную деятельность.

Все репрессируемые элементы подразделялись на две кате-
гории. К первой относились наиболее враждебные. Они подле-
жали немедленному аресту и после рассмотрения их дел на
Тройках – расстрелу. Ко второй относились все остальные –
они подлежали аресту и заключению в лагерь на срок от 8 до
10 лет.

Обращает на себя внимание своеобразный график начала
операции для различных регионов страны (есть основания
полагать, что на территории деятельности Дальстроя она на-
чалась не раньше, чем в ДВК). Видимо, он составлялся с уче-
том сроков окончания подготовительных работ, которые могли
определяться как самим объемом этой работы, так и наличием
сил оперативного состава в данных регионах. Одного из важ-
нейших видов подготовки, осуществленной в тот период
УНКВД по ДС, я коснусь ниже.

Приказ устанавливал лимиты на количество лиц, привле-
каемых по первой и второй категориям, для каждого из респуб-
ликанских, краевых, областных звеньев НКВД. “Какие бы то
ни было самочинные увеличения цифр не допускаются, – ска-
зано в приказе, – в случаях, когда обстановка будет требовать
увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских
НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД
обязаны представить мне (т. е. Ежову. – А.Б.) соответствующие
мотивированные ходатайства”.

И вот что примечательно: “Уменьшение цифр, а равно пере-
вод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории

– во вторую категорию и наоборот – разрешается”. Региональные органы получали, таким образом, определенную свободу в своих действиях. Более того, они могли, стало быть, и в гуманизме отличаться, уменьшая число репрессируемых по обеим категориям. Только отличались ли? Едва ли.

Что касается объектов, жертв планировавшихся репрессий, то может вызвать удивление отсутствие прямого указания на троцкистов – изблюбленную мишень сталинской мстительности 30-х годов. К тому моменту, к августу 1937 года, репрессии против троцкистов на Колыме приобретали самый широкий характер. Настоящий приказ, возможно, свидетельствовал о том, что, по мнению наркомата, данный процесс развивался нормально и не нуждался в дополнительном стимулировании. Но возможно, что по каким-то и неизвестным нам сегодня обстоятельствам антитроцкистскую направленность готовящейся операции было решено лишней раз не афишировать – а свои поймут.

Из перечисленных групп лиц, вовлекавшихся в операцию согласно приказу № 00447, только первые две – бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания, и бывшие кулаки, бежавшие из лагерей и трудпоселков, – не будут представлены в числе лиц, репрессированных на территории деятельности Дальстроя (коллективизация на Крайнем Северо-Востоке имела свою специфику). Все прочие группы в кровавой практике Троек УНКВД по ДС будут представлены сполна.

В целом приказ № 00447 был логичным продолжением и, может быть, завершением “очистительной” и устрашающей практики, проводившейся органами ОГПУ-НКВД с начала 30-х годов. Изгнание всякого инакомыслия, затапывание всех его возможных истоков, подавление и искоренение любой возможности сопротивления – таков, видимо, был стратегический замысел политического руководства страны. И операция 1937-38 годов должна была достойно завершить претворение этого замысла. Самую демократическую в мире Сталинскую конституцию (1936 год) должно было получить общество, полностью очищенное от своих внутренних врагов.

Говоря об определенной традиции, присутствовавшей в самом характере приказа № 00447, следует особо оговорить и его “новаторский” характер, который проявлялся, прежде всего, в команде начать преследование по широкому спектру доста-

точно четко определенных “линий”, т. е. направлений уголовного преследования, и, конечно, в объемах выделяемых лимитов.

Для Колымы началом подготовки к этим преследованиям (видимо, и здесь была дана соответствующая команда) стал приказ № 0036 УНКВД по ДС, принятый между 14 и 22 июля 1937 года (собственной даты приказ не имеет). Приказ устанавливал порядок взятия на учет и оформления дел-формуляров на, как тогда говорилось, “подучетный контингент”. Этот контингент составляли лица, уже осужденные за контрреволюционные преступления и бандитизм и находившиеся в колымских лагерях.

Отчего отделам УГБ УНКВД по ДС понадобилось как бы дублировать документацию УРО (учетно-распределительного отдела) Севвостлага, который с момента основания лагерной системы на Колыме вел всезнающую картотеку, хранил все личные дела заключенных, а на ОЛПах (отдельных лагерных пунктах) – и рабочие формуляры на них? Ответ кроется, видимо, в системе подготовки будущих уголовных дел, сущность которой заключалась в том, что вопрос – возбуждать или не возбуждать дело на того или иного заключенного – решался в самом УНКВД по ДС в Магадане по принципу “статейности”, независимо от того, где в данный момент находился сам заключенный, соответствующим отделом Управления, а райотделу (или отраслевому отделу) НКВД, в ведении которого находился лагпункт, оставалось лишь сфальсифицировать дело с помощью соответствующих средств.

* Сведения о судьбе А. А. Мосевича содержатся в недавно опубликованных воспоминаниях Н. Н. Болдырева – того самого Мосевича, который, как пишет Болдырев, был сотрудником Ленинградского УНКВД и после убийства Кирова отбывал «срок заключения на Колыме». В служебной карточке сотрудника УНКВД по ДС Мосевича значится, что он был уволен 6 ноября 1937 года (ровно через год после награждения золотыми часами), а еще через полгода, в марте или апреле 1938 года, Болдырев видит капитана Мосевича в должности зам. начальника 9 отделения Горшорлага. При этом Мосевич обращается к прибывшему этапу с необычайно теплой приветственной речью. Вскоре после войны А. А. Мосевич, теперь уже сотрудник Севдвинлага, как пишет Болдырев, “формирует этап в основном бесконвойных строителей в город Кемерово” и становится начальником лагеря Кемеровожилстроя. См.: Н. Н. Болдырев, “Зигзаги судьбы” в кн. «Поживши в ГУЛАГе», М.: Русский путь, 2001, с. 105, 126, 129.

Данная информация находит подтверждение в справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР»: капитан Мосевич А. А. здесь упоминается в качестве начальника Северо-Двинского ИТЛ (г. Вельск Архангельской области) в 1946 г., в качестве начальника Кемеровожилстроя и ИТЛ - 20.03.47, и являлся начальником Томь-Усинского ИТЛ (г. Сталиноск Кемеровской области) с 25.08.48 по 15.07.49 (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960. М.: Звенья, 1998, с. 385, 290, 483.).

Приказ № 0036 был подписан врид начальника УНКВД по ДС старшим лейтенантом ГБ Веселковым. Он недолгое время управлял этим учреждением после отстранения Горина-Лундина. Вместе или вслед за Гориним-Лундиным навсегда исчезнут и другие находившиеся на Колыме ленинградские чекисты, осужденные по “кировскому делу”, – а к их числу, кроме уже названных, относились начальник прииска “Штурмовой” Губин и сотрудник УНКВД Лобов. Что с ними стало, где они нашли свою смерть, неизвестно до сих пор.

ЦИ УНКВД(С)
ОТДЕЛ РУКОВОДЯЩИХ
ПАРТОРГАНОВ
ОБЩЕИ ПАРТДОКУМЕНТОВ
1938 г.

Регистрационный бланк
члена ВКП(б)

Партбилет № 1282945
иное имя

Партбилет № 2727086
старое имя

Заключение секретаря райкома, горкома
о выдаче партбилета нового образца
Введенный Ильяш Ильяш
образца 1936 г. Кузьменков
Ивану Григорьевичу

Первичная парторганизация: Управление НКВД по ДС
Райком, горком: Молототрудовое совхозобъединение
Область, край, республика: НКВД СССР

1. Фамилия: Кузьменков
Имя: Иван
Отчество: Григорьевич

2. Пол: М
3. Год рождения: 1907
4. Национальность: Белорусе

5. Родной язык: Русский
6. Социальное происхождение: Рабочий

7. Занятие родителей: а) до 1917 г. Стекл. работы в стекольном заводе
б) после 1917 г. Крестьяне. Сердички в колхозе в 1930 г.

8. Время поступления в ВКП(б): а) в кандидатстве: Август 1931, Яковлевское Западное Военного Округа, Брянск
б) в члены ВКП(б): Октябрь 1932, Климовский РС ВССР
в) в члены ВКП(б): Август 1933, Климовский РС ВССР

9. Присылан в ВЛКСМ с: Нет
10. Образование: Начал учиться в 1916 г. в школе, окончил ее в Омской Семеновской школе в 1918 г. в Омской Семеновской школе в 1916 г.

11. Окончил профессию и специальность: а) по образованию: Нет
б) по опыту работы: Инженер-механик Чарыш-В, Оперативный работник НКВД Чарыш-В, Инженер-механик НКВД Чарыш-В

12. Род занятий с начала трудовой деятельности:

С. числ. архив. инв. №	По какому времени инв. №	Название местности (ком., город, район, обл., край, республика)	Название предприятия, учреждения	Род занятий или должность
	с 1927	Усть-Куломский район, Коми-Пермяцкий край, Вятская губ. ВССР	Фабрика с/х	Земледелец
с 1928	с 1929	г. Витебск	Завод Центрош	Керн. рабочий
с 1929	с 1931	г. Брянск	РККА	Механик Чарыш-В
с 1931	с 1933	г. Климовы ВССР	Ремонтно-монтажный завод	Кладовщик
с 1933		г. Магадан, Хабаровский край	Управление НКВД по Дальнему Востоку	Инженер, Начальник монтажного участка в 1937-1938 г.

Регистрационный бланк члена ВКП(б) Кузьменкова И.П. – главного расстрельщика УНКВД по ДС в 1937-38 г.г.

Веселков, в свою очередь, недолго просуществовал в этой должности – до приезда Сперанского. Видимо, позже, уже в 1938 году, Веселков тоже будет репрессирован, так как деловой контакт с ним станет служить компроматом (как, скажем, и кон-

такт с Э.П.Берзиным) для других сотрудников УНКВД по ДС уже в 1939 году.

Старший лейтенант ГБ В.М.Сперанский вступит в дело 3 декабря 1937 года. Именно этой датой помечено его указание начальнику внутренней тюрьмы УНКВД И.П.Кузьменкову: “На основании решений Тройки УНКВД по ДС (протоколы №№ 20 и 21), утвержденных Тройкой УНКВД по ДВК, приведите приговор в исполнение – расстреляйте нижеследующих осужденных”. И вслед за тем – список на 128 фамилий.

Здесь следует отметить обстоятельство, еще до конца не изученное. Отдел НКВД по ДС с момента своей организации, т.е. с октября 1934-го или апреля 1935 года (в соответствующих приказах день его образования указывается по-разному), находился в подчинении УНКВД по Дальневосточному краю. Характер этого подчинения остается пока невыясненным, но известно, что какие-то вопросы магаданские чекисты решали в Хабаровске, какие-то – в Москве, какие-то – самостоятельно. Сказалась эта “подчиненность” и при выполнении приказа № 00447: постановления Тройки, появившейся в Магадане в сентябре 1937 года, подлежали утверждению Тройкой УНКВД по ДВК. Каких-либо документов, обнаруживающих это утверждение или, наоборот, говорящих об отказе в утверждении, найти пока не удалось. Сохранилась лишь формула, употреблявшаяся в 1937-38 годах в расстрельных актах и выписках из них, вкладывавшихся в уголовные дела: “...согласно постановлению Тройки УНКВД по ДС, утвержденному Тройкой УНКВД по ДВК...”. Случавшаяся подчас моментальность приведения постановлений в исполнение наводит на мысль, что эта формула на самом деле не подкреплялась какими-либо действиями и подчиненность одной Тройки другой была пустой формальностью.

Первую Тройку УНКВД по ДС возглавил старший лейтенант ГБ А.Г.Кожевников. По некоторым архивным данным, которые я не могу в полной мере считать достоверными (но других пока нет), в состав этой Тройки входили также начальник Севвостлага капитан ГБ И.Г.Филиппов и сотрудник УНКВД по ДС А.Ф.Малышев. Первое заседание Тройки состоялось, как я уже говорил, 5 сентября, через 20 дней после начала операции по выполнению приказа № 00447 на Дальнем Востоке.

Видимо, в указанном выше составе Тройка просуществовала до конца ноября. В архивных материалах имеется упоминание о 24 протоколах заседаний этой Тройки. Последнее из них датировано 21 ноября.

Сохранились семь документов о приведении в исполнение постановлений Тройки. Первый из них имеет следующий сопроводительный текст:

“Начальнику 3 отдела УНКВД по ДС
лейтенанту гос. безопасности
тов. Бондаренко

Согласно постановлению Тройки УНКВД по ДС, утвержденному Тройкой УНКВД по ДВК, Вам предлагается (интересная – для органов НКВД – формулировка: “предлагается”. – А.Б.) привести приговор в исполнение – расстрелять нижепоименованных (...)”.

Лейтенант Г.Б. Бондаренко П. С., ответственный за проведение расстрелов в Магадане в сентябре-ноябре 1937 года. Фото середины 30-х годов

Названы 268 фамилий.
Дата – 22 октября 1937 года.

“Об исполнении акта доложите мне. Сдано в архив актов 257”.

“Не приведены, – собственноручная запись в конце списка Бондаренко (с его автографами я уже знаком. – А.Б.), – порядковые...”. И указывается 11 номеров. Причины, по которым постановление в отношении этих лиц не было исполнено, не сообщаются.

П.С.Бондаренко руководил выполнением распоряжений председателя первой Тройки УНКВД по ДС Кожевникова весь трехмесячный (с 5 сентября по начало декабря) период ее существования.

В то время Бондаренко был весьма заметной фигурой в магаданском УНКВД. Приказ о его назначении начальником ЭКО (экономического отдела) ОГПУ (еще одно подтверждение сумбура в наименованиях репрессивных органов на периферии в те годы) “Дальстроя” подписал в мае 1934 года весьма известный чекист Т.Д. Дерibas, руководивший Полномочным представительством ОГПУ в ДВК. Бондаренко (1903 г. р., член ВКП(б) с 1929 г.) имел уже около десяти лет стажа в органах Политического управления в Крыму.

В Магадане он пришелся явно ко двору. Стоит в этой связи отметить его высокую – для чекистского уровня тех лет – образованность: семь классов в 6-й советской трудовой школе им. Луначарского в Севастополе, бывшей 1-й мужской гимназии, где он прослушал, в числе прочих, курс по философской пропедевтике, а также французскому, немецкому и латинскому языкам – и это в 1920-21 годах! Позже заочно закончил первый курс факультета советского строительства МГУ-1.

В аттестации, подписанной в начале апреля 1936 года зам. начальника Отдела НКВД СССР по ДС Гориним (все тем же Гориним-Лундиным) и уполномоченным НКВД СССР по ДС Берзиным, говорится, что Бондаренко умело руководит своим аппаратом, хорошо ориентируется в обстановке, находчив, аккуратен и т.д. К работе относится весьма добросовестно, своей работой удовлетворен.

15 мая 1936 года аттестационный лист о присвоении Бондаренко П.С. специального звания “лейтенант Государственной Безопасности” был подписан тогдашним наркомом Ягодой (чуть позже, 4 июня, такой же лист – наркомовский, может быть, задержался в пути – собственноручно подписал Э.П.Берзин, – выходит, и он был вправе такие звания присваивать?).

Не менее успешно шла служба Бондаренко и при новом наркоме – Ежове, и уже после того, как были расстреляны два его главных “поручителя” – Горин-Лундин и Берзин. При новом начальнике УНКВД по ДС Сперанском Бондаренко сохранил не только свою голову, но и должность (но какой ценой?).

В октябре 1939 года следующий начальник УНКВД по Строительству на Дальнем Севере майор Г.Б. Окунев, отвечая на запрос наркомата, писал о Бондаренко:

“По своим оперативно-чекистским знаниям может занимать должность Начальника Отдела УНКВД. В связи с тем, что за

время работы в УНКВД по Строительству на Дальнем Севере скомпрометировал себя, как чекист и член ВКП(б) проходил по показаниям арестованных по делу антисоветской организации на Колыме, продолжительное время (с 1934 по 1939 г.) работал и был в близких связях с бывшим руководителем Треста "Дальстрой" – Берзиным и УНКВД – Гориним-Лундиным, Лобовым, Мосевичем, Веселковым, которые в данное время арестованы и частично осуждены – был отстранен от должности Помощника Начальника УНКВД и Начальника 3-го Отдела УГБ и направлен работать в распоряжение Начальника Севвостлага, где работает Начальником 2-го отдела Управления".

В конце 1939 года Бондаренко в возрасте 36 лет был уволен из органов НКВД – в запас. Таким, по крайней мере, был приказ наркомата.

Но вернемся в год 1937-й. О ходе операции УНКВД по ДС регулярно отчитывалось перед наркоматом. Так, 25 октября 1937 года начальнику ГУЛАГа Плинеру и начальнику 8-го отдела Цесарскому из Магадана было сообщено:

"Всего поставлено на рассмотрение Тройки – 2348 человек. Приговорено к расстрелу – 1950 человек, из них: а) отбывали наказание в лагере: за к-р троцкистскую деятельность – 628 человек, к-р деятельность – 433, террор – 69, повстанчество – 48, шпионаж – 74, бандитизм – 219, диверсию – 10, побеги – 102, СОЭ – 84, грабежи, кражи и хищения – 138, вредительство – 14, измену родине – 18, разбой – 24, нелегальный переход границы – 7, убийство – 8, хулиганство – 13, НЗП (нарушение закона о паспортах. – А. Б.) – 6, прочие преступления – 55".

Контрреволюционные составы, включая СОЭ, в этом перечне составляют подавляющее большинство – 1378 из 1950-ти.

Через две недели, 10 ноября 1937 года, в связи с продолжением операции Управление докладывало в Москву: за первую декаду ноября поставлено на рассмотрение Тройки 118 человек, приговорены к расстрелу 100 человек.

Еще через десять дней: за вторую декаду ноября на рассмотрение Тройки представлено 270 человек, приговорен к расстрелу 241 человек.

В архивное дело подшит и рукописный текст, выполненный, предположительно, рукой главного хранителя многих тайн магаданского УНКВД, а официально – оперуполномоченного 8-го отдела и жены вышеупомянутого П.С.Бондаренко М.С.

Черенковой (в органах ОГПУ-НКВД с 1922 года, с 17-ти лет; первый муж, Рабинович Б.А., сотрудник центрального аппарата ОГПУ, расстрелян в 1930 году за троцкистскую деятельность):

"На 20/XI - включительно:

троцкистов – 1017, вредителей – 36, террористов – 140, повстанцев – 150, пораженцев – 92, сектантов – 79, шпионов – 160, бандитов – 534, монархистов – 17, фашистов – 28, диверсантов – 21, рецидив – 92, сионистов – 2".

Здесь, несомненно, указываются прежние составы преступлений, за которые данные лица уже отбывали срок наказания, что свидетельствует, прежде всего, об умышленном уничтожении людей по определенным в приказе № 00447 "линиям",

Руины здания на территории бывшего "объекта 096". Легенда называет это здание местом производившихся в Магадане расстрелов

ну а то, что эти "линии" некоторым образом корректируются, объясняется тем, что магаданские энкавэдэшники не могли не учитывать особые местные условия – например, большое количество привезенных сюда троцкистов.

И, наконец, четвертый с начала операции рапорт УНКВД по ДС от 1 декабря 1937 года: за третью декаду ноября на рассмотрение Тройки представлено 137 человек, приговорено к расстрелу 137. Далее приводится "статейность".

Из своей домашней картотеки, составленной за годы (теперь уже годы - с 89-го, когда открылся хоть какой-то доступ к архивным материалам) изучения нашей трагической истории, достаю – без особого отбора – карточки, стоящие в разделе “БВ” – берзинские времена.

Шенкман Абрам Михайлович, 1903 г. р., уроженец г. Витебска, Левин Моисей Меерович, 1908 г. р., уроженец г. Кривой Рог, Белевич Михаил Григорьевич, 1905 г. р., уроженец г. Витебска, Кузьмичев Василий Константинович, 1908 г. р., уроженец г. Днепропетровска, - все з/к с 1936 года, находились на лагпункте “13 дистанция” (УДС). Тройка УНКВД по ДС рассмотрела их дело на своем первом заседании 05.09.37 и постановила: за участие в контрреволюционной террористической группе троцкистов – расстрелять. Через пять дней, 10.09.37, постановление было исполнено.

Фролов Александр Степанович, 1896 г. р., уроженец Западной области, бывший член ВКП(б) с 1917 г., з/к по судимости 1936 г. лагпункта “Торопливый”. Дело было представлено на рассмотрение Тройки 07.09.37. Постановили: за контрреволюционную троцкистскую агитацию – расстрелять. Расстрелян 13.10.37.

Рысенберг Григорий Осипович, 1903 г. р., уроженец Белоруссии, бывший член ВКП(б) с 1923 г., з/к Севвостлага по судимости 1936 г. Дело рассматривалось Тройкой 09.09.37. Постановили: за организацию массовых демонстраций троцкистов – расстрелять. Расстрелян на другой день, 10.09.37.

Жукова Ольга Степановна, 1890 г. р., уроженка Челябинской области, з/к по судимости 1936 г. командировки № 3, пос. Оротукан. Осуждена 11.10.37 как член троцкистской группы за троцкистскую агитацию к ВМН (высшей мере наказания). Расстреляна 26.10.37.

Сишаев Нух Матушевич, 1887 г. р., уроженец Кабардино-Балкарии, з/к по судимости еще 1928 г. штрафной командировки “Нерега” ОЛП ЮГПУ. Обвинялся в насаждении в лагере террористических настроений и осуществлении нелегальной связи между троцкистами. Дело было поставлено на рассмотрение Тройки 14.11.37 – ВМН. Расстрелян 27.11.37.

Острогорский Николай Иванович, 1905 г. р., уроженец Тверской губернии, з/к прииска им. Водопьянова. Обвинялся в контрреволюционной агитации и связи в прошлом с лидерами

троцкизма. Дело было поставлено на рассмотрение Тройки 20.11.37 – ВМН. Расстрелян 27.11.37.

Крыжаловский Александр Михайлович, 1884 г. р., уроженец г. Варшавы, бывший член РСДРП (!), з/к по судимости 1936 г. командировки “Сангородок” в Магадане. Обвинялся как организатор троцкистской группы и в проведении троцкистской агитации. Дело было поставлено на рассмотрение Тройки 01.12.37 – ВМН.

Внимательный читатель найдет эти фамилии – среди нескольких тысяч других – в книге “За нами придут корабли...” (Магадан, 1999). Отчего я выписал здесь именно эти (как мог бы выписать и еще несколько десятков)? Оттого что здесь, в статье, есть возможность чуть подробнее сообщить некоторые анкетные данные, в более подробном виде – формулу обвинения, а главное, акцентировать ваше внимание, читатель, на времени действия расстрельной Тройки: сентябрь – начало декабря 1937 года, еще берзинские времена.

“Ежовщина”, на Колыме ее назовут “гаранинщина”, покажется по территории Дальстроя, когда никакого Гаранина здесь еще не будет, – при начальнике Севвостлага Филиппове, начальнике ВОХР Кабисском, врид начальника УНКВД Веселкове, прокуроре Саулепе, директоре Дальстроя Берзине. Пройдет еще месяц-два, и каждый из них – каждый! – сам попадет в захват репрессивной машины.

Изменится ль он в лице,
Коротая на казнях ночку? -

вопросила Виктория Гольдовская в стихотворении “Старый радист”. Он – это Берзин. Да разве только Берзин!

16 декабря 1937 года – Берзин был уже на пути к Москве, на пути к своему аресту и пыткам в Лефортовской тюрьме – отряд ВОХР вместе с уполномоченными УНКВД по ДС (руководили операцией Веселков и Кабисский) окружил маленькую рыбпромскую командировку в низовьях Колымы (ее списочный состав, включая вольнонаемных и колонистов, составлял 72 человека). Тремя неделями раньше, в ночь на 23 ноября, заключенные, опасаясь эксцессов со стороны совершенно непредсказуемого начальника командировки, встревоженные слухами о начале войны, захвате японцами Дальнего Востока и

падении власти в Москве (“Остался один Ворошилов!”), стремясь не допустить расправы над собой, без единого выстрела разоружили охрану (она состояла из трех человек, только один из них, начальник, был вольнонаемным) и взяли власть в свои руки.

Они ждали приезда начальства – своего, из Эльгена, где располагалось тогда Колымское управление сельского и промышленного хозяйства (КУСиПХ) Дальстроя, которое обеспечило бы им безопасность, объяснило бы, что происходит в Магадане и Москве. Начальство – не свое, энкавэдэшное – добиралось долго: от Магадана до командировки более полутора тысяч километров. А добравшись и получив – опять-таки без единого выстрела, хотя на руках у восставших было несколько десятков ружей! – власть над командировкой, начало следствие.

28 декабря 1937 года по постановлению Тройки УНКВД по ДС (уже в новом составе) были расстреляны трое руководителей восстания, а 15 января 1938 года – еще 46 его участников. А всего – 49. Из них (это уже подсчет не М.С.Черенковой, а мой) 22 ранее осужденных по “политическим” статьям, остальные – “бытовики”.

И вот ведь парадокс – или железная закономерность? – совершенно в духе того времени. События на командировке “Зеленый мыс” – назовем ли их по-жаргонному “волынкой” или, как в следственных документах того времени, “восстанием”, – начавшись при Берзине, в то время, когда Берзин еще находился в Магадане, и доставлявшие ему, вероятно, немало беспокойств, вскоре, еще в том же году, когда стало раскручиваться гигантское дело-монстр № 17777 о контрреволюционной, шпионской, террористической, вредительской, повстанческой организации, во главе которой якобы стоял сам Э. П. Берзин, дело, которое накрыло, как зловещее облако, в первой половине 1938 года всю Колыму, – те события ноября-декабря 1937 года на забытой богом командировке будут рассматриваться новым следствием как первый шаг, как пробный шар, пущенный преступной берзинской шайкой перед тем, как поднять антисоветское восстание на всей территории Дальстроя и всю ее, эту территорию, преподнести на голубом блюдечке Охотского моря с золотой каемочкой колымских приисков алчно ощерившейся Японии.

Потому что – по легенде того следствия – во главе преступ-

ной организации рядом с Берзиным стоял (теперь уже сидел в “доме Васькова”) его помощник по планово-финансовой части Л.М.Эпштейн. Эпштейн завербовал в эту организацию, в частности, И.С.Ткачука, начальника КУСиПХа. По его, Эпштейна, настоянию Ткачук назначил начальником командировки “Зеленый мыс” М.Ф.Пупышева (“С моей точки зрения, все-таки он псих, – скажет потом на следствии Ткачук о Пупышеве, – но раз у Эпштейна он свой человек...”), а также завербовал в ту же организацию своего заместителя по лагерю Л.А.Фоминых, который распорядился о доставке на преступную командировку большого количества оружия и боеприпасов (предполагалось развивать здесь охотничий промысел, но такие “прозаические” мотивы поведения задействованных в организацию лиц следствие, естественно, не интересовали) и, в свою очередь, завербовал...

– А кому вприпрыжку побежал докладывать главарь восставших Лоншаков? – аргумент следствия 1938 года. – Кому он в Эльген радиодонесение отправил? Ткачуку, Фоминых. Ткачук кому о восстании доложил? Вот она, обратная связь, – от “Зеленого мыса” до Берзина!

49 заключенных командировки “Зеленый мыс” (точнее – 48, потому что один из участников этих событий свой срок наказания уже отбыл и считался вольнонаемным), 48 з/к плюс 1 в/н лягут в колымскую мерзлоту в декабре 1937-го – январе 1938 г.

Начальник командировки Пупышев умрет, находясь под следствием, в октябре 1938 года. Начальник КУСиПХа Ткачук, также находившийся под следствием, умрет в магаданской больнице в сентябре того же года. Естественными обе эти смерти, конечно, не назовешь.

Помощник директора Дальстроя Эпштейн погибнет в начале 1940 года. “В ноябре месяце этого года, – покажет он на допросе у нового начальника УНКВД по ДС Сперанского, – Берзин решил провести опыт на одной из отдаленных командировок под Нижне-Колымском. Там для рыбной ловли была организована командировка в количестве 70 человек заключенных и 7 стрелков ВОХРа.

Старшему стрелковой охраны и одному из заключенных, фамилии я их сейчас не помню, было дано задание через Кабисского поднять восстание. Восстание было поднято 23/ХІ – о чем нам немедленно стало известно. Результатов я не знаю, т. к. был арестован”.

Э.П.Берзин погиб раньше многих его сподвижников – он был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 1 августа 1938 года.

А Сталин в его конце
Уже уготовил точку. -

завершение цитаты из Гольдовской.

Как счастливое исключение – судьба сорвавшегося с этого смертельного конвейера лагерного работника Фоминых. Он был арестован в марте 1938 года, осужден в феврале 1941-го на пять лет лишения свободы, отбывал их здесь, на Колыме, освободился – с пересидкой в четыре с лишним года – лишь летом 1947 года. Нищего, едва ли не полубезумного (вот как описывал Виктор Вяткин одного из своих героев, вышедшего из заключения Сергея Фомина, прообразом которого, на мой взгляд, и является Леонид Фоминых в романе “Человек рождается дважды”: “Он был сед и грязен. Давно не мытые и не чесанные космы волос скатались на шее. Воспаленные глаза убого шурились. Беззубым ртом он держал иголку, разглаживая заплату, отчего лицо казалось злым. Рядом лежал костыль. Пальцы рук тряслись так, что он никак не мог подвернуть край заплатки”), его пристроили на два месяца на автобазу, чтобы заработать на билет на пароход.

Через 15 лет, в 1962 году, – ох и живуч русский человек! – в заявлении, поданном на реабилитацию, Л.А.Фоминых, заканчивая свое жизнеописание, помянет добрым словом приютившего его в 1947 году на магаданской автобазе А.И.Геренштейна, кстати чудом избежавшего расстрела в 1938 году, и добавит: “Начальник УСВИТЛ т. Бондаренко Павел Степанович и его работники дали мне визу садиться с вольно-наемным составом, едущим в отпуск, и мне удалось благополучно добраться до б. Находка”.

Так уже встретившийся в нашем повествовании чекист, продливший в марте 1939 года, то есть уже после того, как “гарантинщина” прокатилась по Колыме, срок следствия по делу того же Фоминых Бондаренко – пом. начальника УНКВД Сперанского, – являвшийся тогда и начальником следственной группы и продливший, таким образом, мучения подследственного,

приведшие его к осуждению, к сроку наказания за несовершенно совершенное преступление, – все тот же чекист десять лет спустя оказался его благодетелем – пустил на пароход, а мог бы и не пустить... *

А ведь реальный, невыдуманный Фоминых – демобилизованный боец Особой Дальневосточной армии Блюхера Леонид Агеевич Фоминых – прибыл сюда, на Колыму, еще в августе 1932-го. И вот таким теперь возвращался. Чуден мир твой, Господи!..

В нашем распоряжении нет сегодня достоверных сведений о том, по какой именно причине в конце 1937 года произошла смена руководства Дальстроя и сопутствовавших ему репрессивных учреждений.

Весьма сомнительно, что арест Э. П. Берзина был последствием мести ему со стороны английских шпионов Рейли и Локкарта, обыгранных стойким латышским стрелком в сюжете, известном под названием “заговор послов” (версия исследователя-первопроходца нашей колымской истории писателя Н.В. Козлова, изложенная в его романе “Хранить вечно”).

Не кажется убедительным, что Берзин пострадал из-за деловой и личной дружбы с видным государственным деятелем тех лет Я.Э.Рудзутаком в процессе реализации органами НКВД “латышской линии” (предположение, высказанное журналистами-историками Г.Г.Волковым и Т.П.Смолиной).

Весьма сомнительно, что Берзин был наказан за крамольное свободомыслие, проявленное в объяснительной записке к перспективному плану развития Дальстроя, составлявшемуся как раз в конце 1937 года перед отъездом директора Дальстроя в отпуск: к 1948 году на Колыме не должно остаться заключенных (версия бывшего сотрудника СВКНИИ К.Б.Николаева).

Каждый из перечисленных исследователей искал исток грядущих трагических событий в личной судьбе Э.П.Берзина, в его поступках, но думается, что такая постановка вопроса неверна в принципе. Отнюдь не личность первого директора Дальстроя спровоцировала события, развернувшиеся на Колы-

* Последний раз эта фамилия с теми же инициалами встретится мне в справочнике “Система ИТЛ в СССР”. В разделе “Береговой лагерь” (Берлаг), его первым начальником – с 27.04.48 по 04.04.50 – будет назван полковник Бондаренко П.С. – тот самый?

ме в 1937-38 годах, – они целиком определялись логикой “кадровой революции”, затеянной Сталиным во всесоюзном масштабе, – а особая специфика существования Дальстроя позволила сотворить здесь весьма своеобразную легенду о контрреволюционной организации, во главе которой стояли все – без исключения! – тогдашние колымские руководители. Обвинить, скажем, руководителей Украины в том, что они планировали отделение своей республики от СССР и переход ее под протекторат соседней Польши, было бы, вероятно, несколько труднее.

В архиве магаданского писателя Н.В.Козлова сохранились воспоминания бывшей машинистки УНКВД по ДС А.Г.Максимовой, которую Горин-Лундин в первой половине 1937 года якобы посадил печатать совершенно секретный материал, изображающий Берзина и его соратников в контрреволюционной деятельности.

По словам машинистки, диктовал ей этот материал объемом 400-500 страниц больше месяца заключенный, который рассказал о себе, что до ареста он был доктором исторических наук, писал труды, по которым учились в вузах, а теперь пишет другой труд – клеветнического характера. “Человек этот был небольшого роста, очень худой, бородка козлиная, был такой, как бы сказать – вертлявый, диктовал, а сам бегал из угла в угол, а комната была крохотная, быстро уставал. Помню, даже сказал, что остается ему жить столько, как кончим печатать (...), он сказал мне свою фамилию, я точно сейчас не помню, то ли Семенов, то ли Степанов, фамилия от русского имени”.

Никаких документальных подтверждений это сообщение, естественно, не имеет и тоже может восприниматься как легенда, но вспомним, что А.С.Горин-Лундин исчезнет – из Магадана и навсегда – гораздо раньше своих коллег-ленинградцев, свой последний приказ в качестве и. о. начальника УНКВД по ДС он подписал в конце июня, а тот же А.А.Мосевич подписывал расстрельные акты еще и в октябре; не основательно ли будет предположить, что летом 1937 года ставленник наркома Ежова “Горин” отправился в Москву – докладывать Москвой же инициированный материал против руководства Дальстроя?

Полураздавленный страшной репрессивной машиной Л.А. Фоминых все обрушившиеся на Колыму несчастья объяснял преступной деятельностью “девятки”, группы, состоявшей из

девяти человек. Свои обвинения он формулировал в 1962 году, то есть много лет спустя после описываемых событий, – оттого, вероятно, представляя членов этой группы, он делает несколько ошибок: неверно называет одну из фамилий (прокурора Севвостлага), перечисляет лишь восемь фамилий... Эти ошибки легко исправить, не в них суть. Суть в том, что Фоминых связывает трагические события на Колыме с деятельностью единой, четко определенной – в своей численности – команды, в которую кроме уже известных магаданским историкам лиц включает и человека, чья роль в этих событиях ранее не представлялась значительной.

Вот он, состав “девятки”.

Павлов Карп Александрович, 1895 г.р., старший майор государственной безопасности, кадровый чекист, до Магадана работал в Сибири и на Северном Кавказе. Именно на него Э.П. Берзин в своем последнем приказе № 392 от 3 декабря 1937 года временно – так в тексте приказа – возложит исполнение обязанностей директора Дальстроя. Павлов станет первым начальником Дальстроя (имевший высокое, но интендантское звание Берзин был лишь директором этой организации).

Павлов войдет в историю крылатой фразой: “На Колыме невиновных нет. И я здесь тоже на подозрении” (сам придумал или таким образом нарком Ежов его напутствовал?), невероятной жестокостью в обращении с людьми и нечеловеческой работоспособностью.

Обратимся еще раз к свидетельству писателя Виктора Вяткина, работавшего в ту пору начальником механического городка ЮГПУ (из него вырастет со временем Оротуканский завод горного оборудования):

“Любая встреча с ним не сулила ничего хорошего. Появление черного “паккарда” вызывало растерянность и страх. Павлов никогда не повышал голоса, но его слова заставляли бледнеть и теряться. Каждое его распоряжение воспринималось как закон и немедленно выполнялось. Трудно сказать, решался ли кто-нибудь возражать или высказывать свое мнение. Павлов дни и ночи мотался по трассе. Не доверяя никому, он не скрывал своих подозрений. Было непонятным, что таится под этим грубым и жестоким лицом. Убежденность ли в принадлежности большинства дальстроевцев к изменникам родины, или ненависть к врагам, а потому такая подозрительность, или что-

нибудь другое? Единственное, что располагало в его пользу, это беспредельная безжалостность и к себе”.

Павлов возглавит Тройку УНКВД по ДС. Впрочем, то ли из-за недостатка времени, то ли из-за неприязни к пустым бюрократическим процедурам он, как станет известно позднее, не слишком баловал вниманием этот коллективный карательный орган, но исправно подписывал его протоколы – после того, как решения уже были вынесены.

К.А.Павлов недолго задержался в Дальстрое – меньше двух лет: осенью 1939 года он покинул Колыму. Легенда связывает отъезд Павлова с серьезной простудой, которую он получил, вышагивая в промокшей одежде более суток по Колымскому мосту, когда ему грозил бешеный паводок.

А исторически осень 39-го – это подведение итогов бериевской “оттепели”, это 127 дел – фрагментов полностью сфальсифицированного свода уголовного преследования № 17777, возвращенных нерассмотренными из наркомата в Магадан еще год назад и теперь большей частью прекращенных за недоказанностью вины обвиняемых (не могла же сталинская юстиция – и уже при новом наркоме – высечь самую себя и заявить, что этих преступлений не было вообще!), это несколько сот арестованных, выпущенных (с подпиской о неразглашении того, что им пришлось пережить за год с лишним в этих стенах) только из внутренней тюрьмы УНКВД по ДС, знаменитого “дома Васькова”. Это был спланированный свыше, на уровне Политбюро ЦК ВКП(б), – но ведь и начиналась операция по приказу № 00447 с благословения этого органа, так что круг замкнулся, – пусть только временный, но очевидный откат репрессивной волны в целом по стране и на Колыме в частности.

Тем же пароходом “Николай Ежов” – ну а каким же еще должны были воспользоваться чрезвычайные посланники тогдашнего наркомата? – что и будущий преемник Берзина, прибыл в Магадан новый начальник УНКВД по ДС старший лейтенант государственной безопасности В.М.Сперанский (ровесник Павлова – 1896 г.р., стаж работы в правоохранительных, как сейчас бы сказали, органах – ЧК, ГПУ, прокуратуре, НКВД – более пятнадцати лет). Это случилось 1 декабря, а уже 3 декабря последует распоряжение Сперанского начальнику внутренней тюрьмы о расстреле осужденных по постановлениям предыдущей Тройки. Не пройдет и двух недель, и 16 декабря новая

Тройка, под председательством начальника Дальстроя Павлова, примет уже свои расстрельные постановления.

Третьим членом новой Тройки (кроме Павлова и Сперанского) станет еще один пассажир парохода “Николай Ежов”, новый прокурор Дальстроя и Севвостлага Л.П.Метелев (1899 г.р., стаж работы в тех же органах – ЧК, милиции, прокуратуре – также более пятнадцати лет, до направления на Колыму – пом. прокурора г. Москвы).

Сегодня с трудом поддающееся расшифровке, но, несомненно, что-то очень многозначительное почудилось (или сам сочинил?) репрессированному поэту Валентину Португалову (а он, вражина, к тому времени был уже здесь, на Колыме, “шустрил” на кирпичном заводе у Черного озера) во фразе “Николай Ежов” идет проливом Терпения”. И он взял ее эпиграфом к своему, может быть, самому хлесткому стихотворению, сочиненному тогда же, в 37-м или 38-м году:

В смысле, так сказать, имажинизма

Мы доплыли до социализма.

.....
Иосиф Сталин ловко и умело

Опохабил ленинское дело.

(Привожу это стихотворение в той редакции, в какой оно появится в новом следственном деле, возбужденном против поэта).

Непосредственный свидетель колымских ужасов совершенно точно укажет на главного подрядчика творимых преступлений:

Долго будут помнить все о зверствах

Вашего лихого министерства.

Вам же только этого и надо –

Николай Иваныч Тарквемада.

Сколько зла стране вы причинили?

Сколько крови русской вы пролили?

Что ж у вас таится на душе,

Николай Иванович Фуше?

Помните, собачья порода,

Велико терпение народа,

(вот оно, может быть, ключевое словечко этого стихотворения – Терпение. Терпение обрушившихся на него мук – несчастье

или достоинство населения великой страны. Тогда и слова эпиграфа приобретают моральную, а не географическую значимость. – А.Б.)

Только и ему придет конец,
Николай Иванович Подлец.
Нет спасенья шайке сумасбродов,
Первым делом кокнут Вошь народов.
Ну и вас пристукнут заодно,
Николай Иванович Говно!

Н.И.Ежов будет расстрелян – совсем за другие вменявшиеся ему в вину преступления – 4 февраля 1940 года. Прогноз судьбы Вождя народов оказался у Португалова неудачным, что и явится главной причиной того, что в 1946 году он будет повторно осужден за антисоветскую агитацию.

Для полноты картины назову еще одну фамилию – Ю. Гаупштейн, он станет начальником Политуправления Дальстроя и по совместительству секретарем новой Тройки УНКВД по ДС. Есть, несомненно, нечто весьма символическое в том, что идейный руководитель и организатор дальстроевских коммунистов получит роль лишь пособника – “шестерки” по-лагерному – при трех облеченных всей полнотой власти главных колымских вершителей судеб.

Итак, четверо.

Вторую четверку составили члены “московской бригады”: капитан госбезопасности М. П. Кононович, старший лейтенант ГБ М.Э.Кацеленбоген (Боген), лейтенанты ГБ Л.В.Винницкий и С.М.Бронштейн, все они были сотрудниками аппарата Наркомата внутренних дел (отсюда и название – “московская бригада”), специально и на долгий срок командированными в Магадан для проведения все той же операции по приказу № 00447. Они окажутся здесь несколько дней спустя после приезда первой четверки. Каждый из них получил постоянную и руководящую должность в УНКВД по ДС, а старший по званию в “московской бригаде” М.П.Кононович стал заместителем начальника Управления (он же замещал Сперанского на заседаниях Тройки, когда тот по какой-либо причине отсутствовал).

Пройдет еще два года, и коварная змея репрессивных органов снова сбросит свою кожу, как она уже сделала это – на наших глазах – осенью 1937 года. Некоторые из самых ответствен-

ных и самых рьяных сотрудников УНКВД по ДС окажутся на скамье подсудимых, а их недавние подчиненные, спасая собственные шкуры, – но и не без подсказки свыше, конечно, – дружно кинутся писать в руководящие инстанции разоблачительные письма, давать такие же разоблачительные свидетельские показания...

Вдруг выяснится (на магаданском уровне), что чудовищную жестокость, полное попрание всякой законности принесли в УНКВД по ДС вот эти самые московские выродки, а до их приезда магаданские чекисты ни о чем подобном даже не слыхивали, и сами они, свидетели-заявители образца 1939 года, насколько могли, жестокости своего начальства ранее противостояли.

Занятно, что такими разоблачителями стали в тот период сотрудники УНКВД по ДС Н.С.Абрамович, на совести которого сфальсифицировано одно из самых громких дел еще в берзинские времена – о вредительстве на строительстве Колымского моста, активный участник “разработки” троцкистов на приисках СГПУ М.К.Горский, один из заядлых расстрельщиков начальник АХЧ (административно-хозяйственной части) УНКВД по ДС А.В.Галушка.

Чудовищная жестокость, творившаяся в застенках Управления, его территориальных и отраслевых отделах – в Зырянке и Оротукане, на Хатыннахе и Мяките, на Палатке, Атке, Спорном, где также появились свои “изоляторы”, на приисках и спецкомандировках (а едва ли найдется на Колыме тех лет хоть одно предприятие, на котором не возникло бы дело о контрреволюционной, троцкистской, повстанческой, шпионской, вредительской, саботажнической, членовредительской или какой-нибудь еще группировке), отнюдь не была местной инициативой или самоуправством высоких гостей – все это было разрешено и даже продиктовано свыше; со второй половины 1937 года пытки стали применяться повсеместно.

(И как плата за эту жестокость или стремление противостоять ей – психические расстройства, алкоголизм, столь распространенные в чекистской среде, а то и самоубийства: С.Федорова и Н. Должкова, обласканного еще самим Берзиным за разоблачение троцкистского центра в конце 30-х, Никитина, которому досталось нелегкое “дело коммунистов и комсомольцев”, возникшее на Утинке уже после начала войны).

Итак, значит, восемь: четыре плюс четыре. Девятым в этой компании нужно назвать начальника УСВИТЛа полковника С.Н.Гаранина (1898 г. р., в Красной Армии с 1918-го, до назначения в Магадан – кадровый пограничник), сменившего здесь подлежавшего аресту за участие в повстанческой организации капитана И.Г.Филиппова.

Из показаний арестованного Филиппова:

“Мы считали заключенных на Колыме своими людьми и старались всемерно улучшить их материально-бытовое положение.

Контрреволюционные кадры из осужденных троцкистов, шпионов, вредителей нами расставлялись на всех ответственных участках Дальстроя. Организация поставила дело так, что почти всем производством Дальстроя на Колыме фактически вершили осужденные контрреволюционеры.

Мы добились такого положения, что лагерники находились в гораздо лучших материально-бытовых условиях, чем вольнонаемные (...).

Наша вредительская работа по лагерям сводилась к сохранению контрреволюционных кадров с тем, чтобы использовать их и в дальнейшем для активной борьбы с Советской властью”.

Не мог в “своих” показаниях Филиппов не коснуться отношений с находившимися в колымских лагерях троцкистами:

“Когда стали прибывать на Колыму большими партиями осужденные троцкисты, то мы создали им здесь такие условия, в результате которых троцкистами объявлялись групповые голодовки.

Мы считали, что весть об этих голодовках дойдет до сведения иностранных государств и возбудит против Советского Союза “общественное мнение”.

По договоренности с Берзиным и мною участник организации “чекист” (обратим внимание на кавычки. – А.Б.) Мосевич приказывал кормить их “искусственно” какао, яйцами, маслом и молоком. Неудивительно, что многие из троцкистов “голодали” по 200-300 дней.

Когда же Мосевичу удавалось таким путем уговорить некоторых осужденных бросить “голодовку”, то он “для восстановления здоровья” давал указание кормить их усиленными обедами, причем порции были такими, что одним обедом можно было накормить двух, а то и трех человек. “Голодовка” была

ликвидирована лишь применением самочинных решительных мероприятий со стороны низовой лагерной администрации, сократившей постепенно до минимума такое питание “голодающих”, а в большинстве случаев считавшей начинающих голодовку отказчиками от работ и направлявшей их в связи с этим в изолятор”.

Протокол допроса подписали Сперанский и Кононович – начальник Управления постоянно ставил свою подпись под протоколами, содержащими признательные показания наиболее заметных арестованных по делу № 17777, напоминая тем самым и о личных заслугах в разоблачении матерых казров. Эти заслуги, как и вполне успешное, с точки зрения Наркомата, руководство всей деятельностью Управления, будут незамедлительно отмечены: в 1938 году Сперанский получит свое очередное и последнее “специальное звание” капитана.

Нет нужды особо доказывать, что реальная политика УНКВД по ДС и Севвостлага по отношению к заключенным каэрам выглядела совершенно иначе, чем об этом показал Филиппов. Ни о каком покровительстве, ни о каком сохранении здоровья заключенных для будущих антисоветских подвигов речь, разумеется, не шла, и тот же начальник УСВИТЛа Филиппов, вслед за зам. начальника УНКВД по ДС Веселковым, подпишет 27 августа 1937 года справки об антисоветской подрывной деятельности за время пребывания в Севвостлаге на 14 заключенных-троцкистов с прииска “Партизан”, и справки эти достойно выполнят роль обвинительного заключения, тем более что его в этом деле и не было, – все обвиняемые будут расстреляны, такое вот какао.

Совершенно очевидно, что показания арестованного Филиппова, как и показания тысяч других жертв тогдашнего НКВД, могли быть добыты только в результате истязаний. Они, эти истязания, были здесь неприхотливыми, примитивными даже – избиения: руками, ногами, линейкой по голове, головой об стену, перекидывали – кулаками! – арестованного из одного угла в другой (чтобы искал “пятый угол”), ломали ребра, носы, пальцы рук (один из палачей, зам. начальника отделения Пацевич, кстати, секретарь парторганизации Управления, так расстарался в этих забавах, что сломал себе кисть руки – потом две недели ходил на службу с рукой на перевязи); запихивали в “смири-

тельную рубашку” и стягивали рукава так, что арестованный едва мог дышать; ставили в “стойку” на неделю-две-три (рекорд около 40 суток) под присмотр “колунов” (от слов “колоть”, “раскалывать” на следствии – “до ж... расколем, дальше сам развалишься”, ведомственный юмор) из морпогранотряда – опер ведь тоже человек, он не может 24 часа при своем подследственном сидеть; помещали в холодный карцер, ставили без одежды на морозе...

Из моральных унижений широко практиковались плевки в лицо.

Один из бывших арестованных П. А. Сулемко позднее свидетельствовал:

“...на третьи сутки моей стоянки, когда я уже начал галюцинировать, ко мне поставили еще двух человек (...), но фамилии их я не помню. И вот на моих глазах уполномоченный Потапов стал бить одного из них сапогом по опухшим ногам, а затем подходил ко мне и подносил к носу кулак и говорил: “Не будешь писать и тебе то же самое”. В течение всего времени стоянки мне предлагали кушать принесенную из тюрьмы селедку и соленую рыбу, но я не ел, потому что пить воду не давали, а когда станешь просить воды, то заявляет тот, кто занимается “допросом”: “Пиши то, что тебе говорят, тогда получишь воды”. И вот когда я дошел до изнеможения, без сна, воды, распухшими ногами и после того, когда меня 23 июня под утро связали в смирительную рубашку, практикант 5 отдела Шелестов и второй пограничник (фамилию его я не знаю), я почувствовал, что теряю силы, у меня открылась невероятная боль поясницы и живота, я в полубессознательном состоянии провел еще до 31 июля (возможно, что речь идет все-таки об июне. – А.Б.), а утром 31 июля под диктовку Потапова я стал писать, что я якобы завербован в повстанческую организацию...”

Жуткая, но обыденная по тем временам история, творимая самыми что ни на есть рядовыми сотрудниками НКВД. Впрочем, были среди тех палачей и любители разнообразия: о/у (оперуполномоченный) Горский арестованную Булыгину избивал, предварительно раздев догола, он же плевки свои целил исключительно в рот арестованному. Изобретателями “барабана” – одновременного удара двумя ладонями по ушам жертвы – в Управлении считали сразу трех сотрудников: Баранова, Бибикова и Мохова. Этим к числу рядовых не отнесешь.

Последняя фамилия нам уже встречалась – в 1936 году Мохов недолго, всего лишь месяц, был на должности начальника СПО, а потом передал ее более опытному Мосевичу. А первый раз эта фамилия встретилась мне в коротеньком колымском деле поэта Владимира Нарбута. Представлял ли себе 27-летний сержант ГБ (тоже “специальное звание”), с кем на несколько дней 38-го года свела его судьба и кем он, сержант, войдет в историю?

Мохов Александр Васильевич родился в 1909 году в крестьянской семье. Отец погиб в гражданскую войну. В 1925 году вступил в комсомол. В 1930-м закончил техникум, получив специальность технолога кожевенного производства. Осенью 1931 года был призван в армию. Служил как “одногодичник” в артиллерийской части в Благовещенске. После демобилизации в сентябре 1932 года стал сотрудником ОГПУ – пом. уполномоченного особого отдела Особой Дальневосточной. Автобиографию, составлявшуюся, видимо, при зачислении в ОГПУ, закончил весьма нестандартной, трогательной фразой: “Воспитанием и образованием обязан моей матери”. Не отцу, погибшему на колчаковском фронте, не комсомолу – матери. Ведь что-то было в этом парне, а?

Не прошло и года службы в особом отделе, как Мохов – выстрелом из пистолета в грудь – пытался покончить жизнь самоубийством. В записке, оставленной другу, писал: “Аркаша, сообщи осторожно моей матери, что ее сына не стало...”. Но выжил. Из рапорта начальнику отдела кадров ПП (Полномочного представительства) ОГПУ ДВК: “При предварительном расследовании Мохов заявил, что он покушался на самоубийство по причине плохой служебной обстановки и нежелания служить в органах”.

Ну так не желаешь – и не служи (потому что кто знает, что там была за “служебная обстановка” и что заставляли делать 24-летнего парня), но и двух месяцев после этого случая не прошло, как Шура (так записку подписал) Мохов оказывается в Магадане и назначается на должность пом. уполномоченного по Ольскому району. Не силой же его в пароход затолкали! Или заработком поманили? Он ведь и до попытки самоубийства начальству жаловался, что ему жить не на что: он матери должен ежемесячно 250 рублей посылать – с ней еще младшие брат и сестра остались, – а он всего 205 рублей получает. Тогда ра-

порт оставили без внимания, а теперь, может, обнадежили: поедешь на Колыму – будешь деньги лопатой грести?..

Через год последовала первая награда – 28 сентября 1934 года Берзин подписал следующий приказ:

“Пом. Уполномоченного отдела ГБ (так в тексте. – А.Б.) Дальстроя т. Моховым проведена большая оперативная работа в тайге по выявлению хищников имущества Дальстроя (хищники, естественно, имелись в виду двуногие: кражи в Дальстрое – что в Магадане, что в тайге – были и впрямь фантастические. – А.Б.), – в итоге мое оперативное приказание т. Моховым выполнено полностью. Отмечая это,

приказываю

тов. Мохова наградить металлическими (то есть не золотыми и не серебряными. – А.Б.) часами с надписью “За борьбу с хищниками социалистической собственности” и выдать грамоту”.

Еще через полгода в аттестации, которую подпишет будущий председатель первой магаданской Тройки, а тогда непосредственный начальник Мохова Кожевников, о самом Александре Васильевиче будет сказано немало положительного: в разрешении чекистских задач находчив и умело ориентируется в обстановке, инициативен... лично им вскрыта и ликвидирована кулацкая группа в Тасканском промхозе и Оротукском сельсовете... работает над собой много, находится постоянно в курсе всех политических событий. В общественной работе принимает активное участие, являясь членом Тасканского РИКа... в личном быту скромн, сомнительных связей не имеет, вращается только среди сотрудников Отдела НКВД и работников организации Тасканского РИКа...

Но там же, в той же аттестации: болен неврастением в острой форме – и это в 26 лет (к слову, у Бондаренко П.С., о котором шла речь выше, неврастения средней степени была установлена в 23 года, к тому времени он уже 3 года служил в органах ГПУ).

В скором времени Мохов стал считаться специалистом по “местному коренному населению”. Работал в Тауйске, в Балаганном, мог говорить с якутами на родном языке. “Мохов прекрасно знает край и коренное население, что делает его очень полезным, нужным работником в этих условиях” – из другой характеристики, также подписанной Кожевниковым. В ноябре – вероятно, к празднику – 1935 года Берзин еще раз наградил Мохова часами и грамотой.

В мае 1937 года Мохова переводят на должность оперуполномоченного в аппарат Управления, с декабря 1937 года он – о/у 4-го отдела ГБ УНКВД (это значит – в подчинении у члена “московской бригады” Богена), в ноябре 1938 года стал секретарем комсомольской организации Управления – после всех своих следовательских подвигов пользовался доверием начальства и уважением товарищей.

Новое, после Сперанского, руководство Управления предполагало выдвинуть Мохова на должность начальника ЭКО, ту самую, что раньше занимал Бондаренко, и готовило его аттестацию на звание лейтенанта. Перед молодым, тридцатилетним, но уже опытным, инициативным работником НКВД открывались новые перспективы: в конце 1939 года он был откомандирован в распоряжение отдела кадров Наркомата – по семейным, как было указано в приказе, обстоятельствам.

Порядок ведения уголовного преследования в тот период на территории Дальстроя отличался рядом характерных черт. Если говорить о самом аппарате УНКВД по ДС, то роль “московской бригады” в его деятельности уже подчеркивалась. Однако четырех прикомандированных было явно недостаточно для того, чтобы в полной мере руководить всей репрессивной деятельностью этой организации, в которой по линии УГБ насчитывалось около десяти отделов. Оттого “четверке” в своей работе постоянно приходилось опираться на таких проверенных магаданских сотрудников, как Бондаренко, Ребров, Бабинов, Заботин, Смертин, Баранов и другие.

Похоже, что дело, получившее номер 17777, и впрямь имело “генеральный сценарий” и арестовывавшиеся под это чисто мифическое действие должны были лишь “авторизовать” заранее написанные для них тексты. Оттого показания, выбитые у арестованных описанным выше образом следовали на “корректировку” к одному из нач. или пом. нач. отделов. Тот вносил в них то, что полагал нужным, в соответствии с общим замыслом сценария: обстоятельства (подчас совершенно фантастического свойства), дополнительные фамилии (а, скажем, пяти или десяти сообщников, уже названных арестованным, считалось недостаточно – начальство своей рукой вписывало еще десять-двадцать фамилий, а то и более). “Скорректированные” таким образом показания еще раз

предъявлялись арестованному, он или сразу принимал их, или требовались дополнительные “процедуры”. Повторно “авторизованные” показания перепечатывались на машинке (копии требовались в дела тех, кого назвал арестованный как своих сообщников, иногда копий нужно было так много, что окончательно “скорректированный” текст размножался на ротатипте), снова просматривались начальством и только тогда уже давались на подпись арестованному: с моих слов записано верно и мною прочитано, в чем и расписываюсь...

На периферии, где сил меньше (хотя Управление и гоняло весь свой аппарат неустанно, чтобы помочь местным товарищам) и квалификация не та, а главное, нет необходимости каждого казра вплетать многочисленными связями в паутину повстанческой организации (достаточно указать, что он тут, на прииске, по указанию из Хатыннаха вредил или шпионил), там, конечно, такую бюрократию не разводили, но работы все равно хватало.

Фрагмент такой работы на самой отдаленной тогда дальстроевской территории, в Колымском речном управлении, запечатлел один из документов 1939 года. Речь идет о предыдущем годе:

“(...) в конце июля или начале августа во время отсутствия Винницкого (члена “московской бригады”. – А.Б.), который улетел в Амбарчик, Федоров (возможно, В.Федоров, который впоследствии станет о/у в РО по СГПУ, его колоритную фигуру В.Шаламов представит в рассказе “Мой процесс”, он возникнет в штрафной зоне “Джелгала” в годы войны. – А.Б.), Козичев (старый колымский опер, личность весьма неоднозначная, работал большей частью по линии уголовного розыска, но в данный момент был о/у одного из отделов УГБ; по семейной легенде, именно он вел дело моего отца, хотя документально это и не подтверждается; позднее, возможно, Козичев командовал лагерной командировкой на Мылге. – А.Б.) и Мохов (ну а это знакомый нам Александр Васильевич. – А.Б.) дважды устраивали попойки, причем последние продолжались по 3-4 дня (...). Окна квартиры Федорова круглые сутки были открыты, все время играл патефон, иногда были слышны и песни вышеуказанных лиц. Не помню, в какие числа, Козичев и Федоров появлялись в нетрезвом виде в поселке и на пароходах (...).

Сразу же после прихода парохода “Леонгард” сверху, на котором был привезен арестованный Гамзаев, в поселке появился усиленный разговор, что ночью, проходя мимо Райотдела, многие слышали крики Гамзаева: “Что вы делаете, караул!”. Из этого люди делали выводы, что Гамзаева и других избивают. Капитан парохода “Леонгард” т. Ильинский М.И. говорил: “Как только был уведен с судна Гамзаев, я проходил мимо Райотдела и сам слышал оглушительные крики, голос был как будто Гамзаева”.

(...) Будучи в нетрезвом виде, на квартире Рудометова (о/у РО по КРУДС, Колымскому речному управлению Дальстроя, один из следователей по факту восстания на командировке “Зеленый мыс”. – А.Б.) в присутствии посторонних лиц Федоров говорил: “План по выкорчевыванию врагов народа по району перевыполнен, мой район идет всех впереди”. И дальше: “Все арестованные подписались”.

В доказательство этого Федоров сходил и принес протокол допроса Грибова и начал читать. Дальше Федоров говорил, что на днях он вылетает в Магадан для получения ордеров на арест других лиц”.

Летал в Магадан Федоров, видимо, все-таки не за этим – ордер на арест он мог выписать и сам, а в Управление он собирался, скорее всего, за списком тех, кого ему надлежит арестовать.

Составление таких списков в отделах УНКВД – одна из характернейших черт репрессивной практики тех лет: отделы Управления, располагая своим “учетным контингентом”, давали указания местным РО, кого и по какой категории (первой или второй) привлекать к уголовной ответственности.

В нынешних архивах сохранилось не так много документов текущего делопроизводства территориальных и отраслевых отделов УНКВД тех лет. Они, видимо, не подлежали “вечному” хранению, но кое-что все-таки осталось – то ли по небрежности тех, кому надлежало уничтожать отслужившие свое документы, то ли (и эта версия представляется мне вполне вероятной) как сознательно допущенная утечка информации для тех, кто будет изучать трагическую колымскую историю через много-много лет. Разные люди работали в этой организации даже в самое страшное время, думаю, что кое-кто из них мог пойти

даже на немалый риск для того, чтобы сберечь крупницы правды для будущих поколений.

Словом, сохранилась переписка, которую вело РО НКВД по Управлению дорожного строительства в январе-сентябре 1938 года со своим Управлением в Магадане и соседом в Хатынах – РО НКВД по СГПУ, а иногда и напрямую с ИЗО “Серпантинная”. В Магадан начальник РО НКВД по УДС Золотарев сообщал списки лиц, в отношении которых закончены дела по первой и второй категориям, а затем и высылал законченные дела (при этом создается впечатление, что этого списка Тройке было вполне достаточно, чтобы “рассмотреть” то или иное дело – само дело отправлялось как бы в досыл к уже принятому Тройкой постановлению), а в Хатыннах начальнику РО Мельникову (или на “Серпантинную”, начальнику командировки Максиму) следовали списки осужденных – вместе с этапом, разумеется. Такой вот получался пасьянс:

29.01.38. Начальник РО НКВД по УДС направляет в Магадан Сперанскому 30 оформленных дел, “утвержденных” (в дальнейшем это слово встретится еще и еще) Тройкой УНКВД по ДС в пос. Оротукан (выходит что-то вроде выездной сессии) 27.01.38 (то есть высылает уже после рассмотрения). Далее следует список на 30 фамилий (одна вычеркнута), направленный Мельникову, и расписка Максимова в получении 29 заключенных.

08.02.38. Начальник РО НКВД по УДС Золотарев – Сперанскому:

“При этом направляю оформленные дела в количестве 15 человек на бандгруппу саботажников для предоставления на Тройку УНКВД по ДС согласно списка” (что это за список, пока еще не совсем ясно. – А.Б.).

20.02.38. О/у 8 отд. УНКВД Черенковой:

“При этом направляем Вам 70 следственных дел на з/к, которые прошли через Тройку и получившие высшую меру наказания. Все арестованные направлены в Хатынах.

Пом. нач. РО НКВД по УДС Малишевский”.

Составленное сержантом ГБ донесение опять-таки подтверждает высказанное выше предположение: подчас (не буду утверждать, что всегда, но похоже, что иначе этот орган и не мог бы справиться с таким объемом кровавой работы) свои постановления Тройка УНКВД по ДС выносила, даже не имея дел перед глазами.

Здесь стоит заметить, что дела, “оформляемые” на рассмотрение Тройки по ДС (точнее - Троек, потому что данный орган существовал в разные периоды в разных составах), были неодинаковыми по объему. Иные составляли увесистые тома, иногда и несколько томов - например, дело 59 троцкистов, в числе которых были и весьма заметные фигуры оппозиции, рассмотрено 14.09.37. Были дела средние по объему – 40-50 листов. Характерно, что по мере того как операция, то бишь расправа, санкционированная приказом № 00447, набирала ход, конкретные уголовные дела становились все тоньше и тоньше – 15-20 листов, 12-15...

По сохранившимся описям отправки дел (а они, по неразгаданной пока логике, путешествовали из Магадана в Хабаровск и Москву, возвращались, иные затем следовали в Омск) можно обнаружить и вовсе тоненькие - 9-10 листов. Если исключить из этого объема листы, так сказать, обязательные (ордер на арест, протокол обыска и ареста, обвинительное заключение или хотя бы справку об антисоветской деятельности, выписку из протокола заседания Тройки, выписку из акта расстрела в делах, “оформленных” по первой категории), то сколько там остается на “доказательные” материалы? Листов пять, не больше. В том числе и протокол допроса обвиняемого (обычно на двух листах). При этом он может категорически отказываться от всех предъявленных ему обвинений или покорно соглашаться с ними – судьба его от этого не изменится.

Есть основания предполагать, что тогдашние чекисты и не ставили задачу обязательно “сломать” каждого из арестованных – возможно, что у них на это не хватало времени и сил (да и не всякий, наверное, был способен на такую жестокую “работу”), возможно, что в отношении к тем фигурам, которые не считались важными, центральными, что ли, в завязывавшемся деле, эти самые следователи могли и попросту махнуть рукой: все равно никуда не денешься, у нас свидетельские показания имеются...

Это выглядит как фарс, но так, видимо, требовали самые высокие инстанции: совершенно надуманные обвинения тщательно обставлялись свидетельскими показаниями, да и не одним каким-нибудь, а двумя-тремя, словно колымские юристы заповедям ископаемого римского права следовали: один свидетель – не свидетель.

(Правда, в массе рассмотренных дел нашел я одно исключение из этого правила: дела, подготовленные на рассмотрение Тройки военнослужащими морпогранотряда, в них со свидетельскими показаниями негусто или их нет вообще. И чем это объяснить – то ли квалификацией пограничников, все-таки не следователи, то ли предмет доказывания был слишком труден – самым распространенным обвинением в этих делах было обвинение в шпионаже в пользу Японии).

Были штатные свидетели: начальники лагерных пунктов и командировок, их помощники, старосты, дневальные, инспекторы КВЧ (культурно-воспитательной части), а они в большинстве и в 1937 году были все еще из числа заключенных-бытовиков, – вся эта “администрация”, вся “придурня” готова была обычно свидетельствовать о ком и о чем угодно. Но и их нельзя было все время подставлять, поэтому приходилось в большинстве дел выискивать и “опорных” обвиняемых, называвших по двадцать-тридцать, а то и больше неразоружившихся “врагов народа”... Возможно, что к этим лицам следователи и применяли все меры психического и физического воздействия – от заманчивых обещаний до избиений. Однако (и это просматривается по множеству дел) судьба и таких “расколовшихся” обвиняемых оказывалась трагической.

Вот лишь одна иллюстрация. 20 апреля 1938 года пом. нач. 4-го отдела УГБ УНКВД по ДС мл. лейтенант ГБ Забодин и нач. РО НКВД по КУСиПХу Скоробогатченко допросят з/к подлагпункта “Эльген” Кобленца Симона Самойловича, 1887 г.р., уроженца Латвии, бывшего меньшевика и бывшего члена ВКП(б) с 1919 г. (исключен в 1936 г. как троцкист), осужден в 1936 г. О/с за КРТД на пять лет л/с. Кобленц показал, что в антисоветскую организацию на Колыме его завербовал уже известный нам Фоминых Л.А. в последних числах декабря 1937 г. По заданию Фоминых Кобленц якобы завербовал в ту же организацию з/к Некрасова А.А., который завербовал (следуют семь фамилий), и з/к Князева И.П., который завербовал (еще четыре фамилии)...

Протокол допроса Фоминых датирован 22 мая. Его допрашивал начальник отдела УНКВД капитан Ребров. Фоминых якобы показал, что он завербовал в повстанческую организацию 30 з/к, и первым назвал Кобленца С.С. К тому дню Тройка

УНКВД по ДС уже “рассмотрела” дело Кобленца (5 мая 1938 г.), месяц спустя он был расстрелян. Судьба самого Фоминых нам уже известна.

Но вернемся к сохранившейся части переписки РО НКВД по УДС – с той же целью прояснить происхождение упоминавшихся ранее в этой переписке “списков”.

27.05.38. Пом. начальника РО сержант ГБ Малишевский (Золотарев к тому времени пойдет на повышение, еще через год, в звании старшего лейтенанта ГБ, он станет пом. начальника Управления, а еще позднее возглавит здесь парторганизацию) напишет в Управление лейтенанту Бронштейну:

“При этом направляю Вам дела, согласно присланных (подчеркнуто мною. – А.Б.) списков по первой и второй категории, для рассмотрения на Тройке УНКВД в количестве 32...”.

02.06.38. Малишевский – Бронштейну:

“При этом направляем Вам оформленные дела, согласно присланных (подчеркнуто мною. – А.Б.) списков, для рассмотрения на Тройке в количестве 58 дел”.

В этих служебных посланиях сержант указывает на то, на что его старший товарищ – сознательно или случайно – не обращает внимания: списки-то присланные... Но кем?

Но вот еще один июньский документ. Снова Малишевский – Бронштейну:

“При этом направляем Вам оформленные дела на Тройку по второй категории, согласно присланных Вами (подчеркнуто мною. – А.Б.) списков и выявленных вновь заключенных, которые проводят к-р агитацию освобождающиеся в 1938-39 г.г. Приложение: 11 дел”.

Ну вот секрет и открывается, откуда в РО НКВД поступают списки: из Управления, от тов. Бронштейна. Это раз. А во-вторых, данная сопроводилка фиксирует и активность работников райотдела: они не только по спискам работали, но и от себя кое-что добавили. В-третьих, важно – и Малишевский это тоже подчеркивает, – что данные заключенные могут освободиться уже в этом или следующем году, а потому самое время их подзадержать. В-четвертых, обратите внимание, что всех дел – списочных и инициативных – “оформленных” по второй категории, только одиннадцать. Немного. Но вторая категория сильно уступала первой (расстрельной) в масштабах деятель-

ности и всего Управления. Здесь только фрагмент этой пропорции фиксируется.

Впрочем, известно, что ко второй половине 1938 года размах репрессий начинает стихать, смягчает характер директив Управления и решений, которые принимаются на местах, — потому и дел, идущих по второй категории, становится относительно больше.

09.07.38. Малишевский — Бронштейну:

“При этом направляю Вам оформленные дела на Тройку по второй категории, согласно присланных Вами списков и выявленных вновь заключенных, которые проводят агитацию, освобождающиеся в 1938-39 гг. Приложение: 25 дел”.

Пройдет еще месяц-два, и в стенах могущественного УНКВД по ДС (а мало кто из магаданцев помнит это длинное и невзрачное деревянное здание, стоявшее чуть ниже нынешнего Муниципального центра культуры) начнется пока еще тихая паника: что происходит?.. целый год работали, в рот пароход, как скажет позднее один магаданский поэт, — а результат?.. Многочисленные фрагменты (тогда было принято — вероятно, для удобства рассмотрения: уголовные дела, а они были, как правило, групповыми, разбивать на части, по числу обвиняемых), фрагменты дела-красавца № 17777 еще в начале июня ушли в Наркомат для решения вопроса по существу — и глухо, как в воду канули... Это что же происходит?

И хотя жизнь, как казалось, шла своим чередом: арестованные, чьи дела были отправлены на рассмотрение, сидели-припухали поблизости, в “доме Васькова”, а в Магадане и в других местах выписывались новые ордера, Тройка заседала-постановляла, постановления исполнялись, но все это уже без прежнего пыла, с какой-то затаенной тоской — а дальше-то что? И впрямь было по чему тосковать — все так лихо начиналось.

Под № 1 в делопроизводстве УНКВД по ДС, после того как его принял новый начальник, член “девятки” Сперанский, значится дело заключенной Кузовлевой Татьяны Нестеровны.

Крестьянка-единоличница, 1883 г.р., уроженка деревни Рублевая Гаринского района Свердловской области, вдова с пятью детьми на руках, была арестована в январе 1937-го и осуждена в июне спецколлегией Свердловского областного суда как участница контрреволюционной организации, названной в приговоре религиозной сектой “арсентьевцы” (история русской

православной церкви знает “арсеньевщину” — раскольничий, поповщический толк, впрочем, у чекистов в сектантскую попадала сплошь и рядом и вполне традиционная религиозная деятельность). В приговоре облсуда указано, что Кузовлева проводила к-р пропаганду, в 1934 и 1935 годах ходила по деревням и, используя религиозные предрассудки отсталой части населения, вела контрреволюционную пропаганду по вопросам коллективизации, распространяла контрреволюционные листовки, вербовала новых членов в контрреволюционную группу. Она была осуждена по ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР на шесть лет лишения свободы.

На Колыму Кузовлева была доставлена в конце сентября 1937 года и помещена на командировку “Новый Магадан” (она же ЖенОЛП Маглага).

Командировка, по свидетельству старожилов, помещалась на месте нынешнего ряда домов по Якутской улице — от здания областной библиотеки и вниз, до Пролетарской, справа граничила с бывшей швейной фабрикой. Начальником командировки была А.С.Зайцева, ее упоминает в повести “Деталь монумента” Зинаида Лихачева, которая тогда же, в 1937 году, окажется на этой командировке в качестве заключенной: “... когда Зайчиха гневалась, ее широкое лицо приобретало свекольный оттенок, а в глазах толстых добрых губ накопились белые пузыри”.

Здесь против Кузовлевой 9 декабря будет возбуждено новое уголовное преследование. 14 декабря по ордеру, подписанному Сперанским, она будет арестована, 15-го Боген, все тот же Боген, но раз дело шло по его отделу, и он должен был руку приложить — подписал обвинительное заключение, а на следующий день оно было поставлено на рассмотрение Тройки — такая вот стремительность.

Вел дело о/у 4-го отдела Цепляев. Первой он допросил А.Л. Андрееву, з/к той же командировки (осуждена О/с НКВД СССР за к-р агитацию на 5 лет лишения свободы). Свидетельница показала, что в бараке № 4, в котором она с 25 ноября стала старостой (то есть всего за две недели до допроса), “... есть к-р церковная группа, в состав которой входят з/к з/к женщины: Кузовлева Т.Н., Чернышева М.И., Антонова А., Овешкова Ф.Н., Бреславец М.А., Табурчак Н.Г. Руководителями к-р церковной группы являются сестры Кузовлева и Овешкова (...) К-р цер-

ковная пропаганда заключается в организации пения церковных псалмов, в призыве не ходить на работу в праздники”.

9-10 декабря Цепляев допросил и шестерых участниц “к-р группы” – все они в прошлом крестьянки из разных областей России и Украины в возрасте от 46 до 56 лет, малограмотные или неграмотные вовсе, в конце протокола ставили вместо подписи один, два или три креста, все ранее осуждены за КРА. Они в выражениях, которым позавидовал бы и сам Боген (так, например, выглядят показания Бреславец М. А. с «нисшим» образованием: “С 1929 года я состояла в к-р повстанческой организации, в составе которой активно боролась с советской властью до моего ареста и разгрома к-р организации. Борьбу свою я не прекращаю и на сегодняшний день”), подтвердили показания старосты барака, добавив от себя еще и некоторые подробности (Овешкова, например, рассказала об оставшихся в родном селе неразоблаченными “арсентьевцах”), словно не желая ни в чем оправдываться перед сатанинской властью и вполне справедливо полагая себя невиновными перед властью другой, высшей.

Цепляеву, однако, потребовались еще и “объективные” свидетельства. Так в деле появился акт, подписанный начальницей командировки Зайцевой, зав. учетно-распределительным бюро (УРБ) Денисовым, лагерной старостой Казаковой, а также завхозом и врачом лагерного пункта, в котором говорилось, что все шестеро арестованных “... по прибытии в Магадан и за последний квартал отказываются от всех видов работы, одежды, сыты, здоровы”. А в характеристике на з/к Кузовлеву Т.Н. указано, что она вообще не работает: за полтора месяца пропустила 41 рабочий день и является “дезорганизатором рабочей массы”.

Характеристику Кузовлевой, кроме начальника командировки Зайцевой, подписали ст. воспитатель Мильхов, зав. УРБ Денисов и та же лагерная староста Казакова. Вот эти трое и принадлежали к упомянутой выше категории “штатных свидетелей”. Те же самые з/к, но “бытовики”, осужденные за хищения, – “социально близкие” власти, попав в ранг привилегированной “придурни”, готовы были свидетельствовать о чем угодно, лишь бы удержаться на своих теплых местах. Данное качество именно этих людей известно мне и по другим делам,

возбужденным в то страшное время на командировке “Новый Магадан”. Какая же им может быть вера?

Да и посудите сами: реально ли, чтобы труженица-крестьянка, пусть даже попав в сатанинские лагерные условия, прогуляла за полтора месяца 41 день? Такому показателю и завзятый “блатной” позавидовал бы.

Кузовлева, как и ее поделщицы, как и тысячи верующих, находившиеся в лагерях, просили администрацию об одном: не заставлять их работать в праздники (ибо это – большой грех) – “Уважьте! А уж мы этот день вдвойне, втройне отработаем!”

Вранье администрации следствию, в общем-то, не очень и пригодилось: нет упоминания о таком количестве пропущенных рабочих дней в протоколе допроса Кузовлевой, нет обвинения в этих прогулах, равно как и в контрреволюционном саботаже, в формуле, которая была представлена Тройке УНКВД по ДС. Но постановление последней тем не менее было безжалостным – расстрелять. Расстреляны были и пять других названных выше “участниц к-р группы”, в том числе и родная сестра Кузовлевой Овешкова Ф.Н.

(В одном из документов мне снова встретилась эта фамилия: Овешков Степан Михайлович, 1913 г.р., уроженец с. Рублево Гаринского района Свердловской области – у Кузовлевой и Овешковой деревня Рублевая того же района. Кто же он тогда сестрам – только односельчанин? Или, может быть, это сын Фомаиды Нестеровны? По возрасту, может быть, и сын.

Овешков был арестован 27 июня 1938 года. Он обвинялся в отказах от работы в лагере и побеге. Тройка рассматривала его дело 6 августа. 7 августа он был расстрелян.)

Через 23 года после описываемых событий сын Кузовлевой Герой Советского Союза Мирон Ефимович Кузовлев, проживавший в Саратове, обратился к председателю Свердловского областного суда с просьбой об отмене приговора, вынесенного его матери в 1937 году.

“Я знаю, что моя мать осуждена по вышеуказанной статье незаконно, т.к. она совершенно неграмотная и никакой религиозной пропаганды вести не могла. Одновременно прошу Вас установить, что с ней произошло с момента осуждения, так как никаких известий нет до настоящего времени”.

Письмо М.Е.Кузовлева пропутешествовало в Свердловске из облсуда в прокуратуру, из прокуратуры – в УВД. Последнее,

зная о постановлении дальстроевской Тройки, тем не менее переадресовало это письмо в УВД Магаданской области – ваше дело, мол, вы и отвечайте...

Майор Кучма – теперь уже личность совершенно легендарная, работники правоохранительных органов говорили о нем, что он знал ВСЕ (М.С.Черенкова ушла из УНКВД в УСВИТЛ еще в начале 40-х), – своим точным знанием с заявителем делиться не стал, а поступил в соответствии с письмом КГБ СССР № 108сс (совершенно секретным – в то время) от 24.08.55 г. – составил фальшивое заключение о смерти Кузовлевой Т.Н. в период отбывания наказания в лагере 10.08.41 г. от цирроза печени, подписал его у своих начальников-полковников и направил в Саратов с просьбой ознакомить с этим заключением заявителя, что и было сделано 06.12.60 г.

Одновременно УВД Магаданской области направило заявление М.Е.Кузовлева в областную прокуратуру, приложив к нему архивно-следственное дело – то самое, “троечное”.

Здесь стоит напомнить, что в 60-е годы реабилитация осуществлялась лишь по заявлению бывшего заключенного или его родственников, а не по инициативе правоохранительных органов, как ныне. И хотя М.Е.Кузовлев в своем заявлении вопрос о реабилитации его матери по “троечному” постановлению не ставил, в областной прокуратуре этому делу дали ход, рассудив, что знай заявитель о таком постановлении, он непременно просил бы отменить и его.

В декабре 1960 года прокурор Магаданской области Ф.Л. Кравцов внес по делу Кузовлевой протест (в порядке надзора – такое вот занятное юридическое обоснование) в президиум Магаданского областного суда, который не мешкая этот протест удовлетворил: постановление Тройки УНКВД по ДС от 16.12.37 в отношении Кузовлевой Т.Н. было отменено – “за отсутствием состава преступления”. Но и извещая сына Кузовлевой об отмене этого постановления и реабилитации его матери, Магаданский областной суд так и не сообщил заявителю, что это было за постановление и какова была настоящая причина смерти Т.Н.Кузовлевой.

Судя по документам этого архивно-следственного дела, нынешние правоохранительные органы больше к нему не возвращались, а это означает, что родственники Т.Н.Кузовлевой и по сей день не знают о существовании драмы, случившейся в декабре 1937 года в Магадане.

То, что под первым и пятью следующими номерами в новом, после приезда “девятки”, делопроизводстве УНКВД по ДС оказались дела, как тогда говорили, “церковников”, является до известной степени случайным. С наименьшей вероятностью под № 1 могло идти дело по обвинению в троцкистской деятельности, вредительстве, принадлежности к повстанческой организации... Однако и закономерность в том, что дела “церковников” оказались на первых местах, имеется немалая: и в предшествующие, берзинские времена верующие были одним из излюбленных объектов уголовного преследования.

Несколько примеров из той же домашней картотеки.

22.08.37. Тройка рассмотрела дела двенадцати магаданских заключенных (в их числе Бершадская Ф.Л., Лозовая М.А., Сопильняк М.С.), обвинявшихся в сектантской деятельности. Постановили – расстрелять.

07.09.37. Тройка рассмотрела дела шестнадцати заключенных, находившихся на командировке ЛЗУ (лесозаготовительный участок) № 2 (в их числе Егоров В.П., Жимаев М.Т., Ковалев Ф.В.), обвинявшихся в той же сектантской деятельности. Постановили – расстрелять.

12.09.37. Тройка рассмотрела дело пяти служителей культа (в их числе Трофименко В.Г., Зенков С.С., Ильин И.И.), находившихся на п/лп “Базовые склады Мортрана” и обвинявшихся в КРД. Постановили – расстрелять.

01.11.37. Тройка рассмотрела дело Бороздина П.А. и Лавринова Д.М., заключенных штрафной командировки “Нерега”, обвинявшихся в отказе от работы по религиозным соображениям. Постановили – расстрелять.

14.11.37. Тройка рассмотрела дело членов религиозной группы Пенькова А.А. и Колодова П.С., обвинявшихся в контрреволюционной агитации и дискредитации Сталина. Постановили – расстрелять.

Этот список можно длить и к началу деятельности Дальстроя. И, может быть, о самом первом (во всяком случае – одном из самых первых) случае расстрела колымских заключенных, связанного с их религиозными убеждениями, рассказал на страницах газеты “Вечерний Магадан” (№ 35, 2 мая 1992 г.) депутат Магаданского горсовета И.А.Абрамов. В его статье “Мера социальной защиты – расстрелять” приводится следующий документ:

“Постановление о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения.

1933 год, июня 20 дня. Поселок Магадан.

Уполномоченный УСВИТЛ ОГПУ Мелешкевич сего числа рассмотрел имеющийся в производстве материал по делу № 359 по обвинению з/к, з/к секты Федоровского толка – Шульги Филиппа Алексеевича, Кравцова Михаила Кузьмича и Свиридова Трофима Степановича в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58-11 и 58-14 УК.

Перечисленные выше сектанты (...) Федоровского толка достаточно избличаются в том, что, находясь в лагерях ОГПУ, систематически отказывались от работы. Свой отказ мотивируют религиозными убеждениями. Кроме того, Шульга, Кравцов и Свиридов добровольно вступили в контрреволюционную группировку Федоровского толка и, находясь в резервном лагунке Севвостлага ОГПУ, организовали группу в числе 13 человек, которая ставила своей задачей путем систематической контрреволюционной агитации, распространения провокационных слухов о неизбежности войны, падении Соввласти агитировать основную массу заключенных на систематические отказы от работы, от приема пищи. Путем злостного саботажа направить свои силы на срыв социалистического строительства Колымского края и разложение всей массы заключенных лагеря. Перечисленные сектанты совершили преступление, предусмотренное ст. ст. 58-11 и 58-14 УК РСФСР (...).”

В этой развернутой формуле читатель без труда найдет элементы, которые встретятся ему затем в основной массе обвинительных заключений, составлявшихся через какие-то четыре-пять лет, – “ежовщина”, конечно, пришла не вдруг и не на пустое место.

А тогда, в 33-м, всех троих обвиняемых расстреляли по постановлению ПП (Полномочного представительства) ОГПУ по ДВК.

В наши дни на страницах исторических и публицистических работ, в художественной литературе (роман А. Рыбакова “Страх”) часто встречается термин “кадровая революция”. Именно в ней авторы находят исток инспирированных Сталиным главных политических процессов 1935–38 годов. Их естественным продолжением были репрессии, обращенные против

партийных функционеров среднего и низшего звена, против рядовых членов партии, и главным образом против тех из них, чей партийный стаж был наибольшим, потому что именно в этих людях сторонники Сталина видели главных своих противников.

Из разных республик и областей страны злая судьба гнала их под “созвездья Магадана”, и здесь местные чекисты, усиленные столичными “специалистами”, завершали этот неизбежный процесс истребления.

Николай Алексеевич Назаров, 1879 г., уроженец г. Баку, русский, образование низшее, член РСДРП с 1902 г., по профессии токарь и слесарь, с 1933 г. по день ареста – зав. цехом завода “Октябрьская революция” в г. Баку, оказался на Владивостокской пересылке в марте 1937 г.

Он был осужден двумя месяцами раньше спец. коллегией Верховного суда Азербайджанской ССР, обвинялся в том, “что состоя членом КП(б) Азербайджана и являясь скрытым троцкистом, стал среди рабочих завода заниматься к/р агитацией, направленной против проведения мероприятий партии и правительства. При этом утверждал о неизбежности якобы 2-й революции (имеется в виду один из известных лозунгов Троцкого. – А.Б.), пытался доказать о плохом якобы материальном положении рабочих в СССР, высказывал злостную похабную к-р клевету против вождя партии, при этом восхвалял контрреволюционеров Троцкого и Зиновьева”.

Спец. коллегия отнеслась к старому большевику тем не менее с определенным и неожиданным пиететом – “(...) а потому приговорила: Назарова Николая Алексеевича признать виновным по ст. 72 ч. 1 УК АССР, но принимая во внимание его болезненное состояние, первую судимость, подвергнуть лишению свободы сроком на три года без поражения прав...”.

С Владивостокской пересылки он попал на прииск “Юбилейный” ЮГПУ (“Особые приметы: рост выше среднего, худой, седой, глаза карие, нос прямой, прочих примет нет”). Единственная рабочая характеристика в деле: “Работает сборщиком касситерита, отношение к труду и поведение неудовлетворительные. За малым пребыванием в лагере ничем себя не проявил. Адмвзысканий и поощрений нет”.

Назаров пробыл на Колыме всего лишь год. 31 марта 1938 года он был арестован, но уже будучи в Магадане на каран-

тинно-пересыльном пункте № 2. На следующий день о/у 4 отд. УГБ сержант Горский, ссылаясь на показания ранее арестованных заключенных Баскина и Арбузова, предъявил Назарову обвинение в принадлежности к повстанческой организации.

Из показаний обвиняемого Баскина Герцеля Лейвиковича, 1904 г.р., уроженца г. Мозырь БССР, еврея, грамотного, бывшего члена ВКП(б) с 1926 г., осужденного спец. коллегией Верховного суда за КРТД на пять лет лишения свободы:

“Я признаюсь, что являюсь участником антисоветской повстанческой организации на Колыме, в которую завербован бывшим участником эсеровской монархической (читатель, хотя бы в самой поверхностной форме знакомый с программой российских социал-революционеров, по достоинству оценит этот изыск дальстроевского УНКВД. – А.Б.) к-р повстанческой организации – Шевченко Григорием Карповичем в начале мая 1937 года на прииске “Юбилейный” ЮГПУ (...).

На мой заданный ему вопрос о том, как мы будем организовывать террористические акты с Колымы, Шевченко ответил, что возможностями для направления террористов в центры СССР организация располагает (весьма распространенный мотив в уличающих показаниях того периода, несомненно содержащийся в основном сценарии всего дела № 17777. – А.Б.), так как в этой повстанческой колымской организации принимают участие кое-кто из руководителей Дальстроя (...). Одновременно с вопросом о терроре Шевченко передо мной поставил задачу – принять меры и агитировать за массовые побеги из лагеря к весне 1938 года, за организацию из беглецов банды налетов на поселки, базы. Банды должны были при налетах совершать убийства коммунистов, комсомольцев, лучших производственников, разрушать, расхищать и поджигать тайгу с тем, чтобы отвлекать в разгар промывки песков рабочую силу от основной работы по выполнению плана приисковых работ на тушение пожаров”.

Для реализации этих преступных намерений Герцель Баскин якобы завербовал 24 террориста. Вторым в списке он называет С.С.Арбузова. От Шевченко Баскин знает о том, что в организации, в которую он вступил, состоят 11 троцкистов, в том числе и Назаров.

Из показаний обвиняемого Арбузова Степана Семеновича, 1863 г.р., русского, грамотного, из кулаков, бывшего станично-

го атамана, осужден в 1937 г. спец. коллегией Верховного суда Узб.ССР по ст. 66 ч. 1 к семи годам лишения свободы:

“(…) признаю, что являлся участником антисоветской организации на Колыме прииска “Юбилейный”, в которую был завербован з/к троцкистом-террористом Баскиным Герцелем в августе 1937 года (...) мы сразу сошлись с ним по своим к-р убеждениям и взглядам – он как троцкист, я как бывший станичный атаман, плюс к тому же кулак (ну как тут не умилиться единству взглядов партийца-еврея и бывшего казачьего вахмистра! – А.Б.)

(...) имея от роду 75 лет, и в силу своей физической слабости, я не мог скоро завербовать в организацию много людей, а завербовал лишь 10 человек из числа осужденных за контрреволюционную деятельность”.

В списке будущих террористов шестеро обозначены как троцкисты, а также один шпион из Бурятии, один православный священник и один кулак.

Далее, якобы со слов своего наставника Г.Баскина, С.Арбузов называет еще 34 известных ему члена антисоветской организации и в их числе Назарова.

На первом допросе (1.04) Назаров виновным себя не признал, но скоро (очень скоро, потому что уже через три дня старший лейтенант ГБ Боген утвердит по его делу обвинительное заключение) в деле появятся “дополнительные показания” Назарова о его активном участии в антисоветской организации, в которой он по заданию все того же Баскина проводил антисоветскую деятельность. Напоследок обвиняемый будто бы откажется и от своего “большевизма”: “Вообще я по моим убеждениям несмотря на то, что состою (то есть состоял, был исключен еще в 1936 году. – А.Б.) членом ВКП(б) был – меньшевиком и никогда не был согласен с линией партии”.

Стремительность, с которой развивалось дело Назарова, можно объяснить и высоким палаческим “профессионализмом” следователя – а им был уже названный мною выше Горский, и состоянием здоровья обвиняемых - почти все они, числом более сорока, имели уже преклонный возраст, а те, кто мог еще считаться молодым (как бурятский “шпион” Жадан Будаев), были актированы по медицинским показаниям. Не случайно, что и дело это разворачивалось в Магадане, на карперпункте № 2, куда были свезены заключенные с разных приисков, в том

числе и "Юбилейного". На этот карперпункт мы еще вернемся.

Дело Назарова попало на рассмотрение Тройки 07.04.38, через неделю после его ареста. "Обвиняется: являлся активным членом к-р террористической, повстанческой группы на прииске "Юбилейный". По заданию группы призывал заключенных к организованному к-р саботажу. Постановили: расстрелять".

Выписку из акта о расстреле, произведенном 11 апреля 1938 года, заверил секретарь Тройки Гаупштейн.

Еще несколько примеров таких же злодейских расправ – по данным домашней картотеки:

Ашимов Маллы Ашим-Заде, 1880 г.р., родился в Иране, член ВКП(б) с 1904 по 1926 г., з/к по судимости 1936 г., карперпункт № 1, Магадан. Арестован 02.04.38, осужден 07.04.38 как участник к-р троцкистской организации, занимался к-р агитацией и саботажем, к ВМН. Расстрелян 11.04.38 в Магадане (в тот же день, что и Назаров).

Белоцерковский Яков Давыдович, 1894 г.р., уроженец м. Ходоровка Киевской губернии, член ВКП(б) с 1915 по 1934 г., з/к по судимости 1936 г., прииск "Штурмовой". Арестован 06.08.38, осужден 11.08.38 как организатор троцкистской группы саботажников к ВМН. Расстрелян 15.09.38.

Досов Михаил Степанович, 1886 г.р., уроженец д. Царевщина Куйбышевской области, член ВКП(б) с 1910 по 1928 г., з/к по судимости 1936 г., карперпункт, Магадан. Арестован 01.04.38, осужден 07.04.38 как участник троцкистской группы и саботажник к ВМН. Расстрелян 11.04.38 (и снова это число!) в Магадане.

Журавлев Владимир Александрович, 1894 г.р., уроженец г. Ленинграда, член ВКП(б) с 1917 по 1935 г., з/к прииска "Скрытый". Арестован 12.08.37, осужден 10.09.38 за подрывную троцкистскую деятельность к ВМН. Расстрелян 01.10.38.

Зайцев Гавриил Егорович, 1880 г.р., уроженец д. Игнатьевка Калужской губернии, член ВКП(б) с 1903 по 1927 г., з/к пос. Атка. Арестован 11.08.37, осужден 05.09.37 за к-р агитацию к ВМН. Расстрелян 22.09.37.

Иванов Александр Константинович, 1890 г.р., уроженец Кронштадта, член ВКП(б) с 1917 по 1927 г., з/к по судимости 1937 г., прииск "Журба". Арестован 16.12.37, осужден 26.01.38 за КРТД к ВМН. Расстрелян 01.02.38 в Магадане.

Какабидзе Николай Максимович, 1901 г.р., уроженец г. Самтреды Гр.ССР, член ВКП(б) с 1918 по 1935 г., з/к по судимости 1936 г., ОЛП Управления комендатуры, Магадан. Арестован 15.12.37, осужден 07.05.38 за КРТД к ВМН. Расстрелян 22.05.38 в Магадане.

Садовская Бронислава Людвиговна, 1898 г.р., уроженка с. Милешево Виленской губернии, член ВКП(б) с 1917 по 1935 г., з/к по судимости 1935 г., пос. Эльген. Арестована 24.04.38, осуждена 11.05.38 за причастность к антисоветской троцкистской организации к ВМН. Расстреляна 10.06.38.

Украинцев Алексей Николаевич, 1897 г.р., уроженец г. Подольска Московской области, член ВКП(б) с 1917 по 1927 г., з/к по судимости 1936 г., прииск "Партизан". Осужден 03.11.37 как организатор к-р троцкистской группы к ВМН. Расстрелян 17.11.37 в Магадане.

Штраус Михаил Кришевич (?), 1886 г.р., уроженец Курляндской губернии, член ВКП(б) с 1913 по 1936 г., з/к по судимости 1937 г. Арестован 04.04.38, осужден 11.05.38 за КРТД к ВМН. Расстрелян 22.05.38 в Магадане.

По той же истребительной логике органы НКВД брали на прицел и тех, чье политическое прошлое (не исключено, что во многих случаях вымышленное самими органами) было связано с небольшими левыми партиями. Еще несколько примеров из той же картотеки:

Козельский Василий Никифорович, 1890 г.р., уроженец г. Пермь, в 1917-18 гг. состоял в партии эсеров, з/к по судимости 1936 г. Осужден 23.04.38 за участие в к-р троцкистской группе, занимавшейся вредительством и саботажем, к ВМН.

Лежава Феофан Матвеевич, 1900 г.р., уроженец Самтредского района Кутаисской губернии, бывший активный эсер, меньшевик, в 1935 г. исключен из ВКП(б) как троцкист, з/к по судимости 1936 г. Осужден 10.04.38 как активный участник антисоветской группы, планировавшей побег из лагеря в Северную Америку и грабеж коренного населения с целью приобретения стрелкового оружия. Расстрелян 28.04.38.

Стопчик Василий Михайлович, 1885 г.р., уроженец Московской области, меньшевик, з/к по судимости 1937 г. Осужден 07.04.38 как организатор к-р троцкистской группы, занимавшейся к-р агитацией, саботажем и вредительством, к ВМН. Расстрелян 11.04.38 (и снова это число!).

Ранее названный Шевченко Григорий Карпович, 1893 г.р., уроженец д. Сербка Одесской области, бывший участник эсеровской монархической повстанческой организации, з/к по судимости 1937 г. (статья не указана, 10 лет лишения свободы). Осужден 07.04.38 за участие в контрреволюционной террористической повстанческой группе на прииске "Юбилейный". Расстрелян, видимо, как и вся группа, 11.04.38.

Заглядывая в прошлое арестованных, следствие неизменно находило какой-либо компромат:

сын торговца,
служил в старой армии,
из кулаков,
дочь купца,
служил в белофинской армии,
служил в армии Керенского,
кулак-подрядчик,
харбинец,
единоличник,
жена шпиона,
дочь шахтовладельца,
кулак, сектант-евангелист,
сын попа,
бывший урядник,
сын офицера-эмигранта,
участник еврейских погромов,
анархист,
белый и царский казак,
бывший белый,
атвендист (так в документе),
националист,
шляпниковец с 1922 г.,
член ВКП(б) с 1921 г., дважды исключался за исполнение религиозного культа,
монашка,
агент польской охранки,
брат офицера колчаковской армии,
сионист,
из кустарей,
имеет родственников в Польше и Америке,
возил врагов народа Троцкого и Каменева...

Не могу обойтись в этой статье без того, чтобы не рассказать и о горестной колымской судьбе русского поэта Владимира Нарбута, одного из шестерых истинных акмеистов – а в их число, кроме Нарбута, входили Н.Гумилев, А.Ахматова, О.Мандельштам, М.Зенкевич и С.Городецкий (впрочем, последнему категорически настроенная Н.Я.Мандельштам, вдова поэта, не находила места в этой группе - из-за его "советскости", прежде всего).

Владимир Нарбут вошел в русскую литературу с блеском (весьма одобрительный отзыв на первую его книгу дал скупой на похвалы Н.Гумилев), не без скандала (его вторая книга была запрещена царской цензурой и переиздана лишь в советское время) и занял в ней уже к 1917 году заметное место. Отнюдь не чуждый политическим страстям своего времени, В.И.Нарбут, член партии эсеров и редактор-издатель газеты "Глуховская жизнь" (Глухов – уездный город Черниговской, его родной губернии), в октябре 1917 года объявит себя большевиком. Огнестрельное ранение, полученное им в 1918 году (последствием которого явилась ампутация кисти левой руки), считали мстью его политических противников.

Несмотря на инвалидность (а кроме указанного ранения Нарбут имел еще и серьезную травму ноги, полученную в раннем детстве), он принял участие в гражданской войне на Украине. Позднее – сначала в Воронеже, а потом в Одессе и Харькове – развернется талант Нарбута – журналиста и организатора. В 1920 году он будет заведовать ЮгРОСТА в Одессе, в 1921 году станет директором РАТАУ (Радиотелеграфного агентства Украины). Еще через год займет ответственный пост в Агитпропе ЦК РКП(б).

Он станет видной фигурой в литературной жизни тех лет, будет организатором и руководителем одного из крупнейших издательств "Земля и фабрика", редактором популярных журналов "30 дней" и "Вокруг света".

Считают, что он был покровителем многочисленной и блистательной группы литераторов-одесситов, которая дружно "десантировалась" в 20-е годы в Москве (в ее составе были Э.Багрицкий, Ю.Олеша, И.Ильф, Е.Петров, Л.Славин и др.). По выражению Н.Я.Мандельштам, именно из рук В.И.Нарбута "одесские писатели ели свой хлеб".

В одной из недавних публикаций утверждается, что только заинтересованность редактора В.Нарбута сделала возможной стремительную публикацию в 1927 году в журнале “30 дней” еще не оконченного даже к началу публикации замечательного романа Ильфа и Петрова “12 стульев”.

В 1928 году, в период широкомасштабных чисток, В.И.Нарбут был исключен из партии. Как указано в “Литературной энциклопедии” издания 1934 года, “за сокрытие ряда обстоятельств, связанных с его пребыванием на юге во время бело-гвардейской оккупации”: летом 1919 года Нарбут был арестован контрразведкой белых в Ростове и под угрозой смерти подписал отказ от продолжения большевистской деятельности.

Через десять лет, в 1938 году, в Магадане под пером о/у 4-го отдела УГБ УНКВД по ДС сержанта ГБ Мохова формулировка исключения Нарбута из партии существенно трансформируется: “Исключен за сокрытие данных о службе в деникинской разведке в 1919 году”.

Сохранилось несколько подтверждений того, что в 1928 году В. И. Нарбут стал жертвой острой внутрилитературной борьбы. Будто бы сначала он подал заявление в ЦК с обвинением А.К. Воронского, известного в ту пору литературного критика и прозаика, руководителя литературного объединения “Перевал”, в недопустимых формах полемики, в ответ Воронский раздобыл какие-то документы, уличающие Нарбута в подписании того самого заявления.

Дочь Александра Константиновича, бывшая колымская заключенная Г.А.Воронская, рассказывала мне осенью 1991 года о том, что ее отец никогда не верил в “революционность” Нарбута, печатавшего, по словам А.К., еще в суворинском “Новом времени” монархические стихи, и представила документы, свидетельствующие о его неискренности. Вопрос якобы рассматривался на Политбюро.

Сталин, кстати весьма неплохо знавший Воронского, выступил в защиту Нарбута. Потом против него появились и другие компрометирующие документы.

Жизнь безжалостно обошлась с обоими участниками той далекой от нас полемики. А.К.Воронский был арестован 1 февраля 1937 года. Обвиненный в создании подрывной террористической группы, готовившей покушения на руководителей

партии и правительства, он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 13 августа 1937 года к высшей мере наказания. В лагерях оказались его жена и дочь.

В.И.Нарбут был арестован еще в октябре 1936 года. Он обвинялся в том, что входил в группу “украинских националистов – литературных работников”, которая занималась антисоветской агитацией. Руководителем группы следствием был объявлен И.С.Поступальский. Помимо Нарбута в группу якобы входили переводчики П.С.Шлейман (Карабан) и П.Б.Зенкевич и литературовед Б.А.Навроцкий. Все пятеро были осуждены постановлением Особого совещания НКВД СССР 23 июня 1937 года за КРД на пять лет лишения свободы. Все пятеро осенью того же года оказались на Колыме.

По-разному сложились в дальнейшем их судьбы. Счастливее других оказались Поступальский и Шлейман: им удалось дожидаться освобождения. Умерли, находясь в колымских лагерях, Зенкевич и Навроцкий. Самая трагическая судьба выпала на долю Нарбута. Растянувшееся более чем на год мучительное следствие, ожидание того, как решится его судьба, а затем и долгий этап еще более усугубили состояние его здоровья. Но и на Владивостокской транзитке, где Нарбут оказался 20 сентября 1937 года (он писал оттуда жене: “Посланные мне испытания переношу твердо, героически, – буду работать, как лев. Я докажу, что я не контрреволюционер, никогда им не был и не буду – ни при каких обстоятельствах”), и уже в Магадане, куда он попал через месяц, он еще надеется (или только сам уверяет себя в этом?) переспорить свою судьбу: “... как мне хочется (...) показать себя на работе, быть стахановцем, всегда первым, не боящимся никаких трудностей! А ведь я могу, могу воскликнуть: “Дайте мне рычаг, и я переверну земной шар!”.

В середине декабря В. И. Нарбут был отправлен из Магадана на “Стан Оротукан” – это около четырехсот километров от побережья. Затем, после недолгого здесь пребывания, – пешком через перевал на “Ключ Пасмурный”.

“После перехода пешком через горный перевал (когда я шел из Оротукана на Пасмурный) я получил растяжение жил в левой, больной ноге. Лежал, не мог ходить почти полмесяца (...) Затем на меня напала цинга (скробут). Левая и частично правая нога покрылись гнойными язвами, их было 12. Сейчас дело идет на поправку. Язв осталось уже 4. Я лечился (и лечусь),

мамочка, очень усердно, помня данное тебе обещание. Я очень стойко переносил и переносу болезни”, – из последнего письма жене.

На “Пасмурном” Нарбут пробыл около двух с половиной месяцев. Работал счетоводом, ночным сторожем, ассенизатором. В конце февраля – начале марта 1938 года он вместе с такими же, как он, инвалидами был активирован медицинской комиссией и этапирован в Магадан, в карперпункт № 2. Здесь против него 2 апреля было возбуждено новое уголовное преследование. Ордер (№ 241) на арест и обыск подписал начальник УНКВД Сперанский.

Вместе с Нарбутом контрреволюционную группу саботажников, занимавшихся на карперпункте № 2 антисоветской агитацией и разложением лагерной дисциплины, составили еще восемь инвалидов (планировали сначала группу из десяти человек, но один умер, не дождавшись ареста), доставленных в Магадан с разных приисков – едва ли они знали друг друга хотя бы в лицо. Люди, разные по социальному положению (до первого ареста, а здесь, в Магадане, о/у Мохов их всех “подравнивает” – каждому в графу “социальное положение” впишет “заключенный”): крестьяне, служащий, судебный работник, рабочий, писатель и партийный работник (так в анкете у Нарбута), русские, украинец, белорус, молдаванин, еврей, черкес – все они ранее были осуждены по “политической статье” (двое – за пьяный дебош в вагонах поездов в разных концах страны, в каждом случае дебош сопровождался антисоветскими высказываниями). И второй “квалифицирующий” признак: все девять были инвалидами (некоторые, как Нарбут, еще до прибытия на Колыму), то есть все они, возвращаясь к нашим размышлениям в начале статьи, были продукцией Дальстроя № 2.

Четвертым апреля помечен первый и единственный в этом деле протокол допроса Нарбута. Вот целиком его текст, написанный рукой Мохова:

“**Вопрос:** Следствию известно, что вы являетесь участником контрреволюционной группы, существовавшей на карпункте СВИТЛ. Подтверждаете ли это?”

Ответ: Отрицаю.

“**Вопрос:** Вы говорите неправду. Материалами следствия Вы полностью изобличены. Признаете ли свое участие в к-р группе?”

Ответ: Не признаю.

Записано с моих слов верно и мне прочитано”.

И последний автограф Нарбута.

Пятеро из девяти обвиняемых по этому делу свою вину не признали, четверо подписали составленные Моховым признания – такие же коротенькие, на одну страничку. Признание или непризнание на судьбы обвиняемых повлиять уже не могло, все было predetermined.

7 апреля все тот же ст. лейтенант ГБ Боген утвердил всем девятерым обвинительные заключения. В тот же день эти дела были поставлены на рассмотрение Тройки. Еще через неделю, 14 апреля, расстрельные постановления Тройки были приведены в исполнение.

В тот день в Магадане было расстреляно 176 человек.

В числе жертв тогдашних репрессий нужно выделить коренных жителей Охотского побережья. Дела против них – таково, видимо, было распоряжение Наркомата – вел аппарат базировавшегося в Магадане 45-го морпогранотряда. Его штаб помещался в одном из первых каменных строений города – на углу нынешних улиц Ленина и Пролетарской. По словам старожилов, в распоряжении морпогранотряда был весь четырехугольник в пределах ул. Пролетарской и Пушкина, проспекта Ленина и ул. Дзержинского. На побережье у пограничников было несколько собственных следственных каталажек. По данным историка Д.С.Райзмана, в 1938 году 45-й морпогранотряд подготовил для Тройки УНКВД по ДС 145 дел против жителей Охотского побережья.

Это были, прежде всего, эвены (по тогдашнему наименованию – орочи), камчадалы (в некоторых делах они обозначены как ительмены), но и немало русских, а также давно поселившихся здесь выходцев из разных губерний России, несколько обрусевших китайцев. Компрометирующие обстоятельства: кулак... сын шамана... бывший жандарм... родовой староста... торговец... сын родового князя 2-го долганского рода... доброволец банды Бочкарева... брат эмигранта... сын жандарма и торговца... член “Союза архангела Михаила”... имел наемную силу... сын московского протоиерея... служил в контрразведке у атамана Семенова... харбинец... крупный кулак (имел 10 тысяч голов оленей)... имел родных в Шанхае... с 1914-го по

1917-й являлся осведомителем полицейского пристава... кулачка... контрабандистка...

Наиболее распространенные обвинения – шпионаж в пользу Японии, антисоветская агитация, вредительство.

Перескажу несколько дел и этой группы обвиняемых.

Хабаров Николай Прокопьевич, 1892 г.р., постоянный житель села Сиглан, эвен, рыбак-охотник, образование низшее, был арестован 4 апреля 1938 года.

По своему социальному положению на момент ареста он обозначен кулаком, хотя все его “имущественное состояние” ограничивалось одной юртой и одним неводом. Но старательные пограничники установили, что десятью годами раньше у Хабарова было 500 оленей, 4 лошади, 24 ездовые собаки и (в том же ряду) 8 пастухов. А еще раньше, по данным тех же дознавателей, арестованный имел еще более солидное состояние: 10 тыс. оленей, 15 лошадей и 60 батраков.

В характеристике на арестованного, подписанной председателем Ольского РИКа Бушуевым и ответ. секретарем Шемякиным, значится:

“Вел и ведет антисоветскую агитацию против колхозов. Оленей разбазарил, обменивал на пушнину, сдавая ее японцам. 1000 голов продал американцам (на Аляску). В данное время оленей, лошадей не имеет”.

Можно предположить, что в разорении крупного оленевода главную роль сыграла политика советской власти, так как в 1933 году Хабаров Н.П. был судим местным туземным судом за невыполнение “твердых заданий” и приговорен к исправительным работам сроком на два года. А что такое “твердые задания” в период коллективизации и какие чисто имущественные последствия влекло их невыполнение, читатель знает из школьного курса истории.

На допросе 10 апреля (видимо, не сразу сдался дознавателю сын родового князя и родовой староста – так в анкете обозначено “политическое прошлое” арестованного, но и он, конечно, устоять против репрессивной машины тех лет не мог) Хабаров Н.П. якобы показал:

“Контрреволюционную деятельность против Советской власти я начал с 1919 года, которая заключалась в следующем:

1. Я занимался шпионажем в пользу Японии.
2. Я заключил договор с руководителем банды Бочкаревым

(речь идет о событиях начала 20-х годов. – А.Б.) о вооруженной помощи банде.

3. Писал японским властям петицию о том, что население желает господства японцев на Охотском побережье, обещая вооруженную помощь ей для борьбы с Советской властью.

4. Систематически вел японофильскую контрреволюционную пораженческую и националистическую агитацию.

5. Являлся членом контрреволюционной организации, существовавшей на Колыме, организовывал банды из орочьского населения”.

Шпионская деятельность Хабарова, если верить протоколу допроса, заключалась в том, что он сообщал японской разведке следующие сведения:

“1. Где происходит охота на пушного зверя, как белку, лисицу, выдру и медведя и какое количество добывается пушнины.

2. Где бывает хороший ход рыбы на Охотском побережье, с указанием времени года и с полным топографическим описанием береговой черты.

3. О местах кочевья орочьского населения, их количество, социальной прослойки и о количестве оленей имеющих у орочей.

4. Передал сведения топографического описания Охотского побережья и глубинных пунктов с легендой и особенностями климата.

5. Систематически освещал настроения местного населения, его отношение к Советской власти, особенно выделяя антисоветски настроенных”.

Неправдоподобность этого протокола – а вы, наверное, обратили внимание на его стиль (грамматические ошибки не в счет), отнюдь не свойственный речи старого эвена, да и развед. данные, которые он якобы сообщал японцам, едва ли могли осчастливить какую-либо разведку, – совершенно очевидна.

Заслуживает внимания такой вот пассаж: “В вознаграждениях не нуждался, но иногда от японцев получал спирт”. Да как же не нуждался, если все хозяйство – один невод? Конечно, не отказался бы, но ведь на самом деле никакого сотрудничества не было, а потому и “липа” эта вымышлена.

На том же допросе Хабаров якобы показал, что, отбывая принудительные работы по решению туземного суда, он был

принят переводчиком к зав. ОНО А.Ф.Лаврентьевой, от которой узнал о существовании на Колыме контрреволюционной организации и получил предложение вступить в нее, что он и сделал. По просьбе Лаврентьевой арестованный якобы составил карту Охотского побережья, а также организовал из зажиточных орочей три банды численностью более двадцати человек в Ямске, Оле и Сиглане для борьбы с советской властью. От Лаврентьевой Хабаров якобы получил обещание того, что с приходом японцев он будет назначен начальником над всеми орочами. Упоминание А.Ф.Лаврентьевой, человека в Дальстрое очень известного, в протоколе отнюдь не случайно – эта “связь” выводила коварного “родового старосту” на руководителей всей берзинской повстанческой организации и обеспечивала ее, организацию, поддержкой местного населения. Конечно, как бы обеспечивала, но чекистам-пограничникам и этого “как бы” было достаточно.

13 апреля 1938 года начальник МПО (морпогранотряда) майор Сикорский утвердил обвинительное заключение по этому делу, не содержащему ни одного свидетельского показания, ни одного документа – то есть ничего, кроме очевидного самоговора. 23 апреля дело было представлено на рассмотрение Тройки. Постановили: за шпионаж в пользу Японии, участие в повстанческой организации и организацию банд из местного населения расстрелять. Постановление было исполнено 8 мая 1938 года.

В тот же день Тройка УНКВД по ДС вынесла расстрельные постановления и в отношении двух родных братьев Н.П. Хабарова – 60-летнего Иннокентия Прокопьевича (“установочные данные” те же самые, кроме года рождения, и так же был осужден в 1933 году на один год принудработ за невыполнение “твердых заданий”), обвинялся в шпионаже в пользу Японии еще с 1907 года (эту промашку царских жандармов советские пограничники, конечно, должны были поправить), активно помогал банде Бочкарева в борьбе против советской власти, был членом контрреволюционной японофильской повстанческой организации, входил в контрреволюционную организацию, существовавшую в Дальстрое (то есть берзинскую); и 49-летнего Герасима Прокопьевича, который был также осужден туземным судом в 1933 году по тем же основаниям на один год принудработ и обвинялся в тех же преступлениях, разве

что японским шпионом стал, как и брат Николай, только с 1919 года...

Постановили – расстрелять.

Через два месяца, 8 июля 1938 года, был расстрелян по постановлению Тройки бывший председатель колхоза “Север” (с. Наяхан) Малахов Афиноген Сергеевич, 1883 г. р., родился в с. Дрянки Петропавловского района, русский, из семьи священнослужителя, образование церковно-приходская школа, беспартийный.

С 1913 по 1928 год Малахов служил псаломщиком Наяханской церкви, в период гражданской войны на Охотском побережье являлся каюром-проводником в отряде Бочкарева. В 1930 году был принят в колхоз “Север”, но через три года при “самоочистке колхоза” (такой термин употреблен в протоколе) был исключен и даже лишен избирательных прав как бывший сотрудник культа. Однако в 1937 году (после принятия Конституции 1936 года “лишенцев” не стало) снова был принят в колхоз и даже избран его председателем.

Малахов был арестован 20 февраля и содержался под стражей в комендатуре Гижигинского погранучастка. Он обвинялся в шпионаже в пользу Японии – сообщал якобы, какие реки богаты рыбой, а также о направлениях своих служебных разъездов (японцам это было, наверное, очень интересно) и отношении местного населения к советской власти. На допросе Малахов вроде бы чистосердечно признался в том, что:

- 1) разбазарил колхозную ферму (передал ее в Колхозсоюз),
- 2) сорвал план убоя морзверя в 1937 году,
- 3) разбазарил колхозный собачий корм,
- 4) не произвел учета трудодней колхозников.

Но Малахов нашел себе и оправдание: “(...) в моих вредительских актах мне помогали и содействовали пред. РИКа с. Наяхан Лякишов и пред. с/совета Чивиткин Власий отдаваемыми ими вредительскими распоряжениями минуя пред. колхоза НПР (что означает, вероятно, “например”. – А.Б.)

1) пред. РИКа с. Наяхан Лякишов отменил поездку колхозников Нифантьева Натана и Большака А. в лес для заготовки лесоматериала на лодки;

2) Лякишов и Чивиткин заставили меня отдать колхозный молочный скот в Колхозсоюз;

3) Чивиткин сам разбазарил 380 штук юколы;

4) Чивиткин В. снял с работы в бондарной мастерской – бондаря, в результате чего колхоз остался без бондаря”.

15 апреля начальник МПО майор Сикорский утвердил – при полном отсутствии каких-либо доказательств вины арестованного хоть в каком-то преступлении – обвинительное заключение. 23 апреля дело Малахова А.С. было представлено на рассмотрение Тройки. Постановили: расстрелять.

В тот же день Тройка рассмотрела и дело Чивиткина Власа Павловича, 1885 г.р., уроженца с. Наяхан, русского, председателя Наяханского сельского совета. Обвинялся он отнюдь не в тех хозяйственных злоупотреблениях, о которых показывал бывший председатель колхоза “Север”, а в шпионаже с 1920 года в пользу Японии. Постановили: расстрелять.

В числе заключенных Севвостлага (а именно против них были в первую очередь направлены репрессии) находилось немало иностранцев – граждан или подданных других государств. Немцы, поляки, финны, румыны, чехи, болгары, итальянцы, австрийцы, черногорцы, хорваты, сербы, латыши... Разными путями они попадали в Советский Союз: официальными (по линии Коминтерна, Профинтерна, на учебу в Университет народов Востока им. Зиновьева, для работы на стройках и новых индустриальных гигантах) и неофициальными (это, прежде всего, перебежчики из сопредельных государств). И если та наша родина и к своим-то детям была ох как неласкова, то как она могла относиться к приемным, а то и вовсе “подкидышам”?

Иностранцы содержались в лагерях в тех же условиях, что и граждане СССР, без каких-либо льгот и поблажек, и зверская “разверстка” репрессивных мероприятий распространялась, вероятно, в полной мере и на них. Разве что в каких-то не совсем еще понятных случаях репрессивный орган, прежде чем взяться за очередного иностранца, должен был согласовать эту акцию с вышестоящей инстанцией. Так, явно отвечая на запрос из Магадана, Наркомат внутренних дел телеграфировал 13.12.37:

“Постановку дела на рассмотрение Тройки ГУАРНАСКЕЛЛИ Эмилио согласны”.

Я думаю, что санкция Москвы понадобилась потому, что Э.Гуарнаскелли был у Наркомата на особом счету. И начало этому счету положил, может быть, сам того не ведая, А.М.Горький.

Тут довольно долгая предыстория. В июне-июле 1935 года, как известно, в СССР гостил Ромен Роллан. Позднее он написал: “Месяц, проведенный мною в СССР, был полон для меня больших уроков, богатых и плодотворных впечатлений и сердечных воспоминаний, главным из них были три недели общения с моим дорогим другом Максимом Горьким. Во время бесед с Горьким постоянно возникала тема репрессий в СССР. У нас разные позиции. Много споров было вокруг судьбы Виктора Сержа”.

Уже упомянутый в этой статье французский писатель славянского происхождения Виктор Серж, он же С.Кибальчич, с конца 20-х годов жил в СССР, в 1931 году был репрессирован по обвинению в троцкизме. В его защиту развернулась широкая международная кампания. Одним из ее проявлений стало письмо, полученное Ролланом, – как еще один аргумент к состоявшемуся ранее спору. Вот его текст:

“Гражданин Ромен Роллан. Мы узнали о Вашем пребывании в Москве. Мы пользуемся этим, чтобы напомнить Вам, что волна антипролетарских преследований, начавшаяся после убийства Кирова, больше, чем когда-либо, продолжает приносить жертвы.

Не только писатель Виктор Серж, которого Вы всегда защищали, остается пригвожденным к месту своей высылки (здесь правильно было бы говорить о ссылке. – А.Б.), и сына его заставляют отказаться от отца под угрозой быть выставленным из школы, но только что были вынесены многочисленные приговоры против антифашистских беженцев, которые наивно поверили в гостеприимство русского государства: Гаччи Отелло, Гуернашелли (или Гуернаскелли), Галлисарис.

Мы надеемся, что, пребывая верным профессиональным чувствам человечности и братства, которые Вас воодушевляли, Вы не преминете посетить Виктора Сержа и что, следуя духу Октябрьской революции, Вы найдете в себе мужество энергично выступить перед правительством Вашего друга И. Сталина, чтобы приостановить все эти преследования (...)

Международный Комитет против антипролетарских преследований в России”.

Копию письма А.М.Горький отправил тогдашнему наркому внутренних дел Г.Г.Ягоде, с которым его связывали дружеские, хотя, может быть, и весьма двусмысленные отношения, сопроводив ее такой вот припиской:

“Может быть Вы, действительно, найдете возможным выгнать Кибальчича из Союза и возвратить ему рукопись? Я разумеется, ничего не советую, но мне кажется, что – так или иначе – следовало бы уничтожить этот жалкий повод для инсинуаций против Союза со стороны бездельников и негодяев, которым, к сожалению, еще кое-кто верит”.

Эти документы представлены Михаилом Ильинским в книге “Нарком Ягода” - М.: “Вече”, 2002, с. 382-383.

Не сразу (Горький еще раз писал Ягоде), однако достаточно скоро в судьбе Виктора Сержа случился благоприятный поворот – вместе с сыном, который станет со временем известным скульптором, он был выслан из СССР. Судьба по крайней мере одного из “антифашистских беженцев” оказалась более трагичной: по данным ИЦ УВД Магаданской области, Гуарнаскелли Эмилио Эрнестович, 1911 года рождения, итальянец, был осужден за КРТД Тройкой УНКВД по ДС 7.04.38 к расстрелу. Постановление было исполнено 28 апреля. Спустя пятьдесят с лишним лет – 24.05.89 – Гуарнаскелли был реабилитирован.

Или вот уже в мае 1941 года начальник РО НКВД по УДС мл. лейтенант ГБ Колосов шлет начальнику 2 отд. УНКВД по СДС лейтенанту ГБ Заботину (нам эта фамилия уже встречалась в делах 1938 года) письмо следующего содержания:

“При этом препровождаю дело формуляр № 101 и следственные материалы Вам для просмотра и дачи санкции на привлечение к уголовной ответственности заключенного Крайнеца Иосифа Иогановича”.

Крайнец И.И., 1908 г.р., уроженец г.Марк-Бор (Югославия), гражданин Югославии, словен, из крестьян, грамотный, в заключении – слесарь, шофер, бывший член Словенской самостоятельной крестьянской партии, по другим данным – бывший член компартии Югославии и работник Коминтерна, осужден в 1937 г. О/с НКВД СССР за КРТД на пять лет лишения свободы, отбывал наказание в Дорлаге.

Санкцию на возбуждение дела тогдашний начальник УНКВД майор ГБ Окунев дал незамедлительно. К счастью, в скорбном списке расстрелянных фамилии Крайнеца нет: Военный трибунал войск НКВД при ДС ограничился в этом случае сроком в десять лет лишения свободы.

Но, повторю, в большинстве случаев каких-либо особых распоряжений при возбуждении нового уголовного преследования против заключенного-иностранца, видимо, не требовалось.

Нет следов таких распоряжений и в деле другого уроженца Италии – Коцянчича (или Кочянчича?) Эмилио Антоновича (вероятно, Антонио?), 1902 г.р., гражданина Италии (так в личном деле заключенного, а в протоколе допроса указано “вне подданства”), из крестьян, беспартийный, образование 6 классов, профессия – огородник, стаж в этой профессии 18 лет, прибыл в СССР из Германии в 1934 году, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-6 (шпионаж) УК РСФСР 09.09.35 на десять лет лишения свободы, работал забойщиком на прииске им. Водопьянова.

Новое уголовное преследование против него было возбуждено в начале августа 1938 года. Коцянчич (примем транскрипцию обвинительного заключения и последовавшего постановления Тройки) обвинялся в том, что являлся активным участником троцкистско-саботажнической группы, вел антисоветскую агитацию, разлагал лагерную дисциплину. На допросе Коцянчич вину свою не признал. Постановление о его расстреле Тройка приняла 8 августа 1938 года. В тот же день постановление было исполнено.

23-летний студент историко-философского факультета Софийского университета, член Болгарского союза рабочей молодежи Петр Петров вместе с другом Минчо Славовым бежали в мае 1935 года в СССР с целью получить здесь политическое убежище и продолжить образование. И он, и его друг, а также и лодочник, который перевез их на советский берег, были арестованы и осуждены О/с НКВД СССР к пяти годам ИТЛ по подозрению в шпионской деятельности.

В Севвостлаге Петров оказался через год, в декабре 1936 года, был на общих работах, то есть чернорабочим (так названа его специальность в учетно-статистической карточке) на приисках “Запятая” и “Нечаянный” ЮГПУ.

Еще через год, 24 декабря 1937 года, против него было возбуждено новое уголовное преследование. Он обвинялся в том, что проводил к-р агитацию, направленную к срыву выполнения плана золотодобычи, восхвалял жизнь в Болгарии и высказы-

вал пораженческие настроения в пользу Японии. Все следствие уложилось в пять дней, а еще через неделю, 5 января 1938 года, дело Петрова было поставлено на рассмотрение Тройки. Постановили – расстрелять. 15 января постановление Тройки было исполнено.

Здесь следовало бы назвать общую цифру иностранцев, расстрелянных по необоснованным постановлениям Тройки УНКВД по ДС и приговорам сменившего ее Военного трибунала войск НКВД при ДС. Но сегодня это сделать невозможно, потому что репрессивные органы прежних лет, видимо, вполне сознательно, подчиняясь какой-то неизвестной нам директиве, фальсифицировали едва ли не стопроцентно сведения о гражданстве (или подданстве) иностранцев, и в картотеке, перешедшей по наследству к Информационному центру УВД Магаданской области, едва ли не все они (в том числе и названные мною Эмилио Коцянчич и Петр Петров) значатся гражданами СССР, хотя в архивно-следственных делах каждого из них есть убедительные доказательства того, что гражданами СССР они не были.

Конечно, данные картотеки в этой части нуждаются в тщательной проверке. Но, по сведениям того же ИЦ, в период массовых репрессий на Колыме было расстреляно 255 выходцев из Польши; по данным областной прокуратуры, в тот же период было подвергнуто необоснованным репрессиям на Колыме более 150 выходцев из Прибалтики, прибавьте сюда финнов (их было много в числе перебежчиков), немцев, представителей многих других национальностей... Объем работы был бы весьма значительным, она могла бы растянуться на долгий срок.

Мне представляется верным решение общественного совета настоящего издания убрать в Списках графу “Гражданство”, чтобы не тиражировать некогда совершенную фальсификацию, и хочется надеяться, что когда-то и такая экспертиза будет произведена и мы получим точные сведения и по этому вопросу.

Можно едва ли не бесконечно приводить примеры трагических судеб людей, попавших в смертельные захваты того УНКВД по ДС или более позднего УВД... В расстрельном списке страшна и уникальна каждая строка.

За одиннадцать месяцев, с 16 декабря 1937 г. по 15 ноября 1938 г., Тройка УНКВД по ДС (во втором своем составе) рас-

смотрела 10 743 дела. Сохранились 70 протоколов ее заседаний. Сохранились и первые экземпляры актов расстрелов, произведенных в период с 20 декабря 1937 г. по 8 октября 1938 г. В этих актах 5801 фамилия. Документально подтвержденный расстрельный итог выполнения приказа № 00447 составляет, таким образом, более восьми тысяч человек (абсолютную цифру назвать пока не представляется возможным, так как из 2428 расстрельных постановлений, вынесенных Тройкой УНКВД по ДС в ее первом составе, не все были приведены в исполнение). Подсчет лиц, осужденных первой и второй Тройками по второй категории, то есть к заключению в исправтрудлагерь на срок от восьми до десяти лет, пока не производился. Но и тут, очевидно, счет нужно вести на тысячи – пять, шесть?.. А оттого общий итог проведения начатой в августе 1937 года наркомом Ежовым операции на территории Дальстроя должен вылиться в 13-14 тысяч человек.

Официальных итоговых цифр обнаружить пока не удалось. Возможно, их не существует вовсе – в том числе и по причине того, что финал операции был в значительной степени “смазан” политическим решением, принятым, несомненно, по инициативе Сталина.

Расстрельные постановления второй (павловской) Тройки УНКВД по ДС стали приводиться в исполнение с конца декабря 1937 года.

20 декабря был расстрелян 71 человек.

2 января 1938 г. – 128 человек.

9 января – 6 человек.

15 января – 79 человек.

Эти расстрелы были произведены в Магадане. Под актами две подписи – руководителя и исполнителя акции. Ими в указанных случаях были начальник УНКВД по ДС ст. лейтенант ГБ Сперанский и комендант УНКВД сержант ГБ Кузьменков (в некоторых документах – Кузьменко).

На тот же период (28 декабря 1937 г., 15 января 1938 г.) приходятся и расстрельные акции, предпринятые к сдавшимся участникам восстания на командировке “Зеленый мыс”. Их произвели тогда еще зам. начальника УНКВД по ДС ст. лейтенант ГБ М.М.Веселков, начальник ВОХР СВИТЛа Д.Ф. Кабисский и пом. о/у РО НКВД по КРУДС Л.А.Титаренко.

Начальник УНКВД по ДС Сперанский, видимо, не слыш-

Памятник жертвам необоснованных репрессий, установленный вблизи существовавшей в конце 30-х годов спецкомандировки "Сerpантинная" (Ягоднинский район Магаданской области)

ком тяготился ролью руководителя расстрельных акций (или она, эта роль, вменялась ему строго-настрою как служебная обязанность?) и активно играл ее, если позволяли обстоятельства: 21 января 1938 г. в Магадане было расстреляно 70 человек, 23 января – 71, 27 марта – 116, 28 марта – 91, 5 апреля – 109, 11 апреля – 149, 14 апреля – 176...

Неизменным исполнителем всех акций, проводившихся в Магадане, был комендант УНКВД по ДС И.П.Кузьменков.

Но, видимо, подчас начальнику УНКВД было недосуг заниматься этой ролью и он передоверял ее кому-нибудь из наиболее надежных сотрудников. Такими, если судить по актам, оказались начальник АХЧ Управления Галушко (1 февраля 1938 г., г. Магадан, расстреляно 111 чел., 16 февраля, там же, – 107 чел., 8 марта, там же, – 117 чел., 16 марта, там же, – 87 чел.) и зам. начальника УНКВД Кононович.

Впрочем, в том несомненно имевшемся распределении злодейских обязанностей заместителю начальника Управления, вероятно, выпало больше курировать расстрелы на трассе. Именно его фамилия чаще других – как руководителя этой акции – стоит под расстрельными актами, осуществленными на печально знаменитой "Сerpантинке" и приисках СГПУ:

4 февраля 1938 г., стан Хатыннах, – 56 чел.,

5 февраля, там же, – 17 чел.,

7 февраля, там же, – 204 чел.,

24 февраля, там же, – 53 чел.

4-5 марта, там же, – 94 чел.,

7 марта, там же, – 70 чел.,

8 марта, там же, – 64 чел.,

9 марта, там же, – 157 чел.,

10-14 марта, там же, – 253 чел.

В каждом из этих случаев вторым – как исполнитель – расстрельные акты подписывал начальник УРКМ (Управления рабоче-крестьянской милиции), входившего в состав УНКВД по ДС, лейтенант милиции Кедров. Он же являлся исполнителем и в тех случаях, когда роль руководителя отводилась начальнику РО НКВД по СГПУ сержанту ГБ Мельникову:

13-15 апреля 1938 г. – 182 чел.,

5-10 июня – 433 чел.,

10-16 июня – 245 чел.,

3 июля – 29 чел.

А в двух случаях, 6 и 8 августа 1938 года, лейтенанту милиции Кедрову было доверено и руководство расстрелами. Расстреляно 138 человек. Исполнителем в обоих случаях был пом. начальника РО НКВД по СГПУ Володин.

Два главных исполнителя расстрельных акций были отмечены секретным и единственным в своем роде приказом начальника УНКВД по ДС Сперанского:

“№0014 19 мая 1938 г. гор. Магадан ДВК

За отличную работу по выполнению специального задания объявляю благодарность и премирую месячным окладом следующих сотрудников УНКВД по “Дальстрою”:

1. Тов. Кузьменко – коменданта УНКВД по “ДС”,
2. Тов. Кедрова – начальника УРКМ”.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 февраля 1939 года начальник УРКМ по Дальстрою Кедров Д.Н. за отличные показатели в работе был награжден медалью “За трудовое отличие”. Это была его первая правительственная награда*.

Д.Н.Кедров (1894 г. р., уроженец г. Тамбова, русский, отец - потомственный гражданин, дед был дьяконом, член ВКП(б) с 1918 г., образование среднее) появился в Магадане в конце августа 1937 года по направлению УНКВД по ДВК. За плечами 43-летнего лейтенанта милиции была уже бурная, полная драматических событий, взлетов и падений жизнь. Но, как окажется, главные ее обстоятельства будут еще впереди. Ретивый дальстроевский расстрельщик, энергичный, властный, грубый, падкий на женщин (с ними у него будет связано не одно жизненное осложнение), сменив немало милицейских должностей в разных концах страны (он и в Магадане объявится во второй раз в конце 1950 года – уже в звании полковника милиции и

* Для сравнения и определения степени заслуг: еще один лихой дальстроевский расстрельщик начальник АХЧ А.В.Галушко получит лишь ведомственную награду “Отличнику-дальстроевцу”, и придет она к нему только в январе 1941 г. - “в связи с успешным выполнением Дальстроем плана 1940 г.”, над которым Галушко трудился уже в должности зам. начальника спецотдела Дальстроя. Приказ о награждении подписал нарком Берия.

Тем же приказом и той же наградой, кстати, будет отмечена и А.С.Зайцева, начальница командировки “Новый Магадан” ЖенОЛПа.

должностях начальника Управления милиции и зам. начальника УМГБ на Дальнем Севере), достигнет высокого положения и многих наград, в том числе и ордена Ленина – перед выходом на пенсию. А дорожкой для разбега окажутся для него три с половиной года службы в дальстроевском УНКВД.

Дмитрий Николаевич начал свой трудовой путь с должности телеграфиста на станции Тамбов в 1912 году. Реальное училище заканчивал экстерном. Ушел вольноопределяющимся на фронт в 1914 году, учился в юнкерском училище, воевал на германском фронте, заслужил два Георгиевских креста, к 1917 году был поручиком. Затем служба в Красной Армии, участие в гражданской войне. В 1927 году награжден Почетной грамотой РВС – “За мужество, храбрость и решительность в боях против врагов Социалистического отечества”. Но вот “моральная характеристика”, данная Кедрову в последний период его службы в Красной Армии в качестве командира Бухарского кавалерийского полка (1924-25 гг.):

“Строгий, иногда любит над кем-либо надсмеиваться, хитрый, особая страсть к ругани, карьерист, взаимоотношение со служащими в большинстве грубое – отталкивающее-строгое. Имеет достаточно теоретической подготовки, а также практического навыка по занимаемой должности комполка. В деле инициативу хотя и проявляет, но грубый и неумелый подход к делу в обстановке БССР (Бухарская Советская социалистическая республика. – А.Б.) не дает положительных результатов зачастую никаких. Военным делом интересуется мало, авторитетом среди служащих пользуется мало. Личную жизнь любит обставить на широкую ногу, для чего не чужд, пользуясь служебным положением, соорудить преступные комбинации. Кругозор довольно обширный, к Соввласти и БКА (Бухарской Красной Армии? – А.Б.) относится хорошо. Член РКП(б) с 1918 года, в партработе активного участия не принимает. Должности: соответствует, но с указанными отрицательными сторонами желательно изъять из рядов БКА.

Пом/уполномоченный Особого отдела Гегер”.

И, видимо, “изъяли”, потому что с середины 1925 года, после демобилизации, Кедров начинает службу в милиции г. Саратова: участковый уполномоченный, пом. начальника отделения милиции. Однако уже с начала 1926 года переходит на службу в железнодорожную охрану. В ноябре того же года был

судим Саратовским губернским судом за незаконное задержание двух граждан во время работы в милиции – возможно, эта история и явилась причиной его увольнения; в связи с недоказанностью обвинения был судом оправдан.

В охране на не очень крупных, но все-таки командных должностях находился в течение четырех лет. И вот какой-то еще один странный зигзаг судьбы: в 1930-31 годах работает управляющим конной базой.

С 1931 года еще раз начинает службу в саратовской милиции: ст. инспектор краевого управления, начальник политчасти школы милиции, а затем и начальник этой школы.

В одной из справок по его личному делу о Кедрове сказано: “В последний период работы в руководстве школой со стороны Кедрова были вскрыты серьезные недостатки. По-барски, грубо и бюрократически относился к своим подчиненным, потворствовал распушенности отдельных сотрудников, использовал некоторых из них в личном хозяйстве по уходу за охотничьими собаками.

Характеризовался самолюбивым, не самокритичным. В 1933 году, будучи женатым, тов. Кедров имел интимную связь с посторонней женщиной. Впоследствии порвал эту связь, вследствие чего эта женщина покончила жизнь самоубийством. Похороны ее производились по церковному обряду, при совершении которого присутствовал и сам тов. Кедров”.

“Посторонней женщиной”, отравившейся в ноябре 1933 года в здании Саратовской школы милиции, была двадцатилетняя учащаяся музтехникума Антонина Бирюкова. В числе лиц, опрошенных уже в 1936 году по этому факту, был и сосед Антонины музыкант Краевого театра оперы и балета им. Чернышевского Я.Н.Левиновский – уж не отец ли того самого В.Я.Левиновского, который в 60-е и 80-е годы будет работать главным режиссером Магаданского музыкально-драматического театра, он ведь тоже саратовец... Яков Наумович, в частности, показал:

“Во время похорон на квартире у Бирюковых Кедров очень убивался и плакал (...) т. Кедров показывал мне коробку с отравляющим веществом, которую я отнял у него и отдал соседке, чтобы та спрятала. В отношении оружия не припомню: может быть отнимал, может быть и нет. Головой об дверь бил себя, чувствовалось в нем отчаяние, как видно смерть Тоси была

ему не безразлична. Оркестр школы милиции присутствовал на похоронах, сопровождая до кладбища”.

Далее в той же справке:

“В августе того же года (1936-го. – А.Б.), при обмене партийных документов, бюро Волжского РК ВКП(б) гор. Саратова за грубое, барское отношение к подчиненным, за использование своего служебного положения в корыстных целях, зажим критики и за сокрытие происхождения своей жены (последняя происходит из семьи околоточного надзирателя царской полиции) тов. Кедрову объявлен строгий выговор с предупреждением (...).

Все изложенные выше обстоятельства подорвали авторитет тов. Кедрова, что в свою очередь отрицательно сказалось на работе школы, поэтому с целью оздоровления там атмосферы, он в 1936 году был перемещен на ту же должность в Омскую школу милиции”.

Обстоятельства перевода Кедрова из Омска в Магадан, да еще на такую высокую должность, неизвестны, но, видимо, оказавшись вдали от привычных мест, сам лейтенант решил, что если уж ехать, так ехать подальше, а дальстроевское УНКВД в тот период все еще испытывало острую нужду в кадрах и настоящие, опытные профессионалы ему доставались не часто.

На Колыме у своего руководства Кедров был на очень хорошем счету. Ходатайствуя в марте 1939 года о присвоении ему звания “капитан милиции”, начальник УНКВД капитан ГБ Сперанский (ему оставалось пребывать в этой должности менее месяца) аттестовал его следующим образом:

“Т. Кедров организовал милицию на Колыме и Уголовный розыск по борьбе с нарушителями лагерного режима. Провел большую работу с хищениями соц. собственности. Успешно принимал участие в ликвидации саботажа в лагере. Хороший работник”.

Заслуживают особого внимания последние фразы аттестации, – открытым текстом описать подлинные заслуги т. Кедрова в 1939 году уже не представлялось возможным (сам Сперанский их и в 38-м, как мы видели, зашифровал), но умный поймет...

Кедров с ноября 1939 года уже носил капитанские погоны, а приказа наркомата о присвоении звания все еще не было. И в феврале 1940 года новый начальник Дальстроя комиссар ГБ З

ранга И.Ф. Никишов вслед за Сперанским обращается по этому поводу к зам. наркома комдиву Чернышеву: “Кедров на Колыме 3 года, хорошо работает, считаю подобное отношение ГУРКМ (Главное Управление рабоче-крестьянской милиции. – А.Б.) к его аттестованию безобразным и не заслуженным. За хорошую постановку работы УРКМ и борьбы с бандитским элементом на Колыме награжден Правительством медалью “За трудовое отличие”. Им вскрыто и ликвидировано несколько шаек бандитов...”.

Косвенным признанием подлинных заслуг Кедрова явился его перевод в апреле 1940 года на должность зам. начальника УСВИТЛа – в этой организации нашли временный приют некоторые из самых ретивых работников УНКВД по ДС предыдущего периода. Еще через год зам. начальника УСВИТЛа, все еще лейтенант милиции Кедров Д.Н. с диагнозом “истинная неврастения” отбыл в отпуск “с последующим откомандированием в распоряжение Отдела кадров ГУЛАГ НКВД”. В системе ГУЛАГа он, однако, больше не работал.

Второй раз в Магадане Кедров (напомню, уже полковник) оказался после скандальной истории в Астрахани, где он допустил ряд опрометчивых поступков, повлекших за собой недоверие областного партийного руководства и компрометацию его в глазах непосредственного милицейского начальства. История эта дошла и до Магадана, а тут обнаружилось, что еще в 1938 году УНКВД по ДВК подозревало его в связях... с троцкистами, а дальстроевое УНКВД вроде завело на него дело оперативного учета как на бывшего офицера царской армии. К тому же “источники” докладывали о его отношениях с некой Ганной Марковной, которая “выезжает в его автомашине с целью прогулки в район пос. Атка”. На этот раз Кедров в Магадане не задержался.

Кроме указанных выше лиц в расстрельных акциях 1938 года принимали участие:

а) в качестве организаторов акций – нач. 3 отд. УГБ УНКВД по ДС лейтенант ГБ Бондаренко, нач. 4 отд. УГБ УНКВД по ДС ст. лейтенант ГБ Боген, пом. нач. УНКВД по ДС лейтенант ГБ Гольдфарб, и.о. нач. РО НКВД по ЮГПУ сержант ГБ Сальников;

б) в качестве исполнителей – нач. отдела уголовного ро-

зиска УРКМ Дероберти, нач. РО НКВД по ЮГПУ Золотарев, о/у РО НКВД по СГПУ сержант ГБ Гарусов.

Места расстрелов указаны далеко не в каждом акте. Но по характерным особенностям каждого из них (скажем, акт расстрела, произведенного в Магадане, оформлялся не совсем так, как на трассе), по фамилиям тех, кто руководил той или иной акцией (Сперанский руководил расстрелами только в Магадане, Мельников – на территории СГПУ), о месте каждого расстрела можно судить относительно точно. И здесь печально первенствовал Магадан (доходило до того, что осужденных, находившихся на спецкомандировке “Серпантинная”, везли на расстрел в колымскую столицу за пятьсот с лишним километров), на втором месте – спецкомандировка “Серпантинная” (в актах – стан Хатыннах). В актах упоминаются также как места расстрелов Оротукан, центр ЮГПУ, прииски “Верхний Ат-Урях”, “Нижний Ат-Урях”, “Туманный”, “Мальдык”.

(Многозначительная описка: местом расстрела 145 человек 22 мая 1938 года указана Москва, тут же исправленная на “Магадан, ДВК”. Вина Москвы, политического руководства страны во главе со Сталиным в колымских расстрелах несомненна.)

Места захоронений расстрелянных в актах (и, вероятно, ни в каких других документах) не указывались. Некоторым исключением – ввиду их подробности – являются два акта, составленные 13 августа 1938 года на прииске “Мальдык”. Вот первый из них:

“Я нижеподписавшийся и.о. начальника 4-го отдела УГБ УНКВД по Дальстрою ст. лейтенант Госбезопасности Боген, совместно с исполнителями – комендантом УНКВД по ДС Кузьменко и опер. Уполномоченным райотделения НКВД по Северному Горнопромышленному управлению Гарусовым, на основании предписания ВРИО начальника УНКВД по Дальстрою капитана Госбезопасности Кононовича от 10/VIII - с.г. привели в исполнение приговор Тройки при УНКВД по Дальстрою

расстреляли следующих осужденных:

(следуют 128 фамилий, и – что необычно – указывается и год рождения каждого осужденного – видимо, большим бюрократом был этот “член московской бригады”. – А.Б.)

Трупы всех переименованных зарыты в землю в районе 3-й командировки прииска “Мальдык”.

Участвовавшие в зарытии и оцеплении стрелки ВОХР связаны подпиской о неразглашении”.

Аналогичным образом составлен и акт, датированный тем же числом, еще на 31 расстрелянного.

Итого в тот день на прииске “Мальдяк” (больше этот прииск в расстрельных актах не упоминается) было расстреляно 159 человек.

У нас есть редкая возможность узнать, как именно проходило в те дни “следствие” на прииске “Мальдяк”: пом. начальника 1-го отделения СПО НКВД СССР Боген М.Э., командированный в декабре 1937 года в Магадан, за свои зверства в дальстроевском УНКВД будет привлечен к уголовной ответственности. Один из свидетелей по его делу А.В.Гарусов, чья фамилия присутствует в протоколах расстрелов на “Мальдяке”, на допросе 28 апреля 1939 года показал следующее:

“В начале августа 1938 года я был командирован начальником РО НКВД Мельниковым на прииск “Мальдяк” в распоряжение члена бригады НКВД СССР Богена.

По прибытию в его распоряжение Боген поручил мне и группе товарищей проводить следствие, давая сроки за три часа заканчивать 20 дел. Когда мы ему жаловались на непосильную работу, он прямо приказывал бить арестованных, показания получать и задания выполнять, что мы и делали.

Бригада состояла из меня – Гарусова, оперуполномоченного УНКВД Вахнина, стрелка ВОХРа, фамилию не помню. Боген сам показал нам пример, вызвав одного заключенного и избив кочергой, после чего и мы били чем придется.

Через несколько дней (видимо, 10 августа. – А.Б.) приехал капитан госбезопасности Кононович с прокурором Метелевым в 2 часа ночи и к 6 утра рассмотрели больше 200 дел, из которых 133-135 приговорили к ВМН.

Прокурор арестованных не смотрел и ни с кем из них не разговаривал”.

Председатель Тройки УНКВД по ДС Павлов, видимо, и на этот раз поставил свою подпись позднее – под аккуратно перепечатанным протоколом.

И надо же было такому случиться, что через 57 лет, в июне 1995 года, примерно в километре от стана прииска “Мальдяк”, на полигоне № 41 при производстве вскрышных работ были обнаружены полуразложившиеся трупы 12-ти или 13-ти лиц

мужского пола. По словам очевидцев, они были одеты в летнюю лагерную одежду, головы некоторых из них имели повреждения, которые могли быть причинены выстрелами из огнестрельного оружия.

Администрация прииска “Мальдяк” поставила в известность о страшной находке районную администрацию, но далее эта информация не пошла, даже районные правоохранительные органы о мальдякской находке не были извещены. Местный участковый узнал о происшествии уже после того, как тела были вновь преданы земле. Произошло это через три дня после обнаружения трупов. Они были помещены, без всяких попыток исследования, которое на “Мальдяке” некому было и произвести, в один большой ящик и погребены на поселковом кладбище.

Видимо, по причине такого равнодушия – и не только правоохранительных органов – до сего дня нам достоверно неизвестно ни об одном захоронении жертв расстрелов 1937-38 годов.*

Список колымских жертв операции 1937-38 годов будет неполным, если не назвать осужденных Тройкой УНКВД по ДС к ВМН, но умерших до приведения ее в исполнение. В моей картотеке более сорока таких жертв (некоторые из них попали и в наш скорбный Список). По прежним профессиям это рабочий-штукатур, ветсанитар, рабочий, бухгалтер, кулак, парикмахер, педагог, экономист, биолог, инженер-технолог, служащий... Причины смерти многих из них связаны с непосильными условиями лагерной жизни и прежде всего голодом, что подтверждается диагнозами, указанными в актах о смерти: кахексия, острое истощение, безбелковая отечность, полиавитаминоз с резкой кахексией, полиавитаминоз, осложненный катаральной пневмонией, полиавитаминоз с профундным поносом при кахексии, эндокардит. Присутствуют также язва желудка, туберкулез легких, множественный туберкулез, порок сердца... Однако нельзя сбрасывать со счетов и жесточайший стресс, возникавший после нового ареста и особенно после объявления постановления Тройки о расстреле.

* Летом 1999 года, когда книга “За нами придут корабли...” была уже сдана в типографию, нам удалось добиться эксгумации указанного захоронения. Последующие судебно-медицинские экспертизы подтвердили версию об огнестрельном повреждении черепов.

На некоторых актах о смерти присутствует резолюция: “Суд.-мед. вскрытию не подлежит и может быть похоронен”.

Приведу несколько имен.

Белов Иван Иванович, 1884 г.р., уроженец г. Тулы, фотограф, беспартийный, последнее до ареста место жительства – ст. Салтыковка, осужден в 1936 г. за КРА на 5 лет лишения свободы, з/к прииска “Штурмовой”, осужден 28.02.38 Тройкой УНКВД по ДС за антисоветскую агитацию и саботаж к ВМН. Умер 01.03.38 от паралича сердца.

Гейне Генрих Иванович, 1902 г.р., уроженец с. Петровка Днепропетровской области, немец, педагог, был осужден по ст. ст. 54-4, 18 УК УССР на 6 лет лишения свободы, умер 16.05.38 в ИЗО РО НКВД (видимо, СГПУ). Диагноз туберкулез, эндокардит. Причина смерти: паралич сердца.

Гладнев-Плахотин Владимир Федорович, 1915 г.р., уроженец г. Усмань, беспартийный, з/к по судимости 1936 г., прииск “Штурмовой”. Осужден Тройкой УНКВД по ДС 01.03.38 к ВМН, умер от паралича сердца в результате истощения.

Козельский Василий Никифорович, 1890 г.р., уроженец г. Пермь, бывший член ВКП(б), з/к по судимости 1936 г., прииск “Разведчик”. Осужден 23.04.38 Тройкой УНКВД по ДС за участие в контрреволюционной троцкистской группе, вредительство и саботаж к ВМН. Умер 26.05.38.

Кудрявцев Иван Семенович, 1895 г.р., уроженец г. Москвы, бывший член ВКП(б) с 1925 по 1936 г., з/к по судимости 1936 г., прииск “Речка Утиная”. Осужден 10.04.38 Тройкой УНКВД по ДС за участие в повстанческой организации к ВМН. Умер 10.04.38. Причина смерти: асфиксия с последующим параличом сердца.

Ломтатидзе Владимир Беглярович, 1898 г.р., уроженец с. Хедис-Тави, Гр.ССР, беспартийный, з/к по судимости 1937 г., прииск им. Водопьянова. Осужден 07.05.38 Тройкой УНКВД по ДС за участие в к-р троцкистской группе и антисоветскую пропаганду к ВМН. Умер 30.06.38 в больнице пос. Хатыннах.

Лантош Югас Эрнестович, 1899 г.р., уроженец г. Эндрет (Венгрия), венгр, бывший член компартии Венгрии с 1927 по 1936 г., последнее место жительства до ареста Москва, ул. Горького, д. 39 (жена Теодора Вайда жила в Париже), служащий, з/к по судимости 1936 г., прииск “Штурмовой”. Осужден 01.03.38 Тройкой УНКВД по ДС за активную террористическую и вре-

дительскую деятельность к ВМН. Умер 05.03.38. Диагноз: склероз сердца.

Пастинен Бернгард Карлович, 1895 г.р., уроженец г. Ленинграда, беспартийный, з/к по судимости 1935 г., прииск “Штурмовой”. Осужден 11.05.38 Тройкой УНКВД по ДС как руководитель группы саботажников к ВМН. Умер 21.05.38 в ИЗО пос. Хатыннах. Диагноз: множественный туберкулез и сердечная недостаточность.

Рояло Яков Германович, 1890 г.р., уроженец г. Гейнула (Финляндия), финн, бывший член компартии Финляндии, последнее место жительства – Карелия, там же был арестован и его сын, з/к по судимости 1937 г. Осужден 11.05.38 Тройкой УНКВД по ДС за КРД к ВМН. Умер 21.05.38 от сердечной недостаточности.

Шепелев Алексей Иванович, 1904 г.р., уроженец г. Серпухова, бывший член ВКП(б) с 1919 по 1936 г., з/к по судимости 1936 г., прииск “Пятилетка”. Осужден 23.04.38 Тройкой УНКВД по ДС за активное участие в антисоветской группе и активную антисоветскую агитацию к ВМН. Умер 12.05.38 в Оротукане от паралича сердца.

А вот случай из числа загадочных. Выше я уже называл Г.Ф. Никифорова – в той части, где рассказывал, как вредила колымским заключенным принадлежность в прошлом к той или иной небольшевистской организации (у Никифорова – к партии эсеров). По документам, Г.Ф. Никифоров значился расстрелянным 07.02.38 на стане Хатыннах. Но все та же дотошная М.С. Черенкова уже в сентябре 1939 года обнаружила акт о смерти Никифорова, случившейся пятью днями позднее – 13 февраля на спецкомандировке “Серпантинная”, и доложила об этом новому начальнику УНКВД по СДС майору Окуневу. Начальник поставил резолюцию: “Зайдите ко мне с этим рапортом”. Как разобрались тогда сотрудники УНКВД с этой ситуацией и кем считать Никифорова Г.Ф. – расстрелянным или умершим – остается неизвестным.

И еще один загадочный, просто фантастический случай. Я узнал о нем из письма бывшего колымского заключенного, впоследствии журналиста и известного писателя (только в Магадане вышли две его книги – “За линией Габерландта” и “Кратер Эршота”) В.И. Пальмана магаданскому историку А. Г. Козлову,

позднее прочитал о том же в рукописи неопубликованного романа В.Пальмана “Кольцо Сатаны”.

Героем этой истории был Владимир Васильевич Копосов, 1915 г.р., уроженец Петрограда, журналист, осужденный в ноябре 1937 года за КРД на восемь лет лишения свободы. Он отбывал наказание на Колыме, освобожден в 1945 году. Реабилитация придет к нему лишь через десять с лишним лет. После освобождения работал учетчиком на прииске, шурфовщиком, лит. секретарем районного радиовещания, диспетчером автобазы, агентом Госстраха. И все это время активно занимался литературной работой, печатался в журнале “Колыма” (первая публикация в 1950 году), альманахах “Литературная Колыма”, “На Севере Дальнем”, в газете “Магаданская правда”. В Хабаровске, куда в середине 50-х переехал В.В. Копосов, у него вышло несколько книг: “В пургу” (1958), “Доброе имя” (1959), “Дочь шамана” (1963) и др. Еще несколько книг вышли у Владимира Васильевича на Кубани, где он прожил последние годы. Умер В.В.Копосов после нескольких инфарктов 25 февраля 1966 года, накануне ему исполнился всего лишь 51 год.

На стене дома в городе Кореновске, где жил В.В.Копосов, укреплена мемориальная доска. Значительная часть его произведений, в том числе роман “Погребенная россыпь”, в котором немало страниц отведено описанию лагерной жизни, осталась неопубликованной.

В.И.Пальман, познакомившийся с Копосовым в краснодарской больнице, описывает с его слов в романе “Кольцо Сатаны” страшную историю о том, как в 1938 году на прииске “Мальдяк” оказался все тот же Гаранин, отобрал группу заключенных, подлежащих расстрелу, в которую попал и Копосов...

“Их поставили у края выработанного карьера, – пишет Пальман, – и тут Копосов, наверное, опять потерял сознание – на секунду раньше залпа. Пуля все же царапнула ему руку, он повалился в карьер вместе с убитыми. Добивали лишь тех, кто ворочался, палачи намерзлись. Ушли. Знали, что если кто и не до конца, мороз доберет...”

А заключенный Копосов пришел в себя, понял, что произошло, помедлил немного, перевязал как мог руку и пополз по снегу к зоне, еще не зная, зачем он это делает. Ведь все равно...”

Копосова спас то ли лекпом, то ли врач – укрыл его у себя, лечил, а потом и расстрельная пора миновала, на неисполненное постановление, видимо, махнули рукой.

Такая вот страшная история со счастливым концом, но... На запрос о новом уголовном преследовании Копосова в 1938 году я получил от ИЦ УВД отрицательный ответ: такое дело в архиве не значится. Но допустим, что оно все-таки возбуждалось, а потом, когда выяснилось, что постановление не исполнено, было уничтожено. Могло такое быть?

Но вот два акта расстрелов (а других документально подтвержденных сведений о расстрелах на “Мальдяке” нет), произведенных 13 августа 1938 года (заметьте – августа, когда снег даже на “Мальдяке” еще маловероятен, а до морозов, упомянутых Пальманом, и вовсе далеко*) под руководством ст. лейтенанта ГБ Богена – 159 фамилий, около каждой “галочка”, что означает, видимо, что носитель фамилии положенное получил. Нет среди этих несчастных Копосова. Что это означает? Что были и другие расстрелы на этом прииске – ближе к зиме? Не исключено.

Или в случае с Копосовым действие происходило в другом месте? Ведь тот же В.И.Пальман в упомянутом письме А.Г. Козлову называет местом расстрела Копосова участок “Незаметный” прииска “Пятилетка”. И это не исключено.

Вдова В.В.Копосова Зоя Федоровна писала мне, что Пальман знал Копосова мало, только по Кубани, а потому мог в своих описаниях в чем-то ошибиться – это уже мое предположение. Вот и ранение Копосова в тот страшный день Пальман описал неверно: по словам Зои Федоровны, Владимир Васильевич был ранен в шею.

А нельзя ли предположить, что вся эта история – всего лишь мистификация? Ведь встречаются в воспоминаниях бывших колымских заключенных (устных и письменных) наряду с объяснимыми неточностями и откровенные, а порой даже и корыстные – как бы их только помягче назвать? – злоупотребления доверием слушателей и читателей. Но сохранившиеся отзывы

* Бывший колымский заключенный В.Г.Стародубцев, попавший на “Мальдяк” в конце июня 1938 года, вспоминает в своей книге: “А в двадцатых числах сентября замерзли и речка Мальдяк, и полигоны. Промывочный сезон практически закончился”. Вот когда в том году стало по-настоящему холодно!

о личности и творчестве В.В.Копосова – а в их числе официальное письмо, подписанное бывшим (в 1935-37 годах) редактором газеты, в которой начинал свой профессиональный путь будущий писатель, М.С.Сеутиным (в 1962 году – вторым секретарем Красноярского крайкома КПСС), рекомендация известного на Дальнем Востоке писателя Н.И.Максимова, впечатление от знакомства с В.В.Копосовым того же В.И.Пальмана, записанное в “Кольце Сатаны”: “...осталось приятное впечатление воспитанности, ненавязчивости, скромности, большой скромности...” – все это, как мне кажется, заставляет отнести к рассказу о несостоявшемся расстреле с определенным доверием, даже если этот рассказ и не нашел пока документального подтверждения.

Документально известно, что часть своей “добычи” дальстроевский УНКВД – по собственной ли воле или следуя исключительно командам Наркомата? – передавал Москве. И там постановление ОСО или приговор Военной коллегии Верховного суда СССР ставили последнюю точку в судьбе недавнего колымчанина.

Новая (и в нашей горестной статистике уже третья) расстрельная волна придет на Колыму с началом Великой Отечественной войны. Следует сказать, что осужденные по политическим статьям всегда боялись международных военных конфронтаций, полагая, что перетрусившая и озлобившаяся в этом случае власть именно с ними, своими внутренними врагами, начнет первым делом сводить счеты. Такие опасения высказывали заключенные перед тем, как захватить рыбпромскую командировку “Зеленый мыс” в ноябре 1937 года – об этом случае я рассказывал. Те же опасения звучали в речах организаторов захвата каторжанского лагерного пункта прииска им. М.Горького в 1948 году, в разгар холодной войны между США и СССР, которая и впрямь могла перейти в горячую (весьма вольно и неточно версия тех событий изложена в рассказах Варлама Шаламова “Последний бой майора Пугачева” и “Зеленый прокурор”).

Следствие в каждом из этих примеров проходило мимо подобной мотивировки действий восставших, считая ее если не вовсе надуманной, то, во всяком случае, несущественной. Но события первых двух лет войны показали, что заключенным (да и не только им) и в самом деле было чего бояться, когда страна оказалась в критической ситуации.

В отличие от предшествующей, третья волна репрессий не имела такого единого “организующего” начала, каким в ежовские времена стал злодейский приказ № 00447. Видимо, в том и не было необходимости. Сама обстановка первых дней и месяцев войны как бы предполагала ужесточение политического и государственного режима, усиление бдительности правоохранительных органов, расширение сферы преследования и увеличение тяжести наказания.

Однако ряд нормативных актов, способствующих такому ужесточению, расширению и увеличению, был тем не менее принят. Назову в их ряду прежде всего Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06.07.41 “Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения” и совместный приказ прокурора СССР и народного комиссара внутренних дел СССР, предоставлявший право руководителям лагерных управлений с санкции местных прокуроров задерживать освобождение лиц, осужденных за государственные преступления (сюда же, естественно, входили и те, кто был осужден по “литерным” статьям), срок наказания которых во время войны подошел к концу.

Как известно, внесудебные территориальные “органы юстиции” – Тройки УНКВД – были упразднены в 1938 году (высший внесудебный орган расправы – Особое совещание НКВД, а затем и МГБ-МВД – существовал и в первой половине 50-х), не стало и некогда всесильной Тройки УНКВД по ДС. Судебные функции на территории Магаданской области выполняли Военный трибунал войск НКВД (далее – в/т в/НКВД) при СДС, а также гражданские органы юстиции: в районах, где советская власть существовала номинально, – народные суды и восстановленная, переименованная, а затем и вовсе упраздненная Постоянная сессия Хабаровского краевого суда, на Чукотке – окружной народный суд в Анадыре и народные суды в районах.

Наиболее распространенные составы уголовного преследования в тот период – все та же знаменитая статья 58-10 (указ от 06.07.41 не мог сравниться с ней по части жестокости санкций), 58-7 (вредительство) и 58-8 (совершение террористического акта) – часто, как говорят юристы, “через 19-ю” статью того же УК РСФСР, то есть не реальный состав того или иного преступления, а лишь покушение, а на практике – приписыва-

емое обвиняемому “намерение” совершить его, а также широко употреблявшиеся в недавние еще времена 58-11 (организационная деятельность, направленная к подготовке и совершению контрреволюционных преступлений) и 58-14 (к-р саботаж, снова трактуемый чрезвычайно широко: здесь и отказ заключенного от работы, и членовредительство с той же целью, и побег из мест лишения свободы).

Характерной особенностью данного периода были репрессии против представителей коренного населения Чукотки, где все еще продолжался процесс коллективизации единоличных хозяйств, который сопровождался таким вот “изъятием” из него наиболее активных его противников. Справедливости ради отметим, что сама коллективизация, а также другие социальные процессы вызывали активное, подчас вооруженное сопротивление, дело доходило до убийств представителей советской власти, дальстроевских заготовителей и др.

Широко – подчас без должных оснований и с применением самых жестоких наказаний – использовались в тот период судебными органами и статьи, карающие за иные, общеуголовные преступления.

Вот примеры, характеризующие практику органов юстиции того времени.

Новиков Георгий Алексеевич, 1879 г.р., уроженец Пензенской губернии, образование среднее, б/п, землемер при Северо-Эвенском райисполкоме. Был осужден 16.09.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР (сравнивал уровни жизни в царской России и СССР, скромность Ленина противопоставлял неумеренному превозношению Сталина, хвалил личные качества первого директора Дальстроя Берзина и его умелое хозяйствование) на 10 лет лишения свободы.

Игнатов Григорий Иванович, 1893 г.р., уроженец Коми, зырянин, образование средне-медицинское, б/п, зав. медпунктом п. Марково. Осужден 28.08.41 Чукотским окружным судом по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР за высказанные сомнения в обоснованности репрессий, примененных к Бухарину и Рыкову, на 5 лет лишения свободы.

Нечуйко Тихон Ермолаевич, 1900 г.р., уроженец Днепропетровской обл., образование низшее, бывший член ВКП(б) с 1920 по 1935 г., судим в 1936 г. за КРТД на 5 лет лишения свободы, наказание отбыл, дневальный общежития АРЕМЗа.

Осужден 25.08.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР за антисоветскую троцкистскую пропаганду, клевету на советское строительство и органы НКВД на 10 лет лишения свободы.

Никаноров Петр Ильич, 1904 г. р., уроженец Смоленской обл., образование среднее, ранее не судим, бухгалтер прииска “Комсомолец”. Осужден 16.04.42 в/т в/НКВД при СДС по указу от 04.07.41 “Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов (...)” (говорил, что немцы сильно бомбят Москву, подвоз продовольствия прекращен, Япония захватила Сингапур) на 5 лет лишения свободы.

Лаврененок (Неталь) Николай Петрович, 1907 г.р., уроженец г. Риги, образование н/высшее, член ВКП(б) с 1927 г., фотокорреспондент газеты “Советская Колыма”. Был осужден 27.07.42 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 (за высказывание о вероятности нападения Японии на СССР и необходимости для СССР немедленно выступить против Японии) на 10 лет лишения свободы. Повторно был осужден тем же трибуналом 16.12.43 по ст. 58-14 УК РСФСР (за побег из лагеря, расположенного в п. Кулу, был задержан в 60 км от Охотска) также на 10 лет лишения свободы. Умер, находясь в заключении, 15.09.45, через две недели после подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии.

Копылов Николай Петрович, 1891 г.р., уроженец Рязанской обл., неграмотный, судим в 1938 г. за КРА на 5 лет лишения свободы, наказание отбыл, работал плотником в Аркагалинской стройконторе. Осужден 31.10.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР за восхваление немецкого образа жизни (в первую мировую войну был в немецком плену, женат на немке, не поверил в зверства фашистов, показанные в фильме “Суд идет”) на 10 лет лишения свободы.

Лиманская Мария Федоровна, 1922 г.р., уроженка Курской обл., малограмотная, несудимая, работала прачкой в воинской части. Осуждена 16.11.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР за высказывание пораженческих настроений (ее не поставили на учет ни в магазине, ни в столовой воинской части, в которой она работала, на получение продуктов, по этому поводу в той же столовой она высказалась: “Чем так жить, лучше бы пришел Гитлер и меня убил!”) на 10 лет лишения свободы.

Выделю (хотя уголовное преследование их не выделяло из общего ряда антисоветских преступлений) несколько примеров нелепого пьяного поведения, повлекшего тем не менее суровые меры наказания.

Абанин Александр Андреевич, 1913 г.р., уроженец г. Орехово-Зуево, образование среднее, несудимый, радист п. Нелькоба. Осужден 27.08.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР (03.05.41, будучи в нетрезвом виде, решил поугагать жителей поселка - объявил, что началась война, немцы уже заняли Крым, убито 250 тыс. пограничников) на 10 лет лишения свободы.

Золотухин Николай Степанович, 1907 г.р., уроженец г. Иркутска, малограмотный, несудимый, осужден 02.04.42 Анадырским окружным судом по ст. 58-10 ч. 1 за пораженческую агитацию (27.11.41, будучи пьяным, говорил, что Сталин сдаст Москву и убежит в Грузию) на 5 лет лишения свободы.

Иконников Алексей Степанович, 1912 г.р., уроженец Московской обл., осужден в 1935 г. по ст. 74 УК РСФСР (хулиганство) на 4 года лишения свободы и в 1937 г. как СВЭ (социально-вредный элемент) еще на 5 лет, наказание отбыл, работал поваром в столовой Аркагалинской электростанции. Осужден 16.06.43 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР и ст. 74 ч. 2 (01.05.43, будучи пьяным, устроил дебош, допускал антисоветские высказывания, рвал денежные купюры с изображением Ленина) на 8 лет лишения свободы.

Сегодняшний читатель, несмотря на реальные (кто их не знает!) тяготы существования, все-таки ощутивший и вкус демократических преобразований, в том числе и свободу высказывать – даже в самой дерзкой форме – свои мысли по любому поводу, по этим вот примерам может представить, во что обходились когда-то не то чтобы дерзость, а любое проявление своего смысла “вольным” гражданам Дальстроя – в лишение свободы на срок от пяти до десяти лет с перспективой отбытия наказания в колымских лагерях. Было от чего захлопнуться ртам, затвориться душам!..

А ведь приведенные мною примеры - всего лишь фон, на котором репрессивная машина вышивала и воистину смертельные узоры. Вот отдельные эпизоды расстрельной хроники первого периода войны (сообщаю об осужденных только те данные, которые приведены в заключениях на их реабилитацию, состоявшуюся уже в 90-х годах).

Крылов Евгений Васильевич, 1902 г.р., уроженец Западной обл., грамотный, несудимый. Осужден 16.08.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР (на протяжении 1940-41 гг. вел к-р агитацию, восхвалял врагов народа) к ВМН. Расстрелян 30.08.41.

Юдин Семен Евгеньевич, 1904 г.р., уроженец Курской обл., образование 7 классов, осужден в 1934 г. по ст. 166 УК РСФСР (кража) на 5 лет лишения свободы, наказание отбыл. Осужден 28.08.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 (“Раз Москву бомбят - значит, войну проиграли!”) к ВМН. Расстрелян 08.09.41.

Калынов Михаил Кузьмич, 1890 г.р., уроженец Тульской обл., грамотный, осужден в 1934 г. по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР (хулиганство) на 2 года лишения свободы, в 1937 г. как СВЭ на 3 года, наказание отбыл. Осужден 30.08.41 в/т в/НКВД при СДС (за высказывание 23.06.41: “Немцы Красной Армии покажут!”) к ВМН. Расстрелян 30.09.41.

Бошенятов Юрий Владимирович, 1913 г.р., уроженец г. Ленинграда, сын офицера царской армии, образование среднее, ранее неоднократно судимый, в последний раз – в 1936 г. по ст. 82 ч. 1 УК РСФСР (побег из мест лишения свободы) на 3 года лишения свободы, наказание отбыл. Работал начальником производственно-плановой части АРемЗа. Осужден 13.11.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 к ВМН за то, что в июле-августе 1941 г. распространял среди сослуживцев ложные слухи о слабости Красной Армии. Расстрелян 04.12.41.

Образцов Александр Алексеевич, 1908 г.р., уроженец г. Ржева, грамотный, служащий, несудимый. Осужден 18.10.41 в/т в/НКВД при СДС за высказывание “Немецкая армия – верующая, и поэтому она победит!” к ВМН. Расстрелян 07.12.41.

Терехов Петр Васильевич, 1907 г.р., уроженец Рязанской обл., образование низшее, бывший член ВКП(б), несудимый, начальник колонны автобазы № 5 (п. Берелех). Осужден 18.10.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 (24.08.41, будучи в нетрезвом виде, заявил в общежитии: “Мы Советскую власть построили - мы ее и уничтожим!”) к ВМН. Расстрелян 07.12.41.

Тольский Николай Сергеевич, 1898 г.р., уроженец г. Москвы, образование высшее, несудимый, начальник планово-экономической части прииска “Штурмовой”. Осужден 24.10.41

в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 за поразительные высказывания и недоверие к сводкам Совинформбюро к ВМН. Расстрелян 12.12.41.

Мартыненко Василий Михайлович, 1909 г.р., уроженец Киевской обл., из крестьян, малограмотный, ранее судим в 1936 г. как СОЭ, в 1937 г. – по ст. 110 ч. 2 УК РСФСР (халатность), з/к прииска “Комсомолец”. Осужден 08.10.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 за к-р агитацию поразительного характера (“Япония нападет на СССР в День авиации!”) к ВМН. Расстрелян 10.01.42.

Козлов Иван Николаевич, 1896 г.р., уроженец г. Калинина, образование н/среднее, осужден в 1934 г. О/с НКВД СССР за изготовление к-р листовок и рукописей на 3 года лишения свободы, в 1938 г. – Тройкой УНКВД по ДС за КРА к 10 годам лишения свободы. Осужден 12.12.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 за к-р агитацию в пользу фашистской Германии к ВМН. Расстрелян 29.01.42.

Горенко Кирилл Григорьевич, 1915 г.р., уроженец Харьковской обл., из рабочих, образование начальное, ранее неоднократно судим, в последний раз – Тройкой УНКВД по ДС в 1938 г. за к-р саботаж на 10 лет лишения свободы. Осужден 08.10.41 в/т в/НКВД при СДС за неоднократные отказы от работы и антисоветскую агитацию к ВМН. Умер в тюрьме 08.12.41.

В напряженной ситуации первого периода войны органы НКВД проявляли, видимо, особую подозрительность к находившимся в СССР иностранцам, к своим, “советским”, немцам, а может быть, и вообще к носителям иностранных фамилий. Вот как эта тенденция отразилась в той расстрельной практике.

Сало Гуго Нестерович, 1910 г.р., уроженец Финляндии, финн, образование среднее, бывший член компартии Финляндии, осужден в 1936 г. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР на 3 года лишения свободы. Срок наказания отбыл, работал бригадиром электриков на автобазе № 6. Осужден 22.09.41 в/т в/НКВД при СДС по статьям 58-10 ч. 2 и 19-58-8 за антисоветскую агитацию (“Англия потерпит катастрофу. Германия победит, рабочего движения в Европе не существует”) и высказывания террористических намерений к ВМН. Расстрелян 09.10.41.

Джилетти Марио Петрович, 1906 г.р., уроженец г. Неаполя (Италия), итальянец, из служащих, образование среднее, з/к по

судимости 1936 г. (О/с НКВД СССР, КРД, 8 лет лишения свободы). Осужден в/т в/НКВД при СДС 07.08.41 за антисоветскую агитацию (осуждал репрессии) и отказ от работы на 10 лет лишения свободы. Повторно осужден тем же органом 17.10.41 по тем же статьям УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 21.11.41.

Лидерер Александр Федорович, 1897 г.р., уроженец г. Баку, немец, образование начальное, судим в 1939 г. (ст. 130 ч. 1 УК Узбекской ССР – грабеж, 2 года лишения свободы), наказание отбыл, работал буфетчиком в Ново-Магаданской столовой. Осужден 16.10.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР (19.04.41, будучи в нетрезвом состоянии и отстраненным по этой причине от работы, нецензурно ругался и заявил: “Не забывайте, я немец. Завтра будет война”) к ВМН. Расстрелян 21.11.41.

Геккер Ольга Сергеевна, 1898 г.р., уроженка г. Тулы, из служащих, несудимая, работала фельдшером в п. Хатынгах. Осуждена 21.10.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 к ВМН. Расстреляна 03.12.41.

Мартенс Франц Францевич, 1899 г.р., уроженец Чкаловской обл., немец, осужден в 1936 г. по ст. 58-10 УК РСФСР на 4 года лишения свободы, наказание отбыл, работал бухгалтером на автобазе № 1 (п. Палатка). Осужден 04.10.41 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 к ВМН. Расстрелян 12.01.42.

Зигмунд Бронислава Михайловна, 1903 г.р., уроженка г. Люблина (Польша), полька, з/к по судимости 1937 г. (О/с НКВД СССР, ПШ, 5 лет лишения свободы), совхоз “Дукча”. Осуждена 11.02.42 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 к ВМН. Расстреляна 21.03.42.

Мерланг Андрей Егорович, 1900 г.р., уроженец Сталинградской обл., з/к по судимости 1932 г. (постановление ЦИК от 07.08.32, 10 лет лишения свободы); Фридл Иосиф Георгиевич, 1917 г.р., уроженец г. Берндорфа (Австрия), австриец, з/к по судимости 1938 г. (О/с НКВД СССР, КРД, 10 лет лишения свободы), а также Шумахер, Евдокимов и Волков осуждены 18.02.42 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2: Мерланг, Фридл и Шумахер – к ВМН (расстреляны 22.04.42), Евдокимов и Волков – к 10 годам лишения свободы.

Геринг Георгий Георгиевич, 1911 г.р., уроженец Днепропетровской обл., немец, из крестьян, образование среднее, з/к по

по судимости 1937 г. (ст. 58-10, 11 УК РСФСР, 10 лет лишения свободы) прииска "Туманный". Осужден 24.07.42 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР за поразительные высказывания ("Немцев остановила зима под Москвой, летом они снова пойдут в наступление. Красная Армия имеет меньше авиации, ей не устоять") к ВМН. Расстрелян 19.08.42.

Штоль Иоган Тобилсович, 1904 г.р., уроженец Крыма, немец, судим в 1933 г. (ст. 111 УК РСФСР, злоупотребление служебным положением, 3 года лишения свободы) и в 1940 г. (участие в антисоветской повстанческой группе, 5 лет лишения свободы). Осужден 19.12.42 в/т в/НКВД при СДС по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР к ВМН. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 05.02.43 ВМН заменена на 10 лет лишения свободы.

Более подробная иллюстрация к расстрельной практике "третьей волны".

Самойлов Иван Степанович, 1909 г.р., уроженец г. Баку, русский, из рабочих, образование высшее, инженер-теплотехник, старший брат Паулины Степановны Мясниковой, бывшей колымской заключенной, одной из героинь книги Е.С.Гинзбург "Крутой маршрут". Мужественная "Павочка", несмотря на преклонный возраст, много лет выходила на сцену театра "Современник" в спектакле по книге Е. Гинзбург, участвовала она и в американских гастролях этого театра. Летом 1996 года Паулина Степановна приезжала в Магадан на открытие памятника "Маска Скорби", выступала в телевизионной передаче, давала интервью...

Вспоминая страшные колымские годы, она рассказывала о том, что своим спасением обязана брату Ивану, потому что он не назвал ее, в то время находившуюся в эльгенском лагере, во время своего последнего следствия в 1941 году. Это не совсем так: дальстроевое НКВД, фабрикуя дело И.С.Самойлова, знало о существовании его сестры-заключенной. Более того, именно одна из ее знакомых, М.Я.Дмитриева (вместе с Паулиной Степановной они находились на командировке "7-й км", Самойлов и познакомился с ней для того, чтобы узнать о сестре), передала его в руки чекистов.

27 июня 1941 года Дмитриева написала начальнику ЖенОЛПа УСВИТЛа Гридасовой (жене начальника Дальстроя Никишова) заявление следующего содержания:

"Прилагаю к этому заявлению письмо, полученное мною от з/к Самойлова И.С., который находится на карпункте и которое я получила в ответ на мое письмо. В своем письме я выразила некоторое сетование на свою судьбу заключенной, свое недоумение по поводу сурового приговора, вынесенного мне в то время как я считала себя стоящей на позиции генеральной линии ВКП(б). Получив (письмо. – А.Б.) от з/к Самойлова, которого я знала как десятника на торфе, как хорошего товарища по работе и в отношении к нам торфяницам, и, стоя на прежних позициях коммунистической партии, считаю своим долгом передать его в органы НКВД как явно антисоветское и враждебное о чем и прошу Вас, начальника лагеря. Так же прошу передать мою просьбу о вызове в органы НКВД для объяснения по поводу этого письма".

А. Р. Гридасова в тот же день отправила заявление, вместе с письмом Самойлова, начальнику 2-го отдела УНКВД по СДС Заботину (бывшему помощнику того самого Богена). На последовавшем в тот же день допросе (какова оперативность!) М.Я. Дмитриева ни об этой переписке, ни о самом Самойлове ничего нового не сказала (кроме того, что "(...) на всем протяжении работы на торф. участке Местпрома Самойлов ко мне относился очень хорошо"), но дала развернутые показания против одной из своих близких знакомых, заключенной Ротмистровской Екатерины Ефимовны, 1900 г.р., члена ВКП(б) с 1920 по 1936 г., бывшей преподавательницы философии, осужденной в 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям 17-58-8, 11 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Самойлову и Ротмистровской обвинение будет предъявлено в один и тот же день – 8 августа 1941 года.

Столь неблагоприятная роль, сыгранная свидетельницей М.Я. Дмитриевой в изобличении двух "неразоружившихся троцкистов", была ей, вероятно, весьма решительно навязана. Материалы дела дают основание предполагать, что "нелегальная переписка" Самойлова и Дмитриевой, которая осуществлялась через знакомого Самойлова заключенного Заплатаина (1903 г.р., уроженец г. Коканда, выпускник ВХУТЕИНа -- Высшего художественно-технического института 1929 г., бывший член ВКП(б) с 1927 по 1936 г., осужден О/с НКВД СССР в 1937 г. за связь с троцкистами и незаконное хранение оружия на 5 лет лишения свободы), была провалена, и как той, так и другому

не оставалось ничего другого, кроме как “разоблачать” своих товарищей. В противном случае вместо свидетелей они могли стать обвиняемыми.

В постановлении на арест Самойлова, составленном 21 июля 1941 года, лейтенант ГБ Заботин не мог, естественно, обойтись без столь важной улики:

“В этом же письме, написанном 24 июня 1941 г. Самойлов Иван Степанович выдвигает задачу объединения к/р троцкистских кадров и дает следующие антисоветские установки:

“Идеи сохранились, но их только следует воссоздать на старых принципах, которые отнюдь не изжиты и не отвергнуты жизнью, а только испохаблены перерожденцами. Марксизм не потерпел крушения и гибели, а только на данном этапе времени дискредитирован и за очищение и воссоздание нужна консолидация всех революционных сил”.

И далее из постановления на арест:

“В связи с выступлением тов. Молотова 22 июня 1941 г. о наглом нападении фашистской Германии на СССР, Самойлов сказал:

“Я не верю, чтобы информация Молотова соответствовала действительности. Вернее всего на Германию напали наши войска и наша авиация: бомбардировка со стороны Германии есть ответная мера (тут на память приходят рассуждения Виктора Суворова в книге “Ледокол” о планах Сталина первым начать войну против Гитлера – из колымского лагеря острые умы видели куда как далеко. – А.Б.). Все возможности для отвлечения внимания масс от бедственного положения страны, в которое она заведена нашими правителями, уже исчерпаны, ставить новые процессы невозможно, этому тоже есть предел. Единственным выходом для обмана масс, для отвлечения их внимания от тяжелого положения в стране – остается война”.

Жизненный путь Самойлова кратко, без всяких комментариев очерчен в анкете арестованного и протоколе его допроса от 23 июля 1943 года.

Итак, родился он в 1909 г. в г. Баку, в семье машиниста дизельных установок (думаю, что в России таких машинистов в то время было не так уж и много), отец Баннов Степан Алексеевич, мать – домохозяйка, отец умер в 1915 г. Вероятно, этим объясняется то, что очень рано, в 11 лет, в 1920 г., Иван Самойлов “стал работать в качестве посыльного в аптеке (быв. Цыб-

кина) в г. Баку. Здесь я проработал месяца четыре. В этот период я вступил в комсомол (в 11 лет? – А.Б.) и с работы в аптеке ушел в связи с переходом на работу в РК ВЛКСМ, где я ведал работой в области печати. Здесь я проработал вплоть до 1922 г. С июня 1922 г. по октябрь 1926 г. я работал в бакинском комитете ВЛКСМ в качестве инструктора отдела печати. После этого в течение полутора лет, до июля-августа 1927 г. я работал в Азербайджанском соц. страхе в качестве представителя Бакинского комитета ВЛКСМ. В августе 1927 г. в связи с участием в троцкистской деятельности я был снят с этой работы Бакинским комитетом ВЛКСМ”.

1927-28 годы были чрезвычайно насыщены событиями в судьбе Самойлова. На этот период приходится его вступление в партию и исключение из нее, в 1928 г. (в 19 лет?) Самойлов закончил Бакинский политехнический институт. И сверх того – “в период 1927-28 гг. я являлся членом Бакинского троцкистского центра. Как член этого троцкистского центра я руководил техникой и, кроме того, руководил троцкистскими группами в Баилово-Биби-Эйбатском районе гор. Баку, а также всеми городскими и районными молодежными троцкистскими группами”.

В 1928 году Самойлов И.С. за контрреволюционную троцкистскую деятельность был осужден коллегией ОГПУ к 3 годам ссылки. Ссылку отбывал на Урале, в Ишимском округе.

“По возвращении из ссылки в начале 1930 г. в г. Баку я непродолжительное время работал в Азер (далее неразборчиво. – А.Б.) в качестве помощника заведующего нефтяным отделом, затем там же, в Баку, на нефтеперегонном заводе сменным инженером, а в октябре 1930 г. выехал в г. Ярославль, поступил там на Ярославский резиново-асбестовый комбинат, где проработал в качестве инженера управления гл. механика комбината вплоть до второго ареста, т.е. 1934 г. В результате этого второго, а затем и третьего моего ареста больше по вольному найму я уже не работал”.

Второй раз Самойлов И.С. был осужден в марте 1934 г. О/с НКВД СССР за КРТД к 3 годам тюремного заключения.

В третий раз Самойлов И.С. был арестован 25 июня 1937 г. и осужден 31 декабря того же года выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР (под председательством печально известного Матулевича) в г. Ярославле по статьям 17-

58-8 и 58-11 УК РСФСР. Предварительное и судебное следствия якобы установили, что "(...) с приездом в гор. Ярославль в 1932 г. (Самойлов. – А.Б.) организовал и возглавил а/с троцкистскую террористическую группу на Резино-комбинате, где и проводил контрреволюционную работу, проводил вербовку новых участников в антисоветскую организацию". Приговор - 10 лет тюремного заключения с последующим поражением в правах на 5 лет и с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

На Колыме Самойлов оказался почти через два года: судя по номеру личного дела, позднее осенью 1939 года. Возможно, что это спасло его от ранее прокатившихся здесь репрессий, так как с таким послужным троцкистским списком, да и, видимо, непокорным характером он мог бы скоро попасть на прицел дальстроевского УНКВД. А к осени 1939 года этот доблестный орган пребывал в полной растерянности, сбитый с толку бериевской «оттепелью».

Заключенным Самойлов оказался весьма беспокойным. Уже 9 ноября, находясь на прииске "Пятилетка", начал "смертельную голодовку, мотивируя последнюю тем, что якобы условия труда и быта лагеря ниже уровня скотского существования" (из рапорта начальника п/лп И. А. Лукьянова начальнику прииска), и держал ее двадцать дней.

После голодовки он совершает ничем не оправданные, по мнению администрации, отказы от работы: с конца ноября 1939 года по 5 января 1940 года их набралось более тридцати.

Какие кары за этим последовали, неизвестно, но, видимо, позднее усвитловцы сочли полезным в качестве предупредительной меры перевод беспокойного заключенного поближе к Магадану (возможно, был расчет на то, чтобы утишить, подкупить его более сносными условиями существования) – так Самойлов оказался на ОЛПе Промкомбината, на его 2-м п/лп при Кожзаводе.

Но и отсюда вскоре последовал тревожный сигнал. 15 сентября 1940 года пом. о/у 1-го отделения ОУР УНКВД по Севвостлагу Бланюк "...нашел: что заключенный Самойлов Иван Степанович (...) с целью уклонения от дальнейшего отбывания срока уголовного наказания подготавливал совершение побега с выездом на "материк", для этого приобрел географическую карту СССР, магнит и продукты: муку, махорку и спички".

Бдительный пом. о/у на основании изложенного постановил ходатайствовать перед руководством Севвостлага о направлении з/к Самойлова "в глубинные районы тайги, на общие подконвойные работы" – оттуда не убежишь даже с помощью магнита.

Но наш старый знакомый Д.Н.Кедров, пребывавший в то время в должности зам. начальника УСВИТЛа, распорядился иначе: своим приказом от 27 декабря 1940 года он определил Самойлову за систематическое нарушение лагерного режима, трудовой дисциплины и подготовку к побегу ни много ни мало ШЕСТЬ месяцев (признаться, я не слыхал раньше, чтобы такие сроки наказания существовали) штрафного изолятора.

Центральный штрафной изолятор помещался тогда на 56-м километре. Условия содержания в нем в тот период мне неизвестны, но ясно, что они были строже и суровее обычных лагерных. Сколько времени пробыл здесь Самойлов, точно тоже неизвестно, но, видимо, более двух месяцев, потому что на карпункте он появился только в марте. Позже он был переведен на местпромский ОЛП и работал на торфяном участке в "режимной зоне" на 10-м км, где возобновил свое знакомство, начатое год назад, с группой лагерниц, в числе которых были М. и Л. Дмитриевы, Е. Ротмистровская и др. Дальнейшее известно.

25 сентября 1941 года начальник УНКВД по СДС майор ГБ Окунев утвердил обвинительное заключение. В нем, в частности, говорилось:

"Предварительным следствием установлено, что Самойлов, как кадровый неразоружившийся троцкист, враждебно относящийся к ВКП(б) и Советскому правительству, с 1940 г. пропагандировал среди заключенных Севвостлагерей свои антисоветские троцкистские настроения, а после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз в письменном и устном виде стал пропагандировать необходимость военного и политического поражения существующего в СССР государственного строя, в целях борьбы с которым ставил перед собой задачу создания в Севвостлагерях контрреволюционной троцкистской организации".

16 октября Военный трибунал войск НКВД под председательством военного юриста 2-го ранга Волощука рассмотрел в закрытом судебном заседании дело Самойлова и приговорил

его к высшей мере наказания. 21 ноября приговор был приведен в исполнение.

Е.Е.Ротмистровская была расстреляна неделей раньше.

Военный трибунал войск НКВД при СДС (в приговоре Самойлову он назван в/т войск НКВД Нагаевского гарнизона) существовал как единый орган на всей территории Дальстроя. Однако в отдельных регионах, при крупных горно-промышленных управлениях, существовали его постоянные представительства, сессии (иногда они так и именовались в приговорах).

Каждый из этих документов обычно заканчивался словами: "Приговор трибунала является окончательным и обжалованию не подлежит", однако у осужденного оставалось право обратиться с просьбой о помиловании. Эти просьбы рассматривали Президиум Верховного Совета СССР или Военная коллегия Верховного суда СССР. Переписка велась через канцелярию Военной коллегии. В том случае, если приговор дальстроевского трибунала оставался в силе, в Магадан поступало указание председателя Военной коллегии армвоенюриста Ульриха о приведении его в исполнение. Из Магадана начальник УНКВД Окунев или председатель Военного трибунала Ташев (или его заместитель) направляли начальнику РО НКВД или председателю сессии Военного трибунала в этом регионе соответствующее распоряжение, об исполнении которого на месте составлялся акт.

Знакомство с этими актами, присланными в годы войны из Усть-Омчуга, обнаружило потрясшую меня подробность: исполнение расстрелов, довольно частых (что и дает возможность говорить о "третьей волне"), однако по количеству, конечно, уступающих размаху этих акций в 1937-38 годах, теперь, в военное время, производилось куда более широким кругом лиц. Исполнителями были не только начальник РО, его заместитель, комендант – для них это, возможно, было служебной обязанностью, – но в составе расстрельной Тройки (а в просмотренных мною актах часто присутствовали именно три фамилии) значились также следователь и помощники военного прокурора, члены Военного трибунала...

Как объяснить, что работник юстиции, призванный, так сказать, отправлять правосудие, ближе к ночи (а расстрелы осуществлялись в позднее время) берет пистолет в руки? Или уж

тут такая несокрушимая уверенность в справедливости вынесенного тобой или твоим товарищем приговора, что и самому незасорно его исполнить? Только откуда ей взяться, этой уверенности, – недаром же нынче почти все эти приговоры отменяются как необоснованные. Или неуголимая жестокость, разбуженная страстной пропагандой – убей врага! убей врага!.. Или... Мелкая житейская подробность: расстрельщикам с незапамятных времен после исполнения их страшного дела полагались дармовые выпивка и закуска. Не они ли привлекали к этому "промыслу" и добровольцев-любителей в дальстроевских, обиженных в то время продовольственным снабжением поселках?

Среди сохранившихся документов, фиксирующих ясно и определенно узаконенные расправы, есть и несколько таких, в которых речь идет об акциях совершенно секретных, но, видимо, еще более злодейских. Так, 17 сентября 1941 года сотрудник РО НКВД по Тенькинскому горно-промышленному управлению отобрал у 17-ти мужчин, профессии и должности которых не были указаны (против фамилии только одного из них стоит "шофер"), подписки о том, что такой-то обязуется никому и ни при каких обстоятельствах не разглашать сведения об операции, проведенной 16 сентября. Фамилия одного из них встретится потом не раз – член Военного трибунала.

Еще один документ такого же плана:

"Расписка.

Я (...) даю настоящую подписку органам НКВД в том, что обязуюсь нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах не разглашать характера операции, о которой мне известно, а также и того, куда и кого я возил на автомашине 23 октября 1941 года.

Ответственность за нарушение подписки мне известна.

Подпись".

По пустякам такие документы, видимо, не составлялись.

После 1942 года, по мере того как будет улучшаться в пользу Красной Армии положение на фронтах и стабилизироваться общая ситуация в стране, третья расстрельная волна сойдет практически на нет. Статья 58 УК РСФСР (п.п. 1а, 1б – измена родине) появится в приговорах уже после 1945 года – в отношении лиц, ранее доставленных на Колыму в качестве спецпоселенцев. Органы прокуратуры весьма и весьма дифференци-

рованно подходят к реабилитации лиц, осужденных за подобные преступления.

“За нами придут корабли”, – шептал безвестный колымский заключенный на койке лагерной больницы. “Безвестный”, пишу я, потому что его имя и фамилия, сохранившиеся в памяти другого колымского з/к – Аркадия Захаровича Добровольского, одного из авторов сценария знаменитого пырьевского фильма “Трактористы”, слышавшего эти стихи из уст умиравшего от обморожения (он пытался уйти в побег) Саша Чаузова, в архивах ИЦ не значатся. И выходит, что того мальчика вроде и не было.

Но главное, что корабли, напророченные пока еще безвестным юным поэтом, те корабли пришли – корабли нашей памяти. И вот они встали “тремя у причала”.

Эта книга – один из самых страшных кораблей. На ее страницах – несколько тысяч фамилий (нормальный колымский этап – знаменитый пароход “Кулу” – за один рейс привозил даже больше) колымских заключенных, расстрелянных (а также умерших в ожидании расстрела) в 30–40–50-е годы по необоснованным постановлениям Троек УНКВД и приговорам Военного трибунала войск НКВД-МВД при СДС и ныне реабилитированных.

Этот Список не является исчерпывающим и окончательным. Он должен быть длиннее по крайней мере на несколько сотен (200 или более того) фамилий. Работники ИЦ УВД на протяжении более пяти лет трудились над его составлением, но и они не смогли по сей день преодолеть некоторые трудности и представить Список таким, каков он должен быть, – в исчерпывающей полноте.

В чем заключаются эти трудности? Некоторые персоналии когда-то – возможно, еще в 40-е годы – были, как говорят архивисты, “залиты”, то есть в карточке ИЦ значится один человек (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, осужден по такой-то статье и расстрелян тогда-то), а на стеллаже под этим номером стоит дело на совсем другого – и где оно, дело на человека, указанного в карточке, неизвестно. А нет дела – нет возможности его рассмотреть на предмет реабилитации, и нет фамилии этого человека в этом Списке.

Не легче приходится и в том случае, если по документам

известно, что дело – чаще всего в конце 30-х годов – было отправлено из Магадана в Москву, Хабаровск или куда-то еще, а обратно не вернулось. И тут та же ситуация: нет дела – нет реабилитации, а потому и нет упоминания этого человека в Списке.

Удастся ли когда-то преодолеть эти трудности, найти дела, представить их на реабилитацию? Хотелось бы верить, что да, но когда и как это может быть сделано, сегодня сказать невозможно.

Наконец, третья трудность на пути к исчерпывающему по составу Списку: часть дел, которые должны быть рассмотрены на предмет реабилитации, находится (так исторически сложилось) за пределами Магадана – больше всего в Омске, но есть и в Петропавловске-Камчатском, в Хабаровске... Вопрос, следовательно, только в том, чтобы привезти их оттуда, но у тамошних архивных подразделений нет средств, чтобы оплатить пересылку этих томов в Магадан, а у Магаданской областной прокуратуры нет то ли средств, то ли желания послать своих работников в эти города, чтобы они составили требуемые заключения на месте... Такая вот, объяснимая нынешними условиями ситуация.

Преодолимая, конечно, а потому я уверен, что через какое-то время у данного Списка появится продолжение – примерно на 50–60 фамилий.

Но и тогда, когда этот Список станет полным (или почти полным, потому что исчерпывающей полноты нам уже не добиться никогда), не будем забывать, что это лишь один Список, лишь один из многих кораблей нашей памяти. А сколько их у причалов Особого острова!..

От далеких лагерных лет дошло до наших дней выражение “третий архив”: “попасть в третий архив” – это то же, что и “уйти под сопку”, “дать дуба” (“дубарь” – покойник). Эта часть архива ИЦ и по сей день индексируется цифрой 3 – с нее начинаются номера тех, кто погиб в колымских лагерях от голода, холода, несчастного случая, кто был застрелен в побеге или по прихоти охранника... Говорят, что смерть не выбирает. Наверное, на Колыме это было так, а потому лежат в ее земле рядом бывший троцкист и уголовник, прославленный красный командир и растратчик, священнослужитель и атеист, люди разного социального положения, разных национальностей, граждане

СССР и иностранцы... 128 тысяч погибших – это еще 16 рейсов океанского парохода “Кулу”*

Но ведь были у того же парохода и обратные рейсы: когда он вез на волю, на “материк” освобожденных из колымских, якутских, чукотских лагерей. Эти рейсы были несравненно более радостными, чем рейсы “туда”, в неволю. Но радость освобождения омрачалась памятью о перенесенных страданиях; о погибших товарищах, о собственной искалеченной судьбе... И все это – тоже на тех кораблях памяти, которые встали сегодня “гремя у причала”. Это еще 80 рейсов того же парохода.

Почти 100 океанских пароходов денно и ночью стоят у причалов в Нагаевской бухте (причалов такой длины нет, наверное, ни в одном порту мира) – корабли памяти о жертвах Колымы, о жертвах самой жестокой в истории человечества попытке построить рай на земле, превратившей – только здесь, на Особом острове, – жизнь сотен тысяч людей в настоящий ад.

Сегодня эта память принадлежит нам – горчайшее, но бесценное наследство. Откажемся от него, махнем рукой – не до того, мол, есть долги поважнее! – и прошлое затаится в провалах нашей памяти, чтобы когда-нибудь – не дай, конечно, бог! – вцепиться в горло нашим детям и внукам. Или вы думаете, что такого уже больше не может быть?

* Магаданский историк А.Г.Козлов сообщает уточненные данные: численность умерших и погибших заключенных составляет 127792 человека; общее количество заключенных, доставленных на Колыму и Чукотку, – 876043 человека (из них в порт “Нагаево” – 740434); убыли по отбытии срока наказания 546972 человека. См.: А. Козлов. “В период “массового безумия” // “Вечерний Магадан”, №43, 25.10.02.

Как погиб советский “Титаник”

Почти 65 лет назад, в ночь с 11-го на 12-е декабря 1939 года, в проливе Лаперуза, у берегов Японии, произошло одно из крупнейших кораблекрушений XX века – о “камень Тодо” разбился принадлежавший Дальстрою пароход “Индибирка”. По официальной версии, жертвами кораблекрушения стали 745 человек. Многие десятилетия советская пропаганда тщательно замалчивала этот факт. Появившиеся в конце 80-х – начале 90-х годов в региональных (Владивосток, Магадан, Воронеж) и центральных средствах информации публикации лишь приподняли завесу тайны над этой трагедией.

Автору этого очерка удалось подробно ознакомиться со всеми томами архивно-следственного дела, возбужденного по факту кораблекрушения. Страшная и до сих пор до конца не разгаданная история встает с этих страниц.

Соотнести аварию “Индибирки” с гибелью “Титаника” (а это делалось уже не раз) можно только по количеству жертв, а сам скромный грузовой пароход, конечно, не шел ни в какое сравнение с блистательным океанским лайнером. И у того же Дальстроя, ступившего на берег Нагаевской бухты восемью годами раньше, в феврале 1932 года, были уже пароходы гораздо более солидные.

Эта суперорганизация, рожденная непосредственно волей тогдашнего Политбюро и самого Сталина, для выполнения поставленной перед нею задачи – транспортного и промышленного строительства в районах Верхней Колымы – прежде всего должна была позаботиться об инфраструктуре. Поэтому именно транспортное строительство – создание морского и речного флота, строительство автодорог – имело в пионерный период существования Дальстроя приоритетное значение. Именно в него, а не в геологоразведку и золотодобычу, шли наибольшие ассигнования. И это дало свой результат. К 1939 году Дальстрой достиг рекордной добычи золота – около 80 тонн (для сравнения: ныне золотодобыча области не достигает и половины этой цифры), добывались олово, уголь. Развивалось сельское хозяйство.

Все производство Дальстроя было основано, прежде всего, на труде заключенных, среднегодовое количество которых в

колымских (а потом и в якутских, чукотских и прочих) лагерях колебалось в пределах 150-200 тыс. человек. Только в 1939 году на Колыму было доставлено более 75 тыс. человек. И это несмотря на известную бериевскую «оттепель», приостановившую вал репрессий. Ну да ведь объемы продукции «ежовской машины» были столь велики, что сколько их ни сокращай, а все равно оставшееся прятать куда-то было нужно, а Колыма – место для такого припрятывания и примораживания самое подходящее, тем более что находилась она на промышленном взлете.

О размахе деятельности суперорганизации и ее месте в экономике страны можно судить и по такому факту: через десять лет, в 1948 году, бюджет Дальстроя будет занимать третье место в стране, после РСФСР и Украины.

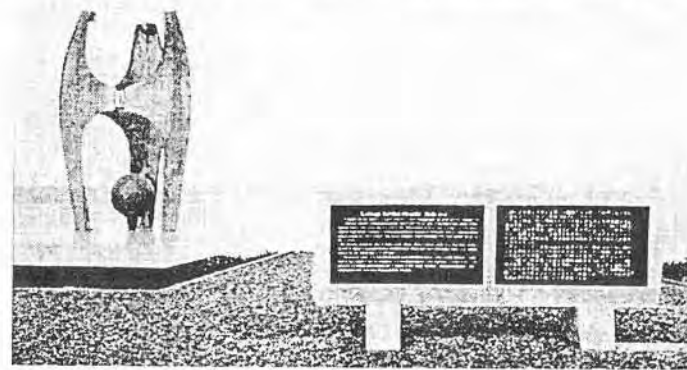
Пройдет еще десять лет, и к 1958 году Колыму покинут последние политзаключенные - 800 человек, находившиеся в строгорежимном «Омчаке» (пройдет еще десять лет, и на Колыме появятся новые политзаключенные – диссиденты, но это уже другой разговор). В начале 60-х, как я знал из достоверного источника, в Магадане было лишь около восьми тысяч заключенных. А потому строка в песне В. Высоцкого «их там не больше, чем в Москве», впервые пропетая, если память мне не изменяет, в феврале 1964 года, звучала вполне объективно.

1. Пароход

«Индибирка» была куплена годом раньше в Америке и появилась в порту приписки Нагаево в августе 1938 года. Это было крепкое двухпалубное судно постройки 1920 года водоизмещением 4 тыс. 200 т. Оно имело в длину 77 метров, наибольшую ширину 13 метров, четыре грузовых трюма глубиной около восьми метров. Судно было оснащено паровой машиной мощностью 1500 л/с.

Стоимость «Индибирки» осталась неизвестной, хотя справка такого содержания предъявлялась в ходе судебного разбирательства, состоявшегося 10–14 апреля 1940 года во Владивостоке, – в документах дела ее не оказалось. По завершении трагедии судно было оставлено японской стороне в качестве компенсации затрат за проведенные ею спасательные работы. На этом «Индибирка» прекратила свое существование, так как японцы разрезали ее на металлолом. Можно предположить, что

в ходе этих работ в трюмах парохода, по крайней мере в одном из них – № 4, так и оставшемся в ходе спасательных работ не вскрытым, были обнаружены тела погибших колымчан.

Памятник в Саруфуцу

Вскоре после трагедии в ближайшем к ней японском поселке Саруфуцу состоялась панихида по погибшим, а 12 октября 1971 года – задолго до того, как в нашей стране гибель «Индибирки» была предана огласке, – в том же поселке был открыт им памятник. По недавнему сообщению японского посольства в Москве, с тех пор, то есть уже тридцать лет, в ставших ежегодными панихидах в поселке Саруфуцу «принимает участие советская правительственная делегация». Сообщений об этом в отечественной прессе мне не попадалось.

Последний раз «Индибирка» пришла в Нагаево 30 ноября с грузом аммонала, которого, кстати, требовалось немало для горных предприятий Дальстроя, разгрузилась и 7 декабря стала принимать пассажиров – только пассажиров и ни одной тонны груза. Хотя, напомним, пароход был сугубо грузовым – никаких кают, кроме как для членов экипажа, пароход не имел. Соответственно и спасательные средства были рассчитаны только на членов команды – две шлюпки, в которых могли разместиться 40 человек, и 40 спасательных поясов.

2. Пассажиры

Пассажиров грузили в трюмы. Напомню, их глубина составляла 7 метров 98 сантиметров – это высота двухэтажного дома. Из трюмов вели деревянные трапы – как потом оказалось, очень непрочные.

Лишь один из трюмов, № 1, расположенный в передней части парохода, самый маленький, был оборудован нарами, то есть хоть как-то приспособлен к приему пассажиров, три остальных не имели никакого оборудования, пассажирам предлагалось совершить 5-6-суточное путешествие вповалку. О каком-либо организованном питании говорить не приходилось, все остальные “удобства” также отсутствовали. Таким был этот пароход, рейс его пассажирам предстоял нелегкий.

Однако последних это, видимо, не слишком смущало – большинство из них едва ли было привычно к комфорту. К тому же, навигация заканчивалась, и этот рейс был если не самым последним, то одним из последних. В декабре 39-го из Нагаево должны были уйти еще только пароходы “Дальстрой” и “Ильич”. А выбраться на “материк” в ту зиму хотели многие.

Кто были пассажиры “Индикирки”? Их, после крушения, следствие назовет 1134 человека.

Во многих публикациях сообщалось, что это были заключенные, “враги народа”. Утверждение не очень достоверное. Собственно арестованных, то есть находившихся под охраной, на борт доставили только 50 (48 мужчин и 2 женщин). Это были подследственные, их этапировали, видимо, в Москву. Они и заняли трюм № 1.

Большую часть пассажиров составляли лица, уже освобожденные из заключения, среди которых большинство составляли недавние уголовники. Но были и лица, ранее осужденные как “враги народа”. А также счастливики, которым удалось – после многомесячного пребывания под следствием в колымских тюрьмах – уцелеть и теперь, в бериевскую «оттепель», выйти на свободу.

Другим значительным контингентом пассажиров – числом около трехсот – были рабочие камчатского предприятия “Дальрыбпродукт”, имевшего свои базы (ДРП) на Охотском побережье. Работа была сезонной, и теперь рыбаки возвращались домой. В этой группе были и женщины с детьми.

В числе пассажиров были и очень немногие вольнонаем-

ные работники Дальстроя, согласившиеся плыть в таких вот условиях (флот Дальстроя имел и более комфортабельные суда – относительно, конечно).

Плюс отделение ВОХРы, десять бойцов под командой сержанта Ивана Копичинского. В их задачу входило охранять подследственных и сопровождать беспокойный контингент бывших зэка, от которых можно было ожидать в пути чего угодно.

Плюс 39 человек команды, возглавляемой капитаном Николаем Лаврентьевичем Лапшиным.

А вот сколько точно человек было на борту, сказать невозможно, потому что основная масса пассажиров – бывшие зэка – грузилась (стихийно это получилось или было подстроено?) неорганизованно. Копичинский прибыл к борту парохода, когда посадка уже началась – что-то, по его словам на суде, его задержало в штабе, где он получал задание на этот рейс. Переключки перед погрузкой не было, так как список следовал с последней машиной (бывших зэка подвозили с пересылки, где они до отплытия все-таки находились под охраной). А когда этот список окажется в руках сержанта, провести переключку будет невозможно – в трюмах все лежали вповалку. Вот и узнай, сколько этого контингента было на борту, тем более что сам список будет утрачен во время крушения. Копичинский утверждал, что в списке было 835 фамилий.

Поэтому число пассажиров, названное потом официально – 1134 человека, не может считаться точным.

Не может потому быть точной и цифра погибших, так как неизвестно, сколько пассажиров спаслось: после того, как «Индикирка» легла на борт, оставшихся в живых не пересчитывали, а потом, те же бывшие уголовники устроили такую свалку при посадке на японские суда, что и тут не скажешь, сколько же точно человек ступило на японскую землю.

Все эти неточности дают основания для некоторых предположений, которые я приберегу для финала рассказа. А пока о том, что известно достоверно.

В те дни Нагаевская бухта уже была забита льдом. “Индикирка” долго прорывалась к чистой воде – родной порт словно не выпускал ее. Но все-таки пробилась, и 8 декабря 1939 года то роковое плавание началось.

3. Подсудимые

Пройдет несколько месяцев, и следствие, а затем и Военный трибунал Тихоокеанского бассейна назовут виновников трагедии. Ими станут четыре человека (во всех предыдущих публикациях назывались лишь двое).

Подсудимые Лапшин Н.Л., Крищенко Т.М., Песковский В.Л., Копичинский И.П. Фото из архивно-следственного дела

Лапшин Николай Лаврентьевич, 1885 года рождения, уроженец Подмосковья, из семьи рабочего (отец слесарь-водопроводчик), образование среднее – закончил в 1907 году мореходное училище и получил диплом штурмана, служил на судах торгового флота.

В 1916 году был мобилизован на военную службу и произведен в прапорщики, служил штурманом на миноносце “Бесшумный”. В 1918-22 годах – на различных административных должностях, с 1922-го по 1927 год служил помощником капитана и капитаном в торговом флоте, с 1927 по май 1938 года – “сдаточный” капитан судостроительного завода в Ленинграде. С 21 мая 1938 года на службе в Управлении морского транспорта (Мортран) Дальстроя. 4 июля был назначен капитаном “Инди-гирки” – ее первый и последний дальстрояевский капитан.

Беспартийный, женат, детей нет, на иждивении – 87-летняя мать. Жил во Владивостоке, был прописан на борту флагмана дальстрояевского флота п/х “Феликс Дзержинский” (еще совсем недавно он носил имя “Николай Ежов”).

За время службы на флоте (а это более 25 лет) аварий не имел. В советское время трижды находился под следствием: в 1923 году три месяца в связи с тем, что будучи капитаном п/х “Карл Либкнехт”, способствовал провозу контрабандного спирта, в 1927 году – около пяти месяцев по подозрению в причастности к действиям контрабандистов и связях с подозрительными лицами в СССР и за границей, в 1933 году подозревался

в принадлежности к офицерской контрреволюционной группе.

На работу в Дальстрой перешел по материальным соображениям.

Крищенко Тимофей Мефодиевич, 1913 года рождения, уроженец г. Ейска, русский, из крестьян-бедняков, образование средне-техническое, бывший член ВЛКСМ – исключен за невыполнение решения комсомольской организации, посылавшей его на педагогические курсы. На Дальнем Востоке с 1933 года, приехал по вербовке Крабтреста. Работал на п/х “Ламут”. Был под арестом два с половиной месяца за участие в драке (ст.146 ч.1 УК РСФСР), после освобождения был принят ст. помощником п/х “Инди-гирка”.

Песковский Виктор Львович, 1912 года рождения, уроженец Хабаровска, отец военнослужащий (застрелился в состоянии алкогольной депрессии в 1924 году), образование среднее, закончил морской техникум в 1932 году, но квалификационную комиссию не прошел и диплом не получил. С мая 1932 года работал в должностях 4-го и 3-го помощника капитана, в том числе и на мортрановских п/х “Кулу” и “Дальстрой”.

В 1937-38 годах снова учился в том же техникуме во Владивостоке и после его окончания получил, наконец, диплом. 27 июля 1938 года был назначен на должность 2-го помощника капитана п/х “Инди-гирка”.

Беспартийный, холост. Мать и другие члены семьи жили во Владивостоке.

Копичинский Иван Петрович, 1914 года рождения, уроженец Каменец-Волынской области, украинец, из крестьян-бедняков. На Дальнем Востоке оказался после призыва на военную службу, проходил ее в 116 стрелковом полку на Второй речке под Владивостоком (место дислокации Владивостокского отделения Севвостлага) с сентября 1936 года по октябрь 1938-го, подписал договор о службе в ВОХР на Колыме, где служил до 7 декабря 1939 года, а затем, до ареста 13 февраля 1940 года, – снова в охране на Второй речке.

До призыва на военную службу был женат, затем связь с семьей была потеряна. Член ВЛКСМ, имел выговор по комсомольской линии, арест на трое суток и понижение в должности до командира отделения за пьянство во время службы в Магадане.

4. Катастрофа

Как же это случилось?

В первые сутки рейс проходил нормально, тем более что и погода была для этого времени года сносной. 10 декабря она стала портиться, начался шторм – семь, восемь баллов... Пошел мокрый снег. Обстановка складывалась напряженная, но ничто еще не предвещало беды.

Схема трагического маршрута парохода «Индибирка»

В ноль часов 12 декабря вахту принял второй помощник капитана Песковский. Рядом с ним в рубке находился капитан Лапшин. Несмотря на сильный шторм (он достиг уже девяти баллов) капитан все-таки решил идти проливом Лаперуза.

В самую ответственную минуту он ошибся, приняв огонь маяка «Мыс Анива» за маяк «Камень опасности». Избранный курс привел пароход к берегу, и в 2 часа 15 минут, примерно через пять минут после того, как берег был увиден вперёдсмотрящим (хотя на карте берег тут никак не мог быть!), судно

получило удар в левый борт и первые пробоины. Вышла из строя машина, так как заклинило винт.

Около 25 минут после этого судно находилось в дрейфе. Оно получило еще несколько ударов, теперь уже справа. И в 2 часа 50 минут «Индибирка» легла правым бортом на грунт, погрузившись в воду на девять метров и лишь едва возвышаясь над уровнем моря. До берега было метров 800. Шторм продолжался.

Если первый удар лишь разбудил и всполошил большинство пассажиров, то следующие удары и хлынувшая в трюмы через пробоины в большом количестве вода вызвали панику. Толпы людей повисли на жидких трапах, пытаясь выбраться из трюмов № 2, 3 и 4. Трапы не выдержали и обломались. Около трюма № 1, в котором находились подследственные, как будто раздались выстрелы. Потерпевшие кораблекрушение потом рассказывали, что вохровец (его фамилия осталась незамеченной) сначала несколько раз выстрелил в пассажиров, пытавшихся выбраться из трюма № 1, а затем выстрелил в себя. Среди допрошенных по делу свидетелей не оказалось ни одного, кто видел бы это своими глазами.

Обе шлюпки лежавшего на боку парохода оказались за бортом, волнами их било о надстройку. Не дожидаясь команды капитана, в шлюпки сумели забраться 11 человек, в том числе восемь членов команды и командир вохровцев. Шлюпки стремительно понеслись к берегу и опрокинулись. Лишь пятерым суждено было спастись.

А на «Индибирке» пассажиры пытались вплавь выбраться из трюмов. Некоторым это удавалось, и члены команды бросали им привязанные к веревкам спасательные круги. Но многие или сразу утонули в трюмах, или продолжали оставаться там, не рискуя кидаться в бушующее море.

Сигнал бедствия по команде капитана был дан сразу после удара парохода о камни. Радиостанция продолжала оставаться в эфире до тех пор, пока в полузатопленной рубке рация не вышла из строя. Сигнал бедствия он передавал открытым текстом, а не шифром, как писали об этом некоторые авторы, с точными координатами места крушения. Сигнал приняли многие радиостанции, в том числе и советских судов, находившихся всего в нескольких часах хода от «Индибирки». Однако войти в японские территориальные воды никто из них не решился.

Спасатели подошли к «Индибирке» только через полтора суток. Это был японский пароход «Карафуту-Мару». Он при-

нял на свои катера всех, кто был на наружной поверхности судна, и ушел, оставив тех, кто еще был в трюмах, а таких, предположительно насчитывалось еще более двухсот человек. Их положение было особенно трагическим – полузамерзшие, не имевшие почти никакой связи с внешним миром, они висели, вцепившись в стальной корпус парохода, пока силы окончательно не оставляли их.

Японцы вернулись со сварочными аппаратами только через двое суток, 16 декабря. Шел уже пятый день трагедии. Они прорезали отверстия в трюмах №№ 2 и 3 и подняли на веревках еще 27 или 28 человек – тех, у кого хватило сил поймать эти веревки. Трюм № 4 даже не вскрывали, хотя там тоже, вероятно, были люди – только совершенно обессиленные, они уже не подавали никаких признаков жизни.

Официально спасенными считаются 428 человек (в том числе 35 членов команды).

5. Взгляд из Японии

У меня в руках пространный текст, полученный из Информационного отдела посольства Японии в Москве в декабре 1995 года. Он озаглавлен “Рассказ об аварии теплохода “Индибирка”. Приведу только несколько выдержек.

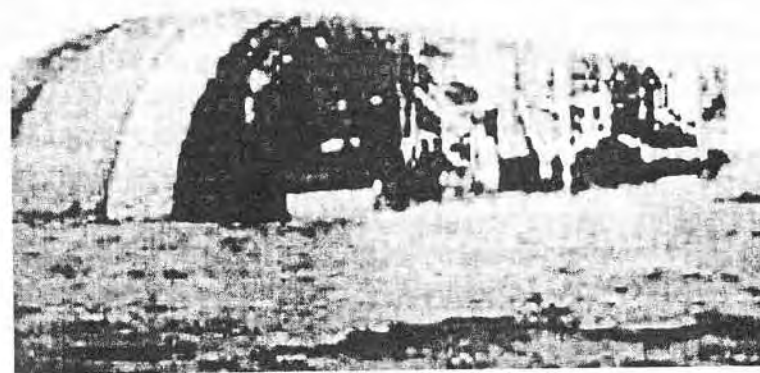
“Первым об этой аварии узнал рыбак Дзин Гэньитиро. В ту ночь на побережье только в его доме горел огонь. Неожиданно в дверь его дома сильно постучали пять иностранцев, которые едва добрались до него. Гэньитиро понял, что в море произошла какая-то авария, и быстро разбудил своего младшего брата Дзин Гэндзо, который жил по-соседству. Гэндзо же решил, что советские войска высадились на остров, и быстро облачился в форму матроса спасательной службы. Его реакцию можно понять, так как все это случилось после конфликта на Халхин-Голе, когда японо-советские отношения сильно осложнились.

(Вероятно, замечу от себя, на мысль о советском вторжении японского матроса навела военная форма командира вохровцев, который был в составе этой пятерки. – А.Б.).

В столовой дома Гэньитиро пять рослых иностранцев сидели вокруг печки, которая не могла их согреть. Необходимо было согреться изнутри, и им дали крепкую японскую водку “Сётю”, после чего они пришли в себя”.

Начальник полицейского участка города Вакканай инспектор Такэси Исаму, получив сообщение об аварии, приказал заняться спасательными работами трем судам, однако они не могли к ним приступить из-за шторма.

“На другой день, 13 декабря, – сообщается далее, – волнение немного успокоилось и три судна вышли из Вакканая. Они с трудом подошли к месту аварии и в течение 6 часов прилагали отчаянные усилия для спасения пассажиров (содержание этих усилий в изученных мною материалах дела совершенно не просматривается. – А.Б.). Было спасено 311 человек (...)

Лежащая на борту “Индибирка” после крушения

16 декабря выяснилось, что на борту “Индибирки” еще остались пассажиры. “Сосуй-мару” и “Санье-мару” третий раз отправились в этот район. В корпусе “Индибирки” было проломлено отверстие и спасено еще 28 человек. Из них 3 человека спасли Дзин Гэндзо и Сато Контиро и другие. Обвязав головы жгутом из полотенца (хатимаки) и в одних набедренных повязках (фундоси) они добрались до “Индибирки” на лодках по ледяному и бурному морю. Они разбили иллюминатор теплохода и, проникнув через него, спасли 3 человека”.

Действия японских спасателей, доброе отношение к потерпевшим кораблекрушение со стороны жителей побережья, заботливый уход, который был обеспечен им в городе Вакканай, заслуживают того, чтобы быть отмеченными особо, так как

случилось все это лишь через полгода после упомянутых боев на Халхин-Голе, когда каждая из сторон – Япония и СССР – смотрела на другую как на врага.

Не будь этой настороженности, может быть, и спасательные работы развернулись бы быстрее – особенно вызволение тех несчастных, которые еще оставались живыми в трюме “Индибирки”. Та же настороженность проявилась и в отношении к пятерым самостоятельно явившимся на японский берег: они провели несколько дней в полицейском участке, отдельно от остальных пассажиров.

О подозрительности японцев, их желании узнать побольше о своем опасном соседе свидетельствуют и многочисленные допросы, которым были подвергнуты многие (не менее ста) пассажиров. Интересовались японцы больше всего бывшими заключенными. При этом кроме обычных вопросов, которые могли бы быть отнесены к числу формальных (фамилия, имя, год и место рождения), были и такие:

- Как вы оказались на Дальнем Востоке?
- Где жили и работали?
- Какие промышленные предприятия были рядом?
- Что за город Магадан? Есть ли в нем воинские части?
- Где расположен аэродром? Куда ведут дороги?

Допросы прекратились только после вмешательства советского консула.

Допрошенные японцами пассажиры позднее, на допросах уже в УНКВД во Владивостоке, говорили, что японцам они все лихо ввалили и никаких государственных тайн не выдали. Может быть, так все и было. Но, согласитесь, поведение японцев здесь несколько выходит за рамки прав “принимающей стороны”.

Впрочем, поведение и другой стороны – спасенных – было не всегда безупречным. Контингент пассажиров – 835 бывших заключенных – был, мягко говоря, своеобразным. Это своеобразие проявилось и в том, что в момент аварии на пароходе вспыхнули драки, были, выражаясь языком уголовного кодекса, факты завладения чужим имуществом насильственным путем, при посадке на японские суда те же пассажиры учинили свалку.

Оказавшись в Вакканае, эта часть пассажиров увлекалась картежными играми, выпрашивала у полицейских водку и дру-

гие подачки, совершала прочие неблагоприятные поступки. Так, со всех дверей были скручены ручки, а туалет загадили так, что... В общем, оставили память.

В цитированном выше тексте посольства эти факты тактично не упоминаются.

6. Версии

Я все думаю, как это могло произойти? Неужели все дело в том, что многоопытный капитан в сложных погодных условиях действительно спутал маяки, которые прекрасно знал, так как проходил под ними не раз? Да он вообще мог поостеречься в тех условиях и не заходить в пролив, переждать шторм вдали от берега, где ему ничто не угрожало. Так сделали капитаны нескольких пароходов, находившихся в тот момент недалеко от “Индибирки”. Но он пошел, ошибся в определении маяков и напоролся на камни... И что тому виной? Самоуверенность, которая приходит иногда вместе с опытом?

А может, японцы коварно поменяли огни маяков? Ведь сказал же капитан Лапшин на допросе через две недели после аварии (и потом повторял это еще и еще раз!): “12 декабря в 1 час 20 минут мой вахтенный помощник увидел справа по носу огонь маяка, характер которого был проверен мной и 2-м пом. Песковским по секундомеру и убедил нас обоих в том, что это огонь на маяке “Камень опасности”, что видно из его вспышек через каждые четыре секунды. Другого такого огня в данном районе нет (...) Объясняю происшедшую аварию, что принятый нами огонь на маяке “Камень опасности” был фальшивым или подставным”.

Один из свидетелей, мортрановский капитан, сообщил правительственной комиссии, созданной для расследования этой трагической истории, что за японцами и раньше такое водилось и именно в этом месте.

А почему бы японцам и не пойти на диверсию, если отношения между странами в то время были хуже некуда? Военный трибунал в эти обстоятельства вдаваться не стал.

Ну а если и японцы не обманули, и капитан не ошибся? Если он прекрасно знал, какой маяк ему открылся перед крушением (сказал же он штурману: “Забудьте, что вы видели!..”) – и сознательно посадил пароход на камни?

Скажите, фантастика. Может быть. А если в числе тех пятидесяти, которых везли на новое следствие и, наверное, на смерть, он увидел дорогого ему человека (Лапшин показал почему-то, что подсудимых было только 49 – словно кто-то заранее исключил из списка) – и решил спасти такой немислимой ценой: сдать пароход японцам, а потому и бросил его на камни? Он ведь не предполагал, что пассажиры трюма № 1 погибнут первыми и все до одного.

Или вот еще версия – а почему бы и нет? – основанная на том, что отношения между СССР и Японией были весьма напряженными. Нашей стране нужно было забросить в Японию какую-то группу (шпионскую, диверсионную – не туристическую, конечно). И перед самым отплытием капитан Лапшин получает пакет, который он может вскрыть, только достигнув определенной точки.

Он его вскрывает и читает задание выбросить пароход на камни у самого берега Японии.

(А ведь был в числе пассажиров “Индикирки” работник НКВД, ранее возглавлявший один из дальстроевских райотделов Китяткин. В ежовские времена он был арестован, обвинен в организации мифического покушения на жизнь зам. наркома внутренних дел Фриновского, который посетил Колыму летом 1936 года. Оперуполномоченный отсидел полтора года во внутренней тюрьме, знаменитом “доме Васькова”, был освобожден, когда остановили эту кровавую мясорубку, и сейчас с комфортом покидал Колыму, получив за взятку место в одной из кают. Был на борту “Индикирки” и еще один офицер НКВД, начальник лагеря прииска “Штурмовой” Резников.

Мог кто-то из них – или оба? – получить задание проконтролировать действия капитана, после того как он вскроет этот воображаемый пакет?)

И Лапшин, презрев опасность – а в другой ситуации, повторю, он, вероятно, остался бы дрейфовать в открытом море, пережидая шторм, – входит в пролив Лаперуза и с ювелирной точностью выполняет задание.

Пароход лежит на боку в 800-х метрах от берега. Группа благополучно (а она, может быть, и помещалась отдельно в трюме № 1: может быть, его потому и нарами оборудовали те, кто знали о том, кто там будет обитать – для подсудимых и стараться не стоило; а потом, что это там за странная пальба

вспыхнула? кто стрелял – никто не видел, а вохровцу зачем было в себя стрелять? может быть, это его пристрелили как ненужного свидетеля? и потом так и осталось тайной, кто в том трюме находился, и даже фамилия стрелка неизвестна) – скрытно, в гидрокостюмах – высаживается на японский берег.

Задание выполнено – невероятной ценой (а когда в нашей стране человеческая жизнь считалась большой ценностью?), но капитан Лапшин понимает, что для него это значит: он владеет тайной такого рода, что его обязательно уберут.

И он не ошибся. Суд, посчитав его виновным в неумышленной аварии, то есть в преступлении, совершенном по неосторожности, тем не менее квалифицировал его действия по ч. 2 п. 3 в ст. 59 УК РСФСР, которая предусматривает явно злостный характер, то есть прямой умысел при совершении преступления, и приговорил к высшей мере наказания. Капитан Лапшин был расстрелян 25 июня 1940 года.

Действия ст. помощника Крищенко и второго помощника Песковского квалифицировались по той же ст. 59 п. 3 в, но по ч. 1, то есть без злостного умысла, они были осуждены на пять и десять лет лишения свободы. В действиях Копичинского трибунал усмотрел признаки воинского преступления (ст. 193-17, п. “а” УК РСФСР) и приговорил его к десяти годам лишения свободы.

Еще в процессе следствия было принято постановление о выделении в особое производство материалов на начальника Мортрана Дальстроя Корсакова и капитана Нагаевского порта Смирнова, отправивших не предназначенную к перевозу пассажиров “Индикирку” в этот трагический рейс. Соответствующие документы были, видимо, переданы для рассмотрения в УНКВД по СДС, однако никакого преследования против этих лиц возбуждено не было.

Да и в чем их было обвинять? Примерно так же перевозили тогда пассажиров-заключенных и другие мортрановские пароходы – казалось, что создавать этим пассажирам какие-то “условия” и не было возможности. Тем более что и пассажиры были те еще: после каждого рейса, по словам одного из капитанов, выступавшего в судебном заседании, половина спасательных средств разворовывалась или приводилась в негодность. А пароходы, между тем, не тонули. Одной “Индикирке” не повезло.

В гибели советского “Титаника” еще много неизвестного, еще далеко не все документы найдены и исследованы. Эту работу нужно продолжать.

А подбил меня на то, чтобы заняться ею, человек совершенно удивительной судьбы – бывший колымский заключенный, отбывший здесь срок наказания, реабилитированный и отдавший еще несколько десятилетий полюбившемуся Северу инженер и самодеятельный художник-косторез Георгий Дмитриевич Кусургашев. От него, вместе с очень ценными материалами, я принял эстафету этих поисков.

Моя традиционная благодарность и архивному подразделению УФСБ по Магаданской области, обеспечившему мне доступ к томам этого, как и многих десятков других архивно-следственных дел.

Безумный марш под знаменем Ленина

Поединок с системой, длившийся 22 года

Первый раз бывший редактор выходящей в г. Первоуральске (Свердловская область) газеты “Под знаменем Ленина” Б.А.Грязных был осужден Особым совещанием НКВД СССР в августе 1938 года – “(...) за к-р троцкистскую деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ВОСЕМЬ (8) лет”.

Второй приговор в отношении Б.А.Грязных и шестерых его подельщиков был вынесен на Колыме, в пос. Оротукан, в сентябре 1942 года Военным трибуналом войск НКВД при Дальстрое: “(...) под руководством обвиняемого ГРЯЗНЫХ создали контрреволюционную организацию, написали программу борьбы с Советской властью и ВКП(б). Ставя своей целью свержение Советского правительства и существующего строя в СССР путем вооруженного восстания, для чего вербовали в свою контрреволюционную организацию уголовно бандитских элементов и осужденных за контрреволюционные преступления. Данная контрреволюционная организация, распространяя свои идеи, изложенные в программе “Горное дело” на всем протяжении военного времени, т.е. с июня месяца 1941 года по день ареста членов этой контрреволюционной организации вели активную контрреволюционную пропаганду и агитацию среди заключенных лагеря. Своими действиями обвиняемые (...) совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 19-58-2, 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР.

(...) Военный трибунал приговорил (...) по совокупности совершенных ими преступлений (...) подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелять каждого, без конфискации имущества за неимением такового у осужденных”.

Борис Александрович
Грязных

Через девять лет, в ноябре 1951 года, Военный трибунал войск МГБ при Дальстрое (предыдущий приговор был изменен в ноябре 1942 года – расстрел был заменен на десять лет лишения свободы) рассмотрел новое дело по обвинению Б.А. Грязных по тем же статьям Уголовного кодекса – 19-58-2 и 58-10 ч. 1 – и осудил его на 25 лет лишения свободы в ИТЛ.

В апреле 1956 года судебная коллегия по уголовным делам Магаданского областного суда рассмотрела дело по обвинению заключенного Грязных по все той же ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, приговор – 6 лет лишения свободы, из них первые два года – в тюрьме.

Через полтора года, в сентябре 1957 года, судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда рассмотрела новое (пятое по счету!) уголовное дело по обвинению Грязных, вновь по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР: “(...) в 1956-1957 годах изготовил ряд рукописей контрреволюционного содержания, в которых возводил злобную клевету на коммунистическую партию Советского Союза, общественный и государственный строй, при этом отрицал в нашей стране наличие социалистического строя, утверждая, что существующий в СССР экономический строй является государственным капитализмом, что государство находится над обществом, якобы у нас существует экономическое и политическое неравенство, а так же возводил клевету на жизнь советских людей, на исправительно-трудовую политику нашего государства (...)” – 7 лет лишения свободы.

В феврале 1958 года коллегия по уголовным делам того же суда, основываясь на акте судебно-психиатрической экспертизы, проведенной в НИИ судебной психиатрии имени профессора Сербского, назначила Грязных Б.А. “меру медицинского характера – принудительное лечение в специальной психиатрической больнице с изоляцией, оставив ему меру пресечения содержания под стражей”. Местом пребывания Грязных, еще на два года, стала Казанская тюремная психиатрическая больница МВД СССР.

В феврале 1960 года, через 22 с половиной года после своего первого ареста, после двух десятилетий почти беспросветного (два крохотных светлых оконца в 1950 и 1956 годах) содержания под стражей, Б.А. Грязных вышел на свободу. Два с лишним десятилетия непрерывной, смертельно опасной борь-

бы – не было над головой з/к Грязных никакой “сферы”, не было никакой силы, защищавшей, спасавшей от расправы – той, к примеру, что пользовались диссиденты в нашей стране в шестидесятые-семидесятые годы.

Он мог полагаться только на свое мужество, на свою неиссякаемую веру в правоту дела, которому с юности посвятил жизнь, на заразительность этой веры, которая достигала сердец не только его братьев по заключению – пробивала (иногда буквально) мундиры его следователей и судей.

Сегодня у нас на слуху два-три десятка имен людей, вставших на борьбу с тоталитаризмом в годы, последовавшие за хрущевской “оттепелью”.

Б.А. Грязных начал эту борьбу на двадцать лет раньше. Но он был далеко не первым. За десять и более лет до него эту борьбу вели в стране тысячи людей. Пять тысяч таких борцов-коммунистов, уже имевших за плечами по два-три-четыре приговора-постановления коллегии ОГПУ, Особого совещания НКВД СССР, были доставлены на берег Нагаевской бухты в августе 1936 года, многие из них были здесь и расстреляны через год, два, три...

Идея социализма – в его ленинском понимании – отстаивалась здесь, на Крайнем Северо-Востоке, и в пятидесятые-шестидесятые годы. Об этом свидетельствует ряд процессов, прошедших в то время в Магадане, их участниками были и ветераны подчас с дореволюционным стажем пребывания в партии, и непримиримые тридцатых, и новобранцы пятидесятых.

В подробной истории многострадальной социалистической идеи в нашей стране, которая когда-нибудь будет написана спокойными, трезвыми перьями, отдельный том могли бы составить материалы борьбы, которая никогда не затихала здесь, в жестоких условиях Особого острова. Этими материалами могут стать известные уже сегодня обширные и глубокие теоретические трактаты, воззвания и прокламации, распространявшиеся среди подневольного населения, заявления на следствии и суде, нелегально создававшиеся художественные произведения... Еще больше – сверх уже известного – обнаружится, взгляни мы поглубже в нашу общую, еще сравнительно недавнюю историю.

В ряду героев будущей книги займет свое место и Борис Александрович Грязных.

В одном из отрывков воспоминаний бывшего колымского заключенного, академика архитектуры Н.М.Шестопала, приведенных в книге А.Сандлера и М.Этлиса “Современники ГУЛАГа”, есть строки о Грязных: “Сдружился с очень интересным человеком – Грязных (они встретились в лагпункте на берегу бухты Веселой в 1955 году. – А.Б.). Уральский рабочий, потом слушатель ВПШ, культурный партработник. Он знал, за что боролся и за что сидел”. В это время Грязных отбывал свой третий срок.

Е.Е.Орехова, бывшая колымская заключенная, вдова кинодраматурга А.З. Добровольского (это имя вы найдете не раз на страницах очерка), встречала Б.А. Грязных уже после его освобождения у себя дома, в Киеве. Ее драгоценные свидетельства я приведу ниже.

А первый раз я прочитал фамилию Грязных в деле Елены Владимировой, возникшем осенью 1944 года на ОЛПе “Больница УСВИТЛ” – группа находящихся там заключенных (в их числе были литераторы Е.Л.Владимилова, А.З.Добровольский и В.А.Ладейщиков) писала и собирала материалы для книги “Колымская каторга”, которую предполагалось переслать на материк. “Из дела видно, – сказано в одном из следственных документов, – что Владимирова, будучи информированной Ладейщиковым и Добровольским о существовании контрреволюционных настроений з/к Грязных и ознакомленной с содержанием нелегальной брошюры последнего “Горное дело”, выражала стремление установить с Грязных связь”.

Б.А.Грязных сознательно выбрал себе столь тяжкую судьбу. Ни один из его арестов, даже самый первый, пришедшийся на пору массовых репрессий, случайностью не назовешь. Можно согласиться с инстанцией, которая через двадцать лет отменит то первое постановление ОСО: никакого КРТД в действиях Грязных не было, антисоветским человеком он просто не мог стать, но его отношение к тогдашнему режиму...

23 ноября 1951 года в пустом зале заседания Военного трибунала (об отсутствии публики и даже сторон – обвинения и защиты – трибунал позаботился еще в подготовительном заседании, а в ходе судебного следствия удалил из зала, перед тем как дать слово обвиняемому, и немногих, всего четверых, свидетелей

по его делу – видимо, представлял, что за речь сейчас последует) Б.А.Грязных – для полноты картины, для истории, для нас с вами, раз показания заносились в протокол (хотя, конечно, его составитель, лейтенант административной службы, не заинтересован был в том, чтобы хоть отчасти передать пафос этой речи, да и не способен был передать, конечно), а к делу эти показания вроде и отношения не имели, начал их так:

“Будучи в рядах коммунистической партии, я был самым активным ее членом. С течением времени я стал убеждаться, что внутри партии оказалось не то, что я ожидал. Если Ленин ставил вопрос о том, что зарплата государственных чиновников была равной зарплате квалифицированного рабочего, то с отменой партмаксимума первые стали получать значительно больше рабочих. Если до 1927 года я и любой гражданин нашей страны мог получить в библиотеке любую политическую и художественную литературу, то после 1927 года чтение некоторых книг стало преследоваться. С этим явлением я был в корне не согласен.

Позднее уже, в 1933 году работая в редакции газеты “Правда” я увидел фальсификацию Советской действительности, когда в нашей печати жизнь трудящихся СССР преукрашивалась, несмотря на то, что жизнь рабочих и крестьян тогда не отличалась (от жизни? – А.Б.) при дворянстве. Видя такое положение в нашей стране и неправильную политику партии, я стал противником этой политики, однако тогда практически никакой борьбы не вел. Работая в редакции газеты “Правда” мне приходилось встречаться с Бухариным и Волиным (зам. редактора “Правды”, репрессирован. – А.Б.), но эти встречи носили чисто служебный характер, ни к каким антипартийным группировкам я тогда не относился.

После убийства Кирова я попал на работу на Северный Урал. Здесь я начал выявлять людей, мыслящих по моему, т.е. единомышленников, ища опору внутри партии. Между прочим, к 1937 году я уже таких, как я, нашел многих, которые, как и я, относились к политике Центрального комитета и лично Сталину очень отрицательно”.

Человеку с такими убеждениями и устремлениями остаться на свободе в 1937 году было нелегко.

В 1938 году, а именно тогда Грязных оказался в колымских лагерях, ему было тридцать лет. Это был высокого роста, физи-

чески очень крепкий человек, прошедший еще в детстве крутую закалку детских домов и раннего приобщения к физическому труду. Лагерный режим, даже самый тяжелый, мог оказаться ему по силам. Он обладал и другими достоинствами: у него были золотые руки и профессия слесаря-инструментальщика. Это обеспечивало ему в течение всей лагерной жизни достаточно сносное существование, так как позволяло избегать убийственных “общих работ”. Свой первый срок (пусть долгий, но не самый тяжкий – по тем временам) з/к Грязных мог потихоньку, сторонясь рискованных ситуаций, отбыть и году в 45-46-м уже выйти на свободу.

Но уже летом 1942 года, находясь в лагере на “Усть-Утиной”, он составляет пространные (27 рукописных, исполненных мелким почерком страниц) “Заметки к письму ЦК”. В “Заметках” он сообщает, что упомянутое письмо, действительно ушедшее в Москву в октябре 1941 года, в котором он предостерегал ЦК (именно в таких выражениях автор-заключенный информирует возможных читателей о своих отношениях с этой инстанцией) об опасности избранного курса, не возымело действия. “ЦК остался глух к этим предостережениям. Более того, ЦК повел отступление дальше, причем все более и более решительными шагами. И теперь, когда критическая грань осталась далеко позади, настало время назвать настоящим именем, что еще год назад можно было назвать отступлением; настало время рассмотреть положение вещей с другой точки зрения”.

Вывод, к которому приходит Грязных после подробных рассуждений (они и сегодня читаются с немалым интересом), истине мог быть страшен для читателя того времени: “СССР – страна государственного капитализма, по образу правления относящаяся к категории фашистских стран (здесь и далее подчеркнуто Б.Грязных. – А.Б.) (...) Сталин и его приспешники уничтожили все, что свойственно диктатуре пролетариата (имеются в виду ее воспитательные и созидательные функции. – А.Б.), и насадили свою собственную диктатуру над всем трудовым народом (...) И так “великий”, “мудрый” (и прочая, и прочая) “машинист локомотива революции” загнал российскую (а в известной мере и международную) революцию в глубокий тупик. Есть ли выход из этого тупика? Да. Есть”.

Вдумайтесь в эту ситуацию, читатель: заключенный Севвостлага, только-только пережившего самый тяжкий период

своей истории – “гаранинщину” (ее можно с таким же успехом называть и “павловщиной”, и продолжением всесоюзной “ежовщины”), ищет выход-спасение не для себя – для всей страны, оказавшейся в беде, и находит – “даже два выхода: сверху – изменение в составе государственного руководства, с соответствующими изменениями в политике, и снизу – революционное выступление масс, сметающее все язвы сталинщины”.

(А мы-то думали, что само слово “сталинщина” – неологизм эпохи перестройки!)

Наш автор не страдает близорукостью и прекраснорукостью, он отдает себе отчет в том, что существующие условия далеки от того, чтобы вопрос мог быть решен немедленно, но:

“Настоящий ленинец должен сказать: если нет предпосылок выхода из тупика, надо создать их, если нет организованного рабочего движения, надо организовать его.

Дело это, конечно, нелегкое. Начинать его надо с азов, на голом месте, в адски тяжелых условиях, ибо у власти находится партия; партия, вооруженная революционной фразеологией, партия, еще продолжающая опираться на авторитет Ленина; партия, обогащенная гитлеровской методикой борьбы.

Но с другой стороны, делу этому гарантирован, рано или поздно, полный успех. Ибо – во-первых, налицо глубокое, хотя и не прорывающееся наружу недовольство масс существующим режимом; во-вторых, у нас имеется опыт выхода из-под гнета путем революции; в третьих учение Ленина о диктатуре пролетариата проверено уже практически и не вызывает сомнений, в четвертых у угнетенных рабочих и крестьян имеются союзники в самом государственном аппарате; в пятых налицо миллионные подготовленные партийной и советской каторгой кадры революции.

Короче говоря, возможности для плодотворной борьбы есть. И лишь Маниловы, лишь трусы, лишь предатели могут в такой обстановке ссылаться на трудности и философски рассуждать о плети, которой обуха не переломит. Подлинные ленинцы (неразборчиво. – А. Б.) наследники поколений, уничтоживших царизм и установивших диктатуру пролетариата, должны в такой обстановке вести яростную борьбу за уничтожение кровавой сталинщины и восстановление настоящего ленинизма, как в теории, так и в практике советского государства”.

Я вглядываюсь в огненные строки документа, приобщенного в 1942 году в качестве вещественного доказательства по делу Грязных (пухляя самодельная тетрадь из листов желтой оберточной бумаги, покрытых расплывами и пятнами ржавчины – уложенная в две, одна в одну, консервные банки, она была зарыта, для сохранности, в нескольких десятках метров от мастерской, в которой работал з/к Грязных), и думаю о поразительных способностях этого человека. По сути – самоучки, с образованием всего лишь шесть классов школы плюс техническое училище, давшее ему рабочую специальность. Та самая ВПШ, о которой упоминает Н.М.Шестопад, была краткосрочной учебкой редакторов городских газет, после которой Грязных был оставлен для постоянной работы – или только стажировки? – в редакции “Правды”. Врачи-психиатры, составившие в августе 1958 года упоминавшийся акт экспертизы, записали в анамнезе: “Учение ему давалось легко, отличался хорошими способностями (...) Характеризует себя общительным, энергичным, настойчивым, говорит, что всегда боролся за правду и справедливость. Всегда принимал активное участие в общественной жизни, был комсомольцем, затем членом КПСС (тут очевидная ошибка: членом ВКП(б). – А.Б.). Много работал над повышением своего образования, проявлял склонность к литературной деятельности”.

А еще я думаю, каким нелегким путем шел Грязных к выводам своих “Заметок”. Ведь еще несколькими годами раньше, в период следствия по первому делу, его оценка творящегося в стране была совершенно фантастической.

“С тысячи сторон я пытался найти ответ на мучивший меня вопрос, – писал он, вспоминая то время уже в феврале 1951 года, находясь на спецпоселении после отбытия второго срока, – почему арестован я и еще некоторые другие известные мне товарищи, преданность которых партии – несомненна?”

В конце концов, у меня сложилось впечатление, что параллельно с ликвидацией подлинных врагов народа, происходит изоляция (изъятие из обращения) части испытанных кадров партии с какой-то очень важной целью. Эта цель, – определяя я, – грядущая война (вернее – победа в войне).

Подвергая аресту большую массу преданных делу коммунизма людей, государство достигало, по моему мнению, следующего:

1) массового выдвижения трудящихся во всех областях жизни страны, что при сохранении изъятых из обращения кадров, чуть ли не вдвое увеличивало число проверенных в работе людей,

2) саморазоблачения тех лиц, кои считались ничем не опороченными, но будучи арестованными, должны потерять свою самоуверенность и проявить тщательно прятавшиеся ранее отрицательные свойства,

3) выявление тех товарищей, которые не поддаются никаким провокациям, которые всеми возможными способами готовы отстаивать свою партийность и не дрогнут и не изменят, когда судьба поставит их перед Гестапо; которых можно будет смело засылать в тыл врага, доверять любую государственную тайну,

4) создание за границей, у наших врагов, впечатления, что советский режим непрочен, неподготовлен к войне,

5) повышение бдительности к врагам во всех слоях населения в СССР.

Я снова очень критически проверил себя, каждый поступок, начиная с момента вступления в КСМ и кончая днем ареста. И снова мог сказать себе – я коммунист без всяких оговорок. Единственно, что лежало грузом на моей душе – это несогласие с масштабом массовых арестов. Об этом несогласии я никогда и никому не говорил. Но, считая, что в тот момент я должен обнажить перед партией и государством малейшие сомнения, я написал своему следователю заявление, в котором изложил этот свой самоанализ (...) После этого я почувствовал себя перед партией чище и честнее, чем когда бы то ни было.

Следователь назвал мое заявление чепухой и предложил написать признание о содеянных мной преступлениях”.

Спустя четыре года заключенный Грязных подробно разрабатывает план действий:

“Что же в такой обстановке должны делать мы, политкаторжане-ленинцы! Просить ли августейшей милости, ждать ли, когда чья-то рука раскроет перед нами выходные двери каторги? Ни то и ни другое. Параллельно с тем, что будет делать-

ся на воле, мы должны подготавливать бой за ленинизм, против сталинской реакции.

Пока что (учитывая конкретные колымские условия нашего местопребывания и положения) нашей задачей является физическое и моральное сохранение кадров ленинизма, если возможно, то и количественный и качественный рост этих кадров.

Для решения такой задачи необходимо:

1) Усвоить правильную линию личного поведения политкаторжанина.

2) Установить марксистское революционное отношение к окружающей среде.

3) Наладить взаимодействие с внешним миром.”

“Каждый из нас внешне, – писал Б.А.Грязных далее, – должен быть таким каторжанином, на которого тюремщики не жалели бы похвал. Это облегчит нашу деятельность.

От всех заключенных требуют соблюдения лагерной дисциплины. И политкаторжанин должен соблюдать все внешне уловимые формы дисциплины. Таким явлениям, как картежная игра, кражи, матерщина, грубое отношение к командованию лагеря, сексуальные пороки и т.п. не может быть места. Не может быть места и побегам из лагерей, за исключением тех случаев, когда полный успех гарантирован и на побег имеется санкция группы товарищей (Надо всегда помнить, что неудачный побег лишь ухудшает положение). Но с другой стороны, в отношении политической деятельности политкаторжанин не должен ограничивать себя никакими дисциплинарными рамками.

От заключенных требуют ударной работы на производстве, и политкаторжанину надо добиваться, чтобы он считался отличником. Количественно работы следует выполнять столько, сколько можно без малейшего ущерба для здоровья. Но качество должно быть высокое, безупречное, затмевающее собой возможные количественные недостатки. Важно, чтобы производственная администрация ценила и уважала политкаторжанина за его мастерство. А кого ценят, к голосу того и прислушиваются больше! Важно, чтобы высокое качество работы предохраняло нас от вздорных обвинений в саботаже и вредительстве, которые дают тюремщикам повод к погромам и которые мы принципиально отвергаем, как не ленинские методы борьбы.

От заключенных требуют участие в культурно-воспитательной работе. И политкаторжанин должен в ней участвовать. Но с большим разбором. Нельзя, например, принимать участие в лагерной стенной печати, которая является орудием рабовладения и развращения. Нельзя участвовать в лубочных формах художественной самодеятельности, посвященных лагерной жизни. Но следует участвовать в самодеятельности, показывающей классические гуманитарные произведения, поднимающие культуру каторжан, будящие их мысль”.

Здесь можно вспомнить, что культбригада, существовавшая в то время на прииске “Утиный”, поставила гоголевского “Ревизора”. Сокращенный вариант пьесы подготовил уже упоминавшийся Валерий Ладейщиков. В работе культбригады участвовал и Борис Грязных. Они были знакомы друг с другом еще с начала тридцатых годов – юноша Ладейщиков вел отдел комсомольской жизни в лысьвенской (Молотовская область) газете “Искра”. Б.А.Грязных в той газете уже был ответственным секретарем.

В разделе “Отношение к среде” Б.А.Грязных проводит подробную классификацию контингента политических заключенных, выделяя политкаторжан-ленинцев – тех, “которые признают контрреволюционность сталинщины и считают необходимой организацию борьбы за дело Ленина”, политкаторжан-ликвидаторов, “кои отчетливо сознают контрреволюционность сталинщины, но отказываются от борьбы с ней, либо не видя путей борьбы, либо чувствуя себя усталыми”, политкаторжан-попутчиков – “кто признавая контрреволюционность сталинщины, считают необходимым бороться с ней, но целью своей ставят не восстановление порядка, существовавшего при Ленине, а социал-демократию”, политкаторжан-реставраторов, считающих “идеальной капиталистическую систему и пытающихся сталинскую измену социализму представить “как доказательство несостоятельности учения о диктатуре пролетариата”.

Каждая из категорий требовала к себе, по мнению автора “Записок”, особого отношения – от организационной и моральной поддержки (по отношению к тем, у кого не хватало сил на самостоятельную борьбу со сталинщиной) до идейной борьбы и нейтрализации влияния на другие группы каторжан (в отношениях к сторонникам реставрации капитализма).

“Еще нетерпимее наше отношение, – писал Б.А.Грязных, – к политкаторжанам-примиренцам, считающими существующее положение закономерным, отказывающимися видеть измену ленинизму, готовыми по-прежнему лобызать сапоги начальников. Примиренцы, с нашей марксистской точки зрения, хуже реставраторов, хуже явных врагов. Своей рабской идеологией они расслабляют пролетариат, мешают его борьбе. С этими полу-рабами, полу-врагами бороться нужно всеми средствами, вплоть до специфически каторжных. С легких работ таких людей надо гнать, перед администрацией ни в каких случаях не защищать. Надо иметь ввиду, что если (на строительстве? – А.Б.) сталинского “социализма” тот или иной примиренец отдаст богу душу, то революция от этого только выиграет”.

Жестокость по отношению к политическому противнику (хотя им был и свой же товарищ заключенный) как бы уравновешивалась тем характером отношений, которые, по мысли Грязных, должны быть установлены среди “политкаторжан-ленинцев”:

“Работа с такими товарищами мыслится в основном в следующих четырех направлениях:

Во-первых, моральная поддержка. Собеседования и переписка по политическим вопросам. Содействие друг другу в получении газет, журналов, книг. Политическая информация из неофициальных источников. Содействие в изыскании средств переписки.

Во-вторых, организационная помощь. Всемерное продвижение на легкие работы. Положительные рекомендации перед администрацией.

В-третьих, материальная поддержка. Одалживание нуждающемуся товарищу денег, хлеба, табаку и пр.

В-четвертых, физическая защита в конфликтах с уголовными или с такими категориями политических каторжан, как примиренцы и реставраторы.

В общем, мы, политкаторжане-ленинцы, должны установить между собой поистине братские отношения. В этом – залог того, что мы пройдем сквозь каторгу не только не расслабившись, но даже окрепнув”.

Дифференцированные отношения следовало, по мнению Грязных, установить с различными категориями заключенных из числа уголовных. В их массе, особенно среди осужденных

за должностные преступления – следовало искать “людей прозревших, вошедших в орбиту политики. К таким людям надо подходить с той же меркой, что и политкаторжанам, сообразно их политическим воззрениям”.

Отмечая ряд положительных, полезных для намеченной работы свойств “уголовных-профессионалов” (“В большинстве это люди принципиальные, волевые, быстро ориентирующиеся в обстановке, прекрасные конспираторы, самоотверженные товарищи”), Грязных высказывает предположение, что иных из них можно будет как-то использовать.

“В отношении остальных уголовных, – пишет он дальше, – надо занять позицию вооруженного нейтралитета. Эти каторжане представляют собой беспринципную, аморфную массу, в которой вербуются провокаторы, осведомители, надсмотрщики и т.п. Эти люди наши враги”.

В ходе следствия Б.А.Грязных признал себя автором и “Заметок”, и некоторых других фигурировавших в деле работ. Он подробно, как на лекции, рассказал о сути своих политических взглядов:

“Я не согласен с проводимой политикой ВКП(б) и Советского правительства, с политикой Сталинского режима, я против (подчеркивание здесь и далее принадлежит кому-то из лиц, осуществлявших следствие. – А.Б.):

- 1) Унификации политического мышления;
- 2) Политической монополии... что является, кстати, родовым признаком фашизма;
- 3) Уничтожения свободы литературы различных социалистических и демократических направлений;
- 4) Уничтожения права на официально не санкционированные рабочие демонстрации, в широком смысле этого слова;
- 5) Запрещения свободной эмиграции;
- 6) Существующей системы потребления, при которой представители основной группы общества – производителей ценностей перебиваются с черного хлеба на воду, а представители экономически второстепенной, подчиненной производителям ценностей, военно-бюрократической группы, ведут образ жизни капиталистов и капиталистиков;

(Текст записывает со слов обвиняемого ст. оперуполномоченный райотдела НКВД мл. лейтенант Никитин, ему, как видит читатель, с трудом даются привычные для Грязных обо-

роты, но оставляю так, как записано в протоколе. – А.Б.)

7) Ликвидации свободного передвижения по стране;

8) Непрерывного роста полицейского аппарата и его роли в жизни страны;

9) Существующей в стране системы каторги – поскольку я за -

1) Установления в стране двух-трех рабоче-крестьянских партий, имеющих одинаковые стратегические и лишь разные тактические цели, действующие на базе диктатуры пролетариата и совершенствующиеся в борьбе за симпатии трудящихся;

2) Свободу слова, демонстраций и печати для рабочих, некоторые ограничения для крестьян и служащих и жесткие ограничения для нетрудового элемента, т.е. создание такой обстановки, при которой рабочие могли-бы совершенно спокойно критиковать действия правящей партии, правительства и его членов, могли-бы бастовать в случае нарушения государственного законодательства, будучи уверенными, что ни сегодня ни завтра они не будут репрессированы за использование этой свободы;

3) Свободу эмиграции и реэмиграции для рабочих, с соответствующими ограничениями для других слоев населения;

4) Свободу передвижения по стране, следовательно и свободу найма и увольнения с работы;

5) Установление такой системы потребления, при которой вознаграждение за труд неквалифицированных рабочих покрывало-бы прожиточный минимум;

6) Уравнивание потребителя государственных чиновников с потребителем господствующего класса, – партмаксимум, без всяких обходов, равный зарплате квалифицированного рабочего;

7) Осуществление ленинского замысла сокращения государственного аппарата путем усиления его функций, осуществляемых в общественном порядке;

8) Восстановление бесплатного образования и дальнейших расширений видов невидимой зарплаты;

9) Восстановление Коминтерна (международной рабочей организации);

10) Установление марксистской системы уголовного преследования и т.д. и т.п.

Все это означает, что по своим убеждениям, я – рабочий ленинской демократии, т.е. ортодоксальный марксист.

Эти убеждения я считаю единственно правильными для каждого человека, который хочет не на словах, а на деле бороться за дело Ленина, за дело рабочего класса”.

К ответственности по “Горному делу” (так, для конспирации, называлась другая, также программного характера, работа, написанная Б.Грязных) были привлечены А.В.Земсков, в прошлом начальник цеха военного, радиотехнического НИИ, инженер-геофизик Н.С.Олюнник, служащий (нач. отдела кадров) Н.П.Волков, преподаватель техникума М.П.Мазуренко, учитель средней школы И.О.Люмкис, заключенные, ранее осужденные за контрреволюционные преступления, и В.А.Ладейщиков, в прошлом студент-дипломник электротехнического института, осужденный за антисоветскую агитацию, но наказание только-только отбывший. Все они, в той или иной степени, были связаны с Грязных и, как доказывало следствие, разделяли его взгляды.

В числе самых первых арестованных по этому делу был и Манфред Стерн, герой гражданской войны, выпускник военной академии, один из главных военных советников в революционном Китае, советский военачальник, снискавший себе славу в ходе обороны Мадрида. Один из двух доносчиков, чьи стараниями возникло это дело, репрессированный чекист С.Г.Поляков (работал в ГПУ-НКВД с 1919 по 1937 год) так характеризовал его участие в организации Грязных: “Это очень серьезный человек, производит впечатление положительного, решительного и политически вполне зрелого человека (...) Земсковым целиком посвящен в дела контр-революционной организации и введен в круг своих людей – Грязных, Волкова, Мазуренко и др. По всей вероятности фигура Стерна есть организующая, и если Грязных является ее политическим руководителем, то Стерн – является фигурой военно-политического руководителя этой контр-революционной организации”.

Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, М.Стерн подтвердил знакомство с Грязных, но категорически отрицал участие в контрреволюционной организации. Менее чем через месяц он был отпущен из следственного изолятора, следствие сочло его непричастным к группе Грязных. А еще через

несколько дней нач. 1 спецотдела УНКВД запросит нач. райотдела по ЮГПУ Булова, когда именно освобожден из-под стражи Стерн. Такое вот неожиданное внимание к заключенному.

Чем оно было вызвано? Колымское начальство великолепно знало, сколь крупным военным специалистом является этот заключенный, и в тот период – в разгар войны – его новый арест могло посчитать нежелательным: а вдруг последует команда из Москвы – доставить, как, скажем, генерала Горбатова, в целостности и сохранности?

(Стерн будет повторно осужден в ноябре 1945 года – ст. 53-10 ч. 1 УК РСФСР, 10 лет лишения свободы).

Впрочем, не к одному Стерну то следствие окажется внимательным, даже снисходительным. Пробалансирует на опасной грани свидетеля-обвиняемого и все-таки избежит суда (даже в качестве свидетеля – накануне заседания трибунала его отправят по справке врача в больницу на “Утинку”) А.З.Добровольский. Лишь немногие из тех, кого два доносчика включили в “группу Грязных”, будут допрошены (сужу по наличию протоколов), следствие как будто совершенно не заинтересуют связи группы с внешним миром, а им Б.А.Грязных в своих “Заметках” придавал большое значение, и они, вероятно, существовали.

Более того, начальник райотдела НКВД лейтенант госбезопасности Булов (я не первый раз встречаю эту фамилию в следственных делах, в разгар кровавой деятельности “московской бригады” он был оперуполномоченным аппарата УНКВД в Магадане, и судя по тому, что в отличие от многих работников управления его не коснулась жестокая, но в чем-то и справедливая чекистская “чистка” 39-40 годов, он даже пошел после этого на повышение – был он не только умелым, но и принципиальным работником), так вот Булов, допрашивая лично одного из тех доносчиков – Корнеева, совершенно откровенно “засвечивает” его провокаторскую и корыстную роль в этом деле, высказывает сомнение в правдивости его показаний...

Это может показаться странным, но следствие (хотя и не минодалничало, конечно, – через 16 лет, в 1958 году, в ходе дополнительного расследования, которое проводило УКГБ Магаданской области, один из бывших обвиняемых, Земсков, расскажет о применявшихся к нему незаконных методах) в данном случае не проявляло возможного энтузиазма. Я не исключаяю

того, что в отдельные моменты оно пребывало в определенной растерянности – столь неопровержимым оказывался для него ход мысли главного обвиняемого в этом деле. Не исключаяю также, что Грязных и его подельщики могли вызывать у следствия определенное сочувствие. Косвенным подтверждением тому служат строки из уже цитированного письма Б. А. Грязных, написанного в 1951 году: “(...) Следовательно, ведущий наше дело, лейтенант Никитин, и сам, видимо, не ожидал такого оборота дела и вскоре после нашего процесса застрелился”.

В той эволюции, которую совершили взгляды Б.А. Грязных в интервале 1937–41 годов, решающую роль сыграла колымская каторга. На смену фантастическим картинам, рисовавшимся подследственному в свердловской тюрьме, пришло осознание суровой, едва ли не безнадежной каторжной реальности. В письме 1951 года Б.А.Грязных об этом рассказывал:

“Колыма в 1938-ом, и несколько последовавших за ним лет (период Гаранина и Никишова) представляла собой жуткое явление. Здесь методически осуществлялась политика крайнего морального угнетения и физического истребления политических заключенных, в результате которой сотнями, если не тысячами, погибали люди, подобные мне. Такая политика в корне расходилась с провозглашенными партией принципами отношения к людям. Естественно, что я вскоре стал бороться против такой политики. С этой целью я, во-первых, написал в ЦК подробное письмо о положении на Колыме (1941 г.) и, во-вторых, используя свое привилегированное в лагере положение крупного мастерового, стал оказывать материальную и организационную помощь тем заключенным, жизнь которых, по моему мнению, нужно было сохранить для родины (к оказанию такой помощи я склонил еще нескольких лиц, имевших на то возможности).

Я рассчитывал, что в результате моего письма в ЦК на Колыму экстренно прибудет правительственная комиссия. Но или письмо не дошло до адресата, или я его очень плохо написал, никакой комиссии не прибыло. Существовавшее положение переживалось с неопикуемой болью, толкавшей на крайние и безрассудные выводы. У меня и моих друзей стало складываться впечатление, что все мы, сконцентрированные на Колыме,

обречены на вымирание. И что это делается с ведома ЦК партии. Доходившие, наряду с этим, до нас, подчас искаженные (мы не имели ни газет, ни радио) сведения о чрезвычайных декретах правительства (начиная с договора о дружбе с гитлеровской Германией и кончая роспуском III Интернационала и признанием церкви) зародили в нас мысль об измене ЦК делу Ленина.

В июне 1942 г. я написал своим друзьям по заключению пространное письмо (имеются в виду цитировавшиеся выше "Заметки". – А.Б.) в котором были систематизированы и сформулированы эти крайние выводы. В письме я ставил всех солидаризирующихся со мною товарищей перед необходимостью сохранить от уничтожения преданные коммунизму кадры и вести агитационную и организационную работу среди этих кадров. Письмо в нескольких списках стало ходить по рукам заключенных, работающих на одном из самых крупных приисков Колымы (наличие нескольких списков "Заметок" находит отражение и в следственных материалах, однако обстоятельного расследования этот факт в деле не получил. – А.Б.). Известно о нем стало и на других приисках, а так же в местных органах НКВД. В сентябре (по материалам дела – в августе. – А.Б.) 1942 г. я и шестеро моих товарищей были арестованы...

Не менее существенную роль для понимания позиции Грязных, изложенной в "Заметках", играет его жизненный путь до первого ареста в 1937 году. Тут мне представляется важным едва ли не каждое обстоятельство, поэтому я приведу целиком его ответ на вопрос следователя: "Расскажите свою автобиографию", заданный на первом же допросе после ареста в июле 1951 года (напомню, что это был третий арест, следствие на первых порах вел райотдел МГБ по Западному горно-промышленному управлению):

"Ответ: Родился в 1908 году в гор. Свердловске, Свердловской области в семье служащего. Отец мой работал инженером транспорта, в 1910 году он умер. В 1916 году умерла мать (и я воспитывался в детском доме в г. Свердловске. В 1923 году я закончил 7 классов (по другим источникам, шесть. – А.Б.) свердловской школы, а затем поступил на рабфак, вернее в техническую школу в гор. Свердловске, которую в 1925 году закончил и получил специальность инструктора школы ФЗУ, после

чего до 1927 года работал бригадиром сборочного цеха машиностроительных мастерских Центроспирта.

По решению Свердловского райкома (может быть, горкома? – А.Б.) ВЛКСМ я был направлен на работу в редакцию газеты "Уральский рабочий", где работал в должности репортера технического отдела до 1929 года, а затем на газетной работе работать я не стал и поступил на работу в должности слесаря металлургического завода в гор. Лысьва, Молотовской области, где проработав один год был назначен секретарем (ответственным секретарем, по другим материалам. – А.Б.) газеты "Искра" и работал здесь до 1933 года. По указанию ЦК ВКП(б) я был взят на работу в секретариат газеты "Правда" (пропущен период учебы на курсах редакторов. – А.Б.), где работал до конца 1934 года. В начале 1935 года я был переведен на Северный Урал, где работал ответственным редактором газеты "Уральская кочегарка" (г. Кизел Молотовской области. – А.Б.) до 1936 года, после чего был переведен в гор. Первоуральск, где работал редактором газеты "Под знаменем Ленина", где работал до февраля 1937 года, а затем поступил на работу в Первоуральский трубный завод, где проработав два месяца 17 ноября 1937 года был арестован (...)"

Выделю из названного арестованным раннее сиротство и детдомовское (а сначала, вероятно, приютское) воспитание-закалку. Выделю отсутствие систематического, серьезного образования: ни техническая школа, ни краткосрочные курсы редакторов его дать не могли, к знаниям – вероятно, достаточно обширным, хотя и не столь фундаментальным – Грязных шел путем самообразования; приобретенные таким образом, они становились не столько багажом или орудием, сколько частью судьбы. Стоит обратить внимание и на то, как привязан Грязных к своей рабочей профессии, как перемежаются в его жизни периоды работы на идеологическом фронте, в газете, с постоянным возвращением на рабочее, пролетарское место. Во всех анкетах, в преамбулах всех допросов он будет неизменно определять свое социальное положение словом "рабочий", хотя мог бы, коль скоро стал газетчиком, писать "служащий". Но, видимо, принадлежность к рабочему классу для него является принципиально важной, он и арестован был первый раз, в 1937 году, в качестве рабочего, когда в очередной раз сменил редакторский пост на место у слесарного верстака.

Здесь я вернусь к письму Грязных 1951 года, чтобы более подробно представить этот драматический момент. Сверх того, в нижеследующих строках содержатся и важные факты партийной биографии обвиняемого, которые внимания следователя из органа МГБ, естественно, привлечь не могли:

“К открытию городской партконференции в Первоуральске, в феврале 1937 г. были арестованы, как враги народа, все члены бюро Горкома, за исключением одного, автора этих строк. Это исключение бросалось многим в глаза. В результате, была создана комиссия по расследованию моей деятельности. К последнему заседанию партконференции комиссия закончила свою работу и доложила, примерно, что я – первоначальное воспитание получил в детдоме, в котором 14-ти лет от роду и вступил в КСМ. В 1928 г. вступил в партию. Четыре года спустя был послан в “Правду” на учебу. С 1935 г. был на руководящей газетной работе. За все время пребывания в партии (и КСМ) имел одно взыскание (выговор) за отказ публиковать в газете подхалимское по отношению к обкому постановление Кизеловского ГК ВКП(б). Ни к каким антипартийным группировкам не примыкал. Никакими проступками ни в работе, ни в личной жизни звание члена партии не опорочил. Все партийные поручения выполнял добросовестно (здесь и далее стопроцентное соответствие партийным требованиям того времени, о котором пишет Б.А.Грязных, объясняется особым характером этого письма, написанного, повторю, в 1951 году; о том, чем определялся этот характер, я скажу ниже. – А.Б.).

Партконференция, опираясь на такой вывод комиссии, сохранила за мной звание члена партии.

В июне или июле того же года почему-то опять возник вопрос о моей партийности. Первоуральский ГК создал новую комиссию для решения этого вопроса. Были запрошены все парторганизации, в которых я состоял ранее. Выводы были такими же, как и в феврале. Я в то время работал на производстве, но Горком неизменно доверял мне партийные поручения.

Наконец, в ноябре 1937 г. на бюро ГК вновь был поставлен вопрос о моей партийности. Предполагалось создать третью комиссию для решения этого вопроса. Но поставивший его член бюро, нач. отделения НКВД Трепов, резко обвинил ГК в близорукости, безапелляционно заявив, что я – законченный враг. У Трепова потребовали доказательств, он ответил, что не мо-

жет их дать, т.к. это повредит следствию, и что требование доказательств он рассматривает как выражение недоверия органам НКВД. Заявление Трепова походило на угрозу. И вопреки фактам, основываясь на ничем не обоснованном обвинении, 14 ноября 1937 года бюро ГК исключило меня из партии (...). Быть может, задним числом его оформили внешне по всем правилам. Но в момент вынесения постановления бюро ГК не имело никаких на то основательных данных.

Помню, решение ГК не очень меня взволновало. Никакой своей вины (не считая того, что я не мог своевременно разобрататься, кто такой Кабаков* и иже с ним) на моей душе не было. Я был твердо убежден, что, если не обком, то ЦК восстановит меня в партии, а Трепов привлечен к ответственности (...)

Но, к величайшему моему удивлению, 17 ноября меня арестовали (...)

Оставлю, только на время, без комментариев явно наигранную уверенность, которую якобы испытывал в 1937 году автор письма и в своей будущей партийной реабилитации, и в наказании – за необоснованное обвинение – начальника райотдела НКВД, равно как и удивление моего героя по поводу своего ареста, – все это объясняется тем же характером письма, о котором я расскажу ниже.

А пока – о сути взглядов, видимо, окончательно сложившихся у Грязных к 1942 году, коль скоро они уже тогда отразились в составленных им документах. Они же, эти взгляды, отразятся и в его высказываниях, его жажде борьбы, которые присутствуют в деле 1951 года, в документах и деятельности, послуживших основанием для уголовного преследования в 1956 и 1957 годах. В чем-то эти взгляды с течением времени изменялись, совершенствовались, отвечая менявшейся обстановке, но основа их была определена тогда и там – в 1942 году, в колымском лагере.

В основе воззрений Грязных – ленинское учение о диктатуре пролетариата. Именно этот полновластный механизм, по мнению обвиняемого, должен осуществить в стране последовательные социалистические преобразования и, опираясь на поддержку большинства населения, построить спра-

* И.Д.Кабаков, первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б), был к тому времени арестован. – А. Б.

ведливое и счастливое будущее. Власть в СССР принадлежит трудящимся, пролетариат их гегемон, поскольку именно он в этой системе власти играет роль ведущего, ему же, пролетариату, наряду с ответственностью, принадлежат и главные привилегии.

Однако воплощение принципов диктатуры пролетариата, по мнению Грязных, существенно искажено сталинской внутренней и внешней политикой. Сталин и его окружение, по существу, предали демократизм этой подлинно народной системы власти, сохранив за ней лишь функции ограничения и подавления. Последнее привело к тому, что страна, некогда устремившаяся на строительство всенародного счастья, превратилась в общегосударственный концентрационный лагерь с многомиллионным контингентом и миллионами живущих в страхе перед неминуемой расправой пока еще вольных граждан. Сталин и его окружение отняли у рабочего класса, у всего народа не только веру в завтрашний день, они привели народ и в первую очередь производителей материальных благ на грань нищеты, жизненный уровень масс не только не повышался в предвоенные годы, он существенно снизился по сравнению с периодом, когда партия действовала в соответствии с политикой Ленина.

Отсюда – как те лютеровские доски, прибитые великим бунтарем к стенам храма – постоянно, из года в год, из процесса в процесс повторяемые требования: восстановление демократии в стране, предоставление народу (в первую очередь и в наибольшем объеме – рабочему классу) политических свобод: свободы слова, собраний, демонстраций, вплоть до права на забастовку. В СССР должно быть покончено с монополией на идеологию. Перед лицом фашизма, захватившего власть в ряде стран (его “родовой чертой” Грязных полагает именно однопартийную систему) в стране социализма следует пойти на создание “двух-трех рабоче-крестьянских партий”, базирующихся на единой стратегической задаче, но отличающихся одна от другой в вопросах тактики и борющихся между собой за симпатии трудящихся. Подобный плюрализм, по мнению Грязных, ничуть не противоречит ленинизму, а напротив, есть воплощение его требований в сложившихся условиях.

Целый пакет требований Грязных касался материальных условий существования трудящихся: здесь и протест против

насильственного, по закону, закрепления работника за предприятием, и установление достаточной для безбедного существования заработной платы, восстановление бесплатного образования и “дальнейших расширений видов невидимой зарплаты” – имеется в виду то, что мы позднее стали называть общественными фондами потребления.

И здесь обращает на себя внимание четко (жестко даже) выраженный классовый, пролетарский принцип распределения политических и материальных благ и свобод: обладать ими в полном объеме, по мысли Грязных, должен только рабочий класс, права других, даже трудящихся классов, в частности крестьянства, должны быть в той или иной степени ограничены по сравнению с правами гегемона. Диктатура пролетариата понимается Грязных именно в прямом, а отнюдь не в переносном смысле. Отказ от нее, переход власти к касте партийных вождей и государственных чиновников и составляет, по мнению Грязных, политическую сущность переживаемого страной периода, главную измену ленинизму.

Естественному и выстраданному осуждению политкаторжанин подвергает непрерывный рост полицейского аппарата, роль этого аппарата в жизни страны, существующую систему репрессий. Грязных – за установление марксистской, как он выражается, системы уголовного преследования. Последняя, надо полагать, исключает преследование невиновных, однако она, как следует из понимания Грязных функций диктатуры пролетариата, отнюдь не предполагает либеральничания с настоящими врагами народа. Известный ригоризм нашего героя чувствуется и в этом, как и во всех других, пункте программы.

Обращает на себя внимание полное отсутствие каких бы то ни было связей в судьбе Грязных с троцкизмом. Я имею в виду не тот вымышленный НКВД (в первом случае, в 1938 году, Грязных был осужден за КРТД – контрреволюционную троцкистскую деятельность, однако знакомство с материалами дела убеждает в том, что это обвинение было совершенно фальсифицированным, что оно в его судьбе – как модная этикетка того времени, к существу дела это обвинение никакого отношения не имело), а затем проклинаяемый на протяжении многих десятилетий жупел измены ленинизму – имею в виду реальное политическое течение, может быть, наиболее стойко с конца двадцатых годов и до своего физического уничтожения противостоявшее сталинизму.

Если считать, что первым обстоятельством, вызвавшим заметную оторопь репрессивных органов (а она, эта оторопь, как мне кажется, не раз спасала Грязных от расстрела), была та степень преданности, которую испытывал обвиняемый к ленинизму (и в которую, добавлю, даже недоверчивые органы не могли не поверить), то вторым таким обстоятельством могла стать его же непричастность к троцкизму – за последнее на Колыме полагалось взыскивать по самому полному счету и без всяких временных ограничений, расстрельные дела на троцкистов в истории колымских репрессий встречаются и в начале и в середине сороковых годов...

Думаю, что эта позиция Грязных была лишена политической и бытовой перестраховки: непосредственно в учении Ленина о диктатуре пролетариата и следующих отсюда понятиях демократии Грязных находил вполне достаточную опору для своих позитивных взглядов на будущее страны, для борьбы против того, что мешает идти к этому будущему – против сталинизма.

Через день после вынесения расстрельного приговора, 26 сентября 1942 года (предыдущий день, видимо, ушел на переезд из Оротукана в Магадан, этим же числом помечены прошения о помиловании и шестерых его товарищей), Грязных писал:

“Оставляя в стороне вопрос о вопиющей социальной несправедливости такого приговора, я – считая себя убежденным марксистом и врагом любой системы угнетения трудящихся, и – полагая, что моя жизнь еще может быть полезна коммунизму, - прошу заменить мне расстрел высылкой за пределы СССР в любую из демократических стран.

Бор. Грязных.

Магадан, изолятор”.

Напомню читателю, что действовавший в то время уголовный кодекс действительно предусматривал в качестве высшей меры социальной защиты “объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и, тем самым,

гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов” (п. “а” ст. 20 УК РСФСР).

Но Президиум Верховного Совета СССР решил, видимо, в данном случае употребить свой гуманизм: расстрел через по-

5

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Формы «А»
ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ.
ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.

2-АА

Исх. № 10.09.1942
10.09.1942

СПРАВКА № 1/548

Выдана гражданину (ке) Грязных
Борис Александрович

1903 года рождения, уроженцу (ке) г. Стерлитамак
гражданство (подданство) СССР национальность русский
осужденному (ой) Д.К. 30 при дел
23.04.1942 г. по ст.ст. 58-2, 58-10, 58-11 репр
к лицензии свободы на дешевые дел с поражением в правах на
10 года, вышешему (ей) в прицелом срок
1942. 09.09 к 8 л.

в том, что он (она) отбывал (ла) наказание в местах заключения
МВД по 20. 9. 1942 и по лишению свободы
покашли е/загран раб. дел

С применением
Освобожден (на) 10.09.1942 г. и следует к избранному
месту жительства г. Магадан, Маг. обл.

до ст. _____ железной дороги.

 Печать

10.09.1942
Магадан
Козлов
10.09.1942
Григорьев

Справка об освобождении Грязных Б.А., выписанная 20 сентября 1950 года

чти два месяца, 17 ноября 1942 года, был заменен на лишение свободы на десять лет.

20 сентября 1950 года на Грязных была составлена справка об освобождении из лагеря – “по отбытии наказания с зачетом рабочих дней”. Зачет этот составил ни много ни мало – два года из десяти лет срока, что свидетельствует о том, что установленному им самим кодексу поведения з/к Грязных следовал неукоснительно: “крупный мастеровой”, как он себя характеризовал, существенных нареканий по работе и поведению не имел.

Однако освобождение Б.А.Грязных изначально было более чем иллюзорно, потому что его случай (тут можно выразиться и более определенно – судьба) вполне подпадал под совместный приказ МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР (по два нуля в номерах приказа и аббревиатура “сс” означали совершенную, по тем временам, секретность этого документа) №00279/00108-72сс от 16 марта 1948 года (отмечу попутно “предусмотрительность” законодателей: приказ был издан в тот момент, когда истекал десятилетний, т.е. весьма распространенный, срок наказания тех, кто в 1938 году был осужден за контрреволюционные преступления). Данный документ предусматривал ссылку на вечное (без ограничения срока) поселение тех, кто освобождался, – по отбытии срока наказания. А по сути это было новым наказанием, теперь уже пожизненным.

Действовала репрессивная машина довольно неторопливо – а куда, собственно, ей спешить? Куда бывший з/к денется, если графы “(...) Следует к избранному месту жительства... до ст. железной дороги... Выдано продовольствия на “___” суток... Выдано денежное пособие в сумме... Выдан билет на проезд... Возвращено личных денег в сумме...” остались в справке об освобождении незаполненными.

Впрочем, можно предположить, что и нагрузка у этой машины была предельная, поэтому быстрее решать и не получалось. Так или иначе, но только через два месяца отдел “А” МГБ СССР выписал для Грязных “наряд на отправку заключенного в ссылку”, почти месяц этот наряд добирался до Магадана, и еще три месяца ушло на оформление документов здесь, на месте, – тут, вероятно, объем работы у этой организации был наибольший. Поэтому на свободу Грязных как бы вышел – “пе-

редан в ссылку” – не 20 сентября, а почти на полгода позднее, 10 марта 1951 года. Но вышел-таки, черт побери! Пусть ссылка, пусть поселение, но ведь все-таки не лагерь!

За плечами были два приговора и почти двенадцать с половиной лет неволи, до следующего ареста оставалось четыре с половиной месяца. Б.А.Грязных провел их там же, где отбывал наказание, – а сдвинуться с избранного места ему запрещала грозная расписка-обязательство: “(...) не имею права никуда выехать (хотя бы временно) из указанного мною постоянного места жительства без предварительного разрешения органов МГБ и обязан периодически являться на регистрацию в место и сроки, которые мне будут указывать органы МГБ.

Об ответственности за нарушение подписки по статье 82 УК РСФСР предупрежден”, а ст. 82 приравнивала такое нарушение к побегу с соответствующей мерой наказания – на прииске “Перспективный” Западного горно-промышленного управления, где работал электрослесарем.

Арест, произведенный 23 июля, был для Грязных полной неожиданностью. Последнее, казалось бы, противоречит высказанному мною ранее убеждению в том, что на протяжении всей своей лагерной жизни Б.А.Грязных собственными руками, следовавшими за постоянно звучавшим в его душе посылом к борьбе, ковал свою судьбу сидельца и страстотерпца. Возможно, что это противоречие присутствует – ну кто, право, возьмется утверждать, что вышедший на свободу (пусть и весьма относительную) человек будет стремиться снова в лагерь? Тут либо автор безумен в своих предположениях, либо его герой – в своих намерениях. Но давайте приглядимся к ситуации внимательнее.

Накануне освобождения Грязных не воспринимал ее столь однозначно, как мы, знающие теперь о наличии этого совместного злодейского приказа. После 1947 года, благодаря каким-то изменениям карательной политики (но были ли они в действительности даже на лагерном уровне? не овладела ли душами заключенных в тот момент очередная красивая легенда?), Грязных полагает, что в его судьбе может случиться перелом, что, освободившись, он сумеет покинуть Колыму.

Пребывая во власти этой надежды, Грязных в октябре 1950 года, то есть со справкой об освобождении на руках, пишет очередное письмо в ЦК ВКП(б) – на этот раз с просьбой о восстановлении в партии. Текста этого письма в деле нет – оно ушло

по назначению. Из ЦК (что, на мой взгляд, достойно удивления) его переслали в Свердловский обком, коль скоро исключение из партии произошло в Первоуральске. В ноябре 1950 года член партколлекции этого обкома Сидоров сообщил Грязных, что оснований для пересмотра вопроса, решенного еще 14 ноября 1937 года, нет, так как исключение произведено правильно, "(...) кроме того связи с партийной организацией Вы не имели более десяти лет".

Вот в ответ на это уведомление Грязных и написал отправленное уже в феврале 1951 года весьма пространное послание, которое я в этом очерке неоднократно цитировал (в деле присутствует его копия).

Удивительное это письмо, читатель. В нем Б.А.Грязных, признавая (!) свои тягчайшие преступления (приговоры 1937 и 1942 годов) перед государством, в то же время настаивает на том, что он никогда не порывал с партией, не было и "разрыва с партийной организацией на протяжении более, чем 10 лет", так как последний раз он обращался с письмом в ЦК, в котором разоблачал нечеловеческие условия каторжной Колымы, и это обращение он считает выполнением своего партийного долга – менее чем десять лет назад.

"Если считать с того времени, когда я еще мальчишкой стал читать марксистскую литературу, за моими плечами сейчас ровно 30 лет сознательной жизни. Причем, это была такая жизнь, которая не оставляет в человеке ни миллиграмма нейтрального, делает его либо на все 100% "за" либо на все 100% "против". Причем эти 100% составляют жизнь такого человека, предмет его хорошей, похвальной гордости.

Судите сами, могу ли я примириться с Вашим официальным ответом? Ведь он означает, что я должен навсегда остаться за бортом активной общественной жизни, которая является для меня такой же органической потребностью, как воздух для легких!"

И далее Б.А. Грязных спрашивает: "Что мне делать? Я всей душой с партией, ее руководством, со Сталиным. Мне хочется, чтобы это было официально признано. Хочется, чтобы мне была дана возможность на деле доказать свое раскаяние во временных заблуждениях и искупить свою вину перед революцией. Хочется, чтобы партия распорядилась мною по своему усмот-

рению. Мне хочется любой работы, пусть самой тяжелой, пусть самой полной лишений, пусть опасной для жизни, похожей на подвижничество, лишь бы она была поручением партии. Мне хочется, чтобы когда кончатся мои дни, обо мне сказали: "Он был коммунистом".

Вы, тов. Сидоров, – в курсе организационных партийных вопросов. Я прошу Вашего совета, как мне вернуться в партию? Членом ли, кандидатом ли, сочувствующим – безразлично, мне бы вернуться".

Письмо содержит и следующий постскрипtum: "Я только сейчас обратил внимание, что Ваша подпись начинается буквой В. Значит, Вы – Владимир Сидоров, который был секретарем Лысьвенского горкома партии (...) О, как далеко разошлись с того времени наши дороги! Когда-то мы, связанные общим делом, могли понимать друг друга с полуслова и верить друг другу (тут возможен намек на какие-то обстоятельства, известные только данным двум собеседникам. – А.Б.). А сейчас?.. Я старался изложить свою прискорбную повесть столь же искренне, как бы излагал ее перед собственной совестью. А поверите ли Вы мне, – не знаю. А как страстно я хотел бы, чтобы Вы поверили мне (...) Поверьте мне, т. Сидоров, помогите! Клянусь Вам, что я постараюсь, чтобы настал день, когда б Вы могли с удовлетворением сказать, слыша обо мне: "Это я помог ему снова стать борцом за коммунизм, это я нашел ему дорогу в партию".

Пройдет полгода, и осенью 1951 года, на третьем своем следствии, Б.А.Грязных назовет это письмо стопроцентным двурушничеством, обманом партии, потому что отнюдь не к ней, сталинской партии (его отношение к Сталину и его соратникам за десять лет ничуть не изменилось), он искал дорогу в этом письме – партийная реабилитация, хоть какое-то ее подобие (в возможность получить такое поверить едва ли возможно, но все-таки Грязных хотел использовать и самый фантастический шанс), нужны были ему для того, чтобы вырваться, вырваться, вырваться с Колымы!..

Конечно, это письмо, это покаяние, это фальшивое признание своих ошибок, преклонение перед гением Сталина (есть в письме и такие слова) можно признать проявлением слабости. И я погрешил бы против истины, если бы стал утверждать, что

этого чувства Грязных не знал никогда, что не было в его судьбе моментов, когда обстоятельства оказывались сильнее его. Такие моменты были, и я их назову. Но важно и то, что не они, эти минуты, дни, месяцы слабости, определяли жизнь моего героя - всякий раз он находил возможность эту слабость преодолеть и двигаться в раз и навсегда избранном направлении. Именно так рисуется мне судьба Б.А.Грязных.

Вспоминая в 1951 году то первое свое следствие, допросы конца 1937 года, Б.А.Грязных писал: "Следователь (в ответ на отказ арестованного дать нужные показания. – А.Б.) прибег к распространенным методам воздействия. Не один раз я терял мужество и готов был написать что-нибудь в духе требуемого от меня. Но это "что-нибудь" было бы отъявленной ложью. А лгать я не умел. И это неумение лгать спасало меня в течение нескольких месяцев "следствия" (...) Тогда следователь прибег к последней мере. При мне был выдан ордер на арест моей жены, беременной и имеющей на руках сына 5 лет. Вот тогда я сделал свое первое в своей жизни преступление перед партией, потерял остатки мужества и, пожертвовав своей коммунистической непреклонностью ради спасения жены и детей, подписал следовательское сочинение".

Из протокола допроса обвиняемого Грязных от 14 января 1938 года: "В контрреволюционную троцкистскую организацию я был вовлечен в 1931 году секретарем Лысьвенского райкома ВКП(б) КОЗЛОВЫМ, но на путь открытой борьбы с ВКП(б) я встал значительно раньше (...) В период 1928-1929 г.г. когда ЦК ВКП(б) и вся партия, во главе со СТАЛИНЫМ, повели решительную борьбу с троцкистами и стали проводить репрессию над ними, у меня получились политические колебания, я считал, что ЦК ВКП(б) и лично (имя вождя*) проводят неправильную политику, изгоняют из партии всех свободно мыслящих людей. Я был убежден, что ВКП(б) и особенно один из вождей, нарушают всякую демократию и не дают возможности открыто высказывать свои взгляды. Я открыто беседовал с отдельными членами партии, доказывал, что ЦК ВКП(б) поступил неправильно, выселив из СССР ТРОЦКОГО".

Вождественное признание – для тогдашнего следователя очевидный компромат – для В.Сидорова из свердловской парт-

* Так в протоколе. Следствие словно не рискует (и в протоколе это встретится не раз) употребить имя Сталина в столь неприглядном контексте. – А.Б.

коллегии, загляни он в тот протокол, нормальный ход мысли моего героя, подтвержденный многими последующими сознательными действиями. Слабостью, проявленной Б.А.Грязных на том допросе, сегодняшней его читатель признал бы то, что составляло, вероятно, предмет особой гордости следователя: названные обвиняемым имена – людей, якобы вербовавших его, обвиняемого, людей, завербованных им... Таких имен в протоколе допроса от 14 января 1938 года немало.

"Вскоре у меня появился новый следователь, – сообщает Б.А.Грязных в письме тому же Сидорову. – Он принял у меня заявление, освещающее весь ход следствия и появление моей подписи под протоколом (иными словами, обвиняемый нашел в себе силы преодолеть свою слабость и попытался исправить содеянное. Но кто бы стал его в тех условиях слушать еще раз? Ведь желанное признание добыто! – А.Б.)... А через три месяца, в сентябре 1938 года мне зачитали решение Особого совещания".

Были и в дальнейшем в жизни моего героя минуты, когда казалось, что страдание сломило его.

Спустя два года после вынесения ему третьего приговора Б.А.Грязных, заключенный Берлага №112-417, писал в адрес Особого совещания МГБ СССР:

"17 лет я отбыл в заключении, в том числе и 16 лет колымской каторги.

Я пережил произвол, насажденный Гараниным, и убийственный лагерный режим военного периода; дважды перенес алиментарную дистрофию и превратился в инвалида (...) Стою на пороге полной слепоты. Несмотря на то, что я родился в 1908 г., врачи определяют мой физиологический возраст в 60-65 лет.

Я устал до предела; устал и физически и морально, дойдя до такой точки, на которой исчезает желание не только бороться за какие-бы то ни было идеалы, но и просто жить. Между тем, на основании последнего вынесенного Военным трибуналом Дальстроя в конце 1951 г. приговора, мне надлежит еще 23 года заключения.

Это – выше моих сил. И какими бы высокими соображениями ни диктовалось бы мое дальнейшее пребывание в заключении, я (...) - прошу Особое совещание пересмотреть вопрос о

моей дальнейшей судьбе, являющийся для меня вопросом жизни и смерти.

Обязуюсь подчиниться любым условиям, на которых будет вынесено благоприятное для меня решение.

30 янв. 1954 г. “

Особенно поражает последняя фраза этого заявления: “Обязуюсь подчиниться любым условиям...”

Но в тот раз судьба смилостивилась над заключенным – время наступало иное. Через полгода ст. оперуполномоченный УКГБ по Магаданской области подполковник Кавлагин – с конца мая существовал уже определенный порядок пересмотра – составил заключение по последнему делу Грязных и высказал предложение: исключить из его обвинения самую “тяжелую” статью – 58-2 и сократить срок лишения свободы до десяти лет. Пройдя необходимые стадии, это решение было принято в октябре того же года.

Был и еще один момент в судьбе Б.А.Грязных, когда ему показалось, что силы окончательно оставили его, что никакая борьба уже невозможна и что самое жизнь его уже ничего не стоит. Это случилось три года спустя, осенью 1957 года, когда настигла моего героя пятая судимость за все те же контрреволюционные преступления. А перед тем, напомним, он ненадолго вышел из заключения, получил возможность вернуться на родину, на Урал, вернулся в так недостававший ему эти двадцать лет трудовой коллектив. Вероятно, потому так остро и реагировал он на очередной приговор, что был мой герой в момент ареста едва ли не на пороге осуществления своей многострадальной мечты – и... новый срок, а жизненных сил почти не осталось.

В кассационной жалобе на приговор судебной коллегии Свердловского областного суда, назначивший ему еще семь лет лишения свободы в ИТЛ, он написал, что рассматривает его как террористическую расправу над “сознательным рабочим”, которому не хотят “простить попыток побудить партию и правительство отказаться от антирабочих методов строительства коммунизма”, а потому он перестает верить в разум партии и просит заменить ему только что вынесенный приговор высшей мерой наказания – расстрелом!..

Кто из читателей отважится осудить моего героя за то, что он оказывался подчас перед бездной отчаяния?

Но вернемся в год 1951-й, к третьему аресту Б.А.Грязных. К ситуации вокруг этого события я приглашал читателя приглядеться, поскольку она, вроде бы, противоречит ранее высказанному утверждению о том, что мой герой отнюдь не был, условно говоря, щепочкой, которую несли волны событий, а, напротив, сам эти события, как неутомимый ротор, создавал. Так, в общем, и было и в первом случае его ареста, и во втором... А вот в третьем, казалось бы, Грязных стал стороной пассивной – не ждал он этого ареста, не “заработал” даже... Вероятно, это так. Можно даже сказать, что судьба его была predetermined еще до момента его освобождения после второго срока и ссылка на поселение рассматривалась “правоохранительными” органами как необходимый период для того, чтобы успеть соорудить новое дело. Тут и сроки сами за себя говорят: от “последнего звонка” до передачи освободившегося з/к в ссылку у УМГБ ушло полгода, а от начала ссылки до нового уголовного преследования – только четыре с половиной месяца. Оно и понятно, работа у этой организации, какую бы аббревиатуру она ни носила – НКВД, МВД или МГБ – была поставлена таким образом, что ей легче и быстрее было завести новое дело, чем “своего” з/к на свободу выпустить.

Суть нового обвинения состояла в том, что ссыльнопоселенец Грязных в кругу своих знакомых еще по лагерным временам, равно как и в послелагерные времена, вел разговоры, порочащие общественный и государственный строй в СССР, уровень жизни народа, восхваляя при этом порядки в капиталистических странах, их демократию, уровень жизни рабочих, а также совершенство капиталистической техники. Восхваление всего зарубежного было модным и безотказным обвинением в этот период, я не исключаю, что в УМГБ на Дальнем Севере существовал, скажем, годовой план отлова таких вот “низкопоклонствующих перед Западом” – в конце концов, это была всесоюзная акция, участвовать в которой должны были все местные подразделения.

Высказывания подобного рода Грязных, видимо, допускал, что он подтвердит и на допросах, и на очных ставках, уточнив при этом, что свидетели придают его высказываниям совершенно фантастические, нелепые черты. Но тут уж, надо полагать, и сами органы постарались – заострили, дотянули, довели эти высказывания, сырье так сказать, до требуемой кондиции.

Так что несмотря на всю абсурдность обвинения (но абсурдность с нашей, сегодняшней точки зрения, а тогда, в начале пятидесятых, понятия дозволенного и недозволенного были совсем иными) “состав преступления” обвиняемого Грязных был в том случае вполне реальным и как бы преподнесенным ему извне – извольте только расписаться в предъявленном. Но если бы только это!..

Если бы Грязных Б.А., проклиная все на свете и свою неосторожность в первую очередь, – черт дернул его бог знает перед кем душу открывать, в откровенность пускаться – согласился бы, признал эти обвинения, отвергнув, конечно, самые нелепые, а еще лучше – и повинился при этом: “Ну, право, черт попутал! Да чтобы я, да еще когда-нибудь – да клянусь всем дорогим!..”, выбери обвиняемый такую вот линию собственной защиты (ему ли не понимать, с кем он имеет дело!), срок бы он, конечно, получил. Но какой? Лет семь-восемь лишения свободы. Конечно, и это немало, но ведь не двадцать пять, как в приговоре!

Двадцать пять лет, высшую по тем временам меру наказания (напомню читателю, что смертная казнь, предусмотренная в тридцатые-сороковые годы за многие преступления, была полностью отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года и к описываемому мною периоду восстановлена – в 1950 году – только для изменников родины, шпионов и подрывников-диверсантов), УМГБ, начавшее в 1951 году против Грязных новое уголовное преследование, своему давнему клиенту, надо полагать, и не планировало.

Подобная мера наказания стала возможной, потому что вместо вышеизложенной линии защиты, линии поведения на следствии обвиняемый выбрал совсем иную: снова в развернутой форме, почти так же, как в 1942 году, принялся обличать сталинский социализм и декларировать свою готовность продолжать борьбу с ним. Он и покаянное письмо В.Сидорову, как выяснилось на следствии (что подтверждается не только личным признанием обвиняемого, которое можно счесть за самооговор, но и ходом дальнейшей судьбы Б.А.Грязных), сочинил только для того, чтобы получить возможность вернуться на Урал и там, в родной пролетарской среде, повести эту борьбу по-настоящему, всерьез (видимо, в среде бывших заключенных, людей, большей частью уже морально сломленных, раздавленных

физически, он необходимой опоры для такой борьбы не находил).

Иные из его показаний, ввиду их явно антисоветского содержания, ст. оперуполномоченный лейтенант Шилин, проводивший расследование, не считал возможным даже заносить в протокол – составлял акт о том, что сего числа (в деле два таких акта) обвиняемый “(...) клеветал на политику проводимую ВКП(б) и Советским правительством (...)”, и заверял акт своей подписью и подписью одного из коллег из следотдела УМГБ.

Предполагать, что в данном случае (равно как и в других на том же следствии) показания обвиняемого появились в результате применения к нему “незаконных методов”, что они были вынужденными, нет оснований. Не стал бы тот же Шилин, получив от обвиняемого вожделенные (следствием) показания, прятать их таким вот образом – в нераскрытом виде – в этот акт. Да и других показаний, записанных, излагающих в подробной форме взгляды обвиняемого, в деле предостаточно. Они-то, в первую очередь, и явились причиной того, что уже в ходе следствия Грязных было предъявлено новое обвинение – по ст. 19-58-2 УК РСФСР (покушение или приготовление к вооруженному восстанию или захвату власти). Именно эта статья и дала высшую меру наказания – 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Косвенным образом отсутствие в данном случае “незаконных методов”, а потому и добровольность признаний обвиняемого подтверждается и тем, что ни в одном из двух заявлений, с которыми Б.А.Грязных во время следствия обращался к руководству УМГБ, нет и намек на эти самые методы. Обвиняемый протестует против содержания в одной камере с уголовниками, отбывающими уже срок, против лишения его по распоряжению следователя заработной им суммы денег, из-за чего он не может прикупить в “ларьке” продовольствие и курево, ходатайствует о вызове дополнительных свидетелей (это ходатайство было в полном объеме удовлетворено) – нет в этих заявлениях и намек на меры принуждения.

На закрытом судебном заседании он так же основательно, как и на следствии, будет громить сталинщину и отстаивать свои, ленинские, как он полагает, взгляды на суть социализма. В числе прочего он расскажет и о том, что говорил на тех допросах, от которых в деле остались только акты.

В краткой форме он изложит свои аргументы и в кассационной жалобе, направленной в Военный трибунал войск МГБ Дальневосточного округа, что позволит данной инстанции сделать следующее заключение: "(...) в жалобе ГРЯЗНЫХ снова повторил все свои контрреволюционные измышления и из жалобы видно, что он от них не отказался".

Военный трибунал определил, что "мера наказания в отношении ГРЯЗНЫХ определена в соответствии с тяжестью содеянного и с учетом того, что он более 20 лет ведет открытую борьбу против Советской власти (здесь в стаж борьбы засчитывается контрреволюционная деятельность, якобы вскрытая на следствии 1937 года. – А.Б.) и что в прошлом он уже дважды судился за контрреволюционную деятельность, в том числе и за активную подготовку к вооруженному восстанию". А посему – 25 лет назначены правильно, жалобу оставить без удовлетворения.

Мог ли обвиняемый Грязных полагать, что выбранная им линия поведения (а это была именно линия, последовательно проводившаяся, а не какой-то эмоциональный всплеск, отдельная неуправляемая реакция на творимую несправедливость) приведет к убийственному для него результату или всерьез полагал, что такая вот, в судебном порядке, защита ленинизма обеспечит ему победу? Думаю, что да, должен был предвидеть неблагоприятный для себя результат. "Желал ли он его? – спрошу еще раз, следуя канонам выявления умысла, принятым в науке уголовное право. – Нет, не желал, – видимо, таков должен быть ответ, потому что не самоубийца же мой герой, – но сознательно допускал его". А это, по учению о формах вины, проявление косвенного умысла.

В чем же тогда видел Б.А.Грязных смысл своего противостояния системе, раз эта система неизбежно сумеет раздавить его противостояние и уничтожить его самое? В чем, поставлю я вопрос шире, коль скоро Грязных, несмотря на всю уникальность судьбы, отнюдь не единственный борец против тоталитаризма, вообще смысл диссидентства, столь широко явленного в истории нашей страны?

Или, не затрагивая проблемы в общей форме, отнесем случай с Грязных лишь к проявлениям аномалий человеческого поведения, вызванных психическим расстройством? А возмож-

ность и такого взгляда на поведение моего героя дают некоторые материалы уже 1937 года. Что же говорить о последующем периоде – в неблагоприятных условиях болезненные процессы не могли не развиваться. И тогда тяжелый лагерный путь коммуниста Грязных – лишь безумный марш?.. Ведь именно так, в конце концов, его, этот путь, будут характеризовать судебно-медицинские и чисто судебные документы.

Однако не будем забегать вперед и торопиться с выводами. Впереди еще почти десять лет этого пути.

После вступления в законную силу приговора 1951 года осужденный Грязных был переведен из транзитного отделения в Берлаг. Это была уже каторга в чистом виде – с соответствующей формой одежды, украшенной в нескольких местах номерами, с соответствующими правилами внутреннего распорядка, с соответствующими условиями труда. Нет сомнения в том, что все эти условия – своего третьего срока – Грязных одолеть не мог, недаром в компрометировавших его антисоветских "измышлениях" 1950 года он назвал нормативную замену расстрела 25-летним сроком лишения свободы "медленной смертью". Здесь, в условиях Берлага, долго ждать бы смерти не пришлось.

Подтверждением этого стало заявление Б.А. Грязных, написанное 30 января 1954 года:

"Это - выше моих сил (...) - прошу Особое совещание пересмотреть вопрос о моей дальнейшей судьбе, являющийся для меня вопросом жизни и смерти".

Будь это заявление написано годом раньше, не возымело бы оно никакого действия, но шел уже 54-й год, Сталина не стало (на это, вероятно, и рассчитывал берлаговец Грязных), судьба всей страны медленно кренилась в иную сторону.

Упомянувшееся выше заключение ст. оперуполномоченного УМГБ по Магаданской области Кавлагина по делу Грязных было, вероятно, сообщено созданному к тому времени органу с очень длинным названием – "Областная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселениях". Эта комиссия в июле 1954 года, через полгода после того, как Грязных написал свое заявление, приняла решение об исключении из его приговора

1951 года ст. 19-58-2 УК РСФСР и сокращении срока наказания с 25-ти до 10-ти лет лишения свободы. В сентябре того же года это решение было подтверждено определением трибунала ДВО.

С учетом отбытой части срока наказания Грязных предстояло провести в заключении еще ВОСЕМЬ лет. Его тюремно-лагерный марафон, начатый осенью 1937 года, через семнадцать лет как бы начинался сначала – те же восемь лет впереди.

Но те же – и не те. Не те, потому что, как знает любой бегун, уже знакомую дистанцию, даже самую тяжелую, бежать все-таки легче. К тому же, именно в это время перестал существовать Береговой лагерь – условия содержания изменились в лучшую сторону. Это – как положительные факторы. Но в 1937 году начинавшему свой крестный путь (он же безумный марш) Грязных было 29 лет, в 1954 – 46, семнадцать лет почти непрерывного заключения здоровья ему не прибавили. Это уже из факторов противоположного свойства.

Но был еще один фактор, решающий, – фактор разворачивавшегося в наступлении нового времени.

Прикоснувшись к трагической судьбе этого человека, я вдруг – не помню, на каком месяце работы в архиве, на какой странице бесконечных протоколов его допросов – услышал, что эта судьба зазвучала аккордами знаменитого бетховенского фортепианного концерта. Сама ли судьба послушно ложилась в классическую трехчастную схему или схема бережно воплощала ее в своем логическом построении? Здесь было и энергичное, мужественное противостояние светлой человеческой личности темной силе наступавшей реакции, кажущиеся бесконечными тяжесть и скорбь преодоления невзгод и утрат, и безудержная ярость финала, несущего свободу ломающему темницу узнику...

Эта ярость финала зазвучала в судьбе заключенного Грязных тогда, в середине 54-го. Надежда на перемены, разлившаяся и в колымском воздухе, коснувшаяся уже и его собственной судьбы, мобилизовала эту страстную натуру, наперекор страху и слабости, на новую, еще более решительную борьбу. Но и сила, борьбе с которой он посвятил уже почти два десятилетия, еще не была сломлена. Она – может быть, тоже предчувствуя свой финал, – держала меч наготове. А посему новый виток стремительной борьбы принес моему герою новый удар.

18-19 апреля 1956 года судебная коллегия Магаданского областного суда (под председательством И.И.Винокурова, при участии прокурора, зам. областного прокурора К.Ф.Закевича, назову эти известные в Магадане фамилии) рассмотрела в закрытом судебном заседании новое (четвертое по счету) дело по обвинению Грязных все по той же статье 58-10 УК РСФСР.

Суд установил, что заключенный Грязных, “отбывая меру наказания за контрреволюционное преступление (...) не отказался от своих прежних враждебно настроенных намерений против генеральной линии Коммунистической партии и Советского правительства.

ГРЯЗНЫХ в целях борьбы с существующим в СССР государственным и политическим строем занялся изготовлением рукописей явно антисоветского содержания, в которых клеветает на проводимые в СССР мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства. В рукописи, изготовленной в 1953 году (еще в тот, самый жуткий, берлаговский период. – А.Б.) “К теории фашизма” подсудимый ГРЯЗНЫХ проводит аналогию между фашистским и советским государством как в экономике, политике, а так же и в условиях жизни трудящихся. Жизнь в СССР рабочих и крестьян ГРЯЗНЫХ сравнивает с жизнью рабов (...)

В этой же рукописи и рукописи “Пора кончать с аракчеевщиной в марксизме”, которую ГРЯЗНЫХ адресовал центральному органу “Правде”, он возводит клевету на внутреннюю и внешнюю политику, заявляя при этом, что в СССР нет социалистического государства, а есть установившийся государственный капитализм, который еще больше эксплуатирует рабочих и крестьян. ГРЯЗНЫХ утверждает, что коллективизация в СССР проведена насильственным путем по признакам теории “о перманентной революции” Троцкого.

(Безграмотный стиль столь важного документа – приговор! – возвращает меня памятью к концу тридцатых годов: именно так тогда и писали, сужу по архивным делам. И здесь, во второй половине пятидесятых, этот стиль словно просыпается на несколько минут, как извлеченный из мерзлоты тритон. – А.Б.)

В рукописях “Без фиговых листков” свои враждебные взгляды Грязных излагает в завуалированной форме. Где под видом несуществующей страны “Анчурии” выводит социалистическое государство и в извращенном виде показывает советскую

действительность – утверждая при этом как и в рукописи “Заметки к теории фашизма”, что Советский Союз только по форме является социалистической страной, а по содержанию представляет собой государство фашистского типа (...)

В судебном заседании подсудимый ГРЯЗНЫХ виновным себя не признал и пояснил, что он действительно написал ряд рукописей как “Без фиговых листков”, “Заметки к теории фашизма”, “Пора покончить с “аракчеевщиной” в марксизме” – утверждая при этом, что он все описал так, как это было и есть на самом деле, что не является по мнению ГРЯЗНЫХ контрреволюционным преступлением (...)

На судебном заседании ГРЯЗНЫХ пояснил, что он свои политические взгляды высказывал везде, где мог и всем с кем встречался. Что касается написания указанных выше рукописей, то ГРЯЗНЫХ пояснил, что цель их написания пропагандистская. Виновность ГРЯЗНЫХ в антисоветской агитации и пропаганде подтверждается показаниями свидетелей (...)

Исходя из изложенного, судебная коллегия приговорила подвергнуть Грязных Б.А. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР “шести годам лишения свободы, из коих первые два года отбывать в тюрьме, а последующие четыре года в ИТЛ без поражения в правах”.

Здесь вот что обращает внимание – и это могучая примета времени – коллегия назначает осужденному новую меру наказания в пределах срока, уже подлежащего отбытию, а потому, в силу принципа поглощения, реального увеличения срока наказания не происходит, изменяется лишь отчасти его качество – два года предстоит провести в тюрьме. В прежние времена срок мог оказаться куда большим.

Однако первая примета нового времени в уголовном преследовании, начатом еще раз против Грязных, появилась раньше – в самом начале следствия, в сентябре 1955 года, обвиняемый был представлен на судебно-психиатрическую экспертизу. Ничего подобного ни в 37-м, ни в 42-м, ни в 51-м годах следователям и в голову прийти не могло – “Этак у нас каждый констриктор психом прикидываться будет!”. А тут вот пришло. Но экспертиза, проведенная в Магаданской областной психоневрологической больнице, сделала совершенно определенное заключение: как не страдающий душевным заболеванием испытуете

мый в отношении инкриминируемого ему правонарушения является вменяемым.

А новые веяния продолжали отражаться на судьбе моего героя. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев 22 июля 1956 года кассационную жалобу осужденного, хоть и согласилась с приговором Магаданского областного суда (более того, отметила: “В кассационной жалобе Грязных по существу повторяет и отстаивает правильность высказываний, которые правильно расценены судом как направленные на дискредитацию руководства советской власти, клеветнические, контрреволюционные”), однако исключила из приговора пункт о содержании осужденного в течение первых двух лет в тюрьме. Выходило, что по приговору, вынесенному правильно, за доказанное контрреволюционное преступление, осужденный никакого наказания, сверх уже имевшегося, не получал. Можно представить, какое замешательство царило в головах юристов тех лет.

Однако и такое решение не устраивает Б.А.Грязных. Месяц спустя, 25 августа, он пишет заявление, в котором предлагает повторно рассмотреть его дело в Верховном суде республики – с его обязательным участием, в присутствии рядовых трудящихся и представителей как советской, так и иностранной прессы. Заключение еще раз бросает перчатку власти – он требует высокого и открытого суда, которому готов представить все свои выстраданные аргументы.

Отнесем ли мы эту идею к списку безумств Грязных, постоянно пополняемому иным моим читателем, или к списку прочестств, потому что и эта его идея, равно как и некоторые другие, осуществляется сейчас у нас на глазах – разве высокий и открытый суд над временем и властью не главное содержание наших дней? Но не дано было предложению Грязных осуществиться 35 лет назад – ни по каким юридическим канонам провести такой процесс нельзя, тем более что и возвращаться к приговору, вступившему в законную силу, не было резона.

Но весьма симптоматично – для того же времени – что спустя лишь три дня после того, как было отправлено предложение Грязных о таком суде, 28 августа 1956 года орган явно несудебный – Комиссия Верховного Совета СССР – на основании

Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 года решительно вмешалась в судьбу моего героя.

Рассмотрев все прежние судимости Грязных, комиссия решила:

а) осуждение в 1937 году считать необоснованным, то есть реабилитировать его в этой части;

б) судимость по приговору 1942 года снять, то есть считать как бы несуществующей, однако без реабилитации осужденного по данному приговору;

в) по приговорам 1951 и 1956 годов, никем не отмененным, ввиду нецелесообразности дальнейшего содержания осужденного от наказания освободить.

Такое вот сотканное из кричащих противоречий, реально отражавших сложность политических процессов, лежавших в основе “оттепели” второй половины пятидесятых годов, постановление снова открыло перед Б.А.Грязных ворота тюрьмы.

На сей раз обошлось без спецпоселения – его тоже снимали в массовом порядке в тот период с ранее осужденных. Почти через восемнадцать лет, проведенных в колымской неволе, осенью 1956 года Грязных возвращается домой, на Урал.

Однако положение освобожденного, но не реабилитированного (по трем судимостям из четырех) не устраивает его. Он борется не только за свою личную реабилитацию, он борется за свои взгляды, он отстаивает позицию, которую занял еще пятнадцать лет назад, при этом, видимо, немало достается и режиму, устанавливавшемуся в стране, – и в нем Грязных находит изъяны.

Официальным предостережением мой герой мог бы считать постановление Главной военной прокуратуры от 12 декабря 1956 года: изучив по жалобе Б.А.Грязных материалы его прежних дел, высокий правоохранительный орган (постановление подписал зам. главного военного прокурора Б.Викторов, один из немногих ставших впоследствии популярными работников этой организации, известность ему принесли статьи в периодике и книга “Без грифа “секретно”, рассказавшие о многих случаях необоснованных репрессий) ... признал правильными приговоры, вынесенные Б.А.Грязных в 1942, 1951 и 1956 годах.

Но внять столь определенному предостережению Грязных не мог. В июне 1957 года он был арестован в очередной раз. Уже в начале сентября (отнесем эту срочность не только на счет очевидной зловредной деятельности обвиняемого, но и в гораздо большей степени – на счет круто изменившегося политического климата: после известных венгерских событий осени 1956 года, видимо, с собственными диссидентами было решено обращаться как можно более решительно) дело Грязных рассматривала судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда. Дело, как водится, рассматривалось в закрытом заседании – мечтам Грязных об открытом суде над режимом еще не суждено было сбыться.

Коллегия установила, что подсудимый “... в силу враждебного отношения к советскому строю и Коммунистической партии, в 1956-1957 годах изготовил ряд рукописей контрреволюционного содержания, в которых возводил злобную клевету на Коммунистическую партию Советского Союза, общественный и государственный строй, при этом отрицая в нашей стране наличие социалистического строя, утверждая, что существующий в СССР экономический строй является государственным капитализмом, что государство находится над обществом, якобы у нас существует экономическое и политическое неравенство, а также возводил клевету на жизнь советских людей, на исправительно-трудовую политику нашего государства.

Кроме того, писал заявления антисоветского содержания, которые адресовал в различные партийные и советские органы, в которых также клеветал на мероприятия, проводимые партией и правительством как до XX съезда нашей партии, так и после него.

Подсудимый ГРЯЗНЫХ виновным себя не признал и пояснил, что изъятые у него 15 июня 1957 года тетради, блокноты, заявления и другие рукописи антисоветского содержания изготовлены им, что одну из своих рукописей – копию заявления в Комиссию Верховного Совета СССР от 11 августа 1956 г., содержащую наиболее злобные клеветнические выпады против Коммунистической партии и Советского государственного и общественного строя, в марте 1956 года (тут, вероятно, ошибка, реальнее предположить 1957 год. – А.Б.) направил своему знакомому Ладейщикову.

(Ситуация под рубрикой “Нарочно не придумаешь”. Вдумайтесь, читатель: по заявлению, содержащему, по мнению свердловских судей, самую злобную клевету из всех мыслимых клевет, чрезвычайная государственная инстанция – Комиссия Верховного Совета СССР – в срочном, безотлагательном порядке освобождает его автора из-под стражи – “за нецелесообразностью содержания”, это же заявление через год становится одним из главных оснований для нового приговора и нового заключения под стражу! – А.Б.)

Кроме того, подсудимый ГРЯЗНЫХ, работая с декабря 1956 года на Первоуральском новотрубном заводе (напомню, что и перед самым первым своим арестом, в 1937 году, Грязных, уйдя из редакции, работал на этом заводе. – А.Б.), где в начале 1957 года в присутствии свидетелей (...) клеветал на советский строй, в чем так же виновным себя не признал”.

Учитывая, что и в прошлом Грязных был неоднократно судим за совершение контрреволюционных преступлений, судебная коллегия определила ему по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР и в новых условиях СЕМЬ лет лишения свободы и ПЯТЬ лет поражения в правах. Вот тогда и написал он эту страшную, исполненную отчаяния кассационную жалобу: расстреляйте меня, раз не хотите понять моих попыток наставить партию и правительство на истинный путь, – расстреляйте меня!..

Впрочем, думаю я сейчас, а не была ли эта жалоба еще и очень тонким и точным расчетом ошеломить вторую инстанцию, заставить ее поискать нетрадиционное решение, не дать принять ей очередное определение, подтверждающее правильность решения суда первой инстанции? Ведь, в конце концов, не самым страшным в судьбе подсудимого Грязных был приговор 1957 года, он и расстрельный, и “тяжеловесный” не теряя мужества встречал... Да, пусть уже и возраст, и силы не те, но ведь еще и года не прошло, как сразу два приговора с его плеч свалились, – может, и этот так же: сегодня есть, а завтра... Нет, отчаиваться в этих условиях, может быть, и не стоило, жизнь еще не кончилась.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР определением от 5 октября 1957 года – в связи с возникшим сомнением в психической полноценности осужденного – направила Б.А.Грязных на судебно-психиатрическую экспер-

тизу. Тот, кто вел список “ненормальных” поступков моего героя, может в этом месте почувствовать удовлетворение – выходит, что он был прав...

Экспертиза состоялась в декабре 1957 - январе 1958 года в стенах самого авторитетного из имеющихся на этот случай учреждения - Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии имени проф. Сербского в Москве, куда и был доставлен испытуемый. Пространный акт подписали ученые-психиатры – эксперты профессор Гордова, ст. научный сотрудник Лунц, научный сотрудник Маслова.

Со стороны автора этого очерка, когда-то в бытность студентом-юристом прослушавшего в стенах именно этого учреждений курс судебной психиатрии и успешно его сдавшего (признаюсь, что тот недолгий – ведь он читался не будущим врачам, а будущим следователям и судьям – курс настолько захватил меня, что я готов был, кажется, бросить почти законченный юридический факультет, чтобы поступить на первый курс медицинского), с моей стороны, дилетанта в этой области, было бы по меньшей мере некорректным высказывать какие-либо сомнения по поводу выводов экспертизы, но давайте вместе, читатель, ознакомимся с ходом мысли исследователей.

Изложив на нескольких страницах историю двадцатилетних уголовных преследований испытуемого (видимо, большей частью – на основании документов), эксперты фиксируют в его психическом состоянии следующее: “(...) испытуемый формально правильно ориентирован в месте, времени и окружающем, охотно вступает в контакт, при беседе держится с чувством собственного достоинства. Он многоречив, обстоятелен, во время беседы фиксирует внимание на излишних деталях, не имеющих существенного значения, просит выслушать его до конца, при попытке переключить его на другую тему он раздражается, говорит повышенным тоном, становится злобным, напряженным (...) жалуется на головные боли, повышенную утомляемость, отмечает у него провалы памяти, говорит, что забывает имена знакомых, даты важнейших событий (Здесь уместно, коль скоро речь идет отнюдь не о психических симптомах, привести данные о физическом состоянии испытуемого: эксперты нашли, что он выглядит значительно старше своих лет, более того – даже рост его зафиксирован теперь как средний, а еще

пятнадцать лет назад, четыре судимости назад, это был высокий, физически очень сильный человек. Неволя разрушила его здоровье, и проявлением этих разрушений можно считать и малый запас сил, и раздражительность, и головные боли, и провалы памяти. — А.Б.). Испытуемый склонен к повышенной самооценке, заявляет что его политические взгляды оказывали влияние на окружающих. Сообщает, что он “своими письмами и заявлениями” хотел побудить “партию и правительство изменить свою политику” в отношении экономики страны и общих политических вопросах. Иногда он формально соглашается с тем, что в отдельных вопросах он “возможно” ошибается, но тут же с большой убежденностью заявляет, что его политические идеи являются правильными и могут быть использованы в построении коммунистического общества. Говорит об этом с аффективной напряженностью, волнуется, старается убедить врача в том, что он является “последовательным марксистом”. Обнаруживает некритическое отношение к сложившейся ситуации, считает, что отказ реабилитировать его по делам 1942, 1951, 1956 г. “целиком построен на преступно-бюрократических ссылках на юридические подлоги” и сейчас он убежден в том, что судебные следственные органы ставят перед собой цель “осудить его во что бы то ни стало”.

Эксперты, знакомясь с материалами дела и опрашивая испытуемого, заведомо уверены в том, что его точка зрения на окружающее, его политические взгляды и следующие из них поступки — неправильны, а потому неправильно, ненормально и его поведение, а раз поведение ненормально, то испытуемый... В основе диагноза лежат установки не медицинского, а политического свойства, и поэтому он не может быть объективным.

“На основании изложенного, комиссия приходит к заключению, что Грязных Борис Александрович страдает душевным заболеванием в форме патологического (параноического) развития личности, сочетающегося с явлениями атеросклероза головного мозга. Как душевнобольного, в отношении инкриминируемого ему деяния, совершенного в состоянии болезни, Грязных Б.А. следует считать невменяемым”.

С таким же успехом, как и Грязных, можно было бы, если бы захотеть, считать невменяемыми сотни и тысячи, или десятки тысяч (кто их считал?) людей, боровшихся за свои идеалы

против ненавистного им режима. Параноики боролись против сталинщины и Сталина, который сам был параноиком, если верить диагнозу, якобы поставленному крупнейшим специалистом того времени. Безумная страна, безумные герои, безумная история... Неужто и впрямь тщетны попытки хоть что-то разглядеть в ней? Неужто прав Ф.Тютчев — умом Россию не понять?..

Но оставим судьбы России для других, более компетентных исследователей. Судьба же Грязных и в этот, самый противоречивый ее период обнаруживает вполне разумную логику. Но присутствует логика и в действиях его преследователей.

Амнистированный борец против системы свою борьбу не прекратил — система, ничуть еще не отошедшая от принципов тоталитаризма, не изолировать его не может. Но как это сделать? Культ личности развенчан, прежние методы публично осуждены, репрессии названы преступлением. Не может система встать на путь, который она сама назвала преступным. Душевная болезнь героя тут просто находка — она позволяет системе и устранить противника, и сохранить при этом только-только складывающееся лицо, а посему... Основываясь на акте экспертизы, судебная коллегия по уголовным делам того же Свердловского областного суда (при том же, кстати, прокуроре) 12 февраля 1958 года определила Грязных Б.А. “принудительное лечение в специальной психиатрической больнице с изоляцией, оставив ему меру пресечения содержание под стражей”. Таким местом стала Казанская специальная (на ее круглой печати — “тюремная”) психиатрическая больница МВД СССР.

Спустя много лет Е.Е.Орехова, встречавшая моего героя уже после его освобождения, когда он приезжал повидаться со своими товарищами по колымским невзгодам Ф.Е.Лоскутовым и А.З.Добровольским, написала мне: “Грязных рассказывал о Казанской психушке, о том, как там провоцировали буйное помешательство, многие становились жертвами — протестовали, возмущались, били кулаками в дверь, и это был их конец. А Грязных разгадал этот маневр, все воспринимал спокойно, даже разыгрывал ухаживания за молодой врачихой и катался на коньках — там, оказывается, был каток. Такое осталось у меня в памяти. Болен Грязных был не психически — я, наверное, неясно

выразилась (в ответ на мои, может быть, прямолинейные вопросы о состоянии, в котором Е.Е. Орехова застала Бориса Александровича. – А.Б.) – а оказалось что-то с кишечником, была операция, после которой, говорит Миля (М.И.Лоскутова. – А.Б.), писем Ф.Е. уже не получал”.

Через год, в марте 1959 года, в стенах Казанской психбольницы был составлен новый акт экспертизы. Его авторы, повторив в предварительной части едва ли не буквально болезненную симптоматику, якобы наблюдавшуюся у Б. А. Грязных специалистами из института им. Сербского, затем констатировали:

“Постепенно состояние больного улучшалось, за последние 1/2 года спокоен, упорядочен в поведении, включился в трудовые процессы, работает ежедневно в лечебно-красочной (? – А.Б.) мастерской. Рисует с увлечением картины. В работе продуктивен. Репродукция картин приличная (трудно понять, что тут имеется в виду. – А.Б.). С больными в меру общителен. Читает художественную литературу, смотрит кинокартины, увлекается спортом (вот как каток отозвался. – А.Б.). Ежедневно занимается физической зарядкой. В обращении с персоналом вежлив, корректен. Охотно вступает в беседу с врачом. В беседе активен (как тут не вспомнить слова Е.Е.Ореховой об уходе за молодой врачихой. – А.Б.). Мышление последовательное, логически ассоциативного типа. Правильно, с критикой относится к своему состоянию и сложившейся ситуации. Благодарит медицину, которая помогла ему разобраться. Осознает, что его действия являлись результатом “надломленной нервной системы”. Интересуется своей судьбой, строит реальные планы на будущее. Стремится к трудовой деятельности: “ранее у меня была навязчивая идея, я это понял и на рожон больше не полез”. Память на события общественной и личной жизни сохранена. Внимание устойчивое. Эмоционально жив, адекватен (...)”.

“Ввиду того, что в продолжении длительного периода, – формулируют свое решение составители акта, – он (Грязных. – А.Б.) обнаруживает спокойное, упорядоченное поведение при отсутствии психотической симптоматики, параноические черты сгладились (не спутаны ли тут причина и следствие? – А.Б.), в лечении психиатрических больниц не нуждается. Принуд-

Б.А.Грязных (слева) в гостях у старого друга, известного колымского врача Ф.Е.Лоскутова. Ирпень под Киевом, начало 60-х

лечение может быть снято. Может быть выписан из больницы самостоятельно”.

– Что за молодцы казанские врачи! – воскликнет доверчивый читатель. – Вы посмотрите, как они хорошо разобрались – получше московских специалистов!

Членами комиссии, подписавшими этот акт, действительно были два казанца – профессор и доцент Андреевы, но председателем комиссии был человек в погонах, подполковник Торубаров. А сама комиссия имела статус Центральной су-

дебно-психиатрической комиссии МВД СССР, то есть никакая это была не местная инициатива – все та же система продемонстрировала свое всеисилие: захотела – посадила, захотела – придержала в психушке, захотела – выпустила. А сам акт – такое же политизированное заключение, как и предыдущее, только теперь с противоположным знаком. И для того, чтобы лица не терять (а для системы это важнее всего, иначе, как мы с вами прекрасно видим по сегодняшнему дню, наступает крах), в акте, открывшем моему герою дверь на свободу, диагноз сохранен все тот же: страдает психическим заболеванием в форме патологического (параноического) развития личности.

Но требовалось – правоохранительным органам, коль некогда осужденный не переставал обращаться за реабилитацией – решить, как быть с предыдущими судимостями. С последней все ясно: инкриминировавшееся ему деяние обвиняемый совершил, страдая душевным заболеванием, следовательно – нет субъекта преступления, а нет субъекта – нет и состава. По первой судимости, 1937 года, Б. А. Грязных уже реабилитирован – КРТД не занимался. Остаются судимости 1942, 1951 и 1956 годов. Как быть с ними?

Главная военная прокуратура ходатайствует о назначении еще одной судебно-психиатрической экспертизы – теперь уже без участия испытуемого, только по архивным следственным делам. Она снова проводится в институте им. Сербского, член бывшей комиссии профессор Лунц в новой уже председатель. Комиссия выносит заключение, в котором, в частности, сказано, что “(...) ко времени ареста Грязных и следствия по его делу в 1937 году (конечно, что об этом говорить, коль этот вопрос уже решен. – А.Б.) каких либо данных свидетельствующих о наличии у него в тот период времени признаков психического заболевания не имеется. Однако в дальнейшем (...) уже в период следствия и суда 1942 г., также как и все последующие годы, он обнаруживал ряд признаков, свидетельствовавших о наличии у него болезненного расстройства психической деятельности, которое в 1957 г. правильно было расценено в институте имени Сербского как патологическое (параноическое) развитие личности (...)”

В январе 1960 года все тот же Б.Викторов, зам. главного военного прокурора, ранее полагавший, что четыре из пяти приговоров Грязных вынесены правильно, подписывает уже

совершенно иное заключение по его делам. В марте 1960 года Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрит это заключение и определит судебное преследование в отношении Грязных прекратить за отсутствием состава преступления (“С марта 1942 г. страдает расстройством душевной деятельности”). Данное определение следует рассматривать как реабилитацию.

А жить Б. А. Грязных оставалось лишь несколько лет.

Так чем же все-таки была жизнь этого человека – безумным маршем, неизбывным страданием, неустанной борьбой?

Я думаю, что и тем, и другим, и третьим... Потому что безумием, безумством, с обыденной точки зрения, было так открыто противостоять сталинской и сменившей ее системе, она неизбежно должна была сломать вставшую против нее личность, остается только поражаться тому, что в случае с Грязных этого не случилось.

Его страдания были действительно неизбывны – как один человек мог перенести столько?..

Его жизнь была неустанной борьбой, но что же это за борьба без всякой надежды на победу?..

Тоталитарный режим, подавление и угнетение личности неизбежно рождали у наиболее активных протест. У иных он иссякал, стоило припугнуть как следует, у других заканчивался на лагерных нарах, у третьих он становился содержанием жизни.

Что значил этот протест в общественном плане? Угрожал ли он системе? Дал ли он хоть какие-то практические результаты? Принес ли свободолюбивой стороне хоть мелкие победы? Никаких. И не поймешь, совершенствовались ли носители протеста саму репрессивную систему, так как инициировали ее активность, или только досаждали ей, потому что у нее было достаточно своих, внутренних причин быть всегда готовой.

Имели ли эти диссидентские проявления (листовки группы Краснопевцева в конце пятидесятых, самиздат шестидесятых-семидесятых, демонстрация шестерых на Красной площади в 1968 году и т.д.) хоть какой-то отклик у широких масс, дали ли они хоть какой-то результат? Никакого. Об этом скажет впоследствии и такой диссидент со стажем как В. Буковский. А ведь жизнь и борьба моего героя пришлись на времена еще более глухие и беспросветные. Там-то уж какой отклик мог быть?

Безумству храбрых поем мы песню? Выходит, что да, безумству. Но не только ему.

Я думаю, что по своим этическим идеалам Б.А.Грязных был стойком, даже если и не слышал о замечательном философском учении, существовавшем в древних рабовладельческих государствах чуть не тысячу лет назад. Это была философия активных и сильных людей, ее носителями были вольноотпущенник и царь, торговец и кулачный боец. Идеал стойка – человек, который безропотно и мужественно, “стойчески” (откуда и пошло это слово) переносит испытания, повинуется неизбежности, судьбе или воле богов. Стойки учили: “Volentum ducut fata...” – судьбы ведут желающего, нежелающего они тащат.

“Мотив всеобщей обреченности влечет к пессимизму и пассивности, – писал о стойках профессор Московского университета А.С.Богомолов. – Но идеал “мужественной красоты” и неподвластных обстоятельствам человеческого достоинства саму безнадежность превращает в торжество над обстоятельствами, а покорность им – во внутреннюю свободу”.

Судьба предназначила моему герою быть борцом, он следовал этому предназначению, насколько хватало сил.

В заключение расскажу о том, как сложились судьбы товарищей Б.А.Грязных по делу 1942 года (во всех остальных делах он был единственным обвиняемым). Им также, как и моему герою, расстрел был заменен десятью годами лишения свободы – “каждому”, как было принято писать в судебных документах.

Александр Васильевич Земсков, 1908 г.р., уроженец д. Стенькино Троицкого района Рязанской области, русский, образование 8 классов, по специальности радиотехник. Первый раз был арестован 21 марта 1938 г. (на день ареста - начальник монтажного цеха НИИ техники связи РККА), обвинялся в принадлежности к антисоветской троцкистской группе, якобы существовавшей по его прежнему месту работы (фабрика “Шерсть-сукно”), и осужден постановлением Особого совещания НКВД СССР на восемь лет лишения свободы, наказание отбывал в Севвостлаге. По делу 1942 года был признан ближайшим сторонником Грязных.

После освобождения в начале пятидесятых годов проживал в пос. Арэк на территории Дальстроя. В июле 1954 года

был освобожден от ссылки, но продолжал работать там же.

По первой судимости был реабилитирован в апреле 1958, по “Горному делу” – в мае 1959 года.

С января 1955 года работал мастером Района высоковольтных сетей. Из характеристики 1958 года: “Работу выполняет хорошо. Неоднократно поощрялся приказами по Району ВВС и Топливо-энергетическому управлению.

Б.А.Грязных с женой. Ирпень под Киевом, начало 60-х

Участвует в рационализаторской работе. Дисциплинирован. Активно участвует в общественной жизни коллектива, является членом местного комитета. В быту поведения скромного”.

Николай Павлович Волков, 1908 г.р., уроженец г.Баку, русский, образование среднее, закончил подготовительное отделение кадров (так в документе. – А.Б.) Института красной профессуры, политическое – высшее, член ВКП(б) с 1927 по 1937 год. На момент ареста – нач. отдела кадров мех.-монтажн. базы Азнефтестроя. Арестован 24 ноября 1937 года, осужден 5 июля 1938 года выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР (под председательством Матулевича) как участник антисоветской троцкистской диверсионно-вредительской террористической организации на станции Кировабад Закавказской

Обвиняемые по "Горному делу":

- Грязных Б.А., Волков Н.П.,
- Земсков А.В., Ладейщиков В.А.,
- Люмкис И.О., Мазуренко М.П.,
- Олюнник Н.С.

железной дороги по ст. ст. 18-70, 72, 73 УК АзССР на десять лет тюремного заключения.

С сентября 1938 года отбывал наказание в Новочеркасском политизоляторе, затем был этапирован на Колыму. Отбывал наказание на приисках "Экспедиционный", с 1941 года – на ОЛПе "Речка Утиная". Здесь, как показывал Волков уже в пятидесятые годы, ему стало известно, что его дело 1938 года пересмотрено, приговор отменен, однако из-за начавшейся войны освобождения не последовало.

После приговора 1942 года отбывал наказание в КОЛПе "Пос. Нексикан", с 1949 года – на "Фролыче", в 1950-м – на "Челбанье" (здесь он мог встретиться с Грязных). Был освобожден из заключения с зачетом рабочих дней в ноябре 1950 года. Жил на участке "Октябрьский" прииска "Большевик" (до середины 1955 года – как сильно-поселенец), работал горным мастером, экономистом. "Выехал на постоянное жительство в ЦРС осенью 1953 года. По сообщению жены, скончался после операции в больнице г. Баку в мае 1959 года.

Николай Степанович Олюнник, 1910 (по другим данным 1907 или 1908) г.р., уроженец г. Ленинграда, русский, образование высшее, в 1931 году без отрыва от производства закончил электромеханический институт, по специальности – инженер-геофизик. Арестован 28 мая 1937 года и осужден 21 февраля 1938 года выездной сессией спецколлегии Западно-Казахстанского областного суда в г. Гурьеве за участие в контрреволюционной вредительской организации по ст. ст. 58-7, 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР на двадцать пять лет лишения свободы.

Через семнадцать лет, в июле 1954 года, будучи все еще заключенным, Олюнник обратился с первой, как он пишет, в своей жизни жалобой по поводу этого приговора на имя Генерального прокурора. Считая его несправедливым, он сообщал, что основанием для его осуждения послужила авария – обводнение трех скважин (убыток составил 528 тыс. руб.), происшедшая в его отсутствие по вине неопытных молодых специалистов. В жалобе он просил переквалифицировать приговор 1938 года в соответствии с мерой его вины. Однако еще в просьбе о помиловании, написанной после вынесения расстрельного приговора 1942 года, Н.С.Олюнник сообщал, что в марте 1941 года он получил извещение о пересмотре приговора 1938 года: "(...) но начавшаяся война задержала ход моего

дела". "Я еще молод, – писал он тогда, – и страшусь умереть смертью преступника. Я в силах исправить все свои ошибки на трудовом или если понадобится на военном фронте".

Н.С.Олюнник скончался в июле 1958 года в магаданской больнице от инфаркта левого легкого. Подводя итог его нелегкой жизни, ветеран Севера, известный магаданцам как автор книги "Человек рождается дважды", тогдашний директор Оротуканского завода В.С.Вяткин в последней характеристике на бывшего заключенного писал:

"Т. Олюнник Н.С. работал на Оротуканском заводе ремонта горного и обогатительного оборудования Дальстроя на Крайнем Севере с 1948 года. За время работы проявил себя как хороший знающий специалист электротехнического производства.

Активно участвовал в общественной жизни завода.

Т.Олюнник в течение ряда лет был председателем цехового комитета и членом завкома профсоюза.

Порученные работы выполнял аккуратно и своевременно.

В быту являлся скромным и отзывчивым товарищем.

Систематически повышал политические знания".

Игорь Осипович Люмкис, 1914 года р., уроженец с.Погребиче Погребиченского района Киевской области, еврей, образование – 2 курса педагогического института, профессия – школьный учитель. Арестован 2 августа 1937 года, осужден Особым совещанием НКВД СССР 8 июля 1938 года за КРД на пять лет лишения свободы.

К моменту второго ареста И.О.Люмкис срок наказания уже отбыл и подлежал освобождению. В прошении о помиловании он писал: "Я честно отбыл срок в лагере, я мечтал о том, чтобы вместе со своими 4-мя братьями участвовать в борьбе со злейшим врагом моего народа". Люмкис умер в магаданской больнице от двусторонней крупозной пневмонии 9 января 1943 года.

В конце пятидесятых годов сотрудники УКГБ разыскивали родственников И.О.Люмкиса в Киевской, Львовской и Одесской областях, чтобы известить их о реабилитации бывшего колымского заключенного, но никого (в том числе и названных обвиняемым на допросе в 1942 году четырех братьев – "Люмкис Рохмил, Бенедикт, Лев и Илья Осиповичи, проживали в г. Киеве и Одессе, советские и партийно-газетные работники") найти не удалось.

В 1996 году бывший киевлянин, а ныне профессор-геолог, живущий в Москве, Марк Бердичевский опубликовал в журнале "Континент" (№ 89) стихотворение "Возвращенье", посвященное памяти друзей, погибших в годы Великой Отечественной войны. Одним из них был Мун, Мунька Люмкис, убитый под Киевом в ноябре 1943 года:

И по-прежнему туманный стынет берег за Днепром,
Где в могиле безмянной Люмкис спит последним сном.
Оседают пыль развалин. Возвращается весна.
Мунька, в городе читален наступает тишина.
Слышишь, Мунька, книги мира без тебя лежат в пыли.
"Ладомира" Велимира в печке сволочи сожгли.
Над рекой желтели звезды и чернел разбитый мост.
Ты ли пил предсмертный воздух в этой сутолоке звезд?
Ты ли рвался в древний город, умирающий солдат?
Над тобой ли вился ворон, провожая в медсанбат?..

Кто знает, может быть, тот "умирающий солдат" Муны – не есть ли это уменьшительная форма от имени Рохмил? – был родным братом Игоря Люмкиса, испившего свой предсмертный воздух в Магадане еще в январе?

Валерий Александрович Ладейщиков, 1914 г.р., уроженец г. Лысьва, русский, образование незаконченное высшее, быв. член ВЛКСМ, был осужден в 1935 году спецколлекцией Свердловского областного суда по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР на семь лет лишения свободы, отбывал наказание в Севвостлаге, здесь встретился с Грязных, которого знал еще по совместной работе на Урале. К моменту повторного ареста В.А.Ладейщиков наказание по первому приговору отбыл и работал бухгалтером автотранспортной базы ЮГПУ (пос. Оротукан).

После вынесения второго приговора, в связи с душевным расстройством, которое он мужественно симулировал, находился в психиатрическом отделении центральной больницы УСВИТЛ (23 км осн. трассы). Здесь вместе с группой заключенных, сотрудников больницы (так судьба свела его еще раз с А.З.Добровольским, о котором я уже упоминал в этом очерке), был в третий раз привлечен к уголовной ответственности. Трех обвиняемых по этому делу, среди которых был и Ладейщиков, Военный трибунал войск НКВД при Дальстрое в декабре 1944 года приговорил к расстрелу, впоследствии расстрел был заменен на пятнадцатилетний срок лишения свободы.

Меру наказания отбывал на Теньке, в том числе и в лаготделении № 4 Берлага – на Бутугычаге. Освободился в 1954 году с зачетом рабочих дней. Работал электриком 1-го сетевого района в пос. Омчак. Продолжал, как и в юности, писать стихи. Печатался в первых выпусках альманаха “На Севере Дальнем” под псевдонимом Валерий Ладэ. В конце пятидесятых годов выехал в центральные районы страны. В 1958 году работал в Иркутске – главным энергетиком на строительстве холодильника, затем переселился в Краснодарский край.

Мазуренко Макарий Прокофьевич, 1911 г.р., уроженец с. Зеленый Рог Букского района Киевской области, украинец, образование – незаконченное высшее, преподаватель техникума.

Сын кулака-лишенца, М.П.Мазуренко с юных лет испытал многие из невзгод, выпадавших на долю социально-чуждого элемента. В первую очередь это коснулось получения образования. В 1929 году он был исключен из кооперативной профшколы, в которой успел проучиться два года, – за сокрытие своего социального происхождения. В 1934 году – из Киевского университета, куда поступил, по мнению администрации, “обманным путем”. В следующем году с той же формулировкой его исключили из Днепропетровского университета.

В сентябре 1935 года М.П.Мазуренко был арестован в Ташкенте, где тем же “обманным путем” получил должность преподавателя истории в горном техникуме, был обвинен в контрреволюционной пропаганде и осужден спецколлегией Верховного суда УзССР на восемь лет лишения свободы.

В лагпункте “Речка Утиная” был лекпомом, что давало ему возможность реально содействовать планам Б.А.Грязных по спасению наиболее “полезных родине” заключенных.

Мазуренко освобожден из лагеря еще в 1951 году, в 1954 году, после того как с него было снято и спецпоселение, выехал в Караганду. Здесь работал на автобазе учетчиком, ст. механиком, механиком по ремонту автомобилей. Заболел туберкулезом.

В марте 1958 года был в третий раз привлечен к уголовной ответственности. Судебная коллегия по уголовным делам областного суда установила, что “Мазуренко после освобождения из заключения, проживая в гор. Караганде в 1954–1958 годах, среди своего окружения проводил антисоветскую агитацию, высказывал злобные клеветнические измышления

в отношении политики Коммунистической партии и Советского правительства, охаивал советскую действительность”.

Проведенная на месте и амбулаторно (здесь исследования особой тщательностью не отличались) судебно-психиатрическая экспертиза установила, что Мазуренко страдает “душевым заболеванием в форме параноидального развития личности”. С тем же диагнозом, что и Грязных, Мазуренко был направлен в то же учреждение – Казанскую тюремную психбольницу.

Можно представить, какой была эта встреча друзей после пятнадцатилетней разлуки.

Уже через год М.П.Мазуренко удалось вырваться из этого учреждения. В марте 1960 года он был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР по приговору 1942 года – “по вновь открывшимся обстоятельствам”, т.к. авторитетная экспертиза института им. Сербского в его действиях тех лет признаков душевного расстройства не нашла, по мнению маститых ученых, оно у Мазуренко наступило несколько позднее. Решение о реабилитации было объявлено Мазуренко в одном из отделений милиции Караганды.

Кто хозяин в тундре?..

Сорок лет, если считать от его литературного дебюта, повести “На земле Чукотской” (Хабаровск, 1949 г.), до итоговой книги “Олень у порога” (“Современник”, 1989 г.), Север питал сюжетами творчество известного российского писателя Николая Шундика. При этом чем далее, тем более жизненный материал писателя (Шундик прожил на Чукотке семь лет – с 1939-го по 46-й, и позднее в эти места уже не возвращался) обрабатывался весьма политизированной фантазией автора. Результатом такого мифотворчества стало в книге “Олень у порога” противостояние белого шамана Атто и черного Вапыската, хотя такая узкая “специализация” (один шаман творит добро, а другой – только зло) авторитетными североведами никогда не фиксировалась.

Н. Е. Шундик

Спокойный и мудрый Атто на стороне тех, кто несет социальные преобразования в тундру, могучий и злой Вапыскат – их коварный противник, а между ними – сам герой-повествователь, двадцатилетний мальчишка, новичок в тундре, назначенный через год после окончания педтехникума заведующим “красной ярангой”. Таков сюжетный узел этой повести. У нас есть редкая возможность соотнести художественные построения писателя с реалиями тех лет по материалам одного из архивно-следственных дел, героем которого оказался все тот же Вапыскат-Вапыска.

Здесь следует напомнить, что те самые “социальные преобразования” растянулись в чукотской тундре на двадцать лет и были не только долгими, но и весьма драматическими. Объективным препятствием для проведения коллективизации явилось значительное социальное расслоение оленеводов – на

богатеев, владельцев тысячных стад, середняков, малоимущих и неимущих вовсе. Организовать столь разношерстную публику в одну компанию, в одно хозяйство было невозможно – богатые хозяева объединяться с голью перекатной за здорово живешь не желали. А вот эта самая голь, коль терять ей было нечего, к объединению была весьма согласна. Но что толку ее объединять – без оленей?

Советские и кооперативные органы на первых порах видели выход в том, чтобы выкупать для нищих товариществ поголовье у крупных оленеводов. Но, во-первых, оленеводы – видимо, понимая, к чему может привести создание, как мы бы теперь сказали, альтернативных хозяйств, не очень склонны были продавать оленей, дело доходило даже до коллективных бойкотов. А, во-вторых, там, где бедному товариществу и удавалось за счет государства разжиться кое-каким поголовьем, неумение вести хозяйство, да и откровенно потребительское отношение к делу быстро приводили его к упадку.

“Внутри товариществ и артелей появилось бесхозяйственное отношение к обобществленным средствам производства, – писал в монографии, посвященной социалистическому переустройству сельского и промыслового хозяйства Чукотки, кандидат исторических наук И.С.Гарусов, – (...) приобретенное на средства государства и кооперации общественное стадо оленей считалось общим, и члены товарищества начали устраивать массовые и довольно частые праздники. Так, в колхозе на Земле Гека Анадырского района, насчитывавшем 700 общественных оленей, зимой 1931-1932 г.г. было роздано на питание и израсходовано на праздники 350 животных. Были и другие ошибки. Чукотский райинтегралсоюз, к примеру, на базе колхоза “Новая жизнь” (в селе Чаплино и прилегающих к нему стойбищах) пытался создать колхоз “Гигант” типа коммуны. Здесь было обобществлено все личное имущество членов колхозов вплоть до яранг, собак и швейных машин, было организовано “коммунистическое” распределение продуктов: не по количеству и качеству труда, а по едокам”.

Нетрудно заметить, что ошибки в коллективизации, допущенные на далекой северной окраине, точь-в-точь повторяли неудачные шаги коллективизации, совершавшиеся в центральной России. И так же, как, скажем, в Тамбовской губернии, здесь декретировался высокий темп коллективизации – теперь уже

насильственным путем. 18 марта 1931 года оргбюро ВКП(б) по Чукотскому округу, сообщает Гарусов, дало установку на экспроприацию крупных кулацких хозяйств и передачу их имущества товариществам. В письме оргбюро ВКП(б) первичным партийным организациям говорилось: “В ближайшие два-три года провести сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса в Чукотском округе”.

Чукотка шагала в ногу со всей страной. Впрочем, и другие российские Севера тут не отставали. Урон был нанесен немалый. В результате допущенных ошибок произошло значительное снижение оленепоголовья. Но главным уроном от допущенных перегибов была утрата доверия. Не только к отдельно взятому социальному мероприятию, но и вообще к Советской власти, к которой на первых порах население Чукотки отнеслось с присущей ему доверчивостью, и даже более того – ко всем бледнолицым пришельцам.

Как у нас всегда водилось, потребовалось вмешательство центра, чтобы поправить ситуацию. Летом и осенью 1932 года ЦК ВКП(б) принял несколько постановлений, касающихся работы в национальных северных районах Сибири и Дальнего Востока. В одном из них, в частности, говорилось: “в районах народностей Крайнего Севера основное и главное внимание следует сосредоточить на организации лишь первичных форм производственного кооперирования (...) Организацию коммун категорически воспретить”.

Пос. Певек. 1936 г.

В 1933 году коллективизация оленеводческих хозяйств на Чукотке приблизилась к десяти процентам. Понадобилась значительная помощь государства, чтобы маломощные хозяйства, образованные малооленными тружениками тундры, стали постепенно развиваться, приносить своим участникам все больший и больший доход (а он был, и это зарегистрировано статистикой). Но и пять, и даже десять лет спустя процесс коллективизации все еще не был закончен. И все эти годы он встречал серьезное противодействие со стороны тех, кто не хотел поступиться своим богатством, своим положением, своей ролью в чукотской тундре.

Читаем об этом у Гарусова: “Бывший учитель Пильхенской школы Н. Шундик в 1941 году сообщил в Чаунский райком партии: «(...) ко мне приехали Мех, Кагле, Тнатлин. Рассказывали о постоянной контрреволюционной агитации шамана Ваннаката, кулаков Кукену, Тэнэлькау, Тнэт, которые всюду агитировали не признавать Советскую власть (...) требовали уходить дальше в тундру, чтобы избавиться от русских (...)”. Но уйти от Советской власти было уже невозможно.

Можно предположить, что названный Гарусовым шаман Ваннакат на самом деле звался Вапыскатом, – Н.Е. Шундик, автор заявления в райком партии, учитель и знаток чукотского языка, и спустя много лет употреблял именно эту транскрипцию его имени. Тем более что имена тех же Каглё и Тынатлина мы находим в первом же документе уголовного дела, возбужденного против шамана Вапыски в 1941 году.

В своем заявлении они писали:

“Просим райком партии принять меры против действий шамана Вапыскат, заключающихся в том, что он проводит систематическую агитацию против проведения всеобщего, травит лиц, способствующих организации школы. Отмечаем такой факт: брат Вапыскат Натат, будучи вызванным на заседание Рыркайпийского сельсовета, как человек, знающий в каких стойбищах есть достаточное количество ребят для организации школы, сказал, что в стойбище Тэнэлькеу есть, примерно, 7 ребят.

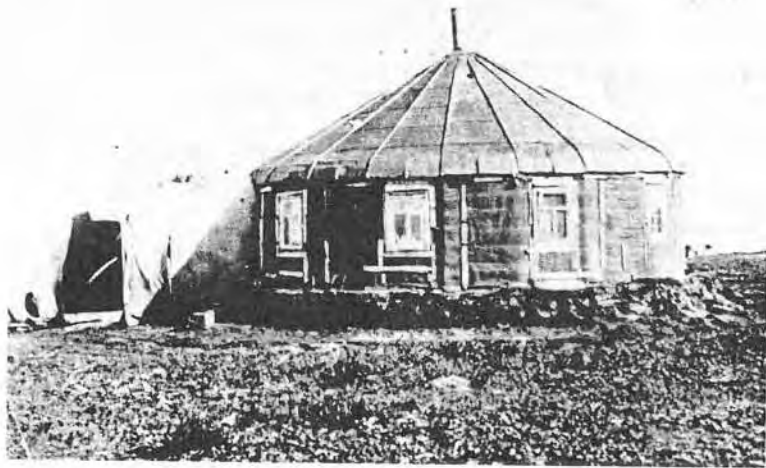
По первоначальному плану в стойбище Тэнэлькеу так должно было и быть. Но Тэнэлькеу и Вапыскат, который находился в стойбище Тэнэлькеу, решили сделать так, чтобы ребят в стойбище не было. И когда учитель кочевой школы Шундик прибыл почти к их стойбищу, узнал, что школу организовать невозмож-

но. А шаман Вапыскат сказал Натату, что ему мол нужно отрубить голову топором за то, что он сообщает такие сведения. Когда учитель кочевой школы Мех прибыл в стойбище Гэмана, для организации школы, Вапыскат будучи там произнес речь, заключавшуюся в том, что он призывал чукчей не отдавать ребят в школу, главным образом потому, что русские мол отъявленные сволочи.

Тынатлину и Каглё, которые призывали чукчей чтобы они помогали организовать школу Вапыскат заявил, что они мол за люди, что за начальники? кто им дает право так говорить?

Вапыскат проводит систематическую агитацию, чтобы кочевое население уходило, как можно глубже в тайгу, чтоб мол избавиться от русских. Вапыскат всюду призывает не признавать Советскую власть.

От граждан стойбища Каглё Каглё. Тынатлин.
От стойбища Укрольтыгина Укрольтыгин.
30 декабря 1940 года”

Чаунская культбаза. Одно из зданий школы-интерната. 1934-1936 гг.

Еще через неделю исполком Рыркайпийского сельсовета заслушал отчеты учителей кочевых школ Шундика и Меха об итогах работы в первом полугодии. Решение исполкома № 1 гласило:

“Вторая кочевая школа учителем Мехом не организована. Причины следующие: дети школьного возраста не охвачены школой в основном находятся в ст.ст. Кукене, Тынет, Гемена и Тыненькеу, среди этих людей ведет некто Вапыско антисоветскую работу и все его указания выполняются безупречно. Он утверждает, что население тундры прекрасно обойдется без школы и что-бы ребят не привлекали в школу надо кочевать в глубину тундры”.

Исполком постановил возбудить перед райисполкомом ходатайство о принятии мер к изъятию Вапыски (словно это был какой-то предмет) как явного антисоветского элемента. Копия этого решения была направлена прокурору.

17 марта начальник Чаунского райотдела НКВД сержант госбезопасности Зимин допросил в Певеке в качестве свидетеля Овтина Виталия Васильевича, 1915 г.р., члена ВЛКСМ, работавшего инструктором колхозного строительства при Чаунском Райзо. Тот показал:

“По решению Чаунского РИКа (...) в начале декабря 1940 года я как уполномоченный РИКа выехал в Рыркайпийский сельсовет по проведению инвентаризации всего имущества граждан Рыркайпийского сельсовета и сбору сельхозналога (...) Вместе со мною для проведения вышеуказанных мероприятий инструктор Чаунского РИКа Рынтыргин Иван Иванович, который был одновременно и переводчиком. В Рыркайпийский сельсовет прибыли 28 декабря, а в тундровые кочевые стойбища прибыли 9 января 1941 года. В стойбище кулака Гемо мы провели инвентаризацию и работу по сельхозналогу (...) После этого мы выехали в стойбище кулака Тынэнкео, в котором находился и шаман Вапыска. По приезде в стойбище Тынэнкео для беседы о проведении инвентаризации и сельхозналога мы собрали граждан этого стойбища (...) После нашей беседы Тынэнкео и Вапыска заявили, что эти мероприятия провести нужно. Тут же Тынэнкео заявил, что в его стаде нет учета по половозрастным группам, а поэтому надо провести этот подсчет; и в это же время точно не помню или Тынэнкео или Вапыска заявил, чтобы мы сначала поехали для проведения этой работы в стойбище кулака Кукэно, а за это время они подсчитают своих оленей и на следующий день я с Рынтыргиним выехал в стойбище Кукэно. В стойбище кулака Кукэно мы провели работу по инвентаризации и сельхозналогу без всяких сопротивле-

ний и после этого дня через три мы снова возвратились в стойбище Тынэнкео (...) там находились только Вапыска и мать Тынэнкео, а сам он выехал со своей женой к своему стаду, которое от стойбища находилось в 15-20 км. В беседе Вапыска заявил нам, что они подсчет по половозрастному составу в стаде не производили и производить не будут, т.к. от частых подсчетов будет падеж оленей. Это Вапыска заявил нам со своих шаманских убеждений. Тогда я предложил Рынтыргину поехать к стаду Тынэнкео или его вызвать от стада к стойбищу, но в беседе Вапыска Рынтыргину заявил, что Тынэнкео сюда не придет, а ехать к стаду мы не решились, т.к. у нас были собаки в измученном состоянии и поэтому мы выехали в стойбище Гаймылькота. По приезде в стойбище Гаймылькота мы собрали граждан этого стойбища для разъяснения о всеобуче. На этой беседе присутствовали Гемо, Вапыска, который приехал туда без нашего приглашения, а так же граждане, которые находились в стойбище Гаймылькота. На совещании по вопросу о всеобуче Гемо ничего не говорил, а Вапыска заявил, что он своих детей в школу посылать не будет, т.к. им нужно учиться пасти оленей и сохранять стадо, а в школе им делать нечего и пусть учатся дети членов товариществ по совместному выпасу оленей.

В своей яранге в присутствии меня и Рынтыргина Вапыска заявил – в товарищество вступать не буду, Советскую власть я не признаю, я сам хозяин в тундре, в своем стойбище (имея в виду и Тынэнкео) организовать школу не разрешу, в тундре много болеет народу в связи с тем что сюда ездят русские, будет время, когда будет много умирать народу, но на это не дал объяснения почему именно будет много умирать народу”.

Через месяц следствие продолжил пом. оперуполномоченного Кудинов. Он допросил там же, в Певеке, инструктора райисполкома Рынтыргина, а в следующие девять дней – всех свидетелей по делу. И хотя ни в одном протоколе место допроса не указано, можно предположить, что все они проводились в Певеке – не мог пом. о/у в считанные дни объехать всю рыркайпийскую тундру, а вертолетов в 41-м году на Чукотке, как известно, еще не было.

Свидетель Каглё, 1904 г.р., чукча, охотник-оленовод, бедняк, беспартийный, неграмотный, русский язык знает плохо: “(...) свое заявление поданное мною на имя Чукотский райком

партии я подтверждаю целиком и полностью (...) Вапыска все время идет против советских законов и призывает кочевое население не подчиняться Советской власти, не уплчивать сельхозналога и не отдавать детей школьного возраста в кочевые и стационарные школы. С целью сопротивления советским законам Вапыска сколотил вокруг себя актив из крупных хозяйств, кочевников Гемо, Тынэлькеу, Кукэно и других, которые в начале 1941 года категорически отказались от уплаты сельхозналога, отдавать детей в школу и ругали бедняков, что уплачивают сельхозналог и отдают детей в школу. Под видом шаманства Вапыска призывал коренное население, что если чукчи будут давать русским делать просчет оленей то будет падеж оленьего поголовья, в результате чего кочевое население отказалось делать инвентаризацию своего хозяйства. Среди кочевого населения Вапыска систематически ведет агитацию, чтобы чукчи не вступали в товарищества, т.к. у кочевников в товариществе отберут всех оленей и они пропадут (...)”.

Свидетель Энгино, 1912 года рождения, чукча, кандидат в члены ВКП(б), председатель товарищества “Пионер”: “На всем протяжении как я знаю Вапыска он всегда ведет антисоветскую агитацию, направленную против партийных и советских мероприятий проводимых в тундре. Так например: зимой 1939 г. я выехал в тундру с разъяснением среди коренного населения вопроса о вступлении их в товарищество “Пионер”. Беседу о товариществе я провел в 15 стойбищах и после моих бесед кочевники давали согласие, что они вступят в товарищество. На одной из моих бесед присутствовал и Вапыска, который во время моей беседы все время молчал, а спустя несколько дней я услышал от кочевников Тынагыргена и Каглё, что после того как я уехал из тундры Вапыска вел агитацию среди кочевников Рыркайпийского сельсовета чтобы они не вступали в товарищество, не признавали советских законов, не подчинялись русским, а чтобы избавиться от русских надо укачевывать в глубинные районы тундры. Вапыска говорил кочевникам, что до Советской власти чукотское население жило лучше (...)”.

А вот свидетель Тынатыргин, 1909 года рождения, чукча, из бедняков-оленоводоов, беспартийный, член товарищества “Пионер”, дал очень уклончивые показания: “Я с Вапыска ни разу не кочевал вместе, а поэтому рассказать о его поведении ничего не могу, но по заявлению кочевников Тынальхина, Каг-

лѐ, Укрольгына Вапыска ругает Советскую власть и не велит подчиняться русским”.

Будущий обвиняемый Вапыска был доставлен в Певек, вероятно, вместе со свидетелями (последнего из них Кудинов допросил 29 апреля). 30 апреля Кудинов подписал протокол обыска Вапыски, хотя ордер на его арест и обыск будет выдан только 10 мая. Изъяли самодельный нож типа финского.

В книге “Олень у порога”, жанр которой Николай Шундик определил как “говорения, что значит не совсем обычные размышления о сути вещей, размышления, в которых должно быть немало от исповеди”, однако обмолвился, что есть здесь и доля вымысла, и некоторое смещение событий в хронологии, и некоторые переименования, “черный шаман” Вапыска является одним из властителей чукотской тундры. В чем была сила этого человека? Чем достигалось его могущество? Вот как об этом говорится у Шундика:

*“Вапыска мог целыми сутками возиться с оленями наравне с пастухами (...) любил Вапыска мастерить нарты, обучать ездовых оленей, и тут ему не было равных. Умел он выбирать выгодный кочевой путь. Правда, не каждому кочевнику было дано выбрать тот путь, который вел через лучшие пастбища, за них приходилось сражаться. Вапыскат легко выигрывал сражения, пуская в ход всю свою силу шамана, к тому же гаймичилина – богатого человека. А это Ятто (по терминологии Шундика, “белый”, добрый шаман. – А.Б.) оправдать не мог.

– Злой Вапыскат и несправедливый! – с негодованием воскликнул он. И вдруг указал на луну: – Вот его светило – солнце злых духов. Он часто говорит, что может снять с неба луну и превратить ее в свой шаманский бубен. Я, конечно, не верю ему, но многие верят и трясутся перед ним от страха”.

Здесь следует заметить, что как писал еще Тан-Богораз в своем знаменитом исследовании “Чукчи”, шаманство некогда было весьма распространено на Чукотке на самом что ни на есть бытовом уровне, шаманский бубен имелся едва ли не в каждой семье и звучал в яранге так же часто, как в русской избе, может быть, балалайка. Однако уже в описываемое Тан-Богоразом время – а это самое начало двадцатого века – великие, всемогущие чукотские шаманы канули в небытие, о них сохранились лишь предания. Едва ли шаманское искусство в следующие сорок лет достигло расцвета.

У Шундика Вапыскат – богатый оленевод, в его стаде – несколько сотен оленей, на него трудятся малооленные, обездоленные соплеменники. Он, естественно, активный и хитрый враг Советской власти, а кроме того, растленный тип, пытающийся заполучить себе в качестве четвертой жены малолетнюю девочку. И именно герой “говорений” Шундика, мальчишка-учитель, препятствует ему в этом. Немало на счету Вапыската и других злодейств.

У Шундика “черный шаман” гибнет от руки соплеменника, обманутого им чукчи Янральвыня, который убивает, по наущению Вапыската, сначала дальстроевского заготовителя Льва Шломова, затем, в припадке ревности, богатого оленевода Вуквугэ, а потом и самого подстрекателя шамана Вапыската. Происходит это в “говорениях” Николая Шундика в 1944 году.

Но вернемся к архивно-следственному делу. Итак, Вапыска, 1899 года рождения, родился в тундре Рыркайпийского сельсовета, постоянного места жительства не имеет – кочевник, национальность – чукча, социальное происхождение – из бедняков-оленеводов, до революции – оленевод-бедняк, после революции – оленевод-кочевник, имеет 22 оленя (сведения о его богатстве Шундиком сильно преувеличены), образования не имеет, беспартийный, состав семьи – жена Выквына (единственная), сын четырех и дочь трех лет, брат Нотат, 1891 года рождения, кочует вместе с ним. Особые приметы – на правом глазу бельмо. На первом же допросе, 3 мая, Вапыска признал себя виновным целиком и полностью. 15 мая Вапыска согласился с тем, что действительно говорил о том, что до прихода Советской власти, при американцах, чукчи жили лучше, а также о том, что обещал отрубить брату Нотату голову.

“На путь антисоветской деятельности, – говорится в протоколе, – я стал потому, что мне не нравились советские законы и я ненавидел русских, которые приезжали в стойбища со своими разъяснениями о Советской власти (...) О своей шаманской деятельности могу сказать, что я в целях проведения антисоветских действий говорил чукотскому населению что, если будут считать своих оленей, то будет падеж оленьего поголовья (...) Я действительно проводил агитацию среди кочевого населения. Я считал, что если мы укочуем далеко в тундру, то туда не доедут русские”.

19 июля 1941 года Чукотский окружной суд Камчатской области Хабаровского края рассмотрел дело Вапыски и на основании ст. 58-10 УК РСФСР постановил подвергнуть его лишению свободы сроком на 10 лет и по отбытии наказания, на основании ст. 31 УК, лишить избирательных прав на два года. Приговор мог быть обжалован в Верховный суд РСФСР в течение 72 часов с момента вручения его копии осужденному.

Но в заключении Вапыска пробыл недолго. В том же месяце он ушел в побег. Последний документ, подшитый в его архивно-следственном деле, сообщает, что в настоящее время – а это был уже август 1942 года – местонахождение гражданина Вапыски не установлено.

Н.Е.Шундик, к которому я обратился с вопросом о том, чем же завершилась судьба “черного шамана”, писал мне в 1993 году:

“В лагере под Певеком был бунт. Там обезоружили охрану и часть заключенных бежала. Многие вернулись, но тридцать человек решили пробиться до мыса Дежнева и через Берингов пролив уйти на Аляску. Вел этих людей Вапыскат, который тоже бежал из лагеря, будучи уже заключенным. Банда использовала такой прием: в попадавшееся на пути стойбище вперед посылали Вапыската, тот говорил соплеменникам, что вслед за ним идет экспедиция, ей нужны одежда, запасы мяса, нарты, собаки. Чаще Вапыскат получал отказ. И тогда банда нападала на стойбище, насиловала женщин, всех убивала, даже детей. А Вапыскат погиб так. Пришел в стойбище с той же целью, его как гостя в пологе угощали чаем. И тут напали бандиты. Ворвались в полог, где Вапыскат пил чай. Сидел он, обнаженный до пояса, спиной к чоургыну (входу в полог), бандит не узнал его, вогнал в него нож. Вот такова судьба этого человека, однозначно к ней относиться невозможно”.

Мне представляется сомнительным, чтобы этот факт – групповой побег из лагеря, сопряженный с такими бесчинствами, прошел мимо внимания милиции и не оказался хотя бы отчасти отраженным в материалах архивно-следственного дела Вапыски. Возможно, что это одна из многих легенд тех лет – ведь бежать на Аляску мечтали даже заключенные колымских лагерей, только вот неизвестно, чтобы кому-то это удалось...

Официальную черту под судьбой осужденного Вапыски подвело в феврале 1989 года определение Президиума Магаданского областного суда, констатировавшее, что органы след-

ствия и суда, занимавшиеся в 1941 году делом “черного шамана”, дали, оказывается, его действиям неправильную юридическую оценку, признав их антисоветскими, а потому нынешняя магаданская судебная инстанция приговор Чукотского окружного суда отменила и дело в отношении Вапыски прекратила – за отсутствием в его действиях состава преступления.

Магаданский областной суд действовал в данном случае на основании Закона о реабилитации, ст. 4 которого именно так и предписывает поступать в отношении лиц, некогда осужденных за антисоветскую агитацию. И здесь, как мне кажется, присутствует не только весьма односторонний, но и лишенный историзма подход к прошлому.

По делу доказано, что Вапыска совершил действия, составляющие преступление, предусмотренное статьей уголовного кодекса. Совершил реальное преступление. Отчего же ныне оно должно таковым не считаться? Оттого, что власть и ее политика переменялись?

Но история-то осталась. И над ее ходом, над тем, как тогда развивались события и кто кем был тогда, – разве нынешние законы имеют силу? Нет, то, что было, – то было. И того не переделать никаким новым законом.

Побег 12-ти каторжников

Это решение пришло незаметно, словно само собой, и было, как я теперь понимаю, неизбежным. Занимаясь на протяжении нескольких лет по документам бывших УНКВД-УВД по ДС-СДС и СВИТЛ историей лагерной Колымы, знакомясь с воспоминаниями бывших заключенных и вольнонаемных работников Дальстроя (последний пласт относительно мало интересует современных историков), я не мог – пусть на первых порах и весьма разрозненно – не соотносить получаемые таким вот образом сведения с широко известными “Колымскими рассказами” Варлама Шаламова.

Первым публичным опытом такого соотнесения стал очерк “Столь долгая необходимость” (опубликованный в апреле 1991 года магаданской газетой “Территория” с большими сокращениями и под чужим заголовком “Инженер Демидов: в СССР демократии не существует”), в котором я сравнил отдельные моменты подлинной судьбы бывшего колымского заключенного с тем, как они были представлены Шаламовым в рассказе (с вполне узнаваемым прототипом) “Житие инженера Кипреева”.

В следующий раз мне удалось сопоставить некоторые документально известные факты судьбы героини шаламовского рассказа “Аневризма аорты” с тем, как они отражены в этом литературном произведении, в интервью корреспонденту ГРТК “Вологда” (впрочем, у меня нет уверенности в том, что эта часть из сказанного мной действительно пошла в эфир).

Нынешняя попытка, таким образом, третья. Я оставляю для финала обоснование необходимости таких попыток и в будущем, а теперь, что называется, к делу.

На этот раз предметом рассмотрения станет один из самых известных рассказов “колымского летописца” (а именно так Шаламова представляют не только читатели, но и многие исследователи) – “Последний бой майора Пугачева”. Рассказ заметно выделяется из всего написанного Шаламовым – прежде всего, характерами и действиями его героев. Это не униженные и обездоленные страдальцы – борцы, бывшие бойцы и командиры Красной Армии, предпринявшие дерзкую, рисуемую как героическая (моральная оценка действий беглецов при этом у писателя, а вслед за ним и читателя как бы отступает на второй

план), попытку побега из колымского лагеря. В рассказе нет реалий мучительного лагерного быта, весь он – о жажде свободы и о последней, высшей плате за нее. Рассказ, населенный красивыми, мужественными, знающими себе цену людьми, а не жалкими лагерными доходами. Традиционное шаламовское представление об узнике, проникнутое мизантропией, неверием в духовные силы человека, здесь словно отступает перед самой героичностью факта.

Однако размышления об этом рассказе (и поразительном в истории Колымы факте) оставались для меня долгое время словно бы беспочвенными. Допустим, думал я, все так или почти так и было – но когда, где, с кем? Время действия еще можно было предположить относительно точно – вторая половина сороковых (ясно, что после войны, но едва ли – много после: слишком силен, неистрачен еще заряд вольности и мести, едва ли эти чувства могли долго существовать в душе колымского сидельца). Место действия – ясно, что не побережье, не Чукотка, не Якутия. А вот участники... У большинства из них довольно распространенные фамилии. Никакие иные анкетные данные (имя, год и место рождения) не названы, да и есть ли гарантия, что фамилии подлинные?..

Работники архива Магаданского УВД, весьма загруженные в тот период работой, – шла вторая волна реабилитационного процесса, конец восьмидесятых, едва ли согласились бы выполнить мою просьбу, располагая вот такими скудными установочными данными.

Да и была ли вообще эта история в действительности? Не могла ли в свод “колымского летописца” попасть и просто красивая легенда?

Какое-то время спустя добрался до Магадана заключительный том солженицынского “Архипелага ГУЛАГ”. И штудирю его с карандашом в руке, натыкаюсь на такие вот строки:

“В 1949 году в Берлаге, в лаготделении Нижний Аттурях, началось примерно так же: разоружили конвоиров; взяли 6-8 автоматов; напали извне на лагерь, сбили охрану, перерезали телефоны; открыли лагерь. Теперь-то уж в лагере были только люди с номерами, заклеянные, обреченные, не имеющие никакой надежды.

И что же?

Зеки в ворота не пошли...

Те, кто все начал, и терять им было уже нечего, превратили мятеж в побег: направились группой в сторону Мылги. На Эльгене-Тоскане им преградили дорогу войска и танкетки (операцией командовал генерал Семенов).

Все они были убиты”.

В этом кратком описании присутствует что-то похожее на указание времени и места действия: 1949 год, Нижний Ат-Урях, Мылга, Эльген-Таскан, т.е. район Северного горно-промышленного управления Дальстроя И вот тут память моя, память журналиста, начинавшего работу на Колыме 35 лет назад, начала мне что-то подсказывать. Мне стало казаться, что я сумею найти конец нити, который позволит распутать весь этот клубок, потому что, видимо, и В.Т.Шаламов, и А.И.Солженицын рассказывают об одной и той же истории, а произошла она...

Но кто еще мог знать и рассказать о ней? Видимо, Демант. Теперь уже знаменитый Петр Зигмундович Демант, о существовании которого – он работал грузчиком в Ягоднинской продконторе УРСа – я знал еще в шестидесятые годы. В 1946 году, будучи административно высланным и находясь в Пудинском районе Томской области, он был осужден Военным трибуналом Томского гарнизона по редкостному и для тех лет набору статей УК РСФСР – 58-1а (измена родине), 17-58-8 (покушение на теракт), 58-10 ч. 2 (контрреволюционная агитация и пропаганда), 58-11 (участие в контрреволюционной группе) и 58-14 (контрреволюционный саботаж) на 10 лет лишения свободы. В конце сороковых он был заключенным здесь, на территории СГПУ, а потом еще два десятка лет оставался в Ягодном, хотя официально от ссылки был освобожден в 1956 году. В 1992 году под псевдонимом Вернон Кресс он выпустил книгу – автобиографический роман “Зекамерон XX века”.

Могла ли история вооруженного побега заключенных как-то отразиться в его книге? Оказалось, что могла, и заняла в этом интереснейшем и щедром на факты описании более двух страниц. Поскольку книга вышла небольшим, всего пять тыс. экз. тиражом и малоизвестна даже тем, кто внимательно следит за публикациями по нашей колымской истории, я приведу из книги П. Деманта пространную цитату:

“Около одиннадцати вечера к лагерной вахте подошли нарядчик, в прошлом власовский офицер, двадцатипятилетний, и его дневальный. “Чифир принесли”, – сказал нарядчик. Услы-

шав заветный пароль, дежурный пропустил их через маленькую дверь в помещение. Дневальный поставил на стол котелок с чифиром и огляделся по сторонам. За столом сидели два надзирателя, перед ними лежал наган.

“Чифирнем?” – спросил нарядчик приветливым тоном, подойдя к столу. И вдруг повернулся, швырнул одному надзирателю в глаза горсть перца и схватил наган. Одновременно дневальный кинулся ко второму надзирателю, мгновенно заломил ему руку за спину, набросил на шею проволочную петлю и стал душить. Скомандовал: “Ни звука!” – нарядчик, держа обоих врагов на мушке, перерезал провод.

Потом они раздели и связали дежурных. Натянув на себя военную форму, выпустили из лагеря шесть зеков, вместе с ними незаметно проникли в казарму, разоружили еще несколько надзирателей и обобрали склад оружия и боеприпасов. Затем вернулись в лагерь и начали выводить заключенных.

Они намеревались освободить все лагеря в долине Ат-Ур-яха, чтобы легче было исчезнуть в многотысячной толпе. Но пост на вышке возле ворот заметил, что зеки выходят не бригадами, и выстрелил из автомата, когда понял, что провод перерезан. Его тут же скосили очередью, но момент неожиданности был упущен. В соседних лагерях подняли по тревоге бойцов и надзирателей, выехали грузовики с опергруппами; кое-где солдаты обстреливали друг друга, в небо летели ракеты, связь была нарушена, и никто ничего толком не знал.

Толпа полуголодных, измученных людей хлынула по дороге в направлении к колымской трассе. Их скоро остановили оперативники на грузовике: стреляя поверх толпы, заставили лечь, потом погнали обратно в лагерь, заперли в бараках и стали избивать подряд, без разбора. Одна машина остановилась на перекрестке, чтобы закрыть беглецам дорогу.

Из придорожных кустов на нее обрушился сильный пулеметный огонь. Бойцы так и не успели выпрыгнуть – их сразили наповал. Водитель, получив пушечный выстрел в упор, вывалился из кабины, но не потерял сознание. Он видел, как из кустов выскочили люди в военной форме, выбросили из кузова трупы, погрузили два пулемета, ящики с боеприпасами, несколько винтовок и автоматов, как восемь человек сели в машину и она умчалась по большой дороге.

К рассвету в районе подняли гарнизоны, в лагерях закрыли на замок все бараки, усилили посты на вышках. Из охранного

дивизиона в Оротукане выехали мощные “даймонды” с солдатами. С сеймчанского аэродрома вылетели самолеты в поисках угнанной машины.

В лагере прииска имени Максима Горького всех зеков выгнали на линейку, поставили на колени по пяти и начали выявлять отсутствующих. После бесчисленных криков и пинков – ведь нарядчик, который лучше всех знал в лагере людей, бежал – установили личности беглецов. Семь из них были в прошлом военными, власовцами, и еще один – немой узбек, осужденный за убийство милиционера. Народ загнали обратно в бараки, против дверей поставили пулеметы и предупредили, что будут стрелять по первому, кто посмеет открыть дверь. В ходе проверки производили повальный обыск, результатом которого были фантастические кучи из пожитков”.

Я не касаюсь сейчас весьма заметных разночтений, которые имеются в этих трех версиях – Шаламова (рассказ которого, я надеюсь, читатель держит в памяти), Солженицына и Деманта. Но и не упуская их из вида, можно предположить, что речь у каждого из авторов идет об одном и том же событии. П. Демант, кстати, предельно точно, хотя и не совсем верно (это выяснится позднее), называет его дату – ночь с 21 на 22 июля 1948 года. И, конечно, тот же район – СГПУ. Художественное произведение как бы получало историческую прописку. Можно было начинать розыск.

Я начал его с поисков собственной старой записной книжки. Здесь нужно кое-что пояснить. Дело в том, что я начинал свою трудовую жизнь на Колыме – после окончания юридического факультета МГУ – в качестве стажера Магаданской городской прокуратуры. Я ненадолго задержался тогда в этом учреждении, уже в январе 61-го меня сманил “Магаданский комсомолец”, но и после ухода из прокуратуры сохранились какие-то товарищеские связи, более того – один из недавних коллег, прокурор следственного отдела областной прокуратуры Борис Комиссаров (тоже, кстати, выпускник юрфака МГУ, окончивший его несколькими годами раньше) приютил меня, тогда совершенно бездомного, в своей комнате в коммунальной квартире. А потому, уже не работая в прокуратуре, я продолжал туда иногда заходить по какой-нибудь нехитрой бытовой нужде или просто общения для. И вот теперь, через 35 лет, я вспомнил, что зайдя туда как-то раз (за ключом от комна-

ты), я увидел на столе у Б. Комиссарова пухлые тома старых уголовных дел, то есть, вероятно, такие тома присутствовали в его кабинете постоянно, но на этот раз они чем-то привлекли мое внимание.

Не думаю, что это произошло потому, что хозяин кабинета сказал мне что-то вроде “посмотри вот...” или “а знаешь...” Скорее, том был открыт на определенном месте или я, листав его мимоходом, на это место наткнулся – не помню, но как-то так получилось, что я увидел фотографии: тела людей в ватниках, рассеченные поперек, как разрезанные, автоматными очередями.

Помню, что на мои расспросы о том, что произошло, Борис отвечал весьма сдержанно: “Бежали, их догнали, а потом, видимо, расстреливали в упор...”, но разрешил, снизошел до моей просьбы переписать имевшийся там же, в деле, маленький дневничок одного из участников побега.

Естественно, что хозяин кабинета попросил меня нигде не распространяться об этой истории и дневник никому не показывать – документы секретные. Мне нетрудно было выполнить эту просьбу, тем более что ни о каком использовании полученных таким вот частным образом сведений в ту пору не могло быть и речи. Едва ли я сумел бы тогда объяснить, почему я так хочу этот дневник переписать.

И вот теперь нужно было найти ту записную книжку – а вы можете представить, сколько их накопилось за 35 лет!..

Но книжка нашлась. Запись начиналась так:

“Дневник группы Тонконогова. Июль 1948 г.

26 июля 1948 г.

Скоро сутки, как мы свободные граждане. Как-то легче дышится, иначе светит солнце. Ты идешь, дышишь на полную грудь и рассматриваешь по сторонам. Боже мой! Как дорога воля человеку и сколько бывает нужно переносить страданий, горя прежде нежели опять испытывать это трепетное биение сердца. Животное, птица и те хотят на волю, если они в клетке, а то человек. Как мне осточертели эти “разводы”, “отбой”, “подъем” и прочее. А какой террор создал нач. в лагере – невозможно. Только и ругается. А безобразия, которые завели на кухне. Вахтеры там, надзиратели там, Васильев там, инспектора УРЧ, КВЧ – там. Уж как снимут пробу, то котел до (неразборчиво. – А.Б.) пуст.

Васильев крадет сахар на дом в таком количестве, что все говорят "чай сегодня несладкий, Васильев дежурит (жена зав. кухней)". Но бог с ней со всей той прошлой жизнью – живем настоящим. Нас 12 чел. Имеем пулемет, 7 автоматов, 3 винтовки, 3 нагана, бинокль, компас и достаточное количество амуниции.

19 августа 48

ИЮЛЬ	№	Дни	число			
			9	16	23	30
	1	Понед.	9	16	23	30
	2	Вторн.	10	17	24	31
	3	Среда	11	18	25	
	4	Четвер	12	19	26	
	5	Пятниц	13	20	27	
	6	Суббота	14	21	28	
	7	Воскрес	15	22	29	
	31					

25.VII Вышли на волю
 26.VII - Бой с бойцами и против
 27.VII - Пересекли обморо, подошли
 к реке
 28.VII Утр. Путь на мост через болота
 29.VII Мост на реке Подвод Гора
 30.VII Сенокосы на Подвод Гора
 31.VII Ночев у реки или М. Гора
 1.VIII Возврат к сенокос в засаду
 Подвод Гора или М. Гора
 2.VIII Спали на Горе реки
 М. Гора

Страница из дневника В.М.Худенко

Сегодня весь день проходит в усиленном марше. Нас конечно преследуют. Мы очень уставшие, но бодрые духом и в настроении.

Враг настигает, примем первый бой".

Что "сошлось" при первом же сравнении с рассказом Шаламова и сведениями о побеге у Солженицына и Деманта?

Время – первый раз названное в "Архипелаге ГУЛАГ", уточненное в "Зекамероне XX века" – теперь уже можно было считать установленным совершенно точно – 25 июля 1948 года.

Количество бежавших, как и у Шаламова, 12 человек.

Запись в дневнике: "Имеем пулемет, 7 автоматов, 3 винтовки, 3 нагана, бинокль, компас и достаточное количество амуниции" соответствует фразе у Шаламова: "Пугачев не велел брать никаких продуктов, кроме галет и шоколада. Зато оружия и патронов было взято сколько можно". Продовольствие у беглецов – это сказано в дневнике дальше – действительно отсутствовало, но совсем по другой причине.

Упоминаемые ниже в дневниковой записи река Таскан, приск имени Водопьянова, пос. Эльген-уголь, подлагпункт "Ледяной", река Хатыннах легко обнаруживаются на карте Северного горно-промышленного управления, то есть подтверждаются сведения о месте действия, сообщенные П.З.Демантом.

Не "сошлась" – по крайней мере, пока что – ни одна из фамилий с теми, что называет в рассказе Шаламов (у него их, напомним, одиннадцать и только один персонаж никак не назван). Но это меня менее всего смущало. Во-первых, в дневнике названы фамилии только трех участников побега: руководитель Тонконогов, в одной из следующих записей – Игошин и Янцевич (один из них Миша, Михаил), – возможно, когда я узнаю фамилии девяти остальных, кое-какие и совпадут с указанными Шаламовым (так и произошло потом). Во-вторых, Шаламов получил эти сведения лишь из вторых-третьих-четвертых рук – было бы удивительно, если бы при этом он точно знал все фамилии. И, наконец, в-третьих, Шаламов писал не исторический очерк – рассказ, и при всем противоречиво-агрессивном отстаивании бывшим колымским сидельцем особых достоинств своей "новой прозы" и прежде всего ее достоверности (к этой позиции я еще намереваюсь вернуться) – художественное произведение не может и не должно следовать каждой исторической реальности, тем более – не самой крупной.

Куда важней для меня в тот момент было то, что подлинные фамилии участников побега присутствуют в дневнике. Вот их-то и следовало запустить в архивный розыск.

Ну а теперь представим на миг нечто фантастическое и громоздкое – гигантский вращающийся барабан, из которого под любое устраивающее вас музыкальное сопровождение – от мелодичных позваниваний электроники и сухого стука шаров, как при игре в “Спортлото”, до истошного воя и визга, которые издает черпаковая цепь драги, поднимая из мутного котлована коричневую жижу с крупинками золота, будут извлекаться заказанные нами судьбы людей – в виде тоненьких, потрепанных папочек Личных дел заключенных. Представим и оставим этот страшный механизм поработать-постучать-поплакать: ему не так просто отыскать требуемое, да и посомневаться-поскрипеть ему в его неторопливом движении потребуется не раз – с затребуемых нами персоналий все еще не снят гриф “секретно”, так что давать ли – нет ли? а если нет, то почему?..

Обратимся пока к сведениям общего порядка.

Вопреки устоявшемуся представлению можно – со ссылкой на документы – утверждать, что Дальстрой и в годы войны не переставал снабжаться рабочей силой, хотя, возможно, ее поступало и гораздо меньше, чем требовалось. Так, в 1942 году было привезено всего лишь около 5 тыс. заключенных.

Возможно, что эти этапы не были столь гарантированными, как раньше, и каждый раз начальнику Дальстроя Никишову приходилось доказывать их необходимость на очень высоком уровне, а ему в ответ, прежде всего, советовали экономить рабочую силу (в годы войны к заключенным на Колыме относились бережливее, чем раньше). Но так или иначе, этапы доставлялись в бухту Нагаева: в 1943 году – 13783 человека, в 1944 году – 25714 человек...

Еще в апреле 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ с очень длинным названием – “О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников”. Он предусматривал ответственность и немецких, и советских граждан. Необычными были меры нака-

зания. Для виновных предусматривалась смертная казнь – через повешение (ст. 1) или (ст. 2) каторжные работы на срок от 15 до 25 лет. Таких видов наказания ранее действовавшее законодательство не знало.

Позднее санкции, предусмотренные ст. 2 указа, стали применяться и к лицам, осуждавшимся за измену родине по соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик. Осужденные-каторжане шли отдельной строкой в гулаговском делопроизводстве, принято было различать и писать – з/к ИТЛ и з/к КТР.

В 1948 году, к которому относится наше исследование, в системе ГУЛАГа происходило выделение Особого лагеря. В нем должны были быть сконцентрированы лица, осужденные за особо опасные государственные преступления, в том числе и з/к КТР. По чьей-то нехитрой фантазии отделения Особого лагеря, появившиеся в разных районах страны, получали чисто географические названия: Степлаг, Речлаг, Озерлаг, Дубровлаг... Необходимыми условиями выбора района, где должно было появиться отделение Особого лагеря, были его отдаленность и неблагоприятные климатические условия.

В доскопальной Справке, подготовленной в Магадане в тот организационный для Особого лагеря период, на этот счет говорилось:

“К географическим особенностям района (деятельности Дальстроя. – А.Б.) следует отнести приполярность и расположение значительной части территории за полярным кругом, тундровый характер большей части поверхности, а также огромную отдаленность от центра СССР (от Москвы до Владивостока по железной дороге 9.380 км и от Владивостока до Магадана по морю 3.250 км).

К физическим особенностям района относятся вечная мерзлота почвы, очень низкая температура горной местности, сильные туманы (холодные и плотные) на побережье морей. Температура в отдельных случаях в зимнее время, например, в районах Янского и Индигирского горно-промышленных Управлений падает до 65-70 градусов. Продолжительность зимы 7-8 месяцев, в течение которой бывают сильные метели. Климатологи отмечают, что нигде в Советском Союзе метели не достигают такой силы и продолжительности, как на Охотском побережье и в Чукотско-Колымском районе”.

На территории Дальстроя в тот период организовывалось 5-е отделение Особого лагеря, получившее название “Береговой лагерь”, или в сокращении Берлаг.

К тому моменту Дальстрой был могучей силой. Он имел семь горно-промышленных управлений, в составе которых действовали 53 прииска и рудника, 4 золоторудных и горнорудных комбината, 13 обогатительных фабрик, а также 78 других предприятий, управление Чукотского строительства (строился Иультинский вольфрамовый комбинат), Колымское речное пароходство, управление дорожного строительства, “Дальстройуголь” с шахтами в шести угольных районах, управление морского пароходства (четыре собственных океанских парохода), авиаотряд (девять двухмоторных самолетов Ил-12 и Ли-2), управление автотранспорта (3300 грузовых автомобилей, 154 легковых и 47 автобусов), несколько заводов, 13 электростанций, предприятия местной промышленности и сельского хозяйства.

165 предприятий Дальстроя имели союзное значение. Деятельность Дальстроя распространялась на территорию в 2 млн. 600 тыс. кв. км, что на 400 тыс. кв. км превышало площадь будущей Магаданской области.

Характерен состав трудоспособного населения региона. По состоянию на 18 августа 1948 года на всех предприятиях и в учреждениях Дальстроя работали 219.392 человека. Из них:

вольнонаемных – 85.041, в том числе бывших заключенных 47.960, или 56,4%,

(в числе вольнонаемных был 601 ссыльный, еще 13 тыс. вольнонаемных из числа бывших заключенных предполагалось обратить в ссыльных в ближайшее время),

спецпоселенцев – 29.523,

заключенных – 104.828, из этого числа в Особый лагерь предполагалось заключить 31.100 человек (из чего можно заключить, что, вопреки распространенному убеждению, общее количество “58-й статьи” в СВИТЛе составляло и в тот период менее одной трети от общего количества заключенных).

Поскольку действие нашего рассказа будет происходить на территории нынешнего Ягоднинского района, приведу соответствующие данные и по этому региону.

В Северном горно-промышленном управлении в 1948 году из горных предприятий имелось 14 приисков, два рудника, золоторудный комбинат и золотоизвлекательная фабрика.

Всего на предприятиях и в учреждениях района работали 25.013 человек, из них:

вольнонаемных – 8.869, в том числе бывших заключенных 6.748 человек, или 76%,

спецпоселенцев – 5.587 человек,

заключенных Особого лагеря – 4.300, в том числе 2.300 каторжан и 6.567 заключенных Севвостлага, всего заключенных 10.867 человек.

3/к КТР Севлага (лагерное подразделение, обслуживавшее СГПУ) находились в лаготделении № 3 на прииске имени Максима Горького, в 50 км от пос. Ягодный. Отделение имело пять лагпунктов с количеством 1.000, 200, 450 и 250 человек (плановые цифры, на практике существовали некоторые отклонения, как правило – в сторону превышения).

На территории Дальстроя 3/к КТР находились также в лаготделениях № 4 (“Бутугычаг”, Тенькинское ГПУ) – 2.200 человек, и № 9 (“Эльген-уголь”, Юго-Западное ГПУ) – 1.500 человек. Всего на предприятиях Дальстроя в 1948 году работали около 6 тысяч 3/к КТР.

Я рассказываю об этом так подробно потому, что до сегодняшнего дня конкретных сведений о присутствии заключенных-каторжан на Крайнем Северо-Востоке в печати не приводилось.

И тут машина колымских судеб – тот самый неправдоподобно громадный барабан – буднично звякнув: “Пришло ваше дело!”, выдала первый ответ на мой вопрос.

Личное дело заключенного № Г-878/КТР – номер “литерный”, с буквой – такие станут носить на одежде заключенные-берлаговцы; до организации на Колыме отделения Особого лагеря литературные номера имели только 3/к КТР. Собственный, архивный номер дела – 3-123180, где первая цифра – индекс, обозначающий, что заключенный умер – от болезни, замерз, убит при попытке к бегству, погиб на производстве – “ушел под сопку”, “убыл в Третий архив”, зековско-свитловское определение тех лет. Удивительно, что индекс “3” сохранился и в нынешней архивной практике. А сам архивный номер – 123180 – номер порядковый: именно столько их, колымских заключенных, и ушло “под сопки” по разным причинам, начиная с 1932 года и по декабрь 1948 года, когда была зарегистрирована смерть вот этого – № Г-878/КТР.

Янцевич Михаил Ульянович, 1917 г. рождения, уроженец г. Слуцк Минской области, украинец, из крестьян-кулаков, образование семь классов, беспартийный, служащий.

Далее – из установочной части приговора Военного трибунала войск НКВД Волынской области, рассмотревшего его дело в г. Луцке в январе 1945 года:

“Подсудимый Янцевич до оккупации противником Волынской области, во время существования Советской власти на территории Западной Украины, работал председателем сельпо, Рагновского района и как руководящий работник района имел отсрочку от призыва в Красную Армию. При отступлении Красной Армии ЯНЦЕВИЧ имел возможность эвакуироваться в тыл Советского Союза, остался на территории оккупированной противником.

С приходом немцев в Рагновский район в июне 1941 г. ЯНЦЕВИЧ поступил на работу председателем Райпотребсоюза, где проработал в течение двух лет, заготовил и сдал для немцев сушеной черники 1,5 тонны и сушеных грибов 3 центнера, производил отоваривание заготовок немецкими властями местного населения. Проживая на оккупированной территории ЯНЦЕВИЧ входил в организацию руководителей организации (так в документе. – А.Б.) немецко-украинских националистов, расклеивал листовки в м. Рагно националистического характера и писал лозунги немецко-украинских националистов м. Рагно. Кроме того, ЯНЦЕВИЧ носил “Грозу” – герб немецко-украинских националистов”.

Трибунал квалифицировал действия Янцевича по ст. 2 названного выше указа от 19 апреля 1943 года и определил ему меру наказания в 15 лет каторжных работ плюс пять лет поражения в правах и конфискация личного имущества. Срок наказания исчислялся с 1 ноября 1944 года.

Во Владивостокское отделение Севвостлага Янцевич прибыл с Днепропетровским этапом 31 мая 1945 года (можно представить, каких именно осужденных везли в тот период с Украины и как много их было, если сформировался целый этап – а это, видимо, несколько тысяч человек). Несмотря на не бог весть какие физические данные (рост 155 см, по анкете арестованного) и “интеллигентскую” профессию (бухгалтер) Янцевич занял в лагере твердое и выгодное положение, о чем свидетельствует

и составленная уже после побега производственно-бытовая характеристика:

“Работал бригадиром забойной бригады на участке № 3 под его руководством бригада систематически перевыполняла производственные задания, за что неоднократно бригада премировалась, дисциплинированный, среди з/к з/к пользовался авторитетом, в быту себя вел добросовестно и аккуратно, ни каких нарушений не имел, среди з/к з/к вживчив”.

Табель рабочих дней Янцевича за январь–июнь 1948 года дает сведения о постоянном перевыполнении плана. Причем это перевыполнение, не зная сбоев, постоянно растет – со 116 процентов в январе до 140 процентов в июне. Справка-аттестат сообщает, что “выбывший в побег” Янцевич “удовлетворен котловым довольствием и хлебом по 25/VII 1948 г. включит. по норме питания III – третья категория и хлеба 1.300 кгр”.

А теперь цитата из рассказа В.Шаламова: “У ног его (Пугачева. – А.Б.) лежит летчик капитан Хрусталева, судьба которого сходна с пугачевской. Подбитый немцами самолет, плен, голод, побег – трибунал и лагерь. Вот Хрусталева повернулся боком – одна щека краснее, чем другая, налегал щеку. С Хрусталевым с первым несколько месяцев назад заговорил о побеге майор Пугачев. О том, что лучше смерть, чем арестантская жизнь, что лучше умереть с оружием в руках, чем уставшим от голода и работы под прикладами, под сапогами конвойных.

И Хрусталева, и майор были людьми дела, и тот ничтожный шанс, ради которого жизнь двенадцати людей сейчас была поставлена на карту, был обсужден самым подробным образом. План был в захвате аэродрома, самолета. Аэродромов было здесь несколько, и вот сейчас они идут к ближайшему аэродрому тайгой.

Хрусталева и был тот наш бригадир, за которым беглецы послали после нападения на отряд – Пугачев не хотел уходить без ближайшего друга. Вот он спит, Хрусталева, спокойно и крепко”.

Как станет мне известно позднее, именно Янцевич станет тем бригадиром, проживавшим в другом бараке, за которым послал Тонконогов после того, как его группа захватила власть в лагере. Ситуация в тот момент была острая, счет шел на минуты, но не забыл, послал за другом, и только Янцевича и еще одного рабочего из его бригады, Клюка, вывели восставшие из

запертого – по инструкции – на ночь барака, остальные его обитатели остались под замком.

Но не было у Янцевича героического прошлого капитана Хрусталева, не был он и летчиком, как уже знает читатель. И вообще летчиков в группе каторжан, бежавших с Тонконовым, не было (как не было их и среди нескольких десятков фигурантов будущего следственного дела – обвиняемых и свидетелей, что объясняется совсем другим контингентом этого, а может быть, и всех остальных каторжных лагпунктов). И, соответственно, не было у группы плана захвата самолета и ни к какому аэродрому они не бежали.

Выскажу предположение, что и смерть “уставшему от голода и работы под прикладами, под сапогами конвойных” бригадиру Янцевичу в лагере не грозила.

По документам, он погиб последним из всех участников побега, 26 августа. И уйти ему удалось дальше всех. 20 августа ночью Янцевич появился на отдаленном загот. пункте “Сопканья”, в 210-ти км от поселка Таскан-РИК. Это уже на территории соседнего, Среднеканского, района. Был вооружен автоматом (с тремя дисками). По словам не то сторожа, не то зав. загот. пунктом Рахманова П.А., “бандит с автоматом” пытался его убить, но его оружие дало осечку, и Рахманову удалось бандита обезоружить.

Обстоятельства следующих дней кажутся не совсем понятными, Рахманов не спешил никуда сообщить о поимке бандита, хотя и знал, что тот – беглый каторжник (хотя как бы он мог это сделать? – телефонов-автоматов в тайге и по сей день нет), а Янцевич не пытался двигаться дальше, хотя, видимо, мог с заимки уйти (но куда? – в одиночку, без знания местности, без опыта жизни в тайге, в надвигающуюся зиму). Стороны как бы достигли согласия...

Так продолжалось до 26 августа, когда на Сопканью пришла группа охотников-заготовителей с Мылги. Еще в пути бывалые охотники обнаружили следы неизвестных людей, а потому, зная о побеге группы каторжников и о том, что не все они еще пойманы или убиты, подошли к загот. пункту настороже. В избе они застали только Петра Рахманова, Янцевич в это время находился у реки, ловил рыбу. Охотники тотчас же решили его задержать и двинулись к нему с оружием в руках. Янцевич кинулся от них в тайгу и был застрелен.

Далее следуют обстоятельства уж и вовсе странные. Зная о том, что убитого ими человека ищут по всей Колыме (а если бы и не искали – разве это меняет дело?), охотники (их было трое, старшим был, видимо, якут Елисей Амосов, 1918 г. рождения, уроженец Таскана, образование три класса, член ВКП(б) с 1944 года, награжден медалью “За доблестный труд”) закапывают его на другой день, 27 августа, около загот. пункта и опять отнюдь не спешат известить органы о случившемся. Почему? Не придали этому случаю серьезного значения? Едва ли. Боялись ответственности за совершенное убийство? И это маловероятно, потому что в то время местных жителей, тем более охотников, активно настраивали на поиск и задержание беглецов.

Позарились на автомат с тремя дисками? Не исключено, хотя и опасно было его присвоить – не дай бог узнает кто-нибудь, да и было у них свое оружие – зачем им автомат?..

Может быть, по халатности: не хотелось отрываться от дела – их ведь послали рыбу и дичь заготавливать, а убитого закопали – и пускай лежит, никуда не денется, после скажем...

Между тем днем раньше, а точнее – в ночь на 26 августа, на стане геологической партии в 50-ти км от Мылги бойцами находившегося в засаде отряда ВСО был застрелен неизвестный, которого не только приняли, но и опознали как Янцевича. В связи с этим было дано указание о прекращении его розыска. Ошибка выяснилась, когда сличили отпечатки пальцев убитого с теми, что имелись в личном деле Янцевича, – не тот.

Через месяц, 24 сентября, 1-й Спецотдел УМВД по СДС известил розыскников из Ягодного, что эти отпечатки принадлежат Зиновьеву Алексею Прохоровичу, 1898 г. рождения, осужденному по ст. ст. 136 и 58-14 УК РСФСР сроком на 10 лет и бежавшему 29 июля 1948 года (т.е. через четыре дня после каторжан прииска имени Максима Горького) с прииска “Ударник” Западного ГПУ. Поиск Янцевича возобновился.

Застреленный на стане геологической партии Зиновьев (он с топором в руках шел разжиться провизией и напоролся на засаду) был старым колымским сидельцем. Столяр из Бийска, он был первый раз осужден еще в 1936 году Тройкой УНКВД как социально-вредный элемент на 5 лет л/с. В том же году – еще на 3 года по ст. 162, за кражу. Отбывал наказание в низовьях Колымы, при Омолонской геолого-разведочной экспедиции.

В 1941-43 годах четырежды привлекался к уголовной ответственности по ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года за самовольное оставление производства. Освободился в июле 1943 года, работал бондарем в совхозе “Родичево” Зырянского отделения “Колымснаба”. Здесь зимой 1944 года был осужден Военным трибуналом войск НКВД при Дальстрое за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах на 10 лет л/с.

В мае 1947 года, находясь на бесконвойных работах в стройцехе прииска “Мальдяк”, совершил побег. Был задержан через пять дней на Берелехе, т.е. в тайгу не пошел, и осужден по ст. 58-14 (как за к/р саботаж) на 7 лет л/с.

В дальнейшем срок наказания Зиновьев отбывал при больнице прииска “Ударник”, так как еще в сентябре 1947 года ему была установлена инвалидность. Из приисковой больницы, в которой работала тогда главным врачом Мама Черная, известная по “Крутому маршруту” Евгении Гинзбург и по воспоминаниям Б.Н.Лесняка Нина Владимировна Савоева, он и бежал в июле 1948 года – вышел за вахту с топором в руке что-то поправить снаружи и не вернулся. Его отлучку, видимо, сначала никто всерьез не принял – акт о побеге составили только на седьмой день.

На что он рассчитывал, куда держал путь, будучи уже тяжело больным, едва ли Зиновьев сам ответил бы на эти вопросы.

Беглецы-одиночки летом на Колыме были не столь большой редкостью, однако всех (или почти всех?) ждал один и тот же конец. Об этом свидетельствует и попавший мне лист из служебной переписки райотдела по ЗГПУ с УМВД до Дальстрою от 14 апреля 1950 года:

“При этом направляем личные дела на заключенных, в разное время бежавших из лагерей Западного ИТЛ и убывших в архив 3 (...)”. Все тот же архив № 3 – “ушли под сопку”.

Тем временем лейтенант Топорков из райотдела СГПУ уже заканчивал расследование дела о побеге заключенных-каторжан с лагпункта № 3. Но судьба одного из них, того самого Янцевича М.У., продолжала оставаться неизвестной. И 22 сентября Топорков вынес постановление о выделении следственного материала на Янцевича в отдельное производство – чтобы не задерживать ход основного расследования.

Только 15 октября (неизвестно по какому уж наущению)

П.Рахманов с Сопканьи написал докладную на имя начальника Среднеканского райотдела МВД, в которой сообщил об убийстве беглеца с прииска имени Горького. 25 октября был допрошен уже названный мною Амосов Е.П. Он же, Амосов, 8 января 1949 года доставил из тайги труп. И хотя ни опознать его, ни идентифицировать, ни даже вскрыть не было возможности ввиду некротического распада мягких тканей, следствие по обстоятельствам дела, по вещественным – автомат с дисками, одежда, а также и письменным – полуистлевшая записная книжка с перечнем членов бригады, письмо из дома – доказательствам пришлось к выводу о том, что на Сопканье был убит именно Янцевич.

Возможно, что так и было. Но и те обстоятельства, которые я выше характеризовал как странные и необъяснимые – бесцельное пребывание Янцевича на Сопканье, долгая безвестность его смерти, и те, о которых еще не шла речь, позволяют предполагать другой ход событий, более того – весьма логично укладываются в этот ход.

Каким он мог быть? У бежавших каторжан было с собой золото. Неизвестно – сколько. В показаниях свидетелей, оставшихся после побега в лагере, названы солидные количества. У самих же беглецов – убитых или задержанных – были найдены лишь считанные граммы. Может быть, основной запас (а надо ли говорить, как могло пригодиться это золото беглецам, когда они, оторвавшись от погони, устраивались бы где-то на жительство, – если и не всем, то самому Тонконогову и самым близким его друзьям) нес кто-то другой?

И отчего не предположить, что этим другим был Янцевич? Он был лагерным авторитетом, бригадиром, имеющим доступ к золоту, и сверх того, видимо, очень хитрым и – на том фоне – образованным человеком. Опять-таки “заготовитель” – мог еще задолго до побега кое-что складывать в кубышку. Может быть, из-за этой кубышки Тонконогов и взял его в побег – вспомним, что его вывели из “чужого” барака.

Группа Тонконогова раскололась в первом же бою, точнее – перестрелке. Тогда от основной группы отделились Янцевич (Миша), Игошин и Худенко. Было ли это случайностью (так пишет в дневнике Худенко)? Или Янцевич, ничуть не заблуждаясь в жестокости и коварстве Тонконогова, решил бежать от

него при первой же возможности? Игошин, дневальный бригады, самый, может быть, близкий человек Тонконогову, мог знать, что Янцевич несет золото, и сознательно присоединился к нему, Худенко же, видимо, примкнул к ним случайно.

Далее, освободившись от своих невольных спутников, Янцевич мог на Сопканье вступить с Рахмановым в некий торг (пожалуй, именно торг, меновые отношения были более свойственны ему, человеку сугубо гражданскому, чем грубое – под дулом автомата – насилие). Что могло быть предметом торга?

Янцевичу для продолжения побега были нужны три вещи: маршрут, потому что он совершенно не представлял, где находится (а лучше бы – проводник), продовольствие и теплая одежда, потому что был уже конец августа – надвигалась зима. Видимо, в продовольствии на заготовительном пункте недостатка не было. А вот был ли лишний комплект теплой одежды? Вероятно, и уйти с Янцевичем в качестве проводника Рахманов не мог – нельзя было оставить хозяйство.

Но Рахманов знал, что скоро сюда должны подойти охотники – так повторялось, видимо, из года в год. Вот их прихода Янцевич и дожидался на Сопканье с 20 по 26 августа. Теперь это обстоятельство, показавшееся мне странным при первом знакомстве с делом, выглядит совершенно оправданным.

Охотники пришли. Их было трое (замечу, что в материалах дела по фамилиям названы только двое – Амосов и Жуков, третий остался как бы неизвестным – с чего бы это?). И далее – трое охотников, еще задолго до Сопканьи определившие, что по тайге ходят чужие, и принявшие меры предосторожности, дойдя до места и убедившись, что один чужак здесь, – что они сделали? С ружьями в руках (может, еще ура кричали?) кинулись к нему с намерением задержать. Именно так об этом будет рассказывать один из участников операции. Но ведь это бессмыслица. Неужели они, таежники, охотники-профессионалы, не могли незаметно окружить Янцевича и взять его живым? У него ведь и автомата при себе в тот момент могло не быть. Если бы хотели взять живым, взяли бы несомненно.

Рискну предположить, что события в тот и последующие дни на Сопканье развивались совершенно иначе. С приходом охотников Янцевич мог получить уже все, что ему требовалось для продолжения побега. И мог бы уже двигаться дальше. Но тут ему в голову (а голова у этого человека, видимо, работала

очень хорошо) пришла простая и замечательная мысль: окончательно оторваться от погони, подкинув ей чей-нибудь труп. Охотники по дороге на Сопканью видели чьи-то следы (следы эти были сделаны разной обувью!) – нужно найти того человека (вторым, возможно, был сам Янцевич), убить и притащить сюда. Беглецы-одиночки, я об этом уже писал, были в осенней колымской тайге не такой уж редкостью, а потому и выполнить этот план удалось: нашли, убили, притащили, бросили тело гнить... А через несколько месяцев, основательно еще его изуродовав, извлекли из мерзлой почвы, доставили в поселок вместе с оружием и вещдоками.

Янцевич с проводником (может быть, тем самым неназванным третьим охотником) к этому моменту мог быть уже очень далеко – в Якутии как минимум. Видимо, ему хватило ума осесть там на несколько лет, обзавестись документами.

Мы нередко говорим, что убежать с лагерной Колымы было трудно, практически невозможно, что все побеги заключенных заканчивались их смертью или поимкой, почти все... Упуская при этом из виду, что беглец, сумевший скрыться, ни тогда, ни много лет спустя (может быть, и по сей день) не заинтересован в том, чтобы афишировать свою удачу.

А охрана, преследователи? Я ничуть не сомневаюсь, что инструктор розыска Северного отряда ВСО Стадлер, подписавший 17 января 1949 года (вот только когда тело попало в руки преследователей!) протокол судебно-медицинского осмотра трупа “предполагаемого з/к КТР Янцевича”, понятия не имел, чье же все-таки тело перед ним, т.е. вполне допускал, что это вовсе не Янцевич (в протоколе описан труп мужчины среднего роста, а рост Янцевича был, напомним, всего 155 см - это много меньше среднего). Ну и что с того? Янцевича теперь, в январе, почти через полгода после побега, ищи-свищи, а дело закрывать надо. Так что, рассудил, может быть, Стадлер, пусть это будет Янцевич, какая, в конце концов, разница?

Не более известной продолжала оставаться для меня в тот момент и судьба остальных одиннадцати беглецов. Но было в деле Янцевича несколько документов, указывавших направление поиска. Прежде всего – постановление о возбуждении уголовного дела, принятое лейтенантом Топорковым через несколько часов после побега.

В констатирующей части постановления сообщалось: “в ночь на 26 июля 1948 г. группа каторжников: Тонконогов И.Н., Худенко В.М., Пуц Ф.С., Гой И.Ф., Демьянюк Д.В., Клюк Д.А., Янцевич М.У., Бережницкий С.М., Сава М.М., Игошин А.Ф., Солдатов Н.А. и Маринив С.В., совершили групповое нападение на вооруженную охрану лаг. пункта № 3 ОЛП Н.Ат. Урх и убили: ст. надзирателя Васильева, дежурного по взводу Рогова, дежурного по вахте Перегудова, связали жену Перегудова Сироткину, проводника служебных собак Грызункина, забрав 7 автоматов, 1 пулемет ручной, винтовки, револьверы, патрон свыше 1000 штук и скрылись”.

В этих действиях Топорков усмотрел признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 59-3, 59-3а, 58-14 УК РСФСР, а читатель, знакомый с рассказом Шаламова “Последний бой майора Пугачева”, отметит совпадение реалий документа и “новой прозы” (сколько человек и кто именно погибли при захвате лагеря, “бабу убивать не будем”), еще раз свидетельствующее о том, что именно этот случай положен Шаламовым в основу рассказа, а также и то, что его автор располагал немалой информацией о случившемся.

Мне же это постановление открывало прямую дорогу к архивно-следственному делу.

И рассказ о нем (и о том, как в нем отразился захват власти на каторжном лаг. пункте, как происходило преследование беглецов, к каким выводам пришло следствие о круге участников побега и обстоятельствах, сделавших его возможным) я начну с этих, теперь уже одиннадцати, раз о Янцевиче я уже рассказывал, участниках побега.

Первым (это сделал в своем постановлении и лейтенант Топорков) следует назвать Тонконогова. Ничто ни в судьбе его, ни, видимо, в его характере не напоминает героя рассказа Шаламова, но есть одно решающее обстоятельство, заставляющее поставить его на место героя шаламовского рассказа: он был организатором и руководителем побега.

Итак, Тонконогов Иван Николаевич (по другим документам – Никитович), 1920 г. рождения, уроженец г. Лебедин Сумской области, украинец, из рабочих, образование начальное, по профессии – фотограф, в предвоенные годы был дважды судим: в 1936 г. по ст. 70 УК УССР (хулиганство) на 2 года л/с и в 1938 г. по ст. 33 УК УССР (как СОЭ) на 3 года л/с. Как читатель легко

посчитает, второй срок у Тонконогова заканчивался в 1941 году. В Красную Армию он будет мобилизован только в 1944 году, после освобождения Украины от немцев, и прослужит лишь два месяца, а до того... “подсудимый ТОНКОНОГОВ оставшись проживать на территории, которую временно захватил противник, – это уже из установочной части приговора Военного трибунала войск НКВД Сумской области, вынесенного в феврале 1945 года, – добровольно поступил на службу в немецкие карательные органы в полицию и работал с апреля м-ца 1942 года по август 1942 года инспектором горполиции, адъютантом начальника полиции, а затем был назначен на должность начальника полиции с. Будылки.

Работая на указанных должностях ТОНКОНОГОВ проводил аресты советских граждан, так: им летом 1942 года был произведен арест семьи Костьяненко за связь с партизанским отрядом. При аресте Костьяненко и его семьи – Костьяненко Марии, ТОНКОНОГОВ лично сам жестоко избивал обоих (...) В августе 1942 года произвел арест 20 чел. женщин, которых заключил под стражу и после двухдневного их содержания под стражей, они были освобождены, по распоряжению старосты сельуправы. Неоднократно производил допросы задержанных советских граждан, при этом издевался и избивал их и угрожал расстрелом. Так, в апреле м-це 1942 года, допрашивая неизвестного задержанного советского гражданина, вместе с немцами выводил его на расстрел. В июле 1942 года избил шомполом неизвестную гражданку, обратившуюся к нему по поводу отображенных у нее рыболовных сетей”.

Трибунал приговорил Тонконогова к 25 годам каторжных работ, поражению в правах на 5 лет и конфискации имущества.

Летом 1945 года Тонконогов был доставлен на Колыму. На здоровье он не жаловался – в уч.-стат. карте зафиксирована 1-я категория труда.

Но, видимо, не столько состояние здоровья, сколько другие свойства и способности позволили Тонконогову быстро выдвигаться из массы лагерников и заслужить внимание администрации. Отмечу в их числе прежде всего лагерную опытность: два довоенных срока, пять отбытых в лагерях лет существенно выделяли Тонконогова среди этого контингента, где рецидивистов, людей, уже знавших, как нужно жить и выжить в лагере, было немного. Из показаний свидетелей следует, что Тонконогов поддерживал с ними хорошие отношения, а с од-

ним из них, Носовым Н.Д., ранее судимым восемь раз – за кражу, хулиганство и т.д., был дружен, подбивал его на участие в побеге (от чего Носов категорически отказался, сославшись на его полную безнадежность). В глазах з/к КТР Тонконогов был человеком с уголовным прошлым, его боялись.

Форма № 1/6

Копия: С.С.И. И.И.И.И.И.
(подлинник в архиве — под № 1002)

Формуляр личного дела № Е-439

Фамилия Тонконогов
 Имя Иван Николаевич
 Место рождения 1920
 Пол муж
 Национальность украинец
 Место С.С.И.
 Профессия з/к
 Специальность и звание _____
 Должность до осуждения _____
 Местонахождение до ареста с. Лебедки Лебедянского р-на Сумской обл.
 Дата 27 октября 45 (наказание судом) Сумской обл. с. Орлик
 по ст. УК 19-й ч. 43 на срок 10/5 лет
 Срок 26 декабря 44 конец срока 26 декабря 54
 Местонахождение места заключения _____
 История судимости _____
 Нач. з/к (ИТК) и пункта Нач. УРЧ

П Р И М Е Т Ы

Украинец Пол мужское
правый Особые приметы на правой
руке шрам.
зубы

Инспектор УРЧ С.С.И. -
В.С.И. 1948 г.

Формуляр личного дела Тонконогова И.Н.

Важно и то, что по национальности Тонконогов был украинцем. Видимо (высказываюсь предположительно, потому что абсолютно точных сведений у меня нет), подавляющее большинство заключенных этого лаг. пункта были украинцами (исторически это вполне объяснимо). Украинское “землячество” неформально, но уверенно руководило жизнью лаг. пункта. Есть показания о том, что русские здесь составляли покорное меньшинство, на выгодную должность в лаг. службе, даже на сверхурочную работу на кухне, которая давала возможность сытно поесть, русскому попасть здесь было трудно.

Третье. У Тонконогова, это отмечают многие фигуранты архивно-следственного дела, были золотые руки. Он славился тем, что мог починить любую вещь, и ему несли из-за зоны различные бытовые устройства. Это давало заработок, пусть небольшой, но у других-то не было никакого.

Он был ловким, хитрым человеком, умевшим войти в доверие к людям, прежде всего – вышестоящим.

И, наконец, он был жестоким человеком. В лагере не стеснялся поддерживать свой авторитет зуботычиной, дрынном – большего не требовалось. В побеге не остановился перед убийством раненого товарища. Об убийстве охранников я уже не говорю.

Фотография убитого Тонконогова И.Н.

В личном деле з/к КТР Е-439 Тонконогова есть “Поздравительный листок”, адресованный отличнику производства бригадиру Тонконогову. Вот его текст:

«Поздравляем Вас с трудовыми успехами и выполнением производственных норм в июле месяце 1947 г. на _ процентов.

Уверены, что высокие показатели достигнутые Вами, будут закреплены на протяжении всего года. Систематическим пере-выполнением планов добьетесь высшего поощрения (этот эффе-

мизм следует, вероятно, понимать как досрочное освобождение – текст “листка” выполнен типографским способом, и можно предположить, что такие “листки” адресовались разным категориям заключенных; что касается каторжан, то им вряд ли приходилось на такое “высшее поощрение” надеяться. – А.Б.). Желаем Вам новых успехов в дальнейшей работе.

Начальник Управления Северного лагеря
Лейтенант Шевченко.
Начальник КВО Северного лагеря
Липилин
4 августа 1947 г.”

Производственно-бытовая характеристика на з/к КТР л/п № 3 № Е-439 Тонконогова, как и все в архивно-следственном деле, составлялась уже после побега:

“Работал бригадиром на участке № 2 производственный план бригада под его руководством систематически перевыполняла. Неоднократно бригада в целом премировалась за хорошую работу, среди з/к з/к авторитетом не пользовался, в быту себя вел плохо, часто применял к членам бригады и др. з/к з/к физические меры воздействия среди з/к з/к не вживчив”.

Быть “вживчивым” с другими заключенными Тонконогову, видимо, просто не было нужно – он ими повелевал, а вот с администрацией лаг. пункта он уживался прекрасно. Об этом, естественно, нет ни слова в характеристике, но очень много – в свидетельских показаниях.

Вопреки правилу (одному из основных в режимных ограничениях з/к КТР) секция барака (не весь барак, а именно эта секция), в которой проживала бригада Тонконогова, на ночь не запиралась. Сам бригадир пользовался правом в любое время суток (!) разгуливать по территории лагеря. О его привилегированном положении свидетельствует и то, что столовой для заключенных он вообще не пользовался – дневальный Игошин получал для него продукты на кухне (надо полагать, не худшие) и готовил своему бригадиру отдельно в бараке. В “каюту” к Тонконогову послушать патефон (а такой у бригадира был – и это в каторжном лагере) или его же игру на гитаре, а также и на угощение, раз деньги у того водились, а то и на чифир или выпивку приходили не только друзья-заключенные, но и вахтеры и охранники.

Незадолго перед побегом эти собрания стали называться

репетициями концерта, и фраза из рассказа Шаламова: “Мы дадим такой концерт, какого Колыма еще не видала” действительно прозвучала в то время на лаг. пункте № 3. Только произнес ее не бригадир-режиссер, а один из его самых жестоких подручных парикмахер Сава. Показательно, что сказаны эти слова были не в разговоре со своим братом заключенным, а во взводе охраны, куда Сава ежедневно приходил брить бойцов, – как довольно открытая угроза.

Об остальных десяти участниках побега.

Игошин Алексей Федорович, 1921 г. рождения, уроженец Алатырского района Чувашской АССР, русский (оговорюсь, что в этой группе из 12-ти человек было лишь двое русских, все остальные были украинцами, немой узбек в книге П.Деманта – совершеннейшая придумка), образование 5 классов, рабочий-строгальщик. Был призван в Красную Армию осенью 1940 года, служил в артиллерии, звание – старший сержант.

Далее – из установочной части приговора Военного трибунала Ворошиловградского гарнизона, вынесенного в апреле 1945 года:

«ИГОШИН 10 октября 1941 дня (так в тексте. – А.Б.), во время боевых действий в районе Каховки сдался к немцам в плен. Находясь в лагере военнопленных, ИГОШИН в ноябре м-це 1941 года добровольно поступил в немецкую полицию гор. Николаева и работал по март м-ц 1944 года. Будучи на службе в немецко-фашистских карательных органах, ИГОШИН выполнял все распоряжения немецких властей. Принял присягу на верность службы оккупационным властям. Окончил школу полицейских. До марта м-ца 1943 года ИГОШИН работал в должности полицейского управления городской полиции гор. Николаева, где получил звание “вице-капрала”, в марте м-це 1943 г. ИГОШИН был назначен помощником начальника полиции 2-го участка, в январе м-це 1944 года начальником полиции 5-го района гор. Николаева”.

Трибунал квалифицировал действия Игошина по ст. 54-16 УК УССР (измена родине, совершенная военнотрудовым) и приговорил его к 20 годам каторжных работ, поражению в правах и конфискации имущества.

На Колыму Игошин был доставлен осенью 1945 года. Был на общих работах (несмотря на 2-ю категорию труда), пере-

водился в дневальные, затем снова на общие. В последний период – дневальный (и, по оценкам свидетелей, близкий приятель бригадира) в бригаде Тонконогова.

Форма № 1/16 *246*

Копия: ОДБ и М. Чухляк
(исключение лагеря - согласно приказу)

Формуляр личного дела № 4-650

Игошина
Имя: Александр Александрович
Фамилия: Игошина
Место рождения: 1921 г. Век - Майдан - Киевская обл. Сувальский район
Дата рождения: 13 января 1921
Пол: мужской
Возраст: 30 лет
Образование: высшее
Профессия: строитель
Специальность и звание: _____
Должность до осуждения: _____
Место до ареста: г. Николаев, Николаевская 46
Дата ареста: 13 января 45 по ст. УК 54.16 на срок 20 лет
Срок: 13 января 45 конец срока 13 января 65
Судимости: _____
Нач. М.О.Д. (ИТК) Игошина
Нач. УРЧ _____
Примечания: п. 1
Инспектор УРЧ Сидор
194 г.

Формуляр личного дела Игошина А.Ф.

Худенко Василий Михайлович, 1921 г. рождения, уроженец с. Кобеляки Полтавской области, украинец, из семьи служащих, образование незаконченное высшее, в 1941 году был призван

в армию, служил рядовым в артиллерийском дивизионе, в районе Днепропетровска сдался в плен, непродолжительное время находился в лагере для военнопленных, а затем по ходатайству отца, служившего инспектором народного образования при облуправе, был из лагеря освобожден.

Далее - из установочной части приговора Военного трибунала Киевского военного округа, вынесенного в феврале 1945 года:

“... ХУДЕНКО Василий в январе 1942 г. поступил в члены организации ОУН в составе которой прошел политико-пропагандистский вышкол (курсы) и получил псевдоним “Остап”.

По окончании курсов, ХУДЕНКО являлся пропагандистом ОУН гор. Днепропетровска и пропагандировал контрреволюционные идеи национализма среди украинской интеллигенции города, а также являлся политическим информатором.

В апреле 1943 г. ХУДЕНКО выбыл в Ровенскую область, где вступил в банду УПА и находился в ней до момента его ареста, т.е. до 31 июля 1944 г.

Будучи в банде УПА ХУДЕНКО занимал ряд руководящих должностей, являясь политическим шефом Штаба УПА Военного округа северной группы “Заграва”, а затем после разгрома частями Красной Армии этого куреня выполнял эти же функции в курене “Горлица” при военном округе Южной группы УПА “Энел” до момента его задержания с другими участниками банды УПА.

ХУДЕНКО, занимая вышеуказанные должности в банде УПА имел в своем распоряжении большой пропагандистский аппарат, которым он руководил по распространению немецко-украинской националистической пропаганды как среди всех участников в банде, так и среди населения.

Проходимая пропаганда ХУДЕНКО и его аппаратом была направлена против советской власти, против Красной Армии, против Советских партизан, за свержение Советского строя путем вооруженной борьбы – банды против Красной Армии, за восстановление так называемого “Украинского соборного государства”.

Вместе с Худенко В.М. были судимы его отец Худенко М.И. 1899 г. рождения и его жена Кострыба Н.Л., 1924 г. рождения. Все трое обвинялись в измене родине и участии в антисоветской организации.

Худенко М.И. и Кострыба Н.Л. были осуждены на 10 лет л/с в ИТЛ. Худенко В.М. был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, замененному ему в марте 1945 года постановлением Президиума Верховного Совета СССР на 20 лет каторжных работ.

В Нагаево з/к КТР Худенко был доставлен в августе 1945 года. В графе “специальность” указано “инженер-строитель (незак. в/о), фельдшер”. На общих работах он, возможно, не работал: в формуляре указана 2-я, а затем и 3-я категория труда (но данных о заболеваниях нет). В лагере работал художником. После побега начальник лаг. пункта № 3 подписал ему не очень лестную характеристику:

“Работал художником л/п. Свою работу выполнял не удовлетворительно, порученную работу инспектором КВЧ выполнял не во время, за что имел административные взыскания (...) в быту вел себя замкнуто среди з/к з/к не общался, а также не пользовался авторитетом среди з/к з/к”.

Худенко и был автором того самого дневника, который я переписал из архивного дела в 1961 году. Я еще вернусь к этому документу, когда речь пойдет о преследовании беглецов, а пока – короткая запись оттуда же биографического свойства:

“31 июля 1948 г.

(...) воспоминания о прошлых молодых годах приводят к грустным размышлениям. Сколько я учился. Недоедал. Сидел на стипендии. Окончил. Началась война. Не жил еще совсем. И вдруг на фронт. Бремя армии. Плен. Ужасы у немцев, побои, голод. Наши. Тюрьма. Лагерь. Боже мой! А годы уходят. Остался один. Брат умер на фронте в финскую войну. Отец умер. Мать пропала без вести. Близких родственников повесили еще немцы”...

Солдатов Николай Алексеевич, 1912 г. рождения, уроженец Раменского района Московской области, русский, из крестьян, образование среднее специальное, быв. член ВКП(б).

В этой группе из 12-ти человек Солдатов – единственный кадровый военный. Он был призван на флот еще в 1934 году, в 1938 году окончил военно-морское училище и получил звание мл. инженер-лейтенанта. Участвовал в войне с белофиннами. Участник Великой Отечественной войны с первого ее дня. Был награжден орденом “Красной Звезды”, медалями “За боевые заслуги” и “За оборону Ленинграда”. Старший инженер-лейтенант.

Из установочной части приговора Военного трибунала Таллинского морского оборонительного района Краснознаменного Балтийского флота, вынесенного в ноябре 1944 года:

“20 ноября 1944 года СОЛДАТОВ, приведя себя в состояние опьянения, пришел к командиру береговой базы ОБРа майору Карлинскому, получив у него разрешение, стал звонить по телефону. Во время разговора, СОЛДАТОВ начал выражаться нецензурными словами и наносить оскорбления лицу, разговаривающему с ним по телефону, и когда Карлинский приказал СОЛДАТОВУ – прекратить хулиганство, то он учинил в кабинете Карлинского дебош: разбросал со стола Карлинского служебные документы и нанес Карлинскому два удара кулаком в грудь. После этого, СОЛДАТОВ стал вынимать пистолет, но Карлинский, опередив его, обнажил свой пистолет и приказал ему выйти из кабинета”.

По другой версии, изложенной десять лет спустя, в августе 1954 года, мачехой осужденного Солдатова в жалобе на имя Главного военного прокурора, причиной инцидента явилось то, что начальник береговой базы Карлинский не обеспечил приготовление горячей пищи для участников боевой операции. Солдатов, действительно будучи нетрезвым – выпил 200 гр. спирта, отправился к вышеуказанному майору и сказал, что будет звонить начальнику штаба флота, чтобы доложить об этом безобразии. Майор вытащил пистолет, Солдатов его обезоружил и все-таки позвонил начальнику штаба, после чего, бросив пистолет Карлинского, вышел из кабинета.

Далее, как было установлено на судебном заседании, события развивались следующим образом:

“Примерно в 19 часов 30 мин., выйдя от Карлинского (и приняв еще 600 гр. спирта – из той же жалобы мачехи Солдатова, хотя эта цифра и представляется мне нереальной. – А.Б.), СОЛДАТОВ взял с собой ст. 1 статьи Колоколова и ушел из расположения части на улицу. В это время СОЛДАТОВ, увидев идущий трамвай стал на путь и обнажив пистолет пытался его остановить. Вагоновожатый, заметив СОЛДАТОВА, сбавил ход. Пользуясь этим, СОЛДАТОВ вместе с Колоколовым вскочил в трамвай на ходу. Оказавшись таким образом в трамвае, СОЛДАТОВ вошел в машинное отделение и стал требовать увеличения скорости. Приехав на конечную остановку трамвая, СОЛДАТОВ и Колоколов вышли из трамвая.

СОЛДАТОВ, увидев около трамвая гр-ку Калле, подошел к ней и начал приставать, проявляя хулиганские действия, находившийся тут же милиционер Тамм, попросил СОЛДАТОВА прекратить хулиганство, тогда СОЛДАТОВ напал на милиционера Тамм и нанес ему несколько ударов. По дороге в отделение милиции, СОЛДАТОВ, не прекращая хулиганских действий, продолжал наносить Тамм удары. Убедившись, что он все же может быть доставленным в милицию, выхватил из кабуры свой пистолет и умышленно, в упор, произвел в Тамм выстрел. Тамм тут же скончался”.

Трибунал лишил Солдатову Н.А. воинского звания старший инженер-лейтенант и по совокупности совершенных им преступлений, квалифицированных по ст. ст. 193-5 п. “а” (оскорбление насильственным действием подчиненным начальника при исполнении обязанностей по воинской службе) и 136 ч. 2 (убийство, совершенное военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах), приговорил его к расстрелу. Через два месяца, в январе 1945 года, Президиум Верховного Совета СССР заменил Солдатову высшую меру наказания 20-ю годами каторжных работ.

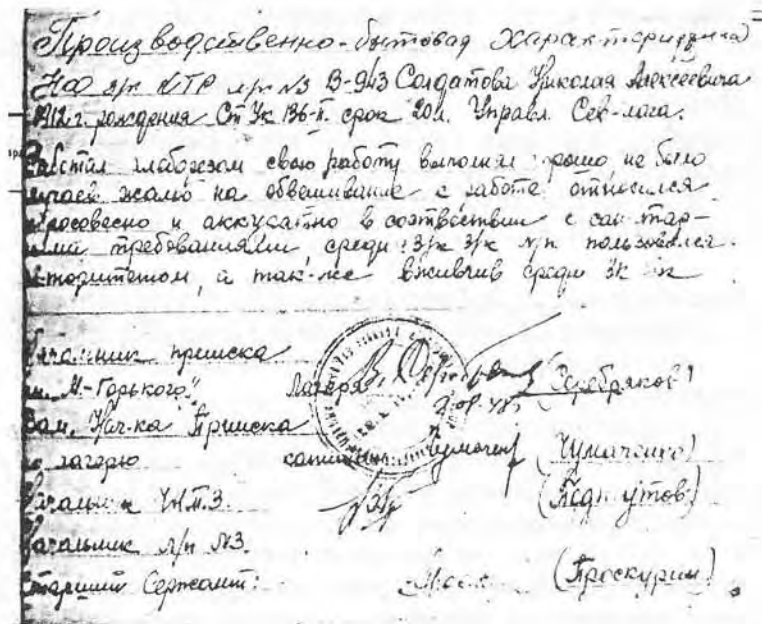

Солдатов Н.А. Фотография из архивно-следственного дела

К моменту побега з/к КТР Солдатов уже несколько месяцев исполнял обязанности хлебoreза, был, как показывают свидетели, в дружеских отношениях с Тонконоговым. Однако и после всего происшедшего он писал мачехе в Подмоскowie: “Он (Тонконогов. – А.Б.) мне не верил до последнего дня. Он с моих слов знал, кто я был раньше (офицер ВМФ. – А.Б.). Мы были

люди разных взглядов, но мы оба – заключенные и это нас объединило”.

“Именно Солдатову, – напишет в своем рассказе В.Шаламов, – принадлежит честь (стоит обратить внимание на это выражение – речь идет об убийстве надзирателя. – А.Б.) начать это дело, хотя он и был одним из последних, вовлеченных в заговор. Солдатов не струсил, не растерялся, не продал (...). Действительно так и было, если иметь в виду начало захвата власти, – здесь и реальному Солдатову пришлось сыграть активную роль. В дальнейшем его действия, да и сами события, в которых оказывался заключенный Солдатов, мало соответствовали тому, что рассказал Шаламов.

Производственно-бытовая характеристика на з/к КТР Солдатов Н.А.

Сава Михаил Михайлович, 1922 г. рождения, уроженец с. Остобуш Равно-Русского района Львовской области, крестьянин-единоличник, украинец, образование низшее, проживал на территории, оккупированной немцами, и в 1942 году стал “членом организации украинско-немецких националистов,

выполнял обязанности заместителя станичного, принимал активное участие в снабжении банды "УПА" продуктами питания, проводил мобилизацию мужского населения в банду (...). В мае месяце 1944 года Сава вступил в банду "УПА" в сотню "Морозенко", в которой в течении 15 дней проходил военную подготовку, после чего был отпущен домой.

В августе месяце 1944 года Сава вторично вступил в банду "УПА" в сотню бандита "Беркут" (...) находясь в банде "УПА" САВА имел псевдоним "Семен" (...).

Военный трибунал Львовского военного округа в феврале 1945 года приговорил Саву к 15 годам каторжных работ, поражению в правах на 5 лет и конфискации имущества.

На Колыму з/к КТР Сава был доставлен в июле 1945 года едва ли не доходягой (полиавитаминоз) с 3-й категорией трудоспособности. В дальнейшем был переведен на 2-ю. Из характеристики, составленной после побега:

"Работал в лагослуже парикмахером свою работу выполнял хорошо, услужлив с з/к з/к благодаря чего пользовался уважением как среди з/к з/к, так-же со стороны работников лаг. пункта за свою качественную и своевременную работу, нарушений лагерного режима не имел".

Бережницкий Осип Николаевич, 1922 г. рождения, уроженец с. Бережницы Самборского района Дрогобычской области, из крестьян-середняков, украинец, образование 5 классов, крестьянин-единоличник.

В установочной части приговора Военного трибунала войск НКВД Дрогобычской области, вынесенного в январе 1945 года, сообщается, что Бережницкий О.Н., являясь членом оуновской организации села Бережницы с мая 1944 года, выполнял обязанности коменданта, имел в своем подчинении боевую группу из членов ОУН, которой давал задания задерживать всех подозрительных лиц, проходивших через село, поддерживал тесную связь с руководителями ОУН.

Трибунал приговорил Бережницкого к 20 годам каторжных работ, поражению в правах на 5 лет и конфискации имущества.

На Колыму он был доставлен в июне 1945 года. Из характеристики, подписанной после побега:

"Работал портным, работу выполнял добросовестно не было случая не выполнения ремонтов по времени (так в документе. —

А.Б.), своей хорошей работой заслуживал внимание среди з/к з/к в живчик среди з/к з/к. Нарушений лаг. режима не имеет"

Маринив Степан Васильевич, 1919 г. рождения, уроженец с. Юсептечи Стрийского района Дрогобычской области, из крестьян, украинец, профессия кустарь, был осужден в марте 1945 года Военным трибуналом войск НКВД Дрогобычской области. Его преступная деятельность зафиксирована в приговоре следующим образом: "Подсудимый Маринив с августа месяца 1943 года и по день задержания состоял членом организации украинских националистов под псевдонимом "Холодный", исполнял обязанности связного по доставке оуновской почты из села Юсептечи и Дашова в село Стригань и обратно. Оуновскую почту получал от станичного Награняна и передавал ее Белинскому.

Кроме того в ноябре месяце 1944 года от подсудимого Конога через члена "ОУН" Лескив получил 70 штук контрреволюционных листов националистического содержания, которые разбросал в разных местах гор. Стрия Дрогобычской области, посещал нелегальные оуновские собрания, которые проводил станичный Попадюк и платил регулярно членские взносы по 2 золотых в месяц".

Трибунал приговорил Маринива к 15 годам каторжных работ, поражению в правах на пять лет и конфискации имущества.

Во Владивостокском отделении Севвостлага Маринив оказался в начале июня 1945 года. Первые полтора года в колымских лагерях сложились у него, видимо, трудно, он немало болел, свидетельством чего являлись 2-я и даже 3-я категории труда. В связи с этим он был переведен в лаг. службу и закрепился в ней.

Из производственно-бытовой характеристики: "Работал в лагослуже сапожником, работу выполнял добросовестно и аккуратно, не было случаев невыполнения ремонтов обуви во время и не качественно своей хорошей работой заслужил доверие и уважение среди з/к з/к. Нарушений лаг. режима не имел".

Следует заметить, что профессия сапожника, как, что кажется еще более неожиданным, и профессия парикмахера, были в те годы весьма дефицитны в колымских лагерях, выгод своим обладателям эти профессии сулили немало.

Пуц Феодосий Семенович, 1927 г. рождения, уроженец села Городище Слуцкого района Волынской области, из крестьян, украинец, крестьянин-единоличник.

Его вину Военный трибунал войск НКВД Волынской области установил в следующем: "(...) проживая на временно оккупированной немцами территории Волынской области, в июле 1943 года, добровольно вступал в банду украинско-немецких националистов "УПА" под псевдонимом "Град" был зачислен в сотню бандита "Нечай".

Находясь в банде "УПА" ПУЦ имел на вооружении винтовку и 90 штук патронов, проходил военное обучение, нес службу по охране табора банды, а также неоднократно участвовал в боях, в расстрелах и граблении мирных граждан польской национальности, вел вооруженную борьбу против Красной Армии за создание "самостоятельной Украины". Так в 1943 году, ПУЦ, в составе сотни вооруженные бандитов участвовал в расстрелах мирных жителей в селе Замогильное, Торчинского района, где бандой было сожжено 13 дворов, расстреляно 10 человек, и разграблено их имущество.

В августе 1944 года ПУЦ в составе куреня бандитов "УПА" перешел линию госграницы со стороны Польши, с целью ведения вооруженной борьбы против Советской Власти в тылу Красной Армии.

В последних числах августа 1944 года ПУЦ совместно с сотенным Крух и еще двумя бандитами, был обнаружен в укрытии в селе Рыковичи Порицкого района, подразделением красноармейцев и на предложение сложить оружие, открыл огонь по красноармейцам. В результате боя три бандита были убиты, а ПУЦ при побеге был ранен и захвачен бойцами Красной Армии".

В октябре 1944 года вышеназванный трибунал приговорил Пуца к высшей мере наказания - расстрелу. Через два месяца, в декабре 1944 года, Президиум Верховного Совета СССР заменил ему высшую меру наказания на 20 лет каторжных работ.

Во Владивостокском отделении Севвостлага Пуц оказался в апреле 1945 года. В его личном деле заключенного сохранилась характеристика, подписанная бывшим начальником прииска имени Максима Горького Глобенко задолго до рассматриваемого нами побега:

«З/к КТР Ж-15 Пуц Ф.С. на л/п № 4 Н.Ат-Урях прибыл в октябре месяце 1946-го года. По прибытии з/к КТР Ж-15 Пуц

Ф.С. работал забойщиком передовой забойной бригады участка № 4 прииска им. Максима Горького – Бучатского. За высокопроизводительный труд и образцовую дисциплину з/к КТР Ж-15 Пуц Ф.С. заслужил внимание среди командования лагеря и руководства прииска, в следствии чего был назначен поваром лагпункта № 4. Работая поваром з/к КТР Ж-15 Пуц Ф.С. является уважаемым питающихся по столовой з/к з/к и руководством лагеря, за качественное приготовление пищи и хорошее санитарное состояние столовой и кухни. Одновременно с исполнением обязанностей повара, в свободное время з/к КТР Ж-15 Пуц Ф.С. принимает активное участие в массовых ударниках, организуемых для помощи производству и лагерю. Дисциплинирован, всегда исполнитель своих обязанностей. Нарушений лагерного режима не имеет».

После побега характеристика была не столь хвалебной: "Работал поваром, во время его работы замечалось разбазаривание продуктов. 22/VII с/г было установлено подлинное разбазаривание продуктов, за что было наложено административное взыскание 10 суток ИЗО, того-же дня был переведен на другую работу, среди з/к з/к авторитетом не пользуется".

Демьянюк Дмитрий Васильевич, 1921 г. рождения, уроженец г.Тулчин Ровенской области, украинец, образование десять классов, учитель средней школы, в Красной Армии не служил.

Военный трибунал войск НКВД Ровенской области, рассмотревший в марте 1945 года дело по обвинению Демьянюка в измене родине, установил, что «являясь подрайонным политреферентом, ДЕМЬЯНЮК имел в своем подчинении 4-х пропагандистов, которым поручал писать антисоветские лозунги и проводить беседы с населением о помощи т.н. «УПА».

Сам лично ДЕМЬЯНЮК написал 20 антисоветских лозунга с восхвалением фашистской организации. Также им было написано 2 лекции антисоветского содержания "Борьба ОУН" с большевизмом за свободу и независимость Украины.

В банде ДЕМЬЯНЮК находился до момента его задержания".

Трибунал приговорил Демьянюка к 20 годам каторжных работ с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.

Производственно-бытовая характеристика на з/к КТР л/п № 3Г-504 Демьянюка Дмитрия Васильевича: “Работал в обслуживании лагеря водоносом: к работе относился добросовестно, не было случаев в перебое воды даже в зимнее время, среди з/к з/к пользовался авторитетом, в культурно-массовой работе принимал активное участие, нарушений лагерной дисциплины не имел”.

Клюк Дмитрий Афанасьевич, 1927 (!) г. рождения, уроженец села Солов Седлищанского района Волынской области, из крестьян-бедняков, украинец, малограмотный. Был осужден Военным трибуналом войск НКВД Волынской области в декабре 1944 года за то, что, проживая “на Советской территории временно оккупированной немецкими войсками в июле м-це 1943 года вступил в банду “УПА” и в течение 3 недель заведовал кухней банды “УПА”. Собирал продукты питания. Среди жителей своего села проводил агитационную работу, призывал молодежь к вступлению в УПА.

Кроме того КЛЮК от коменданта “СБ” получил задание выявлять советский актив, но практически ничего не сделал”.

Трибунал квалифицировал действия подсудимого по все той же ст. 54-1а УК УССР (измена родине) и осудил его на 15 лет каторжных работ с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. Срок отбытия наказания исчислялся Ключу с конца августа 1944 года – видимо, со дня ареста.

Во Владивостокское отделение Севвостлага осужденный был доставлен 31 мая 1945 года со 2-й категорией труда. Кстати, первоначально она была установлена едва ли не каждому из будущих беглецов – видимо, сказались долгие месяцы пребывания под следствием и тяготы этапа. Однако затем у Ключа, как и у большинства названных здесь з/к КТР, здоровье поправилось. 1-я категория труда Ключу была установлена в сентябре 1947 года.

Производственно-бытовая характеристика на з/к КТР л/п № 3Г-564: “Работал забойщиком в бригаде Янцевича почти не было таких дней чтобы он не выполнил своей технической нормы, премиривался среди лучших забойщиков бригады, пользовался авторитетом не только среди забойщиков бригады, а и среди з/к з/к л/п. Нарушений лагерной дисциплины не имел».

Гой Иван Федорович (Теодорович), 1919 г. рождения, уроженец Люблинского воеводства (Польша), украинец, крестьянин-середняк, образование четыре класса. Был осужден в марте 1945 года Военным трибуналом Львовского военного округа за то, что “(...) в июне месяце 1944 года, находясь в группе самообороны, совместно с другими самооборонцами, принимал участие в обстреле польского населения с. Шевина.

В том же месяце добровольно вступил в контрреволюционную банду “ОУН” был назначен комендантом боевки.

Находясь в банде, присвоил себе кличку “Выщий” имел на вооружении автомат и патроны, руководил охраной окружного руководства “ОУН” для которого оборудовал укрытия”.

Гой был осужден по ст. 54-1а УК УССР на 15 лет каторжных работ с поражением в правах на 5 лет, без конфискации имущества (за отсутствием такового).

Производственно-бытовая характеристика на з/к КТР л/п № 3Г-431: “Работал дневальным в бригаде Тонконогова, к работе относился добросовестно и аккуратно, пользовался авторитетом не только в своей бригаде, но и среди з/к з/к л/п, хороший организатор производства, вживчив среди з/к з/к, нарушений лагерной дисциплины не имел”.

Итак, двенадцать. Давайте попробуем еще раз взглядеться в судьбу каждого, чтобы выявить общие, типические черты и составить на их основе как бы коллективный портрет этой группы.

1. Год и место рождения. Почти все они были еще очень молоды в день побега и еще моложе тремя-четырьмя годами раньше, когда падали на их плечи тяжким грузом слова: “Именем Союза Советских Социалистических Республик...” – приговоры Военных трибуналов выносились от лица всей страны. Старшему, Солдатову, было в год побега 36 лет, младшим, Ключу и Пуцу, шел в 1948 году 22-й год, Янцевичу было 31, Гою – 29, Тонконогову – 28, Демьянюку и Худенко – по 27 лет, Бережницкому и Саве – по 26. Десять из двенадцати были моложе тридцати. Может быть, это не случайно, что тем, кто уцелел после этого побега, будет 36, 29 и 27 лет (судьба Янцевича по-прежнему остается для меня под вопросом).

Местом рождения девяти из двенадцати была Украина, преимущественно – западные области.

2. Десять из двенадцати были украинцами.
3. Восемь из двенадцати по социальному происхождению крестьяне.
4. Лишь трое из двенадцати имели среднее образование, у большинства – четыре-пять классов.
5. Восемь из двенадцати никогда не служили в Красной Армии. Трое воевали непродолжительное время. Военнопленными были лишь двое. Кадровым военным, офицером, был только Солдатов.

6. Одиннадцать из двенадцати были осуждены на Украине, по месту совершения преступления или задержания. По составу преступления: один убийца, двое служащих немецкой полиции, девять – участники украинских националистических формирований. Соответственно квалификация: ст. 136 ч. 2 УК РСФСР; Указ ПВС от 19 апреля 1943 г.; ст. 54 ч. 1а, 1б УК УССР.

Трое первоначально были приговорены к высшей мере наказания, замененной позднее 20 годами каторжных работ. В итоге семь участников побега имели сроки наказания по 20 лет КТР, пять – по 15. На освобождение каждый из них мог рассчитывать в лучшем случае лишь лет через 11-12, то есть году к 1960-му.

Какое отношение к себе могут вызвать эти меры наказания?

Убийство при отягчающих обстоятельствах, совершенное к тому же военнослужащим, – тут, видимо, на жестокость приговора не посетуешь. И если Президиум Верховного Совета СССР пошел в данном случае на удовлетворение ходатайства о помиловании, то сделал он это, может быть, исходя из оценки, выражаясь юридическим языком, субъекта преступления: прямой и честной была до дня 20 ноября 1944 года жизнь старшего инженера-лейтенанта, а потому мог высший представительный орган страны увидеть в нем человека, еще не потерянного для общества, а может быть, не мог тот же орган в данном случае и милость не проявить к семье убийцы – два брата Солдатова погибли в годы войны, защищая родину.

По 20 лет КТР за службу в немецкой полиции. Видимо, в те годы эта мера наказания не могла показаться чрезмерной за измену родине, совершенную в столь злодейской форме. Да и все последующие годы, вплоть до наших дней, общественное мнение полицаев не жаловало.

15-20 лет КТР за участие в националистических формированиях. Советский законодатель и стоящее за его спиной политическое руководство страны всегда были чуткими к опасности, исходившей от националистических, а потому и центробежных устремлений, ко всему тому, что подрывало национально-идеологическое единство страны. Не вдаваясь в далекую предысторию, напомним, что еще в июне 1927 года в Уголовный кодекс РСФСР, в главу “Особо опасные для Союза ССР преступления против порядка управления”, была включена статья 59-7, предусматривавшая ответственность за пропаганду и агитацию, направленные к возбуждению национальной и религиозной розни. За те же действия, совершенные в военной обстановке, часть 2 указанной статьи предусматривала высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией имущества.

Обращаясь к сегодняшнему дню с его разгулом националистических (а подчас и религиозных) страстей, памятуя о незаживающих ранах на территории бывшего Советского Союза, национальной рознью нанесенных, можно ли полагать для их зачинщиков какое-либо наказание чрезмерно жестоким? И как тут не вспомнить о том, что в свое время холодные просторы Колымы остужали горячие головы националистов самых разных мастей, в том числе и тех конкретных людей, чьи имена сегодня на знаменах самых яростных борцов за самостийность и незалежность.

Но и отнюдь не оправдывая те или иные действия, способствующие распространению националистических притязаний, трудно согласиться с санкциями некоторых из уже процитированных мною приговоров:

“(…) заготовил и сдал для немцев сушеной черники 1,5 тонны и сушеных грибов 3 центнера, производил отоваривание заготовок немецкими властями среди мирного населения (…)” – 15 лет КТР;

“(…) принимал активное участие в снабжении банды “УПА” продуктами питания (…)

сопровождал мобилизованных (…)” – 15 лет КТР;

“(…) исполнял обязанности связного по доставке оуновской почты (…)” – 15 лет КТР;

“(…) в течение трех недель заведовал кухней банды “УПА”. Собирал продукты питания (…)” – 15 лет КТР.

Вымученные, необедительные формулировки, а в памяти родственников, друзей, знакомых, просто тех, кто ненароком узнавал о событиях тех лет, десятилетиями тлея мысль: взяли ни за что, сломали жизнь... Эта память как страшный бич полонет через много лет по судьбам ни в чем не повинных, совсем других людей: "Геть, москали!". А тогда, в 1948-м, эта свежая память кровоточила, она звала к мести, к насилию над теми, кто таким вот образом осуществил насилие над тобой...

Излишняя жестокость (по крайней мере, некоторых из вышеназванных приговоров) стала очевидной не сегодня. Но не скоро возвращаются колеса юстиции. Только в марте 1957 г. Военный трибунал Прикарпатского военного округа, рассмотрев протест военного прокурора того же округа на приговор в/войск НКВД Дрогобычской области от 27 марта 1945 года - через 12 лет! - в отношении Маринива С.В., который носил почту из села Юсептечи в село Стриголев и обратно, постановил исключить из приговора ему санкцию ст. 2 Указа ПВС от 19.04.43 и, установив ему меру наказания по ст. 54-1а УК УССР - 10 лет лишения свободы, из мест лишения свободы освободить за отбытием срока наказания. К тому моменту Маринива уже более восьми лет не было в живых.

Можно предположить, что нынешний процесс реабилитации коснулся и других из 11 беглецов, осужденных в сороковые годы Военными трибуналами на территории Украины. Но сведений о таких решениях, принятых по месту вынесения приговоров, т.е. на территории нового независимого государства, магаданский архив не имеет.

Но вернется к исходным позициям, в год 1948-й.

7. Десять из двенадцати беглецов принадлежали к лаг. облуге - придурне по блатной терминологии: бригадир, бригадир, дневальный, повар, хлеборез, портной, сапожник, парикмахер, художник, водонос. Да еще звеньевой, правая рука бандитствовавшего Тонконогова - Гой, видимо, тоже мог себя работой не слишком утруждать, а если и утруждал (на него Тонконогов прежде всего перекладывал все ночные смены), то больше из природной добросовестности, мог ведь ходить, дрыном помахивая.

Итого - одиннадцать. Если вспомнить и блестящую "производственно-бытовую характеристику", данную единственному

в этой группе зеку-работяге - уже после побега! - то можно, пожалуй, уверенно сказать, что положение в лагере каждого из них было обеспеченным и надежным.

И тогда с особой силой встает вопрос: почему они бежали?

Начну с очевидного: каждый невольник мечтает о свободе. Если только он не последний доходяга, которому до конца смены, а там и до отбоя дотянуть - предел мечтаний. Те 12 были молоды, вполне здоровы физически и на придурочных своих должностях (об этом и Шаламов пишет) прилично подкормились. Плюс, по приказу Тонконогова, и экипированы были неплохо - свои сапожник и портной постарались: самым авторитетным, не всем, конечно, даже меховую одежду впрок приготовили.

Было лето, разгар щедрого колымского лета, ликование природы столь буйное, что думаешь - вопреки знанию, опыту, недавним еще обморожениям, черт побери! - что никогда эта щедрость не кончится, что всегда вот так и будет: тепло и зелено.

А еще неотступно (и это вошло за прошедшие в неволе три-четыре года в сознание, казалось, совсем и в каждую клетку) стояла рядом мысль: такой срок не отсидеть, столько все равно не выдержать. Плюс к тому же, по крайней мере у некоторых: а за что? что я сделал такого, чтобы мне пятнадцать лет каторги?.. Так не лучше ли дерзнуть сейчас, пока еще молод, здоров и есть хоть какой-то шанс?

Таким шансом был Тонконогов, личность авторитетная в глазах лагерников (что бы администрация потом в характеристике ни написала - ее тоже понять можно), дерзкая, удачливая. С таким не пропадешь.

И еще, что чуть позже станет со всей очевидностью ясно и моему читателю, - бежать в тот момент, из того лаг. пункта, при той обстановке было МОЖНО. По крайней мере, только бежать, вырваться из-под охраны, а там...

Но об этом дальше. А пока сообщу еще одну мотивировку побега, довольно, на первый взгляд, неожиданную.

Газета "Правда" тот год открывала передовой статьей "1948". В ней был и такой абзац:

"Наша родина - надежный оплот мира и демократии, основная сила антиимпериалистического лагеря, противостоящего

бредовым планам новоявленных претендентов на политическое и экономическое господство над миром. Все народы, ненавидящие войну, жаждущие прочного мира, борющиеся за свои суверенные права, видят в Советском Союзе могучего защитника дела прочного мира и демократии и единодушно поддерживают его мудрую и справедливую внешнюю политику”.

В том же номере в статье “Мы и они” Илья Эренбург писал: “Недавно в США произошел курьез. Радиокомментатор Уолкер Уинчел начал свой очередной обзор словами: “Война началась...” Произошла паника, и некоторые радиослушатели скончались от разрыва сердца. Уолкер Уинчел продолжал: “Если не говорить об армиях, то третья мировая война в самом разгаре”... Кто же жертвы этой войны? Нервы американцев. Достаточно известный Г.Бирнс заявил: “Будем молиться о мире и одновременно изготавливать атомные бомбы”.

Д.Заславский в статье “Смена года” в следующем номере “Правды”:

“Советских людей нельзя было запугать, согнуть, сломить во время войны. Только тупоумие зарвавшихся американских авантюристов и их пособников может питать идиотскую мечту о том, что независимый советский народ можно шантажом и хулиганскими угрозами заставить стать на колени (...)”.

Тассовская информация в № 9 газеты “Правда”:

“В беседе с представителями печати Генри Уоллес (бывший вице-президент США и хороший знакомый северян – в 1944 году он, по заданию президента Рузвельта, заезжал и на Колыму, в тот период вел борьбу за объединение либерально-демократических сил в “третью” партию, из этой затеи ничего не вышло. – А.Б.) сделал следующее заявление по поводу выступления Трумэна: “... Обсуждая проблемы национальной обороны и внешней политики, он снова указывает, что руководство демократической партии стоит за поддержку реакционных правительств во всем мире за счет американского народа и с риском вызвать новую войну”.

Информация “Бюджет США” в № 13 “Правды”:

“Трумэн представил конгрессу “бюджетное послание президента”, в котором он рекомендует установить бюджет правительства США на 1949 бюджетный год (начинающийся с 1 июля 1948 года) в размере 39,7 млрд долларов.

(...) он рекомендует включить в расходы 1949 бюджетного

года приблизительно 11 млрд долларов, или 28 процентов всего бюджета, на военные нужды и приблизительно 7 млрд, или 18 процентов расходов по бюджету, на “международные дела и финансирование”.

Юрий Жуков, статья “Власть “большого бизнеса” (“Правда”, № 15):

“– Когда же мы используем атомную бомбу, которую бог вложил нам в руки для установления мира? – вопил бывший капеллан армии Хэйли на съезде “Ветеранов иностранных войн (...)”.

“Правда”, № 20, информация ТАСС:

“Форрестол (министр обороны США. – А.Б.) заявил в сенатской комиссии по иностранным делам, что он надеется на передачу американскому министерству обороны задачи объединения военных сил 16 стран, охватываемых “планом Маршалла”.

Михаил Шолохов в статье “Слово о Родине” (“Правда”, № 24) писал:

“В глазах американского народа лживые псы американских империалистов пытаются изобразить нас в печати и по радио беззащитными и слабыми, словом – легкой добычей для воинственных мальбруков из “Американского легиона” (...)”.

Один из многочисленных холопов американского империализма – Уильям Зифф в своей книге “Два мира” приводит цифры разрушенных в нашей стране во время войны промышленных предприятий, городов и сел, стертых с лица земли немецкими оккупантами. С нескрываемым злорадством он пишет и о “160 миллионах акров плодороднейшей русской земли, выжженной немцами”. Из этого он делает свой вывод: “Не смотря на великолепные качества русских войск, сомнительно, смог ли бы сегодня СССР выдержать потрясающий удар новой решительной тотальной схватки”.

Я отнюдь не утверждаю, что герои моего очерка читали тогда эта тревожные строки (хотя “гвоздевые” материалы центральных газет дальстроевская “Советская Колыма” перепечатывала уже на другой день), я отнюдь не уверен, что многие из моих героев брали в руки газеты (хотя бы по причине своего образовательного уровня). Однако в их распоряжении была многоустая лагерная “параша”. Та самая, что разнообразием тематики и оперативностью информации могла поспорить с крупнейшими мировыми агентствами (о достоверности говорить не буду,

тем более что она и у этих крупнейших агентств не была стопроцентной).

Важнейшая тема “параши” – международное положение. Потому что как ни далеко было то или иное событие от лагерной Колымы, оно могло непосредственно и с убийственной силой повлиять на судьбы лагерников.

Мне уже приходилось рассказывать о восстании заключенных, случившемся зимой 1937 года на колымской командировке “Зеленый мыс”. Тогда одной из сил, взбудораживших заключенных, явилась весть о том, что началась война, японцы высадились в Приморье и захватили половину Сибири, а в Магадане охрана уже перебила всех заключенных – оно и понятно: раз положение в стране стало напряженным, власти своих внутренних врагов не пощадят.

Это предположение 1937 года трагическим образом подтвердилось, когда война действительно началась: 1941-42 годы дали новую волну расстрелов в колымских лагерях, впрочем и вольное население она не обошла.

Едва ли каторжане на прииске имени Максима Горького в 1948 году что-то знали об этих давних историях, но они рассуждали так, как их предшественники в берзинские времена: если что-нибудь начнется, нам несдобровать в первую очередь. А в том, что начаться может в любой день, в любую минуту, сомнений не было, наверное, ни у кого – лагерная “параша” в своих прогнозах наверняка была смелее “Правды”.

Эти опасения, именно этот мотив побега отразятся в показаниях уцелевших его участников. Впрочем, следствие на этом, бесполезном для себя мотиве, акцентировать внимание не станет. Ему будут важнее другие мотивы, пусть даже и мифические, но об этом позднее.

И еще о двух обстоятельствах, предшествующих побегу.

Тонконогов и те, кто стоял близко к нему – а существовал, видимо, негласный штаб, собиравшийся в “каюте” у бригадира под видом репетиций якобы готовящегося концерта – не думали ни о восстании, в котором бы приняли участие все заключенные, ни о том, чтобы вывести весь лагерь за колючую проволоку. Впрочем, на тех предварительных обсуждениях мысль открыть ворота и звучала, но поддержки не получила. Освободить всех каторжан группа Тонконогова не собиралась – вопервых, ей это было ни к чему, т. к. в этой компании каждый

думал прежде всего о себе самом, таков закон лагерной жизни, а во-вторых, не кинулись бы в распахнутые ворота все каторжане: о риске, с которым был сопряжен побег, знали именно все, в любом случае ушли бы единицы.

Группа складывалась не спеша, на протяжении полутора месяцев, и организованно. Можно сказать, что Тонконогов отбирал участников побега по вполне определенным критериям. В числе кандидатов преобладали: а) украинцы, б) з/к из obsługi, в) люди молодые. К началу июля круг участников побега определили, в него входило около двадцати человек. Последний “отсев” был произведен самым решительным образом – Тонконогов просто не предупредил кое-кого из кандидатов о настоящем дне и часе побега.

Сделать это ему было тем более просто, что день побега был перенесен. Первоначально предполагалось, что побегут 1 августа, но 25 июля Тонконогов распорядился, чтобы подменили на ближайшую ночную смену его заместителя по бригаде Гоя, и через Пуца предупредил остальных участников, что “это” произойдет сегодня.

По той же причине, возможно, кое-кто из тех, кто должен был бежать, не смогли освободиться от работы в ночной смене, а (и это известно достоверно) один из получивших такое предупреждение - з/к КТР Федор Басс, 1911 г. рождения, украинец, осужден за измену родине на 20 лет каторжных работ, в лагере работал поваром – в последнюю минуту передумал, и пришедший на кухню за уже приготовленными для беглецов продуктами Николай Солдатов запер его в кладовой - видимо, по его же просьбе – вместе с работавшими в тот час на кухне другими заключенными, ничего не знавшими об уже случившемся захвате власти в лагере.

Перенос даты мог быть вызван соображениями конспирации – а дату действительно нужно было держать в тайне от всех, в том числе и от рядовых участников побега. Но захвату власти в лагере способствовало одно обстоятельство, и можно думать, что оно не было случайным: в самый момент захвата в лагере погас свет.

В конце июля ночи на Колыме уже не назовешь белыми. Но они и не те аспидно-черные, как на юге, или просто темные, как в средней полосе, – темно, конечно, но темно этак на три

четверти, кое-что различить можно, и это – удобно для нападающего, знающего, что ему нужно делать, и крайне неудобно для того, кто стал объектом нападения.

Лаг. пункт № 3 снабжался электроэнергией от шахты № 213, находившейся в трехстах метрах. Разбуженный женой (она услышала выстрел, произведенный при захвате помещения охраны) начальник лаг. пункта старший сержант Аким Проскурин, прибежав в одном белье (была половина второго ночи), но с фуражкой на голове на вахту лагеря, обнаружил, что энергия не отключена, что шахта, питающая лагерь, работает (чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть в окно – огоньки горели), а сам лагерь и ближайшие дома – помещение охраны, дом самого начальника – во тьме.

Как это произошло? По чьей вине? В архивном следственном деле нет ответов на эти вопросы. Однако нельзя исключить предположение о том, что организатор побега Тонконогов сумел условиться с неведомым “кем-то”, что в нужный день (или в один из дней, как только появится такая возможность) и час энергия в лагере будет отключена. И как только стало известно, в какой день это произойдет, на этот день Тонконогов и назначил побег. Перенос даты мог объясняться именно этим.

Итак, лаг. пункт № 3 прииска имени Максима Горького. 490 з/к з/к, в подавляющем большинстве – з/к КТР. По норме здесь полагалось содержать только 450 человек. Их охранял 2-й взвод 4-го дивизиона Северного отряда. В день побега взвод насчитывал 29 бойцов, что составляло менее половины требуемого состава.

Начальник л/п Аким Проскурин: “Если считать по инструкции, то на каждых 25 человек каторжан положен один надзиратель. Таким образом всего надзирателей на лагерный пункт требуется не менее 15 человек, которые могли бы обеспечить настоящий режим в лагере, а так-же на производстве”.

В наличии было лишь трое надзирателей. Существенно не хватало и бойцов охраны, и оттого часовые на вышках по периметру лагеря (вспомним, что эти часовые присутствуют и поднимают тревогу и в рассказе В.Шаламова, и в книге П.Деманта) не выставлялись здесь ни днем, ни ночью. То, чего не могла представить нормальная зековская фантазия каждого из авто-ров, было на самом деле: лагерь практически не охранялся.

И в ту ночь с 25 на 26 июля, как и во все предыдущие, на лаг. пункте № 3 на дежурстве были: вахтер Перегудов (на вахте лагеря, с пистолетом в кобуре), собаковод Светкин (дремал на той же вахте, оружие ему не полагалось) с тремя собаками, расставленными “по точкам”, и дежурный, он же старший надзиратель Васильев (на территории лагеря, безоружный). Итого: один пистолет и три овчарки против 490 з/к з/к. Это охрана?

Захват начался с того, что освободившийся от своих дневных забот хлеборез Николай Солдатов разыскал на территории лагеря старшего надзирателя старшего сержанта Александра Васильева (по версии Солдатова, Васильев остановил его, когда он шел к себе в барак, и позвал в тот же барак – выпить с Тонконоговым чифирку, эту выдумку не стоит и оспаривать). Конечно, все было условлено заранее, и как только Васильев вместе с Солдатовым пришли в барак (барак, разумеется, был открыт, хотя шел двенадцатый час, а по инструкции барак должен быть закрыт снаружи в 21.30) и Васильев сел на койку в “купе” Тонконогова, надзиратель тут же был задушен ремнем, накинутым на шею сзади. Исполнители – Тонконогов, Сава, Пуц и Солдатов (держал руки спереди). Солдатову, заманившему надзирателя в барак, выпала, как пишет В.Шаламов, “честь начать это дело”. Честь более чем сомнительная.

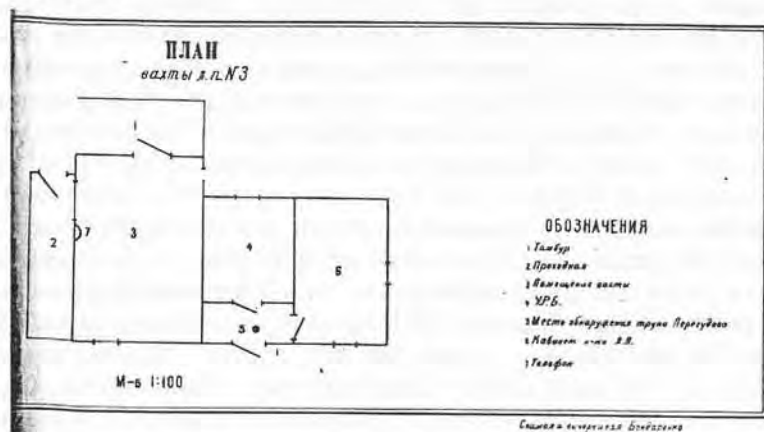
Несомненно и то, что отправившись на это “чаепитие”, надзиратель самым грубым образом нарушал служебную инструкцию, но... нарушал он ее и до этого вечера не раз – и ничего не происходило, поэтому шел, видимо, без всякого страха.

Свет в лагере в этот момент еще горел. Его отсутствие вызвало бы тревогу охраны – и тогда Васильев не пошел бы в барак к заключенным, да и вахтер Перегудов предпринял бы какие-то действия.

Далее была захвачена вахта. Вооруженный вахтер представлял опасность – его задушили. Исполнители – Тонконогов и Сава. Безоружного собаковод Светкина (весьма сомнительно, что он так крепко уснул, что не проснулся и в тот момент, когда душили Перегудова – ведь какая-то возня была) связали и, выставив оконную раму вахты, спустили на территорию лагеря и поволокли в тот же барак, где был задушен Васильев. Там бросили на койку рядом, свет еще горел.

Солдатов и Игошин отправились на кухню с двумя большими, сшитыми заранее сумками-рюкзаками, положили двад-

цать буханок хлеба (!), ведро сливочного масла, мясные консервы (количество осталось неизвестным) – просто чудесные по вместимости сумки были, и не сумки, а вьюки какие-то. Вот только как с ними пришлось бы бежать по сопкам? Отметим здесь и выдающуюся роль хлебореза Солдатов – столько хлеба приготовил.

План вахты л/п № 3

Загрузившись, Солдатов и Игошин вместе с подоспевшими Бережницким и Маринивом, хлопцами дюжими, вдобавок в руке у одного из них был здоровенный тесак, загнали в кладовку находившихся на кухне 7-8 заключенных, не посвященных в ход событий. К ним присоединился – видимо, молча, ни о каком выяснении отношений в тот момент свидетели не вспоминают – и отказавшийся от побега повар Басс (присоединился и тем спас себе жизнь). Кладовку Солдатов запер на замок. Свет еще горел.

В это время кто-то из беглецов, находившихся в помещении вахты, заметил возвращавшуюся из кино жену (теперь уже вдову) вахтера Перегудова Серафиму. Осталось невыясненным, для чего: то ли ухарства рада – пошутили, так сказать, то ли все-таки для дела, так как опасались, что Серафима по собственной инициативе может прийти на вахту – о кинокартине рассказать или мужу что-нибудь поесть принесет и застанет здесь вместо мужа притаившихся зеков, Серафиму решили позвать,

для чего все тот же Сава помахал ей фуражкой с крыльца – точно так, как это делал раньше ее муж (свет наверняка еще горел, иначе Серафима не увидела бы этих манипуляций). Серафима тотчас откликнулась, не разобрав, кто ее зовет. На вахте ее схватили и тем же путем, через окно вахты, переправили в лагерь – все в тот же барак № 4, на койку к собаководу Светкину.

Эту возню около вахты – пусть и негромкую, но, видимо, достаточно различимую в спящем лагере (время приближалось к двенадцати) – услышали еще два полуночника, находившиеся в помещении хозяйственной части (а от нее до вахты метров 20), – опер. учетчик (правая рука нарядчика Котова, который в это время мирно спал в бараке хоз.обслуги и, вопреки рассказу П.Деманта, никакого участия в побеге не принимал) и его помощник.

Опер.учетчик Кузнецов В.Н. (осужден по ст. 58-14 – к.-р. саботаж – УК РСФСР, в каторжанском лагере было несколько з/к ИТЛ, им, как особо доверенным лицам, были отданы ответственные места в службе) вышел на улицу, чтобы посмотреть, что происходит: "(...) меня заметил Тонконогов и говорит следуй в хоз. часть и показывает кобур (с пистолетом убитого вахтера – А.Б.). Когда он зашел в хоз. часть сказал, чтобы я и Жаров (пом. опер. учетчика, з/к КТР, ст. 54-1а УК УССР, осужден на 15 лет каторжных работ. – А.Б.) сидели в хоз. части, взял замок и закрыл на замок. Вместе с Тонконоговым зашел и Солдатов, который заявил может быть я и погибну, но пусть узнают силу балтийцев.

Прошло около тридцати минут я открыл дверь каптерки и зашел туда, выбил в каптерке окно поленом, так как я почувствовал, что дела плохие, надо сообщить в охрану. Когда я просунул в окошко, меня заметили и Тонконогов выскочил через окошко вахты и вместе с Худенко подошел в хоз. часть. Сорвав двери вошли и связали сначала меня, проволокой руки назад простыней ноги и положили на кровать, потом связали Жарова. Потом сами ушли, потушили свет".

Беглецы собрались на вахте. Далее по плану Тонконогова нужно было встретить конвоира, который придет за бригадой, заступающей в ночную смену. Вот тут, в начале первого, свет потух. Это можно утверждать точно, потому что Иван Гой, еще один оставшийся в живых участник побега, на следствии скажет: "Мы стали ожидать когда он (сержант Грызункин. – А.Б.)

зайдет на вахту, где мы воспользовавшись отсутствием освещения, должны были его обезоружить”.

Лагерь уже около часа был в руках заключенных и отрезан от внешнего мира (телефон на вахте оборвали сразу же, как только ее захватили). Теперь он погрузился в темноту (а вместе с ним и помещение охраны, где бодрствовал дежурный). Дежурный тревогу не поднял, это будет стоить ему чуть позднее жизни. Так же спокойно, видимо, шагнул в темноту лагерной вахты и Грызункин.

Продолжение показаний Гоя:

“Как только боец зашел на вахту, Савва схватил его за винтовку, а Тонконогов наставив на него наган скомандовал: “Руки вверх!” Боец опустил винтовку поднял вверх руки. Савва передав винтовку заключенному-каторжнику Пуц винтовку, а сам ремнем стал связывать бойцу руки”.

Грызункина отправили в тот же барак и положили на пол около койки, на которой помещались собаковод и вдова вахтера. Барак наконец закрыли на замок.

(До этого момента участникам побега приходилось следить, чтобы никто из непосвященных в их замысел из барака не выходил, а такие были, так как заключенные из бригады Тонконогова привыкли к тому, что их секция на ночь не запирается, и пытались – по малой нужде – из барака выйти, их останавливали: “Ссы тут!”, а самому непонятливому – история сохранила и его фамилию – Тонконогов, несмотря на широкий круг забот, нашел время собственноручно дать по морде: “Ну говорят же тебе!..”)

Теперь путь к свободе был открыт. Но этот путь никуда не вел. Никуда.

Потому что – да! – сейчас они построятся в колонну по два...

... хотя это и бессмысленно – им некого обманывать, никто их не видит: ни души на вышках, да и темно вокруг... так что построились скорее по привычке, чем по делу.

... вот только сколько их пошло на захват взвода? В показаниях оставшихся в живых беглецов есть противоречия. Гой и Демьянюк расскажут, что на захват пошли все двенадцать. Солдатов же будет утверждать, что он и Игошин остались со своими мешками-рюкзаками на лагерной вахте и должны были присоединиться к беглецам после того, как те разделаются со

взводом и возьмут оружие – Тонконогов должен был подать оттуда сигнал.

Но каков смысл этого разделения и последующего соединения? Действия явно лишние – весь захват должен произойти в несколько минут. А потом еще ждать, когда прибегут эти, с мешками? Да и каким должен быть сигнал?

После побега Солдатов будет рассказывать, что услышав выстрелы, он и Игошин поняли, что все пропало (значит ли это, что Тонконогов планировал и взвод охраны захватить без единого выстрела?), и кинулись с вахты без рюкзаков – они так там и остались, они были теперь не нужны (но куда кинулись? – к домику начальника лаг. пункта! – зачем?..).

Но все-таки они построились и пошли – навстречу смерти.

Они подошли к помещению охраны. Кто-то стукнет в дверь (наружного поста около помещения охраны не было – по причине все той же малочисленности взвода), дежурный Рогов спросит: “Кто это?” и подойдет, чтобы рассмотреть, в чем дело? Грызункин, что ли, вернулся? Это будет его последняя оплошность, потому что Тонконогов тотчас выстрелит.

Разбив окно, каторжане ворвутся в дежурное помещение. Раздастся еще несколько выстрелов.

По словам командира отделения Харьковского, выстрелов было шесть или семь. Бойцы охраны (их было немногим больше, чем нападавших, – четырнадцать человек), застигнутые врасплох – они спали в казарме, смежном помещении, и оплошность дежурного сделала их беззащитными – в одном белье выпрыгивали в окно. А в дежурке каторжане, взломав пирамиду, разбирали автоматы – хватило не всем, вырывали друг у друга. В суматохе Тонконогов выстрелом все из того же пистолета ранил в руку Ивана Гоя – возможно, что обознался, на том была шинель вахтера Перегудова (напомню, что свет все еще не горел).

Не сговариваясь, толпой каторжане кинулись от помещения охраны к дороге – их тени промелькнули перед окном начальника лаг. пункта.

Аким Проскурин подумал, что взвод уже начал преследование. До дороги было метров 350-400.

Побег агонизировал. Каторжане выскочили на дорогу (Эльген – Хатыннах – Ягодное). Было около часа. На этой дороге и в дневное время движение никогда не было напряженным –

кому же понадобится ехать по ней сейчас? Машину можно было ждать и час, и два. Каторжане подождали минут десять и двинулись в сторону “Туманного”.

Больше ни дорога, ни автотранспорт, играющие заметную роль в описаниях Шаламова и Деманта, к реальным событиям отношения иметь не будут. Действие свернуло в тайгу, где беглецы были особенно уязвимы.

В это время начальник лаг. пункта добежал до вахты и увидел учиненный погром. Посыльный уже мчался в дивизион – до него от лагпункта километра полтора – чтобы поднять тревогу. Бойцы возвращались в казарму за одеждой. Надзиратель Мальцев услышал чей-то крик из барака № 4, открыл его и освободил Светкина, Сироткину (вдову Перегудова) и Грызункина. Там же он нашел и труп Васильева. Труп Перегудова Проскурин увидел раньше, потом он освободил все еще оставшихся связанными в хоз. части Кузнецова и Жарова.

Минут через пятнадцать лейтенант Кондрашов привел весь наличный состав дивизиона – шестнадцать человек. Без промедления провели проверку. 478. Минус 12. Аким Проскурин пошел снимать остаток материальных ценностей. Кондрашов с дивизионом (под его командой было 22 человека) начал преследование. Собаки быстро взяли след.

Побег агонизировал с того момента, как каторжане вышли за территорию лагеря. Часа полтора они были его безраздельными хозяевами. Остаться дольше здесь было бессмысленно. И бежать тоже не имело смысла.

Они бежали сейчас редкой колымской тайгой в сторону “Туманного”, затем следовало взять левее, к Эльгену. По плану (а обсуждался и вариант движения в сторону Магадана: там тайно проникнуть на пароход и... – но это была и вовсе фантастика), по плану первоначально предполагалось добраться до Мылги, затеряться в пустынной тайге и добраться до Якутска.

У них не было ни карты (ее надеялись взять у какого-нибудь геологического отряда, если встретится, то есть тот же “авось”, что и с машиной; правда, у грамотея Худенко была какая-то схема окрестностей с названием ближайших поселков, но она потом и его самого мало выручала), ни знания местности, никакого опыта таежной жизни (все южане), никакого продовольствия. На что они могли надеяться?

Собаки бегут быстро. Бойцы охраны сейчас придерживают их, осторожничают, боясь нарваться в темноте на засаду. Рассветет – и они побегут быстрее. Бойцы – ребята молодые, сильные, тренированные и очень злые.

О последнем беглецы тоже знают. Они знали об этом, еще когда решали, КАК побегут – как захватят власть, кого и где убьют. И знали, что пощады им от погони не будет. “Живыми не сдадимся!” – Тонконогов это говорил не раз.

Они бегут, точнее – двигаются ускоренным маршем, потому что по тайге долго не побежишь. Какая у них сейчас фора перед преследователями? Километров пять, максимум. На дистанции до Якутска это, конечно, не фора.

Первая перестрелка случилась вечером следующего дня. Преследователи были совсем рядом. Их встретили огнем из всех стволов, расположившись в кустах по берегу ручья. Перестрелка длилась от силы минут пятнадцать, и Тонконогов скомандовал отход (заранее условились, что для обмана противника он громко крикнет: “Вперед!” – есть в этом что-то комическое).

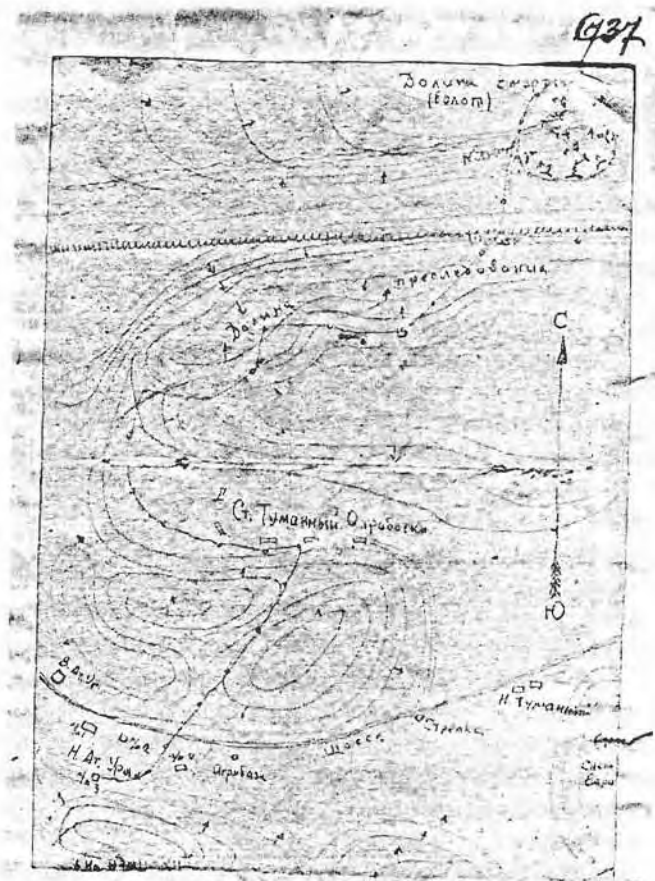
У беглецов тяжело – в лицо – ранен Пуц. Брошен пулемет. У преследователей, кажется, подстрелили собаку.

На следующий день, 27 июля, В.Худенко, тоже не бог весть какой стратег, запишет в дневнике:

“Оказалось, что Тонконогов хорош организатор, но как военный командир никуда не годится, ничего не знает и ни в чем не разбирается, поэтому выбрал такую дурную позицию и в таком дурном месте, неправильно расположил людей и бой проигран. Нас обошли. Не имел никаких распоряжений от командира и чувствуя, что наше правое крыло обходят, я вытягиваюсь по линии, чтобы предотвратить обход. За мной следуют Янцевич и Игошин. Начался бой. Мы втроем прорвались. Идти на условленное место нет никакой возможности – мы в болоте, а указанное направление еще в худшем болоте. Что делать? Через болото поднимаемся на гору в северо-западном направлении. Примерно в 4 часа дня пересекли болото и подошли к реке (названия не знаю), очевидно к Таскану. Мы хоть и голодные, но состояние духа сильное. Ведь счастье наше впереди”.

Перед первым боем преследователи имели двойной перевес в живой силе и еще больший – в огневой мощи (один стан-

ковый пулемет и два ручных против одного ручного – у беглецов). Но на стороне каторжан была инициатива – им решать, в какую сторону двигаться, где устроить засаду, где принять бой... Но этим реальным преимуществом они воспользоваться не смогли.

*План местности боя изъятый у
убитого гр. банд. убитого Худенко.*

Лист дела 637: "План места боя изъятый у убитого уч. банд. группы Худенко"

Прав Худенко – Тонконогов никакой не командир. Но нет среди беглецов человека, умеющего воевать, а тем более – командовать боевыми действиями. И морской офицер-механик Солдатов был таким же беспомощным в тех условиях, как и остальные. Не тех героев выбрала жизнь для этого побега – не тех отчаянных смельчаков, умелых и решительных в бою, что действуют в описаниях Шаламова и Деманта. Оттого и боевые эпизоды подлинной истории столь не похожи на их литературное отражение.

После первого боя группа Тонконогова потеряет четырех человек из двенадцати: Худенко, Янцевич и Игошин отколются, их судьбы будут развиваться по своему сценарию, раненого Пуца застрелит Тонконогов, когда основная группа двинется дальше. Гой, раненный при захвате оружия, потом вспомнит, что весь следующий день избегал Тонконогова, боясь, что он и его пристрелит. Но пожалел Тонконогов своего звеньевго, оставил жить, только автомат отобрал – все равно от Гоя пользы никакой.

Двенадцать минус четыре – восемь, даже семь с половиной. Преследователи имели уже тройной перевес – после 15-минутной перестрелки.

На следующий день к вечеру погоня снова настигла беглецов – видимо, каждый раз погоня собиралась решить главную задачу до наступления темноты, так как на ночь преследование практически прекращалось и утром приходилось все начинать сначала. Случилось это уже недалеко от Эльгена, в месте, которое называлось "12-й километр". Беглецы расположились на ночлег. Они были уже сильно измотаны, к тому же вот уже двое суток у них не было ни крошки продовольствия, вся еда – только то, что под ногами: грибы, ягоды... Их преследовали бойцы все того же дивизиона, силы преследователей не менялись и не увеличивались. Им досталось за эти двое суток не меньше. Но у них хоть еда была.

Очевидно, что силы преследователей у Шаламова и Деманта сильно преувеличены: машины на всех дорогах, самолеты в небе (а что, спрашивается, с того же Ли-2 разглядишь? был бы вертолет или АН-2 хотя бы – тогда другое дело, к тому же и искать угнанный грузовик смысла не было – беглецы двигались тайгой, это было известно уже 26 июля).

Хотя меры предосторожности во всей округе были приняты. Ветеран Севера В.А.Козина, проживавшая на прииске им. Горького, вспоминала, что на второй день после побега каторжан она поехала навестить детей, находившихся в пионерском лагере на “Стрелке”, в нескольких километрах от прииска, и услышала от сына, что около лагеря находятся в засаде дяди военные и эти дяди дают им поиграть настоящие гильзы. Как-то особых мер охраны на самом прииске Вера Аркадьевна не помнит.

Бывший заключенный А.С.Сандлер, он находился тогда на “Штурмовом”, километрах в тридцати от прииска им. Максима Горького, рассказывал, что в дни, когда ловили беглецов (а было известно, что бежали заключенные – бывшие военнопленные и что они хорошо вооружены), по приказу свыше вооружили чем могли весь партийно-комсомольский актив прииска.

Бывшая колымская заключенная Е.Е.Орехова находилась в те дни в лагере на Эльгене. Она вспоминает множество военных на улицах поселка во главе с генералом Титовым (генерал-майор Титов, начальник УСВИТЛ, действительно был в те дни на Эльгене) и многодневную канонаду, гремевшую в окрестностях.

Тот, второй, эпизод мог стать и последним. Назначенный дежурить Бережницкий тотчас уснул, и будь преследователи чуть удачливее, они могли бы взять измотанных беглецов голыми руками. Но не взяли, и опять завязалась перестрелка. На этот раз она длилась гораздо дольше – около часа.

Беглецам снова грозило окружение: младший лейтенант Коптегов с пятью бойцами слева и сержант Горбунов с другой группой справа уже обходили противника, но увлекшийся атакой командир дивизиона лейтенант Кондрашов неосторожно высунулся из-за стога сена, и случайная пуля попала ему в голову.

Цитирую Шаламова: “Выскочил, не боясь, начальник отряда охраны – того самого отряда, который разоружили беглецы. Он кричал:

– Эй, Иващенко, Солдатов, Пугачев, сдавайтесь. Вам некуда деться.

– Иди, принимай оружие, – закричал Иващенко из стога.

И Бобылев, начальник охраны, побежал, хлюпая по болоту,

к стогам. Когда он пробежал половину тропы, щелкнул выстрел Иващенко – пуля попала Бобылеву прямо в лоб”.

Преследователи, подобрав тело лейтенанта, отступили. Еще двоих бойцов они потеряли в этот день ранеными.

Яшки Кученя, в котором можно было бы – при чтении рассказа – заподозрить будущего информатора Шаламова – санитар-заключенного из Центральной больницы УСВИТЛ – среди раненых, вопреки рассказу Шаламова, не было. Не было такого человека вообще в группе преследователей (в качестве санитаря ей был придан фельдшер-заключенный с прииска им. Максима Горького по фамилии не то Окунь, не то Окунев). Не было заключенного-санитаря Кученя и в больнице на Левом Берегу. Последнее утверждает тогдашний и единственный в то время оперуполномоченный на этом объекте В.Е.Бакланов, о котором, кстати, Шаламов с большим уважением вспоминает в “Колымских рассказах”. По словам Василия Ефимовича (я специально расспрашивал нынешнего подполковника милиции в отставке о том, что ему было известно о побеге з/к КТР с прииска им. Максима Горького), ни одного раненого – ни заключенного, ни вохровца – тогда в Центральную больницу УСВИТЛ не поступило.

Видимо, Яшка Кучень – столь же “достоверный” персонаж рассказа Варлама Шаламова, как майор Пугачев, оружейный мастер Иващенко или летчик... любой из трех на выбор. Но не может ли само созвучие этих фамилий – Окунь и Кучень – навести на некоторые предположения? Могли ведь встретиться подлинный фельдшер з/к Окунь и такой же фельдшер Шаламов спустя какое-то время после описываемых событий. А Окунь уже в те дни, когда шло преследование, кое-что знал об участниках побега – ведь в числе преследователей были и бойцы разгромленного взвода, в том числе и захваченный было конвоир Грызункин, он тоже побежал выяснять отношения со своими обидчиками. Мог Окунь и позднее, вернувшись на прииск, разжиться информацией в более спокойной обстановке. Он-то и мог стать потом информатором Шаламова. Или, по крайней мере, одним из них, потому что в группе преследователей был и еще один фельдшер – вольнонаемный из Эльгена.

В той перестрелке понесла потери и группа Тонконогова – от нее откололись еще трое: Гой, Демьянюк и Солдатов. В груп-

пе осталось всего пять человек. С начала побега прошло менее двух суток.

А первая отколовшаяся группа беглецов в это время продолжала блуждания по тайге. Из дневника Худенко: "28 июля 1948 года. Наконец мы встретили первые избушки. К сожалению они оказались пустые – в них жили дровозаготовители с присиска им. Водопьянова в 1937 г. и 1941 г. Держим курс на север. Поднялись на громадную сопку, совершенно голую на своей поверхности. Хотем сильно кушать. Без продуктов идти дальше на север не решаемся. Сегодня ночью будем возвращаться обратно к реке. С этой сопки на восток через долину видны громадные белые бараки – наверное, Эльген-уголь."

29 июля 1948 г.

В своем верхнем течении река очень узка. Здесь мы обнаружили лесопилку, которая уже много лет пустует. Будем варить грибы, одними ягодами жить тяжело (...)

Двигаясь вниз по реке я нашел газету (3-4 стр) Сов. Колыма за 15 июля 1948 г. Надо быть осторожным, здесь близко живут люди. Тропинка. Дорога через реку. Видел подводу с одним человеком. Ночь. Будем отдыхать. Утро вечера мудренее. Завтра будем кушать".

То, что в рассказе Шаламова выглядит едва ли не героизмом: набрали оружия и патронов сколько было нужно, а продовольствия не взяли, в реальной обстановке становится бедой. Но у героев Шаламова есть хотя бы галеты и шоколад, а у подельников Тонконогова, из-за панической суматохи при захвате оружия, вообще нет ничего – беда вдвойне. Но продолжу цитату:

"30 июля 1948 г.

Доброго утра, мои товарищи. Мы сегодня будем кушать. А какова судьба тех девяти, что с ними? Я слышал что параллельно нам перемещалось несколько прорвавшихся, но не уверен был, что то наши и не пошел на сближение.

К 4 дня увидели сенокос, а вскоре сенокосцев и их жилище. Оказалось, что здесь живут заключенные с п/н (подлагпункта. – А.Б.) Ледяного, река зовется Хатыннах. Они нас очень испугались. Мы просили кушать, они сказали, что ничего нет. Но соли они таки немного дали. Уходя от них, метрах в 200 от жилища нашли кусок хлеба. Мы прибодрились, повеселели. Решили добыть пищи и на Север.

31 июля 1948 г.

Мы решили таки найти Мылгу. Блуждали целую ночь и впустую. Эх! как плохо, что нет карты. Где движеешься, ничего не знаешь. Пошел дождь. Отдыхать решили у реки Хатыннах. Поддерживаем себя ягодами и грибами (...).

1 августа 1948 г.

Сегодня неделя, как мы на воле. Как хорошо, как приятно. Мы бодрые, но заметно ослабели. Сегодня будем стеречь подводу с продуктами для сенокоса. Миша (Янцевич. – А.Б.) приболел. Это меня очень беспокоит".

Но восстановим хронологию и вернемся к бою в окрестностях Эльгена. 30 октября, на заседании Военного трибунала в Ягодном, подсудимый Солдатов так расскажет об этом эпизоде:

"(...) расположились около стогов сена на отдых, причем установили дежурство. По сколько наш часовой заснул, то вдруг мы услышали, что от нас метров на 50 разговор и стали нас окружать. Тогда мы отскочили в кусты и залегли, после чего вновь завязался бой, который длился около часа. Так как с нашей стороны из куста где залегло шесть человек прекратился огонь, то я подумал, что их убили и стал удаляться в глубь кустов, по направлению к реке Таскан, которую переплыл и вошел в барак, в котором никого не было.

На вопрос председательствующего: Во время боя я находился за пеньком, а недалеко от меня в большом кусте залегли Тонконогов, Сава, Бережницкий и другие. Я открывал стрельбу тогда когда из-за стога показывался человек. Я слышал у их из-за стога раздавалась команда и я выстрелил не более пяти раз, т.к. при мне не более три человека показалось. Убил-ли их я, или нет – я не знаю, ибо после моих произведенных выстрелов они залегли. Гой был от меня в стороне, а поэтому куда он девался я не заметил.

Продолжение показаний: Когда я пришел в барак расположенный был на берегу реки Таскан, то я сразу-же лег спать, а проснувшись в 4 часа утра я услышал разговор, сразу-же из карабина выстрелил в окно. После чего стал наблюдать и заметил человека по которому произвел выстрел, но в него не попал. Через щели стены я заметил другого человека, по которому тоже самое выстрелил. Но тоже самое не попал. Через окно я заме-

тил 2-х лошадей тогда я через окно выбегаю и сажусь на лошадь, на которой направился к сопкам. По мне в догонку дали автоматную очередь. Но погони не было со стороны их. На лошади я по сопкам ездил около трех суток. В это время я питался ягодами и грибами, а затем когда я уснул, то лошадь от меня ушла и найти ее больше я не мог. После чего я пришел в поселок Лагталах (Лыглыхтах. – А.Б.) 31 июля и в помещении электростанции был задержан сержантом Ефимовым”.

Так оно все примерно и было. Захватив эту лошадь, Солдатов трое суток скорее по ее воле, чем по собственной (на следствии он скажет, что лошадь возила его одним и тем же маршрутом и он ничего не мог с ней поделать, что в общем-то удивительно, коль скоро герой наш вырос хоть и в подмосковной, но все-таки деревне и лошадь, наверное, видел не впервые), скитался по окрестностям вышеназванного поселка – станции узкоколейки, по которой возили уголь на Тасканский энергокомбинат. Голодал, раз у встреченного ссыльнопоселенца Петрова М.И. разжился табаком и спичками. Оставшись без лошади, 31 июля зашел в поселок – сначала на разведку, да и голод гнал к людям. На другой день решил сдаться, потому и пошел в людное место. Почему в людное, понятно: здесь, предполагал беглец, охрана стрелять не будет. Он не ошибся, но имя своего пленителя-спасителя запомнил, наверное, на всю жизнь.

Сержант Ефимов командовал отделением первого взвода все того же дивизиона. При задержании у Солдатова изъяли винтовку, 39 патронов, какую-то сумму денег (не названа) и 65 гр. золота. Произошло это первого августа.

Задержанный Демьянюк последний свой бой и последующие события описывал на допросе 6 августа (рукой следователя Топоркова) так:

“Мы с Гоем сразу пошли в правую сторону, остальные ушли в лево. Позднее мы слышали перестрелку. Мы с Гоем ушли в лес и там переночевали. На третьи сутки (с начала побега, то есть 28 июля. – А.Б.) мы с Гоем пошли в низ по течению неизвестной речки, дошли до лодки и на этой лодке переплыли реку. Переплыв реку я был с автоматом с полным зарядом, а Гой имел револьвер с патронами. Мы с ним шли по реке целый день, но ни кого не встретили и зашли на островок в лес там переночевали. Утром мы с Гой решили спрятать оружие в траву, а сами

возвратились обратно с целью увидеть людей и сдаться в плен. На 5-е сутки мы с Гоем будучи голодными легли днем спать около реки и не слышали как к нам подплыли на плоту 6-7 человек, одна из них женщина и нас разбудили. Они нас спросили, кто мы такие. Мы им рассказали, что мы участники банды и они нас забрали, посадили на плот и по речке спустили к воинской части, где и сдали органам”.

В группе, двигавшейся на плоту (была ли это поисковая группа или она имела какие-то другие цели, по делу неизвестно) старшим был сержант Варлам Киготкин, командир отделения ВСО совхоза “Эльген”. Его и находившегося с ним вместе бойца пожарной охраны совхоза “Эльген” Петра Яворского (ранее, кстати, судимого за воинское преступление на 5 лет ИТЛ и досрочно освобожденного в ноябре 1947 года – на Колыме издавна существовала традиция комплектовать пожарную службу из бывших и нынешних заключенных) 31 июля допросил оперуполномоченный райотдела по СГПУ лейтенант Жуйков.

Свидетели, а в этом эпизоде они были самыми что ни на есть действующими лицами, нарисовали ту же картину: 29 июля Киготкин и с ним четыре бойца пожарной охраны (о женщине ничего не говорилось) сплавлялись по реке Таскан, и примерно в 17 часов Яворский увидел на левом берегу людей, они лежали на песке, укрывшись бушлатом, им приказали встать, а когда те поднялись, стали видны лагерные номера у них на брюках – сплавщики поняли, что перед ними бежавшие из лагеря каторжники; оружия при них не оказалось, беглецы сказали, что спрятали его примерно в 30 километрах отсюда (позднее они покажут, где именно, и оружие будет найдено); при задержании Демьянюк и Гой, а это были именно они, сопротивления не оказали, только ругались нецензурно.

Лейтенант Жуйков счел необходимым зафиксировать и это обстоятельство, однако не указал, кому была адресована эта брань: пожарникам ли, не вовремя нарушившим их сон? Тонконогову, втавившему каторжан в эту историю, или вообще судьбе?..

Задержанных намеревались доставить в совхоз “Эльген”, но по дороге встретили группу бойцов и командиров во главе с генерал-майором Титовым - им и передали.

Отмечу, что в обоих случаях – в случае с Солдатовым и в случае с этой парой – задержание происходило прилюдно, при

свидетелях-посторонних. Может быть, по этой причине все трое и остались в живых. С Худенко и Игошиным случилось иначе.

Их задержал Куприян Абросимов, сержант, лагерный надзиратель (однако не с того лаг. пункта № 3, с которого бежали каторжане). Вместе с группой бойцов он был послан в засаду на переправу через Мылгу, в место, которое называлось “16 километр”. 7 августа Абросимова допросил оперуполномоченный райотдела по СГПУ лейтенант Трофимов.

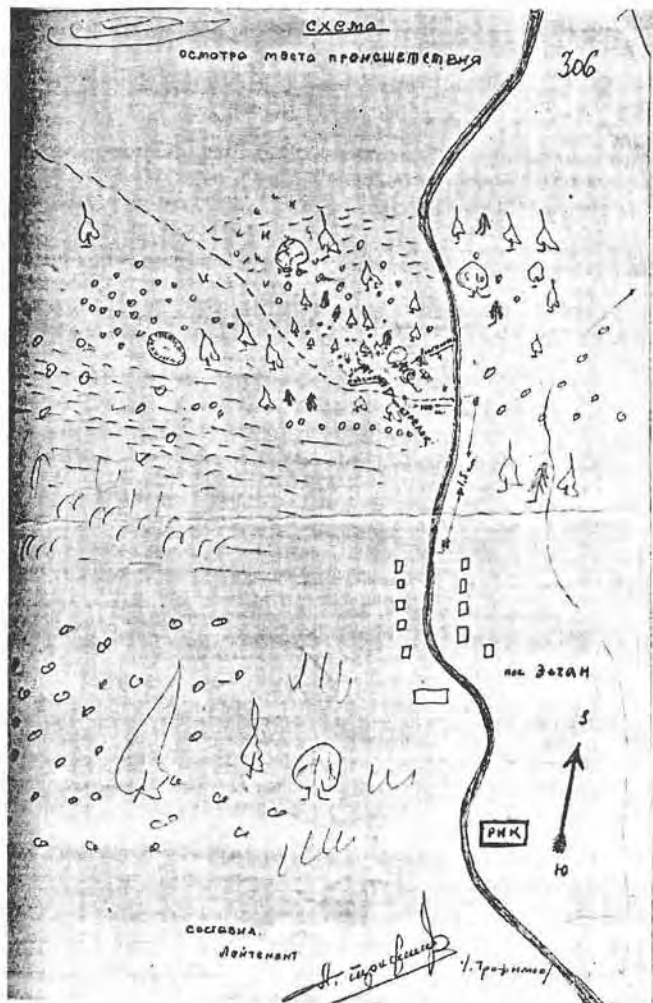
Абросимов показал: “У реки стоят несколько пустых домиков, в одном из которых проживает сторож, он-же является и перевозчиком на лодке. Именно в этом домике я и организовал засаду, при чем два солдата были на чердаке, а я с одним солдатом внутри помещения. Примерно в 22.00 часа 6 августа мы заметили, что на противоположном берегу реки появились два мужчины. Я приказал перевозчику-сторожу идти на берег и подать подошедшим лодку с целью переправы их на наш берег, одновременно предупредил, что в случае если это беглецы, то он во время перевоза должен достать белый носовой платочек (это у перевозчика на таежной реке? – шутник сержант, свой, небось, отдал, да и то, наверное, не очень белый. – А.Б.) и утереть нос, что будет сигналом о том, что он перевозит беглецов. Сторож подойдя к берегу, что-то стал говорить неизвестным, стоявшим на противоположном берегу, затем сел в лодку и поплыл к ним. Причалив к берегу, сторож вышел из лодки и подойдя к неизвестным что-то стал говорить. Один из неизвестных отлучился в кусты и моментально возвратился. Сторож и неизвестные сели в лодку и стали плыть к нашему берегу при чем сторож достал из кармана платок и вытер нос, т.е. дал нам сигнал, что везет беглецов. Причалив к берегу они все трое сошли на берег и как только подошли к домику, где мы были в засаде, то мы сразу выскочив наставили на них оружие и командовали: “руки вверх!”. Неизвестные подняли руки, а сторож (он в этой истории так и останется безымянным. – А.Б.) отошел в сторону. Зная о том, что у беглецов должны быть автоматы, я спросил “где оружие?” На что получил ответ – “оружие в лодке”. Мы подошли и взяли с лодки два автомата и три рожка с боеприпасами. Задержанных завели в сени помещения и стали их опрашивать. Задержанные назвались первый каторжником Худенко Василием Михайловичем второй Игошиным Алек-

сеем Федоровичем. На вопрос: “где их коллега (просвещенный надзиратель попался. – А.Б.) беглец Янцевич?” Игошин рассказал, что до 2 августа 1948 г. они трое были вместе. 2 августа 1948 г. Янцевич, будучи в болезненном состоянии, остался у стога сена в районе “Шубинского зимовья”, а они т.е. Худенко и Игошин вышли к дороге по которой шла подвода с продуктами для рабочих зимовья. При попытке ограбить эту подводу они были обстреляны солдатами, в силу чего не совершив ограбление они вынуждены были скрыться в кустах, а когда подошли к стогу сена, то там Янцевича не оказалось. Таким образом они остались двое и Янцевича больше не встречали.

(Тут возможны варианты. Первый: Янцевич действительно был нездоров – вспомним последнюю запись в дневнике Худенко о Мишиной болезни, и тогда он и впрямь отлеживался в то время, когда “коллеги” пошли на промысел, а услышав выстрелы, махнул с этого места и больше к нему не возвращался, опасаясь засады, ведь «коллеги», будучи взятыми в плен, могли назвать место, где он скрывался. Вариант второй: болезнь была до известной степени симуляцией, Янцевичу, если он нес энное количество золота, нужно было от «коллег», не менее его беспомощных в этой ситуации, оторваться, а потому, только спровадив их, он и направился по одному ему известному маршруту и даже выстрелов за спиной не слышал, а если и слышал, то только быстрее побежал прочь. Можно предположить, что, встретив отпор, Худенко и Игошин рванули в сторону, противоположную “Шубинскому зимовью”, так и не вспомнив про друга Мишу – это третий и, наверное, не последний вариант. – А.Б.).

Дождавшись рассвета, т.е. в шестом часу утра 7-го августа 1948 года задержанных Игошина и Худенко мы стали конвоировать в райотделение МВД пос. РИК-Таскан. Переправившись через реку Мылга мы пошли по тропе, при чем один солдат шел впереди метров на 80 как дозорный, за ним задержанные, после их я и двое солдат. Таким порядком мы прошли примерно километров семь. Не доходя до проселочной дороги, которая идет в пос. Эсчан, примерно 100 метров, задержанные воспользовались густым лесом по обе стороны тропы и хотели скрыться в лесу. С места нашего нахождения стрелять по ним было невозможно, т.к. преграждал лес, поэтому мы с солдатом (фамилия опять не называется. – А.Б.) бросились вперед по тро-

пе и в момент когда бежавшие оказались в поле нашего зрения, я из винтовки дал выстрел в Худенко и он упал. Солдат дал выстрел по Игошину, однако последний пытался скрыться за куст, но был убит вторым выстрелом из винтовки этим же сол-

Лист дела 306: крестиками на схеме помечены места, где находились трупы Худенко и Игошина

датом (ефрейтором Черепановым – это будет указано в другом документе. – А.Б.). Не подходя к трупам, но убедившись, что они не ранены, а убиты (как это можно было сделать? – А.Б.), я послал солдата в райотделение МВД с докладом о происшествии, откуда в скором времени прибыл оперативный работник, который поднял трупы и направил в морг.

Вопрос: С какого расстояния Вы стреляли по убегающим?

Ответ: Примерно в метрах двадцати”.

Других показаний о том, как были задержаны и убиты Игошин и Худенко, в деле нет, хотя участников и свидетелей (со стороны охраны) здесь было несколько. Есть лишь акты судебно-медицинского вскрытия, в которых констатируется, что смерть каждого из заключенных

а) “ (...) произошла от огнестрельного ранения, полученного им во время неудавшегося побега”,

б) “ (...) с разрушением сердца и легких смерть наступила мгновенно”.

И есть вопросы, которые неизбежно возникают, когда читаешь показания надзирателя Абросимова:

1. Что это за чудо-конвоиры, которые, имея столь внушительный численный перевес и полную возможность контролировать обстановку, позволяют тем не менее бежать задержанным?

2. Что это за чудо-стрелки, которые ухитряются в считанные секунды одним-двумя выстрелами поразить пусть и с близкой (но ведь и с нее тоже нужно попасть!) дистанции людей, бегущих по тайге?

3. Что это за странное сочетание удивительной беспечности и удивительной удачливости у одних и тех же людей?

И потому, что ответов на эти вопросы в деле нет, невольно думаешь о том, что события могли развиваться совсем другим образом, что этих беглецов охрана попросту пристрелила без всяких попыток скрыться с их стороны – “не довела”.

Я понимаю, что это тяжкое подозрение в адрес неизвестных мне людей, о которых у меня вроде бы и нет оснований думать как о записных злодеях. Вспомним, что задержание беглецов произошло ну просто идеально: те сами, можно сказать, приплыли, и охране ничего больше не оставалось, как их гостеприимно приветствовать: “Ах, здравствуйте, Василий Ми-

хайлович! И Алексей Федорович с вами? Ну и чудесно!” И наутро после такой теплой, без единого выстрела, встречи отвести на несколько километров и, не искушая судьбу, в упор пристрелить – за что? Ведь именно этим бойцам эти беглецы ничего, что могло бы их озлобить, не сделали. Так не проще было бы довести их, душевного спокойствия ради, до места, сдать их под замок – а там пускай суд решает, казнить их или миловать. Но самим-то в палачей зачем превращаться?

Но тут ведь вот какое обстоятельство, о котором Шаламов, когда писал рассказ, то ли успел забыть (хотя едва ли, потому что обстоятельство это весьма и весьма немаловажное), то ли не захотел помнить, то есть проигнорировал его умышленно. А состоит оно в том, что смертная казнь в описываемое время в нашей стране вообще не существовала – никому, ни за какое преступление.

Если говорить точно, она была отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года – вероятно, не без влияния послевоенной эйфории (“Историческая победа советского народа над врагом показала не только возросшую мощь Советского государства, но и прежде всего исключительную преданность Советской Родине и Советскому Правительству всего населения Советского Союза” – так начинается этот юридический акт), отныне в мирное время предписывалось применять по ранее “расстрельным” статьям лишь наказание в виде лишения свободы на срок до 25 лет. А это значило, что за самое опасное, зверское, какое хотите НОВОЕ преступление осужденный, уже имеющий большой срок наказания (скажем, 15-20 лет), мог получить дополнительно лишь 10 или 5 лет или не получить вообще ничего, если вся катушка для него уже была раскручена.

Вскоре, не пройдет и трех лет, законодатель спохватится и начнет вводить ВМН за наиболее тяжкие преступления, и со временем круг применения высшей меры станет весьма широким. Но это еще когда будет!.. А тем временем рядовому охраннику или лицу, стоящему только чуть выше его, приходилось своими конкретными действиями ликвидировать недостатки действовавшего законодательства.

А потому убить беглеца в погоне (а не привести его в суд, как пишет Шаламов, и расстрелять по приговору), да и уже задержанного (он от этого лучше не стал ведь), приволочь его

тело к вахте – глядите, гады, что вас ждет – это реальная и решительная мера наказания для тех, кто осмелился, и мера воспитания для тех, кто хотел бы им подражать. А как же еще – как? Они нас убивать будут, а мы им по пятерке или десятке в зубы – и гуляй?..

Угроза самосуда со стороны охраны была тем более реальной, чем большую жестокость проявят беглецы. В нашем случае она была, может быть, наивысшей. Не зря Тонконогов предупреждал товарищей, настраивал их на то, чтобы в плен не сдавались.

Описания последнего боя группы Тонконогова в материалах архивно-следственного дела нет. Видимо, он случился 29 июля. Этим числом помечен протокол осмотра места происшествия, составленный оперуполномоченным райотдела МВД по СГПУ мл. лейтенантом Мелеховым: “(...) в районе 12 километра от пос. Эльген Среднеканского района произвел осмотр места происшествия. Осмотром установлено, что на расстоянии 2-х км. от дороги в левую сторону идущей от пос. Эльген на Мылгу в тайге в разном положении, в радиусе 25 метров лежало 5-ть трупов мужчин”.

Это были Тонконогов (из акта о смерти: «Диагноз. Огнестрельное ранение мозгового черепа с разрушением мозгового вещества»), Клюк (из акта о смерти: «Диагноз. Многочисленные ранения грудной клетки с размождением легких»), Бережницкий (из акта о смерти: «Диагноз. Сквозное пулевое ранение черепа»), Маринив (из акта о смерти: «Диагноз. Слепое ранение груди слева») и Сава (из акта о смерти: «Диагноз. Слепое пулевое ранение черепа с повреждением затылочной кости и мозга»).

В числе причин смерти в четырех случаях из пяти названа кровопотеря. Значит ли это, что раненых попросту бросили без медицинской помощи, хотя, напомним, что в группе преследователей были два мед. работника? Акты о смерти помечены 31 июля. Возможно, разница в два дня объясняется тем, что акты о смерти составлялись уже в больнице прииска имени Максима Горького.

Были в том бою потери и у преследователей: два бойца (Бжахов и Богданович) убиты, двое или трое ранены, один из них (Урманшин) тяжело.

Еще раз посчитаем все потери с той и другой стороны.

В охране: ст. надзиратель Васильев, вахтер Перегудов, дежурный Рогов и трое преследователей. Итого – шесть. Плюс раненые.

У беглецов: Пуц (ранен в первой перестрелке и застрелен Тонконоговым), Худенко, Игошин и последние пять. Плюс Янцевич (или кто-то другой). Плюс Зиновьев. Итого десять. Ранен Гой (при захвате взвода охраны – Тонконоговым).

Победа, за явным преимуществом, на стороне охраны.

Четыре или пять трупов беглецов (в деле этот факт упоминается вскользь) были привезены и брошены у лагерной проходной.

А в лагере полным ходом шло следствие. Его начал по горячим следам наутро после побега следователь райотдела по СГПУ Топорков. Опрашивались администрация лаг. пункта и бойцы охраны, десятки заключенных, вохровцы, участвовавшие в преследовании и задержании беглецов, а потом и задержанные. Подлежали установлению обстоятельства, предшествовавшие побегу: когда, как, из кого сложилось ядро преступной группы, как шла подготовка, как происходило нападение заключенных на охрану, как шло преследование и какое сопротивление оказывали бежавшие каторжники, какие цели они должны были бы преследовать, если бы удалось уйти от погони.

Следствие было довольно подробным, и здесь, из-за недостатка места, я привел лишь небольшую часть его результатов (хотя несколько моментов остались невыясненными – об этом я упоминал по мере возникновения вопросов к следствию).

Следствие было заведомо тенденциозным. И в первую очередь эта тенденциозность сказалась на квалификации произошедшего. С самого начала, 26 июля, дело было возбуждено не только как уголовное – по признакам ст. ст. 59-3 (бандитизм, т.е. организация вооруженных банд и участие в них) и 59-3а (тайное или открытое похищение оружия), но и как контрреволюционное – по признакам ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж – предполагалось, что, совершая побег, заключенные тем самым уклоняются от исполнения своих обязанностей по отбытию меры наказания).

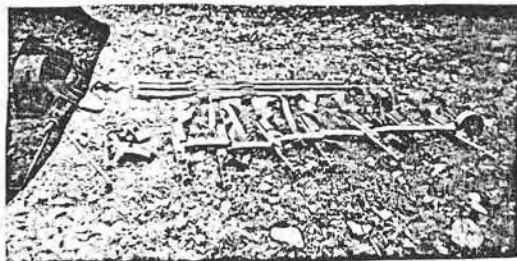
Последнее было явной и практиковавшейся на Колыме уже десяток лет “натяжкой”, так как побег из-под стражи (безотягчающих обстоятельств, то есть без насилия, убийств и так далее) следовало квалифицировать по ст. 82 УК РСФСР. Однако

эта статья предполагала ну просто очень смешную меру наказания (до трех лет лишения свободы), а посему и применять ее в свирепые годы было просто нелепо. Да что там 37-й или 38-й годы!.. Через десять с лишним лет, в конце сороковых, не осужденным – ссыльным, самовольно оставившим место поселения, грозило наказание в виде 25 лет каторжных работ. Был и такой

629

*Оружие бандитов и контрреволюционеров
60-го и 63-го 4-го взвода 26-го VII-48 г.*

Лист дела 629: “Оружие взятое бандитской шайкой во 2-м взв. 4-го взвода ВСО. 26/VII-48 г.”

указ в 1949 году. Так что стоит ли обвинять следователя образца 1948 года за то, что в его сознании ст. 58-14 работала все в том же ежовском духе?

Но Топорков не ограничился только ст. 58-14, в процессе следствия в сумме обвинений появилась ст. 58-2, также хорошо известная на Колыме – с давней поры – как предусматривавшая ответственность за “повстанчество”:

“Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в Центре или на местах в тех же целях...”

Применительно к нашей истории это обвинение означало намерение беглецов, достигнув малонаселенных районов, активно бороться с местной Советской властью, терроризировать местное население и, продвигаясь все дальше и дальше, уйти за границу, в ту же Америку (“В зимнее время на оленях пробраться на Аляску и перейти на сторону одного из государств” – формулировка обвинительного заключения). Слава богу, что хоть попытка отторжения Среднеканского района в пользу иностранного государства беглецам в вину не ставилась!

Нет, а в самом деле – к чему следствию были эти явно надуманные обвинения? Ведь если говорить о реальной мере наказания для основных участников побега, свои 25 лет в итоге (т.е. разницу между тем, что у них уже было до побега, и тем, что они получили бы за новое преступление) они имели бы и без применения пунктов ст. 58 УК РСФСР. Арифметический результат был бы одним и тем же, но политический эффект, конечно, неодинаковым, так как менялся субъект преступления. Ведь это не только одному следствию важно, кого оно изобличило и бросило за решетку – бандита или повстанца, есть в этом и большой государственный интерес (и если следствие так хорошо этот интерес учитывает, то будет ему и особая благодарность – не так ли?).

Солдатов и Гой обвинялись также по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 г. “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества” – у обоих при задержании было изъято золото (60 гр. у Солдатова – так в обвинительном заключении, и 40 гр. у Гоя). Эта статья также предусматривала наказание до 25 лет лишения свободы.

Таким образом, задержанные участники побéга обвинялись (это уже заключительная формула, выраженная в обвинительном заключении): Солдатов и Гой – в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-2-14 УК РСФСР и ст. 2

Указа ПВС СССР от 4.06.47 г., Демьянюк (вероятно, золото при себе не имевший) – только по ст. ст. 58-2-14 УК РСФСР.

Еще десять з/к КТР, содержавшихся на лаг. пункте № 3, были названы следствием как соучастники побега, по тем или иным причинам не принявшие в нем участие, но активно ему способствовавшие или, по крайней мере, на побег согласившиеся.

В их числе, кстати, окажется и носитель еще одной фамилии, употребленной В.Шаламовым в рассказе “Последний бой майора Пугачева”, Игнатович Василий Ильич, 1923 г.р., уроженец и житель села Оравич Славского района Дрогобычской области, украинец, из крестьян, образование четыре класса, в Красной Армии не служил – никакой, разумеется, не летчик (а летчиков в рассказе Шаламова действуют трое: Хрусталева, Игнатович и Левицкий), осужден как активный член оуновской организации в/т войск НКВД Дрогобычской области в январе 1945 года по ст. 54-1а УК УССР на 18 лет КТР с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества.

Действия этих обвиняемых также квалифицировались следствием как контрреволюционные – п. 2,14 и 11 (участие в к/р группе) ст. 58 УК РСФСР.

Еще один (одиннадцатый) заключенный из числа не принявших участие в побеге был обвинен в недонесении о достоверном известном готовившемся к/р преступлении – ст. 58-12.

Недостаток места, а главное, то, что это описание не совсем входит в задачу сравнения (во всяком случае, не играет в решении этой задачи решающей роли) исторических реалий побега 12-ти каторжников с тем, как этот побег представлен в рассказе В.Шаламова, не дает мне возможности представить подробно каждого из этих 11-ти обвиняемых и обстоятельства, обусловившие их привлечение к уголовной ответственности. Поэтому скажу лишь, что эти обвиняемые по всем своим основным данным вписываются в тот групповой портрет, который я пытался нарисовать выше. Разве что нет среди них личностей со столь необычными чертами, как Тонконогов и Солдатов. Но эти двое и в своей группе – фигуры особенные: Тонконогов как лидер, лицо до определенной степени выдающееся, а Солдатов – абсолютная “Красная Шапочка”, не только потому, что кадровый военный (по блатной терминологии з/к-военный – “красная шапка”), но и по тому, кем он был в этой группе беглецов.

Да еще меньше в той, второй, группе лагерной придурни, больше заключенных-работяг. Но и здесь есть бригадир, бывший бригадир, повар, лекпом...

Вчитываясь в описания взаимоотношений фигурантов, их отношений с бежавшими, и прежде всего с Тонконоговым и его доверенными лицами, я находил свидетельства того, что Тонконогов едва ли не сознательно готовил к побегу две группы одновременно, однако смысл этого намерения (если оно и впрямь существовало) остался мне неясным – пожалуй, тут можно только догадываться. Но то, что среди оставшихся в лагере были люди, решившие бежать с Тонконоговым, кажется мне несомненным.

В процессе следствия работники райотдела пришли к выводу о том, что на лаг. пункте № 3 имеется некоторое число заключенных, хотя и не связанных с теми, кто совершил побег или только готовился к нему, но имеющих намерение “совершить индивидуальные побеги”, а потому было принято постановление, утвержденное начальником райотдела подполковником Гавриловым, перевести еще 13 з/к КТР с лаг. пункта № 3 в штрафной лагерь и содержать их там под усиленной охраной.

А само следствие заканчивалось. 22 сентября 1948 г. лейтенант Топорков, выполняя требования ст. 206 УПК РСФСР, предъявил материалы дела – а это два пухлых тома – для ознакомления четырнадцати обвиняемых. При этом каждый подписал протокол, в котором было указано, что обвиняемый с материалами дела ознакомился полностью, и зафиксирована длительность этого знакомства – два или три часа (только в солдатском протоколе время не названо).

Но, во-первых, как можно за два или три часа “полностью ознакомиться” с текстом, тебе совсем не безразличным, на тысяче с лишним рукописных страницах? Тем более что обвиняемые почти все украинцы, многие из них – с начальным образованием, и едва ли хорошо знают русский язык, а страницы содержат текст не очень разборчивый и очень неграмотный. А во-вторых, сколько же было часов в тех самых сутках, что значатся в календаре как 22 сентября 1948 года? Нелепый вопрос, но если сложить вместе эти два-три часа из 13-ти протоколов, то получится 31 час. Да еще Солдатову ту же, топорковскую, норму выдать нужно – еще два часа. И в итоге получается, что сутки 22 сентября насчитывали часа 33, не менее. Астрономи-

ческий феномен какой-то, не замеченный всей мировой наукой, но умело использованный милицейским следователем из поселка Ягодное.

А если принять во внимание, что знакомясь таким вот образом с делом, ни один из четырнадцати обвиняемых не заявил следствию ни единой претензии, ни единого ходатайства, то мы вправе оценить то, что было проведено лейтенантом Топорковым в тот день, как следственный бандитизм. Жаль, что нет такого состава в уголовном кодексе.

Нет и не было, конечно, для Топоркова подходящего состава, но оказалось, есть, как писал великий русский поэт – правда, совсем по другому поводу – есть божий суд, он ждет, он недоступен (...). Злато тут будет играть совсем другую роль, поэтому пока опустим упоминание о его звоне. Но что же произошло?

А произошло то, что дальше дело двигалось несколько прихотливым образом. Топорков все успел вовремя (а мы его еще за спешку корили), и 26 сентября, ровно через два месяца после возбуждения уголовного дела, начальник райотдела подполковник Гаврилов утвердил обвинительное заключение. Далее дело проследовало к военному прокурору по СДС (надо полагать, из Ягодного в Магадан), и его помощник 5 октября это обвинение также утвердил. А вот далее последовала в движении дела 25-дневная задержка, необычная по длительности пауза.

Военному трибуналу, конечно, требовалось время, чтобы ознакомиться с материалами дела – в топорковскую норму, при всем его высоком профессионализме, трибуналу ни за что не уложиться. Нужно было еще время выбрать, чтобы приехать – и другие ведь дела были, собраться, доехать – дело слушалось в Ягодном. Но все равно двадцать пять дней на всю эту подготовку все-таки, согласитесь, многовато.

Истинная причина столь долгой проволоочки открылась – ну хотя бы приоткрылась для внимательного наблюдателя (если бы он был, конечно, но дело слушалось в закрытом заседании, и не было в зале не то что публики, но даже стороны отсутствовали, таким образом мы с вами, уважаемый читатель, первые здесь наблюдатели, если не считать, конечно, прокурорских работников, так или иначе к этому делу впоследствии возвращавшихся) – так вот, наблюдательный вниматель уже в первые минуты судебного заседания, открывшегося 30 октября 1948

года в пос. Ягодное, обязательно заметил бы, что обвинение основным фигурантам предъявлено как бы не то, что было раньше. То есть у Солдатова, Гоя и Демьянюка ст. 58 УК осталась. Более того, к п. 14 прибавился п. 11, а вот п. 2 – того самого “повстанчества”, явно придуманного в райотдельских кабинетах для политического веса дела, нет. Появилась ст. 59-3, состав которой реально охватывает деяния подсудимых с момента совершения побега. Но исчезла ст. 2 Указа ПВС о хищении государственного и общественного имущества.

В общем виде обвинение этих трех подсудимых выглядит весьма противоречивым. Реальный состав 59-3 – и тут же 58-14, явный рудимент преступной практики 1937-38 годов. Или сочетание все той же ст. 59-3 и 58-11. Каждая из них предусматривает организацию преступной группы и участие в ней. И каким образом трибунал собирался вычленять из действий подсудимых бандитский и антисоветский элементы? Откажутся подсудимые от приписываемых им намерений бороться с представителями Советской власти (так оно в заседании и произойдет) – и что останется от обвинения по ст. 58-11? А ничего, один туман. Доказательства этих намерений у следствия отсутствовали, это и при знакомстве с делом очевидно было.

Или вот статья за хищение – была и исчезла. Но хищение-то очевидно, потому что шлик, обнаруженный у Солдатова и Гоя, явно не с неба упал. Но трибунал, готовясь к рассмотрению дела, не мог не обратить внимание на то, что этот факт следствием не отработан, что не определены ни способы хищения, ни его участники, ни возможные объемы. А коль всего этого нет, трибунал должен был отправить дело на доследование (и тут можно представить, как противилось такому варианту следствие: из-за такой, простите, ерунды вы нам серьезное дело заворачиваете, да вы знаете, что оно у Министра на контроле!). И трибунал, выходит, дрогнул?

Тут я должен признать, что мое уподобление в/т войск МВД при Дальстрое Высшему Суду не совсем корректно: не вытягивают эту роль – даже скопом – Председательствующий подполковник юстиции Тепляков и его архангелы члены в/т старший лейтенант Кургузики и лейтенант Ухов (при секретаре Петрове). Они пытаются укротить не в меру ретивое следствие, дать имеющимся фактам реальную правовую оценку, указать на изъяны следствия, а сами такого наворачивают!..

А ведь там, среди этих изъянов, не только неисследованный факт хищения золота – там ведь и весьма темные обстоятельства гибели Худенко и Игошина и полный мрак вокруг последнего боя беглецов и охраны. Чувствовал ли трибунал свою ответственность за выяснение и этих обстоятельств? Ведь если он сейчас, по горячим еще следам, эти эпизоды проигнорирует, кто о них вспомнит и когда? А без них, без полного объяснения этих эпизодов, история побега не может считаться окончательно выясненной.

Я не знаю, что происходило в те 25 октябрьских дней 1948 года в дальстроевских юридических инстанциях, как противодействовали стороны – следствие, прокуратура, трибунал, в каких кабинетах и какие именно споры звучали, как, возможно, вырабатывался некий компромисс, следы которого и несет новое обвинение (отсюда и его противоречивость?), какое удовлетворение от него получили стороны. Но споры, видимо, были жаркие.

– Да полно, – скажет принципиальный читатель, – какие там споры? Кто с кем боролся – свои со своими, люди в погонах. Подсудимым от этого что? Каждый ведь получил свое на всю катушку?

В общем-то да, придется мне согласиться, так или почти так и будет. Главные обвиняемые, Солдатов, Гой и Демьянюк, по совокупности вышеназванных статей приговором в/т войск МВД при Дальстрое будут осуждены 1 ноября 1948 года на 25 лет лишения свободы.

(Более высокой меры наказания тогдашнее законодательство, повторю, не знало, а потому и “справка” на сей счет в рассказе Шаламова (“Солдатова долго лечили и вылечили, – чтобы расстрелять. Впрочем, это был единственный смертный приговор из шестидесяти – такое количество друзей и знакомых беглецов угодило под трибунал) – неверна: не лечили – не от чего было, не расстреляли – не было на то закона, да и количество подсудимых в процессе по факту побега было гораздо меньшим).

Вместе с этими тремя дотянули до двадцатипятилетней меры наказания еще шесть подсудимых: Носов Н.Д., Басс Ф.А., Онбыш И.С., Сарабун С.М., Овчинников А.И. и Комаровский А.Г.

Пятеро – Синик М.И., Перцов Р.Р., Игнатович В.И., Дрозд Е.А. и Козлов В.С. – были осуждены по ст. 58-12 УК РСФСР

(за недоносительство) на десять лет лишения свободы (вот еще одна причина “заинтересованности” трибунала в том, чтобы сохранить в формуле обвинения заведомо ущербную статью 58-14: недонесение о заведомо известном к.-р. преступлении, какковым саботаж и является, влечет, как видите, вполне приличную санкцию, а недонесение о преступлении рангом ниже – бандитизме карается по ст. 59-13 УК РСФСР ну просто смехотворно – лишением свободы на срок до одного года). Однако в силу ст. 42 УК, устанавливающей так называемый принцип поглощения, реального изменения срока наказания ни у одного из этих пяти осужденных не наступало (и тут хоть год “прибавляй”, хоть десять – один результат), так они и остались с тем, что имели раньше, – от 15 до 20 лет л/с.

Выше я говорил об оценке квалификации преступных деяний как бы со стороны обвинения – что ему в данном случае выгодно, допустимо или противопоказано. Но отнюдь не безразличен был результат квалификации и обвиняемым-подсудимым, даже если в итоге приговор и не менял (и не мог изменить) почти ничего в их сегодняшнем положении. Потому что в перспективе более чем долгой отсидки многое могло случиться. И в смысле послаблений – вплоть до всегда страстно желаемой амнистии (хоть в честь 110-й годовщины в будущем году со дня смерти А.С.Пушкина, если раньше ничего подходяще-революционного не предвидится): начальство ведь строго сечь будет, кому ее дать, а кому нет, и тут ты со своей 58-й даже не подходи – не обломится.

Но ведь веку всегда на иной, худший поворот событий надо рассчитывать: а тут, когда весь мир на ушах стоит, когда того и гляди окончательная заваруха начнется, кого родимая власть (уж так мы ее любим – как в указе об отмене смертной казни об этом прописано) свинцом в первую очередь наградит – да все ту же 58-ю. А вы говорите, не имеет разницы... Еще как имеет.

Но худшие опасения, как известно, не подтвердились, мир не рухнул в те рискованные сороковые годы благодаря миролюбивой внешней политике нашей страны, подкрепленной реальными достижениями злого гения Л.П.Берии – это ведь руководимая им по совместительству разведка сумела заполучить многие атомные секреты и тем самым лишить противную сторону могучего средства шантажа. А далее пошли события и вовсе веселые: смерть Сталина, амнистия, кипучая деятельность

Комиссий Верховного Совета СССР, разъехавшихся по всем городам и весям, по всем лагерям...

Первая волна либерализма судебных моих героев не коснулась – упомянутой Комиссией их дело в 1955 году было отклонено, однако было в самом воздухе что-то, что позволяло осужденным ждать перемен в судьбе. И действительно, в том же 1955 году Военный трибунал Дальневосточного военного округа (по протесту военного прокурора ДВО генерал-майора юстиции Попова) пересмотрел приговор Дальстроевского трибунала 1948 года. Он исключил из обвинительной формулы все пункты ст. 58 (п. 11, 14) и определил меру наказания Солдатову, Гою и Демьянюку по ст. 82 ч. 1 УК (побег из-под стражи) в виде лишения свободы на срок три года, сохранив при этом меру наказания по ст. 59-3 (бандитизм) – 25 лет. В итоге – опять 25. Но теперь уже без непробиваемой 58-й статьи, а это не могло не вселять новые надежды.

Первыми они сбылись у Николая Солдатова (и тут, наверное, повлияло то, что в его багаже не было статьи за измену родине). В архивном следственном деле данные о его освобождении отсутствуют, а сведения картотеки весьма лаконичны: 10.10.55 убыл в УИТПК (Управление исправительно-трудовых поселений и колоний. – А.Б.) Хабаровского края, освобожден 29.05.57 из УИТПК Хабаровского края. Итого пробыл в заключении двенадцать с половиной лет день в день, если не считать проведенные на свободе дни в июле 1948 года.

Освобождение Гою и Демьянюка состоялось позднее – на основании принятых в 1958 году Верховным Советом СССР “Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик”. Новый акт ограничил наказание в виде лишения свободы 15-ю годами. Как и всякий закон, смягчающий наказание, он получал обратную силу, т.е. должен быть применен и по отношению к тем, кто был осужден до его принятия. В порядке реализации этого принципа Президиум Верховного Совета СССР принял в апреле 1960 года Указ, предписывающий решить вопрос о смягчении меры наказания лицам, осужденным до введения в действие указанных “Основ” (т.е. до 1 января 1960 года) и на срок, выше указанного в их ст. 23. Необходимыми условиями смягчения наказания являлись отбытие не менее половины назначенного осужденному срока, а также наличие свидетельств того, что данный осужденный стал “на путь исправления”.

В соответствии с данным Указом Иван Гой был освобожден из Дубравинского ИТЛ в Горьковской области в июне 1963 года – пробыл в заключении 18 лет и 3 месяца, а Дмитрий Демьянюк – из ИТЛ пос. Явас Мордовской АССР в октябре 1964 – пробыл в заключении 19 лет и 7 месяцев.

К моменту освобождения Солдатову было 45 лет, Гою – 44, Демьянюку – 43 года. Судьба словно нарочно рассчитала это освобождение таким образом, чтобы отпустить их на волю погодками. Сведений об их жизни после освобождения у меня нет. Самому младшему из них, Демьянюку, если он жив, в 1995 году исполнилось 74 года, самому старшему, Солдатову, 83...

Все-таки удивительно много может вместить в себя одна человеческая жизнь – две, а то и три эпохи, и в каждой из них человек с почти одинаковой закономерностью становится ее пленником – сажает ли его эпоха за колючую проволоку или открывает перед ним лагерные ворота, от него самого не так уж много зависит.

Побег двенадцати каторжников породил тогда же и вскоре после себя обильные слухи, он стал мифом лагерной Колымы конца сороковых годов и сохранился в памяти бывших заключенных до конца их дней. И это неудивительно. Миф вобрал в себя, может быть, самое ценное, что таилось на доньшке души каждого сидельца – мечту о свободе. В героях мифа затурканный зекашка видел воплощение своей веры в справедливость, в отмщение бездушной, жестокой охране – оттого столь масштабны в нем боевые действия, столько льется крови, столь велика угроза всей лагерной Колыме (что ее устранить можно лишь с помощью самолетов, орудий и даже танкеток). В одном только лагерные фантазии должны были ограничить сами себя: беглецы не могли победить преследователей – слишком неравны были силы, герои должны были погибнуть, но погибнуть с честью, не запятнав себя сдачей в плен. Именно такой хотели видеть историю этого побега колымские з/к з/к - так они об этом победе и рассказывали.

И разносчикам этих героических или зловердных слухов было совершенно неинтересно знать, что не было и нет на Колыме лагерей для бывших советских военнопленных (так называемые “фильтрационные” существовали на “материке”, в центральных районах страны), что на Колыму в лагеря попа-

дали лишь те из бывших военнопленных, кто служил в РОА, немецких воинских подразделениях, в немецкой полиции. В конце девяностых годов магаданские правоохранительные органы начали пересмотр дел колымских заключенных, осужденных за измену родине, и далеко не в каждом случае они находили основания для реабилитации, даже действуя в строгом соответствии с нынешним весьма либеральным законом.

Легенда не могла обойти стороной заключенного Шаламова, однако несомненно и то, что кроме обычных фантазий на эту тему был в его распоряжении и рассказ кого-то из тех, кто имел о побеге достаточно точные сведения – слишком много совпадений в рассказе “Последний бой майора Пугачева” с тем, как действительно происходило дело. Я думаю и о том, что следуй Шаламов строже рассказу предполагаемого информатора, этих совпадений могло быть и больше. Потому что представляется маловероятным, нереальным даже, что зная о мелких деталях побега, Шаламов не ведал о может быть самом главном – о том, кто именно участвовал в побеге, что это были за люди. Именно в этом пункте у него главное расхождение с реальностью.

Последняя страница рассказа Шаламова:

“Вот как скоро все кончилось, – думал Пугачев. – Приведут собак и найдут. И возьмут.

И, лежа в пещере, он вспомнил всю свою жизнь – трудную мужскую жизнь, жизнь, которая кончается сейчас на медвежьей таежной тропе. Вспомнил людей – всех, кого он уважал и любил, начиная с собственной матери (...)

Но лучше всех, достойнее всех были его одиннадцать умерших товарищей. Никто из тех, других людей его жизни не перенес так много разочарований, обмана и лжи, и в этом северном аду они нашли в себе силы поверить в него, Пугачева, и протянуть руки к свободе. И в бою умереть. Да, это были лучшие люди его жизни”.

Произведенная автором подмена героев, какой бы кощунственной она ни казалась, вполне объяснима: подлинники участники побега были не нужны Шаламову, так как героизировать действия бывших националистов, полицаев, изменников родины даже много лет спустя после войны (рассказ датирован 1959 годом) было невозможно, а потому и пошли в ход герои придуманные. Для рассказа это, может быть, и очень хорошо,

но каким образом сей рассказ соотносится с действительностью?

Мой очерк посвящен истории побега 12-ти каторжников, а потому я только в самой краткой форме коснусь как бы не относящихся к этому факту, но весьма существенных неточностей и преувеличений, допущенных В.Шаламовым в экспозиции рассказа. Их смысл очевиден: доказать, что до послевоенных этапов не было в огромном человеческом месиве, составлявшем контингент СВИТЛа, людей, способных на борьбу, и что только с появлением здесь людей типа майора Пугачева такая борьба стала возможной. По сути, это подготовка к той самой героизации, которой и будет посвящен весь рассказ с заведомо вымышленными героями. Но история-то здесь при чем?

А заход предпринимается именно исторический:

“Аресты тридцатых годов были арестами людей случайных. Это были жертвы ложной и страшной теории о разгорающейся классовой борьбе по мере укрепления социализма. У профессоров, партработников, военных, инженеров, крестьян, рабочих, наполнивших тюрьмы того времени до предела, не было за душой ничего положительного, кроме, может быть, личной порядочности, наивности, что ли, – словом, таких качеств, которые скорее облегчали, чем затрудняли карающую работу тогдашнего “правосудия”.

Очевидно, что этими случайными арестантами автор полагает лиц, привлеченных к ответственности за контрреволюционные преступления. К ним мы сейчас вернемся, однако уже здесь следует указать, что ни в тридцатые, ни в какие другие годы каэры, по тогдашней терминологии, – во всем своем статейно-литерном многообразии – не составляли большинства в общей массе арестованных, а следовательно, и в массе гулаговского и, в частности, севостлаговского контингентов. Большинство – и это в полной мере было известно В.Т.Шаламову – были уголовники, в том числе и блатные, моральный багаж которых едва ли состоял из “(...) личной порядочности, наивности, что ли”.

Именно эти люди самым активным образом влияли на атмосферу колымского лагеря, и никогда не была она спокойной и безмятежной – ни с чьей точки зрения. Так называемые во-

лынки, попытки захвата власти, бандитизм, побеги, саботаж – все это реально существовало в колымской лагерной жизни едва ли не с самого ее начала. О героях этих инцидентов не скажешь словами Шаламова: “Их самолюбие, их злобе не на что было опереться. И, разобщенные, они умирали в белой колымской пустыне (...)”; хотя и умирали, конечно (условия колымского курорта общеизвестны) но не отдавали свою жизнь без борьбы.

А каэры... В этой фразе: “Аресты тридцатых годов были арестами людей случайных” запечатлелся навсегда беспросветный ужас внезапно схваченного человека, ужас, стократно умноженный примерами известных ему людей, ужас жертвы, попавшей в захваты безжалостной, целеустремленно действующей машины. Могла ли жертва понять логику этой машины?

Общество будущего строилось по идеальной выкройке – оно строилось не в соответствии, а вопреки, вразрез с устоявшимися за столетия человеческими представлениями о сущем и праведном: сущее – на земле, праведное – на небе. Новое общество, решениями своих главных конструкторов, отвергало прежние экономические, социальные и моральные отношения, а значит – и их носителей, как реальных, так и потенциальных (в этом и был смысл тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения вперед, к торжеству социализма).

Репрессивная машина действовала в строго заданных направлениях – по линиям, как тогда было принято называть, и в определенных объемах (лимитах, опять-таки термин этой системы), допуская в выборе жертв отдельные сбои – по причине собственного несовершенства, ведь детали ее были сделаны из того же, то есть несовершенного человеческого материала, однако в целом не отступая от заданной программы, а лишь перестраиваясь, по команде свыше, время от времени на новые задания. И то, что в глазах попавшего в ее безжалостные захваты было случайностью и вопиющей несправедливостью, являлось закономерным и неизбежным с точки зрения тех, кто создал и нацелил эту машину, под какой бы маркой она ни работала: ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД-МГБ...

Но продолжу цитату из Шаламова:

“Отсутствие единой объединяющей идеи ослабляло моральную стойкость арестантов чрезвычайно. Они не были ни вра-

гами власти, ни государственными преступниками, и, умирая, они так и не поняли, почему им надо умирать. Их самолюбию, их злобе не на что было опереться. И, разобщенные, они умирали в белой колымской пустыне – от голода, холода, многочасовой работы, побоев и болезней. Они сразу выучились не заступаться друг за друга, не поддерживать друг друга”.

Осуществление репрессивной машиной указанных ей “линий” неизбежно приводило к формированию в лагерном контингенте многочисленных, хотя и уступающих количеству этих “линий”, однородных групп заключенных. В качестве, может быть, самого яркого примера тому укажу на осуществленную в плановом порядке акцию – этапирование на Колыму большого количества троцкистов – реальных, связанных с идеями своего вождя на протяжении немалого числа лет, а в отдельных случаях – связанных с ним некогда и лично.

Эти люди не нападали на охрану и не уходили в побег, но они прибыли на Колыму уже сложившимся коллективом, со своим выборным руководством, с опытом сопротивления, самого яростного из всех, какие знало Владивостокское отделение Севвостлага, и с четким намерением бороться здесь, на Колыме, за статус политических заключенных. В числе их требований значилось установление рабочего дня нормальной продолжительности, предоставление работы по специальности, качественная пища, воссоединение семей (в этапе троцкистов было много семейных пар), свобода личных контактов.

Разбросанные по разным лагерям, они организованно боролись за осуществление своих требований. Средствами борьбы были массовые забастовки, длительные коллективные голодовки, коллективные письма протеста в высшие органы власти. Эпизоды этой борьбы Шаламов мог наблюдать собственными глазами на прииске “Партизан”, где находилась одна из самых активных троцкистских групп.

Примером солидарности политических заключенных (не относивших себя к троцкистам) было “Горное дело” – дело коммунистов и комсомольцев, как определил его и следователь, который это дело вел, возникшее осенью 1942 года на Утинском ГПК. Уральский журналист Б.А.Грязных, выбравшийся из числа доходяг благодаря поддержке друзей и собственным незаурядным способностям, создал группу заключенных, по-

ставивших себе задачу оказание всесторонней материальной и моральной помощи единомышленникам – для того, чтобы спасти от гибели кадры для борьбы со сталинским режимом. И группа сумела, хотя бы отчасти, сделать то, что наметила.

В 1944 году группа заключенных на ОЛПе “Больница УС-ВИТЛ” взялась за составление книги “Колымская каторга”. Стихи из этой рукописи, слова поддержки измученным узникам звучали в бараках ЖенОЛПа, в цехах швейной фабрики. О “Колымской каторге” Шаламов, кстати, мог знать от одного из осужденных по этому делу А.З.Добровольского, который, также в качестве фельдшера-заключенного, в конце сороковых годов находился в больнице на Левом берегу.

А солидарность верующих едва ли не всех конфессий, находившихся в колымских лагерях? И ее считать несуществовавшей?

А спаянность многочисленных землячеств и национальных групп, пронизывавшая лагерные структуры ничуть не меньше, чем воровская солидарность?

Я мог бы продолжать известные мне примеры солидарности именно политических заключенных, проявленной в те страшные годы (а известны мне, естественно, далеко не все такие случаи), но не стану утверждать, что эта солидарность была доступна каждому, – до нее нужно было подняться, опираясь на силы несломленного духа, не каждому это было, разумеется, дано.

(И здесь я мог бы рассказать, как тот же заключенный Шаламов В.Т. не нашел в себе сил, даже находясь на, как он сам впоследствии вспоминал, “легких работах” – в угольной разведке, откликнуться на письма совсем не чужого ему человека, сестры его жены А.И.Гудзь, бывшей в то время в лагере на “Эльгене”. И позднее, оказавшись в больнице СГПУ на Беличьей, в хозяйстве все той же Черной Мамы – Н.В.Савоевой, он не откликнулся на последнюю, предсмертную просьбу Александры Гудзь, своей наставницы в первых литературных опытах, умиравшей от пневмонии на “Эльгене”, совсем недалеко от Беличьей. Однако это отдельный сюжет и о нем подробнее в другой раз).

Но личное несчастье отдельного заключенного не должно закрывать нам общую картину – панораму человеческих судеб, этой солидарностью связанных.

У Шаламова существует немало высказываний о существовании его творческого метода и создаваемой им “новой прозы”. Критик Наум Лейзерман в статье “... В метельный леденящий век” выстроил их в определенной последовательности:

“Противовесом “беллетристике” Шаламову виделась документальность. У него есть на сей счет весьма радикальное высказывание. “Писатель должен уступить место документу и сам быть документальным... Проза будущего – это проза бывалых людей”, – заявляет он в одном из своих “манифестов”.* Но в другом манифесте уточняет: “Не проза документа, а проза, выстраданная как документ”...** Но само произведение – не документ. “К очерку никакого отношения проза колымских рассказов не имеет” – предупреждает нас писатель.

(А как совместить с указанной выстраданностью сделанное Шаламовым в другом месте заявление о том, что писатель не должен знать об изображаемом им слишком много, сохранять дистанцию от описываемых им событий? Как страдать о том, что должно быть от него отстранено? – А.Б.).

И действительно, – продолжает Н.Лейзерман, – в своих рассказах Шаламов довольно свободно обращается с фактами и вымыслом вовсе не пренебрегает. Кое-кого из мемуаристов даже смутило “вольное толкование” Шаламовым отдельных событий.*** Но это лишний раз свидетельствует, что “Колымские рассказы” написаны по другим законам, где самый доподлинный факт ценен не своей достоверностью, а емкостью эстетического смысла, где вымысел, концентрирующий собою истину, дороже частного, хоть и реального (а каким он может быть еще, интересно? – А.Б.) факта”****

Насчет емкости эстетического смысла не возразишь – трюизм. А вот “вымысел, концентрирующий собой истину”, хромает не только с грамматической, но и со смысловой стороны: мы как-то больше привыкли к тому, что истина и вымысел не совпадают по своему содержанию.

А главное в том, что тщательная сводка высказываний автора “Колымских рассказов” отнюдь не подтверждает его отказа от беллетристики, а свидетельствует о его приверженности

* Вопросы литературы. 1989. № 5.

** Шаламов В. Левый берег: Рассказы. М., 1989. С. 554.

*** См. воспоминания Б.Н.Лесняка о В. Шаламове, опубликованные в альманахе “На Севере Дальнем” (1989, № 1).

**** Урал. 1992. № 3.

ей. “Колымские рассказы” – такая же художественная литература, как и всякая другая, и восприниматься должна именно как художественная литература. Обращение к ним как к историческому первоисточнику непродуктивно. Это, собственно, я и пытался показать, не отрицая того, что историку рассказы бывшего колымского сидельца небезынтересны как повод, как материал для разысканий и сопоставлений. И если даже в самых, казалось бы, документальных свидетельствах иных бывших колымских сидельцев мы находим целые напластования субъективных, временных, эмоциональных и прочих искажений, то стоит ли удивляться, что в свидетельствах художественных их на порядок или два больше?

В архивно-следственном деле № 47069 сохранилась справка, подтверждающая, что оно находилось на рассмотрении у прокурора следственного отдела Магаданской областной прокуратуры Б.Комиссарова в январе 1961 года. Значит, тогда я и увидел его в первый раз.

Но – странная вещь! – перелистав, переписав эти два пухлых тома, я так и не нашел под их обложками тех поразивших меня когда-то фотографий. Они не значатся и в описях документов, хотя описи с той поры вроде не подновляли.

Оставалась слабая надежда найти эти фотографии в наблюдательном производстве: в “НП” иногда сбрасывались, я это знаю по ряду примеров, документы, письменные доказательства, основному ходу следствия как бы и ненужные. Надежды мои окрепли после того, как архивные инстанции заупрямились: а зачем вам это нужно?.. Не хватит ли и того, что имее-те?.. (раз упрямятся – значит, там что-то есть). С инстанциями удалось договориться, а “НП” оказалось самым что ни на есть рутинным: вторые-третьи копии следственных документов, и без того уже известных мне, – и никаких фотографий.

Так что же – пригрезились они мне, что ли, 35 лет назад, или потом, позднее, когда я думал об этом деле?

У Бориса Комиссарова не спросишь, его давно уже нет в живых.

Может, и пригрезились. Хотя я и не помню “лагерных” снов в те, шестидесятые, годы: не было у меня для них тогда поводов, не то что сегодня, когда прошлое каждый день глядит со страниц документов.

А может быть, фотографии я все-таки видел в кабинете Бо-

риса Комиссарова? Ведь у него на столе могло лежать не одно такое дело. При всей своей дерзости и неповторимости побег группы Тонконогова мог быть и не единственным в истории лагерной Колымы. Вот и П.З. Демант в “Зекамероне XX века” рассказывает о вооруженном побеге, случившемся, видимо, несколько позднее с прииска “Днепровский”. Могли быть и другие. И, может быть, еще найдутся те забывшиеся фотографии и я смогу рассказать, что там было на самом деле.

В заключение я должен сказать традиционные слова благодарности работникам соответствующих подразделений УФСБ и УВД Магаданской области, предоставившим мне возможность подробно ознакомиться с материалами архивно-следственного дела. Эта благодарность тем более велика, что осужденные по делу не реабилитированы и реабилитации не подлежат (здесь возможна только лишь та переквалификация их деяний, о которой я написал выше), а потому и соответствующий гриф с дела не снят, и работникам, отвечающим за сохранение “секретности”, пришлось искать в данном случае – скажем так – “нетрадиционное решение”. Еще раз благодарю их за то, что такое решение было найдено.

А Колыма должна знать своих героев – кем бы они ни были на самом деле и как бы мы ныне ни оценивали их поступки. В любом случае их дела – часть нашей истории.

Единственный случай

Рассказ Варлама Шаламова “Зеленый прокурор” посвящен беглецам из колымских лагерей – тем, кто получил освобождение у самой тайги. Приводится в нем и история побега 12-ти каторжан из лагпункта № 3 прииска имени Максима Горького, ранее уже использованная автором в рассказе “Последний бой майора Пугачева”. Правда, теперь уже организатором того же самого побега является не вышеназванный майор, а подполковник Яновский.

В новом рассказе, написанном, кстати, в том же 1959-м году, участники получают другие фамилии (Шевцов, Кузнецов, Кабаридзе), появляются иные обстоятельства убийства надзирателей – двоих, правда один из них, уже будучи убитым, идет открывать ворота лагеря, отнесем это на счет писательского недосмотра, приводятся иные обстоятельства захвата оружия и самого побега. Эти различия в описаниях одного и того же события подтверждают мысль, высказанную мною в очерке “Побег 12-ти каторжников”: Варлам Шаламов совершенно неосновательно числится некоторыми критиками и публицистами по разряду “колымских летописцев”, его “Колымские рассказы” – вполне литературные произведения (исполненные с разной степенью совершенства), в которых писательский вымысел существенно подменяет истинные обстоятельства.

Этому правилу Варлам Шаламов остается верен и в других фрагментах рассказа “Зеленый прокурор”.

Оставим пока без детального рассмотрения содержащееся здесь утверждение о послушных начальству троцкистах, якобы наблюдавшихся им в колымских лагерях, равно как и не менее неосновательное утверждение об отсутствии побегов и даже попыток оных в берзинские (то есть с февраля 1932-го по декабрь 1937-го) времена: так якобы было хорошо в тех лагерях, что не о чем было жалеть попавшим туда, да и самих лагерей как будто не было... Оба эти фрагмента – и о поведении троцкистов, и о побегах в указанный период – заслуживают отдельного разговора.

(Однако не удержусь и как бы в предварительном порядке сошлюсь на такой источник, как книга известного геолога Бориса Вронского “На золотой Колыме”. Вспоминая на ее страницах свои экспедиции 1932-36 годов – самое что ни на есть

берзинское время! – Вронский то и дело пишет о страхе встречи с беглецами, о встрече, которая все-таки произошла, о нападении беглецов на стоянку экспедиции. И беглецы у него не какие-то абстрактные пришельцы, а самые что ни на есть живые лагерники. Б.Вронский еще появится на страницах нашего рассказа).

В этом очерке я хочу обратиться к документам, касающимся истории побега, который представляется Варламом Шаламовым случаем небывалым, ибо “бежать с Колымы нельзя”, а тут, подишь ты, бежал зэка, и вполне удачно, и два года могучее государство всем своим сыскным аппаратом пыталось, да так и не смогло бы пресечь эту героическую акцию, если бы не досадная случайность...

“Имеется единственный случай классического побега с Колымы, – пишет об этом В.Шаламов в рассказе “Зеленый прокурор”, явно набивая цену представляемому им событию, – тщательно продуманного и подготовленного, талантливо и неторопливо осуществленного. Это – то самое исключение, которое подтверждает правило”.

В посвященном этому побегу фрагменте, равно как и в упомянутом рассказе “Последний бой майора Пугачева”, как и в сюжете с побегом группы “подполковника Яновского”, присутствует стремление писателя к героизации случившегося, я бы даже сказал – упоение обычно настроенного весьма скептически автора вдруг обретенным героем. Упоение может казаться тем более обоснованным, что своего героя писатель наблюдал воочию, так как после все-таки состоявшейся поимки и суда тот пребывал в качестве заключенного в той же Центральной больнице УСВИТЛа, где работал и заключенный фельдшер В.Т.Шаламов.

Но сначала еще несколько слов о том, что с Колымы бежать нельзя – то есть бежать-то, конечно, бежали*, но удачных побегов не было: ловила и убивала или водворяла на прежнее место охрана, или сам беглец погибал в страшных условиях безлюдной тайги, или пасовал перед этими условиями и возвращался в лагерь. Но можно ли при этом утверждать со

* По данным ГАРФ, за 25 лет (1932 - 1956 гг.) из лагерей Колымы и Чукотки бежали 7877 человек (см.: А. Козлов. В период «массового безумия» // Вечерний Магадан, № 43. 25.10.02.).

сто процентной уверенностью, что удачных побегов вовсе не было? Едва ли у группы б/п (борьбы с побегами) тогдашних УНКВД и УВД по СДС* так уж часто сходилось это сальдо: сколько убежало – столько и поймали (плюс поднятые трупы), а не сходилось, полагали, видимо, бэпэшники – значит, или медведь задрал, или сам подох, валяется где-то в тайге, куда ему еще деться...

Возможно, что чаще всего так оно и было. Но ведь кто-то мог и преодолеть все препятствия и затеряться потом на “материке” – уж ему-то кричать о выпавшей удаче никакого смысла не было, а потому можем мы до сих пор и не знать ничего об этих счастливых случаях.

В очерке “Побег 12-ти каторжников” я уже высказывал предположение о том, что таким счастливым мог оказаться один из членов группы Тонконогова Михаил Янцевич. Слишком многое в истории того побега указывало на его особое положение в группе (отсюда мое предположение о том, что он мог иметь при себе золото), на особые обстоятельства пребывания на заготпункте Сопканья и последующего исчезновения. А если так, то, может быть, еще и пребывает где-то 85-летний (он 1917 г.р.) М.У.Янцевич (вероятно, под другой фамилией) или, по крайней мере, живут, где-то его дети и внуки, которые могли бы что-то рассказать о судьбе удачливого колымского беглеца – только как о них узнаешь?

Или вот еще история вроде бы удачного побега, описанная на страницах альманаха “На Севере Дальнем” (1990 г., № 1) бывшим колымским заключенным Францем Диамантом. В начале войны бежали трое заключенных шоферов Чай-Урынского горно-промышленного управления (пос. Нексикан), бежали, спрятавшись в пустых бочках, которые везли в большом количестве, чтобы залить их бензином в Якутии. Отважная тройка покинула свои укрытия, не доезжая Хандыги. На аэродроме пос. Горячие ключи, который обслуживал тогда перегон самолетов по маршруту Аляска – Сибирь (излагаю версию Ф.Диаманта), беглецы сторговались с военными летчиками (и тут без золотишка не обошлось!), и те высадили их в безопасном месте где-то около Иркутска.

* Строительство Дальнего Севера – так с марта 1938 года стал официально называться Дальстрой. Однако даже в документах до самого его расформирования продолжало употребляться и прежнее название.

Красивая история. Еще и потому, что беглецы якобы попали в ряды действующей армии и, смыв свою вину кровью, поздней осенью 1944 года прислали в УРО Чай-Урлага письмо-требование, подтвержденное командиром полка: снимите нас с учета, мы теперь не заключенные!

Вот только фамилий этих трех счастливых автор очерка “Во льдах” не сообщает (любопытно, что рассказывая о побегах неудачных, Ф.Диамант фамилии называет), и проверить ее не представляется возможным. Остается она легендой или, как говорили когда-то заключенные: не веришь – прими за сказку.

Спустя несколько лет, готовя к печати воспоминания В.Г. Стародубцева (очерк о нем – “Человек, построивший мост”, включен в эту книгу), я спросил В.Г. об этом случае и получил следующий ответ:

“На страницах альманаха “На Севере Дальнем” в 1990 году был рассказ о побеге з/к а/к Чай-Урьянского ГПУ – правда, а не легенда (подчеркнуто Стародубцевым. – А.Б.). Помню все подробности этой истории, ее окончания и последствия. Н-к тр. отдела ЧУГПУ Анатолий Филатов и н-к автобазы Ивантеев были наказаны в административном порядке и получили по строгому выговору с занесением в уч. карточку. Бежали-то не спрятавшиеся за бочками в кузове з/к, не три, а два шофера-заключенные из числа личного состава колонны, которых руководство сочло возможным использовать как шоферов в этом рейсе. Все предписания запрещали использовать з/к шоферов на транзитных перевозках, не говоря уже о межобластных. В данном случае игнорировали этот запрет. З/к Маслюков, второго фамилию не запомнил, бежали не в теплом Ключе, а в Якутске. Добрались до Олекминска и там явились в военкомат с повинной. Окончилась война, и оба бежавшие появились в Магадане. Один в чине майора, второй в чине капитана, оба при орденах и медалях.

Явились как победители. Слышал, что один из них был назначен директором магаданского хлебозавода, а другой в а/б № 6 (директором в то время был Геренштейн) – начальником автоколонны. О их дальнейших судьбах и делах больше ничего не знаю, не слышал”.

“Но тем удивительнее, – вернемся к тексту Шаламова, – побег Павла Михайловича (Анисимовича. – А. Б.) Кривошея.

Приземистый, коротконогий, с толстой багровой шей, слившейся с затылком, Павел Михайлович недаром носил свою фамилию (...)

Здоровья он был превосходного, телосложения пикнического, с некоторой склонностью к полноте, что, вероятно, в лагере не представляло для него опасности.

Родился Кривошей в 1900 году.

Носил он всегда очки, роговые или вовсе без оправы, с круглыми стеклами. Медлительный, неповоротливый, с высоким лысеющим круглым лбом, Павел Михайлович был фигурой чрезвычайно импозантной”.

С фотографии архивно-следственного дела 1941 года, возбужденного по факту побега, действительно смотрит, набычившись, человек с твердым, так и хочется оказать – немигающим

взглядом. Сама фотография так плоха с технической точки зрения (то ли фотоматериалы были в том УНКВД совершенно завалящими, то ли профессионал-фотограф не хотели привлекать к своему темному делу, но многие виденные мною в архивных делах тех лет фотографии именно таковы по качеству), а потому и представить ее на страницах печатного издания невозможно. Я попросил перерисовать фотографию Кривошея художника Владимира Мягкова – получилось, по-моему, похоже.

П.А.Кривошей. Рис. В.Мягкова

Попутно отмечу, что настоящего, реального Кривошея звали Павлом Анисимовичем и был он на семь лет младше шаламовского героя (1907 года рождения).

“Поправлять” В.Шаламова мне придется в этом очерке часто, и что тому причиной – сбой “необыкновенной”, по словам близкого, с лагерных времен друга Шаламова Б.Н.Лесняка, па-

мяти (но рассказ писался в те времена, когда болезнь еще не разрушила здоровье бывшего колымского заключенного), сознательное “отстранение” героя рассказа от его прототипа (но как это вяжется с шаламовской теорией “новой прозы”, в основу которой должна быть положена документальность?) или все та же небрежность, как и в случае с майором-подполковником (а не все ли равно, как его звали на самом деле?)...

Забегая несколько вперед (а для окончательного ответа на этот вопрос я хотел бы проанализировать на предмет их достоверности максимально возможное число рассказов, а не четыре-пять, как пока что удалось), могу предположить, что, может быть, в таком вот “отстранении” героя от его прототипа Шаламов-писатель руководствовался и тем, и другим, и третьим соображениями. И еще, может быть, в меньшей степени – и четвертым: а все равно это знаю только я – как напишу, так в конечном счете и будет. Едва ли он предполагал, что кто-то когда-то будет проверять его с документами в руках или искать дополнительных свидетелей, а потому и казался себе монопольным обладателем истины.

“Инженер-химик одного из харьковских заводов, – продолжает свой рассказ Шаламов о Кривошее, – он в совершенстве знал несколько языков, много читал, хорошо разбирался в живописи, в скульптуре, имел большое собрание антикварных вещей.

Видная фигура среди специалистов Украины, беспартийный инженер Кривошей до глубины души презирал всех и всяческих политиков. Умница и хитрец, он был с юношеских лет воспитан в страсти не к стяжанию – это было бы слишком грубо, неумно для Кривошея, а в страсти к наслаждению жизнью – так, как он это понимал. А это означало – отдых, порок, искусство...”

Реальный Кривошей вырос в мещанской среде и едва ли в первые послереволюционные годы мог быть воспитан “в страсти к наслаждению жизнью”, ибо была она такова, что наш герой, сын скромного бухгалтера, закончив в 1925 году Александровский индустриальный техникум имени товарища Чубаря, должен был думать не о коллекционировании антиквариата – о куске хлеба насущного, добывая его в первый после окончания техникума год на заводе им. Петровского, а затем

еще два с половиной года на Днепропетровской товарной бирже в должности лаборанта. Инженером-химиком он так и не стал и едва ли выглядел, как пишет Шаламов, видной фигурой среди специалистов Украины. На этой самой бирже и возник у него некий замысел.

В. Шаламов так описывает грехопадение своего героя:

“Инженерного жалованья – “спецставки” тогдашних времен – стало недостаточно для той широкой жизни, которую вел Павел Кривошей, антиквар-любитель.

Понадобились средства, казенные средства, а уж в решительности Павлу Михайловичу отказать было нельзя.

Он получил расстрел с заменой десятью годами – срок огромный для середины тридцатых годов. Значит, там были мошенничества миллионные, имущество его было конфисковано, продано с молотка, но, конечно, такой финал Павлом Михайловичем был предусмотрен заранее. Странно было бы, если б Кривошей не сумел скрыть несколько сот тысяч. Риск был невелик, расчет прост. Кривошей – бытовик, просидит, как “друг народа” полсрока или еще менее и выйдет по зачетам или по амнистии и будет проживать припрятанные деньги.

Однако в материковском лагере Кривошея держали недолго – он был увезен как долгосрочник на Колыму. Это осложнило его планы”.

Все в этой версии – кроме меры наказания и отправки на Колыму – построено на почтительных предположениях и восхищенных домыслах, а потому к деятельности реального Кривошея никакого отношения не имеет.

Замысел лаборанта Кривошея, возникший у него, видимо, в 1929 году, состоял в том, чтобы (далее – цитата из приговора) “выдать себя за иностранного специалиста и заняться обогащением за счет государственных учреждений. Для этой цели Кривошей похищает на службе (товарная биржа) бланк с печатями “Копобуч”, на котором фабрикует перевод подложного диплома за № 1147 от 21 июля 1929 г. об окончании высшей инженерной школы в гор. Вод-Зульце (Германия) на имя Кривошеина Павла. После этого старательно подготавливает внешний свой вид под иностранного специалиста: готовит костюмы, пальто и т.д. и усердно повторяет когда-то изучавшийся им немецкий язык”.

До шаламовских высот мошенник Кривошей подняться,

конечно, не мог – миллионами не ворочал, хватал все, что попадалось – неустанно, стремительно, нагло...

В мае 1935 года Московский городской суд “при закрытых дверях” рассмотрит уголовное дело Кривошея П.А. и установит:

“По материалам, полученным от предварительного и судебного следствия Кривошей под видом инспециалиста работал в 16 учреждениях, выдавая себя за поляка, чехословака, немца и американца, живя под фамилиями: “Кривошанич”, “Кришанич”, “Шнайдер”, “Кришанич”, “Кривошанин”, “Кришицкий”. Кроме того, он Кривошей, работал в 9-ти учреждениях, как русский подданный (правильно, видимо, – советский гражданин. – А.Б.), получивший образование за границей”.

Попутно замечу, что в своей неустанной мошеннической деятельности Кривошей выдавал себя не только за инженера-химика, специалиста по углю, но также представлялся специалистом по строительству, возделыванию сои, добыче асбеста, производству тары, обработке замши и еще бог знает чего и неоднократно вынужден был, прихватив что удастся (особенно интересовался бланками организаций, на которых фабриковал затем поддельные документы), скрываться в самом пожарном порядке. Деятельность эта простиралась от Крыма до Урала, от Москвы до Средней Азии...

И далее по приговору: “От преступных действий Кривошей всем перечисленным организациям причинен материальный ущерб в сумме около 75 тыс. рублей (вот вам и шаламовские миллионы! – А.Б.).

Помимо изложенного, за все годы своей преступной деятельности (она составила около четырех лет. – А.Б.), Кривошей явно незаконно получал продукты и товары ширпотреба из магазинов Инснаба, которыми спекулировал, чем также причинил государству большой материальный ущерб”.

Суд квалифицировал действия Кривошея по ст. постановления ЦИК от 7.08.32 “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности” и ст. 169 (мошенничество) УК РСФСР и определил ему высшую меру наказания – расстрел, а также конфискацию имущества. Постановлением Верховного суда РСФСР расстрел был заменен лишением свободы на десять лет.

Есть еще одна версия деятельности П.А.Кривошея в указанный период, она, как мне кажется, по своим художественным, беллетристическим качествам намного превосходит шаламовскую. Теперь наш герой, имеющий уже два высших образования (о поддельных иностранных дипломах упоминаний нет), владеющий немецким, английским и шведским языками, ответственный сотрудник ряда государственных трестов (Союзкокс и Союзасбест), постоянно направляемый, с санкции самого Г.Л.Пятакова, в зарубежные командировки (Германия, Англия, Франция – реальный Кривошей за границей не был ни разу) для закупок оборудования, вступив в преступный сговор с рядом научных работников и ответственных руководителей промышленности (приводятся фамилии и должности), осуществляет передачу государственных секретов алчным империалистам.

Будучи задержанным со шпионскими документами на станции Негорелое, Кривошей препровождается в Москву, где ему предъявляется соответствующее обвинение. Однако после того, как нашему герою, находящемуся в изоляторе НКВД, при попустительстве или содействии его следователей (называются фамилии), удастся известить сообщников о провале, те нажимают на имеющиеся у них рычаги, и грозное обвинение в шпионаже отпадает – теперь Кривошея обвиняют только в хищении и он отделяется приговором в десять лет лишения свободы.

Однако высокие покровители и тут не оставляют его. Через несколько дней после того, как Кривошея водворяют в лагерь (кирпичный завод в подмосковном Крюково), где ему назначается должность начальника ОТК, к нему якобы приезжает жена, а с ней и жена одного из шпионов-сообщников. Последняя привозит письмо от высокопоставленных покровителей. Один из них, некий Б., советует Кривошею добиваться через ГУЛАГ отправки на Колыму, которой сейчас позарез нужны такие крупные специалисты по углям, как наш герой.

Б. сообщает, что еще один сообщник, начальник Главхимпрома Р., организует ему спецконвой и Кривошей с женой “хорошо доедут до Колымы, а там Берзин создаст все условия для работы”.

Дурилина Зинаида Николаевна, 1907 г.р., уроженка Сталино (Донбасс), из мещан, образование семь классов, жена Кри-

вошея (по его словам, женщина недостаточно развитая, ограниченная и болтливая, типичная “домашняя хозяйка” – ее образ получит в рассказе В.Шаламова совершенно иную интерпретацию, и я к этому еще вернусь) ничего, опять-таки по словам Кривошея, о его шпионской деятельности не знала, но после того, как его действия были переквалифицированы как хищение и мошенничество, была привлечена также в качестве обвиняемой – якобы сообщники Кривошея, “посоветовавшись в ГУЛАГе (замечательно, не правда ли? – А.Б.), решили, что лучше, если жена будет проходить по вашему делу, получит срок и окажется в лагере. “Я сказал, – это опять слова Кривошея, – чтобы они делали так, как считают удобным”.

Как “они” это сделали, остается неизвестным, так как ссылок на чьи-то свидетельские показания в приговоре нет, а обвиняемых по делу только двое. Остается предположить, что уличающие Дурилину показания дал сам Кривошей. Срок Зинаида Николаевна получила – три года лишения свободы. Так что можно было ехать.

(Остается, правда, непонятным, как она, будучи осужденной, навещала мужа в крюковском лагере – но ведь и самые великие писатели в своих сюжетах отдельные неувязки допускают).

Со спецконвоем, в сопровождении двух конвоиров (мне кажется, что чувство юмора писателям в погонах иногда изменяло), Кривошея с женой доставили в Магадан. Тут его не мешкая принял главный инженер Горного управления М.А. Эйдлин, который, “узнав, кем я был на материке и как направлен, сказал, что вечером поговорит с Берзиным и завтра я получу назначение”.

При следующей встрече Эйдлин дал понять Кривошею, что его московские сообщники уже известили директора Дальстроя о его приезде, и отправил “крупного специалиста” на работу ст. химиком в лабораторию Южного горно-промышленного управления (которого, правда, тогда еще не было, но это, право, форменные пустяки – ведь скоро оно на самом деле появится), лаборатория помещалась в пос. Ларюковская.

Сразу после прибытия Кривошей был принят самим начальником ЮГПУ Ф.Д.Медведем и его заместителем Раппопортом, то есть и здесь наш герой был встречен по первому разряду.

В обвинительном заключении, подводящем итог этого ув-

лекательного повествования, сказано, что агент немецких разведывательных органов Кривошей, “находясь в Севвостлаге в 1935 г. вступил в антисоветскую организацию на Колыме, возглавляемую Берзиным.

По заданию организации проводил вредительскую работу путем дачи искаженных результатов анализов полезных ископаемых Колымы, чем дезориентировал работников и аппарат Дальстроя в направлении и постановки геолого-разведочных и эксплуатационных работ.

Виновным себя признал полностью”.

Обвинительное заключение составил оперуполномоченный 3 отд. УГБ УНКВД по СДС Златкин, а утвердил пом. нач. того же отдела сержант Г.Б. Барченко. Впрочем, я не исключаю и того, что в авторский коллектив входил кто-то из наркомата (или хотя бы какие-то ориентировки оттуда поступали) – уж очень щедро, роскошно даже, представлена в деле доколымская, московско-заграничная деятельность Кривошея, такая там россыпь имен и событий. Но, учитывая тогдашнюю загрузку наркомата тысячами таких вот сюжетов, да и скупые возможности шифрованной телеграфной связи (ведь надо было соавторам между собой переговариваться), я готов Москву в создание этого литературного произведения не впутывать. И тогда выходит, что такой упоительный роман (хоть и с несколькими накладками) сочинили скромные магаданские сержанты – да аттестовать их надо срочно, на лейтенантов как минимум!

Справедливости ради – в отношении заслуг дальстроевских чекистов – нужно сказать, что вышеназванные орлы были не единственными птицами в колымском поднебесье. Приводилось знакомиться и с другими не менее яркими делами, в которых запечатлелись злодейские преступления, совершенные десятью, а то и двадцатью годами ранее на территориях, весьма удаленных от Колымы, и своевременно не раскрытыми тамошними чекистами, а вот тут, в Магадане, в золотую пору Павлова – Сперанского – Метелева, доведенными до последней точки. Конечно, в каждом таком деле и обвиняемые охотно сотрудничали с любимым следствием, как тот же Кривошей, например, – его показания в деле 1938 года единственные, в Магадане о его прежних преступлениях никто более показать не мог.

Дело агента немецкой разведки Кривошея представлялось

(об этом есть фраза в обвинительном заключении) на рассмотрение Тройки УНКВД по СДС – с заранее предрешенным результатом, и никогда бы кривошеевский сюжет не возник в творчестве Шаламова, если бы дальстроевские писатели сумели в своем романе поставить точку, но ...

Кривошей был арестован, видимо (ордера на арест в деле нет, потому сужу по дате заполнения анкеты арестованного), 21-го то ли июня, то ли июля 1938 года (месяц указан неразборчиво) – как бы вслед за ушедшим караваном завершённых историй-фрагментов дела № 17777 о все той же повстанческой, шпионской, террористической, вредительской антисоветской организации, возглавлявшейся директором Дальстроя. Караван – видимо, неспешно ...

(У меня нет точных сведений о том, как в те годы дела доставлялись в Москву. Если этапировался подследственный, дело, естественно, следовало вместе с ним, а это значит: пароход, Владивостокская пересылка, эшелон... А если, как с берзинцами, дела отправлялись, а заключенные продолжали оставаться в Магадане – ОСО НКВД и без их участия во всем разберется, то здесь какой способ транспортировки осуществлялся? Тот же неспешный? Или все-таки самолетом отправляли? Своя авиация у Дальстроя уже имела, и столь дальние полеты иногда осуществлялись. Но вот только стоило ли в данном случае так торопиться, срочно эти дела в Москву отправлять? Да и пароходом-поездом – это надежнее все-таки, а то, не дай бог, случится что, и такой замечательный труд насмарку... Нет, лучше, наверное, все-таки было не спешить).

... Караван двигался к Москве, а в Магадане царило торжество – такую махину свалили, да нам теперь, да за такие труды, но мы и на этом не остановимся, мы всю эту шваль за ушко - и на солнышко, будьте уверены, товарищ Ежов, дальстроевские чекисты всегда были, есть и будут в первых рядах!

Это предвкушение длилось, наверное, месяца два-три, то есть июнь, июль, август. К сентябрю, пожалуй, появилось беспокойство: что они там, в Москве, тянут? сколько мы будем ихних подсудимых держать? нам и для своих местов не хватает...

Но работа тем не менее шла как прежде – арестовывали, допрашивали, представляли на Тройку, расстреливали (но чаще стали десяткой ограничиваться). Это вот когда 127 дел-красавцев того берзинского каравана вдруг из Москвы вернулись, да

еще с издевательской сопроводилкой: дела не рассмотрены по причине отсутствия обвиняемых (а с каких это пор, простите, Особому совещанию их долбаное присутствие понадобилось? или теперь уже и этого славного органа не будет? и что же тогда будет?..) – вот тогда, в декабре 1938 года, в Магадан пришло ощущение краха.

Обвинительное заключение на Кривошея Барченко утвердил 3 ноября – значит, вопреки всем предчувствиям руководителя Управления еще старались держать свой корабль на плаву, да и прямых директив идти на дно пока не поступило. Но через две недели СНК и ЦК ВКП(б) – уж куда директивнее! – примут совместное постановление о ведении следствия, законности и прокурорском надзоре, и это будет ВСЕ – гуляй, Вася! – полная смена курса, все заслуги коту под хвост, зря дырки под ордена на кителях вертели...

Но отходить-уходить следовало достойно, без паники, соблюдая порядок и равняясь на Москву, а потому на важнейших фигурантов, тех же берзинских сподвижников (раз его самого благополучно расстреляли еще в августе) Эпштейна, Филиппова, Кабисского, того же Эйдлина и еще некоторых, дела надлежало завершить как полагается, а вот рыбку помельче, к сожалению, выпустить. А уж такую шелупень, как этот отъевшийся на дармовых тюремных харчах немецкий шпион, – гнать их всех к такой матери, пусть работают, суки!

О том, как складывалась его дальнейшая жизнь на Колыме, Кривошей рассказал на допросе 19 декабря 1941 года, уже после своего легендарного побега и вполне скромного ареста, случившегося в городе Мариуполе: “После освобождения из тюрьмы гор. Магадана в 1939 г. в марте м-це, я был направлен с этапом в Западное Горно-Промышленное Управление, на Берелех. По прибытии на транзитный пункт в Берелехе, я подал заявление в Западное Горное Управление с просьбой использовать меня по специальности. В ответ на это заявление я был послан на Аркагалу в химическую лабораторию. Я в это время и явился организатором этой лаборатории. Проработал я в этой лаборатории до конца мая 1940 года.

В это время, в конце апреля м-ца 1940 г. я был послан зав. лабораторией Турским в командировку в гор. Магадан для получения оборудования и реактивов на Базисных складах, для

лаборатории на Аркагале. Целью моей поездки так же явилась необходимость переговоров с нач. Местпрома т. Ясногорским, по вопросу производства уксусной к-ты из аркагалинского угля. Это производство должно было развиваться в системе Местпрома. Т. Ясногорский задержал меня в Магадане д/работы по уксусной к-те, а так-же проводить в своей системе работу по ВВ, изобретателем которых являюсь я. Мною было предложено получать из окисленного аркагалинского угля заменитель – аммонит.

Когда т. Турский узнал о моей задержке в Магадане, он решил, что (это. – А.Б.) исходило от меня, как результат желания остаться в Магадане вместе с моей женой Дурилиной Зинаидой Николаевной, которая работала в Магадане в автотракторной конторе Колымснаба (ее срок наказания уже истек. – А. Б.).

Поэтому т. Турский через командование Дальстроя отозвал меня обратно на Аркагалу. Здесь он мне заявил, что я поступил по отношению к нему не хорошо, т.к. он надеялся, что по этой работе я получу досрочное освобождение, а он получит награду. Мы на этой почве с ним поругались, в результате чего он снял меня с работы в лаборатории и послал на общие работы в штольню.

Здесь я работал до 9 июня 1940 года. Числа 7-го я написал заявление Начальнику Рай. Отдела НКВД на Западе (то есть Западного ГПУ. – А.Б.) т. Бурову, с просьбой вызвать меня. Т. Буров направил меня в Берелехское Рай ГРУ к т. Вронскому – нач. ГРУ на Берелехе.

Т. Вронский использовал меня на технической работе, связанной с построением диаграмм по анализам. Здесь я не был помещен в лагерь, а жил в рабочем поселке среди вольнонаемных граждан. Здесь я работал до приезда начальника Управления НКВД – майора Окунева.

После этого я рассказал т. Вронскому, что подал заявление т. Окуневу. На это Вронский сказал мне, чтобы я принес ему записку от т. Бунова, как меня использовать дальше.

Т. Буров написал т. Вронскому записку следующего содержания: “Т. Вронский оставьте з/к Кривошей у себя на работе, затребовав его дело”.

Я продолжал работать, жил в вольном поселке и в лагерь не водворялся.

Я несколько раз интересовался у т. Вронского и у нач. лаг-

пункта, прибыло ли мое дело, и как меня думают использовать по специальности. После моих долгих приставаний к т. Вронскому, ввиду отсутствия на Берелехе лаборатории, он меня отправил в г. Магадан в Геолого-Разведочное Управление.

Заместитель т. Вронского т. Серков выписал мне пропуск, по которому я приехал в Магадан.

Хочу отметить, что будучи еще на Берелехе, я разговаривал с Начальником Рудной разведки – геологом Поповым. Я рассказал Попову, что в 1936 году в лаборатории ЮГПУ из Зырянки был прислан уголь с большим содержанием азота (около 12%). Попов предложил мне поговорить об этом с главным агрономом совхоза на Сусумане – т. Пальманом, на предмет использования этого угля в качестве удобрений. Попов направил меня к т. Пальману, кот. сказал мне, что этот вопрос интересен и посоветовал обратиться по этому вопросу в Управление сельского х-ва на Дукчу. Пальман написал мне отношение на Дукчу, в котором просил сельхозуправление организовать испытание этого угля”.

Ну вот мы и добрались до завязки интриги – исключительного побега из колымского лагеря. Но сначала несколько комментариев к вышесказанному. Кривошей – заключенный, ему, с его сроком, определенным приговором 1935 года, в 39-м еще сидеть и сидеть, но посмотрите, как вольно он себя чувствует: свободно, без всякого конвоя, путешествует в Магадан, живет, в том же Берелехе, вне лагеря, в поселке вольнонаемных, свободно сносятся с лагерным и энкавэдешным начальством... Да что там сносятся – он с ними, если верить протоколу допроса, едва ли не на равных общается: т. Буров, т. – страшно сказать! – сам начальник УНКВД по СДС Окунев.

Показательно, что следствие 1941-42 годов, упоминая в своих документах о том, что обвиняемый “выдавал себя за специалиста-химика”, т. е. не признавая его таковым, в тех же и прочих документах указывает на наличие у Кривошея высшего образования, т. е. противоречит самому себе.

Я понимаю, почему фантазеры 1938-го года признают наличие у Кривошея даже двух высших образований: по их версии, чем больше, тем лучше – не станут же матерые шпионы, профессора и руководители главков, сотрудничать с каким-то техником-лаборантом. Но спустя три года, когда, казалось бы, и фи-

гура самого мошенника на жесткой ладони УНКВД должна была выглядеть в полную величину, и его колымские проделки были вполне известны, – все-таки ухитряется Павел Анисимович и здесь произвести впечатление, верят ему, что ли?

Тут, может быть, имеет значение и то, что первым следователем по делу о побеге у Кривошея был ст. о/у Р.Кнафель – и среди его официальных “нашел”, “постановил”, “допросил” вдруг проскакивает интимное “а”: “допросила”... И выходит, что Р.Кнафель – женщина? Женщина – ст. о/у 4 отд. (КРО) УНКВД по СДС? О таком я еще не слышал. Но давайте и мы пофантазируем: а не мог ли и тут наш хрякообразный герой – но ушлый ведь донельзя – иметь свою выгоду?

Так или иначе, но на новых своих следователей в 1941-42 годах Кривошей сумел произвести весьма выгодное впечатление. Сработали тут и несомненный талант мошенника, и характеристика, выданная ему зам. начальника Дальстройугля Скалкиным, а потом, возможно, и парадоксальная мотивация побега, представленная самим Кривошеем. О ней чуть ниже, а характеристику в УНКВД Скалкин в мае 1941 года, когда Кривошей еще находился в побеге и розыске, выдал вот такую:

“З/к Кривошей Павел Анисимович известен Главному геологу ДСУголь тов. Карпову Н.Ф. с осени 1936 года; в то время он работал в Ларюковской химлаборатории ЮГПУ на анализах углей. Был известен, как знающий и толковый работник.

С момента перехода Угольного кабинета Ларюковской химлаборатории в ведение Дальстройуголь, был передан на списочный состав Аркагалинского ОЛПа в связи с организацией лаборатории на Аркагале. З/к Кривошей оборудовал лабораторию под руководством Турского и работал в ней до осени 1940 года, после чего из системы Дальстройугля был переведен.

Характеристика з/к Кривошея: хороший химик-угольщик, развит, обладает инициативой. К отрицательным чертам характера относится его склонность к некоторому авантюризму в научной деятельности, что заставляет его, например, искать нефть в Хасынском угольном районе, не имея на то достаточных данных и проч.

Последние сведения, относящиеся к марту м-цу (1941 года) а бежал Кривошей еще в ноябре 1940-го. – А.Б.), о з/к Кривошее (Кривошеин) поступили из Зырянки от нач. КИРП (Колы-

мо-Индибирское речное пароходство, образованное на месте КРУДС - Колымского речного управления Дальстроя. – А.Б.) Янсона; согласно запроса Янсона Кривошеин открыл угольное месторождение на р. Каменке (наглое вранье, у нас будет возможность ниже убедиться в этом. – А.Б.), в связи с чем т. Янсон интересовался геологическими данными об этом месторождении”.

Плодотворными дебютными идеями – кажется, так любил выражаться один литературный герой? – реальный мошенник Кривошей буквально фонтанирует. Что мы уже успели наблюдать?

Производство уксусной кислоты из угля – это для Местпрома (они там все что хочешь делают: тушь из сажи, бумагу из утиля, подметки из списанных покрышек и т.д.). Аммонит из того же угля (это еще раньше Турскому было обещано, а потом Кривошей толкает ту же идею Ясногорскому в надежде зацепиться за Магадан). Производство удобрений из зырянских углей. Перспективы на нефть в Хасынском районе (и ах, какое это счастье! – под боком у Магадана). Открытие угольного месторождения на Каменке...

И все это разнообразие идей щедро выбрасывается Кривошеем всего лишь за год. Естественно, воплощать их в жизнь (а в возможностях их реализации он разбирался, видимо, так же хорошо, как ранее, до первого приговора, в возделывании сои) Кривошей собирался через хозяйственных руководителей. С ними он в первую очередь и вступает в контакт – и почти всегда успешно. А лагерное начальство, которое, казалось бы, должно обеспечивать режим его существования и его передвижения, неизменно остается в стороне. Именно в этом – заранее обеспеченной бесконтрольности существования (что есть чудо великое для лагерной Колымы) и кроется, на первый взгляд, главная причина того, что побег Кривошея мог состояться.

Однако не все хоз. руководители были совершенно наивными и абсолютно доверчивыми. Тот же Б.И.Вронский, матерый не только геолог, но к тому времени уже и человек не менее прозорливый, столкнулся с аферистом, не уступившим в наглости, вероятно, и нашему герою, еще в 1926 году на прииске “Незаметный” треста “Алданзолото”. Там должность главного геолога занимал некий Ивлев, торговец по профессии. Мошенника, подыскав ему место продавца в мясной лавке,

вынуждены были держать на геологической должности, пока не поймали на воровстве. Любопытно, что после того, как Ивлев был с позором изгнан, место главного геолога прииска занял Ю.А. Билибин, тогда еще скромный молодой специалист. Отсюда он начал свой путь к тайнам колымского золота.

Получив в свое распоряжение – весьма обходным путем, потому что в Берелехскую экспедицию Кривошей, как он сам об этом рассказывает, был принят по указанию нач. райотдела НКВД, который лагерниками распоряжаться права не имел, есть на то УРЧ Заплага, – такого крупного “специалиста”, Б.И.Вронский держит его на технической работе, и наш герой, вероятно, быстро понимает, что здесь ему, как говорили на Колыме, не проханжа, а потому и изобретает этот маневр с туками, чтобы приехать в Геологическое управление не с пустыми руками.

Сейчас впору пожалеть, что переписываясь – правда, с большим интервалом – с В.И.Пальманом едва ли не двадцать лет, я ни разу не спросил его о Кривошее. Возникла наша переписка с Пальманом, занимавшим одно время в Союзе писателей общественную должность председателя Совета по приключенческой литературе (интересно, помнил ли он, что сам принял участие в неразгаданном колымском приключении?), в связи с изданием в Магадане его книги “Кратер Эршота”. Книга была издана в конце семидесятых и имела, как и выпущенный ранее, магаданским издательством роман “За линией Габерландта”, определенный читательский успех. Уже в девятые годы Вячеслав Иванович прислал в Магадан свой, как потом оказалось, последний роман “В кольце Сатаны”, в котором рассказал о годах, проведенных в колымской неволе. Издательство готово было взяться за работу и над этим произведением, но его объем и отсутствие необходимых средств заставили нас вернуть роман автору. А теперь – увы – у Вячеслава Ивановича уже ничего не спросишь.

Пальман действительно, будучи заключенным, работал в совхозе “Сусуманский”, а освободившись, стал главным агрономом этого хозяйства. Срок он имел небольшой, всего три года.

Тут я должен снова обратиться к рассказу Шаламова, к его словам о том, что Кривошею отправили на Колыму как “долго-

срочника”. Это справедливо лишь в той части, что Кривошея в эти края действительно привезли, но содержавшееся в постановлении СНК от 14 июля 1929 года “Об использовании труда уголовно-заключенных” правило отправки в лагеря ОГПУ (а Севвостлаг первоначально находился в этой системе) осужденных на срок не менее трех лет, в середине тридцатых годов уже не имело обязательной силы, и в Севвостлаг присылали и с тремя годами, как Пальмана, и с двумя – известный мне заключенный Окунев, например, оказался на Колыме за нарушение паспортного режима. Это были не единичные случаи, и разный они имели финал: один молодой воришка, отбыв на Колыме года три-четыре, успел после освобождения повоевать, стал Героем Советского Союза и Почетным гражданином двух белорусских городов (В.И.Ерванько), а мой Окунев, отбыв свои

два года, был судим на Колыме еще четырежды, но все по мелочи, отбыл здесь в общей сложности 12 лет и вернулся на материк инвалидом.

В.И.Пальман. На обороте фотографии надпись: “Очень боязливой, но доброй сестренке Юле – от беспокойного Вяча. Действительно до встречи в 1942 г. В.Пальман. Вышел из лагеря. 1940 г.”

Молодого энтузиаста Пальмана – а до осуждения он только-только успел закончить сельскохозяйственный техникум – матерому мошеннику Кривошее обставить в этой истории с туками было, наверное, не очень сложно. Никакой реальной цены написанное Пальманом “отношение”, вероятно, не имело – ведь он эти туки в глаза не видел, однако Кривошей мог при случае этим документом воспользоваться как заключением специалиста.

Обратим внимание и на то, что “пропуск” Кривошеею подписал не Б.И.Вронский, который должен был прохо-

димца уже распознать, а его заместитель по фамилии Серков.

В показаниях Кривошея имя и отчество этого человека не указаны, в книге Б.И.Вронского повествование доведено только до 1936 года, там этот человек еще не появляется. Но в составе Второй колымской экспедиции (а это 1930-й год) мы находим некоего Василия Ивановича Серкова, и не просто члена экспедиции, а заместителя ее начальника по административно-хозяйственной части. В.А.Цареградский, начальник той экспедиции, в первой части своей книги "По экрану памяти" (храню ее, вышедшую в Магадане в 1980 году, с дарственной надписью автора) описывает своего заместителя следующим образом:

"Держался Серков скромно, но вместе с тем как-то даже величественно. Он часто уходил на Культбазу или на стан Союззолота (действие происходило в бухте Нагаева. — А.Б.), расположенный на склоне холма — не очень далеко от нашего городка. Иногда пропадал там целый день (...)

Коренастый, невысокого роста, очень полный, розовощекий (кажется, они с Кривошеем и похожи были. — А.Б.), Василий Иванович ходил степенно, сутуля плечи и раскачиваясь, производя впечатление стороннего наблюдателя или начинающего ревизора. Он редко разговаривал с кем-либо из сотрудников и рабочих, небольшие выпуклые глаза его, полуприкрытые веками, придавали лицу равнодушно-сонное выражение".

В устах весьма осторожного и дипломатичного Валентина Александровича такая характеристика — явное проявление неприязни. Видимо, отношения с заместителем, направленным в экспедицию Инцветметом перед самым ее отъездом, у В.А. сложились неважные.

На В.И.Серкова, коль скоро он руководил охраной экспедиционного склада, В.А.Цареградский — правда, в косвенной форме — возложил и ответственность за неумышленное убийство одним охранявшим этот склад рабочим другого. Тот же Серков, уже в куда более явной форме, оказывается виновным в организации двухдневной коллективной пьянки, случившейся, пока начальник экспедиции отлучался по делам на Олу.

Якобы по настоянию бюро объединенной партийной организации и ее секретаря А.М.Пачкалина Серков после этого случая был отстранен от должности, а Цареградский, что, веро-

ятно, было ему только на руку, так как первопроходческим рвением он и в Первой экспедиции не отличался, вынужден был в связи с этим отказаться от дальних маршрутов по притокам Оротукана и остаться в Нагаево, чтобы заниматься здесь хозяйственными вопросами.

После этого эпизода Серков в его книге не упоминается.

Моя мама, Л.П.Емельянова, оказавшаяся на Колыме с моим будущим отцом весной 1935 года, не раз вспоминала об их попутчике Василии Ивановиче Серкове, компанейском человеке и выпивохе, — по его словам, бывшем матросе того самого крейсера "Аврора", что палил по Зимнему. Наверное, в тридцатые

Единственная женщина в этой группе — в белой косынке и со щенком на руках — моя мама Л.П.Емельянова, слева от нее — В.М.Кохановский, отец поэта Игоря Кохановского, справа — мой отец М.А. Бирюков (и тоже со щенком). "Стоит слева толстый в клетчатой рубашке Василий Иванович Серков, кажется он ехал на должность пом. полита Нач. КРУДС. Сидит на ступеньках Алексей Иванович Петров — редактор местной газеты, а рядом с ним с гармошкой молодой пареньек Сеня (фамилию не знаю), ехал на должность какую-то в плавсостав Колымского речного флота," — мамин комментарий.

годы эти слова вызывали уважение. Как и мои родители, он ехал на Лабую, в КРУДС, где стал, по словам мамы, не имея никакого образования, каким-то начальником.

Сохранилась в нашем семейном архиве фотография, снятая в конце мая 1935 года в Среднекане, где все они (на снимке девять человек) ждали первого в ту навигацию парохода. На переднем плане стоит среднего роста толстый человек в клетчатой рубашке, подпоясанный широким командирским ремнем. Полузаплывшие глазки глядят насмешливо и с вызовом даже. Кажется, о таких говорили раньше – “арап”. Это и есть Серков.

Конечно, я не могу настаивать, что именно этот В.И.Серков после Лабуй работал у Вронского. Но, возможно, что и Берелехскому РайГРУ полагался пом. полит. или хозяйственник, и Борис Иванович должен был смириться с тем работником, которого ему прислали, а может, он и сам того Василия Ивановича пригласил, познакомившись с ним поближе на Зырянке, когда занимался тамошними углями.

А Попов, тот самый геолог в показаниях Кривошей, что посоветовал ему обратиться к Пальману, – это, видимо, Георгий Георгиевич Попов, выпускник Сибирского горного института, в 1938 году он приехал на Крайний Северо-Восток и вскоре был выдвинут на должность начальника геолого-разведочного управления Дальстройугля, со временем он станет одним из лучших специалистов региона по месторождениям угля, кандидатом геолого-минералогических наук.

Такое вот обилие замечательных имен в показаниях Кривошей. Но вернемся к протоколу допроса.

“По прибытии из Берелеха в Магадан я сразу пошел на Дукчу, где был и т. Пальман, прибывший туда же по своим делам в командировку.

Вместе с ним я и зашел к т. Зернову – нач. Усельхоза. Он вызвал главного агронома – Гаврилова, и поручил ему заняться этим вопросом. Я рассказал т. Гаврилову о своей прежней работе на Берелехе в Рай.ГРУ, что я прибыл в распоряжение т. Цареградского. Т. Гаврилов написал официальное отношение от Усельхоза на имя т. Цареградского, где просил направить меня на работу в Усельхоз для опробывания месторождения этих уг-

лей. С этим отношением я пошел к т. Цареградскому. Ему я рассказал, как попал с Аркагалы на Берелех, т. Цареградский записал все мои установочные данные и наложил резолюцию на отношении Усельхоза, что он не возражает о временном использовании меня в Усельхозе на указанной выше работе.

Вопрос: С какого времени и как Вас знал т. Цареградский?

Ответ: Т. Цареградский знал меня (как. – А.Б.) заключенного, работающего по углям на Ларюковой, с 1935 года.

Вопрос: Продолжайте свой рассказ.

Ответ: Я рассказал т. Цареградскому, что мое личное дело должны были затребовать на Берелех (речь идет, видимо, о “рабочем деле” или “формуляре к личному делу”, а само личное дело заключенного полагалось хранить в УРО УСВИТЛа в Магадане. – А.Б.), но что его не затребовали, и потому я не знаю, как мне оформляться в Усельхозе. Т. Цареградский сказал, что он позвонит т. Зернову и Зернов этот вопрос уладит. Т. Зернова в это время не было, его замещал т. Гаврилов и все оформление проводил он.

Т. Гаврилов дал мне командировочное удостоверение и пропуск на Зырянку и в Средне-Колымск. Здесь же т. Гаврилов дал мне задание взять попутно образцы фосфоритов в Средне-Колымске.

Когда после беседы с т. Цареградским я обратился с отношением, кот. у меня было на руках от Усельхоза с резолюцией т. Цареградского (о кот. я указал выше) в отдел кадров ГРУ, то там мне ответили, что они не могут оформлять заключенного, т.к. здесь в ГРУ ОЛПа нет.

С этой гражданкой я пошел к т. Цареградскому, и он сказал, что договориться с т. Зерновым”.

Тут получается занятная ситуация: Кривошей, видимо, еще не помышляя о побеге, а желая лишь закрепиться в Магадане, подальше от забоев Аркагалы, за которой он продолжает числиться и которая может в любую минуту затребовать его обратно, обивает пороги руководителей двух управлений, а тем он вроде как бы и не по профилю – был бы Кривошей таким же выдающимся геологом, каким был мошенником, нашлось бы ему место у Цареградского, как тому же профессору А.К.Болдыреву, который в это время работал в ГРУ, будучи заключенным. Но для Цареградского он, видимо, только техник-лаборант, а потому Валентин Александрович и говорит аграриям: он вам

нужен – вы его и оформляйте к себе, что они и делают в конечном счете.

Правда, по словам В.П.Гаврилова, происходит это несколько иначе. На допросе в мае 1941 года (Кривошей еще находился в бегах, а потому свидетель мог спокойно выстраивать свою версию) он показал:

“В конце июля или начале августа 1940 г. Начальник Управления Сельского Хозяйства – Зернов приехал из Магадана с вышеупомянутым Кривошейным, которого отрекомендовал как инженера знающего месторождения бурых углей на Колыме. При этом Зернов поручил мне переговорить с Кривошейным и дать заключение о возможности организации добычи этих углей. Представленный Кривошейным материал, химические анализы с содержанием азота до 16% в бурых углях, дали мне уверенность об организации партии, которая-бы взяла образцы для анализа и определила запасы месторождения. Период организации этой партии проходил примерно 10-15 дней. В оргпартию были назначены два заключенных и третий был сам Кривошейн, который выдавал себя за инженера-геолога с наличием документов и рекомендации начальника ГРУ т. Цареградского. Документы Кривошейна мною были проверены и никаких сомнений не вызвали. Указанная оргпартия в составе трех человек была снабжена всем необходимым, оформлена приказом и отправлена в пос. Зырянка, в районе которой и залегают, по словам Кривошейна, бурые угли представленных им образцов.

В конце декабря 1940 г. уже работая в Тауйском совхозе и находясь в командировке в УСХа я узнал, что Кривошейным с Зырянки были присланы образцы углей, в лабораторию Колымской опытной станции п. Эльген, что это каменный уголь с содержанием азота до 2,5%, и конечно применяться для удобрения не может (...) О том, что Кривошейн был заключенный, для меня является новостью так как представленные им документы, как-то: – паспорт, справки с места работы, характеристики и рекомендации ГРУ не вызывали никаких сомнений. На мой вопрос Кривошейну, почему он в данный момент не работает в ГРУ, последний мне ответил, что у него месячный отпуск и он ждет назначения на другую работу. В силу того, что у Кривошейна на руках имелись документы из ГРУ, справок в последнем не наводилось”.

По словам Гаврилова, в явном головопятизме при оформлении з/к Кривошей началником партии и отправке этой партии в поле (а там ищи ветра!) виноваты Зернов, рекомендовавший ему Кривошей как инженера-геолога, и Цареградский, также снабдивший мошенника рекомендациями, к тому же сам Кривошей имел, оказывается, паспорт и еще какие-то документы, не вызвавшие у Гаврилова сомнений, плюс образцы тех самых бурых углей и результаты анализов...

Изобличать свидетеля Гаврилова во лжи следствие не стало. Может быть, потому, что для этого нужно было бы допросить Зернова и Цареградского. А стоило ли из-за бессовестного мошенника беспокоить таких больших начальников? Бутова, Вронского, Серкова, Ясногорского тоже ведь не допрашивали... Возможно, Гаврилов к тому времени уже получил наказание по служебной линии – может быть, его перевод из Управления в совхоз этим и объясняется. Ну, ошибся, с кем не бывает – не в тюрьму же его за это!

Организация партии, по словам Кривошей (их примет на веру и следствие, эта версия найдет отражение в обвинительном заключении), выглядела следующим образом:

“Т. Гаврилов сказал мне, что ввиду скорого закрытия навигации по р. Колыме, что-бы я ехал, а он все оформит сам.

Мне дали из лагеря двоих заключенных – Калягина Василия и Семенова (отчества и имени не знаю).

Калягин знал, что я заключенный еще по работе на Ларюковой, где он работал пожарником.

Вопрос: Уточните резолюцию т. Цареградского на отношении Усельхоза.

Ответ: “Не возражаю использовать на работе в течении двух-трех м-цев. Цареградский”. Резолюция была написана красным карандашом, и осталось это отношение, как основание, у секретаря Усельхоза Гавриловой.

Вопрос: В командировочном отношении (удостоверении. – А.Б.) было указано, что Вы заключенный?

Ответ: Нет, в командировочном удостоверении не было указано, что я заключенный. Это удостоверение было составлено мною вместе с т. Гавриловым. Я его даже спросил, указать ли что я з/к. На это он ответил не пишете “заключенный” для того, что-бы было меньше препятствий в получении нужных мне товаров, лошадей и т.д. Он сказал, что писать “товарищ” так-

же не надо, а посоветовал написать просто “инженер Кривошей”.

Так отношение (удостоверение, черт возьми! – А.Б.) было написано и подписано Гавриловым и секретарем Усельхоза Гавриловой (женой агронома). Гаврилов, таким образом, знал, что я заключенный. Он даже поинтересовался моей статьей, по кот. я отбываю срок заключения. Я ему ответил, что сижу по 169 ст. – за денежные комбинации.

Вопрос: Как Вы оформили свой отъезд на Зырянку?

Ответ: Т. Гаврилов имел разрешение из Главного Управ-

приказ № 262.

ПО ЛИТАЛЬНИИ СЕЛЬХОЗУ КОЛЫМКА ГЭС ДС ПЕРД СССР

6-го августа 1940 г.

с/х. делая.

для обследования и отбора пров. ископаемых удобрительных туков в районе Зырянки –

П Р И К А З И В А Ю:

1. Организовать группу в составе инженера КРИВОШЕИНА П.А. откомандированного из ГРУ ГУС ДС и 2 рабочих.
2. Инженеру тов. КРИВОШЕИНУ поручить:
 - а/ Произвести предварительное выявление запасов путем глазомерной съемки.
 - б/ Отобрать пробы из различных участков для химического анализа за в целях дачи химической характеристики месторождения.
 - в/ Отобрать не менее 200 килограмм материала для испытания в полевых условиях на КОС-ЭЛЬГЕН.
3. Работу по обследованию закончить к концу навигации по КОЛЫМЕ.
4. Отделу снабжения обеспечить группу необходимыми вещдоловьями и продовольствием.
5. Бухгалтерии УСХ выдать тов. КРИВОШЕИНУ аванс в соответствии со сметой.

п.п. вРИО НАЧАЛЬНИКА УСХ /Гаврилов/

в е р н о : Секретарь /Гаврилова/

к.п.

Верно: Инспектор Кадров Кривошей

8/2 - 417.

Лист дела 77 - копия приказа об организации группы для обследования туков

ления СДС перенести из средств ассигнованных на другую экспедицию, на экспедицию, в кот. посылался я – до 15 тысяч рублей денег.

Я получил наличными деньгами из кассы Усельхоза – 5 (пять) тысяч рублей и продуктов, лагерного вещ. довольствия, палатку и прочее, на сумму по фактуре три тысячи шестьсот рублей (примерно), с этими я выехал вместе с людьми на попутной груженой машине в Среднекан. Это было 8-го августа. В Среднекане я купил 3 билета до Зырянки стоимостью по 360 р. каждый, и на пароходе выехал в Зырянку.

(подпись Кривошей)

Протокол допроса прерван в 17 ч. 30 мин.

Допросила: оперуполном 4 отд. УНКВД по СДС Кнафель Р.”

В архивно-следственном деле Кривошей имеется копия приказа № 262 по Управлению сельского хозяйства ГУС ДС от 6.08.40, подписанного врио нач. УСХ Гавриловым и секретарем Гавриловой, который поручает “инженеру тов. (все-таки “тов.”! – А.Б.) Кривошеину (три раза фамилия мошенника названа в приказе, и все три раза неправильно – или и впрямь на эту фамилию был выписан его паспорт? – А.Б.):

а) произвести предварительное выявление запасов путем глазомерной съемки,

б) отобрать пробы из различных участков для химического анализа в целях дачи химической характеристики месторождения,

в) отобрать не менее 200 килограмм материала для испытания в полевых условиях на КОС-Эльген (Колымская опытная станция, находившаяся в совхозе “Эльген”. – А.Б.)”.

Приказ интересный в том плане, что поручает провести выявление запасов (пусть и предварительным образом) путем глазомерной съемки – это форменная халтура. К тому же, зачем отбирать пробы для хим. анализа, если, по словам Гаврилова, они уже представлены – вместе с результатами анализа (16%)? А отобрать несколько сот кг этих вожделенных туков для испытания на эльгенских полях могла бы и группа зеков, покажи им только, где и что брать.

Скоро выяснится, что “специалист” Кривошей дать такие указания не в состоянии. Ну да это его обычная метода: “запудрить мозги”, сорвать куш и... бежать подальше.

В деле имеется и копия командировочного удостоверения,

выданная все тому же “Кривошеину” (!) супругами Гавриловыми. А вот отношения УСХа об откомандировании Кривошея с резолюцией В.А.Цареградского в деле нет – то ли не нашлось, то ли не решилось следствие главного колымского геолога в эту историю впутывать.

Теперь следует вспомнить рассказ В.Шаламова, привести из него соответствующую цитату с описанием самого этого “единственного случая” (выйдет она, видимо, весьма пространной – но пусть читатель, может быть, не очень помнящий этот рассказ, в полной мере оценит беллетристические способности “колымского летописца”), а затем весьма основательно “просветить” шаламовскую версию показаниями Кривошея, которые запишет на следующем допросе трансвестит (допросил–допросила) Кнафель Р.

Эти показания были лишь отчасти подтверждены другими доказательствами. Следствие, как и прежде, не особенно усердствовало, не всех лиц, могущих что-либо поведать о побеге Кривошея, допросило – и оправданием ему тут может быть то, что уж больно далеко эти свидетели от Магадана находились – на Зырянке, в Средне-Колымске... Но ведь оно, любимое, и тех самых зеков, которых Кривошей из Магадана взял и которые в Магадан должны были вернуться – а кто лучше их детали путешествия мошенника знал? – даже их следствие не искало, хотя, казалось бы, чего проще? Видимо, показания обвиняемого следствие вполне устраивали – ничем оно их опровергнуть и не пытается.

А так ли все было на самом деле? Я сажусь за стол этого загадочного трансвестита и начинаю анализировать поступки Кривошея с самого начала этой эпопеи.

Зав. химлабораторией Турский отправляет з/к Кривошея в Магадан за оборудованием. Может быть такое? Вполне. А в Магадане, напомним, проживала уже освободившаяся жена Кривошея З.Н.Дурилина. Здесь наш герой, видимо, искал возможность зацепиться, чем вызвал гнев своего начальника, был возвращен на Аркагалу и оказался на общих работах.

Но пробыл он в шахте совсем недолго. Потому что – посчитаем: с поручением Турского Кривошей отправляется в конце апреля, а уже через месяц с небольшим, 9 июня, он выведен из шахты. И на этот период приходится дорога из Аркагалы в

Магадан и дорога обратно, затянувшееся (надо полагать, что не менее двух недель – иначе с чего бы Турскому рассердиться?) пребывание в Магадане. Сколько же остается на шахту? Несколько дней, не больше.

Кто же помог проштрафившемуся зеку так быстро оставить общие работы и устроиться на явно блатную работенку в РайГРУ к Вронскому? Начальник райотдела НКВД Буров.

А с чего бы это начальнику райотдела, чекисту опытному – я знаю его еще по протоколам павловских времен – так благоволить к какому-то, да еще с подмоченной репутацией (вспомним дело 1938 года) заключенному? Или он в нем тоже крупного специалиста по углю видит, которого следует с большей пользой трудоустроить? Но это в принципе – не его забота, об этом пусть хозяйственники и лаг. администрация думают, НКВД тут ни при чем.

Или, может, матерый мошенник сумел подкупить начальника райотдела или кого-то из его друзей, вот он за Кривошея и вступился? Но оставив в стороне моральную проблему (а нет у нас никаких оснований о Бурове как о взяточнике думать, да и времена были не те, что нынешние, хотя, конечно, и тогда взятки давали), заметим, что и до первого приговора был Кривошей далеко не так богат, как об этом Шаламов рассказывает, а потом, после приговора, почти все наворованное было у него конфисковано – это и его мытарства после побега подтвердят. Но даже если и было у него на “материке” что-то припрятано, здесь, на Колыме, он был гол как сокол. Так чем же он мог кого-то подкупить? Куском антрацита? Но если бы у него хоть что-то и было, то кого ему следовало подкупать в первую очередь? Лагерную придурню, начальников из Дальстройугля – именно от них зависело, какое место он получит. А тут почему-то Буров вмешивается.

Буров мог вмешаться в судьбу Кривошея и спасти его от общих работ, если уже знал этого зека-бытовика, знал совершенно определенным образом – как информатора. Или, может быть, и не являясь еще стукачом, Кривошей, попав в опасный для себя переплет, чтобы спастись, пообещал нач. райотдела что-то уж очень ценное – какую-то такую компру, какой и самого нач. Управления можно было заинтересовать (вспомним, что Кривошей и к Окуневу с заявлением обращался). Что-то, может, и не аркагалинское, а магаданское даже – например, на

того же Цареградского (Кривошей ведь недавно из Магадана вернулся. Кто знает, где он там обретался? Какие мосты наводил? Тем более что, как следует из протокола допроса, знал его Цареградский еще с 35 года).

Могла, видимо, у нач. райотдела какая-то комбинация созреть с подачи Кривошея – Буров и “дернул” его с общих работ и сунул на время к Вронскому. Именно на время – потому и не стали оформлять его перевод в Сусуманский КОЛП. Комбинация могла заключаться в том, чтобы подставить Кривошея... к Цареградскому. Вот тут Пальман и пригодился: ах, туки, туки!.. Интересно, на какой помойке Кривошей их наковырял – ясно ведь, что образцов из той, ларюковской еще, лаборатории у него сохраниться не могло, но ведь и у Вронского, завязанного угольщика, можно было что-то позаимствовать.

Итак, значит, – ах, туки-туки! едемте-едемте в Магадан!.. Вы ведь заметили, что Пальман с Кривошеем на “Дукче” в одно время оказались (едва ли это было случайным), повел Пальман Кривошея к Зернову: ох, туки-туки! давайте Цареградскому звонить!..

Тут, может быть, расчет был и на то, что у Валентина Александровича к углю была особая любовь: как ни крути, а в его личном списке геолога-первооткрывателя Хасынское угольное месторождение – первое и едва ли не единственное (к тому же, он и зырянскими углями, описанными еще Черским, занимался), славу главного дальстроевского геолога принесли ему не какие-то великие открытия, а талант дипломата и организатора, вкрадчивое спокойствие и острый нюх на опасность. А тут родной уголек – ну как не расчувствоваться!

Может быть, так и предполагали: размякнет Валентин Александрович и скажет: “А возьму-ка я к себе этого замечательно-го парня Кривошея, если и он так уголь любит!”

Но не расчувствовался Цареградский. То ли уже имел о Кривошее достаточное представление – что-то еще раньше отложилось. То ли подумал: уголь – это, конечно, очень хорошо, но они же там, на Берелехе, к Зырянке на 600 км ближе – пусть Вронский этим Кривошеем и руководит, так удобнее. То ли подпись Серкова на пропуске, если таковой Цареградскому был показан, насторожила: ах, вот оно как, вот кто его снарядил – этот что хочешь за бутылку спирта подпишет...

Может, почувствовал Валентин Александрович за откоман-

дированием Кривошея какую-то игру: не зря ведь зек-мошенник по всей Колыме так беспривязно разгуливает – кто-то ему из большого начальства явно благоволит, вот только для чего? А потому решил как бы и не препятствовать всей этой затее, но и на себя ничего не брать: Кривошей вам нужен – пользуйтесь, пожалуйста (он ведь все равно не мой), и деньги вы платите – ваша ведь экспедиция.

Для Кривошея это был, конечно, провал – потому что зачем ему на Зырянку ехать? как он будет там искать эти туки, которых нет? и осень на пороге, там через две недели снег пойдет... Буров тоже знал, что на Зырянке Кривошей ничего не найдет, потому что не геолог, да и нет там этих туков – сами их придумали. Да и не нужен ему Кривошей на Зырянке – комбинация совсем другое направление имела.

Возможно, предполагалось эти туки-туки лишь как приманку использовать: приходит Кривошей с этой идеей в Геологическое управление, а там ему говорят: “Ах, как интересно, а мы и не знали! Мы, конечно, вас к себе заберем, раз вы нам такую ценную мысль подарили. Только на Зырянку вам ехать совсем не нужно – вы же не геолог, вы лучше здесь с анализами поработайте, а для поисковых работ у нас специалисты есть”. А вышло так, что никуда не взяли, а теперь и самому еще черт знает куда и зачем ехать!..

И поздно, отказываться уже нельзя. Услужливый Гаврилов и зеков своих родных, дукчинских, дал, и деньгами снабдил, и имуществом. Так что надо ехать.

Когда и как Кривошей мог известить Бурова о провале операции, неизвестно. Но должен был доложить – кому же еще о нем дальше заботиться? Дошло ли это известие до Бурова – а открытым текстом Кривошей передать его, естественно, не мог, что Буров решил и как о своем решении Кривошея известил? А может, Буров и не узнал о провале – в отпуск уехал или начальство куда-нибудь услало? Или узнал и подумал: “Да хрен с ним, вывернется как-нибудь, ему не привыкать”. И тогда, выходит, бросили Кривошея на произвол судьбы, едет он, бедный, в пасть колымской зимы, на эту долбаную Зырянку, сто лет бы ее не видать!

А мой (моя) Кнафель Р. 20 декабря продолжает терпеливо записывать горько-покаянные показания Кривошея о том, как

тяжело пришлось ему в этом поиске неизвестно чего, а потом и в самом побеге. Это ведь только у Шаламова он победным маршем по трассе шел, а тут...

И в этот момент на плечо ложится твердая мужская рука и грубый голос говорит:

– Ты что же, сука (вариант: сук еловый), делаешь? Своих выдаешь? Что ж ты Бурова засветил (а), да еще Окунева приплел (а)? Совсем голова не работает?

Это моей (моему) Кнафель Р. адресуются грубая чекистская брань – определенная неосторожность и впрямь была проявлена, а потому, может быть (полной уверенности в этом у меня нет и быть не может) дело у Кнафель отнимают, и оно переходит к другому работнику.

С 12 января 1942 года, предъявив Кривошею официальное обвинение по признакам ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж, так еще в ранее благословенные 37-38-й годы квалифицировался побег – как попытка уклонения от общественно-полезного лагерного труда, хотя есть – была то есть – в тогдашнем Уголовном кодексе РСФСР статья, именно за побег и карающая – 82-я, но у нее санкция куда меньше – до трех лет лишения свободы, а потому и забудем о ней, возьмем 58-14 – тут, при наличии отягчающих обстоятельств, можно и к “вышке” подвести), ст. о/у Круговцев начинает передопрашивать Кривошею по всем обстоятельствам побега. Фамилии Бурова и Окунева уже не будут упомянуты.

Но вернемся к рассказу Шаламова.

“А оттуда (из Аркагалы. – А. Б.) по секретному проводу в тот же Магадан, к начальнику розыскного отдела, учреждения, расположенного на той же, чуть ли не единственной улице города (...) летело зашифрованное служебное сообщение: “Бежал з/к Кривошей Павел Михайлович, 1900 года рождения, статья 168 (присвоение вверенного имущества, присвоение находки, у реального Кривошея – ст. 169. – А. Б.), срок 10, номер личного дела (...). Кривошей уходил в противоположную морю сторону”.

Я не собирался перебивать шаламовского изложения, но, чувствуя, что это все-таки нужно сделать.

Во-первых, отметим исходную точку побега – Аркагала. Это около 700 км от Магадана. До Якутска отсюда примерно столько же.

По шаламовской версии, лагерные власти тотчас же побег обнаружили и сообщили о нем в Магадан. На самом деле о Кривошее вспомнили лишь через несколько месяцев. “Секретный” провод на Колыме в те годы – ерунда, конечно, полная. Какая-то злобная неточность проявлена автором в отношении количества улиц в городе – в 1941 году было их уже немало. Конечно, в 1937-38 годах (а уже тогда пос. Нагаево - Магадан или уже только Магадан не состоял из единственной улицы) Шаламову разглядеть его не дали, а в начале пятидесятых, прожив в городе неделю, перед тем как возвращаться на “материк”, видимо, не захотел бывший зэка разбираться, когда и что там построили...

Впрочем, и у Анатолия Жигулина, увидевшего Магадан уже после войны, весь город в “Черных камнях” тоже вроде из одной улицы состоит. Та же вполне объяснимая неприязнь.

Номер личного дела Кривошея Шаламов знать не мог, поскольку он оглашению не подлежал. Поэтому укажу – 62858. Только увидев его, любой работник УСВИТЛа обязательно подумал бы: “А птица, небось, стреляная!” – даже не поднимая личного дела, по одному значению номера нетрудно было определить, сколько уже тот или иной заключенный находится в Севвостлаге, так как шли эти номера, начиная с 1932 года, по нарастающей. Кривошей, как мы помним, отправился из Магадана 8 августа 1940 года. Завершивший через восемь дней, 16 августа, свой четвертый рейс в ту навигацию пароход “Дальстрой” доставил в своем трюме 325-ю тысячу заключенных Севвостлага (весь этап составил 7099 человек).

Вернемся к рассказу.

“Он шел налегке. Кроме брезентового плаща, геологического молотка да сумки с малым количеством образцов геологических пород, запаса спичек и запаса денег – у него ничего не было.

Он шел открыто и не спеша, по вьючным конным дорогам, оленьим тропам, придерживаясь становищ, поселков, не отклоняясь глубоко в тайгу и всякий раз ночуя под крышей – шалаша, чума, избы. В первом же крупном якутском поселке он нанял рабочих, которые по его указанию копали шурфы, закопущиканавы, словом проделывали ту же самую работу, которую и раньше случалось им выполнять для настоящих геологов. Тех-

нических знаний для должности коллектора у Кривошея хватало, притом Аркагала, где он жил около года, была последней базовой стоянкой многих геологических партий, и Кривошей пригляделся к манерам, к повадкам геологов. Медленность движений, роговые очки, ежедневное бритье, подпиленные ногти – все это внушало доверие безграничное (...)

Через месяц он прошел Яблоновый хребет, два якута, выделенные колхозом для важной правительственной работы, несли его сумки с образцами.

Прошу у читателя прощения, но тут мне снова придется прервать цитату, потому что пишет Шаламов вещи невероятные.

Судите сами. “Он шел налегке”. Как такое возможно? Даже коренной житель тех мест, полностью адаптированный к условиям тайги, отправляясь и не в столь дальнее путешествие, кое-какое имущество обязательно захватит, а Кривошей, реальный или выдуманный Шаламовым, чтобы рассчитывать на успех своего смелого предприятия, должен был экипироваться весьма солидно, потому что только со спичками и деньгами в тайге не обойдешься.

Прежде всего, нужны были документы. Без них в первом же поселке медлительный сангвиник (?) был бы тотчас задержан, вместе с его неизменной улыбкой. Не имея документов, Кривошей, естественно, не мог бы и нанять тех самых якутов-рабочих, потому что должен был бы заключать трудовое соглашение с колхозом (в письменной форме). Кстати, геологические экспедиции предпочитали не нанимать местных жителей в качестве рабочих – брали конюхами, каюрами (если нужны были лошади или олени), а рабочих брали из лагеря, это обходилось гораздо дешевле. То же Берелехское ГРУ, в котором еще недавно служил наш герой, имело свой лагерь. Справочник “Система ИТЛ в СССР” обнаруживает его существование только в 1951 году – но это явно из-за недостатка более ранних сведений. По данным справочника, в начале пятидесятых этот лагерь имел численность более двух с половиной тысяч человек.

Да одно только появление в поселке или стойбище геолога, странствующего без неизменного Пятницы-зэка (или даже нескольких таких Пятниц), обязательно вызвало бы подозрение.

Учтем здесь и то обстоятельство, что немногочисленное коренное население с первых лет существования Дальстроя постоянно настраивалось на поимку беглецов, да оно и само

было заинтересовано в их поимке, потому что терпело подчас беды немалые от вооруженных головорезов. К 1940 году взаимодействие властей и местного населения в этом вопросе было вполне отлажено. Беглец, как правило, и не мечтал открыто подойти к какому-либо поселению – разве что тайком, ночью, чтобы украсть что-нибудь из еды.

Я уж не говорю об оперпостах, которые щедро выставлялись в трассовских (и не только трассовских) поселках в летнее время. Их без документов Кривошей миновать не мог, а донести на один из таких постов о геологе-путешественнике, конечно, могли многие.

Но кроме документов Кривошей должен был иметь минимум (и довольно обширный) снаряжения. Конечно, огнестрельное оружие. Топор, нож. Запас одежды, обуви. Минимальный запас продовольствия. Ничего из перечисленного шаламовский Кривошей не имел (что опять-таки было бы весьма подозрительно для любого, кто встретил бы его в тайге). Зато у Шаламова он имел бритвенные и иные принадлежности туалета. Бреющийся в тайге ежедневно геолог – это, конечно, надо было придумать. Невольно вспоминается такая же “красивость” в рассказе “Последний бой майора Пугачева”: лихие каторжане бегут из лагеря, вооружившись до зубов, с большим количеством патронов, но имея из продовольствия только галеты и шоколад. Изрядно, я думаю, посмеялись бы, прочитав такое, тогдашние зеки: это как же они в каторжанском лагере шоколад накали? разве его в те годы на Колыме можно было найти?

Путешествие Кривошея “по вьючным конным дорогам, по оленьим тропам” – это тоже из области фантазии, так как троп, которыми передвигались по тайге коренные жители, было совсем немного, да и были они таковы, что даже стоя на одной из них, наш герой сквозь свои неизменные “роговые очки” ее не разглядел бы. Не больше в тайге и шалашей, чумов и изб, в которых якобы находил уют каждую ночь наш герой.

Ну а что касается времени, которое, “медленно поспешая”, отклоняясь в сторону и задерживаясь на отдельных местах, чтобы бить шурфы и проходить разведочные каналы, то сколько бы его потребовалось Кривошею, чтобы преодолеть несколько сот километров? К тому же, двигаясь в сторону Якутска из Аркагалы, Кривошей ухитрился “перейти” Яблоновый хребет, отроги которого трасса пересекает всего лишь в ста с небольшим

км от Магадана, – значит, ему пришлось еще и километров на пятьсот к Магадану спуститься?..

Кривошей “говаривал” – так в рассказе Шаламова (из чего можно заключить, что в числе слушателей был и автор) – что путешествие длилось чуть ли не три месяца. А это значит, что выйдя из Аркагалы, как только сойдет снег (в конце июня), Кривошей в Якутии оказывался уже в начале зимы. Однако ни о каких трудностях, связанных с зимними условиями, в рассказе Шаламова не упоминается – идет себе и идет, усмехаясь.

«– Самое удивительное, – говаривал Кривошей, – что за все мое чуть ли не трехмесячное путешествие у меня нигде, никто – ни в кочевых сельсоветах, ни в высоких научных учреждениях – не спрашивали документов. Документы-то у меня были, но нигде, ни разу не пришлось их предъявить».

Столь небрежно упомянутые “документы” (а это прежде всего паспорт), равно как и деньги (в большом количестве) – решающие звенья в осуществлении “блестяще задуманного дела” – оказываются в руках у шаламовского Кривошея путем совершенно нереальным. Но об этом чуть ниже.

А упомянутые героем рассказа высокие научные учреждения – это такая смелая художественная выдумка, что ее можно сравнить даже с фантазиями авторов из дальстроевского УНКВД образца 1938 года. По Шаламову, прибыв в Якутск, Кривошей “(...) отправился в местное геологическое управление – с просьбой помочь ему переслать несколько важных посылок в Москву, в Академию наук (чего, замечу, для успеха побега и не требовалось вовсе, но, согласитесь, есть в этом визите какой-то особый шик, своеобразное щегольство, присущее человеку, воспитанному “в страсти к наслаждению жизнью”. – А.Б.). Павел Михайлович сходил в баню, купил дорогой костюм, несколько цветных рубашек, белье и, расчесав свои редеющие волосы, явился к высокому начальству, благодушно улыбаясь.

Высокое научное начальство отнеслось к Кривошею благожелательно. Знание иностранных языков, обнаруженное Кривошеем (интересно, какой повод употребил шаламовский герой для того, чтобы заговорить с этим высоким начальством по-немецки или, скажем, по-шведски? – А.Б.), произвело нужное впечатление (...)

– Вы не откажетесь, конечно, дорогой коллега, – говорило начальство заискивающим тоном, – прочесть нашим научным работникам две-три лекции...”

Пару лекций шаламовский Кривошей прочитал, без особого, правда, успеха – не геолог все-таки (здесь фантазия автора как бы опирается на реальные обстоятельства), и был с почетном отправлен в Иркутск, куда еще ранее проследовала и лекция камней.

Судьбу полюбившихся камней беллетрист Шаламов проследит и далее: из Иркутска Кривошей их якобы отправил по почте “в Москву, в адрес Академии наук, где они и были получены и несколько лет лежали на складах, представляя собой научную тайну, о сущности которой никто так и не догадался”. Стал бы реальный Кривошей тратить деньги, даже если бы у него их было так много, как в рассказе Шаламова, на отправку этих дурацких посылок? “Новая проза” колымского автора здесь явно отдает литературщиной.

А теперь послушаем, что рассказывал о своем побеге сам Кривошей.

«Продолжение протокола допроса обвиняемого Кривошей Павла Анисимовича от 19 декабря 1941 года.

Допрос начат в 10 ч. 20 мин.,
окончен в 14 ч. 30 мин. 20 /XII - 1941,
с перерывом с 12 до 13 часов.

(Неужели полтора суток допрашивали? – А.Б.)

Вопрос: Расскажите, чем Вы занялись по приезде в Зырянку. В чем заключалась Ваша исследовательская работа?

Ответ: По приезду на Зырянку я явился в КИРП, предъявил начальнику его – Золотареву свои документы, и сказал, что мне нужно ехать на Угольную, т.к. проба, по которой была организована настоящая экспедиция была взята с Угольной с Ключа Кара-Уле, пикет 1/24.

В КИРПе (Колымо-Индибирское речное пароходство) мне дали двух лошадей, и вместе с рабочими я направился на Угольную. На Зырянке я пробыл дня три. Приехав на Угольную я обратился к начальнику Овчинникову, который дал мне сопровождающего – коллектора Ушакову Надежду Михайловну (а Шаламов полагал, что Кривошей с обязанностями коллектора сам может справиться. – А.Б.). Она доставила нас до места нахождения нужных нам углей.

Когда мы приехали к этому месту, я сразу-же обнаружил, что это угли не те, которые были в присланной пробе 1936 г. По виду этот уголь напоминал выветренный каменный уголь.

Однако меня все-таки взяли сомнения что это именно те угли, которые мы искали, т.к. они растворялись в воде, тогда как обыкновенный уголь не растворяется в воде. Проба 1936 г. также в воде растворялась. На второй день мы взяли около 100 кгр этого угля и привезли его в Зырянку.

Согласно задания Усельхоза, я должен был направить эти угли не в Магадан, а на опытную станцию на Эльген. В это время навигация закрывалась, и пароходы вверх по течению не ходили, таким образом я был лишен возможности отправить уголь и людей в Эльген.

Вопрос: Когда Вы прибыли на Зырянку из Магадана?

Ответ: На Зырянку из Магадана я прибыл примерно 23-25 августа м-ца 1940 г.

Вопрос: Чем Вы занимались после окончания работы по взятию пробы угля?

Ответ: Людей, которые были со мной я сдал в ОЛП Зырянки. Начальнику ОЛПа Никогосову я сдал остатки продовольствия и обмундирования, а так же мешок с углем для пересылки его в КОС-Эльген.

Получил от Никогосова распоряжение в письменном виде, на Лабуйский лаг. пункт, для выдачи мне двух человек из заключенных”.

Прерву чтение протокола. Видите, как просто было “начальнику партии” Кривошей решать вопросы рабочей силы: в одном месте сдал, а в другом взял – чего их, действительно, по Колыме возить, деньги на проезд и продовольствие тратить... Так просто, наверное, в старину даже лошадей на станциях не меняли – ждать, когда освободятся, приходилось, а тут в любом лаг. пункте “рабочих лошадок” сколько хочешь – бери любую. Это еще раз подтверждает то, что реальный Кривошей никаких рабочих-колхозников нанимать бы не стал.

Понятно, почему он остаток продовольствия в лагерь сдал: не хотел сам таскать, начальник все-таки. Странно только, что следствие не подтвердило этот факт никакими документами, ведь это самое продовольствие и обмундирование реальный Кривошей (мы его способности знаем) мог очень просто на сторону толкнуть. Но я уже говорил, что следствие сбором доказательств не особо себя утруждало.

Мне особенно жалко, что я не увидел в деле этих расписок типа “сдал-принял” по причине и совсем другого, лирического, что ли, свойства: были бы расписки, увидел бы на них и подпись самого гражданина начальника Никогосова. Давно я его ищущу.

Тут дело вот в чем. До отъезда на Колыму отец мой учился в адъюнктуре Военно-транспортной академии (он, сын железнодорожного рабочего, произносил это слово манерно, через “э” – акадэмия) и одновременно являлся секретарем партийной ячейки своего ЖАКТа (тогда ячейки существовали и по месту жительства). Собираясь на Колыму, отец подбил на эту поездку – легкомысленные все-таки люди жили тогда в РэСэФэСэРе, раз можно было их черт-те куда и неизвестно зачем заманить, или впрямь были они все такими хитрыми врагами Советской власти, что загодя спешили укрыться в северной глухомани от ее карающего меча, но и там их, конечно, находили орлы-чекисты, – отец подбил на эту поездку председателя ЖАКТа Никогосова (звали его, кажется, тоже Василием, как и Серкова, а вот отчество было какое-то национальное) и своего свояка (мужа сестры моей мамы) Василия (еще одного!) Кохановского. Потом к ним и жены присоединились.

Никогосов, по словам мамы, тоже был направлен в КРУДС (но вот нет его почему-то на том снимке, сделанном весной 1935 года на Среднекане, – то ли позже из Магадана выехал, то ли все-таки был в той группе, но именно он ее и фотографировал – должен же был кто-то на кнопку нажать), числился парторгом и был, видимо, очень предан своему начальнику, за что получил от отца прозвище “старшего дворника Сычева”, тогдашнего начальника КРУДСа. Оскорбление в адрес “политического руководителя” было поставлено отцу в вину зимой 1936 года, в ходе “партийной чистки”. Отца из партии тогда исключили, но ненадолго – при поддержке тогдашнего зам. директора Дальстроя по политчасти Булыгина он был восстановлен в партии и переведен в Магадан. Эти обстоятельства мне известны из архивно-следственного дела отца, арестованного в мае 1938 года уже в должности начальника завода №2.

Никогосовы (глава семьи, жена тетя Клава – отчества не помню и два сына – Эдик и Слава) вернулись с Колымы только через двадцать лет, в середине пятидесятых. Я в это время то ли заканчивал школу, то ли уже поступил в университет. Эдик

был старше меня года на три. Он закончил магаданскую школу № 1 в 1953 году. На попавшей мне позднее в руки фотографии того выпуска он снят рядом с Василием Аксеновым, известным писателем. Вероятно, Эдик знал и его мать – Евгению Соломоновну Гинзбург, которая впоследствии прославилась своим “Крутым маршрутом” – в то время она преподавала в этой школе литературу.

В Москве я помню Эдика уже студентом, он учился на китайском отделении Института международных отношений. Изредка я встречал его – высокого, тонкого, с каким-то отрешенным выражением лица. Я смотрел на него с почтением и ужасом: как может нормальный человек учить десятки тысяч этих самых иероглифов? Кажется, судьба его сложилась не очень удачно, потому что вскоре после того, как он закончил институт, отношения нашей страны с Китаем резко ухудшились и китаисты остались без работы.

А Славка был года на два младше меня, с ним были какие-то мальчишеские отношения, вызванные, вероятно, тем, что жил он в той же квартире № 18, что и мой старый приятель Женя Копин по прозвищу Рыба, и там я бывал довольно часто.

Славка что-то мне рассказывал о Магадане, но в памяти осталось только то, что на городском стадионе, на футбольном поле, совсем не было травы, но Славка говорил, что играть можно было отлично. Это мы, значит, обсуждали какие-то футбольные дела.

Видел я не раз и их родителей. Отец Никогосов запомнился сидящим на стуле на балконе с папиросой в руке – жили они на втором этаже, поэтому разглядеть я его и с земли мог хорошо: среднего роста, полный, седой, красивое кавказское лицо.

Мог я его и расспросить, конечно, о многом, если бы знал в те свои мальчишеские годы, что Колыма будет так интересовать меня, как интересуется сейчас. Ведь проработал Никогосов в лагерной системе много лет (знал я еще тогда от Славки, что отец и в Магадане в лагере работал). Но не спросил ни о чем. Так же, как и Пальмана. Как еще десятки встречавшихся мне в 50–60–70-е годы людей, и ах как много они знали, и нет уже никого из них в живых!..

Да что там Никогосов или Пальман – я у собственного отца хитрил ничего не спросить. И никогда не прощу себе, что не успел на последнюю с ним встречу в 1966-м: он уезжал из

Москвы после обследования в онкологической клинике в Керчь, где жил и работал в последние годы, а я увлекся переселением умненькой аспирантки Ирочки Шиловой на новую квартиру – таскал на 12-й этаж (лифт еще не работал) вместе с другими добровольцами связки с книгами. Книг было очень много, и проводить отца я опоздал. Мама говорила, что отец до самой последней минуты ждал меня.

И вот, копаясь в старых делах уже десять лет, рассматривая так и эдак каждую бумаженцию и встречая уже на этих листиках фамилии, знакомые по другим делам, я все ждал, когда же мне попадетсЯ Никогосов, ведь не иголка все-таки, видный человек был... Вот мы и встретились – и встала передо мной родная Каляевская, наш Большой двор (а дом, в котором мы жили, был и по московским масштабам заметным, и дворов в нем было три: Большой, Средний и Задний), и все знакомые мальчишки-девчонки побежали перед глазами... Хорошо-то было когда-то как, а?

Но ладно, повспоминали – поехали дальше. Кривошей рассказывал:

“Согласно договоренности в Усельхозе, как я указывал ранее, я должен был взять пробы фосфоритов возле Средне-Колымска. Образцов пробы у меня не было, их нужно было искать примерно в двух километрах от Средне-Колымска. Так мне сказал Гаврилов.

Приехав числа 23-го сентября в Средне-Колымск, поехал на Лабую, где взял двоих людей, фамилий кот. я не помню, привез их в Средне-Колымск и мы начали на расстоянии 2-х километров от Средне-Колымска, вверх по течению р. Колымы, на левом берегу, рыть шурф. В первый же день я увидел, что продолжать работу бесполезно, т.к. средств на питание не было и мы не знали, где конкретно нужно проводить работу. На второй день, вечером я рабочих отвез на лаг. пункт. За время этой работы мы успели пробить шурф примерно на полтора метра и кроме речных наносов ничего не обнаружили (как все это не похоже на победительное шествие шаламовского “геолога” Кривошей по просторам Якутии. – А.Б.).

В Средне-Колымске я жил у заведующего сберкассой Тылара Гаврила Афанасьевича. Из разговора с ним я узнал, что из Средне-Колымска есть регулярное почтовое сообщение с Якут-

ском, и что любой человек, купив билет может без пропуска свободно ехать в Якутск. Он сообщил, что первый рейс начнется 15 ноября. В это время у меня окончательно сложилась мысль о побеге.

(Строки последнего абзаца жирно подчеркнуты, следствие придавало особое значение этим сведениям. Однако проверить их, допросив упомянутого Тылара, не сочло опять-таки нужным. — А.Б.).

Вопрос: Когда у Вас впервые зародилась мысль бежать из лагеря?

Ответ: Эта мысль у меня зародилась в Средне-Колымске, после очевидности, что взятая мной проба не имеет никакой ценности и не соответствует той пробе, которая была у меня в лаборатории в 1936 году. Я так-же боялся, что будучи снят с работы в лаборатории на Аркагале и отправлен на общие работы, я не оформившись как следует, выехал в Зырянку. Боясь, что я буду снова водворен на общие работы, я решил бежать.

Из Усельхоза, на все мои телеграммы (ранее Кривошей говорил о том, что дал Зернову пять телеграмм о ходе работ, но в деле их так и не оказалось. — А.Б.) я не получил ни одного ответа. Это толкнуло меня на мысль, что меня не сумели оформить как следует в экспедицию и опять таки попаду снова на общие работы.

Вопрос: Как Вы оформили свой побег?

Ответ: Нужно сказать, что числа 26-го сентября я получил в Средне-Колымске телеграмму следующего содержания: “Необходимо лично Вас видеть — Харламов”. Эта подпись мне абсолютно не знакома. Телеграмма адресовалась на имя райисполкома для Кривошей Павла Анисимовича, так как в Райисполком я заходил часто.

Вопрос: В Райисполкоме Вы говорили о том, что являетесь заключенным?

Ответ: Нет, меня знали как вольнонаемного.

По получении телеграммы я дал в адрес, указанный в телеграмме — КИРП, Зырянка, инж. Харламову, я дал телеграмму, что буду в Средне-Колымске 2 недели.

Дней через пять ко мне на самолете прилетела жена Дурилина Зинаида Николаевна. Она мне рассказала, что в Магадане ее вызвали в НКВД и предложили ей в кратчайший срок выехать на “материк”. Ее с работы уволили. Вместо того, чтобы

выехать на “материк” она выехала в Зырянку, зная, что там нахожусь я.

Это сообщение, что ей предложили покинуть Магадан, показалось подозрительным. Решив, что в Усельхозе по отношению ко мне не все обстоит благополучно, я окончательно решил бежать.

Дурилина на завтра последним катером уехала обратно в Зырянку”.

Ну а теперь, видимо, пора подробнее присмотреться к жене беглеца, тем более что именно ее присутствие на Колыме и отчаянные попытки связаться с мужем, уже около двух (!) лет находившимся в побеге, по мнению Шаламова, и станут причиной того, что “блестяще задуманное и великолепно выполненное дело” будет загублено.

У Шаламова жена Кривошей (в рассказе ее зовут Ангелиной Григорьевной) приезжает на Колыму добровольно, спустя несколько месяцев после того, как здесь оказывается этапированный из Москвы мошенник, и “повторяя подвиг жен декабристов” — подлинные слова “колымского летописца”, ставящие жену мошенника и его пособницу на одну доску с княгиней Волконской.

Ее ждут здесь невероятные страдания, так как

а) “приехавшие за мужьями обрекали себя на холод, на постоянные муки странствий за мужем, которого то и дело переводили куда-либо и жене надо было бросать найденное с трудом место работы и ехать в края, где женщине ездить опасно, где она может подвергнуться насилию, грабежу, издевательствам (...);”

б) “самое же главное — вся поездка за тринадцать тысяч верст (тут три тысячи явно лишние, это опять к вопросу о географии. — А.Б.) оказывалась вовсе бессмысленной — никаких свиданий с мужем бедной женщине не давали (...);”

в) “жене не удавалось передать никаких съестных продуктов (в отношении несъедобных продуктов ограничений, видимо, не было. — А.Б.) мужу — на этот счет опять-таки существовали приказы, нормы, зависимость от результатов труда и поведения”.

Но Кривошею повезло — “жена была его смелой и верной помощницей. Она привезла ему на Аркагалу документы, деньги — более пятидесяти тысяч рублей”.

Но далее: “Деньги, которые она привезла с собой, кончились – жизнь на Севере дорогая – яблоко на магаданском базаре стоило сто рублей. Ангелина Григорьевна поступила на службу (это произошло уже в Магадане. – А.Б.), но служащим по местному найму, не завербованным с материка, платили оклады другие, мало отличавшиеся от окладов Харьковской области”.

Теперь давайте разбираться.

Начать, видимо, следует с выяснения характера отношений, существовавших между этими супругами. Со стороны Зинаиды Николаевны они менее всего напоминали “подвиг любви бескорыстной” (именно так поэтично оценивалось подвижничество жен декабристов) – на Колыме она оказалась отнюдь не добровольно, а по приговору суда, который усмотрел, что “г. Дурилина Зинаида Николаевна виновна в том, что приняла участие, совместно со своим мужем гр. Кривошей, в фабрикации подложных денежных счетов на сумму 5235 р. и действия ее суд квалифицировал по ст. 169 п. 2 УК” (то есть тоже мошенничество).

Из того, что оба супруга – “тяжеловес” Кривошей и Дурилина со сроком наказания незначительным, только три года – вместе оказались на Колыме, отнюдь не следует, что они были доставлены сюда каким-то сверхъестественным способом – следовали, вероятно, в обычных теплушках. Известно, что в Севвостлаге нередко оказывались супруги и родственники – отделение наркомата, ведавшее отправкой осужденных, словно шло навстречу их пожеланиям, хотя во многих случаях это происходило и заведомо случайно.

Уже после побега, на допросе 14 января 1942 года, Кривошей представит свою жену едва ли не как инициатора затеянных им в начале тридцатых годов афер: “Данный оклад (270 руб., которые он получал после окончания учебы. – А.Б.), в силу того, что часть из этих денег высылал своей матери (отец Кривошей умер еще в 1920 году. – А.Б.) и жена – Дурилина не работала, материально не обеспечивал. До замужества Дурилина живя в городе Днепропетровске и вращаясь в кругу артистов и других лиц посещала с ними рестораны, кино, а те материальные условия которыми мы располагали во время моей работы были несколько ограничены, из-за чего Дурилина устраивала ряд конфликтов и ссор, не желая мириться с имеющимися

материальными условиями, стремясь к роскошной жизни. Подобные конфликты у меня с Дурилиной были не единичны и часто повторялись, этим самым она меня поставила в такие условия, что я вынужден был изыскивать средства к приобретению денег”.

Большим благородством позиция нашего героя отнюдь не отличается, но ведь и Зинаида Николаевна... Я уж не говорю о том, что она принимала участие в мошеннических проделках Кривошей – понятно, мужу помогала, дело едва ли не простительное, если горячо любила, но вот ситуация, которая разыгрывается на Колыме осенью 1940 года. Наш герой, отчаявшись найти эти проклятые туки и такие же фосфориты, не видя поддержки (хотя бы предполагавшейся) от Бурова, решается на побег. Неожиданно (?) на Зырянке появляется Зинаида Николаевна. Она устраивается на работу в пароходстве, знакомится (если не была знакома раньше) с Харламовым и делает его как бы посредником в своих отношениях с мужем – а с какой целью, неужели она думает, что за ней следят?

“Инженер КИРП Харламов с Дурилиной находился уже в то время, как мне стало известно, в хороших отношениях”, – расскажет Кривошей на допросе в январе 1942 года. А Зинаида Николаевна, допрошенная тогда же, признается, что рассматривала связь с Харламовым как запасной вариант, потому что удастся ли побег мужу или нет и что будет дальше – неизвестно, а устраивать свою жизнь как-то надо. Вот вам и подвиг любви бескорыстной!

Однако ведь прилетела черт знает куда, даже обустроилась в этой дыре, хотя могла бы (и даже вроде должна была) отправляться на “материк”...

Этот прилет и все последующее поведение Дурилиной представляются мне совершенно непонятными. Прежде всего, потому что плохо верится в требование УНКВД немедленно покинуть Колыму. Чем она, освободившаяся уже два года назад бытовичка, чекистам не угодила? Казалось бы, муж сидит, она работает – и нормально. Дальстрой всегда – и при Берзине, и при Никишове – был заинтересован в том, чтобы удерживать у себя освободившихся лагерников, потому что постоянно нуждался в рабочей силе. Вот и Дурилина работала бы себе потихоньку...

Предположить, что инициатива тут исходила от Кривошея? Он уже нашел способ побега, а потому нужно было согласовать с женой планы на будущее и, может быть, уговорить ее принять в этом побеге участие. Последнее совсем уж невероятно, потому что мог и должен был Кривошей в сентябре предвидеть, сколь суровые испытания придется ему выдержать в ноябре-декабре – женщине такое под силу едва ли, да и не решилась бы никогда З.Н. на столь мужественный поступок – типичная “домашняя хозяйка”, как характеризовал ее Кривошей в 1938 году, не стоило и разговор заводить.

А если он в побег уходит, то и ей сейчас самое время на “материк” отправляться – мужу она все равно ничем помочь не сможет, а ее самую, как только побег обнаружится, НКВД в разработку возьмет (что и произошло, конечно). Самое время, казалось бы, сейчас Зинаиде Николаевне садиться на пароход (а она на него стопроцентно успевает, потому что еще только сентябрь, а последний пароход уйдет из Нагаева в декабре) и отправляться в какое-нибудь заранее обусловленное местечко (только не к родителям, конечно, и не к родственникам – и тех и других НКВД будет шерстить, когда о побеге Кривошея станет известно – ведь адреса родных в личных делах заключенных Кривошея и Дурилиной указаны), а выбрать какой-нибудь Крыжополь, где у них заведомо никого нет и где чекистам и в голову не придет их искать, там бы вот Зинаиде Николаевне осесть и ждать весточки “до востребования”.

Супруги же договариваются о том, что Зинаида Николаевна остается пока на Колыме и на “материк” отправится только первым пароходом в навигацию будущего года, “телеграммы и письма она мне будет пересылать в Москву в адрес своей подруги Нарусовой Дезире (...) при чем в отношении переписки сделали договоренность, что она Дурилина пишет, текст своей подруги от себя и там, где речь идет обо мне, она указывает женским именем. Это было сделано с той целью, чтобы меня не могли быстро найти” (из тех же показаний Кривошея) – такая вот блестящая, или как там о ней отзывается Шаламов, подготовка к побегу.

Естественно, что когда побег обнаружился, Дурилина была арестована как его соучастница – уже один ее приезд в Зырянку давал основания предполагать, что мужу-беглецу она чем-то помогала.

А ведь она еще действительно и деньги привезла. Правда, не названные Шаламовым 50 тысяч, а всего лишь тысячу. И то приходится удивляться, где она смогла столько найти – по тем временам это была солидная сумма, около трех месячных окладов вольнонаемного служащего средней руки.

А может быть, действительно все дело было в деньгах? Жила, скажем, спокойненько Зинаида Николаевна в Магадане, поджидала мужа, который обещал ей, вернувшись из Средне-Колымска, тут же, в Магадане, и устроиться, как вдруг телеграмма, в которой ничего не поймешь, но ясно лишь, что ждать Павла не надо. А как же она? Ей-то где быть? Подхватила она тогда со всеми своими накоплениями (а было у нее, может, тысячи две-три) и кинулась на Зырянку, чтобы объясниться. Вот тут Кривошей и сказал ей, что уходит “с концами”.

Конечно, Зинаиде Николаевне нужно было в этом случае с Колымы по-быстрому сматываться – а на что? на какие деньги? Тех денег, что у нее были, только на дорогу на “материк” и хватит (если только хватит) – как на новом месте без гроша в кармане новую жизнь начинать?.. Да и боязно ей одной, она привыкла за чужой спиной жить: то за Павлом, то “за прокурором”, теперь вот Харламов появился...

И она отдала эту тысячу рублей мужу, все равно такая сумма для нее ничего не решала. И осталась на Колыме до весны – а за это время и денег удастся накопить, и от Павла что-нибудь известно будет.

Понимала ли она в тот момент, что остается здесь как заложница, что возьмут ее чекисты в оборот, как только побег Кривошея откроется? Должна была, по крайней мере, понимать.

– Ну и что? – может быть, думала. – Ну вызовут, спросят. Но ведь я все равно ничего не знаю – уехал и все, а я-то тут при чем?

Выходит, что от того подвига любви бескорыстной в поведении Зинаиды Николаевны все-таки что-то было. Не без житейских противоречий, конечно. Ну да ведь это только в стихах все красиво описывается, а в жизни куда сложнее бывает.

У Шаламова мифическая Ангелина Григорьевна, жена Кривошея, приезжает к мужу уже через несколько месяцев после того, как Кривошей оказался на Колыме. Первая судимость Кривошея у Шаламова датирована достаточно определенно –

середина тридцатых, что, как мы знаем, соответствует истине. Следовательно, на Колыме вышеназванная Ангелина Григорьевна оказалась в том же 1935 году. Но в то время Аркагалы, то есть Аркагалинского угольного бассейна, в пределах которого существовали несколько шахт и поселков, Аркагалы, на которой шаламовский Кривошей окажется “вскоре” после того, как попадет на Колыму, еще не было, она появится лишь несколько лет спустя. Б.И. Вронский в 1935 году только откроет Аркагалинское угольное месторождение, а первые тысячи тонн разведанного им угля штольня на ручье Знатный даст только в 1937 году (см.: Историческая хроника Магаданской области, 1975, с. 98, 106).

“Исторический” Кривошей окажется на Аркагале, как мы уже знаем, в 1939 году. Так когда же к нему – «через несколько месяцев» – приехала мифическая Ангелина Григорьевна – в 35-м или четырьмя годами позднее? А эти несколько лет для всей Колымы и для лагерного режима, в частности, имели очень большое значение.

Совершенно очевидно, что история Колымы делится на периоды, которые можно было бы – хотя бы для краткости определения (хотя дело тут не столько в личностях, сколько в объективных исторических процессах) обозначить фамилиями людей, руководивших Дальстроем. Это будет Колыма Берзина – первоначальный, пионерный период ее существования. Колыма кровавого Павлова, ставшего первым Начальником уже не Дальстроя (ДС), а Строительства Дальнего Севера (СДС) – в связи с переходом этой организации в систему НКВД. Колыма хозяйственного, деловитого, хотя и не хозяйственника, конечно, в полной мере, комиссара ГБ 3 ранга Никишова, сменившего Павлова осенью 1939 года...

По нашей периодизации, Кривошей оказался на Колыме в берзинское время, был повторно арестован в павловское, пытался бежать в никитовское. Разница его существования в каждый из этих периодов была существенная.

Сведений о пребывании на Колыме жен заключенных, приехавших сюда добровольно, практически не существует – нет их в официальных документах, нет и каких-либо воспоминаний. Значит ли это, что жен (мужей), повторивших “подвиг любви бескорыстный”, на Колыме не было вообще? Ведь еще зимой 1932 года Берзин произвел, выражаясь милицейским

языком, “зачистку” поселка в бухте Нагаева, насчитывавшего тогда населения человек 500, впоследствии въезд и выезд на Колыму и с Колымы даже для вольного населения строго контролировался УРО УСВИТЛа и морпогранотрядом, а потому нетрудно предположить, что эту категорию желающих высадиться на охотский берег спокойно и немедленно возвращали на “материк” – по крайней мере, возможности для этого были.

Но были и решительные меры, “завлекаловки” даже для членов семей колонистов, статус которых в берзинские времена получали заключенные, отбывшие в Севвостлаге срок наказания не менее года (в исключительных случаях он сокращался до шести месяцев) и положительно зарекомендовавшие себя трудом и хорошим поведением. Вот колонисту полагался целый ряд льгот, в том числе законное проживание (с этой целью организовывались колонпоселки), возможность вызвать семью, выдавались ссуды на обзаведение домашним хозяйством, приехавшим женам предоставлялось право первоочередного трудоустройства (а найти работу вольнонаемной женщине на Колыме в ту пору было не так просто – тут Шаламов прав), детям – возможность получить даже высшее образование.

Все эти льготы в павловские времена были отменены, бывшие колонисты возвращены в лагерь. Судьбы их жен и детей в документах не прослеживаются. Вполне возможно, что жены бывших колонистов и хлебнули того лиха, о котором писал В.Шаламов.

Разрешалось ли женам не колонистов, а заключенных хотя бы, в либеральные берзинские времена ступить на охотский берег? Нормативные акты на этот счет отсутствуют. Мне известны лишь два подобных случая. Жена А.С.Горина-Лундина, бывшего начальника секретно-политического отдела ленинградского УНКВД, осужденного все по тому же Кировскому делу и ставшего и.о. начальника дальстроевских чекистов, была оформлена в эту организацию на должность полит. контролера. И вышеназванный ленинградский чекист Ф.Д.Медведь, пребывая в Оротукане в качестве начальника ЮГПУ, проживал с женой (возможно, что жены ленинградских чекистов вместе с ними и прибыли на Колыму, а не добирались до нее самостоятельно, подвергаясь дорожным передрыгам, есть сведения – правда, неофициальные – что везли их в отдельном и отнюдь

не зековском вагоне – вот таким привилегированным заключенным спецконвой, конечно, полагался).

О присутствии на Колыме жены Медведя я прочитал в показаниях Кривошея, данных в 1938 году:

“Медведь разрешил организовать курсы (английского и немецкого языка, которые вызвался вести из меркантильных соображений наш герой. – А.Б.), предоставил лошадь для доставки меня по выходным с Ларюковой в Оротукан и сказал, что может быть и его жена будет изучать немецкий язык, но не на курсах а у него на дому, частным образом. С женой Медведя я не занимался и больше разговоров с Медведем о курсах у меня не было”.

Я не исключаю того, что в этих показаниях может быть немало вранья. Ну какой, скажите, из самоучки Кривошея преподаватель, да еще двух языков? Неужели в то время в лагере не было людей, знающих языки лучше его? Да и к чему, скажите, лагерникам учить иностранные языки? Тем более за деньги? Им эти деньги трагить было не на что? И что это за роскошь – лошадь для “преподавателя”, предоставленная самим начальником Управления? Ведь от Ларюковой до Оротукана – 7 км. К тому же, по некоторым сведениям, тогдашний Оротукан – это более поздняя Усть-Таежка, а от нее до Ларюковой – и вовсе ничего, км 3. Но если даже все предыдущее Кривошей соврал, то это все-таки не исключает того, что жена у Медведя в Оротукане была.

Оба эти случая, вероятно, исключительны, как исключительными были и судьбы ленинградских чекистов. А вот могла ли жена обыкновенного, рядового заключенного получить разрешение посетить Колыму и даже поселиться здесь?

Мне известен только один такой, да и то не очень внятно рассказанный случай. Якобы к заключенному, актеру первой магаданской театральной труппы, С.В.Лохвицкому приехала жена (или, может быть, только невеста) с “материка”. Режимных строгостей для заключенных в то время – а это 1934-35 годы – видимо, еще не существовало, и з/к Лохвицкий, приписанный по роду службы то к Комендантскому лаг. пункту, то к ОЛПУ №10, в лагере не жил. Но недолго длилось и его семейное счастье: с женой его вскоре разлучили – последовал этап на Оротукан (а это 400 км от Магадана), и даже свою родившуюся в Магадане дочь Ольгу (Сергей Лохвицкий прозвал ее Тунгусочкой) он так и не увидел. З/к Лохвицкий умер в лагере спу-

стя несколько лет, а семье удалось спастись, и в начале девяностых годов я встречался с Тунгусочкой-Ольгой, приехавшей в Магадан из Ленинграда, чтобы узнать о судьбе ее отца.

Собирая сведения о жизни на Колыме С.В.Лохвицкого, я связался с М.С.Коншиным, внуком одной из первых магаданских актрис, бывшей заключенной Е.М.Негиной, доставленной на Колыму вместе с сыном и тоже артистом Михаилом Бибером в июле 1934 года. В 1937 году их, то есть мать и брата, навестила дочь Негиной Н.А.Бибер, мать М.С.Коншина. Наталья Альфредовна прожила тогда в Магадане семь месяцев. Выходит, что в то время еще можно было навестить и родственников-заключенных. Ни о каких трагических обстоятельствах, связанных с пребыванием Н.А.Бибер в Магадане, М.С.Коншин мне не сообщил.

Док. 2030
о/УШ-1940г.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

1 копия.

Пред"имитель серо Начальник Памской
Парти управления Сельского Хозяйства РСФСР
ИМД СССР – инженер КРИВОШЕЙ П.А. направляется
в район ЗИРЯНИ и СРЕДНЕ-КОЛЫМСКА для обследо-
вания месторождения ископаемых удобри-
тельных туков.

прио Нач-ка УСХ ГУОДС - /Гаврилов/

Секретарь УСХ - /Гаврилов/

Ст.инспектор кадров: /Климова/

9/2-1940

Лист дела 78 – командировочное удостоверение.

Внимательный читатель, пожалуй, обвинит меня в некоторой подтасовке: предполагая ситуацию заурядную, я рассказал ему о случаях с семьями актеров, а их рядовыми заключенными все-таки не назовешь... И с этим я, наверное, должен согласиться.

Оправдываясь, я могу лишь вспомнить, что осужден был С. В. Лохвицкий по едва ли не самой “тяжелой” статье тех лет – 58-2 УК РСФСР (повстанчество) как офицер самарского Комуча, ну и по 58-11, разумеется, – за участие в к-р организации – раз уж такому “злодею” поблажку дали, то рядовой з/к, сермага-работяга с бытовой статьей или более “легкой” казровской, тем более мог ее получить. Возможно, что так и было, но для того, чтобы доказать это, фактов у меня нет. О многих обстоятельствах тех лет мы сегодня еще только догадываемся.

Резюмируя вышесказанное, можно предположить, что в начальный период существования Севвостлага, когда осуществлялась политика “колонизирования”, а лагерный режим еще не устоялся, члены семей и родственники колонистов, а в отдельных случаях – заключенных могли получить доступ на Колыму, в более поздний период этих поблажек уже, вероятно, не существовало.

И тем не менее не берусь исключить каких-то, пусть очень немногих, случаев, когда жены или мужья, дети заключенных на законных основаниях – например, заключив срочный договор с Дальстроем, на Колыму все-таки прорывались. Может быть, они здесь и пытались что-то разузнать о судьбах своих близких, некоторым счастливым, может быть, и удавалось добиться свидания... Но достоверных сведений о таких случаях у меня нет.

Факт также из числа побочных, но рисующий атмосферу, возникшую несколько лет спустя. 1945-й год, война еще не кончилась. Комсомол объявляет второй по счету набор добровольцев на Колыму, на этот раз – девушек. И это понятно, так как дефицит женского населения здесь всегда был велик, а в тот период он грозил стать катастрофическим, так как предстояло освобождение большого количества з/к, отложенное до “особого распоряжения”, то есть до конца войны. Приезд нескольких тысяч незамужних женщин способствовал бы и сокращению оттока с Колымы освобождаемой рабочей силы.

В числе этих двух тысяч девушек, прибывших по комсомольскому призыву, была и молодая учительница из иркутской глубинки, а ныне Почетный гражданин города Магадана Вера Ефимовна Гоголева (тогда – Романова). Вера Ефимовна рассказывала, как тепло приняли их в Магадане: разместили, обули-одеди, трудоустроили... А ведь отец Веры Ефимовны, Е.И.Рома-

нов, бывший зам. председателя исполкома г. Новосибирска, был репрессирован в конце тридцатых и оказался здесь, на Колыме. К приезду В.Е. его уже не было в живых: он умер в лагере еще до начала войны от туберкулеза. Репрессированный отец, значившийся во всех ее анкетах, не стал помехой ни при ее трудоустройстве (Вера Ефимовна стала работать в лучшей магаданской школе тех лет, той самой № 1), ни для ее учебы (она заочно окончила Хабаровский пединститут), ни для ее вступления в партию. А ведь все это происходило в 40-50-е годы, задолго до разоблачения “культы личности”.

В числе девушек из комсомольского набора, ступивших на берег Нагаевской бухты в августе 1945 года, могли быть и те, чьи близкие находились в свитловских лагерях, а значит, могли быть и встречи, и попытки оказать помощь...

Да, все могло быть на Колыме за четверть века существования здесь Дальстроя. И зверства, и энтузиазм, и доброта, и подлость – все могло быть. И первый “комсомольский” набор на Колыму был в 1938 году, самом страшном в ее истории. И один из тех добровольцев, ставший сотрудником политотдела Северного ГПУ В.Е.Фейгин, через несколько лет спасет от этапа на строгорежимную “Джелгалу”, где в это время, кстати, находился Шаламов, совершенно неизвестного ему зека, и этот доходяга, оказавшийся учеником Мейерхольда, станет самой яркой звездой магаданского театра и народным артистом РСФСР впоследствии. Я говорю о Л.В.Варпаховском.

Все было на Колыме. И, прощаясь с вымышленной Ангелиной Григорьевной, я думаю: а зачем нужно было придумывать то, чего не было? не проще ли было рассказать правду?

О последней фазе подготовки к побегу Кривошей на допросе рассказал так:

“Узнав окончательно, что получение билета до Якутска не связано ни с какими трудностями, я решил получить паспорт. Придя в Рай. отдел милиции Средне-Колымска, предъявил удостоверение Усельхоза и подал заявление, что у меня в Магадане (или магазине? неразборчиво. – А.Б.) украли паспорт. Заполнив анкету я в ней написал вместо Павел Анисимович Кривошей Петр Анатольевич, 1904 г. рождения, т.к. в командировочном удостоверении стояли только инициалы “П.А.”.

Прожив в Средне-Колымске до 15 ноября я купил билет на почте до Якутска за 2 тыс. 820 рублей, 15-го ноября вместе с

почтой я выехал. По дороге заехал в Зырянку (была остановка) и 3-го пришел к жене, где сказал что уезжаю в Якутск. Я рассказал ей, как получил паспорт и показал ей его.

Вопрос: Какие у Вас еще были документы?

Ответ: У меня было удостоверение Усельхоза, трехмесячный паспорт и телеграмма. Я сам составил телеграмму якобы от Усельхоза, где Усельхоз поручает мне проводить работу в городе Якутске. Эта телеграмма была составлена, как оправдательный документ моей поездки в Якутск. Правда, эту телеграмму я нигде не предъявлял, т.к. она была вообще нелепа и никакого отношения к Усельхозу не имела.

На Зырянке я познакомился с Харламовым Александром Александровичем. Жена рекомендовала его мне, как очень симпатичного человека, находящегося с ней в дружеских отношениях. Это было дома у жены. Мы здесь условились, что я буду телеграфировать по приезде в Москву, на имя Харламова.

Вопрос: Почему на имя Харламова?

Ответ: Это было условлено только с той целью, что на случай моего розыска, труднее будет меня обнаружить (...)

Вопрос: Как Вы обеспечили себя едой на дорогу?

Ответ: На Лабуре в магазине купил 10 кг. мяса и дал его семье Поповых, что-бы они мне сделали пельмени и заморозили их. Семье Поповых я сказал, что возвращаюсь в Магадан с экспедицией зимним путем. Потом на стоянках можно было покупать продукты.

Вопрос: По какому маршруту Вы ехали?

Ответ: Маршрут был следующий: Средне-Колымск, Зырянка, Устье р.Неры, Тампо, Крест Хаджен, Интыкель, Якутск. Это постоянный почтовый тракт.

Вопрос: Кто у Вас был проводником?

Ответ: Постоянного проводника у меня не было. Каюры все время менялись. От Зырянки до Креста Хаджена мы ехали на оленях, а дальше на лошадях.

Вопрос: У кого Вы покупали оленей?

Ответ: Олени были почтовые, я купил только билет на почте.

Вопрос: Когда Вы прибыли в Якутск?

Ответ: В Якутск я прибыл примерно 22 декабря. Ехал я до Якутска месяц и 6 дней. Из Якутска я на пассажирской машине доехал до Большого Невера, а от Большого Невера купил билет на поезд и доехал до Москвы”.

Ну вот так оно, видимо, все и свершилось – без беллетристических прикрас, просто, буднично даже: купил на почте билет – и поехал. Хотя и не без доли героизма, наверное, – можно представить, что этот долгий путь на оленях и лошадях до Якутска пассажиру достался нелегко. Интересно, был ли он, Кривошей, один такой смелый или нашлись и попутчики – пусть не беглецы, а нормальные вольнонаемные граждане? А если были, то кто они? Но следователь Р.Кнафель такой вопрос в протоколе не фиксирует (разве что для себя поинтересовался-поинтересовалась). Оно и понятно: обозначил в деле попутчика – значит, решай вопрос, кем он был – свидетелем или, может, соучастником (а более чем вероятно, что за месяц такого трудного путешествия попутчики помогали друг другу), а это значит как минимум, что этого человека надо найти. А где его искать, если он из Якутска бог знает куда мог двинуться?

Но в этом деле даже людей, находившихся под боком и виновных не то что в попустительстве – очевидном пособничестве, далеко не всех опрашивали. Потому что, видимо, и само дело, представленное Шаламовым как случай единственный, героический и т.д., для сознающей свои силы репрессивной машины могло выглядеть совершенной рутинной: убежал – поймал, все равно ему деться некуда, а поймали – так ответит, и чего тут копать: себе работа, да и людям беспокойство, чего тут неясного?..

Следствие даже в определенное благородство с обвиняемым поиграет – зафиксирует специально как бы оправдывающий (ну хоть в какой-то степени) мотив его побега с Колымы. И сменивший мягкого следователя Кнафель более деловитый Круговцев 12 января 1942 года запишет вот такой ответ Кривошей и свой последующий с ним диалог:

“Совершенный мною побег из лагеря не является целью уклонения от работы и дальнейшего отбытия срока заключения, а с целью того что-бы закончить начатое мною изобретение по получению взрывчатого вещества из угля и после этого заявить, что я беглец.

Вопрос: Почему же Вы находясь в побеге в течение 6 месяцев и 10 дней не могли закончить свое изобретение и не явились в соответствующие органы и не заявили что Вы беглец?

Ответ: За время нахождения в побеге я был в Москве, Днепропетровске, Уфе и Мариуполе, где пытался устроиться на ра-

боту в химлабораторию и там закончить свою работу, но вследствие того, что у меня не было ряда документов на работу устроится я не мог, а не закончив работы я не намерен был являться с поличной (тут у следователя явная описка. – А.Б.) и говорить о том, что я беглец”.

Заявленное Кривошеем оправдание (из числа, конечно же, анекдотических) не помешало следствию квалифицировать его действия, то есть совершение побега, в добрых традициях 1938 года – по п. 14 ст. 58 УК РСФСР как к-р саботаж. Однако оно как бы призывало будущий судебный орган к снисходительности: видите, человек с Колымы бежал, лишениям подвергался – и все для того, чтобы Родине пользу принести, свое научное открытие ей подарить...

Следствие и само в данном случае на определенное снисхождение пошло. Мало того, что оно с прямыми пособниками, такими, как пьяница Серков, Кривошеем подорожную выписавший, или разгильдяй Гаврилов, оформивший ему командировку, разбираться не стало. Оно ведь и Дурилину с Харламовым, которые знали о побеге Кривошея (это в протоколах допросов абсолютно точно зафиксировано), привлекать к ответственности не стало (п. 12 той же 58-й статьи – недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном к-р преступлении). Это и логично в какой-то степени: если пособников простили, то что ж на недоносителях зло срывать, их-то вина меньше... Правда, Дурилина тоже под разряд пособниц попадала, но и ее простили.

Уличая то следствие в завзятом беззаконии в части квалификации деяния Кривошея, я тем не менее должен быть благодарен ему за это беззаконие, потому что сделай оно все правильно – получил бы наш беглец в 1942 году свои три года по 82-й статье, году в 45-м освободился бы, а через несколько лет и само дело уничтожили бы в законном порядке. Ведь только благодаря тому, что деяние Кривошея квалифицировали по 58-й статье, на этой папочке появился штамп “хранить вечно”, и у меня нашлась возможность размышлять и сравнивать, таким образом, я оказываюсь в определенном долгу у сотрудников т. Окунева.

По Шаламову, “блестяще задуманное и великолепно выполненное дело” сгубила оплошность, допущенная все той же Ангелиной Григорьевной:

“К концу второго года своего вынужденного заключения (по версии писателя, беглец был арестован лишь через два года, что, как мы знаем, является существенным преувеличением – “в бегах” Кривошей числился около шести с половиной месяцев, что тоже, конечно, немало, на все это время жене беглеца было отказано в разрешении на выезд с Колымы, о ее возможном аресте Шаламов почему-то не подумал. – А.Б.), полунищая, почти в отчаянии, зная только, что муж ее жив, и пытаюсь с ним связаться, она послала на имя Павла Михайловича Кривошея письма во все большие города – “почтамт, до востребования”.

Страшно представить, сколько же писем пришлось написать бедной Ангелине Григорьевне, да и не умилиться такой фантастической самоотверженности нельзя.

“В ответ она получила денежный перевод, – продолжает Шаламов, – и в дальнейшем получала деньги каждый месяц понемножку, по пятьсот-восемьсот рублей (по тем временам это не такие уж и маленькие деньги. – А.Б.) из разных мест, от разных лиц. Кривошей был слишком умен, чтобы отправлять деньги из Мариуполя, а Учреждение (УНКВД по СДС. – А.Б.) слишком опытно, чтобы этого не понимать. Географическая карта, которая отводится в подобных случаях для разметки “боевых операций”, была подобна штабным военным картам. Флажки на ней – места отправки денежных переводов на Дальний Север адресатке – располагались на станциях железной дороги близ Мариуполя, к северу, никогда не повторялись дважды. Розыску теперь нужно было приложить не много усилий: установить фамилии людей, приехавших в Мариуполь на постоянное жительство за последние два года, сличить фотографии (...)

Так был арестован Павел Кривошей (...)

Красиво, конечно. Но достоверного тут только то, что Кривошей был арестован действительно в Мариуполе (о чем Шаламов мог слышать и от нашего героя), а вот утверждение писателя о том, что Кривошей купил в Мариуполе дом, поступил с подложными документами на работу – это уже выдумки. Равно как и письма Ангелины Григорьевны и денежные переводы от мужа. Все в этой истории было не так эффектно, все гораздо проще.

Но послушаем самого беглеца:

“Вопрос: Когда у Вас окончился срок действия паспорта?

Ответ: Паспорт у меня закончился в конце декабря в Якутске. Я его не менял и нигде не предъявлял.

Вопрос: Где Вы меняли паспорт?

Ответ: Паспорт я менял в гор. Днепропетровске в феврале м-це. С меня хотели взять штраф (за просроченный паспорт. — *А.Б.*), но я отговорился, что был в командировке.

Вопрос: У кого Вы остановились в Москве?

Ответ: В Москву я прибыл в начале февраля м-ца. Приехал у утром и поехал к Нарусовой Дезире Самойловне, приятельницы моей жены. Я ей сказал, что освободился досрочно и выехал, что-бы не остаться работать в системе Дальстроя, а жена выедет весной пароходом.

В этот-же день я выехал в город Днепропетровск, где я зашел к сестре жены Бабец Нине Николаевне. У нее я прожил до середины марта м-ца. Был у родных жены, у своей матери. Всем им я говорил, что досрочно освободился и никто во мне не подозревал беглеца.

Вопрос: Чем Вы занимались в г. Днепропетровске?

Ответ: В Днепропетровске я ничем не занимался. Существовал я на деньги, которые получил за проданные мои вещи, находящиеся у матери. Вообще-же столовался я бесплатно у родных жены.

Вопрос: Как фамилия Вашей матери и родных жены?

Ответ: Моя мать Кривошей Александра Васильевна. Отец жены: Дурилин Николай Акимович, работает юристконсультком на заводе, мать — Дурилина Екатерина Ивановна — мед. работник.

Вопрос: Когда и куда Вы выехали из Днепропетровска?

Ответ: У моей матери имеется родной брат в гор. Миасе на Южном Урале (за Уфой). Я хотел выехать к нему и просить его помочь мне устроиться на работу после освобождения. В Днепропетровске я пробовал устроиться на работу, но ввиду отсутствия трудового списка (т.е. трудовой книжки. — *А.Б.*) — не сумел. Я продал все что имел, собрал около 400 рублей денег и выехал в Миас.

По дороге я встретил одного инженера (фамилию не знаю) у которого узнал, что в Уфе можно устроиться с работой без оформления в учреждение. Работу можно брать по нарядам.

Я не доехал до Миаса и остановился в Уфе. Нашел в Уфе угол, где платил 5 рублей в сутки и пошел искать работу. Я устроился без оформления в Башнефть, где определял вязкость масла. Здесь я работал немного меньше месяца, получил за это тысячу восемьдесят рублей по нарядам.

Меня интересовал вопрос о моей жене. Я связался по телефону из Уфы с Москвой с Нарусовой, которая сообщила мне, что к ней прибыла телеграмма от моей жены. Она сообщала, что вылетела самолетом из Зырянки в г. Магадан и первым пароходом выедет во Владивосток. 17-го числа она прибыла в Магадан.

Я решил поехать в Москву, чтобы ее встретить, но тем не менее предупредил Нарусову, — если я не успею встретить жену, то пусть она едет в гор. Днепропетровск к родным.

Приехав в Москву я узнал, что больше никаких телеграмм нет от жены. Я увидел, что на постоянную работу устроится невозможно. Средств для существования у меня не было. Несколько раз мне хотелось пойти и заявить, что я беглец, но хотелось встретиться с женой. Я решил ехать к родственнице жены — Галаган Марии Ивановны (возможно, тетка Зинаиды Николаевны, сестра ее матери. — *А.Б.*). Приехал в Мариуполь. Нашел ее через адресный стол и остановился у нее. В Мариуполе так-же устроится на работу не удалось. Подрядная работа была в это время уже запрещена постановлением правительства. Поэтому в любое учреждение нужно было оформляться через отдел кадров, чего я не мог сделать, т.к. нужно было заполнять подробную анкету. В Мариуполе я прожил до 25 мая и 25 мая в доме Галаган был арестован и этапирован на Колыму”.

Кривошей мог быть арестован и гораздо раньше, если бы его путешествие по просторам Якутии кто-то контролировал. Но получилось как в сказке: я от бабушки ушел и от дедушки ушел... Аркагала, его лагерная хозяйка, полагает, что он на Берелехе, Берелех отправил его в Магадан к Цареградскому. Цареградскому он не нужен. А Гаврилов, видимо, уже понимая, что произошло, молчит — в надежде, что, может быть, все как-нибудь обойдется. Ему сейчас поднимать шум — значит взять всю вину на себя: это ведь он заключенного как вольнонаемного (тов.!) в экспедицию отправил. И так продолжалось до марта — вот только когда спохватились. И не было в УНКВД никакой карты с флажками (так как переводов никаких не было).

Подняли личные дела Кривошея и Дурилиной, нашли там адреса родных, пустили по этим адресам оперативников – без толку. А тут 17-го (апреля или мая уже?) сама Дурилина в Магадане объявилась – ее поподробнее расспросили (протокол при этом, разумеется, не писали) – тогда она тетку, отсутствующую в анкете, и назвала. Еще один запрос через наркомат и – “Здравствуйте, Павел Анисимович! А уж как о Вас Колыма скучает!..”

Вот если бы сидел Кривошей в Уфе тихо, даже ни с кем не переписываясь и – это уже предел мечтаний – имея средства к существованию (хотя бы и те, наворованные) – его бы еще хоть год искали. А так ведь сам подставился – неумышленно, конечно – поселившись у тетки жены: “Скучает, говорите? Ну так поехали скорее. У меня и чемоданчик уже приготовлен” – знал ведь, наверное, что нарвется.

Тут ведь можно еще посетовать на то, что нашему герою страшно не повезло: продлись его поиски еще месяц – и грозные события начала войны (вспомните, что его арестовали 25 мая 1941 года), скорее всего, отодвинули бы куда-нибудь на задний план заботы магаданских чекистов, а там, глядишь, немцы, оккупация: “Битте-дритте, хер Кривошей к вашим услугам!”. Не повезло.

На Колыму Кривошея – теперь уже точно со спецконвоем – везли удивительно долго, что, вероятно, теми же военными событиями и объясняется. В анкете арестованного указано, что он доставлен в Магадан 19 декабря. Но доставили, видимо, все-таки несколькими днями раньше, 17-м декабря помечен ордер на арест Кривошея, который подписал прокурор Липатов, а 19-го сержант ГБ Кнафель Р. уже приступил к допросу – не с парохода же Кривошея в кабинет следователя привели.

А дальше следствие покатило стремительно, и уже 30 января зам. начальника УНКВД по СДС капитан ГБ Городов утвердил обвинительное заключение. Все в этом документе вроде бы соответствует ранее приведенным обстоятельствам, но вот с одной фразой, я думаю, обвиняемый решительно не согласился бы: “(...) в конце июля 1940 года Кривошей обманым путем сумел добиться в Управлении Сельского Х-ва включения его в полевую партию (...)” – здесь обвинение словно подтверждает всю ту ложь, которую выдал на допросе – в свое оправдание – агроном Гаврилов.

Но ведь и следствие понять можно: согласись оно с рассказом Кривошея о том, как происходило его оформление в эту

партию, пришлось бы спрашивать за ротозейство и с Зернова, и с Цареградского, а Гаврилова и еще строже наказать. А так свалили все на Кривошея, обманым, мол, путем – и все начальники ни при чем.

Еще через две недели, 11 февраля, Военный трибунал войск НКВД при Дальстрое (так он себя именовал, хотя правильно, было, конечно, – при СДС) в составе председательствующего военюриста второго ранга Грязных и членов трибунала Кобзарева и Безнасюка, рассмотрев дело Кривошея, приговорил его на основании ст. 58-14 УК РСФСР (сочтя, видимо, наличие в данном случае особо отягчающих обстоятельств) к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

Суровость приговора, видимо, объяснялась и обстановкой того времени, трагическими потрясениями первых месяцев войны, последствием которых стало повсеместное ужесточение репрессивного режима.

Однако – и как тут не посетовать? – что за судьба досталась нашему герою... Считай, что в третий раз за свою недолгую пока еще – 35 лет всего – жизнь он под расстрел попадает. О приговоре 1935 года мы помним. В 1938-м тоже мог быть расстрелян, займись им дальстроевские “писатели” на несколько месяцев раньше. И вот теперь – третий раз.

Заслуживает внимания и упомянутая в приговоре конфискация имущества. Когда же Кривошей успел им обзавестись, если будучи в бегах, как мы знаем из его показаний, едва ли не бедствовал, у родственников “столовался”? Или трибунал, игнорируя реальные обстоятельства, лишь механически переписал из кодекса положенную меру наказания? Но в таких случаях было обыкновение писать: “без конфискации имущества из-за отсутствия такового”. Нет, все-таки нельзя исключить того, что ушлый наш герой кое-каким барахлишком обладал (а потому, значит, и не так бедствовал, как рассказывал на следствии? но почему же тогда безрассудно пытался пристроиться под крыльшками у родственников – ведь опасно это было...), раз трибунал именно эту формулировку в приговоре привел.

Приговор считался окончательным и обжалованию не подлежал, то есть кассационный процесс для него как бы и не был предусмотрен. Но существовала возможность подать просьбу о помиловании, чем Кривошей, видимо, и воспользовался. И

месяц спустя, 14 марта 1942 года, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР (под председательством печально известного армвоенюриста Ульриха) рассмотрела протест Председателя Верховного Суда Союза ССР на приговор дальстроевского трибунала. Военная коллегия согласилась с доводами протеста (в определении они не приведены) и заменила осужденному Кривошею расстрел лишением свободы в ИТЛ сроком на десять лет. Спустя еще три дня определение было направлено на исполнение.

По данным магаданского архива, Кривошей вышел из лагеря через восемь с лишним лет, 3 июля 1950 года. Его личное дело заключенного было уничтожено в установленном порядке, а потому привести какие-либо документальные данные об этом периоде его жизни я не имею возможности. Остаются лишь воспоминания очевидцев. Свидетельствовать здесь может и сам Шаламов, но, вероятно, в довольно ограниченном объеме, потому что едва ли между автором рассказа и его героем существовали в этот период хоть какие-то отношения – слишком разными они были людьми и очень настроенными, к тому же.

Как пишет Шаламов, “Кривошею все это было чуждо, все “политическое” его вовсе не интересовало, и он, зная, что именно этого сорта криминал оплачивается самой дорогой ценой в лагере – не хотел жертвовать, своим, слишком дорогим ему, житейским, материальным, а не духовным, покоем”.

Увиденный со столь далекого расстояния Павел Кривошей и в этой, сугубо прозаической обстановке, обретает под пером Шаламова черты несравненного героя – теперь уже сексуального: “Кривошей жил в лаборатории, а не в лагерном бараке – привилегированным арестантам это разрешалось.

За шкафом с кислотами и щелочами гнездилась его койка, казенная, чистая. Ходили слухи, что он развратничает в своей пещере каким-то особенным образом и что даже иркутская проститутка Сонечка, способная “на все подлости”, поражена способностями и знаниями Павла Михайловича по этой части. Но все это могло быть и неправдой, лагерным “свистом”.

Было немало вольнонаемных дам, желавших “закрутить роман” с Павлом Михайловичем, мужчиной цветущим. Но заключенный Кривошей, осторожный и волевой, пресекал все щедро расточаемые ему авансы”.

Бывшая колымская заключенная Елена Евгеньевна Орехова, находившаяся в то самое время в Центральной больнице УСВИТЛа, рассказывала мне в своих письмах немало интересного о многих из тех, с кем сталкивала ее судьба. Персонажами нашей переписки были поэт Валентин Португалов, киносценарист Аркадий Добровольский (после освобождения он станет мужем Елены Евгеньевны), журналист Борис Грязных, врач Ф.Е. Лоскутов и, конечно, Варлам Шаламов. Промелькнул как-то в письме Елены Евгеньевны и Кривошей (именно тогда я узнал, что человек с такой фамилией и такой судьбой действительно существовал, Елена Евгеньевна назвала мне правильно и его отчество).

Вероятно, Е.Е.Орехова знала Кривошею гораздо лучше, чем Шаламов, потому что работала с ним в одной лаборатории, она отозвалась о нем без всякого восторга, неприязненно даже: “Аморальный был тип, а с виду импозантный”. Может быть, теперь, познакомившись с моими разысканиями и размышлениями, Елена Евгеньевна что-то прибавит к сказанному ею о Кривошее, согласится со мною или поправит...

А еще осенью 99-го, только узнав о моем намерении заняться “делом Кривошей”, Е.Е. откликнулась такими вот строками:

“О Кривошее хотелось бы написать Вам так, чтобы Вы представили себе этого человека, но, боюсь, не найду красок. И знаю я его мало, работала с ним в лаборатории больницы Левый берег с осени 48 г. до осени 52 г., когда меня в сентябре 52-го увезли под конвоем в лагерь на 4-м клм. центр. трассы Магадан – Сусуман, откуда я и вышла за ворота вахты со справкой ссыльнопоселенца.

В лаборатории я с Павл. Анис. находилась в одной большой комнате (нас было 5 человек) с раннего утра до часов 7 вечера, когда конвой собирал всю обслугу больницы в большом вестибюле у вахты, строил по пять, проверял по формулярам и вел колонну в лагерь.

Павел Анис. пользовался привилегией – как и Мохнач (врач-заключенный, о нем см. подробно в книге Асира Сандлера “Узелки на память”. – А.Б.) и Шаламов, он оставался на ночь в здании больницы, в барак в лагерь не ходил. Вот эти часы с утра до вечера я его и наблюдала в течение четырех лет. Даже не знаю, было ли это знакомство после побега или бежал он в 50-е годы.

В “Зеленом прокуроре” мы с Машей Ночновой (заклученная, работала в больничной обслуге. – А.Б.) сразу узнали Кривошею. Снова я была удивлена, как и в случае с “Пугачевым” (имеется в виду рассказ В.Шаламова “Последний бой майора Пугачева”. – А.Б.), как, от кого знал эту историю Шаламов. Потому что нельзя себе представить, чтобы Варлам на Левом общался с Кривошеем, тем более чтобы Кривошей делился с Варламом.

Напоминал мне Кривошей чем-то бегемота – грузный, сильно сутулый, без шеи, жирные выбритые щеки, двойной подбородок, полуседой (“чернобурая” голова), роговые очки с толстыми минусовыми линзами, за которыми глаза, в которые посмотреть мне было боязно, старалась не встречаться взглядами. Всегда деланно веселый, всегда веселенькие гадкие истории с женщинами сопровождались отвратительным хихиканьем. Меня он игнорировал с первого взгляда, как меня ввел в комнату Мохнач и стал представлять, я его забоялась тоже с первого взгляда.

С моей любимой подружкой Ядей (вильнюсская гимназистка, отбывавшая срок в этой лаборатории непосредственно под началом Кривошея) он то и дело развлекался так: “Ядька, покажи свои рейтузы”. Ядя, презиравшая его, тут же задирала свой халат и демонстрировала ему панталоны: “На, Пашка, смотри”.

Пашка заходил на своем стуле. Он занимался (сам наладил, он ведь был химик) в лаборатории пищевыми анализами, Ядя была у него лаборантом, доставляла в лабораторию пробы из пекарни, столовой, перемалывала, выпаривала и т.д., а расчеты калорий делал уже Кривошей.

Такое сытное место занимал в лагере Кривошей. Обеды свои он приносил с кухни (пожирнее) и оставлял где-то до вечера, чтобы покормить очередную голодную женщину за определенную услугу: когда больница пустела, он шел в женское отделение и выводил оттуда себе жертву.

На другой день мы слушали пикантную историю. При Мохначе он этого не делал и имени жертвы не называл. Был уверен, что за еду любая придет к нему. Особенно он веселился случаем, когда вдруг нагрянул обход надзирателя и Пашке пришлось в панике затолкать женщину в длинный ящик, стоящий у нас в лаборатории, на крышке которого он стелил себе на ночь постель. Открывал и демонстрировал нам.

Крайний цинизм и растрепанность были в его облике, ничто не было уважаемым, ни в ком на свете, я думаю, он не видел человека, не верил даже таким, как Лоскутов; мало сказать аморальный тип, прямо животное.

Когда я узнала в “Зеленом прокуроре”, что он даже был женат и что женщина была так ему верна, я не могла этого объяснить. Интуитивно я чувствовала в нем беспощадность. Пожалуй, это главное в нем.

Под халатом на нем всегда был вязаный пуловер, всегда при галстукке, хорошие ботинки. Увлекался и знал английский язык, поэтому и приходил к нам (в лабораторию? – А.Б.) Арк. Зах. со своим Б.Шоу (киносценарист А.З. Добровольский, оказавшись в лагере, активно изучал иностранные языки, в 1941 году на Речке Утиной ему давал уроки английского языка знаменитый “генерал Клебер”, герой гражданской войны в Испании – сотрудник советской военной разведки М.С.Стерн, после освобождения А.З.Добровольский профессионально занимался переводческой деятельностью. – А.Б.). Еще одно, как вспомнишь и раздумаешь, было в Кривошее: он был трус (...)

Я вспомнила: Арк. Зах. называл Кривошею “гнусный тип”, он откуда-то знал, что Кривошей вынюхивал обнищавших старушек из “бывших” и скупал у них за копейки этюды и картины Н.Н.Ге, Врубеля, будто бы он действовал в Харькове, в Киеве. Похоже это на то, что Вы знаете из Архива?”.

Как я уже писал, никаких следов увлечения Кривошея антиквариатом в архивно-следственном деле мне обнаружить не удалось. Думаю, что и масштаб, и образованность, да и сам уровень личности этого жулика были мелки, незначительны даже для такого серьезного, не без влияния духовности занятия. Полагаю, что сведения об этом увлечении Кривошея всего лишь одна из “красивых” легенд о нем.

А прочитав этот очерк, посланный еще в рукописи, Елена Евгеньевна писала:

“Предполагаю, Вас огорчил (не хочу сказать – разочаровал) мой ответ на Ваше письмо, в том смысле, что ничего толкового, мало-мальски полезного в нем не обнаруживается. (Тут я никак не могу согласиться с Е.Е. По-моему, то, что она написала о Кривошее в цитированном выше письме, весьма интересно, и не привел я эти сведения раньше лишь потому, что хотел дождаться реакции моей киевской корреспондентки на послан-

ный ей очерк, а потом уже привести все вместе. Ну вот и дождался. — А.Б.).

Как видите, критик Вам я никакой. Ну, могу все же сказать еще раз, что история Пашкиного (так его звала Ядя) побега выглядит слабее, бледнее других Ваших очерков, как, например, о Грязных, о том же “Пугачеве”. Кривошей знать хорошо за то время, что я с ним работала, я не могла. Сейчас думаю, что уйти в побег с таким человеком не решишься.

Если это сугубо мое личное чувство антипатии и потому несправедливо мое суждение, то почему же я не могу вспомнить в коллективе лаборатории (и вообще других, кого я знала) никого, кому бы Кривошей был симпатичен? Мохнач питал к нему скрытую неприязнь и по пустякам вспыхивал в раздражении от разговора с ним так, что выбегал из лаборатории вон. Матильда (профессор Журнакова, быв. з/к, зав. лабораторией больницы. — А.Б.) обходила дверь биохимич. кабинета, а мы, рядовые, так и звали его между собой — Пашка.

Это при том, что во всей больнице, а в малом коллективе лаборатории особенно, царил климат привязанностей, симпатий, ухаживаний, теплоты отношений и наконец влюбленности. Шаламов, при всей его суровости, угрюмости, закрытости был нами уважаемым человеком, чем-то все-таки притягивающим к себе, человеком, у которого искали внимания, разговора, признания. Пашки сторонились”.

Свой очерк я послал на отзыв еще одному старому колымчанину, подполковнику милиции в отставке Василию Ефимовичу Бакланову. В конце сороковых годов он, недавний офицер-фронтовик, служил оперуполномоченным на Левом берегу, хорошо знал Шаламова и многих интересующих меня сегодня людей. Известен весьма уважительный отзыв В.Т.Шаламова об о/у Бакланове: писатель выражал готовность свидетельствовать на любом суде, если бы такой состоялся, о его благородном поведении в те годы.

Прочитав этот очерк, Василий Ефимович писал:

“Начну с того, что Кривошей П.А. я помню наглядно, как будто портрет его стоит передо мной. Вы, кстати, метко его описали, толстая короткая шея, полный (правда, не коротконогий). Очки с толстыми стеклами, через которые никогда не разберешь выражение его глаз. Вроде бы, всегда смеющиеся, с увеличенными зрачками и в то же время прищуренные, как у японца — не поймешь, что он думает, как тебя оценивает.

Видел я его каждый день. Лаборатория, где он работал, находилась в одном коридоре с моим кабинетом, через две комнаты. Он всегда вежливо здоровался, с улыбкой, всем своим видом показывая, что готов тебя боготворить. На самом деле он был большим артистом, умело скрывающим свои мысли. Он не был секретным сотрудником, по крайней мере, у меня. Возможно, его где-то завербовали, но мне, как оперуполномоченному Центральной больницы, никаких материалов или сигналов об этом не поступало.

Мне кажется, он сам напрашивался на сотрудничество со мной, хотя открыто об этом не просил, конечно. Почему же я не пытался его завербовать? Он был мне несимпатичен. Возможно, интуиция подсказывала, что человек он хитрый, подловатый, не открыт душой. Это вытекало из бесед с ним. Он мог по собственной инициативе рассказать об интимных связях девочек из лаборатории, о начальнике лаборатории Матильде Алексеевне — мелкие сплетни, но характеризующие людей отрицательно.

Был ли он чей-либо агент (МВД), сомневаюсь. Слишком много упоминаний о его связях с начальником Райотдела МВД, даже с начальником УМВД по Дальстрою генералом Окуневым. Все эти упоминания не иначе, как мошеннические штучки, от которых он получал какую-либо выгоду. Как мошенник по натуре, в разговорах с начальством геологоразведки Дальстроя, чтобы втереться в доверие, он тонкими намеками мог сослаться на свои связи с Окуневым и другими работниками органов МВД.

Дело его я, конечно, читал, но, к сожалению, ничего не помню. О его побеге мне известно только то, что написано в приговоре.

Бежал ли он с Колымы с чьей-либо поддержкой? Думаю, что нет. Сам лез напролом. Он был хитер и опытен, как мошенник, поэтому знал, что никому довериться нельзя. Это мое личное мнение, я могу и ошибиться.

Два слова о сочинениях Шаламова. Я не могу говорить о его профессионализме, я не специалист, но читаются его рассказы легко и увлекательно, если не знаешь того, о чем он пишет, и тех, о ком он пишет. То, о чем он написал по Центральной больнице и о некоторых событиях, известных мне по времени и месту действия, во многом придумано и искажено. Участников

некоторых событий он делает героями, приписывая им достоинства, которых у них не было. Не знаю, может, так у писателей положено, но лично мне, хорошо знавшему людей, о которых он пишет, и события, о которых он пишет, приходит на ум вопрос – зачем так извращать, возвеличивая часто людей недостойных и перенося свою личную неприязнь (не хочу сказать, ненависть) на людей, добросовестно выполнявших свой долг?”.

Но вернемся к “Зеленому прокурору”.

У Шаламова Кривошей “аккуратно получал зачеты, как бы они ни были ничтожны (но не так уж они были и малы, если позволили нашему герою выйти на свободу почти на два года раньше срока. – А.Б.), и через несколько лет освобожден без права выезда с Колымы”. Последнее обстоятельство еще нуждается в проверке. Далее у Шаламова Кривошей прекрасно устроился в качестве инженера-химика на один из заводов и через неделю отправился на “ярмарку невест” в совхоз “Эльген”.

О том, как жадно караулили “женихи” женщин, освобождавшихся из эльгенского лагеря, есть немало воспоминаний бывших узниц, но и беллетрист Шаламов не мог обойтись без этой пикантной сцены. С Ангелиной Григорьевной шаламовский герой к этому времени уже расстался навсегда. Она – так в рассказе “Зеленый прокурор” – получила разрешение на выезд, как только Кривошей был арестован: “Измученная и нравственно, и физически, Ангелина Григорьевна покинула Колыму с первым же пароходом”.

С реальной З.Н. Дурилиной дело обстояло иначе. Она продолжала оставаться под стражей и после того, как Кривошей привезли в Магадан. Это зафиксировано в анкете, которую он заполнил 12 января 1942 года. Но к уголовной ответственности ее решили не привлекать. Не указана она даже в качестве свидетельницы в обвинительном заключении по делу Кривошея.

Здесь свидетелями названы лишь Гаврилов и Харламов. Но и этих свидетелей Военный трибунал при Дальстрое, рассмотрев 6 февраля в подготовительном заседании дело Кривошея, решил не допрашивать. Он определил заслушать дело при закрытых дверях, без участия сторон и без вызова свидетелей. Отчего такая секретность, спрашивается?

В очень скупом протоколе заседания Военного трибунала

от 11 февраля обозначен только один вопрос, прозвучавший после того, как подсудимый рассказал о своем преступлении: с кем Вы совершили побег?

“Подсудимый ответил. Побег я совершил один, со мной больше никого не было”.

Это можно понимать и в том смысле, что соучастников Кривошей не имел. А ведь они – скажу об этом еще раз – у Кривошея были. Невольные (или, точнее говоря, использованные втемную) – Пальман, Вронский, Серков, Зернов, Цареградский, Гаврилов, вот сколько людей способствовали его побегу. И, разумеется, притаившийся за их спинами Буров. И, может быть, кто-нибудь и повыше его. Были соучастники и совершенно очевидные – Дурилина и Харламов. Но дальстроевский трибунал даже их не хочет послушать.

Отчего же так? Очень заняты, много работы? Но едва ли в феврале 1942 года была у этой инстанции такая свирепая запарка. Не интересно было в подробностях эту историю рассматривать? Но такие побеги не каждый день случаются.

Так почему же не послушали? А потому что боялись. Стоило той же Дурилиной или Харламову дать показания, как их тут же, в зале суда, следовало брать под стражу. Ну так и взяли бы – и срок бы каждому дали, по десятке, статья о недоносительстве такую меру наказания предусматривает.

Или пожалели? Ну как Дурилину сажать – жена все-таки, она, конечно, не могла не помочь. А этот симпатичный Александр Александрович вообще замечательный человек, ранее ни в чем предосудительном замечен не был – разве можно ему судьбу ломать...

Только ерунда все это. Не был трибунал тороплив – это же военные, ответственные люди, они сколько надо, столько и будут заседать. И жалостливо-сентиментальным он тоже не был – это же военные, строгие люди, у них каждый преступник свое законное получит.

Просто этот трибунал все знал (или об очень многом догадывался). Знал, что побег Кривошея – заранее обдуманная и хорошо проведенная операция... НКВД. Господи, как я этого раньше не понял! То есть догадался, но не до конца. Да, это с самого начала была операция НКВД, только не буровского, не районного масштаба, а куда крупнее. И не к Цареградскому Кривошей подвели, а прицельно готовили эту “экспедицию”, чтобы

вывести Кривошею на Средне-Колымск – оттуда он сможет уйти (в НКВД порядок пользования тем почтовым трактом знали!) в центральные районы страны.

Зачем, для чего он будет нужен там – этого, может быть, и наш герой еще не знал. Но должен был этот ушлый человек для чего-то важного пригодиться. И, наверное, пригодился бы – но война...

Как версия цели операции. 1940-й год – это время все еще продолжавшейся бериевской “зачистки”, когда смотрели-пересматривали ежовское “наследство”: кого выпустить, кому срок, кому ВМН. А теперь давайте представим, что не все в том дальстроевском романе 1938-го года было высосанным из пальца. Представим, что были у нашего ушлого мошенника контакты с какими-то ответственными сотрудниками хозяйственных организаций и настоящими учеными, которым удалось пока уцелеть и которых, может быть, даже выпустили на свободу, но сомнительными они так и продолжали оставаться. Нужно было их просветить-проследить, и тогда бежавший с Колымы Кривошей – очень даже подходящий источник света, но война мешала.

Однако, нет – не годится. Война тут совершенно ни при чем – арестовали Кривошею за месяц до ее начала, когда “светить” предполагаемым образом ему еще ничего не мешало.

Но если Кривошей в том шпионском романе и впрямь не совсем вымышленное лицо, у него могли быть задания и покрупнее. Но только можно ли – хотя бы отчасти – результаты того злодейского следствия на веру принимать? Уж мне ли не знать, что были они, эти результаты, стопроцентной липой, сплошной фальсификацией – сотни дел через мои руки прошло. Но, может быть, все-таки не всегда и не во всем – фальсификацией? Может, в иных зернышко истины все-таки присутствовало?

Моей квалификации, видимо, все-таки не хватает, чтобы достоверно представить, что тут могло быть. Но допустить такую возможность, что Кривошею в чем-то собирались использовать, я могу. Собирались, но не смогли – сорвалось. Вот тут Кривошею, не только не скрывавшегося, а, может быть, на связи находившегося, пришлось взять и вернуть на место. И, естественно, к ответственности привлечь – чтобы все знали, что с Колымы убежать нельзя. Хотя он, можно сказать, патриоти-

ческий долг выполнял, лишениям себя подвергал... Но что поделаешь, если операция сорвалась. Теперь надо судить.

Дурилина, которой НКВД предложил покинуть Колыму именно потому, что Кривошей уходит (а другие пусть думают, что ее как подозрительную отсюда вытряхивают), полетела в Якутию, чтобы с ним проститься перед дорогой и о чем-то условиться. А Харламов, видимо, тоже участник операции, должен был дать Кривошею последние инструкции и проконтролировать его уход. Их-то, конечно, привлекать к ответственности было нельзя.

Нужно было спрятать концы, не раскапывать ничего лишнего, ни до чего не доискиваться – как Кривошей говорит, так и хорошо. И с ним, может быть, еще обойдется. Если правильно вести себя будет. И прежде всего, не болтать.

“Подсудимый Кривошей в последнем слове (это еще раз из протокола заседания Военного трибунала при Дальстрое. – А.Б.) сказал: “Я признаю, что совершил большое преступление, но заверяю В/трибунал, что этого больше никогда не повторится. Прошу смягчить меру наказания”.

А в подтексте: “Я для вас, ребята, работал, а вы меня сдали. Хрен я с вами буду еще дело иметь. Но вы все-таки не очень зверствуйте”.

Рассказ о “единственном случае” был уже завершен, когда я, перечитывая в который уже раз “Крутой маршрут” Евгении Гинзбург, встретил знакомую фамилию.

Магаданский исследователь М.С.Райзман назвал эту книгу “чрезвычайно многогеройной”. “Общее количество их, – пишет он в своей книге “Возвращенная литература”, – достигает почти шестисот, более четырехстам из них даются краткие, но емкие характеристики”. Видимо, этой “многогеройностью” и объясняется то, что один из таких четырехсот в этой книге – снабженный емкой характеристикой инженер Кривошей – ранее не привлек мое внимание. Этот человек появился в судьбе Е.С.Гинзбург и А.Я.Вальтера в конце 1951-го года – отбывший наказание бытовик, “ранее сидевший не то за растрату, не то за халатность”, вызывавший особенное доверие своей высокой гуманитарной образованностью, ревнивый библиоман, обладавший большим количеством антикварных книг.

“Помаленьку он стал у нас завсегдаем (...) Всем новый знакомый понравился. Все снисходительно смотрели на то, что

он оказался неистощимым говоруном. Ведь рассказы его были интересны. Было у него несколько отработанных устных новелл, которые он охотно, под общий веселый смех, повторял на бис. Коронным его номером среди этих новелл был так называемый “Монолог Уоллеса”.

Дружба с Кривошеем продолжалась весь 1952-й год, а на новый, 53-й, он подарил членам этой семьи книги: Евгении Семеновне – стихи Ахматовой, Антону Яковлевичу – медицинский учебник, их приемной дочери Тоне – отлично изданный сборник сказок Чуковского. Последний подарок оказался роковым – “(...) чтобы доставить Кривошее у удовольствие, – пишет Евгения Семеновна, – я тут же начала читать их вслух, перелистывая красивые лакированные страницы. И тут мы натолкнулись на “Тараканище”, которого, конечно, знали и прежде, но как-то не осмысливали. Я прочла: “Вот и стал Таракан победителем, и лесов и морей повелителем. Покорилися звери усатому, чтоб ему провалиться, проклятому...” И вдруг всех нас поразила вторая смысл стиха. Я засмеялась. Одновременно засмеялся и Антон. Зато Кривошей стал вдруг необычайно серьезен. Стекла его очков переблеснули рассыпчатыми искрами”.

Последствия затеянной Кривошеем провокации не замедлили сказаться: вскоре после новогоднего праздника, за организацию которого в детском саду Е.С. удостоилась благодарности в приказе, она без всякого объяснения причин была уволена с работы. Позднее появилось веское основание связать это увольнение с вышеописанным “неожиданным прочтением” сказки Корнея Чуковского. Был уволен с работы – видимо, тоже в связи с этой историей – врач А.Я.Вальтер. Супруги с тревогой ждали неизбежного, как им казалось, ареста, но... наступил март.

Далее на страницах книги инженер Кривошей не появляется, его имени и отчества Евгения Гинзбург так и не называет.

Мог ли Кривошей из “хроники” Евгении Гинзбург быть тем самым – Павлом Анисимовичем? Давайте взвесим вместе все “за” и “против”.

Наш герой освободился, напомним, в июне 1950-го года, так что к описываемым событиям уже полтора года находился на свободе. Наш герой тоже инженер, ранее осужденный как бы за “бытовое” преступление. Портрет “своего” Кривошея Е.С. Гинзбург не дает, но можно констатировать как совпадение наличие очков.

И шаламовский Кривошей, и тот же П.А. в воспоминаниях Ореховой (с отсылкой к А.З. Добровольскому), и Кривошей у Гинзбург весьма активно интересуются антиквариатом, прямо-таки специалисты в этом деле (в чем я, как помнит читатель, в отношении П.А. из архивно-следственного дела весьма сомневался). Только у Шаламова и Ореховой П.А. Кривошей интересуется антиквариатом художественным, у Гинзбург – книжным. Отличие вроде бы объяснимое: антиквариата художественного на Колыме не найдешь, а вот книги по-настоящему ценные сюда каким-то образом попадали, это я знаю не понаслышке.

Но мог ли тот, с левого берега, Кривошей перекалываться в знатока литературы, достоверно выдавать себя за потомственного петербуржца, каким он явлен у Гинзбург? И далее, если длить сомнения, обладал ли наш левобережный Кривошей тем красноречием, артистизмом даже, который присутствует в описаниях Гинзбург того, как исполнял ее Кривошей “монолог Уоллеса”?

(Замечу между прочим, что действительно посетивший в конце войны Колыму Генри Уоллес был не просто “американским путешественником”, как пишет Евгения Семеновна, а вице-президентом Соединенных Штатов, направлявшимся в Янань на встречу с Мао-Цзэдуном. О цели этой поездки Евгения Семеновна, естественно, знать не могла, но вот должность высокого американского гостя от магаданцев в то время не скрывалась – как же Е.С. это могла запомнить?).

Но обратил ли читатель внимание на то, что не очень похожи один на другой четыре портрета, написанные с одного и того же Кривошея, – шаламовский, баклановский, ореховский и мой Кривошей, воссозданный по материалам архивно-следственного дела? Не буду перечислять их отличия, отмечу лишь, что эти отличия неизбежны (они, кстати, проявляются каждый раз в показаниях свидетелей в любом следственном деле). А самые яркие портреты Кривошея принадлежат перу Шаламова и Гинзбург. Объясняется это, конечно, прежде всего тем, что писали эти портреты талантливые художники слова и, как производное оттого и столь же неизбежное – в этих портретах гораздо больше вымысла, чем в иных.

Таким вымыслом или, по крайней мере, преувеличением в описаниях Е.С. могут быть и высокие, под потолок, стеллажи в каморке Кривошея, уставленные ценнейшими изданиями, -

может быть, на самом деле книг было поменьше? Может быть, не столь велика была и эрудиция лжепетербуржца, и не столь покоряющ его артистизм – а превосходные степени в описаниях Е.С. лишь оправдания заведомой оплошности?

(А вот деталь, на которую Е.С., может быть, не обратила внимание: ведь и рассказ ее Кривошей о визите Уоллеса на Колыму, о той “потемкинской деревне”, которую выстроили для высокого гостя дальстроевские руководители, – это ведь провокация, немногим уступающая подсунутому “Тараканищу”. Дельце-то можно было соорудить и из этой истории, обвинив слушателей рассказа Кривошей в клевете на советскую исправительную систему, материала тут вполне хватало).

Отчего я занимаюсь всеми этими сравнениями-сопоставлениями? Оттого, прежде всего, что мне интересно, как жил наш реальный П.А.Кривошей после того, как и Шаламов, и я потеряли его след, то есть после 1950-го года. И еще потому, что если наш Кривошей – тот самый провокатор в “Крутом маршруте”, то подтверждаются мои предположения о его сотрудничестве с НКВД, а значит, и, возможно, то, что весь этот побег, этот единственный случай, был заранее и с дальним прицелом подстроен, во что не верит В.Е.Бакланов, чьим мнением я, естественно, очень дорожу. Но вдруг прав все-таки я, а не он, профессиональный сыщик?

Читатель может принять за несоответствие масштаб Кривошей-агента образца 1940-го года, бежавшего с Колымы с каким-то специальным заданием, и уровень той провокации, которую устраивает Кривошей в доме у Гинзбург, – много ли, действительно, чести подвести еще раз под статью двух (или сколько там получится?) бывших каэров?..

Задание как будто и заурядное, но посмотрите, сколько усилий должен был затратить на его выполнение тот реальный Кривошей, каким мастерством обладать, какую подготовку провести – он, с его стартовым капиталом выпускника провинциального индустриального техникума! Что ни говорите, а класс тут чувствуется (если это действительно одно и то же лицо). Да и дело можно было раскрутить очень даже заметное. Это ведь в начале, для зацепки, – клевета на советскую исправительную систему, оскорбление руководителя партии и правительства (называть имя Сталина в таком контексте было кощунством), а дальше...

Старший лейтенант ГБ Фрумсон и майор Логинов, начальник отдела контрразведки УВД на СДС (он же СМЕРШ), свое дело знали. Это они тремя годами раньше, в 1949 году, так успешно повели охоту на “агента” американской разведки Лихачеву З.А., что в итоге сложили очень даже убедительную историю про антисоветский литературный салон в Магадане, через который прошли многие известные представители творческой интеллигенции, а его хозяйки З.А.Лихачева и В.Ю.Гольдовская вместе с мужьями оказались на скамье подсудимых. Был и в этом деле, как водится, свой провокатор. Нет, магаданские смершевцы не даром свой хлеб ели, но и без сексотов им, естественно, было не обойтись.

И, наконец, последний вопрос-возражение: а был ли мальчик? а если был, то как его звали? То есть, допустим, что провокатор был и сказку Чуковского он подарил, но где гарантия, что Е.С.Гинзбург назвала его подлинную фамилию? А может, на самом деле он был вовсе не Кривошей, а Черноног или вовсе Петров?

Может быть. Гарантий у меня, разумеется, нет – ни для шестисот приведенных Е.С. в ее книге фамилий, ни даже для четырехсот – “с емкими характеристиками”. Но давно уже заинтересовавшись этой книгой на предмет ее достоверности, я пока что неизменно находил тому подтверждение. Встречались отдельные неточности, проявления предвзятости (в рассказе о первом, казанском, деле, о пребывании в больнице на Беличьей, в рассказе о преподавательской деятельности, учениках и учителях магаданских школ – о последнем писал в своей книге М.С.Райзман). Но “прозвонив”, то есть найдя соответствующие документы и ознакомившись с судьбами немалого числа названных Евгенией Гинзбург людей, главным образом ее спутниц по “крутому маршруту”, я в каждом случае убеждался, что все тут (или почти все) совершенно точно. Не без беллетристики, конечно, но ведь эта книга не только автобиографическая, это еще и произведение художественное, однако откровенной выдумки в ней я пока не обнаружил. Оттого склонен думать, что и фамилия Кривошей в ней подлинная.

Баянистка с острова Айон

Несколько лет я не решался прикоснуться к этой теме. Хотя она никогда и не оставляла меня – с того момента, как я узнал, что дочь печально известного наркома внутренних дел Н.И. Ежова живет где-то недалеко от Магадана. Первые сведения, со ссылкой на работницу библиотеки пос. Певек, были едва ли не легендарными, да и фамилия называлась неуверенно. Потом случайно встретился сотрудник Магаданского УКГБ, к которому Н.Н. якобы приходила лет пятнадцать назад в том же Певеке посоветоваться: не помешает ли ее дочери, учившейся тогда, кажется (я сейчас уже не очень твердо помню рассказ майора), в каком-то торгово-кулинарном училище во Владивостоке, не помешает ли девушке по имени Женя ходить в заграницы то обстоятельство, что у нее такой вот дедушка. Майор, а тогда, наверное, капитан или даже старший лейтенант, сказал, что у него никакого компромата ни на нее, ни на ее дочь нет. Он-то фамилию Н.Н. запомнил правильно.

Далее было несложно – через адресное бюро установить, где живет Н.Н. И бывая в том самом поселке по разным съемочным делам Магаданского телевидения, я не раз думал: а что если сейчас завернуть к ней? что она скажет? спрячется, выставит за дверь или все-таки согласится поговорить?

Профессиональной смелости мне бы хватило (больше всего я не любил эту профессию за присвоенное ею право вламываться в чужие жизни – но что поделаешь, если для работы это необходимо?) – останавливало другое: не повредит ли мой визит Н.Н.? не будет ли он способствовать огласке ее проживания именно в этом поселке? Ведь наверняка Н.Н. не афиширует свои семейные связи с Н.И.Ежовым по соображениям собственной безопасности. И живет она здесь под другой фамилией.

Между тем московский журнал “Русская виза” в 1993 году опубликовал очерк “Дочь наркома”. Его автор, Геннадий Жаворонков, основываясь, прежде всего, на дневниках Н.Н., пусть фрагментарно, но впервые, не таясь представил парадоксальную, нелегкую, трагическую судьбу этой женщины.

Там было и безмятежное, счастливейшее детство, оборвавшееся в 1938 году, когда героине было лишь шесть лет (или около того – точную дату своего рождения, равно как и настоящих родителей, Н.Н. не знает: супруги Ежовы взяли ее совсем

маленькой из детского дома), и следовавшее затем новое, куда более жестокое, потому что было уже осознанным сиротство – детские дома, ремесленное училище, и как счастье превеликое – поступление в музыкальное училище...

Счастлирое детство. Наталия на руках у приемной матери

Фотография Н.И. Ежова и по сей день в семейном альбоме Н.Н. Хаютиной

После его окончания (по классу баяна) Н.Н. в 1958 году вполне добровольно оказалась на Колыме – сама себя сослала, спряталась вместе с казалась бы тайной своего детства (а с портретом Н.И.Ежова, вырезанным из какого-то издания прежних лет, не расставалась, пока не отбирали, а потом искала и находила еще один) сначала в Ягодном, потом на прииске им. Горького. Судьба не раз жестоко билась ее, отбрасывала снова на материк и возвращала на Север, теперь уже на Чукотку: Айон, Валькумей, Певек...

Во всех этих превратностях можно было бы и усомниться – не придумано ли? Но вот Г. Жаворонков называет человека,

который вызвал Н.Н. в свой кабинет чуть ли не на другой день после ее приезда в Ягодное – подполковник Жалков. Чекист Жалков – фигура на Колыме известная: это он десятью годами раньше оформлял здесь на вечное поселение вышедшего из лагеря австрийского шпиона Петера Деманта, ныне живущего в Москве литератора, автора книги “Зекамерон XX века”, а за год до встречи с Н.Н., в 57-м, неукротимый подполковник оформил дела первых колымских диссидентов (или последних контрреволюционеров?): в Магадане и Ягодном были арестованы художник Яков Высоцкий (тот самый Яков Антонович, который будет работать впоследствии на магаданской телестудии – боксер, отец знаменитого Игоря Высоцкого) и киносценарист, колымский сиделец по приговорам 1937 и 1944 годов Аркадий Добровольский. Они обвинялись в антисоветской пропаганде.

Наверное, это было последнее чекистское деяние подполковника, потому что уже осужденному по этому делу Добровольскому удалось с освобожденным украинцем-западником передать весточку о своей судьбе в Киев – поэту Максиму Рыльскому, а тот, пользуясь своим высоким статусом депутата Верховного Совета СССР, нашел возможность рассказать о ягоднинском деле самому Н.С.Хрущеву. Последовала команда разобраться, дело было прекращено, а его инициаторы, по слухам, поплатились своими должностями.

О знакомстве с Н.Н. мне рассказала летом 1996 года и ветеран Севера, бывшая заведующая клубом прииска им. Горького В.А.Козина – в этом учреждении Н.Н. работала музыкальным руководителем. Но и после этого подтверждения я все еще не считал себя вправе что-то писать о судьбе дочери сталинского наркома.

В этом смысле мне буквально развязала руки самая недавняя (в № 4 за 1998 год) публикация “Реабilitируют ли Ежова?” в ежемесячнике “Совершенно секретно”, потому что не этому – отчасти риторическому – вопросу она посвящена, а судьбе Н.Н. – Наталии Николаевны Хаютиной, и сообщает о ней такие сведения, что узнают ее, учитывая популярность издания, и на нашей колымской земле – многие. Да и как не узнать, если публикацию предваряет коллаж, на котором – на переднем плане – Н.Н. собственной персоной, снимок, видимо, совсем свежий.

Из того, что я уже рассказал, по-моему, совершенно явст-

венно следует, что Н.Н. не очень и берегла свое “инкогнито” – знали ведь о ее родословной и в Певекской районной библиотеке, знала В.А.Козина и, наверное, еще какие-то люди на прииске, знал и тот майор, к которому она обращалась – сама! – с вопросом о будущей работе дочери. Да и публикации в столичных изданиях в 93-м и 98-м годах, конечно, не обошлись без ее участия. Да, не особенно она береглась, хотя, вероятно, некоторые опасения всю жизнь испытывала.

Но ее-то в чем и кто мог винить? Только в том, что она дочь Ежова. И мстить за это? Но такая месть бессмысленна хотя бы потому, что ни “ежовщина”, ни “ежовые рукавицы” не были придуманы носителем этой фамилии – конкретный Николай Иванович был лишь проводником и исполнителем (пускай и ревностным) политики и приказов сталинского руководства. Достаточно вспомнить, что вся самая страшная репрессивная практика августа 1937 – октября 1938 годов была начата и остановлена после соответствующих постановлений Политбюро ВКП(б). Вина наркома Ежова как исполнителя этих постановлений громадна (но судили его и расстреляли совсем по другим обвинениям, что дает, в принципе, возможность говорить о его реабилитации), но не было бы Ежова, был бы Медведев, Волков или Лисицын: подвластная политическому руководству страны репрессивная машина сработала бы так же или почти так же. На то она и машина.

Мог ли найтись какой-либо оголтелый фанатик, который покусился бы на то, чтобы отомстить дочери Ежова?

Цитата из очерка Эрика Шура “Реабilitируют ли Ежова?”: “В Тахтагемске она общалась с двумя бывшими заключенными. Бывшего политзека боялась, а бывшему полицая могла бы и рассказать при отца. Ей казалось, что политзек, узнав, мог бы и убить. Ведь убили же старика, работавшего недалеко от Магадана на шлагбауме: через несколько десятилетий его нашел человек, у которого старик вырезал во время войны семью”. Но это “ведь” не имеет к личности Н.Н. никакого отношения, потому что в приведенном случае месть была обращена на убийцу – бандита ли, националиста, бог несть. А она, приемная дочь Н.И. Ежова, разве кого-то убила? Кому-то причинила зло?

Не за что, я думаю, ей было мстить, хотя... Но в такой же степени любой из нас может пострадать от сумасшедшего, засевшего с автоматом у открытого окна. И то, что за сорок лет

жизни на Колыме и Чукотке ничего с Н.Н. не случилось, только подтверждает эту мысль.

И еще одно суждение-опасение, высказанное в указанных публикациях о дочери Ежова, вызывает у меня сомнение: это о постоянном надзоре за ней со стороны органов госбезопасности. Документальных данных у меня на этот счет, разумеется, нет – одни сомнения. И прежде всего такого вот свойства: а зачем этим самым органам нужно было наблюдать за Н.Н., с какой целью? Чтобы не допустить со стороны Н.Н. какой-либо опасной для государства деятельности? Но такую и предположить было нельзя. Чтобы охранять ее и не допустить, в случае чего, расправы над ней? Да помилуй бог, ГБ ли этим заниматься? За какие заслуги ее охранять? Или ГБ сама собиралась поучаствовать в расправе над Н.Н.? И за что опять-таки? Или уж такие записные злодеи в той организации работали, что им и бессмысленное зверство в охотку?

Не будучи, естественно, посвященным в секреты той организации, я думаю, что если она и имела сведения о пребывании Н.Н. на обслуживаемой территории, то относилась к этому факту вполне спокойно: живет, ну и бог с ней, а нам-то что?.. Тем более что кого только в те пятидесятые и даже шестидесятые тут не было, и родственники Троцкого и Рыкова, например, не являлись самыми таинственными и загадочными в ряду этих фигур. Ну а распахнутые объятия подполковника Жалкова, которыми он встретил Н.Н. в Ягодном, могли быть лишь его личными телодвижениями.

Мне даже показалось, что в тот момент, когда я исподволь начал копить сведения о Н.Н., наша местная ГБ, если она раньше и знала о ее существовании, успела о ней основательно забыть. Впрочем, какое это сегодня уже имеет значение...

А что же имеет? А то, что живет на Севере человек с такой вот изломанной судьбой (чем, впрочем, Север в былые годы и удивить было трудно), живет, с малыми перерывами, уже сорок лет на земле, которая со временем сделалась для него родной. Живет и служит этой земле – слагает о ней песни, пишет стихи.

В 1997 году, попечением областного и районного органов культуры, у Н.Н. вышла книжка «Музыка - святое вдохновенье». В ней, среди текстов, искренних и не очень умелых, лирических, патриотических, притаилось стихотворение, которое мне хочется привести целиком:

“Музыка - святое вдохновенье”. Фото Расула Месягутова

Боже, скажи мне, Боже! –
Я больше терпеть не могу, –
Скажи мне, за что же, за что же
Мою искалечил судьбу?
Я, правда, в церквях не молилась –
Прости Ты мне грех этот мой.
Я мысленно только просила,
Чтоб дал мне хоть мнимый покой.
Ну сжаляся, прошу Тебя, Боже!
Прости хоть немного меня.
На сорванный лист я похожа...
А жить так, поверь мне, нельзя.

Но жить все-таки надо, как это ни трудно.

Я увидел в областной библиотеке им. А. С. Пушкина стопку этих книжек с фамилией Н.Н. на обложке и, не веря своим глазам, спросил:

– Это можно купить?

Оказалось, что можно и даже нужно: библиотека взяла на себя миссию их распространить, чтобы помочь тем самым автору – энтузиасту художественной самодеятельности, бабушке четырех внуков, живущей на скромную пенсию бывшего работника культуры.

Человек, построивший мост

О нем, Вадиме Григорьевиче Стародубцеве, действительно можно так сказать, хотя на самом деле он отнюдь не мостостроитель, никакого участия в сооружении таких вот объектов не принимал. Но сама его судьба, судьба человека, доставленного на Колыму летом 1938 года в качестве заключенного, человека, вдоволь хлебнувшего из бездонной чаши бед и унижений, но сумевшего встать выше их и доказать – своим трудом, своим талантом – высокую ценность свободной человеческой личности, сама судьба этого человека – незримый мост из трагического прошлого в наши пусть и нелегкие, но все-таки счастливые дни. И я считаю совершенно закономерным то, что

рассказ именно об этом человеке завершает мою книгу, ибо из всех составляющих нашей уже долгой колымской истории – горечи потерь и километров построенных дорог, тяжести подневольного труда и тонн намытого по крупницам золота, разоренных связей с прошлым и уходящих в глубь вечной мерзлоты стволы шахт – я выделил бы прежде всего созидание. Созидание, которое было, есть и всегда будет на этой земле. А Человек, Построивший Мост, – Созидатель. Вот так – с большой буквы. Но есть у меня и еще один, прозаический, информационный, как говорят коллеги-журналисты, повод (но и он не без драматизма тоже): в магазин “Знание” посту-

Обложка книги. Художник В.Мяков

пила новая книга. Она называется “Люди, годы, Колыма”. И я спешу рассказать о ней и ее авторе – Вадиме Григорьевиче Стародубцеве.

Он родился в декабре 1911 года (а это значит, что скоро моему герою исполнится 90!). И вся его долгая жизнь была наполнена трудом. С 14 лет он работал в шахтах Донбасса – лам-

поносом, крепильщиком, электриком. Учился на рабфаке Днепропетровского горного института. После призыва в Красную Армию окончил Киевское бронетанковое училище. В 1934 году танковая бригада, в которой он служил, была передислоцирована с Украины на Дальний Восток.

Осенью 1937 года 26-летний лейтенант Стародубцев был арестован. Обвинение строилось по расстрельному пункту 16 статьи 58 УК РСФСР – измена родине, совершенная военнослужащим. Стойкость, проявленная обвиняемым, заставила следствие отступить: обвинение было перепредъявлено, теперь уже по менее грозному пункту 10 той же статьи. В декабре 1937

В.Г. Стародубцев. Фото 1957 года

года Стародубцев был осужден на восемь лет лишения свободы. Но он продолжал бороться – теперь уже с несправедливым приговором Военного трибунала. Весной 1938 года Верховный суд СССР своим определением сокращает ему меру наказания до трех лет.

И это – тоже победа, пусть не полная, не окончательная (такое случится через двадцать лет – в апреле 1957 года Пленум Верховного суда СССР отменит все ранее принятые решения по его делу и признает его полностью невиновным).

Но три года – это все-таки не восемь. А осужденному еще нет и тридцати, он здоров, его не сломали пытки и моральные унижения, он еще поборется за свою жизнь, за справедливость.

В компании таких же бывших военнослужащих он следует на Колыму. Путешествие было чрезвычайно долгим, с заходом на Камчатку, а потому и особо тяжким.

“После 15-суточного плавания пароход “Дальстрой”, – вспоминает он в своей книге, – причалил к пирсу порта Нагаево. Началась выгрузка из трюмов около восьми тысяч заключенных, доставленных этим рейсом. Увиденная на пирсе картина и сейчас стоит перед глазами: отвесная сопка, стекающая с нее вода – и лежащие кругом люди, пьющие воду из кюветов и луж под ногами. До прибытия парохода в бухту Нагаева его пассажирам трое суток совершенно не выдавали воды и никакой пищи. Попытки конвоя построить заключенных в колонну, несмотря на команды, стрельбу, рычание многочисленных овчарок, избивение прикладами лежащих и пьющих из луж грязную воду не увенчались успехом, и только когда была утолена жажда, начали люди постепенно подниматься с земли и строиться в колонну”.

Потом был печально знаменитый “Мальдяк”. Здесь бывшему танкисту и умелому шоферу (все-таки первый класс!) удалось получить работу водителя и ценой старательного отно-

Прииск “Мальдяк”. Тракторный след со стороны сопки “Три богатыря”. 1952 год Здесь и далее фотографии из архива В. Г. Стародубцева

шения к ней, сверхплановыми рейсами в труднейших условиях закрепить за рулем. А чего это стоило! Вспоминая спустя много лет свою первую колымскую зиму, Вадим Григорьевич писал: “... сильно поредели и шоферские кадры, так как работа в тех условиях и для шоферов была такой же каторжной, как и на горных полигонах.

Если на последних в морозы ниже 50 градусов дни активировались, то на шоферов это не распространялось. В рейс отправ-

ляли – часто и с помощью мордобоя, угрозы отдать под суд за контрреволюционный саботаж и даже на неисправных и без тормозов автомашинах – и в 60–65 градусов. Сколько их, шоферов-бедолаг, замерзших у неисправных автомашин, угоревших в кабинках, покоится в колымской земле? Тоже не десяток и не сотня”.

Прииск “Мальдяк”. Сражение в домино - разрядка после вечернего селекторного совещания. Крайний справа - В. Г. Стародубцев. 1952 год

Футбольная команда прииска “Мальдяк”. Слева направо: председатель прииска Н.П.Иванов, начальник прииска В.Г.Стародубцев. Крайний справа - тренер команды Е.З.Архангельский. 1953 год

Приказом тогдашнего начальника Западного горно-промышленного управления М.С.Краснова, прибывшего на Колыму еще в мае 1931 года, за полгода до организации Дальстроя, В.Г.Стародубцев был назначен на должность старшего механика ходового парка ЗГПУ. А в августе 1940-го и для него “прозвенел звонок” – кончился назначенный срок наказания, он вышел на свободу, но с поражением в правах на два года и временным паспортом, который существенно ограничивал выбор места для дальнейшего проживания.

Вадим Стародубцев остался на Колыме, на той же автобазе, только отказался от административной должности и снова сел за руль. “Буквально через несколько дней, будучи в рейсе Сусуман – Магадан – Сусуман, – я снова обращаюсь к его воспоминаниям, – на фабрике-кухне – стояла такая на пересечении Колымского шоссе с ул. Пролетарской, на месте нынешней гостиницы “Магадан” – встретил родного брата Игоря. Он, отслужив срочную службу в одной из частей на Дальнем Востоке, заключил договор с Дальстроем, работал шофером в автобазе № 3 УАТа в поселке Спорном”.

Братья начинают работать на одной автобазе, на одной машине. И таким вот “спаренным экипажем” добиваются очень высоких производственных показателей. Об их успехах пишут “Советская Колыма” и газета “Стахановец”, орган политотдела ЗГПУ.

Вдвоем они пришли с заявлениями и в райвоенкомат через несколько дней после начала войны. Игорь получил разрешение и был призван, а Вадиму отказали: начальник ЗГПУ, бывший начальник прииска “Мальдяк” Ф.В.Нагорнов (грозный Царь Федор) не дал согласия “разбронировать” шофера-стахановца. “...Да и изложенное выше, – вспоминал В.Г.Стародубцев, – в смысле моей “гражданской неполноценности” сыграло в этой ситуации определенную роль. Отказ в отправке на фронт я воспринял очень болезненно – ведь я же командир Красной Армии, пусть и бывший! Расставание с братом было тяжелым – обнялись, расцеловались и сказали друг другу не “до свидания”, а “прощай”...”

А мне и многим другим предстояло “ковать победу” здесь, в валютном цехе страны. Теперь я работал на автомашине один, заменяя и брата, ушедшего на фронт, и “того парня”, выполняя

месячные нормы на 400-470 процентов, отрабатывая только за рулем по 480-500 часов в месяц”.

Были среди этих рейсов поистине исторические, не рейсы, а целые экспедиции, навсегда врезавшиеся в память. К началу 1942 года геологами было разведано новое месторождение касситерита (а нужно ли говорить, как необходимо было стране в это время олово – не меньше, чем золото!), и на его базе было решено открыть первый в ЗГПУ оловянный прииск “Дарпир”. Прииску было суждено возникнуть в совершенно необжитом месте, в 350 километрах от Сусумана, за высоким перевалом, где и в июне пурги были обычным явлением.

Стародубцев возглавил колонну из двадцати машин, которой была поставлена задача доставить через этот самый перевал грузы, приготовленные для прииска: в феврале, марте, апреле, когда дул в тех местах ураганный ветер, немедленно заметая пробитый трактором след... К 15 мая 1942 года задание было выполнено. Обратным рейсом колонна доставила полторы сотни тонн первого, добытого еще геологами полевой партии касситерита – дорогой подарок фронту!

Еще одну героическую экспедицию Стародубцев возглавил, уже став начальником автобазы (неожиданное назначение произошло через год, в апреле 1943 года) – в сентябре 1944 года он повел колонну из пятидесяти новеньких “студебеккеров” по только что проложенному, но еще далекому от совершенства 700-километровому “проезду” от Кадыкчана до Хандыги: новая американская техника, которую в то время стал получать Дальстрой, требовала бензина (напомню, что почти весь грузовой транспорт Дальстроя из-за дефицита горючего еще в начале войны был переоборудован под “чурочное” топливо), а он доставлялся Северным морским путем, в обход возможной японской блокады порта Нагаево, через Тикси по Лене и Алдану.

Путь был настолько сложным, что колонна из мощных грузовиков (а двадцать из них были с тремя ведущими мостами) с подлинными асами водителями за рулем пробивалась до Хандыги 28 суток! Пробилась. Тем, кто шел следом (а только колонны автобазы ЗГПУ преодолели его еще десять раз), было уже легче.

“Указанная дорога, – вспоминал с горечью Стародубцев, – конечно, сыграла определенную роль, но, поскольку Япония

так и не решилась вступить в войну с СССР, а морские коммуникации продолжали действовать, теперь усиленно охраняемые эсминцами ТОФ, ее роль становилась все менее значительной.

С каждым годом она приходила во все большее запустение, а какая цена за нее была заплачена!.. Сколько тысяч человек полегло в эту землю? Какой невосполнимый вред был нанесен природе на всем протяжении трассы? Об этом не рассказать. Это нужно хотя бы раз увидеть”.

Еще более неожиданным, чем назначение на должность начальника автобазы, стал приказ (без всякого предварительного “собеседования” с виновником), согласно которому Стародубцев стал в марте 1948 года начальником прииска. Там, на автобазе, хотя должность была номенклатурная (майорская, по УСВИТловским раскладам, а он – лишенный по приговору Военного трибунала звания лейтенант, из партии исключенный и еще не реабилитированный, конечно), но по специальности – бывший танкист, “транспортник чистых кровей”. А здесь и должность полковничья (по той же номенклатуре УСВИТЛа), и, главное, производство горное, в котором Стародубцев отнюдь не специалист...

Но приказы в то время не обсуждались.

“– А какой я горняк? – спросил (это я снова цитирую книгу “Люди, годы, Колыма”) опешившего от нового назначения Стародубцева новый начальник ЗГПУ генерал С.И.Шемена. – Всю свою жизнь я энкавэдэшник. Думаете, не упирался, когда получил приказ возглавить горное управление? Заставили. Так вот, на прииске есть все необходимые кадры специалистов, а вам приказано руководить. И особенно запомните, что вы теперь и начальник лагеря”.

Первым прииском, который возглавил В.Г.Стародубцев, был “Беличан”. Затем в мае 1951 года прииск им. 25 лет Октября. В октябре следующего года – прииск “Мальдяк”. В марте 1957 года, после окончания курсов повышения квалификации руководящих кадров горной промышленности, В.Г.Стародубцев был направлен директором прииска им. Фрунзе...

Ему пришлось быть руководителем горных предприятий в нелегкий (впрочем, а когда он был легким?), переломный период существования Дальстроя. В силу этого на каждом новом предприятии его поджидала совершенно иная ситуация, иные проблемы, иным был даже “основной контингент”...

Если на “Беличане” он состоял из значительного числа лагерников, осужденных за уголовные преступления, плюс к/р – “тяжеловесы”, получившие значительные сроки еще в конце тридцатых, плюс недавно прибывшие “бандеровцы”, то на отдаленном прииске им. 25 лет Октября лагерников как таковых вообще не было (как не было и самого лагеря) – контингент состоял из спецпоселенцев, бывших советских военнопленных, прошедших через фильтрационные лагеря Урала и Сибири, но не осужденных никаким судебным органом, а придержанных таким вот образом на продолжительный срок. Третья разновидность – “спецконтингент”, с которым Стародубцев познакомился на “Мальдяке”: бывшие рабочие и служащие уранового предприятия “Челябинск-40”, по какой-то не совсем ясной и в наши дни причине упрятанные на трехлетний срок (он был определен с самого начала) на Колыму – но отнюдь не заключенные, они были доставлены сюда даже с семьями и жили не по лагерному распорядку.

Два сына и еще одна “Победа” (на колесах). Прииск им. Фрунзе. 1958 год

И, наконец, на прииске им. Фрунзе директор Стародубцев работал уже с вольнонаемным коллективом, успеху которого в какой-то степени способствовала одна из первых на Колыме (если не самая первая) старательская артель знаменитого впоследствии председателя и предпринимателя В.И.Туманова.

Своеобразие контингента разных предприятий порождало и специфику задач, которые решал в том или ином месте его руководитель. На “Мальдяке”, в частности, много внимания пришлось уделять жилищной проблеме (но так и не решенной, с горечью замечает автор книги “Люди, годы, Колыма”), проблемам детского питания, организации досуга (футбольная команда, которую возглавил бывший игрок московского “Спартак”, уступила лишь команде Магадана)...

Но главной, естественно, оставалась задача выполнить и перевыполнить план.

Прииски, которые возглавлял В.Г.Стародубцев – а некоторые из них он получал в весьма убогом состоянии, – эту задачу неизменно решали, завоевывали почетные места в нештучном тогда социалистическом соревновании, получали премии руководства Дальстроя... И в каждой такой победе велик был вклад первого руководителя этого предприятия. Описания того, как достигались эти победы, читаешь не только с гордостью за их организатора, но и с горечью за его собственную судьбу – ему бы, если бы не подрезали крылья в молодые годы этим приговором, этой неволей, клеймом бывшего лагерника, ему бы, несомненно, удалось сделать гораздо больше. Но не пришлось.

Судьба сталкивала моего героя с сотнями, тысячами людей с такой же, как и у него, судьбой. О некоторых из них он с болью и сочувствием рассказал на страницах своей книги. Заслуживают внимания и портреты коллег Стародубцева, начальников приисков, руководителей отделов и служб управлений – о них, принявших на свои плечи огромный груз ответственности за Строительство Дальнего Севера, мы знаем и сейчас до обидного мало. В воспоминаниях бывших заключенных эти люди почти не присутствуют (разве что те из них, что славились своим зверством), а сами они воспоминаний предпочитали не писать (и книга Стародубцева в этом плане – редкое исключение).

Весьма своеобразно представлен у Стародубцева многолетний владыка вся Колымы И.Ф.Никишов. Ничуть не обеляя личность этого властного генерала и не оправдывая его грубый стиль управления, мой герой не отказывает бывшему пограничнику в дотошном знании горного дела, деловитости и компетентности, с которыми он решал ответственные задачи, хотя самодуrom при этом оставался отменным.

С куда большим уважением В.Г. Стародубцев пишет о руководителях Дальстроя, пришедших на смену Никишову: Петренко и Чугуеве. А вот с более поздним, совнархозовским и партийным руководством территории отношения В.Г. в силу целого ряда причин, видимо, не сложились. По этой причине конец своей северной эпопеи Стародубцев провел на предприятиях Якутии – с 1963 по 1969 год работал директором Алданской автобазы, зам. директора, а потом и директором Эге-Хайского горно-обогачительного комбината.

На память о десятилетиях верной службы Северо-Востоку как моральный итог остались значок “Победитель социалистического соревнования” и единственная медаль.

Он переселился в теплый Таганрог, когда ему было уже под шестьдесят, – по семейным обстоятельствам (в связи с тяжелой болезнью жены). Но и здесь не сидел без дела – еще почти десять лет проработал завгаром в Таганрогском отделении Госбанка, выступил инициатором всесоюзного соревнования за экономию горюче-смазочных материалов. В связи с ухудшением зрения перешел на работу слесарем и резчиком металла в опытный цех научно-исследовательского института и здесь в течение нескольких лет был стахановцем-многостаночником и рационализатором. На “заслуженный отдых” ушел лишь в восемьдесят лет.

“Связь с Колымой я не порываю, – писал Вадим Григорьевич в июле 1997 года своему другу еще по колымскому прииску “Беличан” Анатолию Пономареву. – Знаю, что там сейчас происходит... Прислали мне из Сусумана красочный альбом пейзажей и производственных объектов района. Периодически печатает мои статьи “Магаданская правда”, а неделю тому назад я получил извещение, что та рукопись, которую ты прочел, может быть принята Магаданским областным книжным издательством для серии “Особый остров”. Остается жить с тем, чтобы увидеть эту книгу воочию, в которой моя, твоя и наших коллег-собратьев судьбы”.

Ну вот книга и вышла, Вадим Григорьевич. Правда, не в Магаданском книжном издательстве, которое теперь уже окончательно развалилось, а попечением ОАО “Магаданская группа” и его генерального директора А.В. Урсалова. Скажем всей “Магаданской группе” и отдельно Антону Владимировичу слова бла-

годарности. И еще одна благодарность – работникам Магаданской областной типографии и заведующей ее производственным отделом В.С. Гузь.

Я нанизываю эти строки, словно оттягиваю минуту прощания. За те пять лет, что прошли с момента, когда автор этой книги прислал в издательство ее рукопись (а так получилось, что в 1997-м я вернулся на несколько месяцев в некогда родное учреждение), за эти пять последних долгих лет я привык к его письмам, телефонным звонкам. Мы оба верили, что эта книга выйдет. Но Вадим Григорьевич верил гораздо больше меня и не уставал бороться и искать – бороться за возможность рассказать то, что задумал, и искать поддержку в этой своей борьбе. Теперь мы знаем, что он ее нашел.

Поздравим и с этой победой ветерана Севера накануне его 90-летия.

P.S. Этот очерк был опубликован в “Магаданской правде” в ноябре 2001 года. На новый, 2002-й, я получил от Вадима Григорьевича традиционную открытку. Спустя несколько месяцев опять написал в Таганрог – спрашивал об одном из заключенных, работавшем на автобазе ЗГПУ, не помнит ли В.Г. его?.. И получил известие от соседки до дому В.Г. Чуриковой: “(...) наш добрый знакомый Вадим Григорьевич Стародубцев умер и похоронен 24 марта 2002 года”.

Может быть, он был последним из тех, кого привел на Колыму трагический 1937 год.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>До встречи в свободной стране... А. И. Широков</i>	<i>3</i>
Колымская трасса - Магадана душа?	19
Агент номер 217	37
Абрам - герой Севера	57
Заговор в бухте Амбарчик	66
Остался один Ворошилов...	91
Наше несокрушимое прошлое	126
Неизбежность страшного мира	186
Старый колымский след	239
«За нами придут корабли...»	266
Как погиб советский «Титаник»	367
Безумный марш под знаменем Ленина	383
Кто хозяин в тундре?..	442
Побег 12-ти каторжников	454
Единственный случай	541
Баянистка с острова Айон	620
Человек, построивший мост	627

АЛЕКСАНДР БИРЮКОВ

«КОЛЫМСКИЕ ИСТОРИИ»

ОСОБЫЙ ОСТРОВ

Выпуск 8

Редактор **А. М. Бирюков**
Технический редактор **В. С. Гузь**
Корректор **Л. В. Иванова**
Компьютерный набор **Д. Еншаков**
Верстка **В. Н. Бобылева**

Подписано в печать 07.07.2003 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37.0. Тираж 300 экз. Заказ 617
Отпечатано в ОАО «МАОБТИ», Магадан, пл. Горького, 9.